

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Андреев, В. В.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЛАСТИ

ВЪ

РОССИИ

ПОСЛѢ ПЕТРА I

В. Андреева

ИЗДАНИЕ 2-ое, ДОПОЛНЕННОЕ

ПЕТЕРБУРГЪ

1871

сторонны историческій матеріалъ добытъ изъ русскихъ источниковъ такъ увеличился въ объемѣ въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ, что сводъ данныхъ извлеченныхъ изъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій и документовъ уже могъ принять видъ исторической монографіи. „Представители власти въ Россіи послѣ Петра I“ — первый опытъ подобнаго свода.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Во второму изданію.

Печатавъ второе изданіе своего труда лишь годъ спустя по появленіи перваго, авторъ не предвидѣлъ сначала, что необходимы въ каждомъ новомъ изданіи дополненія окажутся столь многочисленными, что должны будутъ почти удвоить объемъ сочиненія.

По этому авторъ счелъ за лучшее не касаясь новаго, все болѣе нарастающаго — при современной дѣятельной разработкѣ русской исторіи — матеріала, ограничиться въ текстѣ своего труда лишь немногими дополненіями и помѣщеніемъ четырехъ уже напечатанныхъ прежде въ повременныхъ изданіяхъ статей въ “Приложеніи,” оставивъ всю массу новаго матеріала для подготавливаемой имъ второй части сочиненія „Представители власти въ Россіи.“

Героевъ въ исторіи не можетъ быть. Герои -- куклы взрослога челоуѣчества; они остались въ мнѣахъ младенческаго періода быта народовъ; въ жизни ихъ нѣтъ. А исторія пишеть съ жизни.

Не эпопею встрѣтитъ читатель въ настоящихъ очеркахъ. Передъ нимъ пройдутъ лица, взятая изъ жизни, съ ихъ достоинствами и недостатками. Мы не будемъ отцвѣчивать свѣтлыхъ сторонъ ихъ, намѣренно рельефно выставлать ихъ достоинства. Но да не заподозрять насъ, съ другой стороны, и въ желаніи сгруппировать однѣ темныя стороны, однѣ мрачныя краски. Пристрастіе въ ту и другую сторону въ равной мѣрѣ роняеть серьезный трудъ, памфлетъ и паннигирикъ одинаково недостойны исторіи. Да и какая польза могла бы быть въ пристрастіи? Цвѣтистый дионрамбъ непремѣнно покажется внимательному читателю завѣсомъ, подъ которымъ хотать скрыть слабости и недостатки описываемаго героя. Желчныя, несправедливыя нападки—только подорвутъ довѣріе въ автору въ глазахъ безпристрастнаго судьи дѣла и заставлать подозрѣвать хорошія стороны въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по справедливости выставлается одно достойное порицанія. Всѣ люди—какъ люди; во всякомъ есть хорошее и дурное. Пусть это хорошее и дурное пройдетъ передъ нами безъ подкраски. Только въ такомъ случаѣ исторія можетъ оживотворить прошлое и представитъ, если не полную, то вѣрную его картину.

Съ безпристрастіемъ по видимому борятся нѣкоторыя соображенія. Дѣло идетъ о лицахъ, жившихъ сравнительно недавно. Хотя историкъ долженъ строго держаться правила изъ частной жизни челоуѣка брать лишь то, что необходимо для характеристики историческаго лица, но и въ послѣднемъ случаѣ приходится объ иномъ

умалчивать до времени, изъ уваженія къ личнымъ чувствамъ близкихъ потомковъ описываемыхъ лицъ. Въ этихъ соображеніяхъ мы не имѣемъ права отказать каждому члену общества; мы не должны отказывать въ нихъ и представителямъ власти. Правда, при строго безпристрастномъ изложеніи можно сказать о многомъ, не затронувъ ни чьихъ личныхъ чувствъ, но въ немногихъ случаяхъ и тутъ умолчаніе необходимо. Какъ согласить это умолчаніе съ безпристрастіемъ? Способъ, избранный нами, состоитъ въ томъ, что какъ скоро мы должны были опускать одну изъ темныхъ сторонъ характеризуемаго лица, то для сохраненія равновѣсія на вѣсахъ исторіи мы опускали и одну изъ свѣтлыхъ. Чѣмъ осторожнѣе мы должны были говорить объ одной сторонѣ историческаго дѣятеля, тѣмъ меньше старались касаться другой. Пусть отъ этого историческій образъ кажется неяснѣе, туманнѣе, но онъ вѣренъ. Придетъ время, онъ прояснится; краски и черты его выступятъ рельефнѣе, — и забота историческаго писателя должна состоять въ томъ, чтобы тогда этотъ образъ не оказался чѣмъ нибудь инымъ, чѣмъ его видѣли прежде въ туманномъ отдаленіи.

Въ приводимомъ перечнѣ источниковъ помѣщены лишь тѣ, на которые въ текстѣ дѣлаются ссылки не разъ. Въ этотъ перечень вошли, наравнѣ съ важными источниками, которыми можно пользоваться смѣло въ большинствѣ случаевъ, такіе, которыхъ значеніе сравнительно ничтожно и достоинства — въ цѣломъ — иногда сомнительны. Но каждому извѣстно, что при исторической оцѣнкѣ эпохи, или лица, необходимо имѣть въ виду всѣ указанія и что сочиненіе, въ цѣломъ заслуживающее нерѣдко мало вниманія, въ подробностяхъ можетъ дать матеріалъ, котораго мы не найдемъ въ трудахъ болѣе замѣчательныхъ.

МАТЕРІАЛЫ И ИСТОЧНИКИ.

- Арсеньевъ.* Царствованіе имп. Екатерины I.
- Афанасьевъ.* Изъ записокъ Порошина (въ Архивѣ Балачева, 1862).
- Бактышъ-Каменскій.* Словарь достопамятныхъ людей.
- Бактышъ-Каменскій.* Біографіи ген. раллссимусовъ.
- Берхгольцъ.* Дневникъ камеръ-юнкера.
- Болотовъ.* Записки (по Русск. Архиву, 1864).
- Булеевъ.* Русское общество отъ кончины Петра I до Екатерины II (Библи. для Чтенія, 1865).
- Вейдемейеръ.* Царствованіе Елизаветы Петровны.
- Вигель.* Воспоминанія (ссылки по Русс. Вѣстнику, 1865).
- Глинка (С. Н.).* Записки (Русс. Вѣстникъ, 1865, 1866).
- Грибовскій.* Записки.
- Де-Лирія.* Записки дюка Лирійскаго.
- Державинъ.* Записки (ссылки по Русс. Бесѣдѣ).
- Дмитріевъ. (И. И.).* Взглядъ на мою жизнь.
- Долгорукой.* Сказаніе о родѣ князей Долгорукихъ.
- Ешевскій.* Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны (Отеч. Записки, 1868).
- Иловайскій.* Сиверсъ (Русс. Вѣстникъ, 1865).
- Ковалевскій,* Графъ Блудовъ и его время.
- Корфъ (а)* Жизнь гр. Сперанскаго.
- Корфъ (б).* Восшествіе на престолъ имп. Николая I.
- Лебедевъ,* Петръ и Надежда Панины.
- Нельмиковъ.* Кн. Тараканова и принцесса Владимірская (ссылки по Русс. Вѣстнику, 1867).
- Милнъ—сынъ.* Записки.
- Михайловскій—Данилевскій.* Полное собраніе сочиненій. Томъ VII.
- Щекарскій.* Шетарди.
- Полное Собраніе Законовъ.*
- Польковъ.* Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Россіи въ датскія владѣнія.

- Порошинъ.* Записки о Царѣ Петровѣчѣ.
Порошинъ (6). Извлеченіе изъ записокъ (Русс. Вѣст. 1866).
Русскій Архивъ. изд. при Чертковской библиотекѣ.
Сенюръ. Записки.
Храповицкія. Записки.
Чтенія въ Им. Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей.
Судариковъ. Черты Екатерины Великой.
Шенниковъ. Записки. 1831.
Штелина. Въ Чтеніяхъ И. М. Общ. Н. и Др. 1866, IV.
Шубинскій. Собраніе анекдотовъ о Потемкинѣ.
Этельмардтъ. Записки.
Энциклопедическій Лексиконъ, изд. 1861. Буквы А и Б.
Ancelet. Six mois en Russie, Bruxelles 1827.
Asseburg. Denkwürdigkeiten des Herrn—
Bade. Reminiscenzen und Characterzüge aus dem Leben Ni-
 colaus I.
Bartokld. Anna Ioanowna.
Belami. Russische Hofgeschichten.
Bourgoing. Souvenir d'histoire contemporaine. Paris, 1864.
Castéra. Histoire de Catherine II.
Catherine II, Mémoires.
Choiseul-Gouffier. Reminiscences sur l'empereur Alexandre I.
Christmas. Nicolas I.
Chronique, oder geheime Memoiren zur politischen und regenten-
 geschichte des russischen Reichs Fürth, 1832.
Galitsin (Augustin). La Russie au XVIII siècle.
Golovin. Russland unter Kaiser Nikolaus dem Ersten.
Golovine. Histoire d'Alexandre I.
Grimm. Alexandra Feodorovna.
Harrison. Notes of a nine years residence in Russia.
Herrmann. Geschichte des Russischen Staats.
Histoire de l'empereur Nicolas. Paris, 1854.
La Cour de la Russie il y a cent ans.
Laveaux. Histoire de Pierre III.
Lee. The last days of Alexander and the first days of Nicholas.
Léouzon Le Duc. La Russie contemporaine, 2 éd. Paris, 1854.
Lesur (L***) Des progrès de la puissance russe depuis son origine
 jusqu'au commencement du XIX siècle. Paris, 1812.
Mannstein. Mémoires sur la Russie. Paris. 1860.
Masson. Mémoires secrets. Paris, 1804.
Maxwell. The Czar, his court and people. 5 ed. New-York, 1854.
Merkwürdigkeiten der Russischen Geschichte. Narva, 1790.

- Oberkirch.* Memoirs of the baroness—London, 1852.
- Richardson.* Anecdoten wegen Russland in gemeensame Brieven.
- Rolland* Histoire politique et anécdotique du czar Nicolas.
- Rondeau.* Letters of a lady who resided some years in Russia.
London, 1775.
- Russia* under Nicholas (№№ North British Review).
- Helbig.* Russische Günstlinge.
- Saldern.* Biographie Peters des Dritten. St.—Petersburg, 1800.
- Scherer.* Anecdotes sur la Russie.
- Smucker.* Memoires of the court and reign of Catherine II. New-York. 1855.
- Stanislas-Auguste.* Mémoires.
- Took.* View of the Russian Empire.
- Villebois.* Mémoires secrets.
- Villebois* (№ Revue retrospective).
- Weber.* Das veränderte Russland.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ХУШ ВѢКЪ.

пасторъ и жена его косо посмотрѣли на отношенія, начавшія было утаиваться между ихъ сыномъ и херонимовою служанкою ¹⁾. Надобно было положить конецъ взорамъ и вздохамъ, которые не могли вести ни къ чему добруму, и пасторъ Глюкъ очень не прѣчь былъ выдать Марту замужъ, когда къ тому представился случай. Драгунъ Іоганнъ въ шведскомъ отрядѣ, занимавшемъ Маріенбургъ, сдѣлалъ предложеніе Мартѣ, и Глюкъ далъ согласіе на этотъ бракъ. Недалго однако судьба судила Мартѣ быть съ Іоганномъ. Въ то время оправившіяся отъ пораженія при Нарвѣ войска Петра отняли шагъ за шагомъ Ливонію у Карла XII. Дошла очередь и до Маріенбурга. Шведское войско, занимавшее Маріенбургъ, выступая, русскіе приближаются. Шведскій майоръ, оставленный комендантомъ въ Маріенбургѣ, не можетъ поминять о защитѣ. Отрядъ арміи Шереметева, подошедшій къ городу, ожидал добровольную сдачу. Между другими, вышедшими навстрѣчу побѣдоносному неприятелю, вышелъ и пасторъ Глюкъ со всѣми домашними и въ томъ числѣ съ Мартою, молодой женщиной которой только передъ тѣмъ узналъ съ шведскими войсками и расстался съ нею (чтобы не выдаться никогда). Пасторъ Глюкъ былъ человѣкъ съ тактомъ, знавшій какъ дѣйствовать въ превратностяхъ міра сего и потому, отправляясь въ русскій лагерь, не забылъ взять подъ мышку славянскую библію ²⁾. Отъ звалъ по-русски и не упустилъ случая дать волю русскому главнокомандующему, что можетъ быть полезно царю. Какое дѣйствіе произвела библія Глюка, нѣтъ положительныхъ историческихъ свѣденій, но можно утвердительно сказать о дѣйствіи, произведенномъ однимъ изъ спутницъ пастора. Марту, какъ плѣнницу, какъ военную добычу, взяли къ русскому главнокомандующему, а пасторъ Глюкъ свободно возвратился въ городъ. Можно однако почти навѣрно сказать, что Марта и славянская библія одинаково повлияли на то, что черезъ нѣсколько времени въ Москвѣ, въ домѣ Нарышкиныхъ, явилась гениалія Глюка ³⁾.

¹⁾ Villebois (a) 8—9.

²⁾ Weber, III, 7.

³⁾ Russische Günstlinge, 117.

У Шереметева Марту увидалъ Меньшиковъ и склонилъ фельд-маршала уступить ему плѣнницу. Вильбоа положительно говоритъ, что Меньшиковъ скоро подпалъ подъ вліяніе ея и что въ обществѣ болѣе молодого и болѣе красиваго, чѣмъ Шереметевъ, любимица Петра Марта уже не несла одной покорности рабы къ ногамъ своего властелина, а что, напротивъ, немного прошло дней, и уже нельзя было сказать, кто въ домѣ Меньшикова дѣйствительно рабъ — всевластный ли любимецъ царя, или жена шведскаго драгуна Іоганна. Въ отношеніяхъ Марты къ Меньшикову приняло участіе сердце, и гордый, алчный будущій князь Ижорскій склонился передъ нею. Было ли это чувство сколько нибудь возвышенное? Мы сейчасъ увидимъ.

Пріѣзжаетъ къ Меньшикову Петръ. У Петра, какъ извѣстно, всегда былъ солидный аппетитъ, и потому всюду, куда онъ пріѣзжалъ, его ожидала закуска. О Петрѣ же его докторъ Арескинъ говаривалъ, что онъ одержимъ легиономъ духовъ сластолюбія. Имѣя это въ виду, едва ли нужно долго распространяться о томъ, что Петръ кушалъ у Меньшикова и что, кушая, онъ замѣтилъ между подававшими кушанья Марту. Петръ расположился ночевать у Меньшикова и послѣ ужина велѣлъ Мартѣ посвятить себѣ въ спальню. Это былъ приказъ, противъ котораго не было апелляціи. Что же дѣлаетъ Меньшиковъ? Онъ покорно склоняетъ голову въ знакъ согласія. Добрый Александръ Даниловичъ! Но и достанется же ему завтра отъ Марты!

Всегда циникъ, никогда селадонъ въ своихъ нѣжныхъ отношеніяхъ, Петръ при прощаніи совмываетъ золотой дукатъ (два тогдашнихъ рубля, пол-лундора) Мартѣ въ руку. Едва уѣхалъ Петръ, Марта показала Меньшикову, что она думаетъ о немъ, и виновный долженъ былъ вынести справедливую кару.

Пріѣзжаетъ опять къ Меньшикову Петръ. Опять кушаетъ. Между прислуживающими нѣтъ, однако, Марты. Вѣрно упреки ея не были забыты. Но и Петръ не забылъ ея. „Гдѣ же Марта?“ Это — вопросъ-приказаніе, и опять на него нѣтъ апелляціи. Марта явилась. Петръ начинаетъ опять шутки, какъ и въ первый разъ. Но что же это значитъ? Марта сдержанна, задумчива.... Смолкнуть и шутки Петра, и онъ въ задумчивости наклоняется къ своей

*

тарелькѣ. Веселая бесѣда стихла. Что такое съ Петромъ? Что запало въ это сердце, которому до того чужды были тревоги болѣе слабаго человѣчества? Не онъ ли гордился прежде тѣмъ, что женщина въ глазахъ его игрушка? Неужели задумчивость эстонской дѣвушки отразилась въ задумчивости гордаго монарха? Или тутъ внутренній человѣкъ напомнилъ монарху, что есть что-то, чего не приобрѣтешь всѣми приказами повелителя, не знающаго прекословія, и не купишь всѣми дукатами царства?

Петру, въ концѣ ужина, подають рюмку воды на подносѣ. Онъ поднимаетъ глаза. Подноситъ та же, по неволѣ обязанная прислуживать, Марта. Но уже Петръ пришелъ въ себя. „Я увожу ее съ собою,“ сказалъ онъ Меньшикову, вставъ изъ-за ужина и уходя къ себѣ. На этотъ разъ онъ остановился не у Меньшикова въ домѣ. Онъ взялъ Марту подъ руку и вышелъ ¹⁾).

На слѣдующій день царь видитъ Меньшикова, но ни слова ему о Мартѣ. Видитъ его и на другой день, и также ни слова. Только на третій день, когда было переговорено о дѣловомъ, Петръ зоветъ уходившаго Меньшикова и говоритъ ему, что у Марты нѣтъ ничего изъ платья и что имъ нужно ее „оснастить“ какъ слѣдуетъ. Александру Даниловичу не надобно было дважды повторять словъ Петра. Онъ понялъ чтó это значить. Онъ отправляется домой, самъ собираетъ въ два узла всѣ пожитки Марты и посылаетъ узлы съ двумя дѣвушками, бывшими у него въ домѣ (на послугахъ у Марты), къ ней въ домъ, гдѣ остановился Петръ. Ловкій царедворецъ не упустилъ при этомъ благоприятнаго случая. Онъ угадывалъ чтó ждетъ Марту въ будущемъ, и спѣшилъ начать принимать свои мѣры. У любимицы Меньшикова могло быть два узла пожитковъ и двѣ горничныя для услугъ, но у любимицы Петра отчего не быть и ящичку съ драгоценностями между имуществомъ? Ящичекъ съ драгоценными кольцами и т. д. на сумму до 5,000 рублей кладется въ одинъ изъ узловъ, и узлы отправлены.

Марта въ комнатахъ Петра. Горничныя, принесшія узлы, не

¹⁾ Villebois (a), 13—22.

найдя ее въ ея комнатѣ, не смотря на то, раскладываютъ принесенное. Скоро комната принимаетъ другой видъ. Возвращается Марта. Она удивлена, но ей не нужно пояснять, въ чемъ дѣло. Съ находчивостью, заставлявшюю предполагать, что она начинала чувствовать себя здѣсь какъ дома, она, обратясь къ Петру, сказала: „ Я довольно долго была на вашей половинѣ, теперь пожалуйте на мою.“ Петръ идетъ за нею. Марта въ волненіи перебираетъ присланныя вещи. А это что? Ящичекъ для зубочистки? Нѣтъ! Довольно было открыть ящичекъ, добавленный Меньшиковымъ къ имуществу Марты, чтобы бѣдной эстонской дѣвушкѣ, не выдавшей себя никогда обладательницею такого количества золота и дорогихъ каменьевъ, придти въ смущеніе.

— Это не мое! съ рѣшимостью говоритъ она. Если это отъ моего прежняго господина, я возвращу ему его драгоценности. Это кольцо (она указала при этомъ на недорогое кольцо на рукѣ ея) не меньше напомнитъ мнѣ обо всемъ, что онъ сдѣлалъ для меня. Если же это отъ моего новаго господина—возвращаю ящичекъ ему: мнѣ нужно отъ него то, что дороже заключающагося въ этомъ ящичкѣ.

Петръ улыбается, общается сосчитаться съ Меньшиковымъ, а Марту, смущенной и въ слезахъ отъ всего происшедшаго, подали поддерживающую рюмку венгерскаго. Вильбоа, современникъ Петра и человекъ приближенный къ нему, передаетъ подробности о жизни Марты со словъ дамы, у которой Марта, посланная въ Москву, долго жила послѣ въ домѣ. Сцена перваго впечатлѣнія, произведеннаго на Марту рѣшеніемъ Петра оставить ее у себя, была бы неизвѣстна потомству, если бы свидѣтелемъ ея, кромѣ стоявшихъ тутъ двухъ дѣвушекъ, не былъ гвардейскій капитанъ, котораго Петръ, не ожидавшій сцены, привелъ съ собою ¹⁾.

Съ этого времени Марта остается у Петра, но Петръ вида не показывается, что она у него. Онъ ли не балагурилъ прежде съ приближенными о своихъ натрижкахъ? Отчего же о Мартѣ онъ ни слова? Значить не мимолетна была тѣнь задумчивости, упавшая на лицо его на памятномъ ужинѣ у Меньшикова?

¹⁾ Villebois (a), *ibid.*

Посылая Марту въ Москву съ довѣреннымъ гвардейскимъ офицеромъ, Петръ поручилъ ему заботиться, чтобы все было къ услугамъ ея, чтобы поѣздка ея оставалась въ тайнѣ и ему ежедневно посылались рапорты о состояніи ея здоровья. Безъ огласки пріѣхала Марта въ Москву. Провожатый привезъ ее къ дамѣ, у которой хотѣлъ помѣстить ее Петръ. Съ этого времени она жила въ одной изъ уединенныхъ мѣстностей Москвы, въ домѣ, скромномъ снаружи и щедро снабженномъ внутри. Въ первое время Петръ ѣздилъ къ ней безъ огласки. Только нѣсколько времени спустя... Но нѣсколько времени спустя, Мариенбургская плѣнница Марта превратилась уже въ государыню Еватерину Алексѣевну. Есть, однако, основаніе полагать, что и по рожденіи старшей дочери она продолжала называться Катериною Василевскою, живя въ Петербургѣ въ 1708 г. ¹⁾.

Но кто же Марта? Кто были ея отецъ и мать? Пасторъ Глюкъ могъ не заботиться о происхожденіи бѣдной дѣвочки, взятой имъ на воспитаніе, но могло ли оставаться неизвѣстнымъ прошедшее подруги царя Петра I? И, однако, потомство бродить ошупью, отыскивая достовѣрныя данныя о происхожденіи Марты. Была ли она рождена ввѣ брака отъ крѣпостной женщины ливонскаго помѣщика Розена, какъ въ этомъ увѣряетъ насъ Мотлей ²⁾, писавшій, когда уже можно было собрать всѣ вѣрныя данныя о предметѣ (въ 1764 г.), или Марта была дочь крестьянина изъ с. Догавена въ Литвѣ, принадлежавшаго шляхтичу Лауринцеому? Мотлей не только говоритъ, что Марта родилась близъ Дерпта, въ с. Рингенѣ ³⁾, гдѣ мать ея жила на иждивеніи подполковника Розена, но и прибавляетъ, что въ Рингенѣ же Марта была взята на воспитаніе пасторомъ, который, по бѣдности, не будучи въ состояніи печясь о ней, передалъ ее Глюку. Но обстоятельный рассказъ въ Запискахъ Вильбоа о томъ, какъ Марта попала въ

¹⁾ Чтенія И. М. О. И. 1860, 2, I, 57.

²⁾ Mottley, 3—8.

³⁾ Германъ принимаетъ также, что Марта родилась въ Рингенѣ. Neigmann, IV, 262.

домъ Глюка, носитъ характеръ бдльшей достовѣрности, чѣмъ отрывочные факты, приводимые англійскимъ авторомъ, писавшимъ десятки лѣтъ послѣ упоминаемыхъ имъ событій. Мы слѣдовали изложенію Вильбоа. Семейство Вильбоа было на столько близко ко двору (фрейлина Вильбоа извѣстна какъ одна изъ наиболѣе приближенныхъ придворныхъ дамъ Екатерины) что могло знать правду. У него же находимъ мы подробности о происхожденіи Марты, кажущіяся наиболѣе правдоподобными. Согласно имъ, отецъ Марты, Самойло, бѣжалъ съ ея матерью изъ Литвы въ Ливонію. Марта была крещена по католическому обряду. Отецъ и мать Марты умерли отъ чумы, какъ и пасторъ, принявшій послѣ Марту на воспитаніе. Впослѣдствіи Марта, живя у протестантскаго пастора, была воспитана въ протестанствѣ и конфирмована какъ протестантка. Разсказъ Вильбоа тѣмъ для насъ достовѣрнѣе, что послѣ нашли родныхъ Марты, и они дѣйствительно были литовскіе католики, по словамъ однихъ, не имѣвшіе фамильнаго прозвища, но по другимъ, прозывавшіеся Скворощенками, Скворощкини ¹⁾ и послѣ названные, вѣроятно, для благозвучія — Скавронскими. Братъ Марты, Карлъ, жилъ и умеръ католикомъ. Самый фактъ о крещеніи ея по католическому обряду при рожденіи не только не опровергнуть, но былъ общезвѣстенъ современникамъ бывшей Марты, названной, по приобщеніи ея къ грекороссійской вѣрѣ, Екатериною, и подалъ поводъ къ извѣстному придворному, не очень остроумному, каламбуру: *l'impératrice Catherine a beaucoup de religion*. Накопецъ не надобно забывать, что Петръ впослѣдствіи навелъ самыя обстоятельныя справки о родныхъ Екатерины, и вся исторія о томъ, какъ отыскали брата ея, доказываетъ неоспоримо, что Марта родилась въ семействѣ Самойлы Скавронскаго, что старшій братъ помнилъ ее, что родные и послѣ слѣдили за судьбою ея. Если примемъ во вниманіе, что собственныя дочери Петра отъ Екатерины — Анна и Елисавета — родились, по увѣренію не только Вильбоа, но и брауншвейгскаго резидента Вебера (писавшаго со степенью и обстоятельностью

¹⁾ Арсеньевъ, 75—75.

лѣтописца) внѣ брака ¹⁾, и лишь послѣ Петръ вступилъ съ Екатериною въ законныя узы, то едва ли можно усомниться, что человекъ, такъ мало обращающій вниманія на сужденіе свѣта, какъ Петръ, не остановился бы передъ признаніемъ подполковника Розена отцомъ Екатерины, хотя и рожденной внѣ брака, если бы легенда Мотлея была вѣрна.

Откуда же такіе различные толки о происхожденіи женщины, поставленной судьбою такъ высоко, какъ Екатерина, и о томъ, о чемъ, казалось, не было особеннаго труда дознаться? Какъ ни странно это кажется съ точки зрѣнія безпристрастности въ исторіи, но несомнѣнно, что духъ партіи сильно вліялъ на рассказы біографовъ Екатерины о ея прошедшемъ. Замѣтимъ встать, что Елисавета Петровна и Петръ III слышать не хотѣли, чтобы Екатерина дѣйствительно вышла замужъ, будучи маріенбургскою Мартою. Определѣно было считать Іоганна только женихомъ, хотя многое дѣлаетъ фактъ свадьбы несомнѣннымъ. Довольно сказать также, что есть біографы, настаивающіе на томъ, что Петръ вступилъ въ бракъ съ Екатериною до рожденія принцессы Анны и Елисаветы, хотя Вильбоа и чуждый страсти къ пикантному въ изложеніи, безпристрастный Веберъ утверждаютъ положительно, что тайный бракъ Петра съ Екатериною былъ совершенъ лишь въ 1711 г.

Мелкіе люди и боги Олимпа имѣютъ то общее между собою, что происхожденіе ихъ одинаково скрыто завѣсою миста. О происхожденіи Марты не знали потому, что о немъ мало заботились; о происхожденіи Екатерины нельзя было узнать вполне достовернаго потому, что о немъ заботились слишкомъ много.

III. Государыня Екатерина Алексѣевна.

Отношенія Петра къ Мартѣ долго оставались тайною даже для его приближенныхъ; по крайней мѣрѣ, онъ думалъ, что они—

¹⁾ Weber. III, 2.

тайна для нихъ. Но скоро тайны нельзя было долѣе скрывать. Марта была приобщена къ православію и наречена Екатериною Алексѣевною. Восприемникомъ ея отъ купели былъ сынъ Петра, царевичъ Алексѣй. Петръ уже не одинокій прѣзжалъ въ домъ, гдѣ жила Екатерина: къ нему часто съѣзжались туда министры и довѣренныя лица. Толковали о дѣлахъ, и всѣ замѣчали, что Петръ, вообще не любившій, чтобы женщины вмѣшивались въ серьезныя дѣла съ своими замѣчаніями, напротивъ, повидимому, бывалъ доволенъ, когда въ дѣловой разговоръ вмѣшивалась Екатерина. Изъ почтительнаго ли чувства къ Петру, или дѣйствительно Екатерина умѣла показать въ этихъ бесѣдахъ здравый умъ и вѣрное сужденіе, только сановники не разъ утверждали, что простая и неизысканная логика собесѣдницы не рѣдко выводила ихъ изъ лабиринта правительственной софистики и къ удивленію ихъ бросала новый свѣтъ на вопросы ¹⁾).

Екатерина получила официальный титулъ „государыни“. Веберъ и за нимъ Германъ ²⁾ передаютъ его словами: „gnädige Frau“; но „государыня“ по русски значитъ нѣсколько болѣе, чѣмъ gnädige Frau. Такимъ образомъ, въ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ, Екатерина и теперь уже была лицомъ, стоявшимъ близко къ государю, хотя для всѣхъ прочихъ она какъ бы играла роль невидимки при дворѣ. Есть даже достовѣрное извѣстіе, что Екатерина и послѣ рожденія принцессы Анны и Елисаветы числилась официально женою придворнаго повара ³⁾ Гельбигъ говоритъ, что лишь въ 1710 г. ей дано было званіе „фрейлины“ ⁴⁾. Двухъ дочерей она родила Петру въ томъ же домѣ въ Москвѣ, куда ее привезъ гвардейскій капитанъ изъ Ливоніи. Это скрѣпило узы между Петромъ и нею. Въ 1711 г. Петръ рѣшился жениться на ней при немногихъ свидѣтеляхъ. Это было предъ отправленіемъ въ походъ противъ Турціи, и Екатерина уже умѣла сдѣлаться на столько необходимою для Петра, что онъ не разставался съ

¹⁾ Villebois (a), 22—25.

²⁾ Herrmann, IV, 262.

³⁾ Russische Günstlinge, 35.

⁴⁾ Ibid.

нею въ поѣздкахъ. Она имѣла сильное нравственное вліяніе на него. Слова ея часто обезоруживали его гнѣвъ. Если нужно было заступиться за кого нибудь предъ царемъ, посредницею выбирали Екатерину. Но Бассевичъ упоминаетъ сверхъ того объ обстоятельстве въ отношеніяхъ Петра и Екатерины, которое столь же важно въ фізіологическомъ и психологическомъ, какъ и въ историческомъ отношеніяхъ ¹⁾).

Съ Петромъ дѣлались иногда припадки. По словамъ Бассевича, они происходили отъ яда, даннаго ему въ дѣтствѣ его сестрою Софьею. Наступленіе припадка узнавали по особенному судорожному подергиванію рта. Страшенъ бывалъ Петръ, одержимый такимъ припадкомъ. Гнѣвъ его обрушивался на окружающихъ; ему все казалось въ эти минуты, что хотять посягнуть на его жизнь. Сильная головная боль въ теченіи трехъ дней была слѣдствіемъ припадка. Такъ было до сближенія его съ Екатериною. Послѣ, едва замѣчали у Петра судорожныя движенія рта, какъ давали знать Екатерину. Та приходила, начинала говорить съ нимъ. Звуки голоса ея производили на него какъ бы магическое дѣйствіе. Припадокъ ослабѣвалъ, и Петръ засыпалъ часа на три на ея груди. Все это время она оставалась неподвижною, чтобы не разбудить его. Петръ просыпался свѣжимъ и бодримъ, и головной боли послѣ какъ не бывало.

Екатерина, не трогавшаяся съ мѣста по три часа, пока спалъ Петръ на груди ея, Екатерина, ходившая съ заботливостью за нимъ, когда онъ страдалъ скорбутомъ въ Слущѣ ²⁾), Екатерина, дѣлавшая все угодное Петру и не связывавшая его ни въ чемъ, не могла не привязать его къ себѣ неразрывными узами. При всемъ томъ, есть основаніе думать, что Петръ смотрѣлъ на бракъ свой съ Екатериною какъ на рѣшительный шагъ. Сестра Петра, Марѳа Алексѣевна (носившая также имя Маріи), послѣ ставшая противъ Петра и за его первую супругу Евдокію, первоначально сочувствовала планамъ брата и, изъ нерасположенія къ Евдокіи,

¹⁾ Бассевичъ 27.

²⁾ Неггманн IV, 263.

совѣтовала ему жениться на Екатеринѣ ¹⁾). Слѣдовательно, Петръ нуждался въ совѣтахъ, въ опорѣ домашнихъ, чтобы рѣшиться на бракъ съ Екатериною, и при всемъ томъ, это былъ еще тайный бракъ. Чтобы сдѣлать тотъ же бракъ гласнымъ, Петру нужно было предварительно возвысить Екатерину въ общественномъ мнѣніи русскихъ, приготовить ихъ смотрѣть на нее какъ на царицу. Турецкій походъ представилъ къ этому удобный случай. Казалось бы, какая заслуга въ томъ, что Екатерина собрала всѣ бывшія у нея и у ея приближенныхъ драгоцѣнности и, присоединивъ къ нимъ то, что ея женственное краснорѣчіе выпросило у прочихъ русскихъ, бывшихъ въ походѣ ²⁾, послала все это для подкупа визиря, чтобы тотъ выпустилъ изъ засады русскую армію? Что этия Екатерина оказала личную услугу Петру, это несомнѣнно. Ему ли, гордому побѣдителю Карла XII, начать было дѣло объ освобожденіи арміи, окруженной непріятелемъ, подкупомъ, въ глазахъ своего соперника Карла? Ему ли было выпрашивать на это дѣло добровольныя подаянія? Можно предположить, что, не будь Екатерины, онъ скорѣе рѣшился бы погибнуть, пробиваясь черезъ ряды турокъ и татаръ, или сдаться въ плѣнъ, чѣмъ рѣшиться на что нибудь подобное. Екатерина вывела его изъ затрудненія, спасла его самолюбіе. Заслуга ея предъ нимъ лично неоспорима; она сдѣлалась ему съ этой поры еще дороже. Но гдѣ же заслуга предъ Россією, о которой говорили послѣ Петръ и его приближенные? Если прутскій миръ—заслуга, то такую заслугу оказалъ бы, очень вѣроятно, Петру каждый изъ приближенныхъ, чтобы пощадить личное самолюбіе царя, потому что жертвы никакой не требовалось. Развѣ нельзя было знать напередъ, что пожертвовавшіе драгоцѣнностями получатъ по возвращеніи въ Россію больше, чѣмъ дали? Развѣ сама Екатерина, ѣздя по рядамъ и обращаясь за добровольными приношеніями, не говорила, что, если придется сдаться туркамъ, то обладаніе драгоцѣнными вещами не послужитъ ни къ чему, а между тѣмъ давшему,—пожертво-

1) Villebois (a). 25.

2) Ibid. 28.

ваніе его вознаградится въ Россіи сторицею ¹⁾? Если заслугою называется поступокъ, сопряженный съ жертвою, съ дѣломъ, на которое рѣшится не каждый — въ такомъ случаѣ заслуги со стороны Екатерины не было никакой.

Между тѣмъ поступокъ Екатерины прославили, его восхваляли, его употребили въ дѣло, чтобы сдѣлать имя ея популярнымъ въ рядахъ арміи. Съ какою цѣлью? Цѣль уяснилась при обнародованіи брака между царемъ и Екатериною. Петру нужно было привести въ алтарь женщину, окруженную ореоломъ спасительницы отечества. Говорятъ, Екатерина совѣтовала не оглашать ихъ брака вторичною церемоніею, но Петръ уже успѣлъ подчинить себѣ общественное мнѣніе Россіи отчасти общою увѣренностью въ тщетности сопротивленія несокрушимой волѣ самодержца, отчасти блескомъ славы, который во-время успѣли бросить на Екатерину, и союзъ ихъ сдѣлался гласнымъ: государыня Екатерина Алексѣевна сдѣлалась царицею, и дѣти ея наименованы были „царскими высочествами“. Петръ теперь не могъ обойтись безъ Екатерины. Буда ѣхалъ онъ, туда и она. Такъ она сопровождала его въ заграничную поѣздку. Въ Астрахани, во время персидскаго похода, она должна была за сильными жарами сбрить волосы (бѣлокурые, которые она красила въ черную краску) и носить теплую мѣховую шапку, защищавшую ее отъ солнечнаго жара ²⁾. Сопровождая Петра въ его поѣздкахъ, Екатерина ѣхала въ отдѣльномъ поѣздѣ. Поѣздъ царя отличался всегда простотою, поѣздъ царицы — пышностью. Петръ любилъ окружать Екатерину роскошью и блескомъ, и странно — Екатерина, простая и кроткая, какъ прежде, Екатерина, которую быстрое возвышеніе не сдѣлало надменною и не заставило забыть, чѣмъ она была, казалось, какъ бы создана была для этого блеска и этой роскоши. Петръ послѣ высказывалъ удивленіе ея способности быть императрицею ³⁾. Она образовала себѣ дворъ, на которомъ отражалось тогдашнее пере-

¹⁾ Villebois, *ibid.*

²⁾ Энциклопедическій Лексиконъ.

³⁾ Бассевичъ, 194.

ходное время въ Россіи: нѣкоторые русскіе обычаи еще оставались, но нѣмецкіе уже преобладали. Иностранные гости и посѣтители находили при дворѣ ея такое сочетаніе вкуса съ изяществомъ, котораго можно было ожидать и не отъ бывшей эстонской крестьянской дѣвушки. Дѣтямъ своимъ Екатерина дала приличное ихъ званію европейское образованіе, хотя сама не хотѣла, даже сдѣлавшись царицею, выучиться читать и писать, говоря, что главная ея забота теперь выучиться дѣлать все угодное Петру, и что этого съ нея достаточно. Отправляясь въ разѣзды съ Петромъ, она оставляла дѣтей на попеченіе гувернантки-француженки. Она называла въ разговорѣ Петра „батушкой“ ¹⁾, слушала, не сердясь, его рассказы о его же интрижкахъ ²⁾, оканчивавшіеся обыкновенно увѣреніемъ, что все таки съ нею никто не сравнится. Угождая Петру, она послѣ завела у себя оберъ-шенишшу, что-то въ родѣ князя-паши въ женскомъ платьѣ, обязанности которой было поить дамъ, такъ какъ у Петра вошло въ страсть опивать на всѣхъ празднествахъ и торжествахъ своихъ приближенныхъ, какъ мужчинъ, такъ и дамъ. Когда дамы напивались, Петръ любилъ входить къ нимъ одинъ или въ сопровожденіи кого нибудь изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ ³⁾. Дѣлалось ли это потому, что самъ Петръ пилъ много и любилъ, чтобы другіе пили, или, какъ полагаютъ другіе, эти попойки имѣли опредѣленную цѣль: раскрывать мысли пившихъ царю, никогда не напивавшемуся такъ, чтобы не быть готовымъ къ дѣлу, и хорошо знавшему пословицу: „что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ“; какъ бы то ни было, но только въ этихъ общихъ попойкахъ пила и Екатерина, и часто дѣвочки-дочери ея принуждаемы были проглатывать перцовку Ромодановскаго, отъ которой послѣ четверть часа слюна текла изо рта ⁴⁾.

Петръ, однако, старался воздерживаться отъ крѣпкихъ напитковъ, и доктора ему совѣтовали тоже. Такъ онъ писалъ Екате-

¹⁾ Бергольцъ, IV, 95.

²⁾ Бассевичъ, 195.

³⁾ *ibid.*

⁴⁾ Бергольцъ, III, 103.

ринѣ въ 1717 г.: „Дай Боже скорые нынѣшніе дни прошли, дабы къ вамъ скорые быть. Камзолъ твой сегодня обновилъ і пра ваше здоровье шилъ, только немного; для того что заперетительные человѣки“ ¹⁾). Но этой страсти Петръ въ себѣ не побѣдилъ, и къ ней тоже онъ могъ примѣнять, что говорилъ о своей вспыльчивости: „я преобразовалъ свое государство и не могу преобразовать самого себя.“

Бассевичъ говоритъ, что Екатерина просила Петра, чтобы тотъ не приводилъ въ исполненіе смертнаго приговора надъ царевичемъ Алексѣемъ, а постригъ бы его въ монахи, если царевичу нужно было искупить тяжкимъ наказаніемъ проступокъ противъ отца ²⁾). Это хотя и приводится человѣкомъ, который о Екатеринѣ могъ говорить только одно хорошее, но совпадаетъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о мягкомъ, незлобивомъ характерѣ ея. Она искренно любила супругу царевича и при жизни Петра, какъ и послѣ, пеклась о дѣтяхъ Алексѣя. Ей приписывается также замѣчаніе Петру, что такъ какъ ихъ собственный сынъ Петръ Петровичъ былъ ребенокъ слабаго сложенія, то дѣтей царевича Алексѣя надобно воспитывать такъ, чтобы они могли впослѣдствіи поддерживать славу русскаго престола ³⁾). Вообще Екатерину нельзя было назвать честолюбивою женщиною. Если справедливо, что она, не имѣя еще въ виду сдѣлаться русскою царицею, просила Петра образовать для нея особое владѣніе изъ прибалтійскихъ областей, завоеванныхъ отъ Швеціи ⁴⁾, то въ этомъ едва ли не надобно видѣть участіе Меншикова. Меншиковъ сохранилъ долю вліянія на Екатерину и послѣ, когда она была уже его царицею. Не она ли спасала его своими просьбами не разъ отъ царской дубинки? Алчность князя Ижорскаго не разъ выводила Петра изъ терпѣнія, но предъ царемъ за князя всегда былъ вѣрный ходатай. Петръ называлъ Екатерину и Меншикова „дѣтьми своего сердца,“ и каждый изъ дѣтей старался, чтобы царская милость не

¹⁾ Энци. Лексиконъ.

²⁾ Бассевичъ, 157—158.

³⁾ *ibid.*

⁴⁾ Galitzin, 248.

оставляла другого. Въ первое время Меншиковъ былъ радъ, что Екатерина приобрѣла вліяніе на Петра, потому что она заняла въ его сердцѣ мѣсто дѣвицы Монсъ, очень неблаговолившей любимцу. Послѣ Екатерина была защитницею князя предъ царемъ. Со своей стороны, Меншиковъ могъ совѣтовать ей, чтобы она просила царя отдать ей во владѣніе прибалтійскій край, хотя Петръ — какъ ни цѣнилъ онъ Екатерину, до которой, по его словамъ, никакіе его планы не удавались — едва ли исполнилъ бы это желаніе. Меншиковъ же, вѣроятно, былъ причиною того, что неалчная Екатерина принимала подарки отъ постороннихъ за просьбы у царя и отдавала приобретенныя этимъ путемъ суммы на храненіе въ банки амстердамскій и гамбургскій. По крайней мѣрѣ, третьимъ посредствующимъ лицомъ въ этихъ финансовыхъ сдѣлкахъ бывалъ и Меншиковъ ¹⁾. Екатерина до конца жизни оставалась подъ вліяніемъ его, и Россія, переходя подъ управленіе Екатерины I, хорошо знала, что ея будетъ управлять Меншиковъ. Заслуживалъ ли временщикъ, съ своей стороны, такого расположенія къ нему? Былъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, искренно расположенъ къ Екатеринѣ, не связанной съ нимъ по оставленіи ея его дома, ничѣмъ, кромѣ воспоминаній? Въ этомъ можно сомнѣваться. Вспомнимъ жаркія пренія Меншикова съ Бассевичемъ о престолонаслѣдіи. Человѣкъ, столько обязанный Екатеринѣ, ослѣпился сказать, что дочери императрицы вдвойнѣ не могутъ имѣть права на престолъ: какъ рожденныя еще при жизни перваго мужа ея Іоганна, съ которымъ она не разводилась, и во вторыхъ, какъ рожденныя внѣ брака. Последнее по крайней мѣрѣ, относительно принцессы Анны, дѣло неоспоримо вѣрное, потому что, если даже принять доводы тѣхъ, кто утверждаетъ, что Петръ тайно повѣнчался съ Екатериною въ 1707 году и явно въ 1712 г., то все же первый бракъ былъ совершенъ уже послѣ рожденія Анны, родившейся, по словамъ Бассевича, который не могъ не знать этого достоверно, 27 января 1707 года. Но только не Меншикову было бросать этимъ въ глаза Екатеринѣ въ спорѣ съ голштинскимъ посланникомъ!

¹⁾ *ibid.*

теринина дня, императрицѣ было прислао между прочимъ и посланіе въ стихахъ отъ нѣмцевъ, жителей Нарвы. Самый существенный стихъ въ этой эпистолѣ можно передать по-русски словами: „ахъ, еслибъ мы могли сказать ей это въ церкви.“ Этотъ стихъ, слѣдуя непосредственно за выраженіями глубокой преданности, могъ быть естественно принятъ за намекъ на приближающееся торжество коронаціи. Но современный историкъ (Веберъ) не безъ основанія говоритъ, что въ этихъ словахъ заключался и другой смыслъ. У нѣмцевъ въ Нарвѣ не было нѣмецкой церкви: имъ предлагали въ русскомъ городѣ ходить въ русскую церковь, и нѣмцы, всегда практики, даже въ изліяніяхъ преданности властямъ, дѣлали тутъ тонкій намекъ, что недурно было бы, если бы имъ позволено было устроить свою церковь. Вообще самодержавной воли Петра было одной достаточно, чтобы вызвать изліянія преданности императрицѣ; но кто ручался, что эти изліянія были искренни? Петръ имѣлъ въ виду будущее. Какъ скоро онъ умеръ бы, теперешніе льстецы могли первые отвернуться отъ императрицы — иностранки простаго званія и происхожденія. Какъ скоро бы желѣзные поводья, въ которые Петръ затянулъ все въ Россіи, ослабли, — гдѣ была гарантія, даже послѣ вѣнчанія Екатерины, что воля его видѣть ее преемницею будетъ исполнена? Вотъ почему самъ Петръ находилъ, что примѣра императоровъ, коронованныхъ императрицами Зиновію, Луипцію и Марію, было недостаточно; что было недостаточно даже его самодержавной власти, чтобъ утвердить Екатерину на готовившемся ей престолѣ. И вотъ Петръ прибѣгалъ къ той же тактикѣ, которую употребилъ при оглашеніи своего брака съ Екатериною. При главныхъ сановникахъ государства онъ говоритъ, что заслуга Екатерины предъ страню велика, что она раздѣляла съ нимъ его труды, отправляясь даже въ походы, и что, наконецъ, женщина, спасшая государство въ 1711 году, достойна править этимъ государствомъ. Мы видѣли, въ какой степени Екатерина спасла государство въ 1711 г., но Петру нуженъ былъ аргументъ, который дѣйствовалъ бы на патріотизмъ подданныхъ, и это спасеніе было опять пущено въ дѣло.

Между тѣмъ приготовленія къ коронаціи шли своимъ чередомъ.

Во Франціи дѣлали для императрицы порфиру, и хотя Веберъ говоритъ, что она стоила лишь 4000 рублей, но ее осыпали такимъ количествомъ золотыхъ двуглавыхъ орловъ, что вмѣстѣ съ короною, вѣсившею $4\frac{1}{2}$ фунта, императрицѣ предстояло, въ теплый весенній день, нести на себѣ тяжесть въ 150 фунтовъ ¹⁾. Какъ ни сильно сложена была Екатерина—мы знаемъ, что она вытянутою рукою поднимала маршальскій жезлъ Петра на свадьбѣ Головкина—а этого жезла не поднять было такимъ же образомъ деньщику Петра, молодому Бутурлину, и такъ прямо не могъ поднять и австрійскій посланникъ графъ Кинскій ²⁾—какъ физически ни сильна была Екатерина, но и она не разъ во время процесіи должна была останавливаться подъ этою тяжестью символовъ величія. Впрочемъ, три дня, проведенные ею передъ коронаціею въ постѣ и молитвѣ, также могли имѣть вліяніе на то, что Екатерина была тутъ слабѣе, чѣмъ обыкновенно.

Къ коронаціи былъ учрежденъ отрядъ лейбъ-гвардіи императрицы, давшій начало кавалергардскому полку. Сначала въ этомъ отрядѣ было лишь 60 всадниковъ—все офицеры. Командиромъ надъ ними назначенъ былъ расторопный и молодецъ собою, „глазъ“ Петра, генераль-прокуроръ Павелъ Ягужинскій. Лошадей для отряда, конечно, образцовыхъ, вѣдно было представить иностраннымъ и русскимъ купцамъ. Иностранные купцы не были расположены исполнить безъ протеста эта распоряженіе, и назначенная контрибуція была съ нихъ отмѣнена, но русскіе поставили лошадей.

Одновременно съ отрядомъ изъ 60 кавалергардовъ былъ устроенъ штатъ изъ 60 придворныхъ дамъ для императрицы ³⁾. Во время коронаціи архіепископъ Новгородскій подалъ Екатеринѣ державу; скипетръ все время держалъ самъ Петръ ⁴⁾. Онъ же самъ надѣлъ корону на вѣнчавшуюся. Эта корона въ

¹⁾ Берхгольцъ, IV, 56.

²⁾ Берхгольцъ, II: 180.

³⁾ Weber, II. 112.

⁴⁾ Hergmann, IV, 438.

4 $\frac{1}{2}$ фунта вѣсомъ и стоившая 1 $\frac{1}{2}$ м. ¹⁾ рублей, была сдѣлана къ торжеству русскимъ мастеромъ. Главнымъ украшеніемъ ея былъ огромный—въ палецъ длиною—рубинъ Меньшикова. Нѣкоторыя жемчужины въ ней стояли каждая по 2000 рублей. Когда Петръ надѣвалъ корону на Екатерину, та со слезами благодарности на глазахъ хотѣла нагнуться, чтобы рукою обнять его колѣни. Петръ не допустилъ ее до такихъ мѣръ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого—и какая перемена въ отношеніяхъ супруговъ! Петръ въ гнѣвъ на Екатерину. Надъ канцелярію ея назначена ревизія, и доходы ея прекратились, такъ что она должна занять у своихъ фрейлинъ Олсуфьевой, Кампенгаузенъ и Вильбоа 1000 дукатовъ, чтобы склонить эту суммою любимаго деньщика Петра, Василя Петровича, хатайтствовать въ ея пользу. Петръ собственноручно разрываетъ актъ, которымъ назначалъ ее наследницею престола ²⁾...

Откуда такая перемена? Уже то, что Петръ искренно былъ привязанъ къ Екатеринѣ, даетъ понять, что ударъ самолюбію его былъ очень силенъ, когда дѣло дошло до такихъ мѣръ.

Въ 1724 г. Екатеринѣ было 38 лѣтъ, а придворная любовь считала ей даже только 35. Она не была аристократическая красавица. Размѣры башмаковъ ея, сохранившихся для потомства, заставили графиню Шуазель-Гуффье, видѣвшую ихъ, саркастически замѣтить въ своихъ Запискахъ, что „императрица Екатерина была съ этимъ міромъ на хорошей ногѣ“ ³⁾. Но въ замѣнъ аристократической изящности размѣровъ, природа надѣлила Екатерину статною, здоровою, свѣжею внѣшностью. Приятныя черты лица ея представляли что-то особенное: онѣ были неудобны для кисти художника, и съ нею нельзя было снять хорошаго портрета ⁴⁾. Она была прекрасная наездница и хорошая

¹⁾ Weber, II, 112, 135.

²⁾ Galitzin, 254—255.

³⁾ Choiseul-Gouffier, Reminiscences sur l'empereur Alexandre I, Paris 1862, 340.

⁴⁾ Villebois, Mém. secr. 122—123,

танцовка, хотя танцевала впоследствии лишь съ Петромъ, очень любившимъ потанцовать въ молодости, а съ другими лишь ходила ¹⁾. Характеръ ея представлялъ смѣсь замѣчательной женственности и почти мужской отваги. Обходительная, любезная съ окружающими, ласкою и кроткимъ словомъ смягчавшая порывы права Петра, она при опасности не боялась стать лицомъ къ лицу съ нею. Въ 1726 г., когда къ Ревелю прибыли съ враждебными цѣлями флоты англійскій и датскій, она—въ то время уже самодержавная императрица—хотѣла сама принять начальство надъ русскимъ флотомъ и вести его на непріятеля. Незадолго до смерти ея, когда она въ мундирѣ полковника производила по обычаю смотръ гвардейскимъ полкамъ, при построеніи Семеновскаго полка въ каре, пуля, пущенная неизвѣстною рукою, убила на повалѣ бывшаго вблизи императрицы знатнаго русскаго купца, пролетѣвъ въ самомъ незначительномъ разстояніи отъ нея. Никто не замѣтилъ, чтобъ этотъ случай заставилъ Екатерину измѣниться въ лицѣ: она продолжала смотръ, какъ будто ничего не случилось ²⁾. Если прибавимъ къ этой наружности и къ этому характеру страстный, подвижной темпераментъ, то не мудрено, что въ 38-лѣтней Екатерины было много такого, чѣмъ она могла увлечь какъ женщина.

Съ другой стороны вспомнимъ непостоянный, вѣчно неудержимый въ порывахъ нравъ Петра, его увлеченія, его взаимныя пререканія съ Шереметьевою, имѣвшія прямое отношеніе къ причинамъ, сведшимъ его въ могилу. Петръ искалъ развлеченій на сторонѣ и тогда, когда могучая натура его уже была если не сломлена, то потрясена приближавшимися годами старости, послѣ долгихъ лѣтъ не всегда легкаго правленія и не всегда умѣренной жизни, Екатерина въ это время еще была въ цвѣтѣ лѣтъ, если не по метрикамъ, то въ дѣйствительности, а дѣйствительность важнѣе всѣхъ метрикъ.

Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы представить себѣ

¹⁾ Берхгольцъ, I, 209.

²⁾ Weber, III.

въ настоящемъ свѣтѣ дѣло камергера Монса, надѣлавшее столько шума въ промежутокъ времени между коронаціею Екатерины и смертью Петра ¹⁾).

Братъ прежней фаворитки Петра, дѣвицы Монсъ, вышедшей замужъ за генерала Балка и послѣ бывшей придворною дамою Екатерины, камергеръ императрицы, Монсъ-де-ла-Броа, сталъ получать отъ императрицы столько знаковъ расположенія, что злые языки, дѣлающіе нерѣдко изъ мухи слона, теперь дѣлали лишь слона сломомъ же. Екатерина дѣйствовала подѣ вліяніемъ искренняго чувства, Монсъ отвѣчалъ ей тѣмъ же. Страстность Екатерины и впечатлительность привлекательнаго собою, отличавшагося изящными манерами, камергера завели дѣло слышеомъ далеко. Уши постороннихъ слышали и глаза видѣли много такого, на чемъ обыкновенно лежитъ печать тайны. Вильбоа говорить, что онъ, ничего не слыхавъ прежде отъ другихъ объ отношеніяхъ Екатерины къ Монсу, проникъ въ ихъ тайну, какъ скоро разъ увидалъ ихъ вмѣстѣ, хотя онъ видѣлъ ихъ не однихъ, а въ обществѣ. Огласка была сильна. Ягужинскій, прозванный „глазомъ“ Петра преимущественно за безцеремонную правдивость, съ какою онъ говорилъ о томъ, что видѣлъ, выговаривалъ открыто Монсу за его поведеніе. Наконецъ разразилась буря.

Петръ не могъ не узнать объ отношеніяхъ Екатерины въ Монсу. Онъ рѣшился накрыть виновныхъ и страшно отомстить одному изъ нихъ. Что руководило имъ въ этомъ случаѣ — оскорбленное ли чувство любящаго, или обиженное самолюбіе? Любовь ли Екатерины къ другому, или огласка ея? Надобно полагать, что послѣднее болѣе....

Всегда крутой и необузданный въ гнѣвѣ, Петръ вышелъ изъ себя. Но предъ тѣмъ, какъ буря разразилась, тучи собирались долго. Петръ три дня остается въ зимнемъ дворцѣ, пока Екатерина и придворные думаютъ, что онъ уѣхалъ, и внезапно застаютъ Екатерину и Монса сидящими на скамейкѣ въ уединенномъ мѣстѣ въ саду, съ г-жею Балкъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ

¹⁾ Villebois (a), 358.

поставленною, какъ ему могло показаться, на сторожѣ. Петръ беретъ часы Монса и переводить стрѣлку ихъ, чтобы было позже и чтобы Монсъ шелъ домой. Тамъ его арестуетъ Ушаковъ. Есть извѣстіе, что Петръ, рѣшившись самъ быть судебнымъ слѣдователемъ дѣла Монса, самъ подавалъ арестованному въ первое время пищу, чтобы не допускать къ нему постороннихъ, и что сначала Монсъ былъ заключенъ въ зимнее дворцѣ, откуда его отвезли въ крѣпость. Въ первое время Петръ хотѣлъ отдать дѣло Монса на судъ государственныхъ чиновъ, но Остерманъ и гр. П. Толстой на колѣняхъ умоляли его не дѣлать этого, представляя, что въ такомъ случаѣ его дочерямъ отъ Екатерины не найти жениховъ. Петръ сдался на это представленіе, и Монса положено было преслѣдовать лишь за то, что онъ и его сестра, Балъзъ, брали приношенія за ходатайства у императрицы о постороннихъ лицахъ, тѣмъ прямо нарушая законъ 1714 г. о взяточничествѣ. Обвиненіе было справедливо, и формально дѣло производилось лишь о „вещественной благодарности“, которую Монсъ и его сестра не отвергали за свое предстательство предъ императрицею, хотя каждый зналъ истинную причину преслѣдованія.

Разъ, въ темный осенній вечеръ, когда въ крѣпости происходило разслѣдованіе дѣла Монса, Петръ пріѣхалъ къ своимъ дочерямъ, въ то время когда француженка давала имъ и дѣвочкамъ, взятымъ для сообщества имъ въ ученіи, урокъ. Француженка передавала послѣ ¹⁾, что Петръ былъ страшно блѣденъ, его глаза на выкатѣ горѣли гнѣвомъ. Онъ сталъ ходить по коннатѣ большими шагами, бросая отъ времени до времени грозные взгляды на своихъ дочерей. При немъ обыкновенно былъ складной охотничій ножъ, и онъ разъ 20 вынималъ его, открывалъ и складывалъ. Между тѣмъ всѣ бывшія въ коннатѣ успѣли, одна за другою, ускользнуть въ сосѣднюю комнату, и только одна маленькая француженка, спустившаяся съ испуга подѣ столъ, оставалась свидѣтельницею дальнѣйшаго. Петръ билъ кулакомъ о столъ и о стѣны, бросилъ свою шляпу объ-поль и наконецъ, выйдя изъ коннаты, такъ сильно ударилъ дверью, что та треснула.

¹⁾ Villebois (b), 132—133.

Въ другое время Петръ стоялъ съ Екатериною во дворцѣ у она.

„Ты видишь—сказалъ онъ ей—это венеціанское стекло. Оно сдѣлано изъ простыхъ матеріаловъ, но, благодаря искусству, стало украшеніемъ дворца. Я могу возвратить его въ прежнее ничтожество.“

Съ этими словами онъ разбилъ стекло въ дребезги.

Екатеринѣ не трудно было понять намекъ, но она не потеряла присутствія духа.

— Вы можете это сдѣлать, но достойно ли это васъ, государь?—отвѣчала она — и развѣ оттого, что вы разбили стекло, дворецъ вашъ сдѣлался красивѣе?

Петръ ничего не отвѣчалъ. Хладнокровіе здраваго смысла утишило раздраженіе.

Монса казнили. Передъ казнью Петръ сказалъ ему, что жалѣеть, что долженъ лишиться его, но что рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе. Монсъ умеръ, не выказавъ упадка духа. Предъ смертью онъ передалъ исповѣдавшему его пастору часы съ портретомъ Екатерины. Послѣ, подъ подкладкою его платья, нашли другой портретъ Екатерины, осыпанный бриліантами. Третій, бывшій у него портретъ, онъ успѣлъ передать довѣренному лицу, когда вели его при арестованіи. Сестрѣ Монса назначено было дать 11 ударовъ кнута, но ей дали только 5 и сослали ее въ Сибирь. Мечь Петра Екатеринѣ выразилась въ томъ, что онъ повезъ ее смотрѣть на отрубленную голову Монса. Головы казненныхъ въ то еще время выставлялись на общее позорище по азіатскому обычаю, нестиѣнному вводителю европейскихъ. Екатерину провезли такъ, что платье ея должно было коснуться эшафота, и во все это время Петръ, не спуская глазъ, пристально смотрѣлъ на нее.

Екатерина вѣрила въ сны и имѣла привычку рассказывать ихъ окружающимъ, находя для нихъ истолкованіе. За двѣ недѣли до ареста Монса, она видѣла сонъ, произведшій на нее впечатлѣніе. Она видѣла, что постель ея внезапно покрылась змѣями, ползавшими во всѣхъ направленіяхъ. Одна изъ нихъ, самая большая бросилась на нее, обвила кольцами ей всѣ члены и стала душить ее. Екатерина защищается, борется со змѣею и наконецъ задумываетъ его. Тогда всѣ прочія, мелкія змѣи поспѣшно сбѣжали съ ея по-

стели. Екатерина истолковывала себѣ этотъ сонъ такъ, что ей будутъ грозить большія опасности, и что она выйдетъ изъ нихъ невредима. Обстоятельства подтвердили истолкованіе.

Казнень былъ Монсъ, а скоро спустя перешелъ въ вѣчность и Петръ. Что же дѣлаетъ Екатерина? Она сорокъ дней оставляетъ тѣло умершаго супруга непогребеннымъ и ежедневно утромъ и вечеромъ, по получасу плачетъ надъ нимъ. „Придворные—говорить Вильбоа — дивились, откуда столько слезъ берется у императрицы.“ Два англичанина нарочно ходили ежедневно къ гробу Петра, чтобы смотрѣть на эти слезы какъ на диковинку, и Вильбоа говорить, что, смотря на слезы Екатерины, онъ растрогивался, какъ на представленіи „Андромахи.“ Тѣло Петра стояло открытымъ такъ долго, что наконецъ запахъ отъ него былъ очень чувствителенъ во дворцѣ. Въ это время умерла отъ быстрой горячки маленькая дочь Петра и Екатерины, Наталья Петровна, и очень вѣроятно, что миазмы отъ предавшагося гніенію тѣла отца могутъ объяснить неожиданную смерть малютки дочери.

По смерти Петра при дворѣ были въ случаѣ: въ теченіе девяти мѣсяцевъ Левенвольде и послѣ молодой Сапѣга, женившійся на племянницѣ Екатерины, Софьѣ Карловнѣ Скавронской ¹⁾. Это была единственная изъ Скавронскихъ, приближенная ко двору при Екатеринѣ. Отецъ ея, братъ Екатерины, Карлъ Самойловичъ хотя получилъ богатая помѣстья и числился камергеромъ, но не имѣлъ ни чиновъ, ни орденовъ. При жизни Петра, Скавронскіе оставались въ деревнѣ, на родинѣ, и предписано лишь было, чтобы о нихъ не писали и чтобы они ни въ чемъ не нуждались. Екатерина, вступивъ на престолъ по смерти мужа, вызвала ихъ въ Петербургъ, хотя латышка, жена Карла Самойловича, и горько плакала, прося, чтобы ихъ оставили на родинѣ ²⁾.

Екатерина не долго пережила Петра. Предъ смертію она видѣла другой сонъ, вѣрно истолкованный ею. Ей снилось, что она сидитъ за столомъ, окруженная придворными. Вдругъ по-

¹⁾ Villebois (b), 139.

²⁾ Арсеньевъ. 74—75.

является тѣнь Петра. Петръ одѣтъ, какъ одѣвались древніе римляне. Онъ манитъ къ себѣ Екатерину. Она идетъ къ нему, и онъ уносится съ нею подъ облака. Улетая съ нимъ, она бросила взоръ на землю. Тамъ она увидала своихъ дѣтей, окруженныхъ толпою, составленною изъ представителей всѣхъ націй, шумно спорившихъ между собою. Она истолковала сонъ такъ: что она должна скоро умереть и что по смѣрти ея въ государствѣ настанутъ смуты.

Въ апрѣлѣ 1727 г. она заболѣла. 29 апрѣля ждали смерти ея, но обильная рвота ¹⁾ и затѣмъ пятичасовой сонъ на рукахъ дочери Анны Петровны казался, общали благопріятный исходъ болѣзни. Потомъ ей сдѣлалось, однако, опять хуже, и чрезъ нѣсколько дней она скончалась. Молва, передаваемая писателями-иностранцами, что она была отравлена медленнымъ ядомъ, находила, быть можетъ, поддержку себѣ въ извѣстномъ спорѣ Меншикова съ Бассевичемъ о престолонаслѣдіи, въ рассказанномъ нами выше фактѣ о пулѣ, пущенной при смотрѣ гвардіи неизвѣстною рукою и, наконецъ, въ ходѣ предсмертной болѣзни императрицы, съ рвотою 29 апрѣля. Но молва эта, какъ не основанная на положительныхъ данныхъ, можетъ быть только упомянута.

5 Мая 1727 г. во дворцѣ русскихъ царей пресѣялась замѣчательная жизнь, начавшаяся въ избѣ литовскаго крестьянина и кончившаяся на одномъ изъ самыхъ могущественныхъ престоловъ. Были и другіе примѣры возвышенія лицъ, рожденныхъ въ низкой долѣ, до порфиры и трона, но тамъ большею частью сильный характеръ, замѣчательный умъ, умѣніе пользоваться обстоятельствами выдвигали впередъ любимцевъ счастія. Екатерина возвысилась до трона, благодаря случаю, благодаря Петру; удивительно ли, что въ самодержицѣ русской Екатеринѣ I до конца жизни ея проглядывала прежняя маріенбургская Марта? Она и царицею не хочетъ учиться читать и писать, потому что вся забота ея—дѣлать угодное Петру. Она до конца жизни подчинена вліянію Меншикова. Она не честолюбива, она восходитъ на тронъ лишь по-

1) Weber, III, 81—82.

тому, что такъ сложились обстоятельства: этого хотѣли Меньшиковъ, Бассевичъ. Она никогда, не забываетъ, чѣмъ была прежде, не стыдится своего прошлаго, не отталкиваетъ отъ себя тѣхъ, кто зналъ и окружалъ ее въ прошломъ. Блескъ и пышность не поразили ея; прежняя бѣдная доля въ воспоминавіи не пугала ея. О ней можно сказать доброе слово: къ чести ея, какъ ни мѣнялись ея прозвища и титулы, она оставалась постоянно тою же. А это можно сказать далеко не о всѣхъ и каждомъ.

ПЕТРЪ II.

Великій князь Петръ Алексѣевичъ.

Супруга царевича Алексѣя Петровича (урожденная принцесса Вольфенбюттельская) умерла, оставивъ дочь Наталью и сына Петра. Легенда о томъ, что она не умерла, а скрылась подъ именемъ графини Кенигсмаркъ и что послѣ ее видѣли въ Луизианѣ и на Иль-де-Франсѣ, гдѣ она будто бы вышла за-мужъ за простаго сержанта—относится въ области вымысла даже авторомъ, который счелъ нужнымъ упомянуть объ этихъ романическихъ подробностяхъ, найденныхъ въ бумагахъ Дюкло ¹⁾. Чрезъ нѣсколько времени умеръ, отъ руки генерала Вейде, казненный тайно по приказанію царя, несчастный царевичъ Алексѣй, распущенности нрава и жестокости котораго приписывается иными преждевременная смерть его супруги. Малютки—дѣти его остались круглыми сиротами, на попеченіи приставленной къ нимъ матерью гувернантки нѣмки Роо ²⁾. Императрица Екатерина, любившая мать сиротъ, пеклась теперь о нихъ и даже торжественно праздновала день рожденія маленькаго Петра, между тѣмъ какъ дѣдъ его обыкновенно проводилъ тотъ же день въ Шлюсельбургѣ, празднуя совпадавшую со днемъ рожденія великаго князя годовщину одной изъ своихъ побѣдъ. Императрица Екатерина и Петръ могли не безъ основанія видѣть въ сынѣ царевича Алексѣя будущаго наследника русскаго престола. Ихъ собственный сынъ, Петръ Петровичъ, былъ сложенъ, не

¹⁾ Lesur, 151.

²⁾ Galitzin, 265.

ручавшагося за долговѣчность. Конечно, у нихъ были дочери, но о возведеніи ихъ на престолъ вѣроятно никто въ это время не думалъ. Позже, когда брюнетка Анна, красивая, умная дѣвушка, съ характеромъ, напоминавшимъ по рѣшительности отцовскій, была торжественно объявлена дочерью Петра, когда она была помолвлена за владѣтельнаго иностраннаго принца, племянника Карла XII, Петръ могъ пожалуй еще думать, какъ въ этомъ прямо увѣриетъ насъ Бассевичъ, о передачѣ престола ей и ея потомству. Но въ то время, когда умеръ царевичъ Алексѣй Петровичъ, объ этомъ не было еще мысли. Болѣе женственный, нѣжный, беззаботный ребенокъ, блондинка Елизавета еще меньше могла входить въ планы отца. Петръ подстригъ ей 12 лѣтней крылышки, въ знакъ того, что она достигла совершеннолѣтія, но до дѣйствительнаго совершеннолѣтія было еще далеко—она была почти двумя годами моложе сестры и ей не было 16 лѣтъ, когда Петра I не стало. Петръ до процесса Монса хотѣлъ передать престолъ Екатеринѣ, но она могла пережить его нѣсколькими годами и престолъ все же перешелъ бы въ родъ царевича Алексѣя, какъ скоро дочери Петра устранялись отъ наслѣдованія. Наталья Петровна, младшая дочь Петра, могла имѣть всѣ права на престолъ, но она была еще ребенокъ, и предпочитали выдать ее за-мужъ за сына царевича Алексѣя ¹⁾, чтобы такимъ образомъ, безъ смутъ и безъ распрей потомство Петра I отъ обѣихъ супруговъ соединилось на царскомъ престолѣ, и умиротворилось общественное мнѣніе, видѣвшее во внука Петра, отъ царевича Алексѣя, прямаго наслѣдника престола. Петръ I и самъ не могъ нерасположенія своего къ сыну выказывать на сиротѣ — внука. Живой, веселый, здоровый мальчикъ — этотъ внукъ во многомъ напоминалъ мать. Подвижность четырехлѣтняго малютки, который устраивалъ баттареи, самъ стрѣлялъ изъ своихъ небольшихъ орудій и постоянно возился съ ружьемъ, также быть можетъ не могла не нравиться дѣду. Петръ подарилъ ему шпагу и внукъ послѣ дорого цѣнилъ этотъ подарокъ ²⁾. Правда, когда дворъ поѣхалъ въ Москву на корона-

¹⁾ Galitzin, 261.

²⁾ Galitzin, 289.

цію Екатерины, только маленькаго Петра и его сестру оставили изъ всего царскаго семейства въ Петербургѣ. Но на это безспорно скорѣе были государственныя, чѣмъ семейныя причины.

Въ календарѣ на 1725 г. появляются впервые имена великихъ князей Анны и Елизаветы, какъ членовъ царскаго семейства, и взаимно того исчезаютъ изъ него имена дѣтей царевича Алексѣя ¹⁾. Означало ли это, что было рѣшено удалить ихъ отъ престолонаслѣдія? Этого невидно. Наталью Петровну по прежнему прочать въ невѣсты десятилѣтнему Петру, и Екатерина, сдѣлавшись самодержавною императрицею, удваиваетъ ласки къ нему, часто призываетъ его во дворецъ, наблюдаетъ за его ученіемъ. Въ Петрѣ скоро всѣ начинаютъ видѣть ея преемника. Умираетъ великая княжна Наталья Петровна — этимъ нанесенъ ударъ придворнымъ и семейнымъ планамъ. Но находчивый Остерманъ даетъ повяты, что за Петра можетъ быть посватана другая дочь Екатерины, Елизавета ²⁾. У этого опытнаго дипломата, сдѣланнаго теперь главнымъ наставникомъ молодаго великаго князя, наисущественный доводъ въ пользу этого брака тотъ, что послѣ Адама братья женились же на сестрахъ ³⁾. Противъ этого довода не возражали, потому что Наталью Петровну прочили же за ея племянника по отцу — слѣдовательно, сватовство сестры ея не вводило никакого новаго принципа и, наконецъ, Екатерина была не прочь отъ этого брака. Возраженіе явилось съ той стороны, съ какой его всего меньше можно было ожидать, если примемъ въ соображеніе, что возражателемъ былъ Меньшиковъ ⁴⁾. Александръ Даниловичъ ставилъ на видъ неравенство лѣтъ. Дѣйствительно, тутъ рѣчь шла съ одной стороны о 17 лѣтней дѣвушкѣ, красота и положеніе которой не могли заставить ее нуждаться въ женихахъ и съ другой объ 11 лѣтнемъ мальчикѣ, ребенкѣ, которому нужно было учиться, а не думать о невѣстахъ. Самъ Катонъ, казалось, не могъ поддерживать болѣе разумнаго и нравственнаго до-

¹⁾ Энци. Лекс. см., Анна Петровна.

²⁾ Чтенія, 1858, III, протоколы Верх. Тайн. Сов., 11—12.

³⁾ Арсеневъ, 19.

⁴⁾ Galitzin, 261.

вода. Но всего меньше, повторяемъ, можно было ждать защиты этого довода отъ Александра Даниловича; мечтавшаго лишь о томъ, какъ бы вѣсто одной совершеннолѣтней невѣсты подставить другую, такую же, несовершеннолѣтнему жениху. Но не предугадывали еще въ то время, что свѣтлѣйшій князь готовить своей старшей дочери Марьѣ Александровнѣ положеніе, которое онъ считалъ предосудительнымъ для Елизаветы Петровны, и резонъ его, равно какъ и другія обстоятельства, оказали дѣйствию — мысль о бракѣ Петра съ Елизаветою была оставлена.

Надзоръ за ученіемъ великаго князя былъ порученъ, какъ мы уже говорили, Остерману. Вестфалець Генрихъ Остерманъ давно превратился въ Андрея Ивановича Остермана, мужа государевой свойственницы Марѣи Ивановны, урожденной Стрѣшневой. Недурной собою — положимся въ этомъ случаѣ на отзывъ леди Рондо, — обходительный и любезный собесѣдникъ, когда не въ роли министра, тонкій дипломатъ въ дѣлахъ и въ знаніи людей, Андрей Ивановичъ остался нѣмецъ въ душѣ, но это былъ русскій нѣмецъ. Онъ выучился въ два года по пріѣздѣ въ Россію хорошо говорить по-русски и, какъ знатокъ восточныхъ и европейскихъ языковъ, былъ незамѣнимымъ дѣльцомъ для Петра I. Онъ не пренебрегалъ русскими, не ненавидѣлъ ихъ, какъ другіе иноземцы. Что у него въ душѣ было — о томъ никто ничего не могъ сказать, но вѣншій образъ дѣвствій его былъ далекъ отъ того, чтобы отталяивать отъ него старую русскую партію. Остерманъ зналъ страну, избранную имъ вторымъ отечествомъ и примѣнялся къ ея людямъ и обычаямъ. Выборъ Остермана въ главные наставники великаго князя былъ именно таковъ, какими могли быть довольны всѣ партіи. Это, во-первыхъ, былъ образованный человѣкъ, который могъ дѣйствительно кое-что преподавать своему ученику. Имъ могли остаться довольны приверженцы нововведеній Петра I; нѣмецъ Остерманъ былъ бы послѣднимъ, чтобы поднять руку на дѣло Петра, или внушать своему ученику недовѣріе къ этому дѣлу. Наконецъ, Остерманъ былъ *русскій* нѣмецъ, котораго ничто не тянуло на чужбину, который освоился въ русской средѣ, и на столько остерегался пойти на переборъ обычаямъ страны, что, напримѣръ, ѣздилъ въ посту обѣдать по знакомымъ, чтобы не держать скором-

наго стола, когда супруга его, Марѳа Ивановна, ѣла постное. Всѣмъ этимъ онъ выигрывалъ въ мнѣніи старой русской партіи, основывавшей надежды на вступленіи на престолъ сына царевича Алексѣя. У Петра Алексѣевича, подѣ главнымъ наблюденіемъ Остермана, были другіе наставники. Штелинь называетъ, между прочимъ, Гольдбаха. Программу для преподаванія великому князю закона Божія составилъ Теофанъ Прокоповичъ и составилъ такъ, что иностранцы не могли нахвалиться ею. Но, поклонникъ протестантства въ душѣ, Теофанъ вмѣстѣ былъ, разумѣется, на столько остороженъ, чтобы не возбудить программю своею пререканій со стороны русскихъ.

Смерть Екатерины открыла путь къ престолу Петру прежде, чѣмъ нужно было бы въ его собственномъ интересѣ. Но за то это было въ интересѣ Меншикова. Сцена во дворцѣ, во время болѣзни императрицы, заставила предугадывать, что Россію ждетъ что-то въ родѣ повторенія событій въ малолѣтство Ивана IV. Девьеръ, бывший скороходъ и потомъ деньщикъ Петра I, теперь петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, пугало петербургскаго населенія (и какъ было скороходу, попавшему въ генералы, не показать себя), будучи во дворцѣ навеселѣ вертѣлъ племянницу Екатерины, Софью Карловну, какъ въ танцахъ, обращался къ великой княжнѣ Аннѣ со словами: „выпей вина“, и одиннадцатилѣтнему Петру говорилъ: „пѣдемъ со мною въ коляскѣ, тебѣ будетъ лучше и воля“, прибавляя далѣе, что онъ будетъ волочиться за невѣстой великаго князя, а тотъ будетъ ревновать ¹⁾. Казалось, что Екатерина еще не успѣла закрыть глаза навсегда, а между тѣмъ время князей Шуйскихъ и Вѣльскихъ—мы хотѣли сказать, Меншикова и Долгорукихъ—въ Россіи уже начиналось.

Меншиковъ-регентъ.

Уже при жизни Петра I свѣтлѣйшій князь, или герцогъ ²⁾

¹⁾ Арсеньевъ, 85.

²⁾ Арсеньевъ 69. 70.

Ижорскій и одинъ изъ первыхъ богачей въ Россіи—Меньшиковъ могъ назваться любимцемъ счастія. Смерть Петра передала почти царскую власть въ его руки. Екатерина была вполне подъ его вліяніемъ. Всѣ желанія его исполнялись. Онъ, одинъ изъ мужчинъ получилъ орденъ св. Екатерины. Этотъ орденъ, учрежденный Петромъ въ 1714 г. въ честь Екатерины, имѣлъ отчасти символическое значеніе. На оборотной сторонѣ этого бѣлаго креста представлены гнѣздо орлятъ и два орла, разрывающіе змѣй. Теперь, когда орла не стало, а число змѣй, шипѣвшихъ вокругъ орляны увеличилось все болѣе, принятіе Меньшиковымъ ордена, предназначеннаго исключительно для дамъ, могло давать попятъ, что онъ не прочь явиться опекуномъ надъ осиротѣвшими орлятами. По крайней мѣрѣ онъ употреблялъ съ своей стороны всѣ усилія, чтобы явиться имъ. Скоро былъ учрежденъ Верховный совѣтъ, присвоившій себѣ власть, бывшую не по силамъ неприготовленной къ правленію Екатерины. Генералъ-фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь былъ главное лице въ этомъ ареопагѣ, переименовавшемъ теперь утратившій прежнее значеніе сенатъ изъ правительствующаго въ „высокій“ и еще при жизни государыни правившемъ государствомъ. Какъ ни мало способна была къ управленію государствомъ Екатерина, называвшая свою имперію „герцогствомъ“¹⁾. но около нея были лица, смотрѣвшія недружелюбно на главенство Меньшикова. Воспользовавшись поѣздкою его въ Курляндію, гдѣ онъ хлопоталъ сдѣлаться герцогомъ, они успѣли склонить императрицу избавиться изъ-подъ его ига и Меньшиковъ едва не былъ арестованъ, по приказанію Екатерины²⁾. Возвращеніе его въ Петербургъ разстроило планы его враговъ, и восторжествовавъ надъ ними, Меньшиковъ пошелъ самъ далѣе въ своихъ замыслахъ. Онъ настоялъ, чтобы наследникомъ престола объявленъ былъ великій князь Петръ Алексѣевичъ и въ духовной Екатерины стояло, чтобы были употреблены старанія устроить бракъ между Петромъ и одною изъ дочерей князя Меньшикова³⁾. „Съ одною изъ дочерей“ довольно странное

¹⁾ Чтенія, 1858 III, Мат. Отеч. 32.

²⁾ Записки дюка Лирійскаго, 141.

³⁾ Записки дюка Лирійскаго, 118.

выраженіе, когда дѣло идетъ о брачномъ соединеніи двухъ лицъ, и когда по крайней мѣрѣ стараются показать, что достоинства соединяемыхъ играютъ главную роль въ дѣлѣ, а не ихъ положеніе въ свѣтѣ. Очевидно, надобно было, чтобы Петръ Алексѣевичъ сдѣлался зятемъ Меншикова, а кого судьба посылала ему въ супруги — это было рѣшительно все равно. Но тутъ выраженіе „съ одною изъ дочерей“, являлось не по этой лишь причинѣ. Когда Екатерина умирала, Марья Александровна, старшая дочь Меншикова, была помолвлена за Сапѣгу, а ее-то честолюбивый отецъ и хотѣлъ выдать за будущаго молодаго императора. Онъ имѣлъ въ виду разстроить бракъ съ Сапѣгой, но на это надобно было время, и потому самое удобное было поставить въ завѣщаніи нѣчто въ родѣ „имярека“, а имя вставить послѣ, когда нужно. Это лучше другаго показываетъ какое участіе Меншиковъ долженъ былъ имѣть въ составленіи духовной. Наконецъ, еслибы это завѣщаніе, о бракѣ будущаго императора, не было формулировано на скорую руку, при обстоятельствахъ, въ которыхъ самъ Меншиковъ какъ бы не былъ приготовленъ, то не трудно было заблаговременно разстроить бракъ дочери его съ Сапѣгой. Между тѣмъ бракъ съ Сапѣгой разстроивается лишь послѣ смерти императрицы. Словомъ, видно по всему, что Меншиковъ, до болѣзни императрицы, не считалъ возможнымъ бракъ своей дочери съ будущимъ императоромъ. Онъ сговариваетъ дочь за Сапѣгу и выплачиваетъ ему уже 400,000 злотыхъ приданаго. Если такой деньголюбивый родитель, какъ Меншиковъ, далъ такую сумму будущему зятю, то значить для него бракъ дочери уже былъ слаженое дѣло. Очевидно, мысль выдать дочь не за сына польскаго фельд-маршала, а за императора, блеснула въ головѣ честолюбца неожиданно, и, какъ мы видѣли, ее могла подсказать внезапная болѣзнь императрицы, низведшая ее въ могилу. Затѣмъ духовная была составлена какъ желалось Меншикову, потому что Екатерина, при всемъ вліяніи на нее временщика, едва ли согласилась бы, будучи въ полномъ сознаніи, написать, чтобы внука ея, которому она всегда выказывала столько любви и расположенія, постарались женить „на одной изъ дочерей“ Меншикова. Упомянули бы по крайней мѣрѣ имя. Но Меншикову, какъ мы видѣли, имени-то и не нужно было упоминать. По смерти Екатерины очень скоро объяснилось —

почему. Сапѣгу, какъ видно, не стоило труда уговорить отказаться отъ невѣсты. Это былъ тотъ самый Сапѣга, который, прїѣхавъ въ Петербургъ, обратилъ на себя вниманіе Екатерины и, послѣ Левенвольда, былъ въ случаѣ. Онъ одновременно съ Левенвольдомъ и съ двумя дочерьми Меньшикова получилъ для ношенія портретъ императрицы. Говорили, что Екатерина, чтобы чаще видѣть его около себя, прочла за него свою племянницу Софью Карловну Скавронскую. Меньшиковъ однако предупредилъ и сговорилъ за него свою дочь. По смерти Екатерины, Сапѣга просилъ, чтобы ему позволили сочетаться бракомъ съ Скавронскою, такъ какъ бракъ его съ Меньшиковою не состоялся, и чтобы ему были даны такіа-то и такіа-то помѣстья. Удовлетворены ли были помѣстныя притязанія сговориваго жениха—мы не знаемъ, но что касается Меньшикова, то онъ былъ не изъ тѣхъ, чтобы потерять 400,000 злотыхъ, уплоченныхъ Сапѣгѣ какъ приданое. Онъ ходатайствовалъ, чтобы взамѣнъ этого ему было выдано изъ русской казны 53,639 руб. 94¹/₂ копѣйки ¹⁾. Далъ ли онъ что нибудь Сапѣгѣ, не давалъ ли онъ ничего, была ли это просто финансовая сдѣлка между двумя личностями, обдѣлывавшими свои дѣла—документы не говорятъ ничего объ этомъ; мы знаемъ лишь, что Меньшиковъ говорилъ, что онъ далъ столько-то и теперь просилъ возвратить ему сумму до полукопѣйки, хотя бы кажется почему было Сапѣгѣ не возвратить эти деньги, если онъ взялъ ихъ?

Обратимся теперь къ невѣстѣ царской, Марьѣ Александровнѣ, сговоръ которой съ Петромъ II послѣдовалъ тотчасъ по соглашеніи родителя ея съ Сапѣгою. Ее описываютъ намъ дѣвушкою съ прїятными манерами, съ прекраснымъ лицомъ, съ черными огненными глазами и локонами, покрытыми по обычаю того времени пудрою. Говорятъ также, что она искренно любила своего перваго жениха. Героини исторіи, какъ героини романа, обязаны быть обворожительными и страстно любить тѣхъ, отъ кого отрываетъ ихъ злой рокъ. Не трудно правда повѣрить, что воспитанная корыстолюбивымъ, но умнымъ отцомъ, среди всѣхъ благъ земныхъ, на по-

¹⁾ Чтенія 1858 г. III Мат. Отеч. 49.

печеніи матери, если не очень образованной (за Дарью Михайловну Меньшикову писала письма ее сестра Варвара Михайловна Арсеньева) ¹⁾, то одаренной теплымъ, чувствительнымъ сердцемъ - Марья Александровна могла быть роскошнымъ цвѣткомъ, но труднѣе предположить, чтобы она дѣйствительно чувствовала привязанность къ такому придворному любезнику, какимъ былъ Сапѣга. Какъ бы то ни было, теперь предстоялъ ей другой бракъ—бракъ по расчету отца, и если она не была честолюбивая дѣвушка—многое должно было заставить ее отшатнуться отъ этого брака. Жениху ее еще не было 12 лѣтъ; онъ не могъ чувствовать и не чувствовалъ къ ней ничего; его даже не женили неволею, потому что уже воля предполагаетъ извѣстный возрастъ, а его женили прежде, чѣмъ въ немъ являлся воля. Но Александра Даниловича мы знаемъ, какъ человека съ крутымъ, рѣшительнымъ характеромъ, особенно если дѣло шло о лицахъ, подчиненныхъ ему. О противорѣчій кроткой, молодой княжны не могло быть рѣчи. И вотъ ее сговариваютъ, имя ея произносится на актиніяхъ съ титуломъ Ея Императорскаго Высочества, Государыни-Невѣсты ²⁾; отецъ настаивалъ на томъ, чтобы даже члены царскаго семейства, какъ Елизавета Петровна, цѣловали руку будущей супруги государя ³⁾. Но съ этого же времени начинается для Марьи Александровны рядъ испытаній за грѣхи отца.

Меньшиковъ, по смерти Екатерины, постарался немедленно захватить въ свои руки молодаго императора. Онъ перевезъ его въ свой домъ, на Васильевскій островъ, и окружилъ своими. Духовная Екатерины объявляла Петра несовершеннолѣтнимъ и назначала надъ государствомъ регентство изъ членовъ царскаго семейства и главныхъ сановниковъ. Но такое регентство предполагало участие въ правленіи многихъ лицъ. Меньшикову этого не нужно было. Объявлено было, что такъ какъ Петръ II провозглашенъ императоромъ, то въ государствѣ не можетъ быть иной воли кромѣ его, следовательно, пунктъ завѣщанія, назначавшій регентство, недѣй-

¹⁾ Чтенія 1864, 2, смѣсь, 34.

²⁾ Galitzin, 271.

³⁾ Ibid. 272.

ствителевъ и императоръ долженъ быть объявленъ совершеннолѣтнимъ. Петръ объявленъ былъ совершеннолѣтнимъ, а такъ какъ съ этого времени всякое его приказаніе было указъ, то тотъ, кто могъ руководить этими приказаніями, дѣлался очевидно одинъ регентомъ государства. Этимъ регентомъ сдѣлался Меньшиковъ.

Меньшиковъ-регентъ началъ съ того, что взялъ себѣ изъ казенныхъ 100,000 рублей, а вмѣсто 700,000 рублей въ годъ, положенныхъ первоначально по штату на содержаніе императорскаго двора, опредѣлилъ только 150,000 ¹⁾. Что онъ держалъ себя въ отношеніи своего царственнаго питомца скорѣе какъ полновластный опекунъ, чѣмъ какъ усердный подданный — видно изъ поступка его съ другомъ Петра, Иваномъ Долгорукимъ ²⁾.

Кн. Иванъ Долгорукій, 18 лѣтній молодой человѣкъ, получившій воспитаніе въ домѣ дѣда, русскаго посла въ Варшавѣ, еще при жизни Екатерины бросился разъ въ ноги ребенка Петра, открылся ему въ преданности къ памяти его отца и къ нему, и просилъ о его довѣрїи. Петръ скоро сблизился съ своимъ молодымъ гофъ-юнкеромъ и подружился. Очень можетъ быть, что вѣтранный, не очень образованный, но юноша съ сердцемъ, дѣйствительно чувствовалъ эту преданность. По крайней мѣрѣ великій князь отвѣчалъ ему дружбою. Скоро они сблизились до того, что стали неразлучны: спали въ одной комнатѣ и между ними установилась фамиллярность отношеній двухъ молодыхъ сверстниковъ — хотя и очень не одинакихъ лѣтъ — не обличавшая въ одномъ наследника престола, а въ другомъ — его гофъ-юнкера. Иванъ Долгорукій, узнавъ, что Петра хотятъ женить на дочери Меньшикова, высказался противъ этого брака. Этого было достаточно, чтобы его удалить отъ двора и перевести въ армейскіе полки съ пониженіемъ чина. Одно это показываетъ, что Меньшиковъ не стѣнялся личными чувствами своего питомца. Особенно въ денежномъ отношеніи опека Меньшикова была стѣснительна для императора и его сестры, Наталїи Алексѣевны. Разъ Меньшиковъ

¹⁾ Неггманн, IV, 510.

²⁾ Записки Дюка Лирійскаго, 145.

узналъ, что одинъ изъ придворныхъ служителей изъ 3000 рублей, данныхъ ему, выдалъ часть на руки молодому императору. Меньшиковъ пришелъ въ негодованіе, выбралъ придворнаго какъ нельзя хуже и грозилъ отставить отъ должности. Въ другое время Петръ просилъ о выдачѣ ему 500 дукатовъ. Меньшиковъ спросилъ на что. Молодой императоръ отвѣчалъ, что ему нужно. 500 дукатовъ были выданы и Меньшиковъ узналъ, что императоръ передалъ ихъ своей сестрѣ. Это раздражило не столько заботившагося о наклонностяхъ питомца, сколько о деньгахъ опекуна. Но еще замѣчательнѣе былъ случай съ серебрянымъ сервизомъ, поднесеннымъ Петру городомъ Ярославлемъ ¹⁾. Сервизъ былъ отосланъ императоромъ къ сестрѣ, и Меньшиковъ три раза посылалъ къ великой княжнѣ требовать его обратно. Въ третій разъ великая княжна выслала отъ себя его посланнаго, сказавъ, что она помнитъ, что онъ, Меньшиковъ — не государь и не имѣетъ права распоряжаться подобнымъ образомъ. Наконецъ припомнимъ стереотипный анекдотъ о 9000 червонцахъ, поднесенныхъ петербургскими масонами Петру, который послалъ ихъ также сестрѣ и о томъ, какъ Меньшиковъ, встрѣтивъ офицера, несшаго блюдо съ червонцами, велѣлъ отнести его къ себѣ, сказавъ, что императоръ еще молодъ, чтобы умѣть распоряжаться деньгами. Всѣмъ этимъ Меньшиковъ возстановилъ противъ себя императора и имѣвшую на него большое вліяніе великую княжну. Между тѣмъ Меньшиковъ долженъ былъ бы знать рѣшительный не по лѣтамъ характеръ Петра, тяготившагося тѣмъ, что съ нимъ, объявленнымъ совершеннолѣтнимъ императоромъ, обращаются какъ съ ребенкомъ. Уже нѣсколько дней послѣ смерти Екатерины, Петръ отчасти озадачивалъ его словами: „я лишился сегодня фельдмаршала.“ Когда фельдмаршалъ посмотрѣлъ въ недоумѣніи на молодого императора, тотъ показалъ ему указъ, назначавшій его, Меньшикова, генерал-лиссимусомъ; но неловкое выраженіе, какъ плодъ игривости ума 12 лѣтняго Петра, уже до нѣкоторой степени обличало какой характеръ слагался въ этомъ ребенкѣ. Придирки Меньшикова, впо-

¹⁾ Hermann, IV, 513.

слѣдствіи, могли тѣмъ болѣе раздражить самолюбіе 12 лѣтняго императора, что вокругъ него не было недостатка въ людяхъ, которые эти придирки объясняли не заботливостью воспитателя, чтобы питомецъ по пустому не сорилъ деньгами, а скорѣе алчностью скряги.

Ко всему этому присоединилось то, что Меньшиковъ возстановилъ противъ себя Остермана, успѣвшаго приобрести значительное вліяніе какъ на императора—ученика своего, такъ и на его сестру. Приѣхавъ разъ въ Петергофъ, Меньшиковъ упрекалъ Остермана въ томъ, что тотъ наставляеть императора въ правилахъ другой, не православной религіи. Если это былъ намекъ на духъ, въ которомъ составлены были Теофаномъ Прокоповичемъ правила для преподаванія закона Божія Петру, то во всякомъ случаѣ такой упрекъ человѣку, современники котораго не знали къ какой религіи принадлежитъ онъ, былъ очень забавенъ. Но Меньшиковъ къ этому присоединилъ угрозы и Остерманъ на дерзость отвѣчалъ дерзостью ¹⁾).

Какъ видимъ, паденіе Меньшикова было не неожиданно. Онъ систематически возстаповилъ противъ себя молодаго императора, его сестру и окружавшихъ ихъ. При всемъ томъ кризисъ приближался медленно. Такъ, при началѣ распри, Петръ довольствовался тѣмъ, что когда Меньшиковъ подошелъ и поклонился ему, онъ повернулся къ нему спиною и послѣ замѣтилъ, что онъ исправляетъ Меньшикова. Вѣрно Меньшиковъ однако былъ неисправимъ, потому что вслѣдъ затѣмъ, на приглашеніе отъ него пріѣхать въ Ораніенбаумъ, гдѣ свѣтлѣйшій князь праздновалъ день своихъ именинъ, императоръ отвѣчалъ, что Меньшиковъ можетъ отпраздновать именины и безъ его присутствія. Меньшиковъ угадывалъ, что приближается что-то недоброе и смутился. Императоръ былъ въ Петергофѣ—Меньшиковъ ѣдетъ туда со всемъ семействомъ, но узнаеть по пріѣздѣ, что Петръ только что ускакалъ на охоту. Великая княжна Наталья оставалась во дворцѣ, но узнавъ, что пріѣхалъ ненавистный Меньшиковъ, выскочила изъ

¹⁾ Neffmann, IV, 517.

окна и, догнавъ брата, уѣхала съ нимъ на охоту ¹⁾. Меньшиковъ засталъ во дворцѣ только Елизавету Петровну, и такъ какъ положеніе ея при временщикахъ было таково, что она должна была сообразоваться съ обстоятельствами, а Меньшиковъ, не былъ еще въ явной опалѣ, то ей пришлось принять князя и выслушать отъ него пространную іереміаду о собственныхъ его, Меньшикова, великихъ заслугахъ для Россіи, о неблагодарности ближнихъ и т. д. Онъ прибавлялъ, что если въ его услугахъ не нуждаются, то онъ готовъ отправиться въ Украину генераль-губернаторомъ ²⁾.

Судьба не судила ему однако отправиться въ Украину. Скоро въ верховномъ совѣтѣ полученъ былъ императорскій указъ, запрещающій исполнять какія либо распоряженія Меньшикова. Вслѣдъ затѣмъ последовалъ указъ объ отобраніи изъ вѣденія Меньшикова государственныхъ кассъ. Далѣе велѣно было перевезти мебель и вещи императора изъ дома Меньшикова. Меньшиковъ хотѣлъ было съ императорскими вещами послать и свои, ему этого не дозволили. Наконецъ ему объявленъ былъ домашній арестъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, изъ Петербурга выѣзжалъ длинный рядъ экипажей, везшіи Меньшикова, его семейство, челядинцевъ и имущество въ Раненбургъ. Сорокъ двѣ кареты князя, ѣхавшія одна за другой, представляли длинную процессію вѣстѣ съ сопровождавшимъ ихъ карауломъ — изъ капитана и 120 гвардейцевъ. Меньшиковъ былъ безъ орденовъ; онъ и семейство его всѣ были въ траурѣ ³⁾. Все было сдѣлано временщикомъ, чтобы предотвратить ссылку. Онъ написалъ письмо къ Петру, въ которомъ оправдывалъ себя, говорилъ, что онъ взыскалъ на Кайсаровѣ за растрату денегъ, потому что подъ предлогомъ императорскихъ приказаній деньги расходовались на другіе предметы; просилъ объ одномъ, чтобы ему дали спокойно жить вдали отъ дѣлъ. Написалъ онъ и письмо къ сестрѣ императора, Натальѣ Алексѣевнѣ, гдѣ между прочимъ титулуется ее ваше величество ⁴⁾. Ничто

¹⁾ Hergmann, IV, 513.

²⁾ Hergmann, IV, 514.

³⁾ Hergmann, IV, 515.

⁴⁾ Чтенія 1853, III, Мат. отеч., 63.

не помогло. Ходатайство Дарьи Михайловны, супруги его, также не имѣло успѣха. Ее лично жалѣли, но ничего не могли для нея сдѣлать. Напрасно она долго со слезами обнимала колѣни Остермана; и тотъ остался непоколебимъ. Для нихъ оставалась только ссылка. Поѣхала въ ссылку и бывшая невѣста государева, Марья Александровна. Императоръ-женихъ никогда и до разрыва съ Меншиковымъ не оказывалъ ей вниманія. Онъ между прочимъ спрашивалъ у Остермана; на какомъ основаніи въ Россіи женить противъ воли ¹⁾, и главный наставникъ, которому въ то время еще надобно было опасаться Меншикова, объяснилъ это своему ученику историческими причинами. Эти причины, по видимому не оказали дѣйствія на Петра и онъ по прежнему былъ холоденъ къ невѣстѣ. Есть извѣстіе, что онъ на колѣняхъ просилъ сестру Наталью разстроить этотъ бракъ ²⁾. Напротивъ, замѣчали, что онъ тѣмъ ласковѣе былъ съ Елизаветою Петровною, прежде назначавшею ему въ невѣсты ³⁾. Въ Елизаветѣ онъ все-таки видѣлъ отчасти подругу дѣтства, съ которою онъ часто игривалъ въ карты, а Марья Александровна была ему совершенно чужая и притомъ одна изъ дѣвицъ того возраста, въ обществѣ которыхъ мальчики его лѣтъ обыкновенно конфузятся. Тѣхъ же достоинствъ, которыя могъ бы отыскать въ ней женихъ соотвѣтственныхъ ей лѣтъ, женихъ мальчикъ не могъ и не умѣлъ оцѣнить. Когда началась размолвка съ Меншиковымъ, Петръ говорилъ, что князь извѣстно его намѣреніе не жениться, пока ему не минетъ 25 лѣтъ ⁴⁾. Паденіе Меншикова было сигналомъ къ разрыву отношеній и къ его дочери.

Пѣхалъ въ ссылку и сынъ Меншикова, юный оберъ-камергеръ, на которомъ, если вѣрить иностранцамъ, молодой императоръ выискалъ, какъ сверстникъ въ играхъ, свои неудовольствія противъ его отца.

Раненбургъ былъ только этапомъ; скоро послѣдовала ссылка въ

¹⁾ Galitzin, 282.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, Биографія генералиссим. I, 101.

³⁾ Heggmann, IV, 512.

⁴⁾ Heggmann, IV. 513.

Березовъ. Какъ скоро палъ Меньшиковъ, противъ него стали говорить то, что можетъ быть ему и на умъ не всходило. Утверждали между прочимъ, что у него были планы войти въ сдѣлку съ прусскимъ дворомъ, занять у него 10 милл. рублей, вступить при помощи ихъ на русскій престолъ и затѣмъ отдать прусскому двору вдвое—20 милл. рублей ¹⁾. Въ другомъ обвиненіи, что Меньшиковъ старался наполнить Преображенскій полкъ преданными себѣ людьми, могло быть гораздо болѣе правды. Меньшикова и его умную свояченицу, Арсеневу, послали въ Березовъ; прочіе члены семейства послѣдовали добровольно за ними. Дарья Михайловна не долго пережила несчастье; она выплакала глаза и слѣзная умерла въ дорогѣ. Но самъ Александръ Даниловичъ въ ссылкѣ явился философомъ, какимъ не всегда былъ въ счастіи. При арестѣ у него было отобрано 14 милл. рублей и 105 фунт. золота въ вещахъ ²⁾. Онъ получалъ еще по 10 руб. въ день содержанія, что позволяло ему жить въ березовскомъ острогѣ почти роскошно, но онъ сталъ какъ будто тѣмъ же опять Александромъ Меньшиковымъ, котораго когда-то встрѣтилъ Петръ въ мальчикѣ-пирожникѣ и въ молодомъ слугѣ Дефорта. Онъ отпустилъ бороду, взялся за топоръ и самъ помогъ выстроить возводившуюся на иждивеніе его церковь, по сосѣдству съ острогомъ.

Навсегда ли стихло въ немъ честолюбіе? Примирился ли онъ съ своею участью? Нѣтъ. Если вѣрить врагамъ его, подметное письмо въ его пользу подброшено было въ Кремль не безъ его участія. Говорили, что Меньшиковъ далъ 1,000 ефимковъ духовнику вдовствовавшей царицы Евдокии Ѳеодоровны ³⁾, и письмо, предостерегавшее Петра противъ его новыхъ любимцевъ и напоминавшее ему о заслугахъ Меньшикова, было слѣдствіемъ этой сдѣлки. Съ этого времени узника стѣснили еще болѣе. Объявлена была смертная казнь каждому, кто будетъ сноситься съ ссылными ⁴⁾. Но Меньшиковъ уже не долго жилъ послѣ этого. Онъ самъ

¹⁾ Неггманн, IV, 515—516.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, Біограф. генералис. I. 115.

³⁾ Запис. дѣла Лыр., 29.

⁴⁾ Galitzin, 310.

себѣ столько разъ пускалъ кровь, что наконецъ ослабѣлъ, и не хотѣлъ обратиться къ докторской помощи, не хотѣлъ ни съ кѣмъ говорить, и даже, какъ говорятъ, ускорилъ свою смерть, отказавшись отъ пищи.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Березовъ, умерла и бывшая царская невѣста. Есть преданіе что въ Березовъ тайно приѣхалъ, взявшій заграничный паспортъ, князь Ѳеодоръ Долгорукій и женился на Марьѣ Александровнѣ Меньшиковой ¹⁾. Плодомъ этого брака было рожденіе двухъ малютокъ, двойни, стоявшее жизни матери. Малютки также умерли и гробики ихъ опустили на гробъ матери, въ одну могилу. Въ 1825 г., почти сто лѣтъ спустя послѣ смерти ихъ, прахъ матери и ея малютокъ былъ потревоженъ ²⁾. Гражданскому губернатору Бантышу-Каменскому хотѣлось отыскать могилу Меньшикова. Исправникъ Андреевъ началъ исполнять съ плеча губернаторское приказаніе. 30 іюля, въ жаркій лѣтній день, начали копать могилу, которая, по мнѣнію казака Шахова, была впадою Меньшикова. Скоро откапали два маленькіе гробика, поставленные на большомъ кипарисномъ. Въ гробикахъ были кости младенцевъ, уцѣлѣвшіе отъ тлѣнія шелковые головные вѣнчики, и зеленый атласъ, которымъ младенцы очевидно были покрыты. Бывшій внизу большой кипарисный гробъ, также крытый краснымъ сукномъ, съ большимъ крестомъ наверху изъ серебрянаго позумента, оказался выдолбленнымъ, большимъ, въ сажень длины, обрубокъ кипариса, оставшимся невыдолбленнымъ по четверти вверху и внизу. Если принять во вниманіе толщину гроба и то, что онъ стоялъ ниже гробиковъ, въ слоѣ почвы, остающемся постоянно замершимъ, то неудивительно, что когда открыли гробъ, то на зеленомъ атласѣ, сложенномъ вдвое и покрывавшемъ покойницу (это было тѣло Марьи Александровны Долгорукой), оказался слой льда въ вершокъ толщиной. Этотъ ледъ предохранилъ трупъ отъ гніенія и онъ оказался мало попортившимся: лице было бѣло, лишь отчасти синевато, зубы сохранились вполне; на головѣ былъ под-

¹⁾ Абрамовъ, Описаніе Березовскаго края.

²⁾ Ibid.

вязанный лентою подъ подбородкомъ шелковый капоръ; на лбу покойницы былъ шелковый вѣничекъ. Одѣта она была въ шелковый плафрокъ изъ матеріи красноватаго цвѣта. Башмаки на ней были съ высокими, сѣуживавшимся внизу каблуками и съ острыми передками изъ шелковой матеріи. Тѣло цѣлый день, въ жаркую лѣтнюю пору, оставалось открытымъ и, конечно, почернѣло и предалось тлѣнію. Исправникъ донесъ губернатору, что онъ не ручается, чтобы отрытое тѣло было тѣло Меньшикова. Дѣйствительно, трудно было поручиться за это: если не исторія и преданія, то женская одежда на трупѣ ручалась за то, что это не былъ трупъ мужчины. Какъ ни странно покажется это, но въ январѣ 1827 г., полтора года спустя, опять потревожено было тѣло бывшей невѣсты Петра II, потому что все еще не убѣдились, что это не было тѣло Меньшикова. Вантынь-Каменскій, прибывъ въ Березовъ, приказалъ вновь разрыть могилу при себѣ. Тѣло, конечно, теперь уже предалось тлѣнію и еще труднѣе было узнать то, что казалось труднымъ прежде. Сомнѣнія еще болѣе усилились, когда инспекторъ врачебной управы Альбертъ, спускавшійся въ могилу, заявилъ, что онъ ощущалъ лице покойника и чувствовалъ, что борода колола руку. Или инспекторъ ошибся въ ощущеніяхъ, или на женскомъ лицѣ отросъ мелкій волосъ послѣ смерти, но все же это не былъ трупъ Меньшикова. Тотъ, наконецъ, и не брилъ бороды въ изгнаніи. Немного побольше знанія исторіи и прахъ страдальцы, за вины другихъ, не былъ бы напрасно потревоженъ.

Великая княжна Наталья Алексѣевна.

Въ 12 лѣтъъ Петръ II современники видѣли зародившъ тѣхъ же достоинствъ и недостатковъ, которые характеризовали его дѣда Петра I. Умный, живой, быстро схватывавшій что ему передавалось, внукъ даже по физическому развитію напоминалъ дѣда. Онъ былъ высокъ и сильно сложенъ не по лѣтамъ и хотя послѣ бессонныхъ ночей, проведенныхъ имъ въ катаніи по улицамъ съ сложенъ

другомъ Долгорукииъ и безпрестанное занятіе охотой сдѣлали его загорѣвшее лице нѣсколько худощавишъ, но онъ по наружности все таки казался нѣсколькими годами старше своего возраста. По лицу блондинъ съ голубыми глазами, внукъ менѣе имѣлъ сходства съ брюнетомъ дѣдомъ. Но особенное сходство замѣчали въ привычкахъ того и другаго. Внукъ, подобно дѣду, былъ весьма самолюбивъ, хотѣлъ, чтобы все дѣлалось по его желанію, выслушивалъ совѣты, но дѣлалъ все-таки по своему ¹⁾. Особенностью молодого Петра было то, что въ немъ замѣчали болѣе симпатіи къ окружающимъ ²⁾ и онъ былъ щедръ почти до расточительности. Но въ мальчикѣ, едва начинавшемъ входить въ юношескій возрастъ, это было весьма естественно. Извѣстныя слова Петра II въ сематѣ о томъ, что онъ подобно Веспасіану постарается, чтобы никто не выходилъ отъ него съ опечаленнымъ лицомъ, очень вѣроятно были навѣяны уроками исторіи, но въ нихъ могло быть отраженіе и его собственнаго, складывавшагося взгляда на вещи. Къ сожалѣнію, его слишкомъ скоро сдѣлали самостоятельнымъ; люди сдѣлали его взрослымъ, когда онъ самъ чувствовалъ себя еще ребенкомъ. Изъ него могъ выйти очень способный и дѣльный правитель, еслибы до извѣстнаго возраста онъ оставался подъ разумною и дѣльною опекою. Но ребенокъ былъ слишкомъ рано поставленъ на свои ноги. Зачатки хорошаго стали въ немъ гложуть; начала дурнаго быстро пустили ростки. Онъ сталъ своенравенъ, рѣзокъ въ обращеніи съ окружающими, находилъ удовольствіе въ доставленіи окружающимъ напрасныхъ хлопотъ ³⁾. При Меньшиковѣ онъ еще былъ до нѣкоторой степени стѣсненъ. Верховный совѣтъ написалъ для него даже правила ученя ⁴⁾. Занятія были распределены по программѣ верховнаго совѣта, съ точки зрѣнія здравой педагогіи, довольно странно. Въ понедѣльникъ утромъ, молодого императора учили древней исторіи, а во вторникъ утромъ — новой, которую довольно трудно понять, не освоившись съ древней и средней. На остальные пред-

¹⁾ Herrmann, IV. 520.

²⁾ Weber, III. 92.

³⁾ Herrmann, IV, 512, 520.

⁴⁾ Чтенія 1858. III, Мат. Отеч. 50—54.

меты ученія обращено было самое поверхностное вниманіе. Но за то ученику-императору тщательно было предписано когда играть въ воланы и когда на бильярдѣ. Не видно ни изъ чего впрочемъ, чтобы правила верховнаго совѣта исполнялись даже въ полномъ власти Меншикова. Главный наставникъ Петра, Остерманъ былъ не изъ тѣхъ, кто рѣшился бы побудить своего ученика учиться строгими мѣрами. Онъ совѣтовалъ, но совѣты не всегда выслушивались чтобы исполняться. Петръ немного учился, и при хорошихъ способностяхъ скоро усвоивалъ себѣ выученное; остальное время проводилъ онъ въ прогулкахъ, въ обученіи набранной для него роты кадетъ, чѣмъ онъ занимался три раза въ недѣлю ¹⁾; въ игрѣ въ карты съ великими князьями. По паденіи Меншикова, онъ совершенно бросилъ ученіе. Остерманъ совѣтовалъ, говорилъ даже по поводу вѣтренаго, ребяческаго поведенія Петра, что онъ не можетъ долѣе оставаться его гофмейстеромъ и наставникомъ, что Петръ самъ, придя въ возрастъ, велѣлъ бы казнить его, если бы онъ теперь не останавливалъ его. Петръ выслушалъ наставника, обнялъ его, просилъ остаться при немъ, но продолжалъ вести себя по прежнему. Не будемъ однако строги къ молодому Петру. Дурное сообщество дѣйствуетъ и не на однихъ дѣтей; тѣмъ болѣе оно могло повліять на 13—14 лѣтнаго Петра. Любимецъ его, князь Иванъ Долгорукій былъ положимъ въ извѣстной степени „добрый малый“, въ принятомъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ безхарактерный, пустой, недалежнаго ума и образованія. Позже въ немъ явилась искра истиннаго чувства, когда онъ сблизился съ своею невѣстою, Наталіею Борисовною Шереметьевою, но когда онъ, 18 лѣтній юноша, впервые сошелся съ Петромъ—это былъ вѣтренникъ, проводившій ночи въ оргіяхъ, катавшійся съ Петромъ иногда всю ночь и ложившійся спать лишь въ 7 часовъ утра ²⁾. Послѣ, когда ему внутреннее ли чувство подсказало, что онъ вредно дѣйствуетъ своимъ примѣромъ на друга, или просто ему хотѣлось кутить одному, онъ поотсталъ отъ Петра,

¹⁾ Weber, III. 106.

²⁾ Herrmann, IV. 513.

но тѣмъ было едва ли не хуже для послѣдняго, потому что отецъ князя Ивана, князь Алексѣй Долгорукій, теперь второй гофмейстеръ Петра, былъ для молодаго императора еще болѣе опасный собесѣдникъ. Если относительно Ивана Долгорукаго, едва ли не какъ главный фактъ, свидѣтельствующій о его заслугахъ предъ императоромъ и имперіей, можно привести то, что онъ разъ укусилъ Петра за ухо, когда тотъ подписывалъ смертнѣйшій приговоръ—чтобы показать, хотя отчасти, какъ больно тому, кому отрубаютъ голову ¹⁾, то по крайней мѣрѣ онъ не хотѣлъ быть орудіемъ въ рукахъ своихъ родственниковъ, для достиженія ихъ корыстныхъ цѣлей. Напротивъ, остальные Долгорукіе, окружавшіе теперь Петра, достигали исключительно своихъ цѣлей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Петру нашептывали, что ему—самодержавному царю—не надобно учиться. Чтобы быть орудіемъ въ рукахъ другихъ, ученіе дѣйствительно совсѣмъ лишнее. Съ другой стороны окружающіе императора, какъ скоро они составили планъ пріобрѣсти вліяніе на дѣла, надобно было отклонить Петра отъ заботъ правленія. Средствомъ для этого были избраны развлеченія и преимущественно охота. Алексѣй Долгорукій былъ страстный охотникъ и пристрастилъ въ охотѣ Петра. Напрасно изъ Петербурга, отъ верховнаго совѣта, слались гонцы за гонцами въ Петергофъ. Петру нѣкогда было ѣхать заниматься дѣлами въ столицу. Онъ былъ гдѣ нибудь на охотѣ. Правила, составленныя въ верховномъ совѣтѣ для наставниковъ молодаго императора въ распредѣленіи его ежедневныхъ занятій, упоминали между прочимъ и о томъ, чтобы въ среду и пятницу, на каждой недѣли, императоръ присутствовалъ въ верховномъ совѣтѣ и на эти дни для него уроковъ по утру не полагалось. Петръ сначала дѣйствительно бывалъ въ эти дни въ совѣтѣ и между прочимъ въ протоколѣ одного изъ засѣданій совѣта мы находимъ распоряженіе, чтобы для императора была приготовлена ландкарта, при помощи которой онъ могъ бы легче слѣдить за чтеніемъ дѣлъ ²⁾. Теперь посѣщенія совѣта были оставлены, и тѣмъ легче Долгорукинъ было вершить дѣла по своему усмотренію.

¹⁾ Русскій Архивъ 1867, 9—10.

²⁾ Чтенія 1858, III, Мат. отеч. 59.

Но еще не вся надежда была потеряна. Можно было думать, что Петръ переживетъ этотъ трудный періодъ своего юности, не подвергшись окончательно порчѣ и, когда внутренній человекъ въ немъ откроетъ глаза, онъ увидитъ кѣмъ онъ былъ окруженъ и съумѣетъ отличить прониръ, вскавшихъ лишь собственныхъ выгодъ, отъ людей заботившихся о пользѣ его и государства. Поручкою за исполнимость этой надежды была сестра Петра, великаго князя Наталья Алексѣевна. Она была добрый геній любившаго ее брата и, если для Россіи не разойтъ, по паденіи Меншикова, наступило время верховничества Долгорукихъ, то виновницею этого дѣла была она.

Наталья Алексѣевна была годомъ старше брата, но какъ физическое и духовное здоровіе дѣвушки идетъ быстрее, чѣмъ мальчика, то Наталья Алексѣевна по духовному развитію навѣрно была двумя-тремя годами старше Петра. Не обладая красивою и даже привлекательною наружностію, Наталья Алексѣевна была за то умственно замѣчательно развита для своего возраста. Эта любезная въ обращеніи, остроумная, любившая чтеніе, дѣвушка была далеко не ребенкомъ, когда братъ ея вступилъ на престолъ. Въ ней сложился уже самостоятельный характеръ и внѣшніе вліянія не такъ легко было вредно отозваться на немъ. Она поняла, что между окружающими брата всѣхъ полезнѣе ему Остерманъ, и между старымъ дипломатомъ и молодою великою княжною установился родъ союза, который въ данную минуту могъ сдѣлаться союзомъ спасенія для Россіи, начавшей испытывать бремя верховничества. Но великой княжнѣ не суждено было достаточно долго прожить, чтобы это могло совершиться.

Петръ любилъ сестру, вліяніе ея на него было сильно, слѣдовательно Остерману еще нельзя было терять надежды на возвращеніе царствениаго ученика на истинный путь. Долгорукиимъ надобно было отстранить Наталью отъ брата—тогда только они могли ожидать успѣха своихъ плановъ. Поѣздка въ Москву на коронацію Петра представляла въ этому самый удобный случай. Коронацію пришлось на нѣсколько времени отложить, потому что еще не возвращались русскіе кушны, поѣхавшіе въ Ліонъ для закупки штэф-

ныхъ и другихъ матерій ¹⁾, но при всемъ томъ надобно было наконецъ собираться въ Москву. Остерманъ и Наталья Алексѣевна могли предвидѣть слѣдствія этой поѣздки для императора и для усиленія власти Долгорукихъ, но избѣжать ея было невозможно. Надобно было по крайней мѣрѣ употребить всѣ старанія, чтобы эта отлучка изъ Петербурга не была продолжительна.

Переѣхавъ дворъ въ Москву и опасенія Остермана и Натальи оправдались. Долгорукіе вполне завладѣли Петромъ ²⁾. Алексѣй Долгорукій былъ человекъ пустой и ему можетъ быть, даже при всемъ расположеніи Петра къ охотѣ, не пріобрѣсти было бы такого вліянія на молодого императора, но за ограниченными и необразованными родственниками стоялъ опытный и хитрый, оборотливый и образованный Василій Лукьячъ Долгорукій и руководилъ всѣмъ. Положено было устранить посѣщенія императора въ его любимой теткѣ Елизаветѣ Петровнѣ, такъ какъ она тоже была на пути Долгорукихъ и для этого Алексѣй Долгорукій устроилъ ежедневныя поѣздки Петра въ Измайлово, гдѣ все время проходило въ развлеченіяхъ и забавахъ. Наталью Алексѣевну отдаляли отъ брата уже однѣ частыя поѣздки его на охоту. Ѣздя съ нимъ на охоту, она и такъ разстроила себя, и здоровье ея стало возбуждать опасенія. Она была въ томъ переходномъ для дѣвушки періодѣ физиологической жизни, когда такой сильный моціонъ положительно вреденъ, а между тѣмъ, если бы она не ѣздила съ братомъ, то видѣла бы его еще меньше и еще больше онъ былъ бы открытъ вредному вліянію другихъ.

Долгорукіе торжествовали. Прошла коронація, а дворъ все оставался въ Москвѣ. Подъ предлогомъ, что климатъ Москвы лучше петербургскаго и что въ окрестностяхъ Москвы больше мѣстъ удобныхъ для охоты, возвращеніе въ Петербургъ было отложено, а затѣмъ даже вышелъ указъ, грозившій кнутомъ каждому, кто нанесетъ о возвращеніи двора въ сѣверную столицу ³⁾. Это значило, что вліяніе Остермана и Натальи Алексѣевны ослабѣло.

¹⁾ Записки дюка Липейскаго, 14.

²⁾ La Cour. 5.

³⁾ Неггманн, IV, 524.

Впечатлительная натура Натальи Алексѣевны не могла перевести мысли, что братъ промѣнялъ ея сообщество на прогулки, поѣздки и охоту съ Долгорукиимъ и ему подобными личностями ¹⁾ Она начала грустить и чахнуть. Думали, что у нея чахотка, и у нея начиналось то истощеніе силъ, которое у сильныхъ натуръ всегда слѣдуетъ за душевнымъ потрясеніемъ. Къ этому присоединилось то, что помѣщеніе въ старинномъ дворцѣ было далеко и изъ очень здоровыхъ. Здоровіе великой княжны разрушалось ужъ нѣсколько времени, но никого не было, кто бы позаботился о немъ не было въ блестящей сферѣ придворныхъ говоруновъ и ласкательницъ ни одной сострадательной души, которая отделившись бы и положеніе молодой дѣвушки, приняла бы въ немъ участіе. Наталья среди фрейлинъ и кавалеровъ двора, была совершенно одна. Былъ у нея искренній другъ — Остерманъ, но что онъ, мужчина, заваленный дѣлами, могъ сдѣлать для облегченія сердца, нуждавшагося теперь въ женской, родной, материнской заботливости! Онъ только плакалъ, когда болѣзнь Натальи приняла опасный оборотъ ²⁾. Былъ около Натальи въ то время другой опытный наблюдатель — психологъ, угадавшій истинную причину болѣзни великой княжны. Это иностранецъ, герцогъ Лирійскій. Онъ совѣтывалъ повѣсть ее женскими молокомъ; совѣтъ его былъ исполненъ лишь четыре мѣсяца спустя. Вообще, казалось, все сговорилось, чтобы какъ можно скорѣе положить конецъ этой молодой жизни. Докторъ Биддлъ пустилъ кровь Натальи, безъ того уже ослабѣвшей силами. Наконецъ физическая природа больше не вынесла. Больной сталъ разъ какъ будто лучше. Она встала, помолилась Богу, затѣмъ легла и тихо, безъ страданій, скончалась. Никого не было у постели умиравшей. Пять курьеровъ было послано одинъ за другимъ къ Петру, бывшему на охотѣ ³⁾. Наконецъ онъ пріѣхалъ, поплакалъ, переѣхалъ въ другой дворецъ и все пошло по прежнему. Впрочемъ буквально говоря, мы ошиблись, сказавъ, что нико-

¹⁾ Записки Дюка Лир. 31, 32. Heggmann, IV, 527.

²⁾ Ibid. 44.

³⁾ Heggmann IV, 509.

не было у постели умирающей. Тутъ были камеръ-юнгферы Наталья—Крамерж и Каро, и онѣ могли даже не безъ вниманія слѣдить за ходомъ болѣзни ея, потому что едва умерла Наталья, какъ они подѣлились между собою изъ ея вещей чѣмъ можно было, не возбудивъ подозрѣннн ¹⁾.

Неутѣшнне другихъ былъ Остерманъ о смерти Наталн. Онъ сидѣлъ дома и не принималъ самыхъ довѣренныхъ лицъ. Только чрезъ нѣсколько дней можно было убѣдиться, какое сильное потрясеніе пережилъ старикъ министр. Съ Наталн онъ хоронилъ свои надежды на то, что Петру удастся оттолкнуть недостойныхъ любимцевъ. Дѣло Петра I было въ опасности; крайняя русская партія готовилась восторжествовать; иностранцы теряли въ Натальѣ свою постоянную заступницу. Остерманъ понималъ, что единственною выгодною для Россіи было примиреніе старыхъ порядковъ съ введеннн Петромъ I. Теперь отъ петровскаго стремленія во всемъ за западомъ готовились обратиться къ другой крайности — къ государственннмъ формуламъ, выработаннымъ старинною Московіею.

Съ Натальею отлетѣлъ въ другой мнръ послѣднн добрый генн Петра II.

Господство Долгорукихъ.

Со смертію Натальи, Петръ былъ совершенно въ рукахъ Долгорукихъ. Остерманъ, всегда осторожный и лавировавшн, махнулъ рукой и, предоставивъ Долгорукимъ полную свободу, оставался гофмейстеромъ и наставникомъ молодого императора лишь по названію. Отъ Елизаветы Петровны успѣли отдалить Петра и у той, благодаря Долгорукимъ, иногда не было пива для прислуги въ домѣ. Никто не стоялъ на пути временщиковъ. Вѣрннмъ средствомъ держать Петра въ своей власти они, по прежнему, считали поѣздки изъ Москвы, иногда очень отдаленныя. Охота конечно представляла самый удобный случай. Ѣздилъ императоръ

¹⁾ Herrmann, IV, 530.

на охоту даже въ Тульскую губернію и говорятъ, что городъ Чернь, въ этой губерніи, получилъ благодарственный рескриптъ за своихъ русаковъ ¹⁾. У императора была свора изъ 620 борзыхъ и гончихъ собакъ. Въ одномъ октябрѣ 1729 года было затравлено 4000 зайцевъ, 50 лисицъ, 5 волковъ и 3 медвѣдя ²⁾. Всѣ эти облавы и преслѣдованія, этотъ міръ гончихъ и кругозоръ борзыхъ, могли быть по силамъ взрослымъ и такимъ привычнымъ охотникамъ, каковы были Долгорукіе, но они истомляли 14 лѣтняго юношу-императора. Наконецъ охота ему надоѣла. Быть можетъ въ головѣ его блеснула мысль, что эта охота — лишь отводъ, что его намѣренно заставляютъ заниматься пустяками. Какъ бы то ни было, но онъ раздарилъ своихъ собакъ и, когда другіе выѣзжали на охоту, оставался дома ³⁾.

Долгорукіе увидѣли, что если они не найдутъ другаго средства привязать къ себѣ императора крѣпкими узами, то господство ихъ можетъ быть непродолжительно. Объ этомъ другомъ средствѣ думали еще прежде. Еще 2 декабря 1728 г. Лефортъ, польскій и саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ, писалъ своему двору, что Алексѣй Долгорукій рассчитываетъ видѣть одну изъ своихъ дочерей за императоромъ ⁴⁾. Лефортъ, жившій долго въ Россіи, племянникъ знаменитаго сподвижника Петра I, александровскій кавалеръ, человекъ хорошо знавшій Россію и превосходно изучившій интриги двора, безъ труда могъ угадать то, о чемъ въ то время явно еще не говорилось. Смерть Натальи Алексѣевны послужила сигналомъ къ обнаруженію плана временщиковъ.

У Алексѣя Григорьевича Долгорукаго было большое семейство. Изъ дочерей его, Екатерина и Елена были уже въ томъ возрастѣ, когда выходятъ замужъ, или думаютъ о женихахъ. Алексѣй Григорьевичъ вознамѣрился идти по пути Меншикова и выдать свою дочь за императора. Точность въ слѣдованіи примѣру сосланнаго свѣтлѣйшаго князя простиралась до того, что Алексѣй Гри-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1864, 30.

²⁾ Herrmann, IV, 532.

³⁾ Herrmann, IV, 533.

⁴⁾ Herrmann, 529—530.

горьевичъ также не зналъ какую дочь ввести въ кругъ царской фамиліи и лишь послѣ остановился выборомъ. Екатерина, старшая изъ двухъ, воспитывалась съ братомъ Иваномъ въ Варшавѣ у дѣда. Переѣхавъ въ Москву, она, конечно, уже не была старинною дѣвучкою-затворницею, а скорѣе полькою новаго времени. Красавица собою, она обладала вмѣстѣ и характеромъ, который всего менѣе могъ сдѣлать ее стыдливою затворницею. Сѣмнадцати лѣтъ она уже любила взаимно молодаго секретаря германскаго посольства, Милезино, а нѣсколько спустя, если вѣрить свидѣтельству иностранцевъ, носила въ себѣ плодъ любви конногвардейца Микетерова ¹⁾. Честолюбивая, съ сильнымъ, рѣшительнымъ характеромъ, она въ глазахъ родныхъ могла быть какъ разъ кандидаткою въ супруги Петра, но тотъ же строптивый, себялюбивый характеръ ея заставлялъ опасаться, чтобы при случаѣ не пришлось отъ нея худо и своимъ кровнымъ. По крайней мѣрѣ она до того пришла въ негодованье на брата Ивана за то, что ей не отдали драгоцѣнностей, оставшихся послѣ великой княжны Натальи Алексѣевны, что поклялась въ ненависти къ нему ²⁾. Впослѣдствіи, какъ увидимъ далѣе, она приняла на душу еще болѣе тяжкое дѣло въ отношеніи братьевъ. Словомъ, если въ одномъ отношеніи ея семья желала видѣть ее на престолѣ, то въ другомъ были причины, заставлявшія иныхъ изъ Долгорукихъ предпочесть ея сестру. Выборъ однако остановился на ней.

Все это обсуждалось и дѣлалось безъ вѣдома Петра, но какъ скоро планъ былъ готовъ и оставалось привести его въ исполненіе, то и ему, вѣроятно, не трудно было замѣтить, въ чему клонятся цѣли окружавшихъ его доброхотовъ. Его возили въ помѣстье Долгорукихъ, с. Горенки, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы. Тамъ встрѣчала его вся семья Алексѣя Григорьевича, и конечно, княжень—дочерей его—ставили на первомъ планѣ. Потомъ стали возить княжень и на охоты, на которыя ѣздилъ Петръ. Но Петръ, хотя и заказывалъ для сада въ Горенкахъ статуи изъ дербентскаго

¹⁾ Herrmann, IV, 542.

²⁾ Herrmann, IV, 536.

алебастра, очень мало цѣнилъ прелести княженъ Долгорукихъ. Противъ него устраивалась своего рода облава, и онъ видимо тяготился ею. У него разъ вырвалось даже замѣчаніе, которое истолковали въ смыслѣ очень неблагоприятномъ Долгорукихъ. Послѣ одной изъ охотъ, придворные ласкатели разсыпались въ похвалахъ неустрашимости и ловкости императора. Тотъ хладнокровно замѣтилъ на это, что съ нимъ не только бываетъ большая свора собакъ, но что за нимъ всюду слѣдуютъ по пятамъ еще четыре двуногихъ собаки. Прежде чѣмъ ошеломленные придворные рѣшили кто бы могли быть эти собаки — и каждому могло сдаваться не онъ ли въ числѣ ихъ — императоръ всталъ и ушелъ ¹⁾.

Петръ не считалъ нужнымъ скрывать свою холодность къ княжнѣ Долгорукиной. Разъ при дворѣ играли въ фанты — чей фантъ вынется, что тому дѣлать? Предложено было поцѣловать одну изъ княженъ Долгорукихъ. Случилось ли такъ, или такъ было устроено, только вынулся фантъ Петра. Тотъ, не говоря ни слова, выходитъ изъ комнаты, садится на лошадь и былъ таковъ ²⁾. Слышали отъ него и то, что онъ женится лишь въ зрѣломъ возрастѣ на иностранной принцессѣ ³⁾. И однакожь прошло нѣсколько дней послѣ приведеннаго случая съ фантомъ, какъ объявляется обрученіе императора съ Еватериною Алексѣевною Долгорукою. Какъая пережѣна произошла въ Петрѣ? Откуда это неожиданное рѣшеніе? Что это рѣшеніе было неожиданно, мы видимъ и изъ того, что къ нему не былъ приготовленъ даже Остерманъ. Когда иные изъ иностранныхъ посланниковъ, слѣдя за ходомъ интриги Долгорукихъ, считали себя въ правѣ писать своимъ дворамъ, что бракъ императора съ княжною Долгорукою неизбеженъ, другіе представители иностранныхъ дворовъ обращались съ запросами, по тому же предмету, къ Остерману и вице-канцлеръ положительно говорилъ, что этому браку не бывать ⁴⁾. Остермана знали за человѣка нелюбящаго бросать слова на вѣтеръ, и потому лица, освѣ-

¹⁾ Herrmann, IV, 533.

²⁾ Ibid.

³⁾ Herrmann, IV, 532.

⁴⁾ Записки дюка Липрійскаго, 66.

домлявшіяся у него, сообщали своимъ дворамъ, что бракъ императора съ княжною Долгорукою не состоится. Такимъ образомъ въ западную Европу шли двѣ разныя вѣсти. Когда день обрученія былъ объявленъ—германскій посланникъ Вратиславъ, сообщившій своему правительству о бракъ, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ, могъ подсмѣиваться надъ прозорливостью русскаго министра, но дальнѣйшій ходъ событій показалъ, что всетаки онъ ошибся, а Остерманъ былъ правъ.

Петръ попросилъ руки Екатерины 29 ноября 1729 г. Въ это время, онъ больной лежалъ въ постели. Вокругъ него никого не было, кромя Долгорукихъ. Кто знаетъ, какія мысли бродили въ умѣ больного юности? Онъ былъ тутъ одинъ, среди доброхотовъ, думавшихъ лишь о своихъ цѣляхъ... Онъ протягиваетъ руку Алексѣю Долгорукому и проситъ о рукѣ его дочери ¹⁾. Возможно-ли такое счастье! Любящій родитель на колѣняхъ предъ своимъ монархомъ,—ему остается лишь благодарить за оказываемую его дому великую честь.—Но, гдѣ же Катенька? Надобно, по крайней мѣрѣ, хотя для формы, спросить и о ея согласіи. Но можетъ ли тутъ быть рѣчь о несогласіи? Счастливый папѣ вводитъ Катеньку. Та смущена, краснѣетъ. Быть можетъ ей пришли тутъ на умъ опасенія, которыя выражали прежде она и сестра ея, что которой изъ нихъ ни быть невѣстой императора—все равно, избранную ждетъ конецъ жизни въ монастырѣ ²⁾. Наконецъ, въ голубыхъ глазахъ красавицы Екатерины Долгорукой свѣтился не всегда огонь смѣлой рѣшимости характера и презрѣнія къ окружающему. Иногда въ нихъ появлялась тихая задумчивость. Это была дѣвушка съ сердцемъ. Намъ ее описываютъ дѣвушкою умною, образованною и любезною. Въ ея недостаткахъ можно было скорѣе видѣть вліяніе дурной семьи. Быть можетъ краска въ лицѣ ея была вызвана сознаніемъ, что она играетъ не очень достойную роль въ этой комедіи. Но все уже было рѣшено заранѣе. Екатерина не смѣетъ возражать противъ воли своего монарха. Она—его невѣста.

¹⁾ Weber, III, 173.

²⁾ Hergmann, IV, 533.

Прежде чѣмъ мы обвинимъ эту дѣвушку въ неограниченномъ честолюбіи, заставившемъ ее противъ собственнаго сердца отдать руку молодому императору, вчитаемся внимательно въ записки lady Рондо ¹⁾. Жѣнщина успѣла подглядѣть и повясть то, чего не видали мужчины, и она, судья конечно безпристрастный въ этомъ дѣлѣ, видитъ въ Екаторинѣ Долгорукой не честолюбивую личность, строившую планы въ будущемъ, а жертву. И все говоритъ въ подтвержденіе этого взгляда. Если бы Екатерина Долгорукая хотѣла нѣсколько ранѣе подарить русскую исторію Екатериною II Алексѣвною, или если бы она питала хотя и менѣе честолюбивые планы, то, вступая въ предложенный бракъ съ расчетомъ, она притворялась бы любящею, нѣжною, старалась бы превлечь холоднаго жениха на шилость, чтобы если и не приобрѣсти ея, то по крайней мѣрѣ въ глазахъ другихъ быть прихѣрною невѣстою и, если судьба рѣшитъ—женою. По крайней мѣрѣ 15 лѣтъ спустя подобнымъ образомъ поступала другая Екатерина Алексѣвна, невѣста и послѣ супруга другаго Петра. Мы сейчас увидимъ, какъ держала себя Екатерина Долгорукая.

Государыня-невѣста Екатерина Алексѣвна.

Во дворцѣ торжество. Въ парадной залѣ, полъ которой покрытъ роскошнымъ персидскимъ ковромъ, стоитъ столикъ съ двумя золотыми блюдами и крестомъ на немъ. На блюдахъ лежатъ обручальныя кольца. Новгородскій архіепископъ готовится совершать обрученіе молодого императора съ Екатериною Алексѣвною Долгорукою ²⁾.

Шесть генераль-маіоровъ держать на серебряныхъ шестахъ серебряный съ золотыми узорами парчевой балдахинъ. Подъ нимъ будетъ стоять обручающаяся чета. Кромѣ императорскаго кресла, близъ столика тутъ стоятъ еще два, обитыя зеленымъ бархатомъ— для вдовствующей царицы и для невѣсты государя. Свади ихъ

¹⁾ Rondeau, 18—22.

²⁾ Galitzin, 318—320.

стоятъ обитые зеленымъ же бархатомъ табуреты для остальныхъ членовъ царской фамиліи. Далѣе, сзади, отведено мѣсто для родственниковъ государевой невѣсты. Посланники иностранныхъ дворовъ и вся знать приглашены на торжество. Военныя почести болѣе чѣмъ не забыты. Въ мѣсто одной роты Преображенскаго полка, введено во дворецъ три. Самъ фельдмаршалъ, Василій Владиміровичъ Долгорукій удивился, увидавъ гренадерскую роту преображенцевъ, входившую во дворецъ; онъ ничего не зналъ о такомъ распоряженіи ¹⁾. Еще болѣе удивились бы присутствующіе, еслибы они знали, что при отходѣ войскъ во дворецъ имъ было сказано, чтобы они лучше зарядили ружья ²⁾. Все это было сдѣлано на собственной отвѣтственности кн. Иваномъ Долгорукимъ, и это одно достаточно характеризуетъ ограниченнаго и опрометчиваго царскаго любимица. Въ такой мѣрѣ рѣшительно не было никакой надобности.

Прибыла невѣста и была торжественно встрѣчена членами царскаго семейства на лѣстницѣ; Екатерина Алексѣевна была сдержанна, но блѣдный и потупленный въ землю взоръ ея обличалъ волненіе. Начался обрядъ обрученія. Послѣ него Петръ надѣлъ на руку невѣсты свой портретъ. Затѣмъ послѣдовало цѣлованіе руки. Петръ высокій и плотно сложенный не по лѣтамъ, но худой и загорѣвшій, въ бѣломъ шелковомъ кафтанѣ съ серебряною отдѣлкой, держалъ правую руку невѣсты и давалъ ее цѣловать подходившимъ. Всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ бабки царской, цѣловали эту руку. Большая, если не небывалая, почестъ была оказана княжнѣ, входившей въ кругъ царскаго семейства; кромѣ вдовствующей царицы, прочіе члены императорской фамиліи сидѣли на табуретахъ, когда она на креслѣ, и теперь должны были цѣловать у нея руку ³⁾. Что касается царицы Евдокіи, то ни Петръ, ни покойная сестра его Наталья, не оказывали ей личнаго расположенія; Наталья, отправляясь къ ней, брала съ собою Елизавету Петровну ⁴⁾; Петръ всегда хотѣлъ, чтобы при свиданіяхъ его съ

¹⁾ Записки дюка Лир. 68—69.

²⁾ Heggmann, IV, 576.

³⁾ Долгорукій, 114.

⁴⁾ Heggmann, IV, 523.

бабушкой было третье лицо ¹⁾. Это приписывали желанію ихъ не входить съ бабушкой въ разговоры о государственныхъ дѣлахъ, и дѣйствительно, живые, черные, пронизательные глаза старушки Евдокии, сильно попомявшею, но еще не вполне утратившею слѣды прежней красоты, могли заставлять думать, что мірскіе помыслы не совсѣмъ были оставлены бывшею старицею Еленою, для которой прежде, при жизни супруга, мясо записывалось въ монастырь „рыбою,“ а теперь, при внука-императорѣ, двѣнадцатилѣтній монастырь превращенъ былъ въ царскій дворецъ. Если ей оказывалась при настоящемъ торжествѣ почеть, какой не удостоились прочіе члены царскаго семейства, то этого требовалъ этикетъ.

Блескъ торжества не уменьшалъ неловкости положенія жениха и невѣсты. Они не любили другъ друга и не скрывали этого одинъ отъ другаго. Они лишь автоматически исполняли тутъ то, что предписывала форма, и можетъ быть торжество прошло бы обычнымъ порядкомъ, если бы не одно непредвидѣнное обстоятельство. Какой злой геній подтолкнулъ секретаря германскаго посольства Милезино подойти въ числѣ другихъ къ рукѣ невѣсты? Онъ долженъ былъ избавить ее отъ этого испытанія. Еще недавно они передавали другъ другу свое отчаяніе по поводу разлучавшаго ихъ предложенія императора. Краска бросилась въ лице Екатерины, опущенные глаза ея поднялись, она вырвала руку изъ руки молодого жениха и сама дала поцѣловать ее своему возлюбленному. Императоръ-женихъ смутился и покраснѣлъ, но скоро замѣшательство жениха и невѣсты уступило мѣсто прежнему холодному и монотонному исполненію церемоніала ²⁾.

Этотъ случай, придавшій столько горькаго драматизма торжеству императорскаго обрученія, имѣвшій между прочимъ слѣдствіемъ высылку Милезино изъ Москвы подъ благовиднымъ предлогомъ, и подробно переданный въ запискахъ лэди Рондо—заслуживаетъ, чтобы на него было обращено вниманіе. Онъ можетъ объяснить, почему послѣ обрученія женихъ и невѣста стали еще хо-

1) Записки дюка Лип., 25.

2) Rondeau, 24 - 25.

лоднѣ другъ къ другу; почему Петръ впалъ въ задумчивость, грустилъ и говорилъ, что жизнь ему надоѣла ¹⁾. Онъ даже по видимому пытался свергнуть его Долгорукихъ. Марья Александровна Меншикова была же обручена съ нимъ и послѣ обручальныя узы были разорваны. Молодой императоръ сталъ вновь сближаться съ Остерманомъ, вспомнилъ и о Елизаветѣ Петровнѣ ²⁾. Последняя жила загнанною жертвою Долгорукихъ. Оказалось, что у нея даже не было соли для прислуги. На сближеніе императора съ Остерманомъ и Елизаветою — Долгорукие не могли смотрѣть хладнокровно. Алексѣй Григорьевичъ успѣлъ уже получить отъ будущаго зятя 15,000 крестьянскихъ дворовъ ³⁾, но еслибы обстоятельства приняли дурной оборотъ, онъ могъ лишиться и ихъ, и всего прочаго. Обстоятельства Долгорукихъ могли сдѣлаться тѣмъ хуже, что въ собственной средѣ ихъ господствовалъ полный раздоръ. Невѣста государя была въ явной враждѣ съ братомъ Иваномъ. Иванъ не исполнялъ корыстолюбивыхъ совѣтовъ отца и родичей Долгорукихъ и жаловался на нихъ Остерману. Алексѣй Долгорукий не благоволилъ къ любимцу государя, жаловался въ свою очередь на него Остерману и еще прежде думалъ о замѣщеніи его у государя вторымъ сыномъ Николаемъ ⁴⁾. Виды Долгорукихъ другихъ лицъ еще меньше говорили объ общемъ согласіи.

Роли лицъ, дѣйствовавшихъ въ этой траги-комедіи, вообще крайне запутывались и нельзя было сказать, чѣмъ все это кончится. Развязка явилась неожиданно.

Въ день крещенія 1730 г. Петръ ѣздилъ съ невѣстою на водоосвященіе. Было очень холодно и молодой императоръ, легко одѣтый, сначала стоялъ на запяткахъ невѣстинныхъ саней и потомъ присутствовалъ на парадѣ, такъ что всего пробылъ на морозѣ не меньше часовъ четырехъ. На запяткахъ ѣхать заставила можетъ быть его и не одна любезность кавалера и жениха. Невѣста его продолжала быть столь же холодною, и печальною, какъ и пре-

¹⁾ Записки Дюка Липр., 74.

²⁾ Негтманн, IV, 536.

³⁾ Долгорукий, 155.

⁴⁾ Русскій Архивъ, 1867. 29.

жде ¹⁾, и это конечно еще менѣе располагало его очутиться съ нею въ болѣе близкомъ tête-à-tête въ саняхъ. Придворные еще не могли забыть, что на балѣ, данномъ въ честь обрученія, императоръ пробылъ едва нѣсколько минутъ.

Въ этотъ день Петръ сильно простудился. Простуда перешла въ оспу. Архіатеръ Блументростъ принялъ, по словамъ современниковъ, оспу за обыкновенную горячку и далъ прохладительное ²⁾. Больному стало хуже. На третій день призвали доктора Бидло, того самого, котораго осуждали за неправильное леченіе великой княжны Натальи. Казалось, истощенная, но все еще сильная натура Петра побѣдитъ болѣзнь. 15 января ему стало лучше и иностранные резиденты были тотчасъ же извѣщены объ этомъ. Но затѣмъ стало вновь хуже. Въ ночь на 19 число началась смертная агонія. Остерманъ, такъ утвердительно говорившій, что браку императора съ Долгорукой не бывать, былъ теперь неотлучно при умиравшемъ. Слова его сбывались. Петръ бредилъ, звалъ въ бреду Андрея Ивановича, приказывалъ заложить сани, чтобы отправиться къ сестрѣ... ³⁾.

Бѣдный юноша, онъ отправился къ ней, отправился въ другой міръ, также преждевременно, какъ она...

19 числа въ день, на который назначена была свадьба молодого императора съ Долгорукою, на постели лежалъ охладѣлый трупъ Петра.

А между тѣмъ, какъ здѣсь длилась смертная агонія, иная сцена происходила въ домѣ Алексѣя Долгорукаго. Долгорукіе собрались, рѣшили написать духовное завѣщаніе умирашаго императора и была еще надежда, что онъ подпишетъ его. Составлять духовную взялся сначала опытный дѣлецъ Василій Лукичъ, но послѣ отказался, сославшись на свой дурной почеркъ. За дѣло взялся Сергѣй Долгорукій и были написаны двѣ духовныя — одна для подписанія императора, но если бы императоръ уже не могъ

¹⁾ Rondeau, 30.

²⁾ Herrmann, 37.

³⁾ Herrmann, IV, 537, 538.

подписать, то была готова другая. Долгорукиѣ не усомнились пригласить любимца императора Ивана Долгорукаго подписать эту другую духовную за Петра, его почеркомъ — и тотъ, всегда опрочетчивый и вѣтранный, едва ли даже думая, что дѣло идетъ о подлогѣ, подмахнулъ ее. Послѣ однако, вѣроятно, въ головѣ его явилась мысль, что дѣло шло не о шалости, а о нарушеніи долга и чести. Онъ отерлся въ своемъ поступкѣ духовнику ¹⁾, когда еще исторія объ этихъ духовныхъ, назначавшихъ наследницею престола невѣсту императора, оставалась тайною для всѣхъ, кромѣ Долгорукихъ. Ему послѣ сказали, что духовная была уничтожена самими его родителями, и возмездіе за преступленіе явилось лишь восемь лѣтъ спустя.

Умеръ Петръ. Рушились всѣ надежды Долгорукихъ. Они ждали ссылки и не долго. Иванъ Долгорукиѣ, еще недавно ворочавшій государственными дѣлами, принимавшій заискивавшихъ въ немъ иностранныхъ министровъ, командовавшій Преображенскимъ и Семеновскимъ полками, хотя былъ лишь небольшимъ офицеромъ въ первомъ изъ нихъ, предназначавшійся одно время въ женихи Елизаветѣ Петровнѣ ²⁾, — теперь только плакалъ при свиданіяхъ съ своею невѣстою Натальею Борисовною Шереметьевой и клялся взаимно, что судьба не разлучитъ ихъ. Всѣ отступились отъ Долгорукихъ, какъ отъ зачумленныхъ. Потомъ послѣдовала ссылка ихъ сначала въ ихъ помѣстье, деревню Никольскую, Пензенской губерніи, а послѣ, какъ бы за промедленіе ихъ на дорогѣ въ ихъ кашиновскихъ помѣстьяхъ, — въ Березовѣ. Въ Березовѣ ожидала ихъ осторожная жизнь — впрочемъ въ большомъ домѣ съ кухней и баней. На дворѣ дома былъ прудъ и тутъ плавали лебеди, гуси, утки. Точеныя деревянные ложки, оловянные стаканы ждали здѣсь привыкшихъ къ роскоши аристократовъ ³⁾. Двое слугъ — Митрофановъ и Колпаковъ — пріѣхали сюда, какъ остатки многочисленной Долгоруковской дворни, но за то въ сѣргѣ, отведенномъ

¹⁾ Чтенія, 1864, I, смѣсь 2-3.

²⁾ Neumann, IV, 535.

³⁾ Русскій Архивъ, 1867, 51.

узникамъ, не было недостатка въ солдатахъ, приставленныхъ для наблюденія за ними. Впрочемъ, Долгорукіе взяли съ собою въ ссылку не мало цѣнныхъ вещей. Отобрать ихъ присланъ былъ уже въ Березовъ сержантъ Рагозинъ, но портретъ Петра II, который было приказано особенно требовать у „разрушенной“ — эпитетъ, приданный бывшей невѣстѣ государя въ официальныхъ бумагахъ ¹⁾, — не былъ отобранъ. Долгорукіе объявили, что стекло на портретъ было разбито еще прежде, а потомъ и самый портретъ затерялся. Впрочемъ не мало цѣннаго осталось въ рукахъ Долгорукихъ и послѣ.

Алексѣй Григорьевичъ и супруга его скоро умерли въ ссылкѣ, но и послѣ смерти ихъ, дѣтямъ ихъ не было предоставлено больше свободы. Дѣти Меньшикова по смерти отца по крайней мѣрѣ получили право ходить по городу; Долгорукіе могли лишь ходить въ бывшую отъ острога въ 20 сажняхъ Богородице-Рождественскую церковь и на могилы родителей. Даже въ церкви, разъ во время священнослуженія, около княжны Елены стояли два солдата съ ружьями и капралъ. За несвоевременное служеніе для нея въ церкви, священникъ былъ сосланъ въ Илимскій острогъ. Строго наблюдали за сношеніями Долгорукихъ съ березовскими жителями. Въ Березовѣ даже составила поговорка: „кто у Долгорукихъ съѣлъ блинъ, того водили въ Тобольскъ въ отвѣту“ ²⁾. Духовные отцы, полагаясь на свое званіе, чаще другихъ могли раздѣлять скуку ссылныхъ, и тѣхъ обвиняли въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ къ князьямъ.

Восемь лѣтъ прошло этой жизни, какъ вдругъ новое, болѣе сильное несчастіе обрушилось на родъ Долгорукихъ.

Кн. Иванъ, характеръ котораго достаточно можно было уяснить изъ предыдущаго, не стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ объ императрицѣ Аннѣ и Биронѣ. Императрицу онъ называлъ шведкою и т. д. ³⁾. Да онъ и не могъ особенно опасаться, чтобы ктонибудь выдалъ его. Майоръ Петровъ, начальникъ караула, пристав-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1866, 46.

²⁾ Чтенія И. М. О. И., 1866, 2, смѣсь, 116.

³⁾ Чтенія И. М. О. И., 1864, 1, смѣсь 4. Сказаніе о родѣ кн. Долгорукихъ, 253.

леннаго въ ссыльннхъ, простякъ и не хитрый служака, считалъ лучше быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ семействомъ князя и со-ра изъ избы не вынесъ бы. Но въ Березовъ пріѣхалъ разъ изъ Тобольска подъячій Тишинъ. Князь Иванъ говорилъ свободно и при немъ. Тишинъ передалъ Маіору Петрову о рѣчахъ, слышанныхъ имъ отъ князя и о прочемъ, что онъ считалъ упущеніемъ въ смотрѣніи за ссыльными. Какъ видно изъ официальнаго дѣла, маіоръ не только далъ замѣтить подъячему, что тотъ дѣлаетъ изъ мухи слона, но и сдѣлалъ это въ такихъ выраженіяхъ, что подъячій Тишинъ обидѣлся недостаткомъ вниманія къ его замѣчаніямъ. Тишинъ послалъ изъ Тобольска доносъ, а доносъ въ Бироновское время губилъ какъ виновныхъ такъ и невинныхъ. Изъ Петербурга былъ отправленъ въ Березовъ капитанъ гвардіи Ушаковъ, официально, какъ ревизоръ, посланный освѣдомиться о положеніи ссыльныхъ, тайно — съ порученіемъ подъ рукою развѣдать справедливъ ли доносъ Тишина. Пріѣзжаетъ Ушаковъ въ Березовъ — онъ такъ любезенъ и предупредителенъ, такъ ласковъ съ ссыльными. Они отправляются на прогулку и онъ съ ними. Онъ бесѣдуетъ съ духовными приближенными къ нимъ и наконецъ уѣзжаетъ.

Немного времени прошло и въ Березовъ пришелъ приказъ посадить Ивана Долгорукаго въ отдѣльное помѣщеніе и держать подъ строгимъ карауломъ. Его княгиня выплакала у караульнаго офицера, какъ милость, позволеніе видѣться съ мужемъ ночью и привоситъ ему пищу. Затѣмъ, въ одну ненастную осеннюю ночь, пришло къ березовскому острогу судно и забрало 31 чедовѣка, въ томъ числѣ Ивана Долгорукаго, маіора Петрова, духовныхъ лицъ, посѣщавшихъ Долгорукихъ и т. д. Забранные встрѣтили въ Тобольскѣ судьёю того же капитана Ушакова, который пріѣзжалъ въ Березовъ.

Въ 1739 г. Иванъ Долгорукій былъ колесованъ близъ Новгорода, а братья и сестры его были разсланы по монастырямъ и въ ссылку. Изъ дѣла о Долгорукихъ видно, что тайна подложнаго завіщанія была открыта и, что князь Иванъ не заперался въ своей долѣ участія въ дѣлѣ.

Кары, постигшія семейство Долгорукихъ, были тяжки и иные

полагають, что Биронъ тѣмъ охотнѣе воспользовался слугубить этотъ родъ, что незадолго предъ доносомъ Тиши ратрица Анна хотѣла было облегчить участь сосланных: думала о возвращеніи князя Сергѣя (составителя духовнаго щанія Петра II) къ дѣламъ. Но преданіе гласитъ еще о болѣе странномъ обстоятельствѣ, рѣшившемъ судьбу сослан одинъ доносъ Тишина дошелъ до правительства. Говорятъ княжна Екатерина, оставшаяся въ прежнихъ неладахъ томъ Иваномъ, подучила меньшаго брата Александра : „слово и дѣло.“ Это была также одна изъ причинъ рокового великаго въ гибели князя Ивана. Преданіе прибавляетъ, Александръ такъ пораженъ былъ результатомъ своего брата, что распоролъ себѣ съ отчаянья животъ, который зашили. Послѣ, когда князь Александръ, уже возвращенный ссылки, жилъ въ Москвѣ, онъ носилъ въ народѣ названіе съ пороннымъ брюхомъ“ ¹⁾.

А что же виновница этой семейной драмы, княжна Е. Она также потерпѣла съ другими. Есть извѣстіе, что она была послана подъ присмотръ въ Томскій мужской монастырь, гдѣ ее содержали какъ въ тюрьмѣ. Потомъ мы видимъ ее въ одномъ изъ бѣлозерскихъ монастырей, гдѣ пребываніе ея не было даромъ. Она заключена была въ отдѣльномъ деревянномъ за двумя замками. Свѣтъ въ ея камеру проходилъ лишь черезъ небольшое отверстіе, вмѣсто окна. Но скоро она лишилась свѣта. Вообще она вела себя гордо съ окружающими. Разъ, раздраженная ею монахиня замахнулась на нее. „Уважь свѣтъ и во тѣбѣ, сказала Екатерина, я княжна и холопка.“ Не забывала Екатерина, что она княжна и вѣста государева и въ другихъ случаяхъ.

Разъ изъ Петербурга въ монастырь пріѣхало какое-то лицо, чуть ли не самъ генералъ Ушаковъ. При входѣ въ монастырь Екатерина не встала, даже не обернулась въ его сторону, а только шелъ отъ нея съ угрозами. Волѣдъ затѣмъ заколотилъ

¹⁾ Русскій Архивъ, 1867, 51.

нее отверстіе, чрезъ которое въ ней проходилъ свѣтъ, и положеніе узницы стало еще тяжелѣе. Въ ней не только не допускали никого, кромѣ смотрѣвшихъ за нею монахинь, но двухъ дѣвочекъ высѣкли лишь за то, что онѣ поглядѣли чрезъ замочную скважину въ ея тюрьму.

Въ 1745 г. императрица Елизавета возвратила изъ ссылки ту, у которой когда-то цѣловала руку, какъ у своей будущей государыни. Возвращенная княжна Екатерина вышла замужъ за А. Р. Бреса. Характеръ ея остался тотъ же до конца жизни и на смертномъ одрѣ она завѣщала, чтобы платья, которыя носила она, были сожжены, чтобы ихъ не носилъ никто другой. Разъ въ жизни лишь высокоуміе ея снизошло съ своего пьедестала: изъ березовскаго заключенія она просила императрицу Анну, чтобы ей позволено было выйти замужъ, хотя за солдата ¹⁾. Но и въ подобной просьбѣ, бывшей невѣсты государевой, можетъ быть звучитъ лишь злая насмѣшка оскорбленнаго самолюбія.

¹⁾ Вантышъ-Каменскій. Біографіи генералиссимусовъ, 169.

АННА ИВАНОВНА.

Вдовствующая герцогиня курляндская.

У царя Ивана Алексѣевича осталось три дочери: Екатерина, Анна и Прасковья. При дворахъ въ то время было въ обыкновеніи имѣть шутовъ. Такъ у Алексѣя Михайловича былъ шутъ Вухонинъ, у Федора Алексѣевича дуракъ Тарасъ. Но домъ вдовствовавшей царицы Прасковьи Федоровны былъ буквально пріютомъ для шутовъ, уродовъ и юродивыхъ всякаго рода. Въ этомъ ареопагѣ идиотизма выдавался сумасбродный подьячій Тимошей Архипычъ, считавшійся пророкомъ. Онъ предрекъ Аннѣ, что ей быть монахиней и иначе не называлъ ее какъ Анфисой ¹⁾. Предсказаніе домашняго пророка не сбылось. Судьба предназначила Аннѣ болѣе видную долю, чѣмъ ея сестрамъ.

Сфера, въ которой происходило воспитаніе трехъ царевнъ, не ручалась за ихъ будущее духовное развитіе. Если бы не дядя Петръ I, образованіе ихъ вѣроятно было бы еще хуже, чѣмъ какое онѣ получили. Онъ нанялъ имъ въ учителя Остермана, брата знаменитаго впоследствии Андрея Ивановича, человѣка, по отзывамъ современниковъ, довольно пустаго, хотя и думавшаго о себѣ очень много, но который, какъ человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, все-таки могъ передать ученицамъ кое-какія знанія. Кругъ образованія царевнъ обнималъ и танцы, потому что хотя немного лѣтъ прошло еще съ тѣхъ поръ, какъ въ русскихъ двор-

¹⁾ Энциклопедическій словарь, Анна Ивановна.

цахъ и домахъ въ мысляхъ не имѣли обучать дѣвицъ танцахъ, но уже времена переѣнились и на русскомъ престолѣ былъ чело-
вѣкъ, начинавшій реформы съ дворца. Младшая изъ сестеръ Пра-
сковья Ивановна, впоследствии блѣдная, худая, слабая здоровьемъ
и не красивой наружности дѣвица, сочетавшаяся морганатическимъ
бракомъ съ генераломъ Мамоновымъ, танцовала и послѣ, впрочемъ,
лишь по приказанію Петра и по видимому склонялась въ пользу
прежней теремной жизни русскихъ дѣвушекъ. Но обѣ сестры ея,
Екатерина и Анна, вышли замужъ за иностранныхъ владѣтелей и
имъ пригодились уроки какъ Остермана, такъ и танцмейстера Рам-
бурга. Это тотъ самый Рамбургъ, о которомъ въ современномъ
перечнѣ наставниковъ упоминають; „танцевальный мастеръ, тѣлес-
ное благолѣпіе и комплименты чиноу нѣмецкимъ и французскимъ
научаетъ.“ Это наученіе тѣлесному благолѣпію и комплиментамъ
во дворцѣ Прасковьи Ѳедоровны было однако не совсѣмъ выгодно
съ практической точки зрѣнія для Стефана Рамбурга. Онъ не по-
лучалъ денегъ за ученіе акуратно и много дѣтъ спустя обращался
съ прошеніемъ объ уплатѣ ихъ ¹⁾. Дѣло въ томъ, что содержа-
ніе семейства покойнаго царя Ивана было очень скудно. Петръ I
не удѣлялъ ему много на поддержаніе царской пышности. Впослѣд-
ствіи содержаніе его было увеличено, но уже при Петрѣ II.

Екатерина Ивановна, старшая изъ сестеръ, была выдана за гер-
цога мекленбургскаго, челоуѣка съ крутымъ и рѣзкимъ характе-
ромъ, съ которымъ она прожила недолго въ его владѣніяхъ. Она
оставила его и возвратилась въ Россію съ малолѣтнею дочерью
Елисаветою Леопольдовою, впоследствии, при гріобщеніи къ пра-
вославной религіи изъ протестантской, въ которой она была кре-
щена, получившею имя Анны. Екатерина Ивановна, женщина невы-
сокаго роста, дородная, недурная собой, была проста въ обра-
щеніи и считалась болѣе, чѣмъ простоватою, не смотря на частыя въ
разговорѣ попытки на остроуміе, или даже именно вслѣдствіи ихъ,
потому что въ нихъ циническая сторона преобладала надъ сарка-
стическою.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1867. 1187—1188.

Изъ трехъ сестеръ, Анна была безспорно самая представительная. Высокаго роста, плотно, но хорошо сложенная, недурная собой, съ черными волосами, смуглымъ лицомъ и темно-голубыми глазами, она обладала живымъ и пріятнымъ характеромъ. Леди Рондо называетъ ее личностью обходительною, любезною, простов, съ которой можно было говорить какъ съ равной, но мы имѣемъ свидѣтельство Берхгольца, что при этомъ она была и въ состояніи внушать къ себѣ уваженіе. Сопоставленіе этихъ качествъ ручается, что она не лишена была ума. Образованіе ея не могло быть блистательно, даже съ внѣшней стороны. Впослѣдствіи, живя среди нѣмцевъ, она научилась по нѣмецки лишь настолько, чтобы понимать нѣмецкій языкъ, но говорить на немъ не рѣшалась. Другихъ иностранныхъ языковъ она не знала.

Брачная жизнь Анны Ивановны была очень коротка. Петръ I выдалъ ее за курляндскаго герцога изъ политическаго расчета. Россія заняла балтійское побережье до Курляндіи и теперь была очередь этого герцогства, но Петръ предпочелъ подчинить себѣ его не оружіемъ, а семейными узами. За Анною дано было небольшое приданое и выведены были изъ герцогства русскія войска. Приданое было еще не выплачено, когда послѣ 6 недѣльной брачной жизни герцогъ, мужъ царевны, отправясь съ нею изъ Петербурга въ Курляндію, умеръ на дорогѣ. Молодая вдова, отчасти можетъ быть изъ уваженія къ штыкамъ ея царя — дяди, отчасти ради паянтя ея мужа, была принята въ Курляндіи довольно любезно. Тамошніе чины дѣлали ей визиты какъ своей герцогинѣ. Но вообще говоря, для вдовствующей герцогини началась теперь монотонная жизнь, прерывавшаяся лишь иногда поѣздками въ Петербургъ. Что удивительнаго, если она соглашалась выйти замужъ даже за Морица Саксонскаго. Меншиковъ, надѣясь сдѣлаться курляндскимъ герцогомъ, отправился въ Курляндію. Эта была та самая поѣздка, воспользовавшись которою враги чуть не погубили его и только заступничество Бассевича предъ Екатериною спасло его отъ ареста. Узнавъ о поѣздкѣ свѣтлѣйшаго, Анна выѣзжаетъ въ полдень съ одною горничною къ нему въ Ригу. Остановясь въ городѣ, она послала сказать ему, что желаетъ его видѣть и проситъ къ себѣ. Меншиковъ пріѣзжаетъ и герцогиня убѣдительно

просить устроить ей бракъ съ другимъ тогдашнимъ претендентомъ на курляндскій герцогскій престолъ, Морицемъ Саксонскимъ. Меньшиковъ озадаченъ. Что больше нужно было Морицу, какъ не рука вдовствовавшей герцогини, чтобы одолѣть всѣхъ своихъ соперниковъ, а между ними былъ и Меньшиковъ. Меньшикову нужно было отговорить Анну отъ этого брака и онъ представилъ ей на видъ, что ей неприлично было бы выйти замужъ за незаконнорожденнаго. Нѣсколько времени спустя, русскіе сановники могли бы показать герцогинѣ цѣлую коллекцію любовныхъ записочекъ Морица, найденную въ захваченныхъ русскими войсками его сундукахъ и о выдачѣ которой онъ не разъ убѣдительно просилъ Остермана чрезъ герцога Лирійскаго. Но герцогиня могла знать о любовныхъ шашняхъ Морица, могла не питать къ нему ровно никакого чувства и при всемъ томъ желала выйти за него замужъ. Дѣло въ томъ, что вдовья жизнь ея, подъ опекою русскихъ гофмаршаловъ въ курляндской столицѣ, была крайне безцвѣтна и она могла желать переменъ.

Безцвѣтностью этой жизни можно объяснить то, что ею приближенъ былъ къ себѣ человекъ, которому личныя качества не давали права рассчитывать на то. Это былъ Іоганнъ Эрнестъ Биронъ.

Биронъ былъ сынъ курляндскаго лѣсничаго и фамилія его собственно была Биренъ или Бюренъ (Büren). Отецъ его купилъ землю, но не могъ выплатить за нее всѣхъ денегъ. Если кн. Наталья Долгорукая говоритъ въ своихъ запискахъ, что предокъ Бирона шилъ сапоги на ея родственника, то это такая же фантастическая гипербола, какъ и то мѣсто въ ея запискахъ, гдѣ она очень невыгодно отзываясь о наружности Анны Ивановны говоритъ, что Анна была головою выше гвардейцевъ, между рядовъ которыхъ проходила при въѣздѣ въ Москву. Впрочемъ Биронъ не хвалился древностью рода и курляндскіе чины, отвергшіе его права на дворянство, когда онъ уже былъ въ силѣ при герцогинѣ, безъ сомнѣнія полагали, что имѣютъ на то достаточное основаніе. Іоганнъ Эрнестъ учился въ венигсбергскомъ университетѣ, но едва ли получилъ особенно блистательное образованіе, если вѣрить словамъ его современника Миниха, что онъ не зналъ никакихъ языковъ, кромѣ нѣмецкаго и мѣстнаго курляндскаго и даже нѣмецкія письма разбиралъ съ

трудою, если въ нихъ встрѣчались французскія или латинскія цитаты. Кенигсбергъ остался впоследствии еще по другой причинѣ въ памяти моладаго Бирона. Разъ, кутя съ другими буршами на улицахъ, онъ повздорилъ съ ночью стражею и убилъ одного изъ сторожей. За это онъ высидѣлъ $\frac{3}{4}$ года въ тюрьмѣ и выпущенъ былъ, лишь давъ обязательство, что заплатитъ 700 талеровъ пени, или вернется опять въ тюрьму и пробудетъ въ заключеніи три года. Въ университетѣ Виронъ впрочемъ если не получилъ отличнаго образованія, то приобрѣлъ нѣкоторую охоту къ чтенію. Еще въ Кенигсбергѣ онъ положилъ начало своей, впоследствии довольно обширной, библиотекѣ. Вернувшись на родину, онъ занялъ мѣсто гувернера въ частномъ семействѣ, но не надолго. Онъ рѣшился искать фортуны. Девизомъ жизни его было: „il faut se pousser au monde“ ¹⁾. Съ какими же задатками пустился онъ искать свою карьеру? Онъ былъ молодой человекъ съ лоскомъ образованія. Онъ былъ любезенъ, когда хотѣлъ, и имѣлъ бы недурную наружность, если бы въ выраженіи глазъ его не было чего-то отталкивающаго. Спѣсивый, гордый, жестокой въ душѣ, онъ прикрывалъ ирраціональныя стороны своего характера утонченностью и изысканностью свѣтскаго человѣка. Философъ во взглядахъ на религіозныя вѣрованія, онъ вызвалъ послѣ со стороны русскихъ, когда они начали считаться съ нимъ за его грѣхи противъ нихъ, обвиненіе въ невѣріи, основанное на томъ, что онъ читалъ письма обыкновенно въ то время, когда другіе шли въ церковь. Игрокъ въ карты, онъ не отказывался обыгрывать партнеровъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ проигрывали съ цѣлью, дѣлая изъ проигрыша взятку для задобренія его. Впоследствии, когда слово его рѣшало участь слабыхъ и сильныхъ, онъ выигрывалъ миллионы въ одну игру. Онъ былъ превосходный знатокъ лошадей и это объясняетъ извѣстные слова австрійскаго посланника Остейна: „Биронъ говорить о лошадяхъ, какъ умный человѣкъ, но какъ скоро заговоритъ о людяхъ—вретъ какъ лошадь.“ Вспыльчивый по природѣ, онъ въ гнѣвѣ забывалъ свою свѣтскость и говорилъ языкомъ, оскор-

¹⁾ Barthold, 39.

бывшимъ даже очень не измѣненный слухъ. Впрочемъ вспыльчивость его скоро проходила и послѣ можно было его уговорить. Хорошею чертою въ его характерѣ было то, что онъ не былъ способенъ ко лжи и если не хотѣлъ сказать правды, то не говорилъ ничего.

Таковъ былъ молодой искатель фортуны, отправившійся въ поискахъ за ней изъ Курляндіи въ Петербургъ и Москву. Въ русскихъ столицахъ ему однако же не повезло и онъ вернулся въ Курляндію. Нѣсколько времени спустя, онъ былъ опредѣленъ ко двору Анны Ивановны. Бестужевъ, главный распорядитель въ домѣ герцогини, давшій ему мѣсто, говорилъ послѣ, что Биронъ „пришелъ безъ кафтана изъ Москвы и былъ опредѣленъ ко двору безъ чина.“ Молодой придворный скоро успѣлъ втереться въ расположение герцогини и отсюда начинается его блестящая карьера.

Все это было еще при жизни Петра I. Въ числѣ курляндскихъ депутатовъ, прибывшихъ въ Петербургъ для поздравленія Екатерины I со вступленіемъ на престолъ, мы видимъ и Бирона. Это товарищество показалось столь унижительнымъ для другихъ двухъ депутатовъ, столбовыхъ курляндскихъ дворянъ, бароновъ Кейзерлинга и Фитингофа, что они подали жалобу императрицѣ на такое назначеніе Бирона. Баронъ Кейзерлингъ даже подалъ въ отставку. Въ результатѣ вышло то, что императрица не приняла Бирона какъ депутата. Впрочемъ Екатерина была не прочь обращаться къ услугамъ камеръ-юнкера Анны Ивановны тамъ, гдѣ онъ могъ принести пользу. Такъ, нуждаясь въ хорошихъ лошадяхъ и поручая закупить ихъ въ Бреславлѣ, она предлагала отправить туда для этой цѣли Бирона.

Неожиданныя событія, случившіяся въ Москвѣ, скоро возвели честолюбиваго камеръ-юнкера и потомъ камергера герцогини курляндской въ графы и затѣмъ во владѣтельные герцоги.

Императрица Анна.

Князь Голицынъ объявилъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, что

со смертью Петра II, домъ Петра I прекратился. Нѣкоторые страные писатели принимаютъ это заявленіе даже за равное съ тѣмъ, что въ 1730 году прекратился домъ Романовъ и что послѣ того на русскомъ престолѣ были члены домов лядскаго, брауншвейгскаго и голштинскаго. Не входя въ нія о точности фамильныхъ названій, довольно сказать, что съ точки зрѣнія этихъ иностранныхъ авторовъ въ 1730 прекратилась династія Романовыхъ: была жива дочь Петра I завета Петровна. Наслѣдный принцъ голштинскій Петръ вичъ, сынъ старшей дочери Петра I, Анны, и великая Елизавета Петровна были прямыми потомками и законными виками Петра: обѣ великія княжны, Анна и Елизавета бракосочетаніи Петра съ ихъ матерью были привѣнчаны исконному русскому обычаю привѣнчанія дѣти пользовались правами ихъ родителей. Воля отца и царя сдѣла великими князьями русскими со всѣми сопряженными съ правами. Въ нихъ видѣли великихъ князей, ихъ притакими, имъ воздавали всѣ почести, какъ членамъ царскаго мейства — неужели теперь, пять лѣтъ спустя послѣ смерти долженъ былъ снова подняться вопросъ — о ихъ правѣ устранить потомство Петра I отъ престолонаслѣдія, верховно надобно было по другимъ причинамъ, имѣющимъ мало нія къ вопросамъ права. Имъ нужно было сдѣлать нима избраніемъ будущаго государя, а избраніемъ они были реализовать для себя политической капиталъ. По какъ планы Долгорукихъ передать престолъ невѣстѣ рушились, мысли главныхъ членовъ верховнаго совѣта лись на учрежденіи въ странѣ монархическаго ограниченнаго ления. Интересы государства мало принимались при этомъ счетѣ; верховные хотѣли самодержавную монархію измѣнить аристократическую олигархію. Избрать надобно было на такое лице, которое всего менѣ надѣялось бы быть и: и могло тѣмъ легче согласиться на всѣ ограничивающія

¹⁾ Ср. XVIII вѣкъ, изд. Бартенева, кн. III, стр. 9—10.

Выборъ палъ на герцогиню курляндскую. Ее знали за женщину характера мягкаго, уступчиваго; она мечтала о вступленіи на престолъ и вдовство ея, при обстановкѣ жизни въ Курляндіи, было довольно горько, чтобы заставить ее согласиться на всѣ условія. Правда, около нея былъ хитрый, проницательный Биронъ и она подчинялась его вліянію. Всѣ это знали, но развѣ нельзя было включить въ условія, чтобы она не брала съ собою Бирона? Казалось, все было такъ хорошо улажено въ умахъ верховниковъ и душа ихъ совѣта, Василій Лукичъ Долгорукій, полетѣлъ въ Митаву вѣстникомъ избранія Анны на престолъ, если она приметъ предложенныя условія. Анна, конечно, приняла ихъ и манифестъ изъ Митавы (Митавы) возвѣстилъ Россіи о вступленіи новой государини на престолъ. Въ то время, какъ присягали новой императрицѣ и „государству“, Василій Лукичъ превратился въ зоркаго пристава Анны. Верховники опасались, и не даромъ, что въ народѣ смотрять на ихъ планы неблагопріятно. Пикеты, разставленные отъ Москвы по дорогѣ въ Митаву, не помѣшали долетѣть до столицы Курляндіи другой вѣсти о происшедшемъ въ Москвѣ—изъ враждебнаго верховникамъ лагеря. Василій Лукичъ понималъ, что надобно быть насторожѣ. Онъ избралъ подходящую придворную должность и помѣстился во дворцѣ, гдѣ жила Анна по прибытіи въ Москву, такъ что кто ни пріѣзжалъ къ императрицѣ могъ быть у нея и видѣться съ нею лишь въ его присутствіи. Василія Лукича однако перехитрили и перехитрилъ тотъ, къ кому выпивъ водки надъ рѣшеніемъ мудреныхъ дѣлъ шли за совѣтомъ всѣ главные верховники—Андрей Ивановичъ Остерманъ. Одно время господствовало мнѣніе, что самодержавіе возвращено было Аннѣ русскими людьми изъ патриотическаго убѣжденія, что переиѣна, произведенная верховниками, была вредна для государства. Ближайшее разслѣдованіе фактовъ можетъ убѣдить каждаго, что душою заговора, низвергнувшаго олигархію верховниковъ, былъ Остерманъ, и что *coup d' état* произведенъ былъ нѣмецкою партією, чтобы вырвать власть изъ рукъ русскихъ, а патриотизмъ сената, гвардіи и духовенства выставленъ былъ лишь какъ прикрытіе. Нѣмецкая партія тутъ дѣйствовала русскими людьми лишь какъ орудіями. Остерманъ далъ знать Бирону, бывшему въ Москвѣ (его

императрица общалась не брать съ собою, но ему самому прѣхать никто не могъ запретить) чрезъ барона Корфа ¹⁾, что Аннѣ можно возвратить самодержавіе. Какъ сдѣлать это — Бирону самому, конечно, никогда бы не рѣшить, но ему оставалось лишь исполнять роль, назначенную Остерманомъ. Трудно было обмануть бдительность Василія Лукича, но хитрость съ осторожностью, наконецъ, превозмогли. Каждый день относили къ Аннѣ во дворецъ малютку — сына Бирона. Императрица брала его и уносила въ свою спальню. Не опасаться же было Василію Лукичу ребенка, но этотъ ребенокъ-то и былъ для Анны каждый разъ вѣстникомъ о ходѣ дѣла людей, задушавшихъ избавить ее изъ-подъ опеки верховниковъ. Она, принеся малютку въ свою спальню, вынимала изъ-за пазухи его записку, извѣщавшую ее обо всемъ ²⁾. Извѣщена была она также о ходѣ дѣла запискою, найденною въ столовыхъ часахъ, поднесенныхъ ей Теофаномъ Прокоповичемъ. Подвижная, впечатлительная натура Анны не выдержала и тайна, можетъ быть, обнаружилась бы преждевременно, но въ одной изъ придворныхъ дамъ она имѣла ментора, въ критическую минуту дернувшаго ее за платье и остановившаго порывъ откровенности. Наконецъ, пришло время; актъ, ограничивавшій самодержавіе, былъ разорванъ и кинуть передъ Василіемъ Лукичемъ, теперь изъ пристава скоро превратившимся въ узника.

Что же понудило Остермана сдѣлаться душою этого государственнаго переворота? Цѣли, побудившія его, ясны. Чего могъ онъ ждать отъ господства русской партіи, имѣвшей между олигархами своихъ представителей? Ничего, кромѣ преслѣдованія и утѣсненія иностранцевъ, слѣдовательно, и его самого? Развѣ не было почти рѣшено удалить изъ Россіи всѣхъ неженатыхъ на русскихъ иностранцевъ, такъ что ему угрожала бы высылка изъ Россіи, если бы онъ не былъ женатъ на Стрѣшневой ³⁾? Развѣ Вас. Влад. Долгорукій на вопросъ, гдѣ жить Аннѣ — въ кремлевскомъ, или въ лефортов-

¹⁾ Barthold, 75.

²⁾ Де-Липиа, 181.

³⁾ Barthold, 74.

скомъ дворцѣ не отвѣчалъ публично: „что ей дѣлать въ лефортовскомъ съ нехристями-нѣмцами!“ Если съ этого начинали, то трудно было предвидѣть, гдѣ будетъ конецъ и, можетъ быть, Остерману, послѣ всѣхъ его заслугъ на пользу Россіи, предстояла высылка изъ предѣловъ ея. Наконецъ и оставаясь въ ней, онъ могъ потерять всякое значеніе при господствѣ старой русской партіи, особенно если бы выдвинулись впередъ крайніе противники петровскихъ реформъ и иностранцевъ, кн. Голицыны. Напротивъ, при господствѣ нѣмецкой партіи, даже допуская, что Биронъ сталъ бы въ ней первымъ лицомъ, для Остермана были всѣ гарантіи. Биронъ не зналъ Россіи и не хотѣлъ учиться по русски; онъ презиралъ русскихъ и не скрывалъ этого. Такой человѣкъ не могъ обойтись безъ услугъ Остермана. При господствѣ русской партіи, Остерманъ могъ потерять все; при господствѣ нѣмецкой, онъ упрочивалъ за собою мѣсто министра и втораго лица въ управленіи. Обстоятельства благопріятствовали планамъ нѣмецкой партіи. Сенатъ съ самаго учрежденія верховнаго совѣта враждовалъ съ нимъ и по паденіи его могъ опять изъ „высокаго“ сдѣлаться „правительствующимъ“. Гвардія была подъ впечатлѣніемъ пріема, сдѣланнаго ей императрицею, принявшею на себя званіе шефа обоихъ гвардейскихъ полковъ. Феоданъ Прокоповичъ, самый даровитый и дѣятельный членъ высшаго духовенства, какъ извѣстный поклонникъ протестантства въ душѣ, могъ ждать себѣ первостепеннаго значенія въ Синодѣ при господствѣ нѣмецкой партіи, между тѣмъ, какъ старая русская партія смотрѣла на него очень косо. Переворотъ совершился, нѣмецкая партія достигла своей цѣли. Въ церквахъ служили молебны по случаю возвращенія императрицѣ самодержавія. Но вглядываясь внимательно въ значеніе событій, можно было лишь прійти къ убѣжденію, что положеніе дѣлъ измѣнилось мало. Лишь нѣмцы стали во главѣ управленія вмѣсто русскихъ, и назойливая опека Долгорукаго надъ государыней уступила мѣсто добровольной и признанной, но столько же назойливой опекѣ Бирона. Если русскіе люди дѣйствительно старались о восстановленіи самодержавія, то они восстановили форму его, но только *форму*, а нѣмецкая партія, для которой таска-

ли каштаны изъ огня русскія руки, постаралась прибр
рукамъ *содержаніе*.

Анна и Биронъ.

Сдѣлавшись самодержавною, Анна сохранила во двоу
вичный ей простой образъ жизни. Утромъ она занималась
хотя въ сущности все вершилъ по своему усмотрѣнію Би
12 часовъ обѣдала съ семействомъ Бирона, жившихъ тутъ
дворцѣ. У Бирона, въ присутствіи государыни, были безъ
Она, одѣтая въ черное платье съ краснымъ корсажемъ и
вою повязанною платкомъ, занималась тутъ сама гуводѣ
другими и вела бесѣду какъ равная съ равными. Инс
играла на бильярдѣ. Она мѣтко стрѣляла и охота был
изъ ея занятій, на дворѣ ея дворца два раза въ недѣ
травля медвѣдей. Иногда она играла въ карты, приче
новенно держала банкъ и назначала кто долженъ былъ
вать ей. Играли на марки, но она постоянно платила св
грншъ золотомъ. Съ 1736 г. въ Петербургѣ явилась ит
опера и императрица часто посѣщала ее, но постоянно
въ шлафрокѣ.

Этой простотѣ частной жизни императрицы представ
твиположность торжественные приемы и выѣзды ея. П
ныхъ выѣздахъ у кареты ея шло иногда 48 лакеевъ, у
ской 24, у каретъ сановниковъ по 12. Запрещено было
во дворецъ являться два раза въ одномъ и томъ же
Фунты золота и серебра шли въ это время на пригото
въ Ліонѣ матеріи на платья русскихъ вельможъ. Роско
расточительность, были предписаны. Сами иностранцы
подобныхъ распоряженіяхъ, столь противорѣчившихъ
императрицы къ простотѣ, видѣтъ мѣру Бирона для вѣр
ренія русскихъ богачей, которыхъ онъ не терпѣлъ и

Если тутъ мы видимъ противорѣчіе между тѣмъ,
желать Анна и что она дѣлала, то это лишь одинъ изъ

прихрюмъ подобнаго. Анна была по природѣ женщина съ сердцемъ и сострадательная. Она смѣшала свои слезы со слезами царицы Евдокіи, при свиданіи на коронованіи, въ Москвѣ, напомнившей объихъ столь многое. Она не могла удержать слезъ при разсказахъ о безчеловѣчныхъ и жестокихъ поступкахъ. И между тѣмъ преданіе передаетъ, что она же велѣла разъ повѣсить придворнаго повара предъ ея окнами за то, что тотъ къ блинамъ подалъ прогорклое масло. Безъ всякаго сомнѣнія это преданіе (записанное Снегиревымъ) передававшееся подъ впечатлѣніемъ страшной бироновщины, смѣшало лица и событія и ему нѣтъ надобности придавать вѣры. Но есть несомнѣнные доказательства, что вредное вліяніе лицъ, окружавшихъ Анну, имѣло дѣйствіе на ея характеръ. Маленькій сынъ Вирона обѣлся въ дворцовомъ саду землянкою и у него заболѣлъ животъ. Губернеръ его Шварцъ не позволялъ ему ѣсть много ягодъ, но что было сдѣлать съ непослушнымъ сорванцемъ, который привыкъ губернатора не ставить ни въ грошъ. Что же дѣлаетъ Анна, узнавъ о болѣзни, которой мальчуганъ подвергся по собственной винѣ? Она посылаетъ Шварца въ арестантскомъ платьѣ мести улицы ¹⁾. Даже Виронъ устыдился этого поступка съ человѣкомъ ни въ чемъ виновнымъ. Онъ далъ ему 1000 рублей и паспортъ за границу. Вредное вліяніе окружавшихъ отразилось даже на развлеченияхъ Анны. У нея было шесть шутовъ, вѣроятно какъ дань воспитанію ея во дворцѣ ея матери, Прасковьи Федоровны. Но въ шуты ея обращали и тѣхъ, въ комъ могло не быть никакого призванія къ этой роли. Кн. Голицынъ, прозванный въ шутовствѣ Квасинимъ, былъ сдѣланъ шутомъ за то, что бывъ за границею, принялъ католическую религію. Кн. Волконскій, другой шутъ Анны, имѣлъ должность присмотръ за ея гончею собакою. Прочіе шуты были Апраксинъ, Балакиревъ, Педрилло и Коста. Послѣдніе два иностранца получили учрежденный для нихъ въ шутку орденъ св. Бенедекты — уменьшенные знаки Александра Невскаго, носившіеся въ петлицѣ. Полагали, и не безъ основанія, что Виронъ съумѣлъ и забавамъ императрицы придать характеръ, служившій въ униже-

¹⁾ Scherer, VI, 216—217.

нію русскихъ знатныхъ фамилій. Ледяной домъ, памятная игрушка царствованія Анны, устроенный по совѣту бывшаго деньщика Петра I, Татищева — того самаго, который совѣтовалъ преступниковъ, если бы они оказались невинными, клеймить около слова „виновенъ“ придаточнымъ словомъ „не“ — также бросаетъ тѣнь на допустившихъ такую забаву. Потѣха была бы потѣхою, если бы потомъ несчастнаго шута Голицына, свадьба котораго праздновалась въ ледяномъ домѣ, не заперли съ новобрачною на цѣлую ночь въ ледяныхъ стѣнахъ на сильномъ морозѣ.

Жестокость, проглядывающая въ подобныхъ забавахъ, была не сродна душѣ Анны и является слѣдствіемъ вліянія Бирона. Вліяніе его же отразилось на нерѣшительности характера и переменчивости мнѣній императрицы. Въ Петербургѣ, въ высшемъ обществѣ, въ это время была особенно въ ходу книга Липсія, гдѣ описывается непостоянный, измѣчивый характеръ Мессалины и Клеопатры. Изъ дѣла Волынскаго мы знаемъ, что эта книга читалась въ кружкахъ петербургской знати именно потому, что характеристику царицъ древности прилагали къ Аннѣ ¹⁾. Волынский сознался, что онъ дѣлалъ сравненіе царицъ, описываемыхъ Липсіемъ съ Анною, потому что императрица сердится иногда послѣ за то же, что прежде приняла милостиво. Что это могло быть съ Анною — легко согласиться, потому что Биронъ всегда могъ представить чернымъ, казавшееся ей прежде бѣлымъ. Но относительно дѣла Волынскаго можно прибавить, что если взглядъ Анны на проектъ его о государственной реформѣ измѣнился послѣ, то въ этомъ могло принять участіе и оскорбленное самолюбіе женщины. Анна была самолюбива и щекотлива по природѣ. Когда Минихъ просилъ, чтобы она содѣйствовала возведенію его въ курляндскіе герцоги, она спросила — почему фельдмаршалъ не хочетъ за одно сдѣлаться великимъ княземъ московскимъ? Когда Волынский подавалъ ей свой проектъ, она приняла его хотя безъ сердца, но далеко неблагосклонно и даже замѣтила, что онъ хочетъ давать ей совѣты, какъ молодыхъ лѣтъ государю. А въ городѣ распро-

¹⁾ Чтенія, 1858, II, смѣсь, 138—151.

страшились слухи, что Волынской составил книгу для императрицы — какъ ей жить. Самолюбіе Анны было оскорблено этими толками и проектъ кабинетъ-министра поставленъ былъ ему въ преступленіе.

Что Анна, по крайней мѣрѣ первоначально, была привязана къ Вирону — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Оставляя въ сторонѣ всѣ толки и пересуды, довольно сказать, что она любила дѣтей его какъ своихъ. Она постоянно была въ обществѣ его и его жены. Былъ ли привязанъ къ ней Виронъ? Въ этомъ очень можно сомнѣваться. Онъ является во дворцѣ ея — искателемъ счастья, цѣль его пробить себѣ дорогу. Трудно вѣрится, чтобы при этихъ обстоятельствахъ и человѣкъ такой, какииъ мы знаемъ Вирона, могъ увлечься истиннымъ чувствомъ. Анна была русская. Хотя Берггольцъ и передаетъ намъ ироническое замѣчаніе герцогини курляндской о русскихъ дамахъ „что онѣ лѣнивы и неохотно причисляются,“ но говорить о дурныхъ сторонахъ своего народа еще не значитъ быть иностранцемъ въ душѣ. Анна въ душѣ и въ жизни, въ Курляндіи и потомъ въ Москвѣ, осталась русскою. Если бы Виронъ чувствовалъ къ ней искреннюю привязанность, развѣ онъ могъ бы такъ ненавидѣть все русское, развѣ онъ не помирился бы со многимъ въ русскомъ быту для нея? Мы знаемъ, что Виронъ не стѣснялся особенно ея присутствіемъ и цинизмомъ своихъ рѣчей въ гнѣвъ приводилъ ее иногда въ смущеніе ¹⁾. Это также мало говорить о его уваженіи къ ней, а безъ уваженія возможно ли истинное чувство? Наконецъ не забудемъ, что онъ распространилъ на дворецъ систему шпионовъ, въ сѣтяхъ которой нѣмецкая партія, съ нимъ во главѣ, запутала всю Россію. Всякое слово и дѣло Анны были извѣстны ему. Если не онъ, то жена его наблюдала за всѣмъ, что дѣлала Анна. М-ше Виронъ, маленькая, страшно рябая, но при всемъ томъ недурная собою женщина, съ очаровательною шеей, была чуть ли не болѣе властолюбива, чѣмъ ея супругъ. Рѣзкая во взглядѣ и въ рѣчахъ, гордая фрейлина Трейденъ, теперь будучи замужемъ за временщикомъ,

¹⁾ Чтенія, 1863, смѣсь, 45.

возгордилась еще болѣе. Какъ герцогиня курляндская, она подписывалась просто „Бенигна,“ получила право не вставать, подобно принцессамъ крови, при входѣ императрицы, давала цѣловать руку, подобно принцессамъ и даже, принимая посѣтителей на чемъ-то въ родѣ трона, вмѣсто одной давала цѣловать обѣ руки. Платья ея стоили 400,000 рублей и послѣ она сшила себѣ одно, осыпанное жемчугомъ, стоявшее 100,000. Она носила на себѣ брилліантовъ на два миліона рублей ¹⁾. И было изъ чего ей дѣлать эти расходы. Мужъ ея черпалъ сколько хотѣлъ изъ государственной казны. Онъ купилъ на 10 мил. флориновъ помѣстій и у него было на двойную противъ этой суммы брилліантовъ. По арестъ у него говорятъ нашли на дому 28 мил. рублей и на громадную сумму драгоценностей ²⁾.

Система шпіонства во дворцѣ прямо говоритъ, что Виронъ не могъ питать къ Аннѣ искренней привязанности, неразлучной съ взаимнымъ довѣріемъ. Аннѣ подъ конецъ жизни кажется надоѣдала эта бессмысленная опека Вирона и его агентовъ надъ нею. У нея вырывались слова, что она бываетъ покойна лишь когда Вироны уйдутъ изъ ея спальни ³⁾. Наконецъ предсмертная болѣзнь и смерть Анны — порука намъ, что Виронъ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ чувства, а по расчету. За два года и за годъ до смерти у императрицы шла кровь вслѣдствіе обнаружившейся каменной болѣзни. Необходимы были немедленныя медицинскія средства, но о нихъ не заботились. За четыре мѣсяца до смерти Анны, французскій посланникъ далъ знать своему двору, что императрица не подаетъ надежды на выздоровленіе ⁴⁾, а между тѣмъ въ Россіи, даже при дворѣ, благодаря Виронамъ, не знали объ этомъ. Объявлялось лишь иногда, что у нея „то ручка, то ножка болитъ.“ Что ставляло поступать такъ Вирона? Не хотимъ думать, чтобы онъ уже упрочивалъ себѣ регенство и хладнокровно смотрѣлъ на приближавшійся конецъ императрицы. Остановимся скорѣе на томъ,

¹⁾ Scherer, IV, 246.

²⁾ Ibid. IV, 186—187.

³⁾ Чтенія, 1863, I, смѣсь, 41

⁴⁾ Чтенія, 1863, I, смѣсь, 77.

что временщикъ, державшійся въ главѣ управленія лишь Анною и со смертью ея могшій всего лишиться, боялся сдѣлать извѣстнымъ истинное состояніе здоровья ея, чтобы не дать повода врагамъ тотчасъ же начать козни противъ него. Императрица могла поправиться и во всякомъ случаѣ невѣденіе о ея болѣзни держало въ покоѣ умы до тѣхъ поръ, пока должно было прийти время партіи герцога курляндскаго дѣйствовать рѣшительно.

Словомъ, все говорить, что Биронъ не питалъ къ Аннѣ той искренней привязанности, которая могла бы облагородить вліяніе его на нее. Онъ любилъ только власть, остался честолюбцемъ и былъ вѣренъ своему девизу: *il faut se rousser au monde*. Анна была для него лишь средство. Въ первое время честолюбію его удовлетворяла пережѣна фамиліи Вирена на „Биронъ.“ Современное законодательство просвѣщенныхъ націй даетъ право каждому принимать какое угодно фамильное прозвище, если это дѣлается безъ дурнаго умысла. Слѣдовательно Биронъ имѣлъ право сдѣлаться Бирономъ. Французскій герцогъ Биронъ, которому одна дама сказала, что аптекарь въ Лотарингіи принялъ его фамилію, насмѣшливо замѣтилъ только, что ему пріятно слышать, что лотарингскій аптекарь раздѣлялъ такое пристрастіе къ его имени съ русскимъ вельможею. Менѣе невинно было то, что курляндскій Биронъ принялъ вмѣстѣ и гербъ французскаго. Но скоро жажда славы курляндца Вирена была удовлетворена. Едва Анна воцарилась, какъ императоръ австрійскій возвелъ ея оберъ-камергера въ графа германской имперіи и прислалъ ему свой портретъ въ 125,000 франковъ. Еще нѣсколько лѣтъ прошло и Биронъ дѣлается герцогомъ курляндскимъ. Смерть Анны открыла ему путь къ регентству въ Россіи.

Анна Леопольдовна.

Анна Ивановна не могла при жизни не озаботиться о назначеніи наслѣдника престола. Она приняла и воспитывала, какъ дочь Анну (бывшую Елизавету) Леопольдовну, дочь старшей се-

стры своей Екатерины, съ тѣмъ, чтобы передать престолъ ея потомству. Анна Леопольдовна жила во дворцѣ, между тѣмъ какъ матери ея Екатерины Ивановны, было отведено помѣщеніе въ отдѣльномъ домѣ. Такъ какъ о будущемъ потомствѣ принцессы заботились столько же, сколько о ней самой, то конечно, рано былъ поднятъ вопросъ о бракѣ и изъ Германіи уже привезли ей будущаго жениха, столь же юнаго, какъ и она, принца Антона Брауншвейгскаго. Антону-Ульриху было 14 лѣтъ, когда его привезли въ Петербургъ и стали воспитывать вмѣстѣ съ Анною Леопольдовною. Полагали, что между дѣтми укрѣпится привязанность, которая въ молодыхъ людяхъ перейдетъ впоследствии въ болѣе нѣжное чувство. Надежды не оправдались. Принцесса Анна съ перваго взгляда не влюбилась своего суженаго. Она была ребенокъ угрюмый, заключенный въ себѣ, упрямый, капризный. Впоследствии, когда ей говорили, что она капризна и упряма, она замѣчала лишь, что это безъ сомнѣнія наследственныя черты характера, что ея родители были также капризны и упрямы. Въ дѣвочки Аннѣ не замѣчали общительности и дружелюбія. Съ нею то судьба столкнула 14 лѣтняго Антона-Ульриха, мальчика невысокаго роста, женоподобнаго, заику, тихаго, скромнаго, очень ограниченнаго. Будущіе женихъ и невѣста не сошлись характерами. Это скоро замѣтилъ Виронъ и рѣшился на нерасположеніи принцессы къ назначенному ей жениху основать планы для вѣщаго возвышенія своего и своего семейства. У него родилась мысль женить на принцессѣ собственнаго сына Петра ¹⁾). Петру, правда, было пятью годами меньше, чѣмъ Аннѣ Леопольдовнѣ, но отецъ и въ этомъ не видѣлъ препятствія. Императрица въ рѣшительную минуту оказалась бы на его сторонѣ. Но планы его рушились объ упорный характеръ принцессы. Коса нашла на камень.

Когда лэди Рондо видѣла Анну Леопольдовну дѣвочкой, та не общалась ничего, не подавала никакихъ надеждъ. Это былъ не очень привлекательной наружности, серьезный, угрюмый ребенокъ. Дѣвушкою Анна Леопольдовна сдѣлалась еще серьезнѣе, говорила

¹⁾ La Cour. 31.

мало, никогда не сдѣлялась. Она была рѣзка въ выраженіяхъ и не терпѣла подчиненности. Каждый, кто изучилъ ея характеръ, понялъ бы, что она не любитъ Антона-Ульриха именно потому, что его назначили ей въ женихи. Виронъ былъ въ силѣ и она не терпѣла его именно за то, что ему нужно было подчиняться ¹⁾. Какъ скоро она проникла планы Вирона, то рѣшилась пойдти за принца Брауншвейгскаго противъ желанія, только чтобы отклонить искательство Петра Вирона и его родителя. Впрочемъ не одно врожденное упрямство характера могло подсказать ей это рѣшеніе. Принцъ Антонъ, хотя съ ограниченными способностями, былъ по крайней мѣрѣ мягкаго, податливаго характера. Напротивъ, Петръ Виронъ, въ 15 лѣтъ, общался сдѣлаться по характеру впоследствіи чѣмъ-то даже хуже отца. Отецъ былъ вспыльчивъ, но, какъ говорили, „отходчивъ“. Въ сынѣ не было даже этой отходчивости. Это былъ мальчикъ съ крутымъ, рѣзкимъ характеромъ. Если въ немъ и были добрыя наклонности, то воспитаніе дѣтей Вирона, повидимому, было направлено къ тому, чтобы истребить въ нихъ задатки добраго. Мы видѣли, какъ поступили съ гувернеромъ ихъ Шварцемъ за то, что одинъ изъ маленькихъ Вироновъ обѣлся земляники. Подобному же наказанію подвергли метр-дотеля Вирона, Кирша, за то лишь, что тотъ осмѣлился разъ пожаловаться на герцогскихъ дѣтей. Чтѣ дѣти могли вынести изъ привѣровъ такой явной несправедливости? Конечно, убѣжденіе, что имъ все пройдетъ, что они могутъ дѣлать все, что имъ угодно. Это убѣжденіе они провѣряли во дворцѣ на опытѣ. Они били розгами по ногамъ каждаго, кто бы ни попался, лили вино на прохожихъ и т. д. Образецъ обходительности и умѣнья уживаться всюду, камергеръ Левенвольде только подпрыгивалъ, когда розга юныхъ Вироновъ стегала его по шелковымъ чулкамъ; но не всѣ были такъ уживчивы. Были жалобы, но на нихъ у Вирона всегда былъ готовъ отвѣтъ жалующемуся: „что съ нимъ? Развѣ ему надола служба? Если такъ, то можетъ выходить въ отставку.“

Воспитаннаго въ такой школѣ 15 лѣтняго юношу предлагали

¹⁾ Rondeau, 186 — 188.

теперь двадцати-лѣтней принцессѣ, очень не уживчиваго характера въ супруги. Принцесса слышать о немъ не хотѣла. Выбравъ двухъ золь меньшее, она предпочла принца Брауншвейгскототъ, — 20 лѣтній блондинъ, съ завитыми локонами, въ шелковомъ кафтанѣ, обложенномъ золотомъ, — получивъ согласіе цессы, должнымъ порядкомъ благодарилъ императрицу Анну ку ея племянницы. За то невѣста, которой было некого и что благодарить, предалась своей грусти. „Это все сдѣлали министры проклятые“, сказала она Волынскому, не будучи стояннй выдержать своихъ чувствъ ¹⁾. Тотъ, недружившій время Остерману, сослался на послѣдняго, какъ на виновнаго. Первую ночь послѣ брака принцесса Анна одиноко прѣ въ дворцовомъ саду.

Привезенная въ Россію въ лѣтахъ ранняго дѣтства, во ная въ Россіи, принцесса Анна казалось должна была бы сѣ русскою. Но не надобно забывать въ какой сферѣ прѣло ея воспитаніе. Дворецъ былъ полонъ нѣмцами во все иваніе Анны Ивановны. Немудрено, что принцесса выросла ностранкою. Это объясняетъ, почему разъ, уже по смерти Ивановны, она не найдя камергера Апраксина на своемъ узнавъ, что онъ спитъ, отозвалась о немъ: „это русскій каналь Вироновская школа презрѣннй ко всему русскому, въ кото воспитывалась, невольно отразилась и на ней, хотя она и была врагъ Бирона.

Мать будущаго императора, Ивана III, она довольно равно смотрѣла на то, какъ Биронъ, при посредствѣ 30,000 подаренныхъ имъ Вестужеву, и благодаря другимъ во врятыымъ мѣрамъ, устранилъ ее отъ регентства и самъ сдѣл гентомъ. Упорный, раздражительный характеръ ея не бы нымъ характеромъ и она не способна была явиться на асударственной дѣятельности.

Анна Леопольдовна была средняго роста, полна лицомъ

1) Энцикл. Лекс. Анна Леопольдовна.

2) Чтенія, 1863, I, смѣсь, 49.

были темные волосы и черные глаза. Не имѣвшая въ себѣ ничего особенно прелекательнаго, обыкновенная, наружность ея не находила въ искусствѣ возмездія за то, чего не было дано природой. Принцесса не любила одѣваться и чесаться по модѣ. Прическа у нея была всегда своя собственная, отличная отъ модной, и гофмейстеръ ея Минихъ-сынъ находилъ, что прическа была обыкновенна, ей не къ лицу. Прочія дамы носили юбки на китовыхъ усахъ; принцесса, и будучи правительницей, отправлялась въ церковь не въ такой юбкѣ, съ головою покрытою простынъ бѣлымъ платкомъ. При жизни императрицы Анны, принцесса не терпѣла придворныхъ выходовъ, какъ за то, что къ нимъ надобно было одѣваться, такъ и потому, что ее участвовать въ нихъ принуждала ненавистная ей тиранія Вирона. Простая въ одеждѣ, принцесса была проста въ разговорѣ и въ обращеніи. Она чувствовала себя какъ дома лишь въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ, преимущественно иностранцевъ, среди которыхъ она выросла. Придворное общество было не по ней: она не терпѣла притворства, любила откровенность, была не только не свѣтски-любезна, но даже иногда рѣзка въ выраженіяхъ. Къ тому же, при императрицѣ Аннѣ, ея врожденное расположеніе къ удивленію, ея дикость, за которую ее въ дѣтствѣ наказывала мать, могли лишь усиливаться, благодаря вліянію Вирона, старавшагося не мѣшать ея влеченію быть затворницею среди пышнаго двора тетки. Вспомнимъ однако, что капризная, несговорчивая принцесса могла быть или казаться часто такою именно, — потому что ей ненавистна была опека Вирона. Впоследствии, освободясь отъ этой опеки, она остается холодна въ разговорѣ съ чужими, что виждалось ей въ гордость, и сильна въ выраженіяхъ, но за то умѣетъ быть обходительною съ чинами своего двора и съ тѣми, кого приближала къ себѣ. Она судила о людяхъ по лицамъ, по впечатлѣнію, какое они производили на нее и, откровенная въ обращеніи, не могла скрывать какъ своего расположенія, такъ и нерасположенія. Вотъ почему въ то время, какъ одни видѣли лишь превращеніе дѣвочки-дикарки въ надмѣнную повелительницу, въ глазахъ другихъ Анна оставила сдержанность и заключенность въ себѣ, воспитанная въ ней бироновскою эпохою, а стала словоохотливою, остроумною хозяйкою въ тѣсномъ кругу

приближенныхъ. Анна Леопольдовна была женщина не безъ и не безъ сердца. Она любила чтенію французскихъ и вѣмецкихъ книгъ и особенно предпочитала драмы, декламируя нерѣдко любимыя мѣста. Она говорила, что ей въ особенности нравятся мѣста драмъ, гдѣ угнетенныя принцессы выражаютъ свои чувства своимъ угнетателямъ. Отъ любви къ драмѣ лишь шагъ къ мантизму. Не безъ романа обошлась и молодость Анны. Видя ее, 16 лѣтней дѣвушки, обратилъ на себя красавецъ, саксонскій посланникъ, Линаръ и исторія ея любви могла лишь содѣйствовать еще большему одичанію этой готовившейся открыться дѣвѣ та и его впечатлѣній натуре. Сближенію Анны и Линара гала гувернантка Анны, Адеркасъ. Линаръ началъ интригу, помѣшавъ браку между принцессою и принцемъ Антономъ І швейгскимъ. Очень вѣроятно, что это дѣлалось не только изъ вѣдома, но и по желанію принцессы. Но принцъ Антонъ подѣ покровительствомъ императрицы Анны. Когда исторія кончилась, попросили отозвать Линара, а гувернантку Адеркасъ въ Германію ¹⁾).

Старшій сынъ принцессы Анны отъ принца Антона дѣла лѣтъ своею наследника русскаго престола императрицѣ Младенецъ былъ принятъ императрицею на полное ея покровительство. Анна Ивановна была благочестива; если она изъ двухъ бывшихъ при ней въ случаѣ, Левенвольда и Корфа, удерживала при своемъ дворѣ, несмотря на происки Бирона, а къ чувствовала нерасположеніе, то это именно за вольнодумство и не уваженіе въ дѣлахъ религіи ²⁾). Набожная императрица прежде отпраздновала рожденіе внука торжественными молебствіями въ городахъ имперіи. Она пожелала, чтобы ему нарекла имя сама была единственною воспріемницею его отъ купели. Пожеланіе во дворцѣ, близъ императрицы. Пеленать и раскрывать его можно было только въ присутствіи герцогини вюртембергской. Последняя въ глазахъ Анны очевидно какъ польза

¹⁾ Пекарскій, 335.

²⁾ Пекарскій, 86—87, 90.

годна была въ роли бонны и точно Бенигна Биронъ безъ сомнѣнія чувствовала себя призванною къ этой роли еще прежде, когда соединяла свою судьбу съ судьбою любимца Анны. Бирону нужно было жениться. Онъ сдѣлалъ предложеніе старшей сестрѣ Бенигны, Троттъ фонъ-Трейденъ. Но Тротта обладала на столько чувствомъ благородной гордости, что не могла вступить въ бракъ для вида, для маски. Слабая и больная, она жаждала истинной привязанности. Младшая сестра ея была менѣе разборчива и Биронъ женился на ней. Она выростила ему дѣтей. Анна Ивановна, любившая вѣжно дѣтей Бирона, плакавшая надъ вторымъ сыномъ его во время его болѣзни, безъ сомнѣнія имѣла возможность оцѣнить заботы Бенигны о нихъ и теперь поручала ей уходъ за внукомъ своей сестры, наслѣдникомъ престола. Скоро оказалось, что Иванъ, ребенокъ миниатюрный по размѣрамъ, страдалъ сжатіемъ нервовъ и постояннымъ запоромъ, не уступавшимъ никакимъ средствамъ. Надобно надѣяться, что это болѣзненное предрасположеніе ребенка не было усилено заботами Бенигны. Что же касается матери, принцессы Анны, то отлучить ее отъ ребенка нашли такъ естественнымъ, что не видѣли въ этомъ никакой жертвы для материнскаго чувства. Но принцесса терпѣла эту разлуку только пока была жива тетка.

ИВАНЪ III АНТОНОВИЧЪ

Биронъ-регентъ.

Анна Ивановна умерла отъ той же каменной болѣзни, которая свела въ могилу обѣихъ сестеръ ея. Эта болѣзнь развилась въ ней въ тотъ критическій для женщины фізіологическій періодъ, который отмѣчаетъ переходъ къ преклонному возрасту. Императрица Анна умерла 46 лѣтъ отъ роду. Переходный періодъ въ фізіологической жизни былъ главною причиною опаснаго оборота болѣзни.

Скончалась императрица и дворецъ наполнился плачущими. Анна Леопольдовна сидѣла въ углу комнаты, гдѣ лежало тѣло покойной, и плакала. Биронъ плакалъ и метался изъ стороны въ сторону не зная за что хватиться, что начать. Наконецъ, чрезъ четверть часа, когда всѣ начали мало по малу успокоиваться, приступили къ чтенію духовной императрицы. Замѣтивъ принца Антона за стуломъ принцессы Анны, Биронъ, съ свойственною ему пронику, сказалъ, что и принцъ „можетъ быть благоволить выслушать послѣднюю волю императрицы“. Съ почтеніемъ всѣ выслушали ее, хотя не мало тутъ могло быть лицъ, у которыхъ еще живо было въ памяти, что и Петра II хотѣли представить сдѣлавшимъ завѣщаніе, хотя этотъ царственный юноша до прекращенія сознанія былъ полонъ надежды на выздоровленіе, а послѣ не въ состояніи былъ сдѣлать распоряженія. Невольно могло представиться уму, что и Анна, не готовившаяся къ смерти и боявшаяся разговоровъ о ней, не могла сдѣлать сознательно необходимыхъ распоряженій, и что духовная могла быть дѣломъ Бирона. Тѣмъ не менѣе съ

благословеніемъ была выслушана эта духовная и согласно ей Биронъ объявленъ былъ регентомъ Россійской Имперіи, въ малолѣтство императора Ивана III. Биронъ достигъ высшей почести, какой можетъ удостоиться подданный. Скоро сенатъ далъ ему титулъ королевскаго высочества ¹⁾, и тотъ же титулъ для вида былъ данъ отцу императора, принцу Антону. Регенту назначено было 500,000 рублей годичнаго содержанія, тогда какъ родителямъ императора опредѣлено было лишь 300,000, а великой княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ только 80,000. Такъ какъ у Бирона съ счастливой руки австрійскаго правительства, закупившаго его въ началѣ царствованія Анны подарками въ 200,000 талеровъ, состояніе чрезвычайно увеличилось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и онъ, имѣя деньги въ иностранныхъ банкахъ и помѣстья, получалъ до 4 милл. ливровъ годоваго дохода, сверхъ назначеннаго ему теперь сенатомъ, то у него, очевидно, были всѣ средства поддерживать пышность своего двора и закупать приближенныхъ. Къ вновь восшедшему солнцу обратились теперь всѣ обычные поклонники величія и власти. Кто прежде цѣловалъ руку у принца Антона, тотъ счелъ долгомъ совершать тотъ же процессъ раболѣпнаго почтенія у Бирона. У баловня фортуны, въ 1715 г. едва не высланнаго изъ Петербурга за дерзость проситься въ камеръ-юнкеры къ супругѣ царевича Алексѣя, теперь цѣловала руку русская знать...

Но отдернемъ завѣсу, взглянемъ на скрытую сторону медали, и мы увидимъ, что этотъ идолъ, предъ которымъ все превлонялось, былъ полонъ сомнѣній и страха. Главная опора его рушилась; императрицы Анны не было въ живыхъ. Тѣло ея еще стояло во дворцѣ, но его скоро должны были вынести оттуда. Послѣ этого Биронъ долженъ былъ удалиться изъ дворца и должна была начаться его самостоятельная, государственная жизнь, опорой которой могли быть лишь его собственные таланты, знаніе и опытъ. Нельзя сказать, чтобы онъ не зналъ Россіи... Если довѣриться Манштейну, то онъ даже хорошо изучилъ ее. Правда, онъ пре-

¹⁾ Пекарскій, 135.

небрегалъ русскимъ языкомъ, но въ то время на Руси было уже столько вѣмцевъ во всѣхъ частяхъ управленія, что ему можно было изучить Россію, не изучивъ русскаго языка. Въ первые два года своей жизни въ Москвѣ, онъ почти не занимался дѣлами. Да и могъ ли онъ заниматься ими при томъ полномъ невѣденіи, въ какомъ былъ относительно ихъ. До пріѣзда своего въ Россію съ Анной онъ едва ли скольконибудь былъ посвященъ въ политику, по замѣчанію Манштейна. Но отъ природы человѣкъ не глупый, онъ мало по малу набилъ руку въ политическихъ и государственныхъ дѣлахъ, втянулся въ нихъ. Если на комъ всего болѣе оправдалась поговорка, что „обстоятельства дѣлаютъ человѣка,“ то это безспорно на Іоганнѣ-Эриствѣ Биронѣ. И трудно было ему не ознакомиться съ дѣлами. Онъ былъ всегда при Аннѣ, посвящавшей обыкновенно нѣкоторое время утромъ государственнымъ дѣламъ. Сначала императрица, по привязанности своей къ нему, не могла пробыть безъ него четверти часа, такъ что знакомые не знали, чтобы Биронъ когданибудь куда отпраплялся въ гости и Анна Ивановна не любила даже вечеровъ въ частныхъ домахъ, могшихъ отвлечь временщика отъ сообщества съ нею. Впоследствии Биронъ для собственныхъ цѣлей почти не отходилъ отъ Анны. Въ это постоянное сообщество Анны и ея главнаго совѣтника необходимо вникнуть, чтобы понять, что Бирону были не только всѣ средства и много времени, чтобы ознакомиться съ дѣлами правленія, но и что ему необходимо было ближе ознакомиться съ ними. Анна могла убивать время, монотонно текшее въ сообществѣ Бироновъ, въ разстановливаніи вдоль стѣны своихъ шести шуртовъ, обязанныхъ немилосердно бить другъ друга, и находила удовольствіе въ ихъ потасовкахъ, но такіа развлеченія были не по Бирону, даже при невысокомъ уровнѣ его умственныхъ способностей. Если такимъ образомъ много было времени, чтобы ознакомиться съ управленіемъ страны, то съ другой стороны Биронъ, хотя нехотя, обязанъ былъ освоиться съ нимъ. Черезъ него доходило все до Анны, она думала его головою, утверждала его рѣшенія. Человѣку, незнакому со страной, тутъ на каждомъ шагу представлялась возможность попасть въ просакъ. А Биронъ былъ самлюбивъ и хотѣлъ дѣйствительной власти, которой никогда не

могъ бы имѣть, если бы, благодаря незнанію дѣлъ, долженъ былъ во всемъ руководиться другими.

Въ 10 лѣтъ царствованія Анны, Биронъ успѣлъ сдѣлаться ненавистнымъ русскимъ. Онъ не терпѣлъ ничего русскаго, презиралъ русскихъ; выказывалъ не разъ жестокость и даже звѣрство, которыя трудно было подозрѣвать въ образованномъ и свѣтскомъ придворномъ; пытками при сборѣ недоимокъ заставлялъ бѣжать толпы русскихъ въ сосѣднія государства. За многое могла посчитаться съ Бирономъ Россія, когда его сдѣлали надъ ней регентомъ. Знанія дѣлъ было теперь недостаточно, чтобы удержаться во главѣ правленія. Нужны были другія способности и сильная партія, а ее Биронъ могъ составить только изъ нѣмцевъ. Но между ними главныя были не на его сторонѣ. Остерману онъ имѣлъ основаніе недоувѣрять. При Аннѣ Ивановнѣ онъ нуждался въ немъ лишь какъ въ искусномъ дѣльцѣ, но былъ въ душѣ врагомъ его. Да и Остерманъ теперь былъ не тотъ, какимъ мы видѣли его по смерти Петра II, когда боясь паденія, а можетъ быть и высылки изъ Россіи, онъ готовъ былъ отдать власть первому иностранцу, чтобы только не оставить ее въ рукахъ старой русской партіи. Остерманъ сталъ самостоятельнѣе. Онъ чувствовалъ, что нуженъ Бирону, когда самъ могъ обойтись и безъ него. У него, какъ увидишь далѣе были свои планы, заставлявшіе его желать паденія временщика.

Другой главный представитель нѣмецкой партіи въ Россіи въ это время былъ Минихъ. Это былъ тоже другъ Бирона до времени и изъ видовъ. Неустрашимый солдатъ, знатокъ военнаго дѣла, благодаря серьезной подготовкѣ и образованію, человекъ безспорно умный, Минихъ началъ военную службу подъ знаменами лучшихъ полководцевъ западной Европы, открылъ свою карьеру въ Россіи, какъ инженеръ, успѣшнымъ проведеніемъ Ладожскаго канала. Когда по смерти Петра нѣмцамъ стали выпадать, отъ времени до времени, первыя роли въ Россіи, Минихъ долженъ былъ быстро выйти впередъ. По характеру юноша до старческаго возраста, Минихъ былъ страстнымъ поклонникомъ женскаго пола. Леди Рондо описываетъ намъ, какъ онъ замирающими отъ удовольствія глазами глядѣлъ на каждую нравившуюся ему женщину и затѣмъ судорож-

но схватывая руку собесѣдницы напечатлѣвалъ на ней горячій поцѣлуй. Даже эта роль селадона не была не у мѣста для возвышенія честолюбца въ эпоху правленія и вліяніи на дѣла женщины, когда въ посланники при дворахъ намѣренно посылались лица, принимавшія на себя амплу первыхъ любовниковъ и вѣнчанность такъ часто выводила людей впередъ. Чтобы хорошо обставиться въ Россіи съ матеріальной стороны—что также необходимо было для успѣховъ въ жизни—Минихъ занималъ не мало должностей и бралъ сверхъ того гдѣ могъ.

Лэди Рондо, оцѣнивая характеръ Миниха, предостерегаетъ каждаго довѣряться ему, пророча, что онъ измѣнитъ какъ скоро того потребуетъ его собственная польза. Биронъ по видимому былъ того же мнѣнія. Но Минихъ былъ ему нужный человекъ. Миниху нѣмецкая партія обязана была многимъ. Онъ учредилъ кадетскій корпусъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для обученія въ немъ выписавъ изъ Пруссіи. Нѣмецкій элементъ, благодаря такимъ же выпискамъ, привился къ арміи. Измайловскій гвардейскій полкъ былъ учрежденъ съ исключительною цѣлью наполнить его офицерами нѣмцами и сдѣлать изъ него такимъ образомъ противовѣсъ Преображенскому и Семеновскому полкамъ, по своему русскому составу естественно недоброжелательствовавшимъ временщикамъ—нѣмцамъ.

Если при жизни Анны честолюбивый Минихъ перебивалъ дорогу Бирону, прося у императрицы о доставленіи ему вурляндской герцогской короны, то Биронъ всего могъ опасаться теперь отъ его храбрости и предприимчивости, тѣмъ болѣе, что гвардія была противъ регента. При объявленіи Вирона регентомъ ни одного одобрительнаго клика не раздалось въ рядахъ гвардейскихъ полковъ. Регентъ зналъ свою непопулярность въ средѣ гвардіи и велѣлъ ввести въ Петербургъ для карауловъ 6 армейскихъ батальоновъ. Минихъ взялъ на себя разъясненіе этой мѣры недовольнымъ ею гвардейцамъ, но исполнилъ это чрезвычайно неискусно. Онъ представлялъ, въ своей рѣчи, гвардіи, что обязанность ея охранять особу государя, а для обыкновенныхъ служебныхъ обязанностей можно употреблять и другія войска. Неудивительно, что это возваніе нисколько не утишило умы въ гвардіи: оно было исполнено ироніи и, чтобы довать эту иронію, необходимо припомнить турецкій по-

ходъ Миниха и пушки, наведенныя имъ предъ Очаковымъ на гвардію, когда та, ссылаясь на то, что обязанность ея охранять особу государыни, не шла на приступъ вѣрности ¹⁾).

Регентъ кажется однако опасался Миниха не меньше гвардейцевъ. Дворцовому караулу отдано было приказаніе стрѣлять по всякому отряду войскъ, который бы захотѣлъ приблизиться ко дворцу между 10 часами вечера и 5 утра. Съ этимъ въ связи нужно поставить извѣстный вопросъ Вирона Миниху наканунѣ своего ареста: случилось ли фельдмаршалу предпринимать что либо отважное ночью? на что фельдмаршалъ, не смутясь, отвѣчалъ, что онъ привыкъ пользоваться благопріятными обстоятельствами когда бы они ни представились.

Опасаясь главныхъ представителей правительственной нѣмецкой партіи, Виронъ готовилъ рѣшительный ударъ, чтобы утвердиться во власти. Съ этою цѣлью онъ послалъ за своимъ, генераломъ Бисмаркомъ и братомъ Карломъ. Первый былъ въ Ригѣ, другой въ Москвѣ и обонхъ онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Генералъ Бисмаркъ, убившій своего слугу за границей и бѣжавшій въ Россію, подвигая по службѣ, благодаря женитьбѣ на старшей сестрѣ герцогини курляндской, той самой больной, но жаждавшей истинной привязанности, Троттъ, фонъ Трейденъ, которая не хотѣла выйдти за Вирона и руки которой безуспѣшно просилъ послѣ Миниха. По рѣшительному нраву Бисмаркъ нуженъ былъ Вирону въ критическую минуту. Карлъ Виронъ, другой помощникъ, необходимый брату въ эту минуту, извѣстенъ былъ какъ отъявленный бунтарь и человекъ съ несноснымъ, но рѣшительнымъ характеромъ. Онъ служилъ прежде офицеромъ въ русской арміи, потомъ въ польской, потомъ, благодаря протекціи брата, попалъ въ русскіе генераль-аншефы. Этотъ покрытый шрамами, полученными въ дракахъ и буйствахъ, генералъ имѣлъ снѣлость ухаживать за великою княгиней Елисаветою Петровною во время всемогущества своего брата. Въ обществѣ его избѣгали, опасаясь подвергнуться непріятности и послѣ нерасположенію его брата. Если регентъ ну-

¹⁾ Merkwürdigkeiten, 117—118.

ждался въ услугахъ такого человѣка, тогда московскаго коменданта, то очевидно онъ не затѣвалъ ничего хорошаго для блага гсударства. На помощь третьяго Бирона, Густава, мужа возвращенной изъ изгнанія меньшей дочери Меншикова, нельзя было надѣяться. Это былъ человѣкъ любезнаго, спокойнаго нрава, хотя безъ особеннаго ума и образованія.

Въ отношеніяхъ своихъ къ членамъ царскаго дома Биронъ долженъ былъ явиться дипломатомъ. Онъ зналъ, что Антонъ I уншвегскій и принцесса Анна возбуждены противъ него. Благодаря ему, престолъ не перешелъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ, а наслѣдникомъ назначенъ былъ ребенокъ, въ царствованіе котораго Биронъ рассчитывалъ править страной и успѣлъ въ своемъ расчетѣ. Въ отношеніи матери императора регентъ выказывалъ еще большую предупредительность. Когда принцесса высказала твердую рѣшимость взять своего сына изъ дворца къ себѣ и не отпустить его отъ себя ни на минуту—Бирону оставалось лишь согласиться. Онъ сдѣлалъ болѣе, проводилъ принцессу до кареты и под руку, чтобы помочь сѣсть. За то съ принцемъ Антономъ сдѣлался. Онъ былъ очень низкаго мѣрнія о способностяхъ и не зналъ о нерасположеніи къ нему принцессы и не соблюдалъ обыкновенныхъ приличій. Онъ разъ замѣтилъ въ глаза, что жена его, принцесса, до брака говорила, что она охотно сложитъ голову на плаху, чѣмъ пойдетъ за него замужъ. Объясненія между принцемъ и регентомъ были иногда такъ горячи, что дѣло могло кончиться оскорбленіемъ. Разъ противники не дошли до шпаятъ, потому что принцъ Антонъ, хотя и кроткій, былъ по природѣ смѣлъ и даже неустрашимъ, какъ вѣствуетъ о немъ шуринъ его, Фридрихъ II. Такъ дерзко ссорился съ отцемъ императора—принцъ Антонъ былъ даже арестованъ по приказанію регента—Биронъ впрочемъ едва ли бы себя, если бы не зналъ о нерасположеніи къ нему пружа—матери императора—и чтобы усилить его при мѣрнѣ. Онъ далъ знать саксонскому двору, что ему пріятно видѣть представителемъ этого двора въ Петербургѣ того наара, котораго нѣсколько лѣтъ назадъ не совѣщавъ перебрали изъ Россіи. Расчетъ его былъ, что привязанность

сы Анны къ Линару должна возвратиться и тѣмъ поѣяно будетъ сѣмя бѣльшаго раздора между принцемъ Антономъ и его супругою, а на несогласіяхъ ихъ регентъ основывалъ свои планы къ послѣдующимъ мѣрамъ для устранения грозившаго ему совмѣстничества родителей императора. Между тѣмъ регентъ началъ другаго рода игру съ великою княжною Елисаветою Петровною. Великодушная политика въ отношеніи дочери Петра I была также одною изъ мѣръ, предписываемыхъ тактикою, согласно которой Биронъ дѣйствовалъ теперь относительно брауншвейгской фамиліи.

Елисавета Петровна.

Въ то время какъ дошъ царя Ивана Алексѣевича старался о сохраненіи русскаго престола за собою, у трона законною, но непризнанною наследницею его, стояла дочь Петра I, Елисавета. Красавица собой, живая, развязная, любезная собесѣдница; дѣвушка очень недурно образованная и отъ природы одаренная здравымъ, подвижнымъ умомъ; говорившая по французски, по нѣмецки, знавшая нѣсколько по итальянски, немножко поэтъ, когда страсть молодости рвалась въ безыскусственныхъ, но полныхъ чувства стихахъ, — Елисавета Петровна окружена была сверхъ того обаяніемъ имени Петра I. Но кто ближе зналъ ея нерѣшительный, женственно-слабый характеръ, соединенный съ нервною раздражительностію, находившею исходъ оскорбленному чувству скорѣе въ слезахъ, чѣмъ въ энергическомъ отпорѣ, тотъ могъ навѣрно заключить, что не ей явиться на поприщѣ самостоятельной политической дѣятельности. Только обстоятельства могли вызвать ее на арену этой дѣятельности и мы приближаемся къ тому времени, когда они вызвали ее. Чтобы болѣе вникнуть въ роль, открывшуюся предъ Елисаветою Петровною, теперь необходимо ознакомиться съ ея прошедшимъ.

Дѣтство Елисаветы, какъ и сестры ея Анны, протекло на рукахъ двухъ нянь, нѣмки и карелки. Екатерина Алексѣевна мать ихъ, часто уѣзжала въ дальнія путешествія съ Петромъ I и по-

тому не могла много времени посвящать дѣтямъ. Вліяніе нянь, въ обществѣ которыхъ теперь почти исключительно были дѣти, отразилось на будущемъ дочери Екатерины. Если впоследствии собирали торговку съ площадей, чтобы занимать расказнями засыпавшую Елисавету; если Елисаветѣ въ зрѣломъ возрастѣ чесали ножки на сонъ грядущій; если она была полна суевѣрій и предрасудковъ,—то все это объясняется сферою, оставившею первые слѣды на впечатлительномъ умѣ ребенка. Когда пришло время учиться—ученье пошло своимъ порядкомъ. При великихъ княжнахъ была французевка гувернантка. Особенно Елисавету учили прилежно французскому языку, потому что ее прочли въ невѣсты французскому дофину, послѣ Лудовику XV. Петръ I, разъ заставъ дочерей за чтеніемъ французскихъ писемъ m-me Ламберъ, заставилъ ихъ перевести страницу изъ книги и потомъ сказалъ, что онъ много далъ бы, если бы могъ въ молодости получить такое же образованіе, какое получили его дочери, но что у него не было ни хорошихъ книгъ, ни добрыхъ наставниковъ. По словамъ другихъ, Петръ сказалъ при этомъ что онъ охотно далъ бы отрубить одинъ изъ своихъ пальцевъ, если бы можно было вернуть прошедшее.

14—15 лѣтъ Елисавета, блондинка, высокаго роста, съ голубыми глазами, игравшими необыкновеннымъ блескомъ, съ полнымъ, округленнымъ лицемъ свѣжой бѣлизны, уже глядѣла дѣвужкой-невѣстой и можетъ быть положеніе ни одного жениха не было болѣе затруднительно, какъ принца Голштинскаго, пріѣхавшаго въ Россію жениться на дочери Петра, покунавашаго уже свадебные подарки и все еще не знавшаго какую дочь Петръ отдастъ за него. Съ своей стороны онъ даже, если былъ бы и подтверже характеромъ, могъ колебаться между брюнеткою — Анною и блондинкою — Елисаветою. Обѣ были красавицы. Довольно сказать, что герцогъ Лирійскій называетъ Анну первою красавицею въ Европѣ, а обѣ Елисаветѣ говорятъ, что онъ красивѣе ея женщины не видалъ. Тутъ видимое противорѣчіе, но очевидно герцогъ такъ же мало былъ въ состояніи отдать пальму первенства одной изъ сестеръ, какъ герцогъ Голштинскій и какъ авторъ извѣстныхъ

французскихъ стиховъ „Sur la brunette et sur la blonde,“ воспѣвшій Анну и Елисавету.

Мы видѣли, что Елисавету прочили за Петра II, когда умерла сестра ея Наталья. Устроить этотъ бракъ старался Остерманъ и въ протоколахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта мы находимъ подробныя свѣденія, какъ хотѣлъ онъ это сдѣлать, равно какъ и праныя указанія на то, что этотъ бракъ по видимому былъ цѣлью желаній Екатерины I. То что Елисавета приходилась тетею называвшемуся ей жениху, то что женихъ былъ нятю годами моложе невѣсты — по видимому вовсе не обращало на себя вниманія дипломата, представившаго проектъ брака. Все затрудненіе находилъ онъ въ томъ, какъ уладить интересы Елисаветы и Петра. Конечно, этимъ бракомъ интересы потомства отъ двухъ супруговъ Петра I соединялись. Но Остерманъ предвидѣлъ возможность разединенія этихъ интересовъ и на такой случай предложилъ отдать Елисаветѣ Петровнѣ въ самостоятельное владѣніе прибалтійскія приобрѣтенія Петра I ¹⁾. Можно положительно сказать, что Остерманъ самъ собою не осмѣлился бы предложить этого раздѣла Россіи, если бы мнѣніе его не имѣло за собой воли Екатерины. Вспомнимъ, что Екатерина еще прежде просила Петра составить изъ прибалтійскихъ провинцій особое владѣніе для нея. Тогда Екатерина еще не имѣла въ виду сдѣлаться русскою императрицею. Теперь, когда престолъ переходилъ въ потомство царевича Алексѣя, возникаетъ тотъ же планъ отчужденія прибалтійскаго края для потомства Екатерины. Участіе Екатерины въ предложеніи этого плана подтверждается еще тѣмъ, что нѣсколько дней спустя по представленіи Остерманомъ его проекта въ Верховный Совѣтъ, присланъ былъ въ Совѣтъ указъ, чтобы казенные доходы съ Лифляндіи поступали впредь въ вѣденіе дворца.

Какъ на страненъ проектъ о бракѣ между Елисаветою и Петромъ II, но очень вѣроятно, что при дворѣ обращали при составленіи его вниманіе и на видимое расположеніе юнаго Петра къ его теткѣ и невѣстѣ подругѣ дѣтства. Можетъ бытъ даже это расположеніе

1) Чтенія, 1858, III, мат. отеч.. 11—12.

подказало и мысль, безъ того могшую показаться чѣмъ-то химерическимъ. Какъ ни молодъ былъ Петръ, но онъ находилъ Марію Меншикову „худощавою и сухою“ и слѣдовательно могъ до нѣкоторой степени высказывать личную оцѣнку наружныхъ достоинствъ. Проекту о бракѣ въ средѣ царскаго семейства не было дано хода, преимущественно, какъ мы видѣли, по настоянію Меншикова. Духовное завѣщаніе Екатерины объявляло женихомъ Елисаветы двоюроднаго брата герцога Голштинскаго (супруга Анны Петровны), принца Эйтенскаго. Елисавета со всею теплотою души привязалась къ своему жениху, но онъ умеръ на рукахъ ея, вскорѣ послѣ смерти Екатерины I. Мы говорили уже нѣсколько о жизни Елисаветы въ царствованіе Петра II. Сначала молодой императоръ чувствовалъ къ ней большую привязанность, но послѣ охладѣлъ. Безъ сомнѣнія слухи и толки о вѣтренности и легкомысліи 20-лѣтней красавицы были этому причиною. Долгорукіе воспользовались этимъ и Елисавета, какъ мы видѣли, жила забытая всѣми и нуждаясь въ самомъ необходимомъ для своихъ домашнихъ.

Послѣ Петра II, по завѣщанію Екатерины I, наслѣдникомъ престола былъ сынъ Анны Петровны, Петръ Фёдоровичъ, и въ случаѣ смерти его безъ потомства, престолъ долженъ былъ перейти къ Елисаветѣ. Есть извѣстіе, что домашній врачъ Елисаветы, французъ Лестокъ, человѣкъ хитрый, дѣятельный и честолюбивый, разбудивъ Елисавету, чтобы сообщить ей о смерти Петра II, говорилъ, что теперь ей время дѣйствовать, чтобы вступить на отцовскій престолъ. Но ничто ни могло поколебать молодой дѣвушки, чуждой честолюбія, и которая слишкомъ любила наслажденія свѣта, чтобы ризковать предпріятіемъ, при неблагоприятномъ оборотѣ могшемъ привести ее въ стѣны монастыря. Она осталась въ сторонѣ отъ политическихъ интригъ.

Десятилѣтнее царствованіе Анны было школою мало по малу воспитавшею въ Елисаветѣ убѣжденіе, что отсутствіе честолюбія и нежеланіе вести политическія интриги нисколько не спасутъ ее отъ преслѣдованія, а можетъ быть и отъ монастыря, и что если уже придется пострадать, такъ было бы за что. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ въ ней родилась и поддерживалась мысль выступить на поприще политической дѣятельности, если это необходимо нуж-

но, если ея происхожденіе и положеніе не давали ей возможности мирно наслаждаться жизнью, не возбуждая подозрѣній въ другихъ

Въ царствованіе Анны, Елисавета была окружена шпионами. Если сама Анна, не терпѣвшая вина и позволявшая пить у себя за столомъ одному кн. Куракину, поила иногда приближенныхъ, по догадкамъ современниковъ, съ цѣлью выпытать ихъ мысли, то менѣе щекотлива была окружавшая ее бирюковская партія. Вокругъ Елисаветы были шпионы знатные и незнатные. Поручено было наблюдать за Елисаветою Миниху, и тотъ, не отказавшись участвовать въ этомъ дѣлѣ, но безъ сомнѣнія чувствуя въ какой степени такая роль шла къ блестящему генералу и воину, хвалившемуся столько же неустранимостью, сколько откровенностью своего характера—передалъ возложенную на него обязанность своему брату. Братъ его, свѣтскій фатъ, человекъ не могшій пройти мимо ни одного зеркала во дворцѣ, чтобы не остановиться и не осмотрѣться, давшій впоследствии пищу для эпитаграмъ придворнаго хирурга Бюргаве и за деньги забывшій обиду—обладалъ однакоже нѣкоторыми хорошими чертами характера, которыя дѣлали его малоспособнымъ для исполненія возложенной на него обязанности. Извѣстно, что разъ, когда нѣкоторые изъ членовъ царскаго семейства гуляли зимой и было очень холодно, когда олѣтая слишкомъ легко Елисавета Петровна начинала забнуть и никто изъ придворныхъ, изъ боязни прослыть за ея приверженца, не смѣлъ предложить ей своей шубы, одинъ Минихъ-братъ не побоялся предложить ей свою. Елисавета послѣ не забывала этой услуги. Враги конечно могли сказать, что онъ сдѣлалъ это по недогадливости, но такъ, или иначе, все же очевидно онъ былъ не вполне годенъ въ должность шпиона. Старались получать сообщенія и отъ врача Елисаветы, Лестока, но не на того попали, и конечно не получали отъ него никакихъ свѣденій. Послѣ былъ приставленъ для тайнаго надзора къ Елисаветѣ урядникъ Щеголовитый (выслужившійся послѣ въ капитаны), для соблюденія внѣшнихъ приличій опредѣленный къ ней управляющимъ домошъ. Офицеръ Преображенскаго полка Альбрехтъ, послѣ въ званіи старшаго офицера этого полка бывшій подчиненныхъ офицеровъ (напримѣръ прапорщика Ватазина), имѣлъ тайный надзоръ за дѣйствіями

*

Елисаветы, когда эта лестная обязанность стала не по силамъ Миниху ¹⁾. Нанимали даже извозчиковъ, чтобы слѣдить куда поѣдетъ Елисавета. Главнымъ образомъ эти мѣры принимались потому, что при выѣздахъ великой княжны народъ встрѣчалъ ее кликами.

Сначала, по воцареніи Анны, Елисавета жила близъ Москвы, въ селѣ Покровскомъ, еще не вошедшемъ тогда въ черту города (нынѣшня Покровка) и вела жизнь простую, беззаботную. Ходила въ хороводахъ на дугахъ съ крестьянскими дѣвушками, пѣла пѣсни, сама сочиняла ихъ иногда. По крайней мѣрѣ, сохранилась пѣсня, выдаваемая за ея произведеніе. Послѣ жила она въ Александровѣ, владимірской губерніи и было время, когда она должна была тамъ готовиться къ постриженію. Постричь ее не допустилъ Биронъ.

При тѣхъ матеріалахъ, которыми даже въ настоящее время можетъ располагать изслѣдователь событій прошлаго столѣтія, отношенія Бирона къ Елисаветѣ Петровнѣ при жизни императрицы Анны не составляютъ болѣе ничего загадочнаго. Несомнѣнно, что красавица—великая княжна произвела впечатлѣніе на современника. Анна Ивановна не могла не замѣтить этого и ревность сдѣлала ее еще холоднѣе къ Елисаветѣ. Платоническій характеръ отношеній Бирона къ Елисаветѣ только можетъ быть лишь болѣе былъ причиною, что любимецъ Анны не переставалъ во все время ея царствованія быть тайнымъ заступникомъ Елисаветы. Очень вѣроятно, что безъ него она увидѣла бы себя въ стѣнахъ монастыря. Нерасположеніе Анны къ Елисаветѣ простиралось до того, что во время болѣзни императрицы, Елисавету два раза не допустили къ ней и когда ей дозволялось входить, то бесѣда между императрицею и великою княжною кончалась въ нѣсколько минутъ. Дѣло Шубина показываетъ, что чувства Елисаветы не щадили, а страшное наказаніе, которому подвергся прапорщикъ Семеновскаго полка, осмѣлившійся понравиться великой княжнѣ, доказываетъ лишь, что подозрительный Биронъ могъ видѣть въ Шубинѣ не только государственнаго преступника, но и счастливаго соперника.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1864, 511--513.

Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, красавецъ и гвардейскій офицеръ, обратилъ на себя вниманіе Елисаветы Петровны и она отдалась любви со всѣмъ пыломъ чувства. Всѣ планы выдать ее замужъ не удались. Послѣ того, какъ смерть похитила у нея жениха принца Эйтенскаго, ее хотѣли еще разъ выдать за иностраннаго принца. Искателемъ руки ея явился Морицъ Саксонскій, тотъ самый, который прежде предлагалъ руку Аннѣ Ивановнѣ, герцогинѣ курляндской и хлопоталъ о своихъ сундукахъ съ любовными записками, захваченными русскими войсками. Елисавета отказалась отъ этого жениха. Но сердце искало отвѣтнаго чувства и нашло его въ молодомъ гвардейскомъ прапорщикѣ. Сохранились стихи ея къ Шубину ¹⁾, поэтически выразившіе, что накопилось въ душѣ писавшей.

Вспомнимъ, что это было писано когда еще Кантемиръ писалъ силлабическими стихами, когда Третьяковскій еще не успѣлъ упрочить въ русской литературѣ свойственный русскому стиху тоническій размѣръ и когда еще не раздался звучный стихъ Ломоносова.

Былъ ли, не былъ ли Шубинъ вмѣстѣ политическій приверженецъ Елисаветы — пріямго свидѣтельства нѣтъ. Только его схватили, сначала заключили въ тюрьмѣ, или какъ говорили, въ каменномъ мѣшкѣ, гдѣ онъ не могъ ни стать, ни лечь, а потомъ сослали въ Камчатку и неволею женили на камчадалкѣ. Его не велѣно было называть настоящимъ именемъ и ему приказано было не говорить, кто онъ. Много лѣтъ спустя, по вошествіи Елисаветы Петровны на престолъ, Шубина отыскивали въ Сибири по ея приказанію, но два года прошло въ безуспѣшныхъ розыскахъ

¹⁾ Мельниковъ, 188.

Я не въ своей мочи огонь утушить
Сердцемъ болѣю — да чѣмъ пособить,
Что всегда разлучно
И безъ тебя скучно.
Лучше бъ ты не злати
Нежели такъ страдати
Всегда по тебѣ.

Наконецъ, разъ отыскивавшіе упомянули объ императрицѣ Елисаветѣ.

— Развѣ Елисавета царствуетъ? спросилъ одинъ изъ бывшихъ тутъ?

Ему отвѣчали утвердительно.

— Можете вы доказать это? спросилъ онъ. Въ два года до ссыльныхъ обитателей отдаленнаго угла обширнаго русскаго царства еще не дошла вѣсть о воцареніи новой императрицы. Ссылному показали документы.

— Такъ я Шубинъ, котораго вы отыскиваете, отвѣчалъ онъ. Возвращенный изъ ссылки, онъ „за невинное претерпѣніе“ прямо пожалованъ былъ изъ прапорщиковъ въ генералъ майоры, получилъ вслѣдъ затѣмъ Александровскій орденъ и помѣстья, между прочими с. Работки, макарьевскаго уѣзда, нижегородской губерніи. Но уже это былъ не тотъ Шубинъ, котораго знала Елисавета прежде. Жизнь въ Камчаткѣ развила въ немъ склонность къ отшельничеству, почти аскетизму. Хотя есть преданіе, что Елисавета предлагала Шубину свою руку и тотъ отклонилъ добровольно эту честь, предоставивъ ее Алексѣю Разумовскому, но очень можетъ быть, что объ этомъ не было и рѣчи. Что же касается почестей, оказанныхъ Шубину и наградъ, данныхъ ему, то все это могло объясниться просто тѣмъ, что Елисавета не забывала тѣхъ, кто ей былъ прежде дорогъ. Такъ она сохранила добрую память о своемъ покойномъ женихѣ, принцѣ Эйтенскомъ и отчасти благодаря ей согласилась на бракъ племянника съ родственницею покойнаго. Такъ не могла она забыть и чѣмъ прежде для нея былъ Шубинъ.

Хотя за Елисаветой тайно наблюдали, хотя не жалѣли ея чувствъ, но внѣшнія приличія требовали, чтобы она являлась при дворѣ, какъ принцесса крови. При торжественныхъ приемахъ она была около императрицы. При приемѣ китайскихъ пословъ, Елисаветѣ, неожиданно для нея самой, былъ высказанъ замѣчательный комплиментъ. Императрица спросила главнаго посла, кто изъ окружающихъ его, по его мнѣнію, превосходитъ всѣхъ красотой. Посолъ осмотрѣлся, и съ тактомъ дипломата замѣтилъ, что найдти красивѣйшихъ въ сонмѣ красавицъ окружающихъ его также трудно, какъ сказать, какая звѣзда блеститъ ярче другихъ на звѣзд-

ножь небѣ. Это вовсе не удовольствовало Анну. Она отклонила увертку и пригласила посла отвѣчать на ея вопросъ прямо. Тотъ опять осмотрѣлся и поклонился Елисаветѣ. Онъ прибавилъ, что если бы не столь большіе глаза, то довольно было бы взглянуть на принцессу и умереть. И такъ, недостаткомъ въ имѣніи сына небесной имперіи были ея глаза, которыя такъ восхищались леди Рондо и всѣ видѣвшіе великую княжну. Но ясно одно, что на западный вкусъ, какъ и на восточный, Елисавета была первою красавицею двора. Неудивительно, что ходили слухи о предложеніи, сдѣланномъ ей персидскимъ шахомъ, знаменитымъ Надиромъ, требовавшимъ будто бы въ приданое царство астраханское.

Въ царствованіе Анны, Елисавета, любившая жизнь, ея наслажденія и роскошь, постоянно вуждалась въ деньгахъ, какъ и прежде. Анна не думала объ увеличеніи ея содержанія. Она сама, когда была герцогинею курляндскою, получила всего 10,000 руб. годоваго пенсіона и занимала деньги чрезъ Бирона у евреевъ. Даже незадолго до избранія ея на престолъ, просьба ея объ увеличеніи содержанія была отклонена въ Москвѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что герцогинѣ готовы были бы служить, но опасаются, что деньгами распорядится Биронъ. Елисавета при Аннѣ получала деньгами и съ имѣній до 40,000 рублей въ годъ и этого считали очень достаточнымъ для нея. Съ своей стороны Елисавета принуждена была просить займы у эстляндскихъ дворянъ: но ей отказали ¹⁾. Это необходимо имѣть въ виду, чтобы понять, почему Биронъ, прежде заступавшійся за Елисавету изъ рыцарскаго чувства, а по смерти императрицы Анны старавшійся закупить расположеніе великой княжны изъ политическихъ расчетовъ, тотчасъ, какъ сдѣлался регентомъ, даже не спрося Елисавету, послалъ ей 20,000 рублей. Елисавета дорого цѣнила эту услугу. Вслѣдъ затѣмъ регентъ утравилъ ея доходы. Знали также, что регентъ имѣетъ съ великою княжною свиданія, продолжающіяся по нѣскольку часовъ. Французскій посланникъ, маркизъ Шетарди, писалъ своему двору, что Биронъ задумываетъ кокетничать съ Ели-

1) Иловайскій, Сиверсъ.

саветомъ. Это политическое кокетство, какъ мы видѣли, было необходимо ему по отношеніямъ къ родителямъ императора. Ему приписывался планъ возвести на престолъ герцога голштинскаго, женивъ его на своей дочери. Ему приписывали даже намѣреніе предложить Елисаветѣ руку своего старшаго сына, Петра. На сколько во всемъ этомъ было правды—событія не допустили раскрыться.

Правительница Анна.

Ребенокъ-императоръ остался съ матерью, но ходили слухи, что это продолжится недолго, что Биронъ задумываетъ взять его у матери и послѣ удалить принца Антона съ супругою изъ Россіи. Анна Леопольдовна была взволнована и встревожена этими слухами. При всей видимой рѣзкости характера она была нерѣшительна и боязлива до малодушія. Она открылась Миниху, что ей угрожаетъ разлука съ сыномъ и просила защитить ее. Миниху только и нужно было согласіе принцессы, чтобы принять мѣры противъ Бирона. Вечеромъ въ тотъ же день онъ является къ принцессѣ съ нѣсколькими офицерами и проситъ ее при нихъ высказать свое желаніе, чтобы регентъ былъ арестованъ. Офицеры, бывшіе при особѣ императора, также приглашаются быть свидѣтелями воли принцессы. Принцесса цѣлуетъ Миниха на счастливое окончаніе дѣла, допускаетъ къ рукѣ офицеровъ и они удаляются. Минихъ не добился чего ему хотѣлось наиболѣе—чтобы принцесса сама отправилась съ нимъ для арестованія Бирона; принцесса была не на столько смѣла, чтобы рѣшиться на такой поступокъ. Принцъ Антонъ ничего не зналъ о томъ, что затѣвается. Не зналъ ничего и Минихъ сынъ, гофмаршалъ принцессы Анны. Сама принцесса пришла къ постели его въ роковую ночь, разбудила его и, сѣвъ на постель, сообщила о попыткѣ, на которую рѣшался его отецъ ¹⁾.

Биронъ не ожидалъ катастрофы. Въ тотъ самый день, когда готовился заговоръ противъ него, у него угрожь былъ принцъ

¹⁾ Минихъ-сынъ, 203.

Антонъ, оставался съ нимъ нѣсколько времени и послѣ съ нимъ же отправился въ его манежъ. Если бы принцъ зналъ чтонибудь о готовящемся, то очень вѣроятно, что не сдѣлалъ бы этого визита тѣмъ болѣе, что по слабости характера могъ чѣмънибудь измѣнить себя. Напротивъ, Минихъ, бывшій въ тотъ день также у Бирона и остававшійся съ нимъ часовъ до 7 вечера, именно потому и былъ, что готовился къ предпріятію и безъ сомнѣнія хотѣлъ отклонить подозрѣнія.

Биронъ вечеромъ въ этотъ день былъ въ особенно тревожномъ состояніи духа и въ какомъ-то полузабытіи. Припомнимъ вопросъ его Миниху; не случалось ли ему предпринимать чегонибудь рѣшительнаго ночью. Очень вѣроятно, что въ умѣ его роились подозрѣнія. Еврей—банкиръ Липманъ и Виленбахъ, какъ извѣстно, дали знать ему, что что-то затѣвается противъ него ¹⁾ и можетъ быть онъ придавалъ ихъ сообщенію вѣру.

Въ два часа ночи у дворца, гдѣ жилъ Биронъ и гдѣ все еще оставалось выставленнымъ тѣло императрицы, явился отрядъ солдатъ съ нѣсколькими офицерами, съ адъютантомъ Миниха, Манштейномъ и самимъ Минихомъ. Среди отряда ѣхала карета, которую выдавали за карету правительницы. По приближеніи къ караулу, бывшему у дворца, и состоявшему изъ преображенцевъ, командиромъ которыхъ былъ Минихъ, дано было знать, что правительница ѣдетъ къ регенту. Карауль пропустилъ шедшихъ. Подойдя къ главной гауптвахтѣ, Минихъ потребовалъ, чтобы вызвали офицеровъ. Тѣ вышли и онъ объявилъ имъ волю матери императора, чтобы регентъ былъ арестованъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ представилъ офицеровъ, бывшихъ свидѣтелями послѣдняго свиданья Миниха съ принцессой. Караульные офицеры убѣдились, да при ненависти ихъ къ регенту и убѣждать ихъ долго было неужно. Тревоги не было и Манштейнъ, во главѣ нѣсколькихъ человѣкъ, безъ шума прошелъ къ дверямъ спальни регента. Дверь была заперта. Солдаты Манштейна выломали ее. Биронъ и жена его проснулись въ испугѣ и тотчасъ поняли въ чемъ дѣло.

¹⁾ Пекарскій, 13.

Бенигна вскрикнула, когда съ ея бока у постели появилась фигура Манштейна, этого мощнаго алгвазила, по выраженію Вольтера. Биронъ сдѣлалъ движеніе, заставлявшее думать, что онъ хочетъ спрятаться подъ постель, но Манштейнъ въ мигъ уже былъ на его сторонѣ постели и схватилъ его. Началась борьба. Одинъ изъ солдатъ, накинувшій платокъ на ротъ сопротивлявшагося регента, былъ убитъ имъ въ руку. Сопротивленіе ожесточило нападавшихъ и они избіили герцога, нанеся ему по крайней мѣрѣ до двадцати, впрочемъ легкихъ, ранъ. Руки его были связаны офицерскими шарфами и онъ, какъ лежалъ въ постели въ исподнемъ платьѣ, былъ вынесенъ изъ дворца. Тутъ на него накинули солдатскую шинель, положили его въ сани и увезли. Бенигна, какъ была въ ночномъ negligѣ, бросилась вслѣдъ за несшими мужа ея, на улицу. Тутъ одинъ солдатъ схватилъ ее и привелъ къ Манштейну, но тотъ велѣлъ тотчасъ же обратно отправить ее во дворецъ. Солдатъ впрочемъ не принялъ на себя такого труда и, бросивъ ее въ кучу снѣга, ушелъ. Офицеръ, случайно увидавшій ее тамъ, узналъ и проводилъ во дворецъ, откуда она впрочемъ въ тотъ же день была отвезена въ Александроневскую лавру и потомъ въ Шлиссельбургъ.

Утромъ отправили и ея мужа въ Шлиссельбургъ. На козлы дормеза, въ которомъ везли падшаго регента, сѣли два офицера съ заряженными двухствольными пистолетами. Биронъ въ халатѣ и сверхъ халата въ плащѣ на горностаевомъ мѣху (этотъ плащъ онъ обыкновенно носилъ проѣзжая по городу) нахлобучивалъ шапку какъ можно ниже, чтобы не было видно его лица. Но въ народѣ узнали его и раздавались крики, требовавшіе, чтобы онъ открылъ лицо и показался.

Немедленно по арестѣ регента велѣно было съѣзжаться во дворецъ всѣмъ чинамъ. Остерманъ ничего не зналъ о готовившемся переворотѣ и потому, получивъ извѣщеніе, что принцеса—съ этого времени уже правительница—Анна, требуетъ его во дворецъ, сослался было на свое обычное въ критическихъ случаяхъ нездоровье, но Минихъ послалъ разяснить ему въ чемъ дѣло и о нездоровьи не было больше рѣчи. Остерманъ явился поздравить Анну со вступленіемъ въ управленіе государствомъ.

На время Минихъ явился раздавателемъ милостей въ русской

державѣ. Онъ удовольствовался для себя званіемъ перваго министра, чтобы не обидѣть принца Антона, которому хотѣлось быть генералиссимусомъ. Себѣ же и своимъ Минихъ взялъ бироновскіе дома. Остерману дали, чтобы улажить дипломата, помимо котораго совершился этотъ государственный переворотъ, званіе генералъ-адмирала. Всѣ распоряженія Миниха были утверждены правительницею, которая сверхъ того дала ему 100,000 рублей въ вознагражденіе за подвигъ.

Скоро принцу Антону и его супругѣ запала однако мысль—не вздумаетъ ли Минихъ также легко арестовать ихъ при случаѣ, какъ арестовалъ Бирона? За Минихомъ наблюдали и наблюдашіе доносили, что онъ бываетъ у великой княжны Елисаветы. Это не могло предвѣщать ничего добраго въ глазахъ родителей императора. За Елисаветою также, и при томъ весьма систематически, слѣдили. Тотъ же самый Антонъ Брауншвейгскій, который на предложеніе ему лошадей изъ конюшни падшаго регента съ благородною гордостью отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ ничѣмъ воспользоваться изъ имущества Бирона, снизошелъ до того, что назначилъ офицера Чичерина и 10 гренадеръ слѣдить за Елисаветою, переодѣвъ ихъ въ шубы и сѣрые кафтаны. Этого оказалось мало. Назначили для исполненія той же должности аудитора Барановскаго и послѣ придали къ нему сержанта Обручева ¹⁾. Отецъ и мать императора въ некоторое время были въ такой тревогѣ, что ежедневно мѣняли постели во дворцѣ, чтобы нельзя было знать, гдѣ они будутъ спать. Нѣтъ сомнѣнія, что противъ Миниха возбуждалъ ихъ Остерманъ, пріобрѣтшій очень значительное вліяніе на принца Антона. Остерманъ хотѣлъ удалить Миниха, потому что задумывалъ передать власть, бывшую въ рукахъ правительницы, въ руки ея мужа, и даже уговоривъ его принять православіе, объявить его впоследствии императоромъ. Этотъ планъ, если бы удался, сосредоточилъ бы всю власть въ рукахъ Остермана, потому что принцъ Антонъ былъ бы лишь послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Напротивъ правительница Анна далеко не въ такой степени была стоворчива. На нее

¹⁾ Пекарскій, 226, 281.

имѣла большое вліяніе ея любимая фрейлина дѣвица Менгденъ. По природѣ своей скоро свыкавшаяся съ тѣми, кто постоянно былъ при ней, Анна скоро сдѣлала Юліану Менгденъ своей наперстницей и пожаловала ея видною долею изъ того, что было забрано у Бирона, хотя фрейлина Менгденъ не представляла ничего особеннаго ни въ какомъ отношеніи и давала своей государниѣ совѣты, лишь ставившіе ее нерѣдко въ трудное положеніе. Кромѣ Менгденъ, Анна была еще подъ вліяніемъ пріѣхавшаго изъ Саксоніи на вызовъ Бирона, Линара. Ожиданіе Бирона исполнилось; прибытіе Линара посѣяло сѣмя новаго раздора между правительницею и супругомъ. Прошлое было возобновлено въ памяти и въ поступкахъ. Принцъ Антонъ находилъ комнату супруги запертою въ то время, когда онъ не считалъ этого нужнымъ. Если Остерманъ хотѣлъ быть его адвокатомъ, то долженъ былъ устраниться отъ правительницы, тѣмъ болѣе, что Линаръ дѣйствовалъ высокоумно и самъ по видимому рассчитывалъ играть ту же роль, какую Биронъ игралъ при Аннѣ Ивановнѣ. Онъ даже уѣхалъ въ Дрезденъ, куда повезъ часть русскихъ коронныхъ брилліантовъ — якобы для отдѣлки ихъ — съ тѣмъ, чтобы, взявъ тамъ отставку у своего короля, вернуться въ Россію и сдѣлаться въ ней оберъ-камергеромъ правительницы. Роль Бенниги при новомъ Биронѣ должна была играть Юліана Менгденъ, изъявившая желаніе вступить съ нимъ въ бракъ.

Всѣ эти планы разстроились очень скоро. Правленіе Анны Леопольдовны продолжалось лишь годъ съ небольшимъ. Окруженная иностранцами, чуждаясь русскаго общества, правительница не могла имѣть русской партіи для поддержки власти въ ея рукахъ. Она сама отстранила отъ себя и нѣмецкую партію въ Россіи, отдаливъ отъ себя Остермана и допустивъ паденіе Миниха.

Минихъ, какъ русскій первый министръ, стоялъ за Пруссію и ея интересы. Фридрихъ II называлъ его сѣвернымъ герцемъ, супругъ его сдѣланы были прусскою королевскою фамиліею значительные подарки. Напротивъ, Антонъ Брауншвейгскій, хотя одинаково близкій родственникъ царствовавшимъ домамъ Австріи и Пруссіи, держалъ открыто сторону Австріи. Остерманъ былъ съ нимъ. Принцъ и Остерманъ, воспользовавшись страхомъ, который

вселилъ въ правительницу генераль-фельдмаршалъ, доставившій ей власть, предубѣдили Анну противъ Миниха. Тотъ видя, что онъ близокъ къ опалѣ, чтобы не подвергнуться худшему, попросился въ отставку. Отставка ему была дана и даже съ барабаннымъ боемъ на уличныхъ перекресткахъ объявили, что онъ за старостью (ему было лишь 54 года) слагаетъ съ себя званіе генераль-фельдмаршала. Послѣднимъ Минихъ оскорбился и просилъ разъясненія у правительницы. Та объявила, что это было сдѣлано безъ ея согласія. Вообще, оставивъ Миниха, правительница послѣ какъ бы раскаялась въ своемъ поступкѣ. Миниха оставили въ покоѣ жить въ Петербургѣ, не лишивъ его ничего сверхъ того, отъ чего онъ отказался самъ при отставкѣ. Правительница со свойственною ей откровенностью призналась Елисаветѣ Петровнѣ, что она поступила не по личному желанію, устранивъ Миниха отъ дѣлъ, а что ее уговорили къ этому. Впрочемъ и принцъ Антонъ не заводилъ своего преслѣдованія Миниха слишкомъ далеко. Въ это время производилось дѣло о баронѣ Искулѣ, донесшемъ въ польскую войну, въ царствованіе императрицы Анны, Вирону о томъ, что Минихъ изъ личныхъ интересовъ выпустилъ короля Станислава Лещинскаго изъ Данцига, тогда какъ легко могъ захватить его въ плѣнъ ¹⁾. Это донесеніе подчиненнаго Миниху офицера на главнокомандующаго нашли въ бумагахъ Бирона, по арестѣ послѣдняго, и такъ какъ бумаги арестованнаго регента разбиралъ братъ Миниха, то неудивительно, что донесеніе Искула попало въ руки фельдмаршала. Замѣтимъ, что по обстоятельствамъ дѣла то, о чемъ доносилъ Искулъ, могло быть вѣрно, но Минихъ, всесильный въ первые дни правленія Анны Леопольдовны, сталъ преслѣдовать Искула. По суду Искула обвинили и хотя Минихъ уже палъ, принцъ Брауншвейгскій послалъ обвиненнаго просить прощенія у бывшаго фельдмаршала.

Если бы Минихъ удержался въ управленіи, то ради собственныхъ выгодъ и изъ противодѣйствія Остерману онъ, по всей вѣроятности, явился бы надежною опорою правительницы, особенно

1) Русскій Архивъ, 1864, 534.

если бы она поменьше слушала дѣвицу Менгденъ и Линара и побольше его. Анна могла не чувствовать къ нему расположенія послѣ ареста Бирона, въ силу приводимой тогдашнимъ секретаремъ саксонскаго посольства Петцольдомъ поговорки: „предательство люблю, предателя ненавижу“, но ея собственные интересы требовали удержанія Миниха въ управленіи, тѣмъ болѣе, что въ дружественныхъ связяхъ фельдмаршала съ прусскимъ королевскимъ дворомъ ничего не было неразрывнаго и почести съ подарками могли склонить его въ пользу Линара и его плановъ. Лишась Миниха, Анна лишилась главной своей опоры и когда ловкому дипломату, французскому посланнику Шетарди пришла мысль воспользоваться положеніемъ дѣлъ и произвести въ Россіи государственный переворотъ, который бы изъ союзника Австріи сдѣлалъ Россію союзникомъ Франціи, никого не нашлось около правительницы, кто бы предугадалъ готовившійся ударъ и защитилъ ее отъ него.

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

Восшествіе на престолъ.

Немногія женщины такъ мало бываютъ созданы для престола, какъ была Елисавета. Прошло ея дѣтство, прошла первая молодость, наступили зрѣлые годы, а мечта о тронѣ, о возможности вступить на престолъ не являлась серьезно въ умѣ ея. Это была натура слишкомъ женственная для честолюбивыхъ стремленій и подвиговъ. Когда ее видѣли 11—12 лѣтнею, бѣлокурою, хорошенькою дѣвочкою съ пріятнымъ добрымъ лицомъ — еще при жизни отца — даже самаго имени ея не было въ календаряхъ и никому не приходила мысль, что она можетъ явиться на престолѣ. Но есть извѣстіе, что въ завѣщаніи Петра I, уничтоженномъ Екатериною I и Меншиковымъ, говорилось о переходѣ престола къ Елисаветѣ Петровнѣ, въ случаѣ прекращенія потомства отъ старшей дочери Петра I, Анны. Мы видѣли Елисавету жертвою користолюбія Долгорукихъ и подозрительности Анны и ея племянницы — правительницы. Елисавета несетъ свой жребій, но наконецъ и она начинаетъ чувствовать тяжесть своего положенія. Нѣтъ исхода! Ее не оставляютъ въ покоѣ. Ей нужно быть жертвою или господствовать. Женственная природа закаляется и черствѣетъ среди притѣсненій и преслѣдованій. Елисавета рѣшается избрать изъ двухъ золь меньше: она рѣшается господствовать.

Красавица и женщина, Елисавета любитъ наряды, любитъ удовольствія; а между тѣмъ ея прислугѣ приходится оставаться безъ самыхъ необходимыхъ вещей; ей приходится тайкомъ занимать деньги у частныхъ лицъ. Она великая княжна какъ будто толь-

ко для того, чтобы всё замѣчали ея малѣйшія женскія слабости и говорили о нихъ; какъ будто для того только, чтобы нужды ея рѣзче бросались въ глаза. Умираетъ Петръ II. Какой случай для честолюбивой и властолюбивой принцессы поправить свои дѣла. Но Елисавета живетъ въ деревнѣ вдали отъ событій; ничего не ищетъ и ни о чемъ не хлопочетъ. Есть около нея человекъ хитрый и смѣлый—медикъ Лестокъ. Онъ нашептываетъ ей о коронѣ, объ обаяніяхъ власти. Елисавета съ испугомъ слушаетъ слова его. Корона, пышность и увеселенія двора заманчивы, но для достиженія цѣли нужно усиліе, нуженъ подвигъ. Они не по силамъ Елисаветѣ.

Но Елисавета прошла суровую школу въ 10 лѣтъ царствованія Анны. Чтеніе духовныхъ книгъ въ серьезныя минуты, волчья травля для развлеченія, пѣсни съ крестьянскими дѣвушками и хороводы въ веселую минуту—вотъ былъ міръ 20 лѣтней Елисаветы. Теперь ее вызываютъ ко двору, за каждымъ шагомъ ея присматриваютъ. Ее поселяютъ въ Смольнонъ дворцѣ и дворецъ измѣняется въ монастырь. Одно время она даже приготовлялась къ постриженію въ Александровскомъ монастырѣ. Если бы не Виронъ, ее можетъ быть и постригли бы. Но, любезная и веселая часто даже подъ присмотромъ и среди притѣвленій, Елисавета производила впечатлѣніе своею наружностью на тѣхъ, кто сходилса съ нею. Виронъ не избѣгъ этого вліянія,—и онъ тайно, подъ рукою покровительствуетъ ей, хотя и боится, чтобы тѣнь подозрѣнія не закралась въ сердце его покровительницы—императрицы. Но покровительство Вирона едва ли не давало себя чувствовать еще больше, чѣмъ гоненія Анны. У Елисаветы отняли любимаго человека, сдѣлали привязанность ея источникомъ тяжкаго несчастія для него и еще рѣшались предлагать ей въ то же время въ женихи 15 лѣтняго сварливаго и злаго мальчяка.

Тяжелая школа, вынесенная Елисаветою въ царствованіе Анны, не осталась безъ результата: Елисавета болѣе созрѣла для власти. Въ регентство Вирона она вздохнула свободнѣе и когда, по паденіи его, начинается опять система мелкихъ преслѣдованій, она является уже не слабою женщиною, а существомъ, готовымъ къ отпору.

Униая, но слабого характера, женщина, правительница Анна заставила почувствовать Елисавету, что усиліе, требуемое съ ея стороны для достиженія власти, не будетъ велико. Правительница была противница, съ которою не трудно было помѣриться. Елисавета была робкаго характера, но и правительница не могла безъ содроганія видѣть крови на обрѣзанномъ пальцѣ. Въ грусти первое приближеніе Елисаветы были слезы; правительница въ этомъ съ ней сходилась. Елисавета полагала, что женщинѣ не слѣдуетъ быть героиней; и Минихъ во время захвата Бирона окружилъ гвардейцами пустую карету, потому что Анна Леопольдовна ѣхать съ нимъ не рѣшилась. Съ другой стороны въ правительницѣ было несомнѣнно гораздо менѣе женской скрытности и умѣнья „казаться“, чѣмъ въ Елисаветѣ. „Надо имѣть мало ума, сказала Елисавета шведскому посланнику Нольбену, — чтобы высказаться такъ искренно“¹⁾; это замѣчаніе было высказано по поводу отзыва правительницы о Минихѣ. Такимъ образомъ, если любимшая свой тѣсный кружокъ приближенныхъ Анна Леопольдовна и не мечтавшая о власти Елисавета Петровна одинаково не были рождены для трона, то Елисавета чувствовала однако свое умственное превосходство надъ правительницею. Въ этомъ она могла ошибаться, но тактомъ и оборотливостью она дѣйствительно превосходила ее.

При всемъ томъ только рядъ ударовъ, нанесенныхъ самолюбію Елисаветы, могъ поколебать ея нерѣшительность. Ей уплачивали содержаніе мѣдными деньгами; ходила молва, что Елисавета велѣла бросить въ Неву мѣшки съ мѣдью, принесенные ей. Правительница говорила, что у Елисаветы Петровны дѣлаются асамблеи для преобразенскихъ солдатъ. Елисавета ѣздила видѣть императора-младенца лишь изъ опасенія, какъ признавалась она, чтобы ей не возбранили этихъ посѣщеній. Разъ ее даже не пустили въ Лѣтній садъ²⁾. Когда во дворцѣ за столомъ принца Брауншвейгскому и Вольфенбюттельскому прислуживалъ оберъ-гофмаршалъ, Елисаветѣ прислуживалъ только гофмаршалъ. Конечно, принцъ Брауншвейгскій

¹⁾ Пекарскій, 234.

²⁾ Пекарскій, 272.

былъ супругъ правительницы, но дочь Петра I во всякомъ случаѣ могла стоять на ряду съ принцемъ Вольфенбюттельскимъ. Самолюбіе же Елисаветы было щекотливо иногда даже и тамъ, гдѣ не было желанія узавить его. Персидскій посланникъ не сдѣлалъ Елисаветѣ визита, какъ великой княжнѣ, и она была такъ раздосадована этимъ, что послѣ не приняла отъ него ни посланнаго, ни подарковъ.

Нельзя сказать, что у правительницы не было желанія устранить Елисавету съ пути посредствомъ брака. Ей, предлагали выйти замужъ за принца Вольфенбюттельскаго и даже хотѣли дать за ней Ливонію, присоединивъ къ ней Курляндію съ Семигалией ¹⁾. Но Елисавета смѣялась надъ принцемъ Вольфенбюттельскимъ и надъ мыслью объ этомъ бракѣ. Она смотрѣла на это предложеніе почти также серьезно, какъ на другое, сдѣланное ей персидскимъ шахомъ Надиромъ, просившимъ въ приданое царство астраханское.

Можетъ быть Елисавета не отважилась бы сдѣлать рѣшительный шагъ, если бы не замѣшалась въ дѣло политика иностранныхъ государствъ. Французскій посланникъ Шетарди, дипломатъ ловкій и искусный, въ видахъ своего двора рѣшился произвести государственный переворотъ въ Россіи. Онъ сблизился съ Елисаветой. Прежде еще Минихъ былъ у Елисаветы, также не безъ тайной цѣли. Елисавета не приняла его предложеній и поступила по всей вѣроятности хорошо: на Миниха трудно было положиться. Шетарди, напротивъ, могъ надѣяться на успѣхъ. Въ его распоряженіи были денежные средства и онъ нашелъ дѣятельнаго и смѣлаго помощника, въ домашнемъ врачѣ Елисаветы, Лестока.

Лестока принадлежалъ къ сонму тѣхъ иностранцевъ, которые, будучи на русской службѣ, продавали свои услуги тому изъ иностранныхъ государствъ, которое могло платить имъ больше. До блага Россіи Лестоку не было никакого дѣла. „Если бы Лестока, говорила впоследствии Елисавета, — могъ отравить всѣхъ моихъ подданныхъ съ одной ложки, онъ это сдѣлалъ бы ²⁾“. Но чести и деньги имѣли для Лестока свое обаяніе. Онъ дѣлается

1) Покарскій, 282.

2) Неггманн, V, 185.

ревностнымъ союзникомъ Шетарди. Онъ представляетъ Елисаветѣ, что ее ждетъ горькая участь, если она не предприметъ рѣшительнаго шага. Онъ показываеъ ей картинку, изображающую ее на тронѣ и, на обратной сторонѣ, въ монашескомъ одѣяніи: если она послѣдуетъ совѣту Лестока, ее ждетъ престоль, если нѣтъ - монастырь. Подозрительность правительницы возбуждена; ей извѣстно что Лестокъ затѣваетъ что-то недоброе; она даже со слезами на глазахъ признается Елисаветѣ, что подозрѣваетъ и ее. Елисавета сохранила столько хладнокровія, чтобы показаться удивленною. Она проситъ принцессу вѣрить ея искренности, но въ душѣ сознаетъ, что теперь или никогда; что если не сдѣлать рѣшительнаго шага, то очень можетъ быть, что ее скоро ждетъ монастырское уединеніе.

Лестокъ беретъ деньги у Шетарди—онъ перебралъ у него всего 49,000 дукатовъ—и употребляетъ ихъ въ дѣло. Елисавета также проситъ денегъ у Шетарди. Она получала теперь 80,000 рублей въ годъ изъ казны и 40,000 со своихъ имѣній. При императрицѣ Аннѣ содержаніе ее было гораздо скуднѣе. Но и этого ей было недостаточно. Правительница заплатила ея мелкихъ долговъ на 43,000 р. Елисавета просила Шетарди о 15,000 червонцевъ. Другой разъ она просила только о 2000 рублей, потому что у нея всего было 300. Какъ ни нуждалась она въ деньгахъ, но на подарки войскамъ онѣ у нея были. Она не заплатила жалованья лицамъ своего двора, но одѣлила деньгами солдатъ, шедшихъ въ походъ въ Финляндію. Обращаясь къ выступавшимъ въ Финляндію полкамъ, она просила не убивать ея племянника. Дѣло шло о голштинскомъ принцѣ Петрѣ Фридрихѣ. Принцъ Петръ Фридрихъ постоянно не давалъ покоя Аннѣ Ивановнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. Последняя выражалась довольно рѣзко: „Развѣ нѣтъ тамъ дьяволенка, который всегда будетъ жѣшать нашему спокойствію“, говорила она ¹⁾. Какъ наследный принцъ шведскій, Петръ Фридрихъ дѣйствительно могъ явиться въ рядахъ шведской арміи, выставленной противъ русскихъ въ Финляндіи; тѣмъ болѣе, что Швеція при-

1) Пекарскій, 325.

давала династическій характеръ войнѣ съ Россіей и шведское правительство дѣйствовало въ защиту правъ на престолъ Елисаветы.

Не одинъ деньги Шетарди нашли Елисаветѣ сторонниковъ. Гвардейцы—солдаты въ гвардіи были въ то время больше дворяне—были большею частію расположены въ ея пользу и она не упускала средствъ задобрить ихъ и расположить къ себѣ.

Наконецъ, наступила рѣшительная ночь. Елисавета молится передъ образами; ей страшно. Лестоку и камеръ-юнкеръ Воронцовъ стараются уговорить ее, и она наконецъ сдается. Главные дѣятели заговора: Лестоку, Воронцовъ, учитель музыки Шварцъ и гвардеецъ Грюнштейнъ. Въ сопровожденіи Лестока и Воронцова, Елисавета ѣдетъ въ саняхъ въ преображенскія казармы. Елисавета въ кирасѣ и съ эспонтономъ въ рукѣ спрашиваетъ солдатъ готовы ли они стоять за дочь Петра Великаго. Рота преображенцевъ провозглашаетъ ее матушкою-императрицею и идетъ съ нею ко дворцу правительницы. Дворцовая стража готова забить тревогу, но Лестоку разрѣзываетъ ножомъ кожу барабана и тревога не распространяется. Между тѣмъ преображенцы ужъ во дворцѣ. Тамъ все въ безмолвіи; все спитъ. Сама Елисавета будитъ караульныхъ. Солдаты, вошедшіе съ ней, готовы при случаѣ и на насиліи. Елисавета останавливаетъ ихъ; она не пойдетъ съ ними, если они будутъ вести себя такъ, если будетъ пролита кровь ¹⁾). Солдаты стихли и арестъ совершается безъ шума, спокойно, точно какъ будто исполнялись обыкновенныя формальности. Правительница просыпается—передъ нею Елисавета. Елисавета сама разбудила ее. Все понято въ минуту. Нѣтъ ни жалобъ ни упрековъ. Анна Леопольдовна одѣвается и ея увозятъ изъ дворца. Малютка-императоръ спалъ, когда ватага гвардейцевъ вошла въ комнату и окружила его колыбель. Ребенокъ проснулся и, увидавъ вокругъ себя усатую толпу неожиданныхъ гостей, заплакалъ. Елисаветѣ жалко было малютку; она приласкала его. Его увезли изъ дворца за матерью. Въ переполохѣ маленькую дочь Анны Леопольдовны, Екатерину, уронили и она послѣ осталась глухоною на всю жизнь.

¹⁾ Некарскій, 399.

Елисавета щедро отблагодарила своихъ приверженцевъ. Лестокъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, богато подарки и 7000 руб. пенсіи. Воронцовъ проложилъ себѣ блестящую карьеру. Музыкантъ Шварцъ былъ произведенъ въ полковники. Рота преображенцевъ, бывшая съ Елисаветою, получила названіе лейбъ-компаніи и служившіе въ ней были надѣлены деньгами и крестьянами, такъ что на cadaго рядоваго пришлось по 29 душъ.

Замѣчательно, что главный виновникъ, Шетарди, не совѣмъ былъ приготовленъ къ перевороту; онъ даже былъ изумленъ, узнавъ что случилось. Шетарди во всемъ этомъ игралъ въ выгодную игру. Онъ далъ на предпріятіе 49,000 дукатовъ и получилъ отъ Елисаветы впослѣдствіи деньгами и подарками до 1.500,000 ливровъ, т. е. возвратилъ свое десятирицею. Полагали, что Шетарди дѣйствовалъ въ пользу Елисаветы не только изъ видовъ своего правительства, но и изъ личныхъ побужденій: красавица Елисавета произвела и на него впечатлѣніе. Фридрихъ II, отзываясь о Шетарди, говоритъ, что на сторонѣ Россіи были личныя симпатіи французскаго посланника и много основаній есть полагать, что романтизмъ дѣйствительно принималъ нѣкоторое участіе въ томъ, что совершала политика въ описанной драмѣ.

Елисавета на престолѣ. Цѣлые дни горятъ костры на Адмиралтейской площади: солдаты охраняютъ свою матушку-государыню. Разгулъ и попойка идутъ въ казармахъ и по всему городу. Наконецъ, все улегается и утихаетъ. Дочь Петра, которая по природѣ была женщиною, которая осталась бы вдали отъ престола, если бы ее оставили въ покоѣ—начала царствовать.

Елисавета-женщина.

На престолѣ самодержавныхъ царей является женщина, съ достоинствами и недостатками обыкновенной женщины, до зрѣлаго возраста не мечтавшая о царской власти, возведенная на тронъ стеченіемъ обстоятельствъ и на тронѣ чувствовавшая себя неспособною къ правленію. Это придастъ особый оттѣнокъ всему ха-

рактору правленія Елисаветы. На первомъ планѣ тутъ женщина и только потомъ правительница. Частныя привычки, личный характеръ, индивидуальныя особенности Елисаветы постоянно вліяютъ на ея общественную и государственную дѣятельность.

По этому прежде, чѣмъ скажемъ объ Елисаветѣ-правительницѣ, постараемся набросать хотя краткій портретъ Елисаветы-женщины.

Елисавета получила свѣтское европейское образованіе. Французскій языкъ она въ царствованіе императрицы Анны почти забыла отъ недостатка праектики, но не разучалась ловко танцовать. Тѣмъ не менѣе въ характерѣ и привычкахъ ея сохранилось много стариннаго русскаго, теремнаго. Она напр. была убѣждена, что мужъ имѣеть право бить свою жену и когда Сафоновъ, мужъ двоюродной сестры императрицы, урожденной Гендриковой, приблизъ свою жену, то императрица, соглашаясь, что мужъ можетъ бить жену, наказала его трехдневнымъ арестомъ лишь на томъ основаніи, что никто не смѣеть бить двоюродную сестру императрицы. Самолюбивая по природѣ сама, Елисавета не держала шутовъ и даже не любила, чтобы при ней надъ кѣмъ нибудь насмѣхались; но и она отдала долгъ еще сохранявшимся обычаямъ: у нея былъ дуракъ Аксаковъ, извѣстный тѣмъ, что онъ напугалъ императрицу, принесъ къ ней ужа—Елисавета въ испугѣ убѣжала: ужъ показался ей похожимъ на мышъ, а она чрезвычайно боялась мышей. Она была суевѣрна и боялась покойниковъ. Мысль о смерти ее страшила. Когда при Аннѣ Ивановнѣ она должна была экономничать, ей приходилось ходить въ черной мантильѣ, подбитой бѣлой тафтой, но вообще траурныхъ цвѣтовъ и траура она не могла видѣть. Въ 1755 году вышелъ указъ, запрещавшій носить мимо дворца покойниковъ. Она не вошла бы въ тотъ домъ, гдѣ лежалъ покойникъ. Когда побѣдитель при Гросъ-Егерсдорфѣ, Апраксинъ, умеръ въ Царскомъ Селѣ въ казенномъ зданіи, тѣло его вынесли подъ шатеръ. Больнаго Чеглокова отправили домой, чтобы онъ не умеръ во дворцѣ. Боязливость Елисаветы проявлялась и въ другихъ случаяхъ. Разъ прошелъ слухъ, что въ комнатахъ императрицы найденъ былъ неизвѣстный человекъ; сдѣлали предположеніе, что онъ хотѣлъ покуситься на жизнь императрицы. Послѣ этого Ели-

савета много ночей спала въ разныхъ мѣстахъ, такъ что заранѣе нельзя было знать гдѣ она ляжетъ. Приписывали тревожному состоянію ея духа и то, что она превращала ночь въ день и день въ ночь. Въ 11 часовъ вечера она отправлялась въ театръ. Всѣ придворные, вся знать должны были находиться въ театрѣ. На то была воля императрицы и полиція брала 50 руб. штрафа съ каждаго, кто былъ обязанъ являться въ театръ и не являлся ¹⁾. При Елисаветѣ вышло разрѣшеніе частнымъ лицамъ устраивать вечеринки съ музыкой, но эти вечеринки кончались, когда во дворцѣ еще долго длились собранія. Ужинали далеко за полночь; спать императрица ложилась часовъ около пяти утра. Утро и часть дня посвящались сну. Въ это время по сосѣднему съ дворцемъ Зеленому (теперь Полицейскому) мосту запрещалось ѣздить экипажамъ, чтобы стукъ ѣзды не будилъ императрицу. Если же часовой на мосту былъ не въ духѣ, то онъ не пускалъ и пѣшеходовъ ²⁾.

Засыпая, Елисавета любила слушать рассказы старухъ и торговоекъ, которыхъ для нея иногда нарочно брали съ площадей ³⁾. Подъ рассказы и сказки ихъ кто нибудь чесалъ Елисаветѣ пятки и она засыпала. Когда, случалось, императрица засыпала, а женщины вокругъ нея продолжали тараторить и иногда перебраниваться, возвышалъ свой голосъ на нихъ старичекъ Чулковъ. Сначала истопникъ, потомъ генералъ-аншефъ, Чулковъ обыкновенно спалъ на небольшомъ тюфячкѣ въ комнатѣ императрицы. Бывало она встанетъ раньше его и тащить старичка съ постели. „Ну, ну, лебедка моя бѣлая,“ говоритъ Чулковъ, поднимаясь и трепля ее по плечу.

Елисавета сама любила одѣваться и одѣвать другихъ. Она убирала головы всѣхъ своихъ фрейлинъ, выходившихъ замужъ, въ собственные бриліанты. Она любила сама костюмировать актеровъ, выходившихъ на сцену. Одѣвъ разъ актера-мальчишка и осмо-

¹⁾ Herrmann, V, 197.

²⁾ Scherer, VI, 116.

³⁾ Русскій Архивъ, 1866, 518.

трѣвъ его, она сказала, что онъ очень походить на польскаго графа Дмитревскаго. Мальчикъ-актеръ былъ окрещенъ новымъ прозвищемъ. Это былъ впоследствии известный артистъ Дмитревскій. Такъ убирала императрица вадета Бекетова, предъ выходомъ его на сцену корпуснаго театра.

Красивый юноша Бекетовъ вскорѣ по выпускѣ изъ корпуса былъ сдѣланъ полковникомъ, но немного спустя, благодаря мази отъ угрей, данной ему Петромъ Шуваловымъ, которому нужно было устранить Бекетова, лишился красоты лица и—какъ заподозренный въ дурномъ поведеніи, милостей императрицы ¹⁾).

Страсть Елисаветы къ нарядамъ и одѣванью выразилась въ правительственныхъ распоряженіяхъ. Золота и серебра не приказано было носить никому, кромѣ военныхъ и просящихся въ русскую службу иностранцевъ. Велѣно было носить сукно по оцѣнкѣ—вышимъ рангамъ высшей доброты сукно. Припомнимъ, что это было то время, когда еще въ частныхъ домахъ въ Петербургѣ осматривали провизію,—подвозъ который былъ иногда затруднителенъ,—чтобы взять что нужно по оцѣнкѣ во дворецъ. Елисавета любила видѣть своихъ подданныхъ въ новыхъ платьяхъ. Объявляя о свадьбѣ наследника престола, она просила ихъ шить къ наступающимъ праздникамъ по лишнему платью. Если полиція брала штрафъ за непосѣщеніе театра, то и противъ ношенія старыхъ платьевъ при дворѣ принята была не менѣе радикальная мѣра: на фалды старыхъ платьевъ накладывалась печать ²⁾). Въ 1742 г. вышелъ указъ ѣздить въ маскарады „въ хорошеиъ, а не въ гнусномъ платьѣ — тѣлогрѣяхъ, полушубкахъ и кокошникахъ;“ нечиновнымъ запрещено было носить шелковую подкладку; только первые 5 классовъ могли носить кружева ³⁾). Знать приглашалась имѣть побольше лакеевъ: 1-й и 2-й классы должны были имѣть отъ 8 до 12 лакеевъ, по 2—4 скорохода, по пажу и по два егеря. Даже лица 4 класса должны были имѣть по

1) Бавтышъ-Баменскій. Биографія I, 301.

2) Вейдемейеръ, 128—130.

3) Бѣляевъ, 83.

четыре лакея у кареты. Въ 1748 г. купцы Ворожейкинъ и Курчаниновъ донесли Елисаветѣ, что если точно наблюдать за исполненіемъ указа Петра I о платьяхъ и бородахъ, то казнѣ будетъ приращеніе по крайней мѣрѣ на 50,000 р. ежегодно. Это стараніе русскихъ людей о преслѣдованіи русскаго платья вызвало указъ сената, подтверждавшій, чтобы кромѣ священно и церковно служителей и крестьянъ никто русскаго платья и бородъ не носилъ. Когда въ 1756 г. открыты были для публики по четвергамъ и воскресеніямъ придворные сады, то было именно приказано, чтобы въ нихъ не пускать матросовъ, ливрейныхъ господскихъ лакеевъ и „подлаго народа;“ также тѣхъ, у кого были волосы не убраны или платки на шеѣ, кто былъ въ сапогахъ (въ то время достаточный классъ носилъ болѣе башмаки и чулки) и сѣрыхъ кафтаныхъ. Купцовъ съ бородами и женщинъ въ русскомъ платьѣ и въ чепчикахъ было велѣно „отнюдь не допускать“¹⁾. Кто хотѣлъ угодить Елисаветѣ, тотъ одѣвался и выѣзжалъ возможно пышнѣе. О зеркальной каретѣ и мундирѣ гофмаршала С. К. Нарышена на свадьбѣ Петра Ѳедоровича и Екатерины долго говорили въ городѣ. Какъ видимъ, Елисавета въ отношеніи пышности двора раздѣляла взгляды Анны Ивановны, въ царствованіе которой несмѣтное число лакеевъ сопровождало кареты придворныхъ и, напримѣръ, на свадьбѣ принцессы Анны на горномъ генералъ-директорѣ Шембергѣ былъ гусарскій мундиръ съ бриллиантами на 150,000 рублей.

Самолюбіе Елисаветы было щекотливо, гдѣ дѣло касалось ея личныхъ достоинствъ. Портреты ея, разошедшіеся въ публикѣ, велѣно было всюду отобрать и вмѣсто нихъ продавать только такіе, которые были одобрены при дворѣ. Мы видѣли изъ словъ ея объ Аннѣ Леспольдовнѣ, что Елисавета не лишена была притязаній на проницательный умъ. „И безъ Шетардіа умъ можно имѣть,“ замѣтила она при другомъ случаѣ.

Елисавета иногда одѣвалась по мужски. Она даже любила являться на маскарады въ мужскомъ платьѣ, которое при стройности ея стана очень шло къ ней. Маскарады, гдѣ дамы были одѣты муж-

¹⁾ Энциклопедическій лексиконъ, Елисавета Петровна.

чинами и мужчины дамами, были въ обыкновеніи при дворѣ, хотя и очень не нравились мужчинамъ. Въ московской оружейной палатѣ хранится мужской нарядъ Елисаветы. Елисавета любила охоту. Есть преданіе, что императрица подарила своему стремлянному, нюхавшему табакъ изъ берестной тавлинки, серебряную табакерку, замѣтивъ, что стремлянному императрицы слѣдуетъ нюхать изъ серебра. Любя охоту, Елисавета должна была любить собакъ и интересно, что находились личности, которыя путемъ псарни домогались достигнуть служебныхъ выгодъ. Такъ одна костромская помѣщица обѣщала подарить императрицѣ четырехъ собакъ: Ипполита, Жульку, Женету и Маркиза, если мужу ея дадутъ чинъ коллежскаго асессора. Просительница прибавляла, что Жульку она уже обѣщала Шуваловой, а Ипполита Чулкову. Шувалова и Чулковъ были домашніе люди императрицы, и просительница полагала, что просить черезъ нихъ будетъ всего дѣйствительнѣе. Она писала, что мужъ ея досталъ „славнаго кобеля, какого во всей Костромѣ не сыщешь“. Обѣщала услужить и тѣмъ. Но даромъ давать собакъ она была не намѣрена и обѣщала, если просьба ея не исполнится, перевести у себя въ Костромѣ всѣхъ собакъ — потому де, что „безсчастны“ ¹⁾).

Елисавета — женщина сказалась во многихъ правительственныхъ распоряженіяхъ. Отмѣнена была смертная казнь: кнутъ и ссылка замѣнили плаху. Но около Елисаветы стояли люди, которые не отступали передъ крутыми мѣрами, и въ 20 лѣтъ царствованія Елисаветы Петровны было сослано въ Сибирь до 80,000 человѣкъ ²⁾). Елисавета съ своей стороны простила перель смертью 13,000 контрабандистовъ и 25,000 должниковъ, бывшихъ должными менѣе 500 р. Главнаго виновника большаго числа ссылокъ въ въ царствованіе Елисаветы (въ Вироновское время — въ 10 лѣтъ — сослано было 36,000) нужно видѣть въ Петрѣ Шуваловѣ, при которомъ люди пропадали безвѣстно, какъ при Виронѣ: до 40 человѣкъ, было заточено въ одинъ Валдайскій монастырь въ подземныя тюрьмы ³⁾ и неизвѣстно что послѣ съ ними сталося.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1867, 189—191.

²⁾ Herrmann, V, 177.

³⁾ Scherer, II, 268.

Въ 1757 г. было отмѣнено равнiе поздрей у осужденныхъ въ ссылку женщинъ.

Елисавета Петровна считала обязанностiю охранять нравственность своихъ подданныхъ отъ иноземнаго наплыва. Въ Петербургѣ на Вознесенскомъ проспектѣ, въ великолѣпномъ домѣ, поселилась мадамъ, сдѣлавшаяся скоро извѣстною подъ ходячимъ именемъ Дрезденши. Петербургская молодежь сдалась на прельщенiе. Большое число лицъ, также изъ знати и аристократiи, ѣздили къ Дрезденшѣ. Дошелъ слухъ объ этомъ до императрицы. Императрица не потакала легкому поведенiю. Дрезденшу взяли; она при допросѣ оговорила многихъ. Красавицъ ея отправили на прядильный дворъ въ Калининну деревню ¹⁾.

При Елисаветѣ были учреждены ранги для придворныхъ дамъ; такъ княгини Черкасская и Кантемиръ и графиня Шереметьева шли на дворцовыхъ выходахъ за фельдмаршаловъ ²⁾.

Елисавета была богобоязненна и набожна. Въ Кронштадтѣ разъ смотря на шедшее въ морѣ судно, она поднесла частицу мощей къ огню, чтобы сила ихъ обратила судно по желанному направленiю. Она постановила, чтобы славянская библiя продавалась не дороже 5 р. Вѣротерпимостью она не отличалась. Евреи были изгнаны въ 1742 г. изъ Россiи. Императрица писала, что она не хочетъ „интересной прибыли отъ враговъ Христовыхъ“. Иностранцевъ, принявшихъ православiе, не велѣно было выпускать за границу. Въ Казанской губернии не позволено строить болѣе мечетей. Аристамъ дозволено было имѣть только по одной церкви въ каждой изъ столицъ. Елисавета ходила пѣшкомъ на богомолье къ Троицѣ, причемъ путешествiе туда и назадъ совершалось почти все лѣто, такъ какъ въ день проходили лишь нѣсколько верстъ и остановки были продолжительны.

При религiозномъ настроенiи характера Елисаветы становится понятнымъ, что какъ скоро она сдѣлалась императрицею и почувствовала себя совершенно свободною, она рѣшилась соединиться

¹⁾ Бѣляевъ, 90.

²⁾ Scherer. VI, 88—89.

бракомъ съ любимымъ человѣкомъ. Мы упоминали о гоненіи на Дрезденшу. Если она негодовала на Фридриха II, запрещала подданнымъ имѣть его портреты, а портретъ короля, подаренный ей генераломъ Тотлебенонъ, валялся гдѣ-то въ темномъ углу дворца, то одною изъ существенныхъ причинъ этого негодованія, по ея словамъ, было то, что Фридрихъ не жилъ съ своею женою. При такомъ взглядѣ на вещи, Елисавету не могло остановить неравенство положенія ея и ея избраннаго. Она вышла замужъ за Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, въ подмосковнокъ селѣ Перовѣ ¹⁾. Свадьба праздновалась, по другимъ свѣденіямъ, въ Москвѣ у Воскресенія въ Барашихъ, на Покровѣ. Преданіе гласитъ, что свадебное празднество было отправлено въ зданіи нынѣшней 4-й московской гимназій ²⁾. Въ Петербургѣ для Разумовскаго былъ построенъ дворецъ (нынѣшній Аничковъ). Супруги нѣсколько лѣтъ жили дружно. Иностранецъ Шереръ рассказываетъ какъ онъ однажды видѣлъ Елисавету Петровну и Разумовскаго выходящихъ изъ театра; Разумовскій надѣлъ на Елисавету Петровну шляпку и потомъ бережно закуталъ ее, такъ какъ было холодно на дворѣ. Не только самъ А. Г. Разумовскій былъ осыпанъ милостями, но и братъ его Кирилъ, 20 лѣтній молодой человѣкъ, былъ сдѣланъ графомъ и гетманомъ малороссійскимъ, т. е. сравненъ по званію съ фельдмаршалами. Красавецъ собой, добрый и великодушный по характеру, А. Г. Разумовскій былъ крутъ нравомъ и тяжелъ на руку въ нетрезвомъ видѣ. Мавра Егоровна Шувалова каждый разъ служила молебень, когда мужъ ея графъ Петръ Ивановичъ возвращался съ охоты, не бывъ битымъ батошьемъ отъ Алексѣя Григорьевича подъ пьяную руку ³⁾. А Мавра Егоровна (урожденная Шепелева) была домашній человѣкъ у императрицы. Эта та самая М. Е. Шепелева, которая будучи съ сестрой Елисаветы Анной Петровной въ Голштиніи, переписывалась съ Елисаветой о молодыхъ людяхъ, которые нравились той и

¹⁾ Чтенія, 1863, III, смѣсь 154.

²⁾ Мельниковъ, 183.

³⁾ Энци. Лексиконъ, Елисавета Петровна.

другой, о чепчикахъ и пеленкахъ, которые Анна Петровна сама шила для своего будущаго ребенка и т. д., причемъ подписывалась: „раба и дочь и холопка и кузина;“ въ другомъ письмѣ также только безъ „холопка,“ а послѣ „раба Маврутка Шепелева“ ¹⁾. Шепелева была выдана замужъ за П. И. Шувалова и этотъ-то Шуваловъ, жена котораго была довѣренное лице императрицы, который заправлялъ въ царствованіе Елисаветы многимъ и имѣлъ послѣ 400,000 руб. дохода, не считая жалованья ²⁾, былъ битъ батогами Алексѣемъ Разумовскимъ.

А. Г. Разумовскій родился въ одинъ годъ съ Елисаветою въ селѣ Лемешахъ Черниговской губерніи, отъ казака Разума. Серебряный голосъ молодаго Разумовскаго былъ замѣченъ и его взяли въ хоръ пѣвчихъ одного изъ мѣстныхъ малороссійскихъ аристократовъ. Тотъ же прекрасный, звучный голосъ привелъ молодаго пѣвчаго въ хоръ царскихъ пѣвчихъ.

Елисавета замѣтила Разумовскаго. Она сама прекрасно пѣла и записочка ея съ подписью „первый дишкантистъ“ повела даже къ розыскамъ и допросамъ въ царствованіе Анны Ивановны ³⁾. До Разумовскаго, какъ говорили, Елисавета Петровна предлагала руку возвращенному изъ ссылки Шубину; но это едва ли достойно. Бракъ съ Разумовскимъ совершенъ былъ негласно. Оба Разумовскіе — Алексѣй и Кирилъ — были видные, красивые мужчины, и если Алексѣй уступалъ брату въ умѣ, по мнѣнію Екатерины II, то превосходилъ его напротивъ щедростію и великодушіемъ характера ⁴⁾. Оба брата перыне смѣялись, когда кievская академія вздумала ихъ, сыновей казака, выводить родомъ отъ Гедмина и написала трактатъ объ этомъ на латинскомъ, польскомъ и малорусскомъ языкахъ. Разумовскіе не стыдились своего происхожденія; не стыдилась происхожденія ихъ и Елисавета. Она умѣла поражать великолѣпіемъ императрицы и затѣмъ дома, какъ добрая хозяйка, стряпать кушанье. Пирогъ, начиненный рублевиками, пода-

1) Чтенія, 1861, II, смѣсь, 69.

2) Ешевскій, 55.

3) Энци. Лексиконъ. Елисавета Петровна.

4) Catherine, II, 113.

ренный Елисаветой, по преданію, ея стремлянному, можетъ быть былъ испеченъ самою же императрицею; она даже гордилась своими свѣденіями по кухонной части. Императрица и виѣсть женщина въ полномъ смыслѣ этого слова, Елисавета не стѣснялась тѣмъ, что въ гетманскомъ дворцѣ въ Батуринѣ видѣли въ присутствіи императрицы старушку мать Разумовскихъ съ головою, повязанною платкомъ и въ кацавейкѣ ¹⁾.

Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій остался и впоследствии съ тѣмъ образованіемъ, какое могъ приобрести провинціальный пѣвчій. Щедрый и недорожившій деньгами, онъ послѣ, когда ихъ у него было много, держалъ иногда дома большой банкъ и проигрывалъ тѣмъ съ кѣмъ хотѣлъ подѣляться деньгами; отъ него выносили деньги полными карманами и шапками. Возвышенность характера Алексѣй Григорьевичъ доказалъ на дѣлѣ, при слѣдующемъ случаѣ:

Много лѣтъ спустя послѣ брака въ Перовѣ, когда Елисаветы уже не было въ живыхъ, шла рѣчь о предполагавшемся бракѣ императрицы Екатерины II съ Г. Г. Орловымъ. Хотя Екатерина была расположена къ Орлову, однако очень вѣроятно и то, что она могла считать возможнымъ обойтись безъ этого брака. Но Вестужевъ, желавшій этого брака, повелъ дѣло очень хитро. Написано было прошеніе отъ высшихъ чиновъ государства къ Екатеринѣ, представлявшее желаніе народное, чтобы императрица избрала себѣ супруга. Прошеніе говорило именно о вступленіи Екатерины въ бракъ съ Иваномъ Антоновичемъ, тогда шлиссельбургскимъ узникомъ. Подъ прошеніемъ подписалось 12 епископовъ, но съ тѣмъ, чтобы выборъ императрицы не ограничивался, какъ въ первоначальномъ текстѣ, Иваномъ Антоновичемъ, а полагалось на волю Екатерины избрать кого она желаетъ. Расчетъ Вестужева былъ вѣренъ. Екатерина должна была видѣть желаніе народное, чтобы она вышла замужъ. Затѣмъ указывали ей на Ивана Антоновича. Но могла ли Екатерина серьезно подумать о замужествѣ съ юношею, котораго держали въ заточеніи съ ранняго дѣтства и сдѣ-

¹⁾ Вшевскій, 19.

зали идиотомъ? Очень естественно, что если выборъ надо было сдѣлать, то на комъ же онъ могъ лучше остановиться, какъ не на Г. Г. Орловѣ. Уже цѣль Орловыхъ и Вестужевыхъ достигалась. Уже Григорью Григорьевичу запросили титулъ князя германской имперіи у императрицы Маріи Терезіи. Затѣмъ его хотѣли сдѣлать, герцогомъ ингерманландскимъ ¹⁾). Такимъ образомъ — черта, отдѣлявшая бывшаго гвардейскаго офицера отъ трона, могла быть сдѣлана не столь рѣзкою. Если Екатерина еще могла колебаться, то предъ Орловымъ былъ примѣръ въ прошломъ: императрица Елисавета вышла же замужъ за Разумовскаго — Екатерина не дѣлала ничего новаго, выходя за Орлова. Панинъ (Н. И.), Воронцовъ и К. Г. Разумовскій были противъ брака: они считали его несовѣстнымъ съ благомъ Россіи и сверхъ того видѣли, что сама Екатерина не имѣетъ особеннаго желанія, чтобы онъ совершился. Екатеринѣ нужны документы, которые бы положительно доказали справедливость молвы, что императрица Елисавета была повѣнчана съ Разумовскимъ. Очень вѣроятно, что партія Орловыхъ много основывала на этихъ документахъ. За документами отправляется Воронцовъ, а замѣтимъ, что Воронцовъ и К. Г. Разумовскій на колѣняхъ просили Екатерину не выходить за Орлова. Воронцовъ объясняетъ Алексѣю Григорьевичу желаніе императрицы: если документами бракъ будетъ доказанъ, то императрица желала дать Разумовскому титулъ „высочества“. Но Воронцовъ не упустилъ дать понять Разумовскому, что лучше если бы этихъ документовъ не было. Разумовскій всталъ, отперъ потаенный ларецъ, вынулъ оттуда бережно завернутый свертокъ бумаги и молча кинулъ его въ каминъ. На бракъ въ Перовѣ нельзя было ссылаться болѣе ²⁾).

Брата А. Г. Разумовскаго счастливая звѣзда застала на 20 году отъ роду. Его еще было время нѣсколько образованъ. Его послали за границу путешествовать въ обществѣ Теплова, челоуѣка по своему времени очень образованнаго и развитаго. По возвра-

¹⁾ Chronique, II. 12—13.

²⁾ Чтенія, 1863, III, смѣсь, 155—157.

щеніи въ Россію онъ, какъ мы видѣли, былъ сдѣланъ гетманомъ Малороссіи, почти въ юношескомъ возрастѣ. Женатый на Нарышкиной, почти противъ воли, по словамъ современниковъ, онъ при его молодости, красотѣ, громкомъ титулѣ и богатствѣ, былъ львою петербургскихъ дамскихъ салоновъ, гдѣ всѣ за нимъ ухаживали. Отзываясь о немъ, какъ о президентѣ академіи, — его назначили и въ эту должность — одинъ германскій сатирикъ замѣчаетъ, что президентъ имѣлъ болѣе дѣтей, чѣмъ написалъ книгъ и звалъ професоровъ меньше, чѣмъ петербургскихъ кокетокъ ¹⁾. Кирилъ Григорьевичъ дѣйствительно не могъ отличиться особенною ученостью, но онъ и не присваивалъ ее себѣ. Не отличаясь особенно блестящими способностями, хотя и былъ даровитѣе брата, Кирилъ Григорьевичъ отличался проникательнымъ умомъ и вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Онъ не претендовалъ на то, чего не имѣлъ. Его спрашивали разъ: почему онъ, старшій фельдмаршалъ, а команду надъ войскомъ поручили другому? А потому, отвѣчалъ Разумовскій, что я, потерявъ двѣ арміи, разбилъ бы непріятеля лишь съ третьєю, а другому достаточно одной.

Екатерина была расположена къ К. Г. Разумовскому, когда она была еще великою княгиней. Кирилъ Григорьевичъ, во время путешествія Елисаветы пѣшкомъ къ Троицѣ, часто ѣздилъ въ с, Раево, гдѣ жила Екатерина съ супругомъ; она не могла не замѣтить, что онъ былъ нѣсколько увлеченъ ею. По вступленіи Екатерины на престолъ, К. Г. Разумовскій былъ у нея свой человекъ за карточнымъ столомъ, но особенныхъ дѣлъ на него не возлагалось. Впрочемъ, онъ былъ членомъ совѣта императрицы и самъ описываетъ свою роль въ немъ. „Одинъ Панинъ (Н. И.) — говоритъ Разумовскій о засѣданіяхъ совѣта — думаетъ, другой (П. И.) кричитъ, Чернышевъ (Захаръ) предлагаетъ, другой (Иванъ) труситъ, я молчу, а другіе хоть и говорятъ, да того хуже“ ²⁾. Разъ Разумовскій подписалъ свою фамилію подъ бумагой очень криво и замѣтилъ, что его товарищи покривили душой, такъ ему можно

¹⁾ Merkwürdigkeiten, 88.

²⁾ Вантышъ-Бамевскій. Біографія, I. 244.

покривить хоть почеркомъ. Разъ Екатерина предложила выпить тостъ за здоровье честныхъ людей. Разумовскій не выпилъ изъ своего бокала. „Боюсь, матушка, чтобы морь не былъ,“ замѣтилъ онъ. Въ 1770 году митрополитъ Платонъ возгласилъ разъ въ одной изъ своихъ блестящихъ проповѣдей, обращаясь къ гробницѣ Петра: „возстань!“ Ораторъ приглашалъ преобразователя Россіи возстать изъ гроба, чтобы видѣть, какой плодъ принесло посаженное имъ сѣмя. „Чего винь (онъ) его кличе, замѣтилъ Разумовскій, тихо по малороссійски стоявшимъ близъ него, — лѣтъ встане, то всѣмъ намъ достанется“ ¹⁾).

Разумовскіе сохраняли свое значеніе при дворѣ во все царствованіе Елисаветы, но въ послѣднюю половину царствованія ея въ милостяхъ императрицы возвысился братъ П. И. Шувалова, Иванъ Ивановичъ.

Сколько бракъ съ Разумовскимъ былъ частнымъ дѣломъ Елисаветы, столько возвышеніе Шувалова имѣетъ уже политическое значеніе.

Елисавета-правительница.

Не для престола была воспитана Елисавета, о престолѣ она не думала до 30 лѣтнаго возраста, и когда обстоятельства сдѣлали ее императрицею, около нея стали люди, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась дѣйствительная власть. Вестужевъ, Лестоковъ и Шуваловы замѣнили въ правительственной сферѣ Бирона, Остермана и Миниха. Елисавета была на столько самолюбива, чтобы не удовольствоваться одною тѣнью власти, и министры тщательно удаляли эту тѣнь отъ нея. Напротивъ, она была окружена всѣмъ блескомъ власти; все казалось исходящимъ отъ нея и тѣмъ труднѣе было различить для нея, въ чьихъ рукахъ дѣйствительно находилась власть, чѣмъ ярче освѣщена она была ея блескомъ.

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Біографія, I.

Иностранцы говорили, что со вступленіемъ на престолъ Елисаветы, исчезли при русскомъ дворѣ благоразуміе, храбрость и общительность—Остерманъ, Минихъ и Левенвольде. Такой отзывъ иностранцевъ понятенъ; они говорили объ иностранцахъ. Многие изъ русскихъ готовы были придавать другое значеніе воцаренію Елисаветы: вступала на престолъ дочь Петра I, господство иностранцевъ должно было прекратиться, русскіе люди должны были выдвинуться впередъ.

Мнѣніе той и другой стороны одинаково отличалось односторонностью. Ничего особенно не измѣнилось съ воцареніемъ Елисаветы. Павшихъ иностранцевъ замѣнили люди не менѣе ихъ даровитые. Что же касается нравственнаго характера ихъ, то какъ прежде иностранцы служили иностраннымъ интересамъ, такъ теперь русскіе люди были на иностранной службѣ. Объ Остерманѣ говорили, что онъ бралъ деньги отъ англійскаго и австрійскаго правительствъ ¹⁾. Австрійское правительство постаралось большими подарками и графскимъ званіемъ закупить Бирона въ свою пользу, какъ только тотъ возвысился. Минихъ дружилъ Фридриху II прусскому также не вполне безкорыстно. Теперь Бестужевъ, первый министр Елисаветы, проситъ 10.000 фун. стерлинговъ въ подарокъ у англійскаго короля и 2,500 фун. стерл. пенсіи, ссылаясь на то, что императрица даетъ ему только 7000 рублей въ годъ и этого недостаточно для того, „чтобы быть вполне самостоятельнымъ“ ²⁾. Въ сущности же это подарокъ за союзъ противъ Франціи, и такъ англійское правительство смотритъ на дѣло. Бывшій англійскій посланникъ въ Россіи ³⁾, онъ и русскимъ первымъ министромъ продолжаетъ получать инструкціи отъ англійскаго правительства ⁴⁾. Даже Волкову, секретарю Бестужева, и Олсуфьеву, секретарю Воронцова, испрашиваются англійскимъ посланникомъ у своего правительства денежные подарки и пенсія. Лестоку—этотъ былъ впрочемъ иностранецъ—опредѣляется въ 1742 г,

1) Печарскій, 384.

2) La Cour, 128, 145.

3) Бантышъ-Каменскій, Біографіи, II, 3.

4) Lesur, 201.

англійскимъ королемъ 600 фун. стерл. годовой пенсіи. Въ полученіи 1000 рублей отъ прусскаго правительства онъ былъ обвиненъ только послѣ, когда врагамъ нужно было погубить его. Если политика Россіи направлялась иностранными дубатами, фунтами стерлинговъ и талерами, то напрасно было бы говорить, что министры, которые руководили ею и ихъ сотоварищи въ дѣлахъ внутренняго управленія, руководились благомъ государства и русскими интересами. — Но бросимъ взглядъ на трехъ павшихъ корифеевъ предшествовавшихъ правленій — Бирона, Остермана и Миниха.

Бирону было лучше другихъ. Правда, въ первое время по арестѣ, съ нимъ и семействомъ его обошлись довольно круто. Жена его жаловалась правительницѣ, что при обыскѣ шарили у нея и у дѣтей ея цѣлый часъ въ карманахъ; у сына ея взяли кошелекъ, у дочери ключи, у нея печать, у мужа ея червонцы изъ кармана. Бирону не оставили даже его золотыхъ часовъ и платья. Но Биронъ обратился съ письмами къ правительницѣ и Анна Леопольдовна смягчила ихъ участь. Бирону послали цовара и серебрянный сервизъ и хотя сервизъ послѣ возвратили, но въ Пелымѣ съ Бирономъ поѣхалъ цѣлый штатъ: два священника, 17 челоуѣкъ прислуги и докторъ. Бирону позволено было взять съ собою свою бібліотеку. Хотѣли еще болѣе облегчить его участь и послать его въ болѣе теплый климатъ, куда нибудь въ Сибирь за Тобольскъ. Вступленіе на престолъ Елисаветы вполнѣ измѣнило участь Бирона. Его возвратили изъ Пелыма и дозволили ему жить въ Ярославлѣ. Была даже рѣчь о возвращеніи его въ Петербургъ ко двору. Этому воспрепятствовала Шетарди; онъ уговорилъ Елисавету не возвращать его ¹⁾. Елисавета не сдалась даже въ 1744 году на представленія Польши о возвращеніи герцога курляндскаго въ его герцогство. Но въ Ярославлѣ Бирона содержали хорошо. Онъ жилъ съ семействомъ въ большомъ домѣ; ему позволено было дѣлать прогулки на довольно большое разстояніе. Онъ могъ свободно видѣться съ своими братьями и зятемъ —

¹⁾ П. карскій, 314.

генераломъ Бисмаркомъ. Они другъ у друга обѣдали. На столѣ Бирона отпускалась ежедневно такая сумма, что ея довольно было не только на содержаніе его семейства, но и караульных офицеровъ и солдатъ, жившихъ съ нимъ въ одномъ домѣ, которые этимъ средствомъ были задабриваемы. Самъ Биронъ вполнѣ предавался своей — впрочемъ не горькой, участи. Онъ, котораго подозрѣвали въ невѣріи, даже сталъ читать духовныя книги. Надѣдалъ ему только приставленный къ нему пасторъ, который требовалъ отъ него устной исповѣди, такъ что наконецъ Биронъ отъ казался имѣть съ нимъ дѣло. Старшій сынъ Бирона — бывшій претендентъ на руку Елисаветы Петровны менѣе терпѣливо выносилъ изгнаніе. Онъ два раза пытался бѣжать и былъ останавливаемъ часовымъ ¹⁾. Биронъ былъ не безъ друзей при дворѣ Елисаветы. Въ его пользу дѣйствовалъ Лестокъ. Лестокъ просилъ за Бирона императрицу. Елисавета помнила любезность къ ней Бирона-регента и то, что были даже толки о желаніи регента возвести на престолъ ея племянника, принца Голштинскаго ²⁾. Елисавета обѣщала Лестоку помочь деньгами Бирону, но все забывала объ обѣщаніи. Лестокъ однако послѣ отправился самъ въ Ярославль, видѣлся съ Бирономъ и вручилъ ему отъ имени императрицы 5000 рублей. Двадцать лѣтъ прожилъ Биронъ въ Ярославлѣ. Возвращенный въ Петербургъ Петромъ III, онъ былъ снова утвержденъ герцогомъ курляндскимъ Екатериною II. На колѣняхъ благодарилъ онъ императрицу за милостивое вниманіе; при проѣздѣ черезъ Ригу, русскій гарнизонъ привѣтствовалъ его пушечными выстрѣлами; русскія войска утвердили его, не смотря на сопротивленіе Польши и самихъ курляндцевъ, въ Митавѣ.

Остерманъ при воцареніи Елисаветы былъ застигнутъ въ расплохъ. Супруга его Марфа Ивановна кажется предвидѣла грозу и совѣтовала ему проситься у Анны Леопольдовны въ отставку, но Остерманъ надѣялся на свою обычную изворотливость. Въ то время, когда любившая патетическія выраженія правительница,

¹⁾ Scherer, IV, 246.

²⁾ Чтенія, 1863, I, смѣсь 42.

чувствуя приближеніе опасности, отправилась къ Остерману и закликала его именемъ Спасителя (par les entrailles du divin Sauveur) ¹⁾ помочь ей въ бѣдѣ, хитрый дипломатъ держалъ сторону принца Антова Ульриха противъ его супруги и Динара и не подозрѣвалъ ничего. Относительно Елисаветы Петровны онъ велъ себя самоувѣренно и иногда даже оскорбительно для ея самолюбія. Это была самая большая ошибка дипломата. Вступая на престолъ Елисавета и Остерманъ изъ министра и генераль-адмирала превращается въ государственнаго преступника. Онъ равнодушенъ къ своей участи, хотя это — не равнодушіе отваги и смѣлости. Привезенный на эшафотъ въ своемъ обычномъ костюмѣ — шапочкѣ и красномъ халатѣ на лисьемъ мѣху — онъ хладнокровно всходитъ на ступени эшафота и также хладнокровно проситъ принести ему его парикъ и колпакъ. Впрочемъ онъ можетъ быть уже зналъ, что на эшафотѣ его ждетъ прощеніе. Его сослали въ Березовъ и поселили въ домъ, гдѣ прежде жили сосланные Меншиковы и Долгорукие. Остерманъ не пережилъ ссылки. Онъ сидѣлъ больше въ своей спальнѣ, рѣдко выходя въ другія комнаты. Караульные полагали, что онъ уединяется для молитвы, но онъ уединялся просто потому, что въ другихъ комнатахъ былъ нестерпимый запахъ отъ большого числа поселенныхъ въ домъ людей для караула. По крайней мѣрѣ такъ объяснялъ предшественникъ Остермана въ этомъ помѣщеніи, генералъ Бисмаркъ. Въ заключеніи Остерманъ поправился здоровьемъ: онъ прежде часто страдалъ отъ подагры; теперь ноги его совершенно поправились. Въ Березовѣ долго послѣ сохранялись дѣтскіе жилеты и женскія шанки, сшитыя изъ бархатныхъ сапоговъ Остермана. Говорятъ, что тѣло покойнаго Остермана было вынуто изъ могилы пережившею его супругою и увезено изъ мѣста заточенія. Въ вышнемъ столѣтій случайно была открыта могила Остермана и простой черный крестъ съ бѣлыми буквами Н. О. (Neplich Ostermann) былъ поставленъ на ней.

Минихъ также былъ привезенъ къ эшафоту и помилованъ: вмѣ-

1) Пекарскій, 269.

сто казни и его присудили къ ссылке. Говорятъ, что Минихъ былъ осужденъ собственно за то; что какъ-то прежде оштрафовалъ А. Г. Разумовскаго ¹⁾. Минихъ сохранялъ полное присутствіе духа. Въ своемъ красивомъ красномъ военномъ плащѣ, полный, здоровый, статный, красивый, не смотря на свои слишкомъ 50 лѣтъ, Минихъ разговаривалъ и шутилъ съ сопровождавшимъ его къ мѣсту казни солдатамъ: солдатъ видѣлъ передъ собою генералъ-фельдмаршала, а не осужденнаго государственнаго преступника. При допросѣ Минихъ просилъ слѣдователей написать въ отвѣтныхъ пунктахъ что они пожелаютъ, а онъ подпишетъ эти показанія ²⁾. На дорогѣ въ Пелымъ, онъ встрѣтился съ возвращающимся изъ дальней ссылки Барономъ. Въ Пелымѣ Миниха одно время не стѣсаяли. Караульный офицеръ при немъ былъ прежде его подчиненнымъ въ турецкую войну и дѣлалъ возможныя послабленія. Минихъ на свободѣ писалъ свои мемуары, но скоро одинъ протѣжій донесъ двору о послабленіяхъ ссылкеному. Чтобы показать, что въ бумагахъ его нѣтъ ничего предосудительнаго, Минихъ отослалъ ихъ въ Петербургъ, гдѣ они были сожжены ³⁾. Впрочемъ Елисавета разъ послала изгнаннику 6000 рублей. Минихъ въ изгнаніи училъ дѣтей мѣстныхъ жителей математикѣ; завелъ коровъ и продавалъ отъ нихъ молоко. Возвращенный изъ ссылки по смерти Елисаветы, онъ былъ встрѣченъ въ окрестностяхъ Петербурга своимъ сыномъ и 31 родственникомъ. Минихъ остался преданнымъ до конца вызвавшему его изъ ссылки государю. Можетъ быть многое было бы не такъ, если бы совѣта его во время послушались. Екатерина II, желавшая если можно привлечь на свою сторону и сторонниковъ покойнаго Петра III, благоволила къ Миниху. Минихъ писалъ даже къ ней галантныя посланія, которыя забавляли ее, потому что слишкомъ отзывались тономъ раздушенныхъ запасокъ. Назначенный комендантомъ въ Рогервикъ, Минихъ разными выходками, какъ-то: маскараднымъ перераживаньемъ рабочихъ арестант-

¹⁾ Castéra, I, 116.

²⁾ Ibid.

³⁾ Richardson, 70—72.

скихъ ротъ и т. д. заставилъ разъ Екатерину замѣтить: „какъ жаль, что этотъ великій человѣкъ переживаетъ свою славу“ ¹⁾).

Въ то время, какъ падшій Остерманъ казался равнодушнымъ, Минихъ по всей вѣроятности казался и былъ такимъ, а Левенвольде горько жаловался на свою участь и просилъ помилованія, — на ихъ мѣстѣ въ высшихъ сферахъ управленія, явились съ воцареніемъ Елисаветы, какъ мы видѣли, новыя лица.

Мы уже нѣсколько знакомы съ Бестужевымъ. Воспитанный въ Англіи, человѣкъ очень образованный и умный, хотя иные иностранцы приписывали ему менѣе ума, чѣмъ лживости, Бестужевъ былъ продажный министръ и человѣкъ интриги. Въ царствованіе Анны Ивановны онъ дѣлается довѣреннымъ человѣкомъ Бирона. Онъ беретъ, какъ мы видѣли, съ Бирона 30,000 рублей за содѣйствіе въ доставленіи ему регенства. При Елисаветѣ Петровнѣ Бестужевъ выступаетъ на первый планъ и служитъ иностранной политикѣ за деньги. Въ этомъ подражаетъ ему Лестоку. За полученіе денегъ отъ прусскаго правительства и за отравленіе знавшаго объ этомъ чиновника Эттингера, Лестокъ посадили въ крѣпость; тамъ онъ хотѣлъ уморить себя голодомъ, но безуспѣшно. У него было отобрано 40,000 р.; изъ которыхъ возвращено ему было по освобоженіи только 11,000; остальные деньги были показаны израсходованными, въ томъ числѣ 800 рублѣй на перья и бумагу при производствѣ дѣла. Впрочемъ освободившая его Екатерина II дала ему пенсію въ 7000 рублей и 30 гаковъ земли въ Лифляндіи. Но осужденіе Лестокъ при Елисаветѣ въ сущности было лишь слѣдствіемъ интриги его соперниковъ. Бестужевъ былъ удаленъ отъ должности также не за продажность. Тотъ и другой, получая пенсію отъ иностранныхъ правительствъ, могли себя считать до извѣстной степени въ безопасности. Припомнимъ, что сама Елисавета Петровна была не прочь получать деньги отъ иностранныхъ правительствъ, что конечно также не оставалось безъ вліянія на политическій образъ дѣйствій Россіи. Приводилось, что ей нужны были деньги: она строила 2—3 большихъ дворца ²⁾).

¹⁾ Scherer. I, 63.

²⁾ La Cour, 129.

П. И. Шуваловъ, заправлявшій многими отраслями внутренняго управленія, нажилъ себѣ громадное состояніе соединеніемъ въ своихъ рукахъ многихъ монополій. Онъ сблизилъ Елисавету съ своимъ братомъ Иваномъ Ивановичемъ. И. И. Шуваловъ, еще будучи камеръ-пажемъ, отличался склонностію къ серьезнымъ занятіямъ и благодаря ему въ царствованіе Елисаветы было сдѣлано кое-что для народнаго образованія. Въ молодости его видѣли постоянно за книгою. Онъ сблизился съ Вольтеромъ и по его приглашенію фернейскій философъ сталъ за русское золото писать сочиненія о Россіи. При маломъ знаніи Россіи для Вольтера это дѣло было нелегкое, но плата была щедрая и онъ принялъ предложеніе. Особенно смущали знаменитаго французскаго писателя русскія сочетанія согласныхъ и названія. Онъ напримѣръ спрашивалъ у Салтыкова, какъ писать: Kalkonistky, Ratzoniski, Ralkoniki или Roskolchiqui ¹⁾. Все дѣло шло о „раскольникахъ“. Этотъ одинъ примѣръ даетъ повясть, съ какою подготовкою Вольтеръ приступалъ къ сочиненіямъ о Россіи. Онъ не могъ не дѣлать ошибокъ въ названіяхъ. Шуваловъ написалъ ему объ этомъ, отчасти по совѣту акадѣмика Тауберта. Вольтеръ былъ уязвленъ этимъ и отвѣчалъ колко: „Мнѣ кажется, что это нѣмецъ меня упрекаетъ — писалъ онъ—я ему желаю больше ума и поменьше согласныхъ“ ²⁾.

Вольтеръ продолжалъ писать для Шувалова журнальныя статьи и по смерти Елисаветы. Но главный трудъ, предпринятый Вольтеромъ для Шувалова и Елисаветы Петровны, была „Исторія Петра Великаго“. Вольтеру доставили матерьялы, но значительную часть ихъ, которую историкъ могъ бы найти для себя очень важною, спрятали подъ спудъ ³⁾. Даже была составлена по порученію Елисаветы Петровны и послана чрезъ Шувалова къ Вольтеру послѣ предварительнаго просмотра императрицею „Исторія Петра Великаго“, очевидно для руководства. Но когда она была передана Вольтеру русскимъ посланникомъ въ Парижѣ кня-

¹⁾ Шевыревъ, Ист. Моск. Унив., 97.

²⁾ Scherer, VI, 26.

³⁾ Merkwürdigkeiten, 107—108.

земь Голицынымъ, то было уже поздно: Вольтеръ уже написалъ свою „Исторію“ и, вмѣсто отвѣта, послалъ Голицыну печатный экземпляръ ея. Самъ Вольтеръ сознавалъ всю неполноту и незаконченность своего труда.

По словамъ Бюкса, онъ хотѣлъ написать на своей могилѣ: „Ci-git qui a voulu écrire l'histoire de Pierre le Grand“ ¹⁾ (здѣсь покоится тотъ, кто хотѣлъ написать исторію Петра Великаго).

Цѣль Елисаветы Петровны и Шувалова была однако отчасти достигнута. Трудъ такого знаменитаго писателя, какъ Вольтеръ, упрочилъ славу Петра I въ потомствѣ. До тѣхъ поръ о Петрѣ судили за границей по сочиненіямъ менѣе лестнымъ для него. Такъ наир., Фридрихъ II прусскій считалъ Петра I болѣе эксцентрикомъ, чѣмъ великимъ человекомъ, и Жанъ-Жакъ-Руссо называлъ его гениемъ-подражателемъ, а не истиннымъ гениемъ ²⁾.

И. И. Шуваловъ оставался при Елисаветѣ до самой смерти ея. Предъ смертію своей она передала ему ключи отъ шкатулки, гдѣ хранилась частная казна ея: 300,000 рублей (частная казна Анны Ивановны при смерти ея простиралась до 6 милліоновъ рублей).

¹⁾ Coxe, Travels, II, 181; Lesur, 128—129.

²⁾ Lesur, 166—167, по Mémoires de Brandebourg и Contrat social, chap. VIII.

ПЕТРЪ III.

Великій князь Петръ Федоровичъ.

Однажды въ 1739 г, въ замкѣ князя-епископа Эйтенскаго встрѣтились его молодые родственники: 12 лѣтній принцъ Петръ Фридрихъ Голштинскій и 10 лѣтняя принцеса Софія Августа, Ангальдъ Цербстская. Принцъ былъ двоюроднымъ племянникомъ князю—епископу; принцеса племянницей. Едва ли кто могъ предполагать, что пройдетъ нѣсколько лѣтъ и епископъ Эйтенскій займетъ шведскій престолъ, который уступитъ ему племянникъ, чтобы самому вступить на русскій, а троюродная сестра молодого принца сдѣлается его супругою, и послѣ самодержавною русскою императрицею.

Принцъ Петръ-Фридрихъ былъ сынъ великой княгини Анны Петровны, слѣдовательно родной внукъ Петра I. Мы видѣли уже, какъ принцъ Фридрихъ Голштинскій, пріѣхавъ въ Петербургъ, сватался, не зная еще какую изъ дочерей отдастъ за него Петръ. Екатерина I покровительствовала молодому и любезному принцу, но на Петра I онъ по видимому не произвелъ особенно лестнаго впечатлѣнія. Петръ цѣловалъ его, приподнявъ съ земли на рукахъ; поилъ его, чтобы, — какъ самъ выражался — довести „до состоянія пьянаго нѣнца“ ¹⁾, но дѣло о бракѣ все откладывалъ. Петръ не могъ не замѣтить ограниченности способностей вѣтреннаго и не очень образованнаго принца. Принцъ жилъ въ Россіи годъ за годомъ;

1) Берхгольцъ, III, 106. 107.

ѣздилъ по ней. Игралъ въ жгуты съ дамами у кн. Трубецкаго; былъ угощаемъ виномъ въ тверской аптекъ; разсматривалъ московскую святыню и принималъ хлѣбъ-соль въ Троицкой лаврѣ, причеъ хлѣбъ поднять было въ пору только четверемъ человекамъ. Пять лѣтъ жилъ такимъ образомъ принцъ въ Россіи. Онъ вступилъ въ бракъ съ Анной Петровной только послѣ смерти Петра I. Получивъ не все чего ожидали принцъ Фридрихъ и Анна Петровна уѣхали изъ Россіи въ Голштинію. Тамъ Анна Петровна недолго прожила. Она говорила, что русская натура не можетъ бодтсья непогоды. Смотри разъ на парадъ изъ раствореннаго окна въ холодную погоду, она простудилась и умерла. Еще до рожденія своего первенца, она сама готовила для него бѣлье, но сыну ея Петру Фридриху не суждено было съ младенческихъ дней видѣть ласкъ катери. Отецъ его, больше занятый хлопотами съ кредиторами, мало обращалъ вниманія на воспитаніе сына. Средства герцога были очень скудны; поправить свои обстоятельства онъ рассчитывалъ въ будущемъ, благодаря сыну. Въ самомъ дѣлѣ, завидная по видимому доля выпала малюткѣ: его отъ самой колыбели ждалъ, если не одинъ престолъ, то другой — если не русскій, то шведскій. „Подождемъ, онъ поправитъ наши дѣла!“ говорилъ принцъ Фридрихъ, указывая на лежавшаго въ колыбели малютку-сына, и съ терпѣніемъ ѣлъ съ дырчатыхъ скатертей, лучше которыхъ ему не оставили обрѣзанные герцогскіе доходы. Въ надеждѣ поправить свои дѣла когда выростетъ сынъ, герцогъ Фридрихъ такъ и умеръ. Малютка-сынъ его остался круглой сиротой. Его взялъ къ себѣ дядя, епископъ Эйтенскій. Но дядя очень мало прилагалъ вниманія о воспитаніи племянника. Маленькаго Петра Фридриха окружилъ военный людъ третьестепеннаго германскаго двора. Его занимали только военными играми и упражненіями. Его самого произвели въ унтеръ-офицеры и затѣмъ по девятому году въ секундъ-лейтенанты. Въ наказаніе за зроступки ему не давали смотрѣть на парадъ. Случалось также, что его ставили на колѣни на горохъ и бѣдняжка стоялъ по получасу, такъ что колѣнки краснѣли и распухали. Привѣняясь къ обществу, которыхъ былъ окруженъ, маленькій Петръ-Фридрихъ хотѣлъ быть съ каждымъ на „ты“, и требовалъ, чтобы ему говорили „ты“ хетя этого и не дѣлали.

Пока была надежда, что Петръ-Фридрихъ вступитъ на русскій престолъ, онъ учился закону Божию у іеромонаха греческой церкви, но по вступленіи на престолъ Анны Ивановны надежда эта рушилась. Тогда предъ маленькимъ принцемъ открылся шведскій престолъ и его стали учить шведскому языку, а вмѣсто греческаго іеромонаха закону Божию сталъ учить докторъ Хоземаъ по лютеранской догмѣ. Высокій и худой педантъ, Юль, ректоръ кильской латинской школы, давалъ принцу уроки латинскаго языка и окончательно заставилъ ученика возненавидѣть латинь, такъ что даже нѣсколько лѣтъ спустя, когда принцу Петру-Фридриху— въ то время уже наслѣднику русскаго престола Петру Федоровичу— прислали его библіотечку, онъ просилъ учителя своего Штелина приобрѣсти для нея красивыя шпаны, но латинскія книги дѣвать куда хочетъ.

Между тѣмъ снова обстоятельства пережѣнились: на рускомъ престолѣ была дочь Петра I, родная тетка принца. Когда Елисавета была еще великою княжною, голштинскій оберъ-егермейстеръ фонъ-Бредааль, будучи въ Петербургѣ по смерти герцога, отца принца, отдалъ ей портретъ ея племянника, рисованный масляными красками Деннеромъ въ Гамбургѣ и миниатюрный снимокъ съ этого портрета, сдѣланный Трунихомъ въ Кильѣ. Передать портреты надо было осторожно, потому что императрица Анна была сильно нерасположена въ голштинскому дому. „Чертушка въ Голштиніи еще живетъ“¹⁾, говорила Анна, получая отъ времени до времени вѣсти о маленькомъ Петръ-Фридрихѣ. Она разорвала письмо отца его съ просьбою о деньгахъ. Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы, снова открылся въ перспективѣ передъ молодымъ принцемъ русскій престолъ. Елисавета, рѣшась назначить племянника своимъ преемникомъ, послала за нимъ довѣренныхъ лицъ въ Киль. Петръ-Фридрихъ ѣхалъ въ Россію подъ строгимъ инкогнито какъ графъ Дюверъ; его везли почти тайкомъ. Это объясняется тѣмъ, что принцъ до послѣдняго времени считался наслѣдникомъ шведскаго престола, и шведы вовсе были нерасположены уступить его

1) Пекарскій, 325; Штелинь, 71—72.

Россіи. Пріѣздъ его въ Петербургъ повелъ даже въ послѣдствіи къ посылкѣ къ русскому двору шведской депутаціи, наставлявшей на кандидатурѣ принца на шведскую корону. Елисавета ласково приняла племянника, но нашла, что онъ блѣденъ и слабого сложенія. Елисавета нашла также, что въ Голштиніи его почти ничему не учили. Она разослала къ своимъ посланникамъ за границей циркуляръ о присылкѣ программъ для обученія племянника. Изъ двухъ программъ, подвергнутыхъ разсмотрѣнію, Гольдбаха и Штеллина, одобрена была программа послѣдняго. Въ первое время Елисавета прилагала много попеченій о принцѣ Петрѣ-Фридрихѣ теперь великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ. Она сама даже учила его креститься по православному. Начали учить великаго князя, но нельзя сказать, чтобы успѣхи были значительны. Петръ учился сколько нибудь въ Голштиніи только французскому языку. За уроками закона Божія у Семеона Тодорскаго онъ, уже посвященный въ правила лютеранства, больше диспутировалъ съ учителемъ. Учитель русскаго языка Исаакъ Веселовскій ходилъ рѣдко, а потомъ и вовсе пересталъ ходить. Великій князь и въ послѣдствіи говорилъ больше по нѣмецки, а по русски рѣдко и хуцѣ, да и не любилъ русскаго языка. Если изъ предметовъ преподаванія какой нибудь обращалъ на себя предпочтительное вниманіе Петра, то это математика. Способъ преподаванія, избранный Штелинымъ, былъ очень разумный и, при дѣльномъ и знающемъ наставникѣ, могъ ознакомить со многими ученика, даже не расположеннаго къ ученію; между наставникомъ и ученикомъ велась оживленная бесѣда, отъ одного предмета переходили къ другому, по мѣрѣ того, какъ о нихъ заходила рѣчь, и ученикъ могъ пріобрѣсти много познаній, не касаясь жесткой и трудно варимой скорлупы науки въ учебникахъ. Не удивительно, что даже оличавшій въ кильскомъ военномъ обществѣ и неохотно учившійся великій князь оказывалъ нѣкоторые успѣхи. Такъ, разъ Петръ Ѳеодоровичъ поправилъ фельдмаршала Долгорукаго и оберъ-полиціймейстера Девіера въ русской исторіи; у Елисаветы при этомъ слезы показались отъ радости.

Петръ былъ недурной наружности. Если глаза его не выражали особеннаго ума, то въ нихъ свѣтились за то бойкость и открытый характеръ. [Добродушный отъ природы, онъ былъ иногда

колодь и даже остроумень въ своихъ замѣчаніяхъ. Вспомнилъ его замѣчаніе Чеглокову, человѣку вовсе не способному дѣйствовать на молодой умъ и характеръ, и котораго не смотря на то Елисавета опредѣлила къ племяннику вмѣстѣ въ роли пристава и попечителя: „Знаете ли вы, какая первая буква азбуки?“ спросилъ Петръ у Чеглокова. Чеглоковъ былъ извѣстенъ при дворѣ, какъ личность не только недалняя, но и мало образованная. „Знаю,“ отвѣчалъ Чеглоковъ. „Хорошо, былъ отвѣтъ Петра,—такъ какъ тетюшка назначила васъ своимъ главнымъ гувернеромъ, то я узнаю это отъ васъ.“

Открытое, съ нѣскольکو выдавшимся впередъ острымъ носомъ, лице Петра Федоровича не въ состояніи было хранить никакой тайны. Воображеніе было чрезвычайно сильно развито въ молодомъ великомъ князѣ: иногда воображаемое казалось ему дѣйствительно существовавшимъ. Онъ, напримѣръ, рассказывалъ въ Петербургѣ съ малѣйшими подробностями объ экспедиціи противъ датчанъ, въ которой принималъ будто бы участіе, будучи ребенкомъ. Никто изъ окружавшихъ его голштинскихъ офицеровъ не понималъ ни о чемъ подобномъ. Другою отличительною чертою характера Петра была его необыкновенная робость. Молодой человѣкъ, рассказывавшій дядямъ о томъ, какъ онъ ребенкомъ принималъ участіе въ военныхъ экспедиціяхъ, боялся подойти къ ручному медвѣдю на цѣпи. Онъ могъ бить ласточку на лету и вмѣстѣ пугался выстрѣла. Онъ очень боялся грозъ.

Петръ очень выросъ послѣ оспы, случившейся съ нимъ въ деревенской глуши во время переѣзда двора. Тотчасъ же приняты были мѣры; домъ, гдѣ его пошѣтили, былъ обитъ досками и внутри войлокомъ. Елисавета плакала надъ больнымъ. Оспа страшна изуродовала молодое лице. Петръ совершенно измѣнился. Прежде его находили недурнымъ собою; теперь наружная привлекательность была навсегда потеряна.

Въ отношеніяхъ Елисаветы къ Петру надобно различать два періода: сначала она его ласкаетъ, прилагаетъ о немъ всевозможныя попеченія; затѣмъ все это перемежается, между теткой и племянникомъ наступаетъ рѣзкое охлажденіе. Въ первое время онъ юноша, учащійся подъ надзоромъ тетки; впоследствии, наслѣдникъ

престола, преслѣдующій свои отдѣльные, частныя и политическіе виды, часто діаметрально противоположныя тому, чего хотѣла бы тетка-императрица. Приѣхавъ въ Россію, Петръ Ѳеодоровичъ не избавился вліянія на него голштинской военной среды. Замѣтили, что въ Петербургѣ онъ одно время похудѣлъ и сдѣлался вспыльчивымъ отъ постоянного раздраженія, въ которомъ держалъ его сварливый и грубый Брюммеръ, его голштинскій оберъ-камергеръ. Брюммеръ спорилъ, выходилъ изъ себя, и даже съ кулаками подступалъ въ великому князю ¹⁾). Расположеніе къ мелочамъ военного дѣла, которое старались развить въ ребячествѣ, сдѣлало Петра ребенкомъ въ томъ возрастѣ, когда молодые люди уже остепеняются: игра въ оловянные, картонныя, восковыя и труповыя солдатики оставалась долго любимымъ времяпрепровожденіемъ великаго князя. Извѣстенъ разказъ Екатерины о томъ, какъ крыса, забравшаяся въ картонную крѣпость и осмѣливавшаяся съѣсть въ ней трупового солдата, была повѣшена по военному кодексу. Но если у молодого человѣка, и уже мужа, хватало времени на такія забавы, то пусть винятъ въ этомъ тѣхъ, кто не могъ лучшимъ образомъ заполнить времени Петра. Это была именно одна изъ тѣхъ натуръ, которыя дѣлаются тѣмъ, чѣмъ дѣлаютъ ихъ обстоятельства.

Посмотримъ, какъ пуста и безцвѣтна была обстановка жизни Петра Ѳеодоровича. Аргусомъ надъ нимъ былъ Чеглоковъ, необразованный и очень ограниченный, безтактный старшій селядонъ, дававшій много хлопотъ ревнивой женѣ и очень мало хорошихъ совѣтовъ великому князю. Безъ разрѣшенія императрицы, великій князь не имѣлъ права выходить изъ дома и сдѣлать обыкновенной прогулки—и это, когда онъ былъ взрослымъ человѣкомъ. Содержаніе его было далеко не роскошное; какъ гофмаршалъ его, Смерсъ, ни бился сводить концы съ концами, онъ не всегда могъ сдѣлать, чтобы къ обѣду подавались вкусныя блюда въ достаточномъ количествѣ. Петръ Ѳеодоровичъ чуждался мысли о русскомъ постѣ. Ссылаясь на примѣръ своего дѣда, Петра I, желудокъ котораго не могъ варить рыбы, великій князь просилъ позволенія

1) Штелинь, 81.

у императрицы въ посту ѣсть скоромное; разрѣшеніе было дано лишь съ тѣмъ, чтобы обѣдъ великаго князя полагался отдѣльно въ его комнатахъ. Но уже подобная просьба сильно роняла племянника въ глазахъ такой поборницы предписаній религіозной обрядности, какою была Елисавета.

Дѣлами правленія, и даже вообще дѣлами, великаго князя не занимали. Онъ только числился директоромъ кадетскаго корпуса, ѣздилъ въ корпусъ, по товарищески проводилъ время съ кадетами — и это все. Разъ камеръ-юнгфера Елисаветы, Іоганна, убирая императрицу, замѣтила: что будетъ съ государствомъ впослѣдствіи, если наслѣдника престола теперь не знакомить съ дѣлами? „Іоганна! ты знаешь гдѣ Сибирь?“ спросила Елисавета. Камеръ-юнгфера должна была привкусить языкъ. Но Елисавета была по природѣ добрая женщина, а можетъ быть и внутри ея что-то сказало, что Іоганна несовсѣмъ неправа. Какъ бы то ни было, на другой день послѣ этого Елисавета послала Іоганнѣ десять своихъ платьевъ и ширъ вѣроятно былъ восстановленъ. Но откровенное слово простой нѣмки не повело ни къ какой переиравѣ въ судьбѣ наслѣдника престола. Было бы несправедливо однако источникъ разлада между теткою и племянникомъ видѣть исключительно въ Елисаветѣ. Многое въ племянникѣ должно было разочаровать ее. Онъ не любилъ Россіи и русскихъ, окружалъ себя постоянно нѣмцами, не имѣлъ даже на столько такта, чтобы показывать расположеніе къ обычаямъ страны, если не питалъ его. Елисавета находила его не свѣтскимъ; однажды въ Екатеринбургѣ она сама должна была отворить дверцы кареты и помочь дамамъ, бывшимъ въ ней, выйти, потому что шедшій съ ней Петръ Ѳеодоровичъ не догадался этого сдѣлать. За то игрушечные солдатки, шапки съ бутылками вина и отверстія, проверченныя на ея половину, чтобы смотрѣть что у нея дѣлалось — возмущали Елисавету.

Но самую рѣзкую черту проводило между императрицею и ея наслѣдникомъ престола несогласіе ихъ въ политическихъ мнѣніяхъ. Елисавету расположили въ пользу Австріи; Петръ Ѳеодоровичъ былъ страстнымъ поклонникомъ Фридриха II прусскаго. Императрица имѣла личное нерасположеніе къ Фридриху II. Фридрихъ говорилъ, что онъ имѣетъ дѣло съ тремя женщинами: Марією Терезіею —

австрійскою императрицею; Елисаветою—русскою императрицею и маркизою Помпадуръ. Надобно замѣтить, что Елисавета называла въ насмѣшку маркизою Помпадуръ гр. Елиз. Ром. Воронцову, къ которой питалъ расположеніе Петръ Ѳеодоровичъ. Можетъ быть названіе это придавалось и потому, что отцу графини Воронцовой, канцлеру Воронцову, Лудовикъ XV подарилъ за оказанныя ему политическія услуги мебель, купленную у м-ше Помпадуръ. Но во всякомъ случаѣ м-ше Помпадуръ очень низко стояла въ глазахъ Елисаветы и потому Фридрихъ II однимъ приведеннымъ сопоставленіемъ именъ наносилъ ей оскорбленіе. Елисавета говорила, что она враждебно расположена къ Фридриху за то, что во первыхъ онъ не имѣетъ религіи, во вторыхъ не живетъ съ женой и въ третьихъ не былъ коронованъ.

Напротивъ, наслѣдникъ престола Петръ Ѳеодоровичъ души не видѣлъ въ королѣ прусскомъ. Онъ считалъ за честь числиться лейтенантомъ въ его службѣ. Онъ носилъ перстень съ его портретомъ, который однако тщательно скрывалъ, будучи въ присутствіи Елисаветы. Генералъ Тотлебенъ привезъ Елисаветѣ, когда она была еще не совсѣмъ въ враждебныхъ отношеніяхъ къ Фридриху, портретъ короля прусскаго. Петръ Ѳеодоровичъ подвѣлъ одного изъ Разумовскихъ къ портрету и сказалъ: „падите передъ нимъ на колѣни, вотъ вашъ Богъ!“ ¹⁾ Когда между Россією и Пруссією началась война, Между Фридрихомъ II и Петромъ Ѳеодоровичемъ продолжались прежнія дружескія сношенія. При дворѣ читались однѣ реляціи, а Петръ Ѳеодоровичъ получалъ другія, отъ Фридриха II, конечно мало сходныя съ первыми и онъ читались великимъ княземъ открыто его приближеннымъ. Есть даже положительное свидѣтельство, что Петръ Ѳеодоровичъ и секретарь его, Волковъ, дѣлали такія сообщенія Фридриху II, которыя раскрывали ему многое и были вовсе не въ интересахъ петербургскаго кабинета ²⁾. Фридрихъ II былъ тонкій политикъ и пользовался обстоятельствами. Онъ не высоко цѣнилъ способности своего друга и содѣльника въ Петербургѣ,

¹⁾ Scherer, VI, 101.

²⁾ Daschkoff, Mémoires, 58.

но умѣлъ изъ его расположенія извлекать выгоды. Незвѣстно какова бы была судьба Пруссіи, если бы характеръ участія русской арміи въ семидѣтной войнѣ не представлялъ замѣчательныхъ и оригинальныхъ своеобразностей. Русскіе генералы бьютъ прусскихъ и затѣмъ иногда никуда не гонимые вдругъ быстро отступаютъ предъ разбитыми. Разгадка этого бѣгства побѣдителей отъ побѣжденных заключалась въ Петербургѣ; въ слабости здоровья императрицы. Всѣ знали, что наслѣдникъ престола стоитъ за Пруссію. Умири Елисавета — война тотчасъ бы кончилась и генералы побѣдители могли впасть въ опалу у новаго государя. Личныя соображенія брали верхъ надъ чувствомъ долга и хотя въ Берлинѣ уже чеканились талеры съ портретомъ императрицы Елисаветы и русскій орелъ печатался на газетахъ, выходившихъ въ столицѣ Пруссіи, но Фридрихъ II все увертывался, пока вступленіе на престолъ Петра III сдѣлало Россію, изъ врага, союзницею прусскаго короля.

Елисавета знала, чью сторону держитъ Петръ Ѳеодоровичъ, понимала, что его образъ дѣйствій ей помѣха, и въ концѣ царствованія ея серьезно былъ поднятъ вопросъ: ему ли вступить на престолъ по смерти императрицы? Былъ схваченъ священникъ, напечатавшій сочиненіе, гдѣ раскрывались интриги части придворныхъ противъ Петра Ѳеодоровича ¹⁾. Священникъ былъ разоблаченъ въ синодѣ; сенатъ приговорилъ его къ смертной казни; Елисавета замѣнила казнь изгнаніемъ. Когда Елисавета была на смертномъ одрѣ, новгородскій митрополитъ Дмитрій Сѣменовъ уговорилъ Петра Ѳеодоровича пойдти къ постели умирающей и быть внимательнѣе къ ней. Если бы, однако, Елисавета дѣйствительно хотѣла назначить другаго наслѣдника, то гдѣ же былъ онъ? Мысль объ Иванѣ Антоновичѣ надобно было оставить: способности бывшаго императора-младенца угасли навсегда и нельзя было думать о возведеніи его на престолъ. Все сложилось такимъ образомъ, чтобъ наслѣдникомъ Елисаветы былъ Петръ Ѳеодоровичъ. Онъ былъ тутъ, у ея изголовья, плакалъ и не отходилъ отъ нея ни на шагъ до самой смерти ея. Передавая ему царство, она просила только по-

¹⁾ Sherer, VI, 175.

заботиться о маленькомъ сынѣ его, Павлѣ, но это напоминаніе не было вызвано намѣренною невнимательностію Петра Федоровича къ сыну: Петръ Федоровичъ, читаемъ мы у Штелина, взявъ, напримеръ, разъ Павла, поцѣловалъ его и сказалъ, что изъ него выйдетъ добрый малый. Онъ присутствовалъ на экзаменѣ, сдѣланномъ маленькому Павлу его воспитателемъ Панинымъ. И вообще, если не какъ внимательный отецъ, то какъ добрый человекъ, онъ былъ расположенъ въ сыну.

Супруга Петра Федоровича.

Однажды въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія къ герцогинѣ Брауншвейгской пріѣхала погостить принцесса Іоанна Луиза Ангальтъ-Цербстская съ дочерью. У герцогини собралось нѣсколько духовныхъ. Между ними былъ каноникъ изъ рода Менгеновъ. Онъ извѣстенъ былъ умѣньемъ предсказывать будущее. Мать бывшей тутъ же принцессы Маріанны Бевернской просила сказать судьбу ея дочери, не ждетъ ли ее въ будущемъ корона? Каноникъ отказался сказать что либо о Маріаннѣ, но за то, обратясь къ матери подруги ея, принцессѣ Ангальтъ-Цербстской, сказалъ: „на лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мѣрѣ три“¹⁾. Принцесса приняла это за шутку. Въ самомъ дѣлѣ, все мало обѣщало, чтобы маленькая Софія Августа или, какъ мать звала ее уменьшительнымъ именемъ, Фика — когда нибудь взойшла на престолъ. Отецъ ея, принцъ Ангальтъ-Цербстскаго дома (Цербстъ — онемеченный славянскій городъ Сербскъ), былъ генераломъ въ прусской службѣ и въ то время, когда родилась Софія, занималъ мѣсто штетинскаго губернатора.

Софія родилась 2 мая (21 апрѣля) 1729 г. Когда ей былъ пятый годъ, отецъ ея вступилъ въ управленіе Ангальтъ-Цербстомъ. Но и въ это время, когда Софія воспитывалась у француженки, гувернантки Гардель, ничто не заставляло предполагать какая участь

1) Осьмнадцатый Вѣкъ, I, 6 - 7.

ждеть ее. Матери ея при рожденіи Софіи было всего 16 лѣтъ. Сверстница и любимица Фридриха II, одаренная живыми способностями, знавшая Корнеля и Расина наизусть, мать Софіи не могла назваться въ принятомъ смыслѣ доброю матерью. Она была вспыльчива, капризна, нерѣдко рѣзка въ обращеніи съ дочерью и даже была ее, когда та была уже далеко немаленькою. Замѣтивъ, по ея мнѣнію, въ маленькой Фигѣ гордость, мать нарочно заставляла ее играть съ дѣтьми простыхъ штетинскихъ горожанъ. Иоанна Луиза не могла приобрѣсти любви дочери.

Мы уже говорили о пріѣздѣ 10 лѣтней Софіи Августы въ 1739 г. въ Эйтенъ; тамъ она увидала 12 лѣтняго, дичившагося общества, троюроднаго брата своего принца Петра Фридриха. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того она посѣтила, какъ мы видѣли, Брауншвейгъ.

Почему именно каноникъ Менгденъ предрекаетъ Софіи три короны? Семейство Менгденовъ не утратило всего значенія при русскомъ дворѣ съ паденіемъ Анны Леопольдовны. Между фрейлинами Елисаветы была одна Менгденъ. Не получилъ ли каноникъ Менгденъ извѣстій изъ Петербурга, что имп. Елисавета Петровна была не прочь увидѣть невѣстою своего наслѣдника престола дочь сестры своего прежняго жениха? Мать Софіи была родная сестра принцу Любскому, покойному жениху Елисаветы Петровны. Елисавета сохранила нѣжную память о своемъ женихѣ; она не могла не знать, что у сестры его Иоанны Луизы есть дочь. Императрицѣ надобно было женить своего наслѣдника престола и очень вѣроятно, что ей приходила мысль о молодой принцессѣ Ангальтъ-Цербстской. Если Менгдены въ Петербургѣ дали знать объ этомъ канонику Менгдену, то тому не трудно было предсказать Софіи Августѣ короны московскую, казанскую и астраханскую. Екатерина II — бывшая принцесса Софія Августа — припоминая о предсказаніи, бывшемъ ей въ ранней молодости, относить его къ тому времени, когда уже шла рѣчь о невѣстѣ для наслѣдника императрицы Елисаветы.

О вступленіи Софіи Августы въ бракъ съ наслѣдникомъ русскаго престола хлопоталъ еще Фридрихъ II. Фридрихъ говорилъ въ своихъ запискахъ, что это было съ его стороны дѣломъ так-

тики и государственной предусмотрительности ¹⁾). Пруссія должна была, по его словамъ, опасаться русскихъ варваровъ и обезпечить себѣ ихъ расположеніе. Фридрихъ особенно боялся казаковъ и татаръ, грабившихъ занятія ими мѣстности. Пруссія, въ случаѣ войны съ Россією, могла понести большой убытокъ, не будучи въ состояніи по обширности и малонаселенности Россіи отплатить ей тѣмъ же, особенно не имѣя флота для похода на Петербургъ. Фридрихъ предсказывалъ, что и будущіе короли прусскіе должны будутъ обезпечивать себѣ союзъ съ Россією.

Фридрихъ хотѣлъ обезпечить себѣ добрыя отношенія къ Россіи. Но какъ было это сдѣлать? Онъ рѣшился достигнуть цѣли посредствомъ брака: выдать за наслѣдника русскаго престола принцессу, доброжелательную Пруссіи. Отдать одну изъ своихъ родственницъ онъ не хотѣлъ. Онъ остановился выборомъ на дочери своей пріятельницы. Король рассчитывалъ, что принцесса Ангальтъ-Цербстская, воспитанная въ Пруссіи, уже изъ одного чувства благодарности будетъ доброжелательна къ ней. Фридрихъ II не совсѣмъ ошибся въ расчетѣ: если бы не хлопоты его о бракѣ Софіи Августы, Пруссія по всей вѣроятности не получила бы обширной и лучшей части Польши.

Король прусскій даетъ порученіе своему посланнику въ Петербургъ, Мардефельду, хлопотать о бракѣ между великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ и принцессою Ангальтъ-Цербстскою. Хлопоты идутъ успѣшно, потому что императрица Елисавета имѣла, какъ мы уже видѣли, поводъ склоняться въ пользу принцессы. Елисавета посылаетъ письмо къ матери Софіи Августы съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ. Письма не ожидали; маленькій городокъ Ангальтъ-Цербстъ пришелъ въ волненіе отъ удивленія по поводу присылки русскою эстафеты. Черезъ нѣсколько времени мать Софіи Августы получаетъ письмо отъ Фридриха II. Тотъ пишетъ ей, что уже и деньги асигнованы русскимъ дворомъ на поѣздку принцессы въ Петербургъ: принцесса-мать должна была получить 10,000 рублей на переѣздъ въ Петербургъ и затѣмъ

¹⁾ Осьмнадцатый вѣкъ, I, 10.

1000 червонцевъ въ Петербургѣ на поѣздку въ Москву. Тонъ письма и то что деньги были въ прусской конторѣ въ Петербургѣ — все могло заставить думать, что деньги на поѣздку давалъ самъ Фридрихъ, и дѣйствительно нѣкоторые авторы полагаютъ, что принцесса ѣхала на деньги, занятія у прусскаго короля. Фридрихъ совѣтовалъ не говорить ничего о поѣздкѣ отку принцессы Софіи, а ѣхать сначала какъ бы въ Штетинъ и затѣмъ оттуда моремъ въ Петербургъ. Фридрихъ полагалъ, что отецъ Софіи, какъ равностный протестантъ, не захочетъ, чтобы дочь его перемѣнила вѣру и такимъ образомъ помѣшаетъ выполненію плановъ короля. Но супруга принца отвѣчала, что она не можетъ не посвятить мужа въ тайну. Впрочемъ опасенія на счетъ принца были напрасны, онъ далъ согласіе на поѣздку. Принцесса мать просила короля о паспортѣ на имя графини Рейнбушъ, для проѣзда чрезъ его владѣнія.

Принцесса Софія съ матерью и дѣвницею Шенкъ отправились въ Россію. Въ Ригѣ ихъ встрѣтили съ пушечными выстрѣлами. Такъ какъ дворъ былъ въ Москвѣ, то принцесса съ матерью пробыли въ Петербургѣ только три дня. При нихъ назначено было состоять четыремъ фрейлинамъ, въ томъ числѣ и фрейлинѣ Менгенъ; имъ показывали главные улицы города. Изъ Москвы на встрѣчу имъ посланъ былъ камергеръ Нарышкинъ. Въ Москвѣ императрица встрѣтила ихъ ласково; но вскорѣ эгоистической и мелочной характеръ принцессы-матери оттолкнулъ отъ нея императрицу. Пробѣжавъ почти босикомъ по полу за книгою въ такомъ сыромъ и нездоровомъ дворцѣ, каковъ былъ кремлевскій, 15 лѣтняя Софія Августа опасно заболѣла. Мать ея уронила себя въ глазахъ Елисаветы Петровны и тѣмъ, что просила призвать къ находившейся въ опасности дочери протестантскаго духовника, когда та готовилась быть приобщенною къ православному вѣроисповѣданію. Напротивъ, Софія Августа просила прислать къ ней православнаго духовника Симеона Тодорскаго. Елисаветѣ было это по душѣ. Елисавета оказывала расположеніе къ молодой принцессѣ съ самаго ея пріѣзда.

Ей, какъ и матери ея, данъ былъ вскорѣ по прибытіи ихъ въ Москву орденъ Екатерины. Елисавета не долго колебалась выбо-

рошь ея въ невѣсты своему наслѣднику. Во время болѣзни Елисавета сама заботливо ходила за ней. Въ то время какъ мать Софіи Августы бранила больную за вырывавшіяся у нея стоны, Елисавета заботилась о необходимыхъ кровопусканіяхъ и уходѣ за больной. Даже самое спасеніе больной применялось Елисаветѣ: по настоянію ея Софіи Августѣ 16 разъ пускали кровь, иногда по четыре раза въ сутки. Елисавета не разъ плакала надъ бывшею въ опасности принцессою. Наконецъ она поправилась. 28 іюня 1744 г. былъ сговоръ между приобщенною къ православію принцессою Софією Августою — топеръ Екатериною Алексѣевною, и великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ. При приобщеніи къ православію, Екатерина довольно бойко прочла по русски символъ вѣры, къ радости Елисаветы. Екатерина предъ тѣмъ по ночамъ твердила уроки своего учителя русскаго языка, Ададурова, и послѣ Елисавета, говоря съ ней по русски, хвалила ея выговоръ. Впрочемъ письма, посылавшіяся Екатериною къ Елисаветѣ въ Хотилово, хотя писались рукою Екатерины, были сочиненія Ададурова.

По объявленіи женихомъ, Петръ Федоровичъ заболѣлъ оспою. Но хотя болѣзнь оставила на немъ страшные слѣды, Екатерина по выздоровленіи встрѣтила жениха выраженіями неизмѣнливой привязанности. Была ли это маска? Можно сказать только одно, что Екатерина вступала въ бракъ по расчету. Со стороны Петра Федоровича было также болѣе откровенности, чѣмъ любви. Ему больше всего нравилось, какъ признавался онъ невѣстѣ, то что она ему кузина и что по этому онъ открыто можетъ говорить съ ней о своихъ сердечныхъ привязанностяхъ ¹⁾. Онъ ей говорилъ наприимѣръ о своей любви къ Лопухиной, и Екатерина такъ себя поставила, что была повѣреннымъ жениха, и послѣ мужа, и отчасти даже его менторомъ. Пятнадцать дней послѣ брака Петръ признавался Екатеринѣ въ своей любви къ m^{le} Карръ. Самый бракъ былъ совершенъ ранѣе, чѣмъ слѣдовало по совѣту врачей: доктора находили, что послѣ такой болѣзни, какою перенесъ Петръ Федоровичъ, бракъ долженъ былъ послѣдовать не ранѣе какъ годъ

¹⁾ Catherine II, 10.

свуста по излеченіи. Впослѣдствіи вниманіе Петра Ѳедоровича привлекла м-ше Виронъ, дочь жившаго въ сѣнлѣ герцога курляндскаго. Горбатая и маленькая ростомъ, но съ хорошенькими глазами, умица и нитригантѣа, молодая Виронъ, нелюбимая дочь въ семействѣ, жаловалась императрицѣ Елисаветѣ на притѣсненія отъ отца и матери за желаніе перейти въ православную вѣру. Елисавета приняла ее подъ свое покровительство, взяла ее во дворъ и была ея восприимницею. Петръ Ѳедоровичъ, не любившій русскаго языка и вообще русскіихъ привычекъ, былъ въ восхищеніи оттого, что могъ съ молодою Виронъ говорить исключительно по нѣмецки. Екатерина знала о всѣхъ подобныхъ привязанностяхъ сунруга. Она была холодною наблюдательницею всего этого. Одна утѣха Екатерины въ брачной жизни были—книги. Еще въ Гамбургѣ Гилленбургъ говорилъ матери ея, что Софія Августа была очень развита для своего возраста. Послѣ, въ Петербургѣ, тотъ же Гилленбургъ совѣтовалъ Екатерину больше читать, указывалъ ей на „Жизнеописанія“ Плутарха, на „Жизнь Цицерона“, „Причины возвышенія и паденія римской республики“ Монтескье. Эти книги съ трудомъ нашлись въ Петербургѣ. Прочитавъ сочиненіе Екатерины „Портретъ философа въ 15 лѣтъ“ Гилленбургъ прибавилъ къ нему 12 страницъ своихъ примѣчаній. Это произведеніе ранней молодости Екатерины было сожжено ею вмѣстѣ съ прочими ея бумагами 1758 г., когда она имѣла основаніе опасаться своихъ аргусовъ. До чего была сильна жажда знанія въ Екатерину видно изъ того, что она читала томъ за томомъ гравадный французскій словарь Бейля, по одному тому въ полгода. Уже въ это время начинаютъ являться въ головѣ Екатерины вопросы изъ области общесравнительнаго языкознанія. Они заставляютъ ее обратиться за помощію къ пастору англійской факторіи, Дюмареску. Чтеніе „Лѣтописей“ Тацита произвело, по признанію Екатерины, поворотъ идей въ головѣ ея. Словомъ, она учится, и учится прилежно. Съ особеннымъ стараніемъ изучаетъ она Россію и бытъ ея. Для этого она сближается и бесѣдуетъ съ канцлеромъ Вестужевнимъ, человекомъ лживымъ, министромъ подкупнымъ до такой степени, по выраженію Фридриха II, что онъ продалъ бы императрицу Елисавету, если бы кто могъ заплатить ему за

нее достаточную сумму, но видѣтъ умнымъ, много знавшимъ и весьма образованнымъ человекомъ по своему времени. Если бы Екатерина наизбранно готовилась къ дѣлу правленія, она не могла бы съ большею пользою проводить свое время. Но какъ знать! — она можетъ быть дѣйствительно готовилась. Она сама признавалась, что еще не вида Елисаветы и Петра Фёдоровича, на дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ ее ожидала неизвѣстная будущность, она ощущала какое-то предчувствіе, что ей быть самодержавною императрицею среди этой необозримой гладкой равнины, по которой катился ея экипажъ ¹⁾. Это предчувствіе не оставляло ее и послѣ. Обстановка, которую она встрѣтила, могла только усилить въ ней вѣру въ будущее. „Предсказаніе Менгдена сбывается,“ сказала мать Екатерины въ Петербургѣ: День за днемъ убѣждалъ дочь; что оно можетъ сбыться съ большею полнотою, чѣмъ предполагали.

При тонкомъ, проницательномъ умѣ, Екатерина насъвозъ видѣла всѣ слабыя стороны, всю пустоту окружавшаго ее міра. Съ самага начала она дѣйствуетъ искусно, лавируетъ. Религіозная Елисавета Петровна проситъ ее поостыться и вторую недѣлю поста; Екатерина проситъ, чтобъ ей дозволено было поститься весь постъ, хотя это послѣ стоитъ ей упрековъ со стороны Петра Фёдоровича. Мы видѣли какъ 15 лѣтній философъ, будучи почти при смерти, угождаетъ Елисаветѣ просьбою о присылкѣ православнаго духовника. Императрица была высокаго мнѣнія о своихъ наружныхъ достоинствахъ. Мы видѣли, что она была красавица и на маскарадахъ, гдѣ дамы одѣвались мужчинами и мужчины дамами, стройный станъ и вообще прекрасное сложеніе Елисаветы не могли не обращать на себя вниманія. Послѣ одного изъ танцевъ — Елисавета была одною изъ лучшихъ танцорокъ въ свое время — Екатерина подошла къ ней и сказала, что если бы императрица была мужчиною, то она первая влюбилась бы въ нее. На комплиментъ отвѣчали комплиментомъ. Елисавета сказала, что если бы она была мужчиною, то отдала бы яблоко первенства Екатеринѣ. Привезшая съ собою ко двору, гдѣ платья мѣнялись три раза въ день,

¹⁾ La Cour... 166; Catherine II, 47.

всего дважину рубашекъ и 3—4 платья, Екатерина понимала, что ей надобно привлечь свѣжестью первой молодости и простотою въ одеждѣ. Разъ Елисавета видитъ ее явившуюся на балъ въ простомъ бѣломъ платьѣ. Ленты и цвѣтокъ составляли все украшеніе ея. Такой уборъ наследницы престола на балу у императрицы, оставившей послѣ смерти 15,000 платьевъ (8000 еще сгорѣло передъ тѣмъ въ пожаръ, бывшій во дворцѣ), нѣсколько тысячъ шаръ баннаковъ и два сундука шелковыхъ чулокъ и лентъ — не могъ не обратить на себя общаго вниманія. Елисавета замгла, что такой нарядъ идетъ къ Екатеринѣ. Но какъ же можно, чтобы на лицѣ Екатерины не было ни одной мушки? Елисавета вынимаетъ изъ кармана коробку съ мушками и сама налѣпляетъ одну на лице Екатерины. Вообще Елисавета заботилась о наружности Екатерины. Въ первое время своей жизни въ Россіи, Екатерина не бѣлилась и не румянилась; она была замѣтное исключеніе въ русскомъ дамскомъ обществѣ, гдѣ бѣлила и румяны были во всеобщемъ употребленіи. Впослѣдствіи, когда Екатеринѣ — уже императрицѣ — при приѣмахъ надобно было цѣловать дамъ и затѣмъ постоянно выходить въ другую комнату, чтобы смывать съ себя приставшія бѣлила и румяны, — она сама уже бѣлилась и румянилась. Если, по словамъ иностранцевъ, въ концѣ царствованія Екатерины, нанятая прислугу, спрашивали: хочетъ ли она жить съ хозяйскими бѣлилами и румянами, или безъ нихъ, то и при Елисаветѣ Петровнѣ естественный цвѣтъ лица въ женскомъ обществѣ былъ такъ рѣдокъ, что прихѣръ Екатерины бросался въ глаза. Елисавета послала ей коробку съ бѣлилами и румянами. Это было проявленіе той же заботливости, съ какою Елисавета пеклась о сведеніи съ лица Екатерины загара смѣсью лимона, личнаго бѣлика и французской воды. Составъ, рекомендованный императрицею, былъ такое вѣрное средство, что Екатерина впослѣдствіи сама рекомендовала его другимъ, какъ отъ загара, такъ и отъ лишасень.

Медякъ императрицы Бюргаве далъ Екатеринѣ противъ угрей на лицѣ масло Фальке, капля котораго разводилась въ чашкѣ воды, и этою водою Екатерина должна была тереть лице разъ въ недѣлю; угри сошли.

Не въ этомъ одномъ только Елисавета заботилась о Екатери-

нѣ. Она не желала, чтобы Екатерина ѣздила верхомъ на лошади по мужски, на томъ основаніи, что это могло помѣшать Екатерину сдѣлаться матерью. Елисавета очень желала видѣть скоро потомка отъ Екатерины. Екатерина приобрѣла себѣ складное сѣдло, изъ женскаго мѣгшее превращаться въ мужское, и, если не была за глазами тетки-императрицы, сѣдла на лошади какъ лихой наѣздникъ. Впрочемъ не Екатерина была виновата, если она не сдѣлалась матерью такъ скоро, какъ того хотѣли. Она чувствовала первые признаки беременности, когда дворъ собирался въ Москву. Довольно припомнить, чѣмъ были при Елисаветѣ эти нереѣдны двора въ Москву. Тысячи двухъ сотъ лошадей на императорской конюшнѣ было очень мало, чтобы отвезти всѣхъ, ѣхавшихъ со дворомъ. На дорогу собирали до 19,000 лошадей. По полицейскимъ отчетамъ иногда до 80,000 народа уѣзжало въ Москву со дворомъ. Петербургъ положительно пустѣлъ; ни одной кареты не было видно на его улицахъ и даже улицы заросли травой. Царская мебель везлась также въ Москву. Елисавета ѣхала въ огромномъ возкѣ, запряженномъ 12 лошадьми. Возокъ отапливался печью; въ немъ были поставлены столы для карточной игры. Во весь опоръ шло императорскій поѣздъ; за нимъ скакали лошади на смѣну. Лошади, собранныя иногда за мѣсяцъ до путешествія, быстро занюхались на станціяхъ и опять среди рядовъ зажженныхъ плетокъ шло вереница экипажей далѣе. Весь путь изъ Петербурга въ Москву совершался иногда въ 48 часовъ. Екатерину, чувствовавшую признаки беременности, растрясло и надежда сдѣлаться матерью для нея исчезла; деревянный дворецъ, куда пріѣхалъ дворъ, располагалъ къ нездоровью, былъ сыръ и вода просачивалась чрезъ стѣны его. Елисавета не любила жить въ домахъ болѣе чѣмъ въ одинъ этажъ; ей памятенъ еще былъ случай во дворцѣ, когда обрушившійся второй этажъ сдѣлался причиною многихъ несчастій, такъ что А. Г. Разумовскій хотѣлъ даже застрѣлиться. Когда императрица задумалось ѣхать въ Москву и не было дворца, гдѣ бы она хотѣла остановиться — въ нездоровомъ кремлевскомъ она, подобно Елизаветѣ, сильно захворала — то въ Москву отправили тысячи корабельныхъ плотниковъ и они въ 24 часа, ночью, работая съ факелами, выстроили обширный одноэтажный домъ для помѣщенія двора. Такой

выстроенный болѣе чѣмъ на скорую руку дворецъ былъ очевидно очень незавиднымъ помѣщеніемъ въ сырую и ненастную погоду. Наконецъ, желаніе Елисаветы готово исполниться; Екатерина забеременила Павломъ. Кто знаетъ, что съ глазъ будущей родильницы нужно удалить все что можетъ встревожить ее, непріятно поѣдѣть на ея нервы? Какъ же берегли нервы Екатерины? Въ это время аргусомъ ея и Петра Федоровича былъ, вмѣсто покойнаго Чеглокова, Александръ Шуваловъ. Екатерина обладала умѣньемъ смягчать всѣхъ церберовъ, съ которыми приходила въ столкновение. Старикъ Чеглоковъ предъ смертію влюбился въ нее и Александръ Шуваловъ, бывший прежде начальникомъ тайной канцеляріи, могъ быть въ ея обществѣ естественно только обходительнымъ кавалеромъ. Но Екатерина справедливо замѣчаетъ, что такого человѣка едва ли слѣдовало постоянно держать на глазахъ родильницы. Правый глазъ Александра Шувалова постоянно моргалъ; вся правая часть лица его отъ глазъ до подбородка была всегда въ судорожно нервномъ состояніи въ минуты душевныхъ движеній. Это былъ слѣдъ, оставленный на лицѣ Шувалова прежнею должностію. Всѣ три брата Шуваловы, по выраженію Екатерины, были трусы, а для того, чтобы переносить безъ содраганія зрѣлища пытокъ въ тайной канцеляріи надобно было обладать большою храбростію и каменнымъ сердцемъ. Родился Павелъ и въ то время, когда Екатерина лежала почти безъ попеченія и ухода, Елисавета взяла ея маленькаго и унесла къ себѣ въ жарко натопленныя комнаты, подъ присмотръ мамушекъ и нянюшекъ. Екатерина съ тѣхъ поръ рѣдко видѣла его. Вообще въ это время между нею и императрицею были частыя разлады.

Какой тактикѣ ни была Екатерина, она часто не могла поддерживать согласія: Елисавета была нерѣдко слишкомъ взыскательна. Если Екатерина не довольно низко кланялась, то Елисавета спрашивала не болитъ ли у нея шея. Разъ Екатерина получила выговоръ за то, что сдѣлала долгъ въ 2,000 рублей. Когда Екатерина плакала, получивъ извѣстіе о смерти отца, то Чеглокова — органъ Елисаветы — замѣтила, что отецъ ея не былъ король, чтобы о немъ слѣдовало плакать цѣлую недѣлю. Впрочемъ сущность разлада между

императрицею и Екатериною состояла въ томъ, что Елисавета была недовольна своимъ племянникомъ и наслѣдникомъ престола.

Она не была довольна Петромъ Ѳедоровичемъ главнымъ образомъ за то, что тотъ не сближался съ Шуваловыми. Мы видѣли другую причину недовольства ея имъ: онъ не былъ расположенъ ни къ чему русскому. Елисавета не любила ничего голштинскаго, а Петръ Ѳедоровичъ вызвалъ въ Россію отряды голштинцевъ; — „сколько ихъ — говорили русскіе, смотрѣвшіе на вступающихъ голштинцевъ — столько измѣнниковъ, продавшихся прусскому королю.“ Елисавета не терпѣла запаха табаку столько же сколько чесночнаго; Петръ Ѳедоровичъ не терпѣлъ прежде запаха табаку, но послѣ научился курить у лейтенанта Цвейфеля и курилъ много, а въ царствованіе его куреніе табаку, прежде, почти неизвѣстное при дворѣ, распространилось между всѣми придворными, и даже никогда не курившій канцлеръ Воронцовъ показывалъ, что съ удовольствіемъ курить.

Все это большею частію были мелочи, но онъ все болѣе проводилъ рознь между императрицею и ея наслѣдникомъ. За наслѣдника терпѣла отъ холодности императрицы и супруга его.

Елисавета хотѣла видѣть Петра Ѳедоровича отцемъ, но ожиданія ея долго не сбывались. Придворный хирургъ Боергаве нашелъ необходимымъ сдѣлать великому князю операцію ¹⁾ и произвелъ ее вполне удачно, за что и получилъ отъ императрицы богатый алмазный перстень. Но и рожденіе сына не прибавило много Петру Ѳедоровичу въ милостяхъ императрицы.

Одно время положеніе Екатерины при дворѣ сдѣлалось столь тягоснымъ, что она чрезъ духовника своего Дубенскаго просила императрицу дозволить ей уѣхать къ матери за границу. Петръ Ѳедоровичъ въ присутствіи императрицы соглашался исполнить это желаніе, но Елисавета не желала отпустить Екатерину и уговорила ее остаться ²⁾.

Нельзя не обратить вниманія на то, что такая умная женщина,

¹⁾ Castéra, I, 169.

²⁾ Catherine II, 340.

какъ Екатерина, умѣвшая съ такимъ тактомъ обращаться съ окружающими ея, не могла до конца поставить себя въ лучшія отношенія къ супругу. Правда, она заправляла дѣлами Голитини; Петръ Ѳедоровичъ высоко цѣнилъ ея ученость и въ затруднительныхъ случаяхъ говорилъ, что если онъ чего не знаетъ, то Екатерина за то знаетъ все. Онъ называлъ ее m-me la Ressource. Но помогая супругу въ одномъ отношеніи, Екатерина не оказывала ему той нравственной помощи и поддержки, къ которой была такъ способна она, но которую вызвать могла только привязанность. Петръ былъ очень открытъ вліяніямъ вѣшной обстановки. Добрый, простой, откровенный, не лишешный остроумія, онъ былъ тѣмъ человекомъ какимъ дѣлала его окружающая среда. Онъ говорилъ напр., что „при Верни стыдно было бы дѣлать глупости.“ Если бы Екатерина поддерживала его среди окружавшей ихъ пустой и безвѣстной обстановки, то принесла бы ему много добра. Но во первыхъ самое положеніе ея при дворѣ не совсѣмъ способствовало упроченію вліянія ея на мужа: многіе смотрѣли на введеніе въ кругъ царской семьи дочери бывшаго штетинскаго губернатора, какъ на милость, оказанную Екатеринѣ. И къ сожалѣнію Петръ Ѳедоровичъ самъ по видимому раздѣлялъ этотъ взглядъ. Онъ начинаетъ съ того, что дѣлаетъ Екатерину повѣрленною своимъ сердечныхъ тайнъ, но и этой роли Екатерина не удерживаетъ за собою послѣ. Она равнодушно смотритъ на увлеченія супруга; равнодушнѣе даже имп. Елисаветы, которая напр. зло подсмѣивалась надъ нравившеюся Петру Ѳедоровичу некрасивою фрейлиною Полянскою. Но и это не упрочиваетъ семейнаго авторитета Екатерины. Интересы супруговъ раздѣляются. Петръ и Екатерина при жизни Елисаветы живутъ близко другъ отъ друга въ своемъ довольно тѣсномъ помѣщеніи, но міръ одного не имѣетъ ничего общаго съ міромъ другой. Положеніе обоихъ одинаково; оба находятся подъ извѣстнаго рода опекою. Но пока Петръ Ѳедоровичъ употребляетъ все время на обыкновенныя развлеченія и забавы, Екатерина углубляется въ книги проводить долгіе монотонные годы за наукою и въ размышленіи. Базалось сфера, въ которой жили оба, была одна и таже; но эта сфера оказывала вліяніе на Петра и не произвела никакого на Екатерину. Если въ душѣ Екатерина готовилась къ дѣлу правле-

ня, то результаты стараний ея были блестящи. Удивленный въ разговорѣ съ Екатериною ея умомъ и образованностью, прусскій посланникъ Мардефельдъ сказалъ ей по французски, что „онъ совершенный глупецъ или ей быть на престолѣ.“ — „Принимаю предсказаніе,“ отвѣчала также по французски Екатерина ¹⁾).

Полугодовое царствованіе.

Въ траурной комнатѣ дворца лежало тѣло Елисаветы и ежедневно мѣнялась кутья, стоявшая въ серебряной чашѣ у ногъ покойной. Во дворцѣ были новыя лица. Во дворецъ пробирался какой то нѣмецъ. Караульный солдатъ, узнавъ по одеждѣ иностранца, почтительно далъ ему дорогу. „Вотъ—говорить одинъ иностранный авторъ ²⁾—что значить, что у нихъ третій день царствуетъ нѣмецкій принцъ.“ Дѣйствительно нѣмцы ждали теперь себя всего на Руси. Новый императоръ Петръ III не забылъ въ Россіи, что онъ голштинскій принцъ. Если вѣрить „Запискамъ, Екатерины II, то онъ говорилъ, что ни Россія не создана для него, ни онъ для нея, и что ему погибнуть въ ней ³⁾. Есть основаніе многое принимать въ „Запискахъ“ Екатерины съ осторожностію; ихъ начертывала рука недружеская Петру III. Тѣмъ не менѣе всё замѣчали, что сердце Петра лежитъ болѣе къ маленькой Голштиніи, чѣмъ къ большой Россіи. Съ Голштиніею Петръ свылся; она сдѣлала его чѣмъ онъ былъ; среди однообразной придворной жизни въ Петербургѣ онъ не ознакомился съ Россіей. Хотѣли отъ человека, котораго сначала воспитывали въ греческой религіи, потомъ въ протестанствѣ, потомъ опять въ греческой религіи, требовать строгаго слѣдованія обрядовой странѣ православія. Ожидали, что принцъ, выросшій въ нѣмецкой землѣ, котораго одно время заставляли видѣть отечество въ Швеціи, другое—въ Россіи, сроднится, среди окружавшихъ его нѣмцевъ, съ Россіею и со всѣмъ русскимъ.

¹⁾ Энци. Лексиконъ, Екатерина II.

²⁾ Merkwürdigkeiten, 38.

³⁾ Catherine, II, 270.

Елисавета не терпѣла Голштиніи, голштинскихъ дѣлъ и не хотѣла ничего слышать о нихъ. Но Петръ и при жизни тетки хорошо помнилъ, что онъ голштинскій принцъ. Голштинскія дѣла вершились въ Россіи, хотя ихъ вершила болѣе вел. кн. Екатерина Алексѣевна за своего супруга. Въ послѣднее время жизни Елисаветы ее просили предложить Петру Федоровичу вознагражденіе съ тѣмъ, чтобы онъ совершенно отказался отъ Голштиніи. Пока дѣло танулось, Елисавета умерла. Канцлеръ Воронцовъ является съ проектомъ объ отказѣ отъ Голштиніи къ Петру, уже императору. Въ то время, какъ Воронцовъ объяснялъ молчавшему все время императору въ чемъ дѣло, входитъ голштинскій камергеръ послѣдняго, Брокдорфъ. „Любезный Брокдорфъ!—обращается къ нему Петръ, — представьте себѣ, что мнѣ предлагаютъ отказаться отъ моей Голштиніи! Нѣтъ, вы подумайте объ этомъ, вы выкиньте въ это“ ¹⁾! Очевидно Петру была досадна самая мысль о проевтѣ. Онъ остался русскимъ императоромъ и вмѣстѣ герцогомъ голштинскимъ. Онъ сформировалъ у себя корпусъ голштинскихъ войскъ; въ Россіи была открыта вербовка волонтеровъ въ голштинскую армію ²⁾ и Россія объявила войну Даніи за Голштинію. Петръ намѣревался отправить во главѣ 80,000 русскаго войска въ Голштинію для борьбы противъ Даніи. Уже 20,000 подъ предводительствомъ Румянцева, какъ авангардъ, были отправлены въ походъ. Десять миліоновъ рублей уже было переведено въ иностранныя банки, на расходы по экспедиціи. Впослѣдствіи, когда смерть Петра III прекратила въ началѣ эту непопулярную въ Россіи войну, русскому правительству посовѣтовали, не перевода денегъ обратно, купить на нихъ серебряныхъ и золотыхъ слитковъ, что и было сдѣлано съ выгодой для казны ³⁾.

Вступленіе Петра III на престолъ естественно прекратило войну между Россією и Пруссією. Новый императоръ, считавшій за честь носить мундиръ прусскаго генерала, немедленно предписалъ

¹⁾ Scherer, VI, 173—174.

²⁾ П. С. З., № 11, 587.

³⁾ Took, II, 320.

своей армии изъ враждебной сдѣлаться союзной Фридриху II. Петръ не только прекратилъ войну между двумя государствами и сдѣлалъ Россію союзницею Пруссіи, но даже посылалъ въ Померанію деньги и хлѣбъ въ возмездіе за разореніе страны русскими войсками въ предшествовавшіе годы. Указъ о дачѣ двойнаго жалованья кадетамъ, которые пожелають вступить въ службу на иностранныя флоты, имѣеть прямое соотношеніе съ союзомъ между Россією, Пруссією и Голштинією противъ Даніи. Во внутреннемъ управленіи новый государь предпринялъ много реформъ. Можно коротко характеризовать общее значеніе этихъ реформъ, сказавъ, что онѣ вводили въ Россію тотъ порядокъ вещей, который былъ въ Германіи. И Петръ I перестраивалъ Россію по иностранному образцу, но—какъ замѣчаетъ Фридрихъ II—Петръ III подражалъ Петру I, не имѣя его генія. Петръ I успѣлъ во многомъ; Петръ III очень рано кончилъ свое царствованіе и не успѣлъ почти ни въ чемъ.

Въ военномъ отношеніи предпринята была полная реформа по прусскому образцу. Права полковыхъ командировъ были весьма расширены и командиръ могъ называть полкъ своимъ именемъ. Мнѣихъ, кн. Трубецкой и фельдмаршалъ Разумовскій должны были взять къ себѣ на домъ молодыхъ офицеровъ, чтобы учиться у нихъ фронту по новому образцу.

Петръ III приступилъ къ составленію сборника законовъ по образцу Codex Fredericianus ¹⁾, но дѣло остановилось на первомъ же шагу. Оказалось, что можно было найти только двухъ переводчиковъ съ латинскаго языка на русскій, да и тѣ не въ состояніи были переводить по русски латинскіе терминны права. Увидѣли, что прежде нужны училища и Петръ вошелъ въ сношеніе съ высшимъ духовенствомъ о городахъ, въ которыхъ нужно было учредить эти училища.

При Петрѣ III юстицъ-коллегія наполнилась нѣмцами и вышелъ замѣчательный указъ, что въ присутственныя мѣста могутъ подаваться бумаги только на русскомъ и *нѣмецкомъ* языкахъ ²⁾,

¹⁾ Merkwürdigkeiten, 53—59.

²⁾ Laveaux, 186.

а такъ какъ до того времени всё дѣла писали на русскомъ языкѣ, то этимъ — съ соблюденіемъ осторожности въ выраженіи — вводился нѣмецкій языкъ въ русскую канцелярскую процедуру.

Императоръ предложилъ высшему духовенству обратить вниманіе, чтобы въ церквахъ не было излишка иконъ и позволить духовенству ходить въ свѣтскомъ платьѣ ¹⁾. Новгородскій архіепископъ рѣшительно воспротивился этому нововведенію и получилъ приказаніе выѣхать изъ Петербурга. Но черезъ 8 дней его возвратили, такъ какъ предположенную мѣру нельзя было привести въ исполненіе за оппозицію въ массахъ народа. Въ царствованіе Екатерины II духовные, возвратившіеся изъ-за границы, уже ходятъ безъ бородъ и въ свѣтскомъ платьѣ, и никто не видитъ въ этомъ ничего особеннаго; но они составляли исключеніе въ массѣ духовенства.

Важнѣйшими правительственными мѣрами въ царствованіе Петра III было дарованіе дворянской грамоты и отобраніе у монастырей крестьянъ. Обѣ эти мѣры были подтверждены въ царствованіе Екатерины II, но тотъ, за кѣмъ была инициатива, не выдержалъ послѣдствій, вызванныхъ этими мѣрами.

Въ Германіи не было обязательной службы для дворянства; дворянство пользовалось тамъ всѣми льготами, заповѣданными феодальными преданіями. Дарованіемъ дворянской грамоты Петръ III поставилъ русскихъ дворянъ въ положеніе германскихъ. Дворяне съ благоговѣнною благодарностью приняли неожиданную милость и хотѣли въ память этого событія вылить изъ золота статую своего благодѣтеля ²⁾, но мѣра Петра III была логична только въ томъ случаѣ, если бы и русское крестьянство поставлено было одновременно въ такое же положеніе, какъ нѣмецкое. Крѣпостное право явилось на Руси именно вслѣдствіе помѣщичьяго сословія. Помѣщикъ былъ служивый государя и съ царствованія Ивана III получалъ за службу свою землю. Потомъ нашли, что земля одна не обезпечиваетъ помѣщика, если крестьяне, пользуясь правомъ пере-

1) Saldern, 55.

2) Scherer, 125.

хода, будутъ по усмотрѣнію уходить въ одни мѣста и оставлять впускъ другія. Чтобы помѣщикъ всегда могъ выставить обязательное число людей въ царскую рать, нужно было, чтобы у него были люди. Правительство нашло нужнымъ прикрѣпить крестьянъ къ землѣ, чтобы каждый помѣщикъ зналъ что онъ получаетъ за службу и не могъ уклоняться отъ службы отговорками. Но прикрѣпленіе крестьянъ, начавшееся при Борисѣ, или отчасти даже раньше, и закончившееся при Алексѣѣ Михайловичѣ, было лишь прикрѣпленіемъ къ землѣ. Прикрѣпленіе къ людямъ—извѣстное въ старину подъ названіемъ кабальнаго права—вводится въ среду сельскаго сословія правительствомъ только съ тѣхъ поръ какъ помѣстья стали превращаться въ вотчины. Помѣщикъ не владѣлъ помѣстьемъ, какъ собственностью; онъ получалъ отъ правительства надѣлъ за свою службу землю, на которой жили люди. Онъ получалъ доходъ, но ни земля, ни люди не принадлежали ему. Вотчинникъ, напротивъ, былъ собственникъ. Окончательное прикрѣпленіе людей къ людямъ—крестьянъ къ помѣщикамъ—произошло въ 1714 г., когда указомъ Петра I всѣ помѣстья были превращены въ вотчины. И такъ крѣпостное право явилось въ Россіи, благодаря обязательной службѣ помѣщиковъ царю. Логика фактовъ говорила, что если обязательная служба для дворянства была отменена, то должна была послѣдовать и отмена крѣпостнаго права. Ввести нѣмецкіе порядки на половину, значило создать въ Россіи сотни тысячъ азіатскихъ пашалыковъ. Неудивительно, что вслѣдъ за обнародованіемъ дворянской грамоты, многіе ждали отъ Петра III и отмены крѣпостнаго права. Молва объ этомъ распространилась, но дворянство не было расположено лишиться своихъ правъ на крестьянъ. Если отмены крѣпостной зависимости Петромъ III ожидали, то смерть его не позволила исполнить этихъ ожиданій.

Отобраніе крестьянъ у монастырей могло считаться первымъ шагомъ къ отменѣ крѣпостной зависимости сельскаго сословія отъ частныхъ лицъ. Эта мѣра возбудила сильную оппозицію въ духовенствѣ противъ Петра III.

Толки объ освобожденіи крестьянъ, оппозицію въ духовенствѣ и нерасположеніе Петра III къ гвардіи, которой не нравились мун-

*

дыры голштинскаго образа — все это нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ послѣдующихъ событій.

Петръ III началъ свое правленіе съ милостей. Онъ возвратилъ 17,000 изъ 80,000 сосланныхъ Елисаветю. Между возвращенными были Биронъ и Минихъ. Петръ III, обходившійся съ приближенными добродушно и снисходительно, балагурявшій съ ними и собиравшій ихъ обыкновенно за большою чашею пунша, около которой лежали горы табаку и десятки трубокъ — хотѣлъ помирить Бирона съ Минихомъ. Но это было трудно сдѣлать. Биронъ, явившійся во дворецъ въ возвращенной ему андреевской лентѣ, и Минихъ, представившійся государю въ овчинномъ тулупѣ, взялись за бокалы примиренія, но какъ скоро Петръ куда-то на минуту вышелъ; они поставили бокалы на столъ и разошлись по прежнему врагами.

Полагали, что непослѣднемъ причиною возвращенія Бирону герцогства курляндскаго было то, что Петръ хотѣлъ доставить Курляндію своему дядѣ, герцогу голштинскому, прибывшему въ Петербургъ; чтобы передать права свои герцогу голштинскому, Биронъ долженъ былъ очевидно прежде самъ быть возстановленъ въ нихъ.

Въ это время дворъ дѣлился на два лагеря. Петръ и Екатерина были не въ ладахъ. Въ то время какъ всѣ мелочи въ жизни Петра III замѣчались, чтобы нерѣдко истолковывать ихъ въ невыгодную для него сторону, Екатерина вела себя чрезвычайно осторожно и хотя подъ рукою приводила задуманные планы въ исполненіе, но въ глазахъ всѣхъ была образцомъ кротости, терпѣнія и покорности. Петръ не могъ внушить придворнымъ строгой подчиненности, какъ его грозный дѣдъ. Петръ I перепивалъ на вечеринкахъ дамъ и никто не смѣлъ отказаться пить. Петръ III ввелъ при дворѣ, вмѣсто русскаго поклона всѣмъ тѣломъ, французское присѣданіе: этого было достаточно, чтобы вооружить противъ него многихъ. Старуха Бутурлина, присѣдая, чуть не упала, или хотѣла показать видъ, что падаетъ; — и въ этомъ нашли предметъ для толковъ. Много пищи для толковъ было и въ томъ, что Петръ далъ орденъ Екатерины Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой — это было первое пожалованіе екатерининскимъ орденомъ лица женскаго пола невладѣтельнаго дома. Не отличавшаяся

ся способностями, довольно рѣзкая въ обращеніи, высокая и полная, но не красивая, носившая слѣды оспы -- Елисавета Романовна не была личностью, бесѣды съ которой могли скольконибудь благопріятно дѣйствовать на Петра. Злые языки называли ее „трактирищей“. Сестра ея, Екатерина Романовна, вышедшая замужъ за князя Дашкова, была несравненно даровитѣе ея. Дашкова стала на сторонѣ Екатерины, и въ то время, какъ носились слухи объ удаленіи императрицы отъ двора и о постриженіи ея, Дашкова дѣятельно принялась за хлопоты, пока старанія партіи Екатерины не увѣнчались успѣхомъ.

Прусскій посланникъ получилъ приказаніе отъ своего короля увѣдомить Петра, что ему грозитъ опасность, но Петръ не хочетъ слышать ни о чемъ подобномъ. Были толки между приближенными Петра, что готовится что-то недоброе. Рѣбиндеръ говоритъ объ этомъ Будбергу, тотъ передаетъ императору, но Петръ не вѣритъ опасности. Между тѣмъ враждебная партія дѣйствуетъ. Пять братьевъ Орловыхъ волнуютъ и подстрекаютъ гвардію. Русской арміи не хочется отправляться въ Голштинію, а между тѣмъ война неизбѣжна. Этимъ пользуются. Духовенство недовольно; до дворянства доносятся слухи о движеніи между крестьянами. Все это средства въ рукахъ партіи враждебной Петру. Приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ положено въ концѣ іюня. Главнымъ дѣятелемъ въ драмѣ является Алексѣй Орловъ. Изъ братьевъ Орловыхъ — внуковъ стрѣльца — Алексѣй былъ, если не самый умный и образованный, то болѣе другихъ представительный и отчаянный. Съ Орловыми Екатерину познакомилъ случай. Разъ офицеръ Орловъ бросаетъ записку въ комнату камеръ-юнгферн Екатерины. Екатерина — она была тогда еще великою княгиней — читаетъ записку вмѣстѣ съ камеръ-юнгферою и интересуется видѣть автора. При свиданіи Орлова съ камеръ-юнгферою, Екатерина смотритъ изъ за занавѣса ¹⁾. Это — начало сближенія. Впослѣдствіи Екатерина приблизила къ себѣ болѣе другихъ, Григорія Орлова, самаго даровитаго изъ всѣхъ братьевъ; но Алексѣй является главнымъ по-

¹⁾ Saldern, 26.

мощникомъ ея при восшествіи на престолъ и послѣ вѣрнымъ ея слугою. Дюжій, ражій, красивый мужчина—9 пудовъ вѣса ¹⁾, Алексѣй Орловъ былъ силачъ, какихъ мало. Однимъ сабельнымъ ударомъ онъ отрубалъ голову быку. Въ Римѣ онъ, во время поѣздки за княжной Таракановой, ломалъ въ рукахъ хрусталь и желѣзо. Ему не стоило труда раздавить яблоко между двумя пальцами. Онъ поднималъ Екатерину вмѣстѣ съ коляскою, въ которой она сидѣла. При гигантской силѣ Орловъ обладалъ отчаянною смѣлостью и рѣшимостью на все. Онъ является главнымъ орудіемъ въ рукахъ Екатерины при исполненіи ея плана устранить отъ власти Петра III.

Въ лѣтнюю іюньскую ночь, когда Петръ и Екатерина были въ двухъ различныхъ загородныхъ дворцахъ, Алексѣй Орловъ поскакалъ за Екатериною. Та тотчасъ же прибыла съ нимъ въ Петербургъ. Рано утромъ былъ сборъ войскамъ и били барабаны. Гвардія сбѣгалась въ мундирахъ старой формы къ Казанскому собору. Въ народѣ говорили—кто распускалъ слухъ, неизвѣстно—что императоръ упалъ на охотѣ и убился и что императрица принимаетъ присягу какъ мать наследника ²⁾. Многіе изъ собравшихся у Казанскаго собора полагали, что Екатерина принимаетъ присягу лишь какъ регентша, но Алексѣй Орловъ неожиданно провозгласилъ присягу ей какъ императрицѣ ³⁾. Пока государственные чины, созванные во дворецъ, приносили присягу, собралось 14,000 человекъ гвардіи ⁴⁾ и во главѣ ихъ Екатерина двинулась къ Петергофу, гдѣ былъ Петръ III. У Петра было въ наличности 3 миліона рублей. Онъ могъ воспользоваться услугами Миниха, подъ начальствомъ котораго было 2000 голштинскихъ войскъ, 5000 русскихъ и 15 пушекъ. Эти войска были подъ рукою, расположены по Петергофской дорогѣ; Минихъ былъ отважный, преданный и искусный генералъ. Рѣшительный правитель отважился бы на сопротивленіе. Петръ этого не сдѣлалъ. Если бы даже онъ

¹⁾ Журналъ Коннозаводства, 1869, II, 8.

²⁾ Merkwürdigkeiten, 171—172, Saldern, 82.

³⁾ Herrmann, VII, 103.

⁴⁾ Stanislas Auguste, 26.

немедленно удалится въ Кронштадтъ, то и въ такомъ случаѣ могъ удержать престолъ, или удалиться за границу, въ Пруссію, къ стоявшей тамъ русской арміи, или къ союзнику своему Фридриху II. Но Петръ колебался, медлилъ и когда въ два часа ночи онъ подплылъ къ Кронштадту, то его не пустили туда: капитанъ Талызинъ, прибывъ прежде изъ Петербурга, уже успѣлъ склонить коменданта въ пользу Екатерины. Петръ долженъ былъ возвратиться на берегъ.

Между тѣмъ, какъ Петръ колебался въ Петербургѣ, что ему предпринять, Екатерина во главѣ гвардіи выступила къ Петергофу. Она была въ военномъ мундирѣ, на конѣ. Мундиръ, старшій гвардейскій, добытъ былъ для нея княгиней Дашковою у капитана Талызина. Сама Дашкова, ѣхавшая съ Екатериною, была въ мундирѣ лейтенанта Пушкина. Впослѣдствіи Дашкова придавала очень много значенія услугамъ, оказаннымъ ею Екатериинѣ въ этотъ день. Но, по словамъ Фридриха II, она была ничто иное, какъ муха, хлопотавшая на рогахъ вола.

Не будемъ много говорить объ исходѣ предпріятія; онъ общеизвѣстенъ. Сдавшагося Петра, Алексѣй Орловъ отвезъ въ сопровожденіи кн. Барятинскаго, Баскакова и др. въ Ропшу. Петръ совершенно упалъ духомъ, или лучше сказать, упалъ духомъ чтобы скорѣе затѣмъ примириться съ своей участью. Онъ отказался отъ престола и просилъ только, чтобы его оставили жить въ покоѣ. Онъ просилъ, чтобы ему прислали, его мопса, негра Нарцисса, скрипку, романовъ и нѣмецкую библію. Между тѣмъ Екатерина, истомленная, съ распущенными по плечамъ волосами, въ запяленномъ мундирѣ, возвратилась на своемъ сѣромъ конѣ въ Петербургъ самодержавною императрицею.

Черезъ нѣсколько дней получено было изъ Ропши извѣстіе о смерти Петра III. На другой день по полученіи Екатериною отъ Алексѣя Орлова этого извѣстія, о немъ было заявлено всенародно. Въ манифестѣ Екатерины было объявлено, что Петръ умеръ отъ геморoidalной колики. ¹⁾ Произведено было вскрытіе тѣла по-

¹⁾ П. С. З., № 11,599.

койнаго императора; Екатерина говоритъ, что сердце покойнаго оказалось очень малымъ. Черезъ нѣсколько дней указъ императрицы приглашалъ ея подданныхъ проститься съ тѣломъ Петра „безъ злопамятствія“ ¹⁾. Тѣло стояло три дня въ Невской лаврѣ. Покойный императоръ лежалъ въ небогатомъ гробѣ. Четыре свѣчи горѣли по сторонамъ гроба. Сложенныя на груди руки одѣтаго въ поношенный голштнскій мундиръ покойника были въ большихъ бѣлыхъ перчаткахъ, на которыхъ запеклась кровь (тѣло, какъ мы видѣли, было подвергнуто вскрытію). Ни блеска, ни пышности не было при погребеніи и тѣло было опущено въ убогую могилу, о которой вспомнили только 34 года спустя, когда останки Петра III были вынуты изъ могилы и вновь погребены съ царскою пышностью.

¹⁾ Тамъ же, 70.

ЕКАТЕРИНА II.

Шлиссельбургскій узникъ.

Мысль, мелькнувшая въ умъ Екатерины, когда она ѣхала въ Россію, что она будетъ здѣсь царствовать одна ¹⁾, осуществилась. Петръ III не послушался предостереженія Фридриха II сблизиться съ нею и руководиться ея совѣтами ²⁾, и теперь она царствовала одна. Но вначалѣ положеніе ея было шатко. Панинская партія настаивала на установленіи въ Россіи представительнаго правленія съ палатою несмѣняемыхъ верховною властью членовъ ³⁾. Партія Орловыхъ противодѣйствовала панинской, поддерживала самодержавіе въ его прежнихъ правахъ и одержала верхъ, хотя и не вполне достигла своихъ цѣлей; противная партія помѣшала браку Екатерины съ Г. Г. Орловымъ ⁴⁾. Панинъ, Воронцовъ и Разумовскій были противъ брака. Воронцовъ упалъ на колѣни предъ Екатериной, какъ говорятъ иные, прося ее не выходить за Орлова. Мы уже касались проекта объ этомъ бракѣ ⁵⁾. Екатерина въ душѣ по всей вѣроятности была довольна, что много сильныхъ людей въ государствѣ смотрѣли недружелюбно на планъ Орловыхъ: это давало ей возможность безъ заявленія собственнаго мнѣнія остаться

¹⁾ La Cour, 166.

²⁾ Ibid, 187.

³⁾ Chronique, II, 9—10.

⁴⁾ Ibid, 10—11. Чтенія, 1863, III смѣсь, 155—157.

⁵⁾ См. Елисавета Петровна.

свободною. Екатерина дорожила услугами Орловыхъ. Фридрихъ II говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что Екатерина была даже подъ вліяніемъ Орловыхъ въ это время. Какъ ни приготовлялась Екатерина къ дѣлу правленія, но овладѣть всѣмъ, подчинить все своему вліянію, было ей въ первые годы трудно. Екатерина съ ея понятіями, съ ея образомъ мыслей, съ ея еще недавно нѣмецкимъ прошедшимъ не могла не чувствовать себя въ первое время одинокою среди интригъ придворныхъ партій. Если дубокъ, одиноко выросшій въ Монплезири среди деревьевъ другихъ названій представлялъ, по замѣчанію Екатерины, эмблему ея царствованія ¹⁾, то это замѣчаніе всего болѣе относилось къ ея теперешнему положенію. Она была одинока среди этихъ людей и партій, стремившихся къ разнымъ, чаще личнымъ, цѣлямъ. Германія и даже собственнаго семейства теперь для нея болѣе не существовало. Она отрѣшилась отъ своего нѣмецкаго прошлаго. Мать ея, съ которой при жизни Елисаветы Петровны ей позволяли переписываться только чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ и которой, какъ заподозрѣнной въ политическихъ интригахъ, во время пребыванія ея въ Россіи, Лестоку могъ передавать нужныя записки только тайкомъ, въ поднятыхъ съ полу перчаткахъ—не задолго предъ тѣмъ умерла и Екатерина, никогда не бывшая любимою дочерью, даже не заплатила ея долговъ. О своемъ братѣ, котораго Екатерина не любила за мотовство, она также мало заботилась. Такимъ образомъ ее даже семейныя узы не соединяли съ Германіей. Она принадлежала всецѣло Россіи. Но должно было пройти еще нѣсколько времени, пока она вполне сживется съ Россією. До вступленія на престолъ она знакомилась съ Россією и русскимъ бытомъ почти только по книгамъ; ея жизнь, какъ супруги наследника престола, была полу-удвиженіе. Знакомство съ новымъ отечествомъ на дѣлѣ, въ жизни, только что началось.

Если трудно было личное положеніе Екатерины среди новой для нея обстановки, то эта трудность еще болѣе увеличивалась обстоятельствами. Вступленіе ея на престолъ сопровождалъ шумный раз-

¹⁾ Castéra, I, 357.

гуль. Вернувшись изъ Петергофа солдатамъ отворены были винныя погреба и питейные дома. Солдаты и ихъ жены сливали въ одни и тѣ же кадки водку, медъ, шампанское и уносили все къ себѣ. Какой-то пьяный гусарь сказалъ гвардейцамъ, что пруссаки хотять похитить Екатерину, и 300 солдатъ явилось къ Зимнему дворцу, объявляя, что хотять видѣть матушку-государыню ¹⁾. Дежурный офицеръ Пассекъ доложилъ, и Екатерина, измученная нѣсколькими бессонными ночами, должна была выйти и показаться солдатамъ. При вступленіи Екатерины на престолъ было волненіе между горнозаводскими и монастырскими крестьянами; 200,000 ихъ, какъ пишетъ сама Екатерина—бунтовало. Въ средѣ духовенства нельзя было не ожидать неудовольствія; илѣнія были у него отобранны по указу Петра III въ казну, а между тѣмъ ему не было опредѣлено содержанія. Чѣмъ былъ сенатъ, главное правительственное учрежденіе въ Россіи, при вступленіи на престолъ Екатерины? Онъ употреблялъ шесть недѣль на разсужденіе объ одномъ выгонѣ города Масальска ²⁾; онъ вѣрилъ въ наущеніе червей по вѣтру и осуждалъ по судебнымъ преслѣдованіямъ за такое наущеніе ³⁾; онъ не зналъ числа городовъ въ Россіи, пока Екатерина не послала купить для него атласъ Кирилова въ академической лавкѣ; онъ полагалъ сумму государственныхъ доходовъ въ 16 мил. рублей, а когда князь Вяземскій и Мельгуновъ стали считать, по желанію Екатерины, то насчитали 28 милліоновъ ⁴⁾. Одинокое положеніе Екатерины, при отчасти хаотическомъ характерѣ государственнаго управленія, который она застала, заставляло ее въ первое время искать опоры и она нашла ее въ братьяхъ Орловыхъ. Но мы исчислили еще не всѣ трудности ея положенія. Былъ въ живыхъ молодой человекъ, теперь уже слишкомъ 20 лѣтъ, въ младенчествѣ императоръ, теперь узникъ, почти лишенный тюремныхъ заключеніемъ, чуть не съ первыхъ дней дѣтства, человѣческаго пониманія, но которымъ могли воспользоваться какъ орудіемъ.

¹⁾ Stanislas Auguste, 30.

²⁾ Разсказъ Екатерины II, въ Русскомъ Архивѣ, 1865, стр. 479.

³⁾ Русскій Архивъ, 1867, стр. 1084—1085.

⁴⁾ Русскій Архивъ, 1865, стр. 481.

Имя его служило лозунгомъ. Неудовольствіе въ средѣ духовенства въ первое время царствованія Екатерины II отразилось и на духѣ гвардіи. Открытъ былъ заговоръ Хрущева и бр. Гурьевыхъ; съ ними замѣшано было 24 человекъ ¹⁾. Гурьевымъ и Хрущеву дано было на площади палачемъ по пощечинѣ и они были сосланы въ Сибирь. Гвардейскимъ солдатамъ запрещено было собираться кучками на улицахъ безъ позволенія офицеровъ ²⁾. Не смотря на эти мѣры, предъ отправленіемъ Екатерины въ лифляндское путешествіе, въ 1764 г., носился слухъ о новомъ заговорѣ.

Теперь обратимся къ участи шлиссельбургскаго узника.

Мы видѣли какъ брауншвейгское семейство было арестовано во дворцѣ. Его послали въ Шлиссельбургъ. Въ сущности Елисавета Петровна не имѣла ничего противъ Анны Леопольдовны и ея семейства. Анна Леопольдовна была довольна, что все обошлось безъ пролитія крови. Елисавета Петровна не была ни суроваго, ни жестокаго характера отъ природы. Она хотѣла удалить брауншвейгское семейство въ Германію, къ роднымъ, и съ этою цѣлью его отправили въ Ригу, чтобы затѣмъ препроводить далѣе. Мѣсяцъ продолжалась перевозка изъ Шлиссельбурга въ Ригу, перевозили человекъ за человекомъ, вещь за вещью ³⁾. Дальше Риги брауншвейгскіе однако не поѣхали; Антона-Ульриха съ супругою и со всѣмъ семействомъ, за исключеніемъ сына Ивана, бывшаго младенца-императора, послали въ Холмогоры, а Ивана въ Раянбургъ.

Полуторогодовая задержка въ Ригѣ и затѣмъ новая ссылка вмѣсто освобожденія—были слѣдствіемъ иностранной интриги. Фридрихъ II прусскій былъ близкій родственникъ брауншвейгскаго семейства, но онъ держался правила, что родственникъ тотъ, кто другъ ⁴⁾. Бранденбургскій домъ въ Берлинѣ и брауншвейгскій домъ, одно время державшій кормило правленія въ Петербургѣ, разошлись въ политическихъ стремленіяхъ и симпатіяхъ. Анна Леопольдовна и Антонъ-Ульрихъ, правившіе именемъ младенца-сына, дер-

¹⁾ Chronique, II, 19.

²⁾ Ibid. 18.

³⁾ Laveaux, II, 50.

⁴⁾ Пекарскій, стр. XIV. La Cour, 172.

жали сторону Саксоніи и Австріи, враждебно расположенныхъ къ Пруссіи. Низверженіе брауншвейгской династіи было очень выгодно для Фридриха и онъ употребилъ всѣ старанія, чтобы она не могла вновь возвратить себѣ русскій престолъ. Онъ представилъ черезъ своихъ агентовъ въ Петербургѣ какъ опасно было бы для Елисаветы Петровны отпустить брауншвейгское семейство въ Германію. А между тѣмъ, какъ онъ искусно ведетъ дѣло въ Петербургѣ, изъ Риги доходятъ до императрицы вѣсти, что Анна Леопольдовна недовольна, бранитъ приставленнаго къ ней Салтыкова, а маленькій Иванъ Антоновичъ будто бы говоритъ, что когда онъ вырастетъ, то срубитъ голову Василю Федоровичу (Салтыкову) ¹⁾. Елисавету систематически возстановляютъ противъ членовъ брауншвейгскаго семейства и наконецъ пребываніе въ Ригѣ кончается отправленіемъ снова внутрь Россіи, сначала въ Рененбургъ и потомъ въ Холмогоры ²⁾. Въ Холмогоры пріѣхалъ гвардейскій офицеръ отъ двора прямо въ церковь и объявилъ служившему преосвященному волю императрицы, чтобы архіерейскій домъ былъ немедленно очищенъ для приѣма ссыльнаго семейства. Служба прервана. Архіерей протестуетъ, что ему некуда самому переселиться, но офицеръ именемъ императрицы прекращаетъ протестъ. Все это происходитъ въ церкви во всеуслышаніе. Но чѣмъ больше было послѣ толковъ о знатныхъ ссыльныхъ, поселившихся въ архіерейскомъ домѣ, тѣмъ строже была соблюдаема тайна о нихъ. Сосланнымъ не было выхода изъ дома. Дальше ограды архіерейскаго дома они не могли сдѣлать ни шагу. Тридцать слишкомъ лѣтъ прожилъ здѣсь Антонъ Ульрихъ съ своимъ семействомъ. Анна Леопольдовна, давъ жизнь еще нѣсколькимъ дѣтямъ, умерла довольно скоро. Антонъ Ульрихъ, по видимому, сжился съ своей участью, свнся съ заключеніемъ. При Елисаветѣ незначительная сумма отпускалась на содержаніе брауншвейгскаго семейства; при Екатеринѣ финансовое положеніе его было улучшено ³⁾. На запросъ Екатерины Антону Ульриху что ему нужно, тотъ отвѣчалъ просьбою

¹⁾ Чтенія, 1861, II, смѣсь, 4.

²⁾ Castéra, I, 301.

³⁾ Полѣновъ, 8.

объ улучшеніи только его комфорта и о присылкѣ ему серебрянаго сервиза. Мебель и сервизъ были посланы въ Холмогоры. Посылалось дѣтямъ Антона Ульриха и платьѣ, приличное ихъ званию, изъ Петербурга, но не имѣвъ прежде ничего подобнаго, не видя никого и не зная никакого общества, они не знали какъ носить его ¹⁾. Не видя людей, кромѣ немногихъ окружавшихъ ихъ, они знали только садъ и дворъ дома, въ которомъ выросли. Сквозь щели въ стѣнѣ они видѣли цвѣты на лугахъ, какихъ не было у нихъ въ саду; все за стѣнами дома было для нихъ невѣдомымъ, полнымъ какого-то таинственнаго обаянія. Они и въ зрѣломъ возрастѣ оставались какъ бы дѣтьми въ обращеніи. Лишь одна принцесса Елисавета походила нѣсколько на сверстницъ въ ея возрастѣ. При однообразіи занятій и развлеченій, карточная игра была почти постояннымъ ихъ времяпрепровожденіемъ. Въ 1774 году умеръ ихъ ослабшій передъ смертью отецъ. Вскорѣ затѣмъ двѣ принцессы и принцъ были отвезены къ родственникамъ за границу.

Когда остальное семейство было отправлено въ Холмогоры, маленькаго Ивана Антоновича оставили въ Раненбургѣ. Фридрихъ II упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что маленькаго Ивана стали опасаться дурманомъ, чтобы сдѣлать идиотомъ ²⁾. У Кастеры сохранилось извѣстіе, что Ивана похитилъ въ Раненбургѣ монахъ, чтобы отвезти въ Германію, но былъ схваченъ въ Смоленскѣ и затѣмъ отправленъ въ монастырь близъ Валдая ³⁾. Если дѣйствительно было нѣчто подобное, то быть можетъ и тутъ нужно видѣть руку Фридриха II, губившаго опаснаго ему ребенка изъ политическихъ видовъ. Чѣмъ болѣе можно было застрашать Елисавету, какъ не указаніемъ на попытку увезти Ивана въ Германію? Въ Петербургѣ англійскій посланникъ Вильямсъ—въ то время англійскіе интересы были общіе съ прусскими—представлялъ Елисаветѣ, что Фридрихъ II можетъ двинуть войско въ Россію, чтобы возвести на престолъ Ивана Антоновича. Не угадывая куда

¹⁾ Тамъ же, 12—13.

²⁾ La Cour, 172.

³⁾ Castéra, I, 301—302.

клонилось это заявленіе, Елисавета объявила, что если Фридрихъ рѣшится на такую попытку, то Иванъ будетъ немедленно обезглавленъ. Около этого же времени, нѣмецъ, везшій за-границу рубль съ изображеніемъ императора Ивана, былъ остановленъ и сосланъ въ Сибирь ¹⁾.

Затѣмъ Ивана Антоновича послали также въ Холмогоры, гдѣ были его родные; но его велѣно было содержать совершенно отдѣльно, въ особомъ помѣщеніи и никто изъ своихъ не долженъ былъ его видѣть. Приставленный къ нему офицеръ Миллеръ долженъ былъ называть его Григоріемъ ²⁾. Почему именно Григоріемъ? Не имѣли ли въ виду сопоставленіе бывшаго младенца-императора съ Гришкой Отрепьевымъ. При степени тогдашняго знакомства съ русской исторіей, это предположить возможно. Миллеру приказано было называть себя отцомъ ребенка. Говорятъ, Миллеръ, вопреки приказанію, тайно научилъ Ивана Антоновича грамотѣ ³⁾. По другимъ извѣстіямъ ⁴⁾ Ивану Антоновичу было открыто о его происхожденіи караульнымъ солдатомъ, когда Ивану было 12 лѣтъ отъ роду. Молодого узника содержали въ совершенномъ одиночествѣ. Чертежъ комнатъ, въ которыхъ жилъ онъ, былъ посланъ въ Петербургъ, чтобы тамъ могли точнѣе судить какъ онъ содержался. Даже жена Миллера не имѣла позволенія видѣть ребенка ⁵⁾. Когда въ Холмогорахъ открылись въ 1748 г. оспа и корь, то въ Петербургъ пошелъ запросъ, допускать ли къ заключенному лекаря и священника, если бы въ нихъ была надобность ⁶⁾. Когда Ивана отправляли въ Холмогоры, его назначеніемъ былъ Соловецкій монастырь ⁷⁾; но изъ Холмогоръ его отправили въ шлисельбургскую крѣпость. По словамъ голландскаго посланника Сварта въ 1757 г. Иванъ былъ привезенъ по желанію Елисаветы въ

¹⁾ Merkwürdigkeiten, 27—28.

²⁾ Чтенія, 1861, II, смѣсь, 10.

³⁾ Castéra, II, 79.

⁴⁾ Saldern, 13—14.

⁵⁾ Чтенія, 1861, II, смѣсь, 30.

⁶⁾ Тамъ же, 25.

⁷⁾ Тамъ же, 10.

Петербургъ ¹⁾. Это было сдѣлано подъ секретомъ. Его помѣстили въ домъ Петра Шувалова, прилично одѣли и императрица видѣла его два раза, но такъ, что онъ не зналъ кого видитъ предъ собою. Иванъ былъ теперь 17 лѣтнимъ юношею, съ бѣлокурою вьющимися прекрасными волосами, большими голубыми глазами и орлинымъ носомъ ²⁾. Необыкновенная бѣлизна его лица говорила о томъ, что мало солнечнаго свѣта падало на него въ душномъ заключеніи. Голосъ его былъ приятенъ и мелодиченъ, но онъ сильно заикался. Последнее могло быть слѣдствіемъ полного уединенія, въ которомъ почти не съ кѣмъ было говорить; но вообще косноязычность была наслѣдственнымъ недостаткомъ въ брауншвейгскомъ семействѣ. Появленіе Ивана Антоновича въ Петербургѣ совпадало съ окончательнымъ разрывомъ между Елисаветою и Фридрихомъ II и съ началомъ семилѣтней войны. Если вспомнить, что Фридрихъ II былъ главною причиною заточенія молодаго принца, то появленіе Ивана въ Петербургѣ въ такое время, было уже само по себѣ важнымъ политическимъ симптомомъ. Но болѣе того. Носились слухи, что Елисавета намѣрена была назначить Ивана Антоновича своимъ наслѣдникомъ престола вмѣсто преданнаго Фридриху II Петра Федоровича. Дворъ былъ взволнованъ этимъ извѣстіемъ. Но предположеніе было неисполнимо. Иванъ Антоновичъ былъ уже неспособенъ занять престолъ. Заточеніе достигло своей цѣли; искра разума въ молодомъ человѣкѣ отлетѣла навсегда. Узникъ былъ отвезенъ въ свою прежнюю темницу, въ Шлиссельбургъ.

Пять лѣтъ спустя къ Шлиссельбургу подѣхала наемная карета ³⁾, изъ которой вышли пять посѣтителей. У нихъ было письменное дозволеніе видѣть Ивана Антоновича за подписью императора Петра III. Не смотря на инкогнито, всѣ знали, что одинъ изъ посѣтителей былъ самъ Петръ III. Но формальность должно было соблюсти: только листъ за императорскою подписью откры-

¹⁾ La Cour, 172.

²⁾ Asseburg, 171.

³⁾ Laveaux, II, 102.

валъ доступъ къ узнику: при всякой попыткѣ найти доступъ къ нему безъ такого разрѣшенія караульные офицеры имѣли приказаніе немедленно обезглавить прѣнца. Это приказаніе дано было еще при Елисаветѣ. Съ Петромъ III были тутъ Нарышкинъ, баронъ Корфъ, Унгернъ-Штернбергъ и Волковъ. Въ подробностяхъ о посѣщеніи Петромъ III Ивана Антоновича мы основываемся на словахъ трехъ первыхъ; эти подробности были переданы ими впоследствии ихъ близкимъ и знакомымъ и появились въ печати ¹⁾. Петръ и его спутники нашли Ивана Антоновича въ засаленной курткѣ и въ туфляхъ на босу ногу въ темной комнатѣ, въ окно которой не пропускала свѣтъ постройка на дворѣ. Комната и днемъ освѣщалась свѣчами; воздухъ въ ней былъ душный ²⁾. Посѣтители увидѣли предъ собою молодого человѣка шести футовъ ростомъ, съ всклокоченными волосами, рыжевато-русою бородою и блуждающимъ взглядомъ. Петръ началъ съ нимъ говорить; Иванъ Антоновичъ отвѣчалъ невнятно и мысль его замѣтно блуждала. Онъ сказалъ, что онъ не тотъ за кого его принимаютъ, но готовъ принять на себя его права. Петръ велѣлъ тотчасъ же облегчить участь узника; добрый отъ природы, онъ хотѣлъ заглядеть прошедшее для невиннаго страдальца, чѣмъ могъ. Темничная обстановка была тотчасъ же измѣнена. Велѣно было построить для Ивана Антоновича помѣстительный и удобный домъ. Петръ приказалъ учить узника грамотѣ, и разрѣшилъ говорить съ нимъ обо всемъ, исключая его происхожденія ³⁾. Если и справедливо, что Миллеръ училъ прежде грамотѣ маленькаго Ивана, то ученикъ долженъ былъ позабыть съ тѣхъ поръ все выученное. Подаренному императоромъ красному шелковому халату узникъ радовался какъ дитя и, надѣвъ его, въ восхищеніи бѣгалъ по комнатамъ.

Впоследствии Петръ III взялъ Ивана Антоновича въ Петербургъ и онъ оставался тамъ до самой революціи, доставившей престолъ Екатеринѣ ⁴⁾. Петръ намѣревался выдать замужъ за Ивана

¹⁾ Büschings Magazin: La Cour... Castéra.

²⁾ Бантышъ-Каменскій (6), I. 226.

³⁾ Saldern, 50.

⁴⁾ La Cour, 192.

Антоновича жившую при русскомъ дворѣ принцессу Гольштейнъ-Бекскую (послѣ кн. Барятинскую) ¹⁾.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, Ивана Антоновича возвратили въ прежнюю темницу въ Шлиссельбургъ. Екатерина желала видѣть его — онъ оказался — займствуемъ выраженіе officialнаго документа — „косноязыченъ, лишень разума и смысла чловѣческаго.“ Тотъ же документъ прибавляетъ, что всѣ бывшіе съ Екатериной видѣли, какъ она жалѣла заключеннаго ²⁾. И его то предлагалъ ей въ женихи адресъ, сочиненный Бестужевымъ въ видахъ склоненія Екатерины къ браку съ Орловымъ.

Иванъ Антоновичъ погибъ въ Шлиссельбургѣ въ ночь съ 4 на 5 іюля 1764 г., во время поѣздки Екатерины въ Лифляндію.

Подпоручикъ смоленскаго полка Василій Мировичъ подготовилъ трехъ капраловъ и трехъ солдатъ помочь ему освободить Ивана Антоновича. Мировичъ давно обдумывалъ свое предпріятіе. Онъ сговорился съ поручикомъ великолудскаго полка Апполономъ Ушаковымъ. Мировичъ и Ушаковъ въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ дали обѣтъ другъ другу дѣйствовать за одно. Но Ушаковъ, посланный въ Смоленскъ, утонулъ. Мировичъ рѣшился дѣйствовать одинъ. Онъ былъ однимъ изъ караульныхъ офицеровъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Караулы смѣнялись понедѣльно. Мировичъ напросился въ карауль не въ очередь. 38 чловѣкъ его команды ничего не знали о предпріятіи. Ночью на 5 іюля Мировичъ собираетъ свою команду и подступаетъ къ отдѣленію крѣпости, гдѣ содержался Иванъ Антоновичъ. Коменданту Бередникову самъ Мировичъ нанесъ ударъ прикладомъ ружья, впрочемъ неопасный, потому что сопротивленія не было. Оставивъ 10 солдатъ съ обнаженными тесаками при арестованномъ Бередниковѣ, Мировичъ требуетъ у капитана Власьева, караульнаго при принцѣ, чтобы тотъ выдалъ ему Ивана Антоновича. У Власьева было всего 16 чловѣкъ команды, т. е. почти втрое меньше людей, чѣмъ у Мировича. Но Власьевъ рѣшился не исполнить требованія и объ-

¹⁾ Castéra, I, 415.

²⁾ П. С. З., ст. 12, 228.

явилъ, что будетъ стрѣлять по отряду Мировича. Команда Мировича отступила, и солдаты, не знавшіе что предпринималъ ихъ командиръ, потребовали объясненія. Мировичъ вынимаетъ изъ кармана указъ, будто бы присланный изъ сената и читаетъ солдатамъ, что такъ какъ Еватеринѣ наскучило править надъ неблагодарнымъ народомъ и она хочетъ оставить престоль и сочетаться бракомъ съ гр. Орловымъ, то сенатъ постановилъ освободить Ивана Антоновича и возвести его на престоль¹⁾. Отбитый командою Власьева, Мировичъ беретъ затѣмъ пушку съ бастиона и подвозитъ ее къ крѣпостному отдѣленію, охраняемому отрядомъ Власьева, угрожая стрѣлять.

Но въ то время, какъ это происходило на дворѣ крѣпости, внутри темницы Ивана Антоновича разыгрывалась страшная сцена борьбы за жизнь полусоннаго безоружнаго молодого человѣка съ нѣсколькими вооруженными людьми. Мы видѣли, что караульные офицеры имѣли приказаніе при первой попыткѣ къ освобожденію узника, умертвить его. Когда сдѣлалась тревога, Иванъ спалъ. Его соннаго караульный офицеръ ударяетъ саблею. Иванъ просыпается и схватывается за саблю. Начинается борьба, сабля переломлена; но восемь сабельныхъ ударовъ одинъ за другимъ скоро оканчиваютъ сопротивленіе. Иванъ погибъ.

Когда смерть Ивана сдѣлалась извѣстна Мировичу, тотъ упалъ духомъ. Всѣ надежды его рушились. Ему оставалось только сдаться и унтеръ-офицеръ его же команды, Мироновъ, взялъ у него шпагу.

Наряженный надъ Мировичемъ судъ нашель, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ вражды къ императрицѣ за то, что ему не была возвращена часть конфискованныхъ имѣній дѣда его, соучастника Мазепы²⁾. Найдено было, что по первоначальному плану Ушаковъ долженъ былъ привезти на шлюпкѣ изъ Петербурга указъ (прочитанный Мировичемъ солдатамъ) и на той же шлюпкѣ должны были отвезти Ивана Антоновича въ артилерійскій лагерь, на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ. Изъ отчета слѣдственной

¹⁾ Hergmann, V, 650.

²⁾ Lesur, 220—221.

комиссиі видно, что Миpовичъ и Ушаковъ сдѣлали множество обѣщаній Божіей Матери, отчасти довольно странныхъ, если предпріятіе ихъ удастся. Есть извѣстіе, что Миpовичъ имѣлъ сообщниковъ въ Петербургѣ и что въ ночь покушенія изъ Петербурга отправились въ Шлиссельбургъ шлюпки по заранѣ условленному плану ¹⁾. На вопросъ кн. Вяземскаго, на кого изъ сообщниковъ можетъ указать Миpовичъ, тотъ упорно стоялъ на томъ, что сообщниковъ у него не было. Наконецъ Миpовичъ отвѣчалъ, что если кн. Вяземскій захочетъ, то онъ можетъ указать на него самого. Оказалось однако, что о заговорѣ знали другія лица. Подпоручикъ Семень Чефаридзевъ показалъ, что слышалъ отъ Миpовича о намѣреніи его привезти Ивана Антоновича къ Артиллерійскому корпусу въ Петербургъ ²⁾. Чефаридзевъ разсказалъ объ этомъ регистратору Безсонову, на что Безсоновъ замѣтилъ: „не ври, дуракъ“ и ударилъ его. Носились впрочемъ слухи, что въ заговорѣ замѣшаны были важныя лица. На вопросъ Панина (Петра Ив.), при слѣдствіи, для чего Миpовичъ хотѣлъ освободить Ивана Антоновича, Миpовичъ рѣзко отвѣчалъ: „затѣмъ, чтобы сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ теперь ты“ ³⁾. Экземпляры подложнаго манифеста, оскорбительнаго для Екатерины, найденные въ карманѣ Миpовича, Панинъ отдалъ императрицѣ, чтобы она собственноручно уничтожила ихъ ⁴⁾. Миpовичъ былъ приговоренъ къ казни, но въ народѣ по видимому ожидали его помилованія. Говорятъ, самъ Миpовичъ ожидалъ, что его помилюють. Державинъ говоритъ въ своихъ Запискахъ, что когда, вопреки ожиданіямъ, народъ увидѣлъ отрубленную голову Миpовича въ рукахъ палача, то содрогнулся такъ, что мостъ, на которомъ стояла эта толпа народа, пошатнулся и перила обвалились.

Въ то время, когда въ Петербургѣ судили Миpовича, тѣло убитаго Ивана Антоновича было выставлено въ Шлиссельбургъ.

¹⁾ Laveaux, II, 112.

²⁾ П. С. З., статья 12, 241.

³⁾ Бантышъ-Каменскій (6), I, 227.

⁴⁾ Laveaux, II, 113.

Покійний лежавъ въ гробу въ простой матроской одеждѣ. Потому его покрыли овчиною и похоронили безъ всякаго обряда.

Караульныхъ, умертвившихъ его, послали сначала въ Данію, какъ говорили, изъ опасенія ярости народной; но потомъ возвратили и повѣсили чинами, какъ исполнившихъ съ точностію данное имъ приказаніе.

Попытка Мировича какъ разъ совпала съ тѣмъ временемъ, когда открывались заговоръ за заговоромъ противъ Екатерины и когда въ шлиссельбургскомъ узникѣ видѣли соперника и похѣху ей на престолѣ. Смерть Ивана Антоновича лишила враговъ ея орудія и укрѣпила ее на престолѣ. Такое стеченіе обстоятельствъ подало поводъ къ сомнѣніямъ, „Большая часть русскихъ — замѣчаетъ Вильямсъ — увѣрена, что пѣхотный офицеръ, чуждый желанія быть заговорщикомъ и коноводомъ революціи, былъ слѣпымъ орудіемъ двора“¹⁾, Онъ замѣчаетъ далѣе, что Мировичъ по слухамъ ожидалъ награды за свой поступокъ и что его казнили лишь когда увидали, что смерть Ивана Антоновича произвела глубокое впечатлѣніе на народъ. На это конечно можно представить возраженія. Приведенныя подробности о заговорѣ говорятъ другое. Но эти подробности почерпнуты изъ отчета слѣдственной комиссіи. Гораздо важнѣе другое возраженіе: почему Мировичъ не выдалъ своихъ сообщниковъ и пострадалъ одинъ, хотя былъ только орудіемъ ихъ? Онъ имѣлъ право хотя на эшафотѣ выдать тѣхъ, кто привелъ его на эшафотъ а теперь хотѣлъ избавиться отъ опаснаго свидѣтеля. Но на это отвѣчаютъ, что Мировичъ смотрѣлъ на судъ какъ на фарсъ и бодро шелъ на эшафотъ, ожидая помилованія и послѣ награды: во всякомъ случаѣ казни онъ не ожидалъ точно также, какъ она была неожиданна и для собравшагося къ эшафоту народа.

Предполагая, что было основаніе видѣть въ попыткѣ Мировича руку болѣе важныхъ лицъ; чѣмъ мелкіе армейскіе офицеры, едва ли можно допустить, что Мировичъ дѣйствовалъ по соглашенію съ

¹⁾ Williams. The rise, progress and present state of the Northern Governments, II, p. 270.

тѣмъ, кто послѣ казнилъ его. Предположеніе, что Мировичъ разыгралъ въ Шлиссельбургѣ комедію съ цѣлью устранить соперника Екатерины и заслужить послѣ награду—возможно. Но рядъ сомнѣній привелъ затѣмъ къ такимъ предложеніямъ, которыя не оправдываются безпристрастнымъ критическимъ анализомъ.

Братья Орловы.

Вскорѣ послѣ іюньскихъ событій 1762 года княгиня Дашкова, войдя разъ въ комнаты Екатерины, увидала какого-то мужчину, небрежно развалившагося на диванѣ, какъ дома. Княгиня признается, что такое положеніе показалось ей предосудительнымъ во дворцѣ, хотя въ комнатахъ и не было Екатерины. Это былъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, и зналъ, что при серьезномъ умѣ Орловъ обладалъ нѣкоторою наклонностью въ шуткѣ и шаловливостью характера, можно предположить, что онъ принялъ даже нарочно описанную позу, чтобы подразнить чопорную и раздражительную княгиню, приписывавшую себѣ очень много въ іюньскихъ событіяхъ и очень мало Орловымъ, которые однако были главными дѣятелями.

Екатерина видѣла въ Орловѣ замѣчательно умнаго человѣка. Это былъ дѣйствительно человѣкъ, любившій серьезныя занятія, любознательный въ области науки и особенно преданный изученію физики и вообще естественныхъ наукъ. Его видѣли читавшимъ въ каретѣ, по дорогѣ въ Царское Село, сочиненіе о кометахъ. У него надъ Лѣтнимъ дворцомъ была устроена обсерваторія для наблюденій въ телескопъ ¹⁾. Научные предметы были любимой темой его разговоровъ въ обществѣ. Разъ изъ шелковой матеріи кресель, о которыя часто терлась одежда маленькаго великаго князя Павла Петровича, не могшаго долго по живости темперамента посидѣть на мѣстѣ, стали при прикосновеніи выскакивать искры. Даже учитель физики при Павлѣ Петровичѣ, Эпинусъ, былъ удивленъ такимъ явленіемъ. Припомнимъ, что въ то время законы электри-

¹⁾ Порошинъ, 354.

чества еще были очень мало изслѣдованы. Разговоры о креслахъ, издающихъ искры, дошли до императрицы и Г. Г. Орлова. Кресла и стулья, издававшіе искры, были отнесены на половину императрицы. Орловъ тотчасъ же, по словамъ Порошина, начинаеть опыты и находить, что если муфтой, или даже просто рукой потереть шелковые обои, то отъ нихъ будутъ сыпаться искры.

Орловъ былъ при Екатеринѣ изъ числа тѣхъ, которые сочувствовали новой въ наукѣ и литературѣ эрѣ, открытой французскими энциклопедистами. Сохранилось письмо его къ Жанъ-Жаку Руссо, приглашавшее знаменитаго французскаго писателя пріѣхать въ Россію и поселиться въ ней. Руссо жилъ въ то время (1766) въ Англіи у герцога Ричмондскаго. Орловъ въ письмѣ своемъ говоритъ, что онъ зоветъ Руссо жить въ своемъ имѣніи изъ благодарности за почерпнутое изъ его книгъ ¹⁾. Имѣніе Орлова въ 60 верстахъ отъ Петербурга; климатъ въ немъ здоровъ; можно мечтать сколько угодно; мѣстный священникъ не диспутируетъ и не проповѣдуетъ, а паства, сдѣлавъ крестное знаменіе, добродушно думаетъ, что сдѣлано все. Все нужное будетъ къ услугамъ Руссо, если онъ того пожелаетъ; онъ можетъ охотиться, ловить рыбу, быть въ обществѣ кого хочетъ. Его не заставляютъ почувствовать никакого стѣсненія, никому ничѣмъ онъ не будетъ обязанъ, никому не будетъ даже объявлено о его присутствіи, если онъ того захочетъ. Ѣхать ему самое лучшее моремъ, если онъ только можетъ перенести морской переездъ. Въ отвѣтъ на эту идиллическую картину будущей жизни въ Россіи Руссо отвѣчалъ, что пріѣхалъ бы только въ такомъ случаѣ, если бы не былъ слабъ, если бы былъ болѣе подвиженъ, помоложе и — если бы графъ (Орловъ) былъ поближе къ солнцу.

Съ наклоностью къ серьезнымъ занятіямъ Г. Г. Орловъ соединялъ живой и подвижной характеръ. Мы видимъ изъ записокъ Порошина напр., что онъ борется во дворцѣ съ однимъ изъ придворныхъ. Другой разъ онъ, желая перепрыгнуть черезъ скамейку въ саду, сильно ушибъ себѣ ногу, такъ что его возили въ колясочкѣ

¹⁾ Русскій Архивъ, 1869, стр. 583.

по дворцу. На одномъ изъ святочныхъ маскарадовъ во дворцѣ, Орловъ является переряженный въ женское платье.

О предполагавшемся бракѣ между Екатериною II и Г. Г. Орловымъ мы уже упоминали. Многие были очень вооружены противъ мысли объ этомъ бракѣ. Ходили даже толки о покушеніи на жизнь гр. Орлова во время пребыванія двора въ Москвѣ. Говорятъ Орловъ спасся только, благодаря случайной сгибѣ караульнаго солдата, закупленнаго заговорщиками ¹⁾.

Вліяніе Орлова пало когда сталъ возвышаться Потемкинъ. Конецъ гр. Орлова былъ печальный: онъ умеръ въ припадкахъ бѣшенства. Хотя молва, что бѣшенство было слѣдствіемъ даннаго ему зелья и темные слухи обвиняли въ этомъ Потемкина.

Нельзя не согласиться, во всякомъ случаѣ, что время, когда Г. Г. Орловъ былъ въ силѣ, совпадаетъ съ лучшею и свѣтлою эпохою царствованія Екатерины. Это было то время, когда Екатерина руководилась сочиненіями Монтескье и Беккари при составленіи своего наказа; когда созвана была комиссія Уложенія и Екатерина награждала автора, ратовавшаго за свободу крестьянъ, премією.

Екатерина долго благоволила къ графамъ Орловымъ. Расчеты ваютъ, что съ 1762 по 1783 годъ Орловы получили отъ императрицы 45,000 душъ крестьянъ и 17 м. рублей деньгами ²⁾. Полагали, что у каждаго изъ пяти братьевъ Орловыхъ было не менѣе 100,000 годоваго дохода. Всѣ Орловы занимали видныя мѣста, но послѣ Григорія намъ придется сказать нѣсколько обстоятельно только объ Алексѣѣ Орловѣ. Атлетъ по сложенію, красавецъ собой—не смотря на шрамъ на лицѣ—настоящій Марсъ, когда онъ надѣвалъ римскую каску и драпировался по древнему, человѣкъ не блестящихъ способностей, но съ сильнымъ характеромъ,—А. Орловъ играетъ очень видную роль во все время царствованія Екатерины, пережилъ ее, ея сына и наконецъ умеръ при внукѣ въ очень преклонномъ возрастѣ. Участіе въ событіяхъ при вступленіи Екатерины II на престолъ, сожженіе турецкаго флота при

¹⁾ Chronique, 13.

²⁾ La Cour.... 376.

Чесмѣ и похищеніе въ Италіи княжны Таракановой—главные эпизоды изъ общественной жизни гр. А. Орлова.

Успѣхъ Chesменской битвы приписывается многими англичанамъ, бывшимъ подъ начальствомъ Орлова: Эльфинстонъ заперъ турецкій флотъ въ Chesменской гавани; Грейгъ повелъ атаку противъ запертаго флота; Дэгдэль (Dugdale) пустилъ первый изъ брандеровъ, сжегшихъ этотъ флотъ. Орлова, прибывшаго къ флоту сухимъ путемъ, въ Италію, обвиняли въ полномъ незнаніи морскаго дѣла. Какъ прежній гвардейскій офицеръ, онъ разумѣется дѣйствительно вовсе не былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ, но его обвиняли и въ серьезной политической ошибкѣ. Англійскіе командиры въ русскомъ флотѣ предлагали послѣ Chesменскаго боя идти прямо на Константинополь ¹⁾. Орловъ не рѣшился на это, хотя турки не могли оказать дальнѣйшаго сопротивленія и взятіе столицы ихъ могло блестящимъ образомъ закончить войну. Но удовлетворились и тѣмъ успѣшнымъ дѣломъ, которое было совершено: герой Chesменскій былъ восхваленъ и богато награжденъ; весь успѣхъ Chesменской битвы былъ приписанъ ему. Европа должна была знать о его подвигѣ, и чтобы вѣрнѣе представить ходъ Chesменскаго боя живописцу, писавшему картину его, Орловъ купилъ нѣсколько судовъ и зажегъ ихъ въ гавани Флоренція. Въ путешествіе по Европѣ Chesменскій герой велъ себя такъ, что о немъ должны были говорить. Въ Спа онъ затмилъ своимъ богатствомъ герцога Шартрскаго. Въ Парижѣ, при дворѣ, его видѣли напротивъ во фракѣ изъ грубаго сукна—въ насмѣшку надъ щепетильною утонченностью французовъ.

Когда во время Chesменскаго сраженія взорвало русскій адмиральскій корабль, на которомъ былъ одинъ изъ братьевъ Орлова, Алексѣй Орловъ при мысли, что братъ его погибъ—онъ не зналъ, что экипажъ корабля спасся—упалъ въ обморокъ. Натура его была крѣпче при другихъ обстоятельствахъ, которыя могли бы потрясти душу человѣка, одареннаго несходнымъ съ нимъ характеромъ.

Орлову поручено было захватить въ Италіи княжну Тараканову.

¹⁾ Hergmann, V, 623—624.

Княжна называла себя дочерью императрицы Елисаветы Петровны. Она сама мало помнила о своемъ дѣтствѣ. Изъ словъ ея знали только, что она родилась въ 1745 г., и жила послѣ въ Килѣ, въ Голштиніи и въ Персіи. Помнила, что ее звали Алиной и что о ней заботился какой-то важный человѣкъ. Ходила молва, что въ бумагахъ И. И. Шувалова было кое-что подтверждавшее это показаніе; это заняли. Въ запискахъ аббата Горани упоминается, что княжна Тараканова была младшею изъ трехъ дочерей отъ брака А. Г. Разумовскаго съ Елисаветою Петровною. Молодой человѣкъ подъ именемъ князя Тараканова жилъ впоследствии въ Россіи и умеръ облившись какою-то жидкостью при занятіяхъ химіею съ своимъ учителемъ. Слова аббата Горани о томъ, что Тараканова была дочь Разумовскаго, совпадаютъ съ тѣмъ, что показывала княжна о годѣ своего рожденія. Если она родилась дѣйствительно въ 1745 г., то это было за нѣсколько лѣтъ до разрыва съ Разумовскимъ и до возвышенія И. И. Шувалова. Въ рассказѣ Таракановой о себѣ такъ все группировалось, что ему можно было вѣрить. Она говорила, что родилась въ 1745 г. за 4 года до севестра у ея отца. Подъ севестромъ она могла разумѣть охлажденіе между ея отцемъ и императрицею и послѣдствія этого охлажденія. Четырех-лѣтняя дѣвочка могла только смутно помнить объ этомъ времени и говорила лишь, что ей передавали другіе. Затѣмъ она помнить себя въ Килѣ, — и дѣйствительно, когда узнъ съ Разумовскимъ были расторгнуты, участь дѣтей его должна была переимѣниться. Куда же можно было всего удобнѣе послать маленькую княжну Тараканову какъ не въ Голштинію, гдѣ со времени Анны Петровны и послѣ, когда голштинскій герцогъ жилъ въ Россіи, у Елисаветы Петровны было болѣе связей, чѣмъ гдѣ нибудь за границей?

Объ участи маленькой Таракановой печется И. И. Шуваловъ — да и кому было скорѣе всего печся о ней какъ не ему, если рассказъ ея былъ вѣренъ: Шуваловъ былъ въ то время главнымъ повѣреннымъ Елисаветы во всѣхъ ея частныхъ дѣлахъ. Затѣмъ Тараканова помнить себя привезенною въ Персію неподалеку отъ русской границы. Востокъ съ его особенностями рѣзко запечатлѣлся въ памяти подроставшей дѣвочки. Ей прислали большія де-

нежныя пособія. Она помнила, что съ ранняго дѣтства ей говорили, что она дочь Елисаветы Петровны.

Если все это была сказка, то сказка, надобно замѣтить, очень хитро выдуманная. Одно только вѣрно: кто ни сходилъ съ Таракановой за границей, всякій готовъ былъ вѣрить ея словамъ. Ходила молва, что Радзивиль, человѣкъ слабого характера и не твердыхъ правилъ, увезъ Тараканову изъ Россіи въ Польшу и затѣмъ въ Италію, чтобы дѣйствовать ею изъ политическихъ видовъ противъ Екатерины II. Но теперь дознано положительно, что Радзивиль, дѣйствительно изъ политическихъ видовъ, познакомился съ Таракановой уже за границей, послѣ того какъ она имѣла много сторонниковъ и доброжелателей. Польскіе патріоты хотѣли воспользоваться именемъ дочери Елисаветы Петровны противъ Екатерины. Несомнѣнно, что расчетъ на Тараканову былъ въ связи съ пугачевскимъ бунтомъ. Если ходили только темные слухи, что и въ Петербургѣ были сообщники Пугачева, то несомнѣнно, что поляки принимали участіе въ немъ. Нѣкоторые изъ поляковъ были при Пугачевѣ. Безграмотный казакъ, заставлявшій экзаменовать изъ ариѳметики 15 лѣтнаго мальчика, Мертваго, потому что ему нуженъ былъ секретарь изъ дворянъ и безъ секретаря онъ не могъ сдѣлать никакихъ письменныхъ распоряженій, — этотъ казакъ, у котораго приверженцы, какъ говорили, были лишь изъ толпы черни, вдругъ чеканить медали съ изображеніемъ Петра III, на которыхъ латинскими буквами стояло: „Redivivus et ultor“ (Воскресшій и мститель). Уже то, что Пугачевъ представлялъ себя не воскресшимъ, а дѣйствительнымъ Петромъ III, доказываетъ, что не онъ распространялъ эти медали, а что въ дѣлѣ была замѣшана интрига, которой очень мало было дѣла до того — кто былъ Пугачевъ, но которая изъ мятежа въ восточной Россіи сдѣлала политическій капиталъ для враговъ Екатерины. Такъ Екатерина называла Густава III, короля шведскаго, другомъ „маркиза де-Пугачева“ — какъ она именovala Пугачева въ письмахъ къ Вольтеру. Такъ и противники вліянія Екатерины въ Польшѣ, воспользовавшись пугачевскимъ бунтомъ, старались воспользоваться и Таракано-

вой для своих цѣлей ¹⁾. Но хотя Радзивиль входитъ въ сношенія съ Таракановой, — у нихъ дѣло не слагивается. Радзивиль былъ не изъ тѣхъ личностей, которыя искусно могли вести интригу. Княжна Тараканова обладала на столько проницательнымъ умомъ, чтобы различать съ кѣмъ имѣть дѣло. Притомъ мы напрасно стали бы приписывать Таракановой честолюбивыя стремленія. Она себя дѣйствительно называла дочерью Елисаветы Петровны, но потому что ей съ дѣтства говорили объ этомъ и она была увѣрена въ своемъ происхожденіи. Она не могла имѣть мысли о какомъ либо правѣ на русскій престолъ, о сверженіи Екатерины II. Это была обворожительная собою женщина, по отзывамъ современниковъ, свѣтская, ловкая, но женскія слабости въ ней преобладали надъ честолюбіемъ. Говорятъ, Радзивиль, у котораго были конфискованы имѣнія въ Польшѣ за его сношенія съ Таракановой, возвратясь въ Варшаву, вступилъ въ сдѣлку съ кн. Репнинымъ, по которой возвращены были ему имѣнія, но за то онъ долженъ былъ отказаться отъ сношеній съ Таракановой ²⁾.

Мы приблизились къ тому времени, когда въ судьбѣ княжны Таракановой начинаетъ играть роль А. Орловъ.

Княжна жила въ Италіи, довольно скромно, потому что средства ея были теперь очень ограничены. Ее могли звать княжнѣю Таракановой—могли смѣшивать послѣ фамиліи *Тараканова* и *Дараманъ*, производя одну отъ другой, но сама княжна называла себя Елисаветой, принцессой Владимірской. Она могла быть не честолюбивой, но она приняла титулъ, въ которомъ Екатерина видѣла посягательство на свои права. Княжна Тараканова могла быть не опасна для Екатерины сама по себѣ; но изъ нея могли сдѣлать орудіе враги Екатерины, и попытка была уже сдѣлана. Рѣшено было захватить Тараканову и привезти въ Россію. За дѣло взялся А. Орловъ. Орловъ воспользовался для этой цѣли своимъ пребываніемъ въ Италіи. Интрига поведена была очень хитро. Орлову помогалъ въ этомъ дѣлѣ неаполитанецъ Рибасъ.

1) Took, Life of Catherine II, II, 57.

2) Belani, I, 130—133.

Орловъ встрѣчается съ княжною Таракановой. Онъ прикидывается недовольнымъ Екатериной. Тараканова тѣмъ скорѣе можетъ вѣрить этому, что онъ не только любезенъ и обходителенъ съ нею, но даже выказываетъ знаки расположенія, въ которыхъ трудно обмануться: онъ влюбленъ въ нее и влюбленъ всѣмъ пламенемъ страсти. Княжна, какъ мы видѣли, была не чужда женскихъ слабостей: она сдалась ему. Кастера и Тукъ повторяютъ за аббатомъ Горани, что послѣ того какъ между Орловымъ и княжною начались интимныя отношенія, поднять былъ вопросъ о бракѣ; явились подставные священники и чиновники. Такъ ли было это какъ говорятъ иностранцы авторы, только впоследствии Орловъ на слова Екатерины замѣтилъ, что онъ ради ея пользы готовъ былъ даже жениться на Таракановой, если бы это могло помочь дѣлу ¹⁾: слѣдовательно онъ не считалъ себя связаннымъ съ нею брачными узами.

Княжна увлечена Орловымъ; онъ предметъ ея страсти, ея другъ и приверженецъ. Всѣ предосторожности забыты; опасенія нѣтъ мѣста. Орловъ приглашаетъ княжну посмотрѣть суда своего флота, стоявшаго въ виду берега. Княжна ѣдетъ; вступаетъ на корабль; начинаетъ его осматривать. Но тутъ сцена измѣняется. Подходить капитанъ Литвиновъ и объявляетъ ей арестъ. Орловъ былъ также арестованъ; внѣшность соблюдена. Судно подняло паруса и княжну повезли въ Петербургъ. Тамъ ее ждалъ казематъ въ Петропавловской крѣпости. Екатерина была раздражена противъ нея. Особенно приводило ее въ негодованіе то, что не смотря на всѣ увѣщанія, Тараканова не отказывалась отъ того что утверждала прежде и подписывалась Elisabeth. На донесенія, что Тараканова остаётся при своихъ прежнихъ показаніяхъ, Екатерина называла ее лгуней и побродяжкой ²⁾; мѣры строгости были усилены. Слѣдовали допросъ за допросомъ; въ казематѣ княжны оставались иногда день и ночь офицеръ и два солдата. Истощенная физически и нравственно, княжна стала впадать въ чахотку. Въ этомъ положеніи

¹⁾ Мельниковъ, VIII, 559.

²⁾ Мельниковъ, 598, 602.

она родила сына (впослѣдствіи — Александра Алексѣевича Чесменскаго). Случалось пріѣзжалъ къ княжнѣ и А. Орловъ, и тогда даже сторожу въ другой комнатѣ слышно было, какъ княжна рѣзко и громко говорила съ нимъ, а Орловъ больше молчалъ и какъ бы ступеньвался ¹⁾. День ото дня княжна больше чахла и можно было предполагать, что копецъ ея близокъ. Затѣмъ ничего болѣе не было извѣстно о ея участи. Одни полагали, что она утонула въ наводненіе 1777 г., не будучи въ состояніи спастись отъ воды, залившей казематъ. Эту сцену гибели представляетъ извѣстная картина Флавицкаго. Другіе полагали, что она умерла иную смертью и была погребена тутъ же подъ поломъ каземата, получившаго прозваніе „алексѣевского равелина“...

Въ то время когда уже забыли о княжнѣ Таракановой, и много лѣтъ послѣ, того, въ Ивановскомъ монастырѣ въ Москвѣ жила старица Досифея. Въ самомъ строгомъ затворничествѣ жила она въ большой и хорошо убранной кельѣ. Рѣдко кто могъ видѣть ее, потому что она могла слышать службы, не показываясь другимъ. У Досифеи бывали иногда важныя лица. Замѣчали, что А. Орловъ постоянно обѣзжалъ стороною Ивановскій монастырь ²⁾. Досифея была загадкой для самихъ сестеръ монастыря; и онѣ не знали кто она, какого происхожденія и какое было ея имя до постриженія. Но разъ сама Досифея открылась Г. И. Головиной ³⁾. Она говорила о жизни своей за границей, о привозѣ ея въ Россію и т. д. Предъ молоденькой дѣвушкой, какою тогда была Головина, если бы она была знакома съ закулисною исторіею минувшаго, воскресла бы при этихъ разсказахъ память о той, останковъ которой искали подъ поломъ алексѣевского равелина. При погребеніи Досифея присутствовала вся знать и первая аристократія Москвы. На надгробной плитѣ значилось, что тутъ погребена старица Досифея, родившаяся въ 1745 г. Досифея умерла уже въ царствованіе Александра I, въ 1810 году. Воспитанникъ А. Орлова, А. А. Чесменскій, дослужился впослѣдствіи до генеральскаго чина.

¹⁾ Мельниковъ, 603.

²⁾ Мельниковъ, 198.

³⁾ Мельниковъ, 196—197.

Долго жил гр. А. Орловъ, но послѣ похищенія Таракановой — ни его уже не видѣть болѣе на поприщѣ политической дѣятельности. Отъ неслыханъ почти все свое время улучшенію коннозаводства въ Россіи. Ерофенчъ и орловскіе рысаки остались потомству на память о гр. А. Орловѣ.

Разъ Орловъ опасно заболѣлъ, Доктора уже отказывались отъ больного, когда за лечение его принялся простой и не ученый русскій человекъ. Ерофенчъ. Ерофенчъ много путешествовалъ по Россіи; собиралъ травы въ Сибирѣ на китайской границѣ и послѣ лечилъ этии травами разные недуги. Ерофенчъ вылечилъ Орлова, былъ позванъ къ императрицѣ и та лично его благодарила ¹⁾. Ерофенчъ вошелъ въ славу. Екатерина послала бурлера для отысканія его травъ ²⁾. Къ нему стали обращаться многіе. Если болѣзнь была мудреная, то приносили какую-то большую книгу и секретарь Ерофенча, грамотный мальчикъ — самъ Ерофенчъ не зналъ грамоты — долго козаялся въ ней, отсыкая болѣзнь и средство для ея излеченія. Именемъ Ерофенча была названа настойка, впоследствии приобретающая популярность во всей Россіи исцѣлителю графа Орлова.

Услуга, оказанная гр. А. Орловымъ русскому коннозаводству, была существеннѣе. Рысаки Орлова — прародители всѣхъ рысаконъ въ Россіи. Охотникъ до лошадей, Орловъ едва ли, однако, добывая отъ турецкаго визиря знаменитую *Смьтанку* и выискивая лучшихъ кровныхъ лошадей изъ Англіи, заботился о государственной пользѣ. Хрѣновскій заводъ гр. Орлова, производившій лошадей исключительно для графа, сталъ распространителемъ чистой породы въ Россіи только послѣ того, какъ былъ прирученъ въ казну.

О позднѣйшей жизни гр. А. Орлова сохранились воспоминанія, между людьми еще живущаго поколѣнія. Графъ какъ рысаконвалъ одноворецъ Овсянниковъ ³⁾, былъ большой охотникъ смь

¹⁾ Scherer, VI, 221—223.

²⁾ Читенія, 1863, II. Письма Екатерины, стр. 66.

³⁾ Тургеневъ, Записки охотника I, 122—124.

трѣтъ на голубей—въ воду, по обычаю охотниковъ этого рода, чтобы не кружилась голова отъ держанія ея вверхъ. Охотникъ былъ онъ также боротся: силачей къ нему привозили изъ Тулы, Харькова, Тамбова. Кого случалось ему побороть—того отпускалъ домой съ наградою; побореть кто его — совсѣмъ задарить и въ губы поцѣлуешь. Разъ онъ затѣялъ большую охоту и созвалъ охотниковъ на нее со всего государства. Три мѣсяца срока дано было для съѣзда. Съѣхались охотники какъ войско.

Въ катаніи на бѣговыхъ дрожкахъ, въ смотрѣніи на голубей и упражненіи физической силы протекло много послѣднихъ годовъ жизни человѣка, который въ началѣ карьеры вліялъ на политическія судьбы обширной державы и не удержался въ политической сферѣ только въ силу той исторической аксіомы, что неожиданные перевороты часто выдвигаютъ впередъ бездарность, но только дарованіе можетъ затѣмъ удержаться впереди.

Шотемкингъ.

Царствованіе Екатерины носить двойной характеръ: въ началѣ—до пугачевского бунта и до совершеннолѣтія наследника престола Павла Петровича—мы видимъ въ Екатеринѣ умную и образованную женщину на престолѣ, мечтающую о счастіи своихъ подданныхъ, отзывавшуюся на все живое, ниспровергающее рутину въ наукѣ и въ быту народовъ. Это—то время, когда она по справедливости могла назваться республиканкою по образу мыслей, какъ она называетъ себя въ письмѣ къ Циммерману ¹⁾; когда она любила философію, приглашала Даламбера быть воспитателемъ вел. кн. Павла Петровича. Это было то время, когда болѣе другихъ приближенъ былъ къ Екатеринѣ Г. Г. Орловъ. Наступаетъ другая эпоха въ царствованіи Екатерины. Появленіе нѣсколькихъ сразу Петровъ III, начавшееся съ тѣмъ первымъ вѣяніемъ идеи равноправія, которую внесла въ русскую общественную жизнь во-

¹⁾ Сумароковъ, Черты Екатерины, 51.

миссія Уложенія — въ 1767 году — и завершившееся пугачевскимъ бунтомъ: показало, что нельзя въ одно время оставлять крестьянъ закѣпощенными, возвышать подушный окладъ и съ другой стороны покровительствовать Даламберу и Дидро и награждать авторовъ теорическихъ сочиненій объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Екатерина видѣла съ другой стороны, что въ то время когда имя Петра III, какъ лозунгъ, подняло массы народа на востокъ Россіи, въ Петербургѣ была партія, дававшая понять, что наследникъ престола, какъ пришедшій въ возрастъ, долженъ принять участіе въ дѣлѣ правленія ¹⁾). Екатерина избрала съ этой минуты путь, по которому слѣдовала до конца жизни. Это не былъ путь, которымъ шла она въ первые годы царствованія. Мечты о народномъ благосостояніи оставлены; о равноправіи предъ закономъ нѣтъ болѣе рѣчи. Екатерина группируетъ около себя одно сословіе — дворянство. На немъ изливаетъ она всѣ щедроты. Жалованная грамота дѣлаетъ дворянство строго привилегированнымъ, рѣзко отличающимся отъ другихъ сословій. Купцы и мѣщане удостоились также нѣкоторыхъ льготъ. Но сельское сословіе остается почти совершенно въ сторонѣ въ узаконеніяхъ императрицы; оно было забыто. Этотъ періодъ царствованія Екатерины оправдываетъ слова Сегюру; „я аристократа, это мой цѣхъ (*c' est mon métier*)“ ²⁾. Гр. П. Зубовъ сравнивалъ населеніе страны съ кускомъ металла, излюющимъ блескъ только снаружн ³⁾. Зубовъ былъ ученикомъ Екатерины въ то время, когда аристократка въ ней окончательно сформировалась. Много заботъ прилагалось во вторую половину царствованія Екатерины о наружномъ блескѣ и очень мало о томъ, что было внутри куска металла. Всего болѣе удобнѣе нашли сковать изъ этого куска металла мечъ, и въ то время когда мысль объ Уложеніи была оставлена и дѣло комиссіи 1767 г. велось по старымъ порядкамъ и какъ бы для проформы, Европу начинаютъ оглашать громъ русскихъ побѣдъ и Россія ведетъ войну за

¹⁾ Лебедевъ, 183.

²⁾ Русскій Архивъ, 1866, 1597.

³⁾ Лебедевъ, 297.

войной съ сосѣдами. Войны были отводомъ: жажда дѣятельности нуждается въ исходѣ и эта жажда дѣятельности была сильна въ Екатеринѣ. Она не нашла удобнаго слѣдовать по пути внутреннихъ реформъ; ей оставалось отдаться съ увлеченіемъ внѣшнимъ завоеваніямъ.

Какъ въ первый періодъ царствованія, у престола Екатерины стоитъ Г. Г. Орловъ, такъ во второй главнымъ довѣреннымъ лицомъ и помощникомъ ея является Потемкинъ.

Сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, Потемкинъ поступаетъ въ московскій университетъ. У молодаго человѣка прекрасныя способности, но онъ чрезвычайно лѣнивъ. Онъ очень честолюбивъ и мечтаетъ быть впоследствии архіереємъ, или министромъ. Но въ 1760 г. его исключаютъ изъ университета за лѣность и нехождение въ классы. Ему 24 года; онъ безъ дѣла. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ и поступаетъ въ конную гвардію. Высокій и красивый, конногвардейскій офицеръ Потемкинъ былъ замѣченъ въ 1762 г.; онъ принималъ дѣятельное участіе въ іюньскихъ событіяхъ этого года и былъ въ числѣ щедро награжденныхъ Екатериною при восшествіи ея на престолъ. Сдѣланный затѣмъ камеръ-юнкеромъ, Потемкинъ былъ назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Синодъ. Это назначеніе объясняется отчасти тѣмъ, что Потемкинъ склоненъ былъ къ занятіямъ духовными предметами. Но вообще до 1774 г. Потемкинъ не играетъ видной роли при дворѣ и въ государствѣ. Орловы стараются оттѣснить его и съ этою цѣлю его назначаютъ въ дѣйствующую армію. Возвышеніе Потемкина начинается съ потушенія пугачевского бунта, которое приписывается главнымъ образомъ его щедрости подъ рукою и умѣнію вести дѣло ¹⁾. Онъ дѣлается довѣреннымъ лицомъ Екатерины съ того времени, какъ является противовѣсомъ панинской партіи, желавшей допущенія Павла Петровича къ дѣламъ правленія ²⁾. Потемкина называли любимцемъ фортуны. Это несправедливо. Потемкинъ является представителемъ извѣстныхъ убѣжденій, олицетво-

¹⁾ Лебедевъ, 112, 118.

²⁾ Неггманн, VII 653.

реніемъ извѣстнаго политическаго образа дѣйствій. Его появленіе при Екатеринѣ — не дѣло случая, встрѣчи. Онъ долго былъ вблизи ея и оставался почти незамѣченнымъ. Какъ человекъ, онъ пользовался расположеніемъ Екатерины всего только два года съ 1774 по 1776 годъ. Значеніе его какъ государственнаго чловека начинается только съ этихъ поръ. Впослѣдствіи любимцы за любимцами являются при дворѣ, но Потемкинъ стоитъ непоколебимо, какъ опора Екатерины въ правленіи до самой смерти его. Многіе изъ четырнадцати любимцевъ, являвшихся одинъ за другимъ при дворѣ, не имѣли никакого вліянія на ходъ дѣлъ въ государствѣ; со многими изъ нихъ Екатерина разставалась безъ сожалѣній, но когда вѣтранный и влюблявшійся до конца жизни Потемкинъ умеръ на плацѣ въ новороссійской стѣнѣ, 62 лѣтняя Екатерина плакала неутѣшно, такъ что ей должны были въ тотъ день отворять кровь ¹⁾. Другія связи, чѣмъ расположеніе двухъ людей другъ къ другу, соединяли Екатерину и Потемкина: это были связи, соединяющія двухъ людей съ одними убѣжденіями, съ однимъ образомъ мыслей, идущихъ къ одной и той же цѣли. Екатерина называла Потемкина лучшимъ другомъ, воспитанникомъ и ученикомъ своимъ.

Но почему же Екатерина приблизила къ себѣ Потемкина не съ самой той поры какъ замѣтила его, если онъ былъ такъ дорогъ, такъ необходимъ для нея впослѣдствіи? Отвѣтъ на это найдемъ въ томъ, что Екатерина сначала была другою женщиною, чѣмъ послѣ. Прежде былъ болѣе по ней, по ея склонностямъ и направленію ея идей Г. Г. Орловъ съ его привязанностью къ научнымъ предметамъ и симпатією къ философіи и философамъ. Впослѣдствіи идеи Орлова уже не гармонировали съ образомъ убѣжденій Екатерины. Ей нуженъ былъ другой человекъ, на котораго она могла бы опереться; ей нужны были мужскія силы и помощь такой личности, которая бы вполне сочувствовала ея новымъ стремленіямъ и принципамъ. Такимъ человекомъ былъ Потемкинъ. Но Екатерина не приблизила бы Потемкина къ себѣ, если бы онъ въ 1774 г. былъ тѣмъ же, чѣмъ въ 1762. Екатерина была не изъ тѣхъ лич-

¹⁾ Neeggmann, VII, 108.

ностей, которыя могли приблизить къ себѣ посредственность, а Потемкинъ, когда она впервые встрѣтилась съ нимъ, былъ не болѣе какъ посредственностью. Правда, онъ былъ уменъ и честолюбивъ, но онъ не имѣлъ никакой серьезной подготовки, мало читалъ и не много знаній вынесъ со школьной скамьи. Онъ былъ не болѣе какъ одинъ изъ молодежи; свѣтскій человекъ, иногда мотъ, гуляка. Но въ жизни случился съ нимъ поворотъ. Онъ лишился одного глаза и былъ послѣ того опасно боленъ. Молва говорила, что глазъ былъ выколото ему шпагой въ ссѣръ съ А. Орловымъ. Послѣ этого Потемкинъ совершенно переиначается. Онъ уединяется и занимается серьезнымъ чтеніемъ. Гостемъ въ с. Татевѣ, тульской губерніи, онъ проводилъ цѣлыя дни за книгами; все время его занято библіотекой; онъ читаетъ и дѣлаетъ записки. Онъ, случается, проводитъ ночь за книгой на бильярдѣ вмѣсто постели ¹⁾. Если въ послѣдствіи Суворовъ — очень тонкій знатокъ людей — говорилъ о Потемкинѣ словами Бэкона о французскомъ посланникѣ въ Лондонѣ: „онъ великъ тѣломъ, великъ и умомъ, чердакъ его не худо меблированъ,“ то обмеблировка чердака Потемкина произошла главнымъ образомъ во время этого уединенія.

Екатерина приближаетъ къ себѣ Потемкина въ 1774 г. Въ два года его случая онъ получилъ отъ императрицы 37,000 душъ крестьянъ и 9 мил. рублей деньгами ²⁾. Онъ могъ получать изъ казеннаго довыга когда хотѣлъ, безъ всякихъ формальностей. Записки съ требованіемъ денегъ онъ писалъ обыкновенно на клочкахъ бумаги, иногда не подписывая своей фамиліи. Разъ князь Вяземскій получилъ такую бумажку съ требованіемъ 10,000 р. Вяземскій просилъ подождать и показалъ бумажку императрицѣ. Екатерина осталась недовольной. „Значить нужно! — отвѣчала она Вяземскому, — и можно было бы отпустить не спрашивая у меня“ ³⁾. Разумѣется такъ послѣ и дѣлалось. Если принять, что любимицы Екатерины получили отъ щедротъ ея 92,800,000 рублей — Массонъ полагаетъ, что

¹⁾ Русскій Архивъ, 1867, 600.

²⁾ La Cour... 376.

³⁾ Herrmann, VII, 108.

однихъ гласныхъ пособій было роздано на $\frac{1}{3}$ болѣе этой суммы, приводимой Тукомъ — то Потемкинъ получилъ больше половины этой суммы, именно 50 мил. рублей. Но не надо упускать изъ виду, что Потемкинъ тратилъ деньги какъ на себя и на свои прихоты — часто эксцентричныя, — такъ и въ значительной части случаевъ на нужды государственныя. — Въ библіотекѣ Потемкина стояли перелетные томы банковыхъ билетовъ. Въ 1785 г. доходы Потемкина опредѣляли въ 400,000 р. Но получая громадныя суммы, Потемкинъ часто былъ безъ денегъ. Онъ имѣлъ также особенность иногда не платить мелкихъ долговъ, когда и имѣлъ большія деньги, оправдывая тѣмъ замѣчанію де Кабра о русскихъ въ царствованіе Екатерины, что они готовы проиграть въ карты 20,000 рублей и не отдать нѣсколькихъ рублей ремесленнику. Когда умеръ Потемкинъ, то оказалось, что свѣтлѣйшій князь, воровавшій миліонами при жизни, остался долженъ петербургскимъ извозчикамъ 19,000 рублей и цѣточнымъ торговцамъ, 38,000 р. ¹⁾. На прихоти Потемкина тратились громадныя суммы. Курьеры летали во всѣ концы Россіи, чтобы привезти то или другое, что вздумалось ему. Икру ему возили съ Урала, рыбу изъ Астрахани, въ Нижній посылали за подновскими огурцами, въ Калугу за тѣстою. Потемкинъ любилъ смотрѣть на игру на бильярдѣ — для него всюду отыскивали лучшихъ игроковъ; онъ любилъ смотрѣть на шахматную игру — выписали нарочно изъ Тулы игрока, котораго онъ съ собою возилъ и въ лагерь ²⁾. Съ Кавказа въ Яссы къ Потемкину привезли офицеровъ братьевъ Кузминныхъ, чтобы только проиллюстрировать по цыгански по желанію княгини Долгорукой. Въ Петербургъ изъ Херсона привезли для него чиновника, о которомъ онъ слышалъ, что тотъ умѣлъ хорошо передразнивать другихъ. Изъ Москвы подъ Очаковъ вызвали нѣкоего Спечинскаго, о которомъ Потемкинъ слышалъ, что онъ навзустъ знаетъ святцы. „Правда ли, что вы знаете всѣ святцы навзустъ?“ спросилъ Потемкинъ у Спечинскаго. Тотъ отвѣчалъ утвердительно. Потемкинъ

¹⁾ Hergmann, VII, 106.

²⁾ Энгельгардтъ, 40.

экзаменуешь его и получаешь удовлетворительные отвѣты. Довольно; онъ хотѣлъ только убѣдиться въ справедливости слышаннаго. Спечинскій можетъ ѣхать обратно въ Москву ¹⁾). Потемкинъ былъ эксцентрикъ. Де-Линь называлъ его Алкивиадомъ; самъ Потемкинъ записался въ 1772 г. въ свѣчевые казаки, подъ именемъ Грыцки Нечеса ²⁾) и дѣйствительно въ Потемкинѣ было смѣшеніе Алкивиада съ Грыцкой Нечесомъ. Потемкинъ — статный и красивый, не смотря на потерянный глазъ, окруженный пятью прелестными племянницами, писавшій къ Екатеринѣ сентиментальное посланіе, начинавшееся словами: „Какъ скоро я тебя видѣлъ“ — былъ Алкивиадъ. Потемкинъ, лежавшій по цѣлымъ днямъ на диванѣ и грызшій ногти, нечесанный, босоногій, иногда въ рукѣ съ сырою морковью, которую онъ обгладывалъ, былъ Грыцко Нечесъ. Потемкинъ, скакавшій въ легкой казѣ пухъ зеленой бархатной бекешѣ подбитой мѣхомъ, и ѣвшій уху въ 1300 рублей изъ серебряной ванны въ 7—8 пудовъ вѣсомъ, очень мало походилъ на Потемкина, лежавшаго въ хандрѣ въ своемъ кабинетѣ, или отростившаго бороду, когда ему пришло на мысль въ одну изъ минутъ такой хандры идти въ монахи.

Мы знаемъ отзывъ Суворова о Потемкинѣ. Екатерина считала Потемкина гениальнымъ чловѣкомъ. Если онъ былъ умнымъ чловѣкомъ, когда полюбившій его Г. Г. Орловъ впервые рекомендовалъ его Екатеринѣ ³⁾), то впоследствии, онъ обогатилъ себя обширными знаніями. Онъ имѣлъ обыкновеніе не ставить въ письмѣ ни одного знака препинанія; но при всемъ этомъ онъ да Безбородко были, по замѣчанію Грибовскаго, единственными людьми при Екатеринѣ, которые могли правильно и хорошо излагать свои мысли по-русски на бумагѣ. Онъ казался расѣяннымъ и почти не слушалъ чтò говорилось ему иногда объ очень важныхъ предметахъ, но все хорошо запоминалъ и соображалъ очень быстро.

Онъ умѣлъ глубоко презирать людей, но не былъ мстительнъ.

¹⁾ Энгельгардтъ, 88—89.

²⁾ Шубинскій, 9.

³⁾ Лебедевъ, 180.

Екатерина, получивъ „Фелицу“ Державина, подчеркнула всѣ строки, относящіяся къ Потемкину и разослала ихъ по своимъ знакомымъ. Потемкинъ не обидѣлся и продолжалъ по прежнему быть обходительнымъ съ Державинимъ. „А помните какъ вы меня исключили изъ университета?“ спросилъ ласково Потемкинъ, встрѣтивъ профессора Барсова, особенно наставлявшаго на его исключеніи. „Вы тогда, ваша свѣтлость, того заслуживали,“ отвѣчалъ Барсовъ. Потемкинъ лично не былъ расположенъ къ князю А. И. Вяземскому; не смотря на то Вяземскій занималъ все время высшія должности при жизни всецѣльнаго князя Таврическаго. Потемкинъ не любилъ замашекъ свысока и злословія. Какъ товарищъ его по университету и извѣстный писатель, Фонтъ-Визинъ былъ вхожъ къ нему. „Умри, Денисъ, или больше не виши,“ сказалъ ему Потемкинъ послѣ представленія „Недоросля,“ отдавая наравнѣ съ другими дань таланту Фонтъ-Визина. Постоянно наклонный къ сатирѣ умъ Фонтъ-Визина по видимому доставлялъ развлеченіе Потемкину. Это по крайней мѣрѣ видно изъ словъ одного письма Екатерины. „Чертъ Фонтъ-Визина къ вамъ принесь, писала она къ Потемкину, онъ забавитъ меня; однако я тебя люблю, а онъ кромѣ себя никого“ ¹⁾. Но разъ Фонтъ-Визинъ началъ говорить Потемкину, что тотъ напрасно принимаетъ у себя людей безъ разбора; Фонтъ-Визинъ не совѣтовалъ ему принимать подлыхъ людей. „Подлый“ значило въ то время верѣдко „простой,“ когда говорилось о людяхъ низшаго класса. Въ этомъ смыслѣ оно употреблено напр. въ словахъ Екатерины о мощахъ Дмитрія Ростовскаго въ письмѣ къ Н. И. Панину: „вчерашній день еще и чудеса были, а преосвященный Свѣченой хочетъ запечатывать раку; дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько время снаружи“ ²⁾.“ Потемкинъ часто имѣлъ дѣло съ простыми людьми. Онъ бесѣдовалъ съ старообрядцами и иные изъ нихъ были даже представлены имъ Екатериной. На какой бы классъ людей ни намекалъ Фонтъ-Визинъ, во всякомъ случаѣ цензорская

¹⁾ Лебедевъ, 254—252.

²⁾ Чтенія, 1863, II. Письмо Екатерины къ Панину, стр. 71:

критика его не понравилась Потемкину. На другой день фонтъ-Визинъ приходитъ опять къ князю. Швейцаръ его не принимаетъ. „Какъ, не можетъ быть!“ Швейцаръ можетъ быть ошибся? Нѣтъ, ошибаться нельзя было. Одного фонтъ-Визина только и не велѣно было принимать ¹⁾).

Наклонность къ религіознымъ преніямъ и вообще къ богословскимъ предметамъ, была сильна въ Потемкинѣ въ теченіе всей жизни. Правда, замѣчали, что онъ о духовныхъ предметахъ чаще говорилъ съ генералами, а съ высшимъ духовенствомъ болѣе о войнѣ и военныхъ дѣлахъ; но онъ любилъ входить въ пренія съ старообрядцами и нѣкоторые изъ нихъ имѣли къ нему доступъ. Благодаря Потемкину старообрядцы получили нѣкоторые гражданскія права, въ которыхъ имъ прежде было отказываемо. Онъ же съ Румянцевымъ были основателями единовѣрія въ Россіи; при его посредничествѣ старообрядцы стали сближаться съ послѣдователями никоновскихъ измѣненій. Потемкинъ былъ поборникомъ вѣротерпимости, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Папа Пій VI благодарилъ его буллою за покровительство католикавъ.

Какъ политическій дѣятель, Потемкинъ стоялъ за союзъ съ Австрією, и такъ какъ въ то время Пруссія была въ постоянномъ соперничествѣ съ Австрією, то сторонникъ Пруссіи графъ Румянцевъ былъ недоволенъ, что Потемкинъ склонилъ Екатерину къ союзу съ соперницей Пруссіи. „Свой умъ царь въ головѣ“, сказала Румянцевъ Екатеринѣ, намекая, что ей можно было не слушаться Потемкина. „Одинъ умъ хорошъ, а два лучше“, отвѣчала Екатерина и продолжала слѣдовать политикѣ Потемкина. Восточный вопросъ обязанъ своимъ началомъ Потемкину: онъ не только утвердилъ русское господство на Черномъ морѣ, но и мечталъ о восстановленіи греческой имперіи и изгнаніи турокъ изъ Европы. Если въ политическія мечтанія Потемкина входило даже завоеваніе Россією Китая ²⁾, то въ восточномъ вопросѣ онъ шелъ прямымъ практическимъ путемъ. Въ 1775 году Потемкинъ счелъ необходимымъ

¹⁾ Энгельгардтъ, 56.

²⁾ Вигель (см. Русск. Вѣстн.), V, 124.

лишить тѣмъ независимости запорожскихъ казаковъ; генералъ Текалли вступилъ въ Сѣчь и разрушилъ ее. На присоединенномъ прибрежьи Чернаго моря построены были Николаевъ и Херсонъ. Постройка Херсона, на мѣстности, окруженной болотами, стоила много жизни; говорили о 20,000 человекъ ¹⁾. Но за то на столбѣ у одной изъ херсонскихъ заставъ была надпись: „дорога въ Византію ²⁾. Потемкинъ подготовилъ присоединеніе Крыма къ Россіи и имъ основанъ былъ Севастополь. Строя Екатеринославъ Потемкинъ хотѣлъ учредить въ немъ университетъ и началъ строить обширный соборъ, прося архитектора „прикинуть хоть на аршинчикъ“ болѣе въ длину, чѣмъ соборъ св. Петра въ Римѣ ³⁾. Соборъ остался только начатымъ. Устраивая Новороссію, Потемкинъ являлся всестороннимъ дѣвателемъ. Онъ заводилъ въ Екатеринославѣ суконную мануфактуру, постановивъ правиломъ, чтобы ученики на мануфактуру поступали и дѣти дворянъ. Одно это показываеь, что Потемкинъ здраво смотрѣлъ на значеніе промышленности въ государствѣ и понималъ, что высшій классъ можетъ съ достоинствомъ занимать свое положеніе въ средѣ трудящихся классовъ только участіемъ въ трудѣ. Онъ разводилъ шелководицу на черноморскомъ прибрежьи и въ перекопскихъ степяхъ; винобывалъ виноградъ изъ Венгрии и гналъ французскую водку. Основывая много прочнаго и полезнаго для края. Потемкинъ много задумывалъ иногда въ такихъ разбѣрахъ, которые были неосуществимы. Много дѣлалось также для того, чтобы блеснуть предъ иностранными державами и заслужить признательность императрицы. Городъ Алешки былъ построенъ въ шесть мѣсяцевъ къ пріѣзду императрицы въ ея крымское путешествіе. Крошѣ дѣйствительныхъ городовъ и селъ, быстро возникшихъ среди прежней пустыни, по пути императрицы представлялись иногда фантастическіе, какъ декораціи для обмана зрѣнія.

Планы и мечты Потемкина были планами и мечтами Екатери-

¹⁾ Belani II, 97.

²⁾ Русскій Архивъ. 1865, 1514.

³⁾ Русскій Архивъ, 1865, 869.

ны, тѣшили ея самолюбіе и честолюбіе. Если въ однихъ случаяхъ онъ былъ ея ученикомъ, то въ другихъ она отъ него заимствовала. „Хорошо ли я поступила, учитель?“ писала она ему подъ Очаковъ. Потемкинъ въ письмахъ къ Екатеринѣ называлъ ее обыкновенно „матушка, родимая!“ и устремлялъ вездѣ „ты.“ Екатерина писала ему: „Другъ ты мой сердечный, Григорій Александровичъ!“ Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, все принадлеало передъ нимъ. Васильчиковъ въ письмахъ цѣловалъ „ручки“ у него ¹⁾. А. Орловъ просилъ его о покровительствѣ своему воспитаннику, А. А. Чесменскому ²⁾. Кастера говоритъ, что Потемкинъ былъ Пассека, Долгоруваго и Волконскаго. Все сходило съ рукъ великолѣпному и всеильному князю Таврическому.

Потемкинъ былъ, первый кто навелъ Екатерину на мысль, что московскіе мартинисты должны имѣть политическіе замыслы ³⁾. Екатерина уже прежде ослѣвивала ихъ, называя мартышками ⁴⁾. Но когда начато было дѣло о Новиковѣ и назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Москву Прозоровскій, Потемкинъ писалъ императрицѣ: „Ваше величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая непремѣнно будетъ стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не зацѣпала кровью имя вашего величества“ ⁵⁾. Предостереженіе было не лишнее. Прозоровскій былъ любимъ солдатами за то, что отгнѣвилъ въ арміи пудреніе волосъ и бѣленіе рижней, но при ограниченности административныхъ способностей могъ усердіемъ во въ пору надѣлать правительству много хлопотъ.

Въ послѣдніе дни жизни Потемкинъ мучилъ былъ принадлеками тщательности и хандры. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, далъ рядъ великолѣпныхъ вѣровъ, изъ которыхъ одинъ, устроенный въ Таврическомъ дворцѣ его, походилъ на воссозданіе сказокъ „Тысячи одной ночи“. Одного воска, въ свѣчахъ и шкаликахъ, сожжено было на

¹⁾ Лебедевъ, 180.

²⁾ Лебедевъ, 181.

³⁾ Herrmann, VII. 633—634.

⁴⁾ Біографическія записки, 1858, стр. 172.

⁵⁾ Вѣстникъ Европы, 1867. Русское масонство, стр. 63.

немъ на 70,000 рублей; воска, бывшаго въ Петербургѣ, не достало, и за нимъ по почтѣ послали въ Москву.

Но празднества болѣе не развлекали Потемкина. Въ то время Зубовъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе значенія. Изящно сложенный, свѣтскій, хорошо говорившій по-французски, имѣвшій прекрасные глаза и лобъ, Зубовъ былъ однако личность довольно ограниченная. Екатерина могла сказать о немъ только, что онъ былъ „вѣрнѣ, скромнѣ, привязанъ и благодаренъ до крайности“¹⁾. Суворовъ говорилъ о Зубовѣ, что онъ „тихъ, благочестивъ, безстрастенъ по природѣ, точно изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи; лукавъ, но не уменъ“²⁾. Если Зубовъ былъ нѣсколько образованъ, то этимъ онъ былъ обязанъ Екатеринѣ. Прежде подобная личность не могла быть опасна для Потемкина. Но Екатерина въ 60 лѣтъ была уже не тою, какою мы ее видимъ въ молодые годы; она во многомъ измѣнила самой себѣ. Теперь могла имѣть около нея значеніе даже такая личность какъ Зубовъ. Потемкинъ видѣлъ совиѣтника въ Зубовѣ. „Зубъ болитъ, надобно его выдернуть“, говорилъ онъ спрашивавшимъ отчего онъ не въ духѣ. Онъ не могъ вырвать этого зуба и уѣхалъ на югъ, страдая ипохондріей. Онъ болѣе не возвращался. Когда пришла вѣсть о его смерти, Екатерина была глубоко огорчена, но великій князь Александръ Павловичъ замѣтилъ, по словамъ саксонскаго посланника Фелькерзала³⁾: „однимъ дурнымъ человекомъ (coquin) меньше; и когда ему замѣтили на это о грусти Екатерины, прибавилъ: „я люблю и цѣню бабушку до безконечности, но еще болѣе отечество, а для него Потемкинъ былъ вредный человекъ.“

Императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, изъ бумагъ Потемкина увидѣлъ какъ много тотъ вредилъ ему во мнѣніи императрицы⁴⁾. Это онъ могъ угадывать и прежде. Изъ писемъ Екатерины къ Павлу видно, что она была привязана къ сыну ког-

1) Русскій архивъ, 1865, 2 изд., стр. 767.

2) Лебедевъ, 29.

3) Neeggmann, VII, 109.

4) Лебедевъ, 273.

да тотъ былъ ребенкомъ ¹⁾). Въ Павлѣ взрослою не привлекала ее глубокая сыновняя привязанность; отлученный отъ нея въ раннемъ дѣтствѣ, онъ какъ-то дичился ее. Замѣтивъ, что онъ честолюбивъ и что можно имѣть вліяніе на него, дѣйствуя на его самолюбіе, она исполняетъ, когда ему минуло 20 лѣтъ, обѣщаніе, данное ему ребенкомъ, призывать его слушать дѣла; онъ приходитъ къ ней для этого въ опредѣленные дни и часы ²⁾). Согласіе между матерью и сыномъ могло бы установиться; по крайней мѣрѣ охлажденіе между ними могло бы быть не такъ сильно, если бы злѣйшій гениемъ между ними не явился Потемкинъ. У Павла — наследника престола и Потемкина не было ничего общаго; мнѣнія и убѣжденія одного шли въ разрѣзъ съ образомъ мыслей другаго. Павелъ стоялъ за союзъ съ Пруссіей; Потемкинъ — съ Австріей. Павелъ хотѣлъ мира; Потемкинъ вѣнскихъ войнъ и завоеваній. Павелъ былъ благосклоненъ къ мартинистамъ, и вносльдствіи самъ дѣлается масономъ ³⁾). Потемкинъ тотчасъ же наводитъ Екатерину на мысль, что мартинисты имѣютъ политическіе замыслы.

Въ царствованіе Павла многое было оставлено и измѣнено изъ начатаго и сдѣланнаго Потемкиннмъ. Ходила молва, что останки Потемкина были вынуты изъ соборнаго склепа, гдѣ были погребены и затѣмъ исчезли.

Мы видѣли отзывъ 14 лѣтнаго вел. князя Александра Павловича о Потемкинѣ при вѣсти о его смерти. Исторія согласится съ нимъ лишь отчасти. Потемкинъ принесъ немного пользы по тѣмъ средствамъ, которыя были въ его распоряженіи; но его едва ли можно назвать вреднымъ человекомъ. Онъ дѣйствительно является въ ту эпоху, когда Екатерина отъ внутреннихъ преобразований переходитъ къ вѣнскимъ завоеваніямъ; но если бы не Потемкинъ, явился бы на его мѣстѣ другой и было бы все-таки тоже. Не Потемкинъ создалъ Екатерину, а Екатерина Потемкина. Если она — въ его родномъ с. Чижовѣ, гдѣ баня, въ которой ро-

¹⁾ Чтенія, 1863, II.

²⁾ Русскій Архивъ, 1864, 935.

³⁾ Русскій Архивъ, 1869, 518.

дился онъ, была перестроена ею въ каменную бесѣдку, или во дворцѣ—была одинаково сильно привязана къ нему, если она дорожила имъ какъ политическимъ дѣятелемъ, помимо всякой привязанности къ нему, какъ къ человѣку, то это потому, что онъ былъ ея создателемъ, ея ученикомъ. Мы видимъ, что какъ скоро образъ мыслей Екатерины и ея убѣжденія еще болѣе измѣнились—и Потемкинъ сталъ отодвигаться на второй планъ и впередъ выдвинулся ограниченный политическій фантазеръ и ультрамонтанъ Зубовъ. Потемкинъ олицетворялъ собою лишь направленіе мыслей и убѣжденій Екатерины въ данную эпоху. Слѣдовательно, его нельзя обвинять въ томъ, что онъ могъ направить дѣятельность императрицы въ ту или другую сторону и не сдѣлалъ этого. Напротивъ, какъ государственный человѣкъ, онъ сдѣлалъ довольно на томъ поприщѣ, которое было ему открыто. При его содѣйствіи усилено внѣшнее могущество Россіи. Дѣятельность его во многомъ помогла тому, что Россія перестаетъ быть въ зависимости отъ политики иностранныхъ дворовъ и, отрѣшась одинаково отъ ордынскихъ преданій древней Московіи и отъ желанія быть сколкою съ западной Европы, какимъ она дѣлалась при Петрѣ I,—занимаетъ то мѣсто, которое было предназначено ей исторіей: становится посредницей между Европой и Азіей.

Екатерина, какъ женщина и императрица.

Въ жизни замѣчательныхъ и вліятельныхъ личностей мелочи домашняго быта и личныя привычки интересны, потому что объясняютъ многое въ ихъ характерѣ. Екатерина вставала въ шесть часовъ, когда все еще во дворцѣ спало; одѣвалась никого не будя; сама зажигала свѣчку и разводила каминъ. Одною изъ любимыхъ ея поговорокъ была: „надо жить и давать жить другимъ.“ Екатерина старалась давать окружающимъ ее какъ можно менѣ хлопотъ. Пока все во дворцѣ спало, она садилась писать. „Невозможно прожить одинъ день и не написать,“ говорила она уже въ преклонныхъ лѣтахъ своему статсъ-секретарю Грибовскому. По утрамъ она пила очень крѣпкій кофе;

фунтъ левантскаго кофе влялся для нея на пять чашекъ. Кофе былъ столь крѣпокъ, что когда разъ выпилъ чашку его секретарь императрицы Кузьминъ, у него тотчасъ же сдѣлалось сильное бѣненіе сердца. Екатерина постоянно пила такой кофе. Въ послѣднее время жизни онъ былъ ей запрещенъ. Ея полнокровіе и амплексическій ударъ, прекратившій ея жизнь, можно приписать въ значительной степени постоянному употребленію такого кофе. Въ день смерти она съ особеннымъ удовольствіемъ выпила его двѣ чашки. Кофе влялся съ бѣлыми гречками, которыми, какъ и сахаромъ, императрица дѣлилась съ своими любимыми собачками. Она очень любила англійскихъ собачекъ, присланныхъ ей докторомъ Динделемъ; онѣ спали подлѣ ея кровати на маленькихъ тмфачкахъ подъ атласными одѣялами. Екатерина вообще любила животныхъ; обезьяна бѣгала у нея по плечамъ; послѣ одного большого петербургскаго пожара, голуби слетались тысячами во дворецъ и по распоряженію Екатерины по звонку получали кормъ.

Утромъ Екатерина принимала своихъ секретарей и слушала доклады министровъ. Пока читались бумаги, она занималась какою нибудь женскою работою; вязала, шила по канвѣ и т. д. Въ послѣдніе годы жизни, она, по замѣчанію Державина, увлекшись политическими планами, почти не выкала въ читаемыя бумаги по внутреннимъ дѣламъ.

Обѣдала Екатерина въ часъ или два. Обыкновенно 3—4 блюда удовлетворяли ее. Вина она никакого не пила; только впослѣдствіи, по совѣту доктора, стала пить по рюмкѣ мадеры въ день. Обыкновенный напитокъ ея для удовлетворенія жажды было смородиное желе, разведенное водою. Послѣ обѣда или она сама читала или читалъ ей книги Ив. Ив. Бецкій. Романовъ читать Екатерина не любила; ее болѣе занимали научныя сочиненія, старыя и новыя.

Екатерина играла немного на бильярдѣ и по вечерамъ игрывала норѣдко въ карты: ея любимыми играми были бостонъ, пикетъ и крѣбэдъжъ. По вечерамъ же императрица выходила въ эрмитажъ. Въ эрмитажъ собиралось избранное общество и составлены были особня правила для эрмитажныхъ собраній. Входившіе въ эрмитажъ должны были „чины и званія оставлять съ палками и верхними

пятьемъ въ прихожей.“ Въ собраніи должно было господствовать то равенство членовъ, которое естественно въ образованной средѣ. Кто не соблюдалъ эрмитажныхъ правилъ и былъ уличенъ въ томъ двумя свидѣтелями, тотъ долженъ былъ выпить стаканъ холодной воды и прочесть отрывокъ изъ „Телемахида“ Тредьяковскаго. Въ иныхъ случаяхъ Екатерина обращала вниманіе на вѣжливость: при приемахъ ея оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалы обходили присутствовавшихъ, чтобы осмотрѣть, всё ли были одѣты какъ слѣдовало; кто не вымолилъ требованій этикета, долженъ былъ выходить ¹⁾. Но въ избранномъ обществѣ Екатерина любила быть на равной ногѣ съ прочими. Гордая и величественная императрица, она любила среди избраннаго кружка обращать на себя вниманіе болѣе достоинствами умной и свѣтской женщины, чѣмъ своимъ званіемъ. Можетъ быть именно потому, что она, когда нужно, могла принять непринужденно величественные видъ и осанку, она умѣла оставлять въ сторонѣ и величіе и санъ въ другихъ случаяхъ. Она была слишкомъ горда и самолюбива для того, чтобы властвовать надъ окружающимъ однимъ своимъ званіемъ; она хотѣла брать верхъ умомъ и достоинствами, какъ первая между равными. А. Орловъ называетъ ее въ письмахъ „добрымъ молодцомъ“ ²⁾; докторъ Роджерсонъ говоритъ ей „браво, мадамъ!“ и треплетъ ее по плечу, когда она приняла противное лекарство ³⁾; Дидро въ жару разговора хлопаетъ ее по колѣнямъ;—и все это въ порядкѣ вещей. Екатерина више того, чтобы замячать эти фамильярности со стороны простаго и нѣсколько неотесаннаго въ обращеніи русскаго человѣка, добраго англичанина-доктора и живаго, увлекающагося француза, котораго она называла по однимъ понятіямъ старикомъ ста лѣтъ, по другимъ—10 лѣтнимъ ребенкомъ. Разъ Катеринѣ пришла охота вести съ окружавшими ее разговоръ на „ты.“ „Отчего ты мнѣ не говоришь ты?“ спросила она у Л. Н. Нарышкина, обыкновенно забавлявшаго ее разными шутками и выходками, про-

¹⁾ Энгельгардтъ, 36,

²⁾ Грибовскій, 50.

³⁾ Сумароковъ, Черты Екатерины, 45.

дававшего ей разныя вещицы, которыми онъ наполнялъ для нея свои карманы и т. д. „Хорошо! — отвѣчалъ Нарышкинъ — только ты сама будь со мною поучтивѣе.“ Всѣ придворныя заговорили на „ты“; но фразы какъ-то не клеились. Принцъ де-Линъ обращался къ Екатериѣ съ „ты“ и вмѣстѣ виѣшивалъ въ разговоръ „ваше величество“ ¹⁾! Принцъ замѣчаетъ, что не смотря на эту республиканскую фамиллярность бесѣды, Екатерина казалась владычицею полусвѣта. Сожалѣніе Екатерины, что „вы“ вытѣснило въ разговорѣ единственное „ты“, не повело ни къ какимъ послѣдствіямъ.

Но эрмитажныя собранія отвлекли насъ отъ очерка ежедневной рутинныя дня Екатерины. Она никогда не завтракала и не ужинала. Въ 10 часовъ вечера она обыкновенно выпивала стаканъ отварной воды и ложилась спать.

Такъ, или почти такъ, проходили всѣ дни Екатерины. Лѣтомъ дворъ переселялся въ Царское Село. Деревня, названная по жившей когда-то тамъ молодой дѣвушкѣ Сарѣ, превратилась изъ Сарскаго села въ Царское Село, любимое лѣтнее мѣстопробываніе Екатерины. Если въ Зимнемъ дворцѣ у императрицы преобладало изящество надъ великолѣпіемъ въ обстановкѣ, то въ Царскомъ Селѣ изящество мѣшалось съ поэтическими причудами. Сохранились преданія о бывшихъ тутъ танцахъ амуровъ и нимфъ въ лѣсу подъ несшіеся издалека звуки музыки и пѣнія. Тутъ изъ земли поднимались невидимыми силами столы съ роскошными яствами. Тутъ было дерево, сѣсть подъ которое значило вдругъ увидѣть себя окруженнымъ водяною стѣною неожиданно брызнувшаго фонтана ²⁾. Иногда изобрѣтались особенныя увеселенія: многочисленное общество мужчинъ и дамъ, въ разнообразныхъ костюмахъ, входило въ море и такимъ образомъ устраивалось купанье — маскарадъ въ обществѣ ³⁾. У Екатерины не было шутовъ, но она не могла обойтись безъ забавлявшихъ ее лицъ. Эти забавы конечно не были

¹⁾ Сумароковъ, 134.

²⁾ Maxwell, 116.

³⁾ Порошинъ, 328.

такого рода какъ тѣ, при которыхъ шута Балакирева были батогани за то, что онъ отказался упасть на полъ по приказанію, — а шутъ Коста переодѣвался то Петромъ I, то самоѣдскимъ королемъ. Забавникомъ для Екатерины служилъ, какъ мы видѣли, Нарышкинъ, человекъ очень остроумный и большой сатирикъ. Впрочемъ у Екатерины была приживалка Марья Даниловна, развлекавшая ее другаго рода болтовней. У Марьи Даниловны было то общаго съ шутами прежнихъ временъ, что она при видимой глупости и простоватости была себѣ на умѣ. Одно время она все наговаривала Екатеринѣ дурное про петербургскаго оберъ-полицейстера Рылѣва. „Послушай, Никита Ивановичъ — сказала разъ императрица Рылѣву — ты бы прислалъ Марьѣ Даниловнѣ въ праздникъ чего нибудь изъ провизіи“. Не понимая къ чему это клонится, Рылѣвъ послушался совѣта и послалъ Марьѣ Даниловнѣ большой запасъ всякой живности. Екатерина вдругъ затѣмъ слышитъ только одно хорошее отъ Марьи Даниловны о Рылѣвѣ, и конечно не упустила замѣтить въ разговорѣ съ ней, что такую перекъну она можетъ приписать лишь тому, что жирные гуси и утки Рылѣва были очень вкусны ¹⁾. Въ послѣдніе годы жизни у Екатерины былъ буфонъ Ламбро-Кацціони; но и это не былъ шутъ прежнихъ временъ, а человекъ на столько положительный, что совѣту его послѣдовали когда онъ рекомендовалъ ванны изъ морской воды противъ опухоли ногъ, которою страдала Екатерина, и ванны дѣйствительно помогли ²⁾.

При умѣренности и правильномъ образѣ жизни, Екатеринѣ не трудно было долго сохраниться. Въ томъ возрастѣ, который для многихъ называется старческимъ, она также вставала рано, хотя и нѣсколько позднее прежняго. Теперь она одѣвалась уже не одна; ей помогала ея пріятельница и домашній другъ Марья Савишна Перекусихина. Но вставъ, она также садилась писать, пока не являлись съ докладами.

О наружности Екатерины можно встрѣтить различныя мнѣнія и это очень естественно: это было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя

¹⁾ Сунароковъ, 59—60.

²⁾ Mason, I, 58—59.

въ одну минуту не похожи на то, чѣмъ были въ другую. Въ характерѣ Екатерины было сочетаніе качествъ отчасти противоположныхъ и всѣ онѣ должны были въ разные моменты находить выраженіе въ лицѣ ея. Ричардсонъ, бывшій въ Россіи въ 1768 г., говоритъ, что Екатерина была по его мнѣнію красивѣе всѣхъ ея подданныхъ, которыхъ онъ видѣлъ ¹⁾). Улыбку Екатерины всѣ находили необыкновенно пріятною. Полное, бѣлое съ румянцемъ лице ея было величаво и такимъ оставалось почти до самой смерти. Мы видѣли, что по пріѣздѣ въ Россію она долго не бѣлилась и не румянилась, такъ что прилагавшая заботы о лицѣ ея Елисавета Петровна послала ей бѣлилъ и румянь, съ приказаніемъ нарумяниться. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Екатерина уже румянилась, подобно очень значительной части ея подданныхъ, отъ густо-разрумяненной дѣвицы Алексѣевой, подававшей ей по утрамъ ледъ для обтиранія лица и до самыхъ свѣтскихъ барынь. За 60 лѣтъ Екатерина сохранила еще много свѣжести, — всѣ зубы ея были цѣлы, руки сохранили прежнюю прекрасную форму, но зрѣніе ея уже нѣсколько ослабѣло и она должна была надѣвать очки съ увеличивающими стеклами, когда читала книги. Не смотря на опухоль ногъ, на которыхъ открывались и гноились раны (закрытіе ихъ, какъ говорили, было одною изъ главныхъ причинъ смерти Екатерины), здоровье императрицы было таково, что прусскій посланникъ Тауенцинь писалъ въ апрѣлѣ 1796 г. (слѣдовательно только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Екатерины), что она проживетъ еще много лѣтъ ²⁾). Но если Екатерина въ одеждѣ ли царей, или въ костюмѣ ея собственнаго изобрѣтенія: чепецъ, въ видѣ маленькой легкой коронки и полугреческомъ-полурусскомъ камзолчикѣ — умѣла одинаково сохранить величавость во внѣшности, въ осанкѣ и поступи до конца жизни, то красота ея съ теченіемъ времени, конечно, отцвѣла и тутъ-то открылось широкое поле для тѣхъ, кто хотѣлъ подыскать дурныя стороны въ „русской Семирамидѣ.“ „Въ нижней части лица Екатерины — писалъ авторъ *Mémoires secrets* — было что-то угловатое и неуклюжее, — въ ея

¹⁾ Richardson, 17.

²⁾ Herrmann, VII, 534.

свѣтлосѣрыхъ глазахъ — что-то лицемѣрное; морщина носа придавала ей какое-то отчасти зловѣщее выраженіе“ ¹⁾). Тотъ же авторъ прибавляетъ, что когда извѣстный Лампи, снявъ портретъ съ Екатерины — довольно похожій, хотя и крайне польстившій, забылъ опустить досадную морщину, придававшую характеристическій оттѣнокъ ея фізіономіи, то Екатерина осталась очень недовольна и сказала, что Лампи представилъ ее очень серьезною и очень злою. „Пришлось переписать портретъ пока онъ не оказался портретомъ юной нимфы“ ²⁾). Но не забудемъ, что это говорили злое языки памфлетистовъ-иностранцевъ.

Въ 1769 г. Екатерина привила себѣ и своему наслѣднику престола оспу. Это дѣло тогда было новое. Привитіе искусственной оспы въ то время только стало вводиться. Открытіе Дженпера въ то время встрѣчало еще много невѣрующихъ. На поступокъ Екатерины смотрѣли какъ на подвигъ. Сенатъ поднесъ ей 12 золотыхъ медалей, вычеканенныхъ въ честь событія и зала московскаго зданія сената украсилась барельефомъ, изображавшимъ Екатерину, съ подписью: „Свою опасностью спасаетъ другихъ.“ Оспа къ Екатерины была привита отъ семилѣтняго ребенка Маркова, произведеннаго въ ознаменованіе этого событія въ потомственные дворяне. Англичанинъ докторъ Димсдель, вызванный привить императрицѣ оспу, получилъ въ вознагражденіе за трудъ 10,000 ф. стерлинговъ, 500 ф. ст. пенсіи, чинъ статскаго совѣтника и баронское достоинство. Все было сдѣлано, чтобы придать событію возможно болѣе значенія. Но въ сущности Екатерина была далеко не изъ первыхъ въ Россіи, рѣшившихся прибѣгнуть къ привитію оспы. Въ Дерптскомъ уѣздѣ прививаніе оспы введено было съ 1756 и въ 8 лѣтъ одинъ медикъ привилъ оспу 1,023 дѣтямъ, причемъ умеръ только одинъ ребенокъ. Въ Петербургѣ врачи прививали оспу съ 1758 г., а въ 1768 г. — непосредственно предъ привитіемъ оспы императрицы — былъ сдѣланъ публичный опытъ надъ 10 дѣтьми ³⁾).

¹⁾ Mémoires secrets sur la Russie. Amsterdam, 1800, I, pp. 87—88:

²⁾ Lesur, 379—320.

³⁾ Took, I, 589.

При среднемъ ростѣ, но полномъ и плотномъ сложеніи, Екатерина обладала замѣчательнымъ избыткомъ жизненной силы. Биографъ ея, Сумароковъ, говорить, что съ шелковыхъ платковъ и простыхъ императрицы нерѣдко отскакивали электрическія искры. Разъ Марья Савишна Перекусихина, одѣвая Екатерину, почувствовала сильный толчекъ въ руку при прикосновеніи къ ея обнаженному тѣлу. Этотъ электрическій толчекъ отозвался и на Екатерину, потому что она, обратась къ Перекусихиной, сказала, что объ этомъ надо переговорить съ докторомъ Роджерсономъ ¹⁾.

Екатерина обладала удивительною способностью привлекать къ себѣ не только людей — если только хотѣла — но и животныхъ. Чужія собаки изъ дальнихъ комнатъ дворца приходили въ ея комнату улечься у ея ногъ. Животныя и птицы, дичившіяся другихъ, ласково встрѣчали ее и давали ласкать себя. Тому же обаянію поддавались люди. „Боже мой, кто можетъ устоять противъ этой женщины! сказалъ разъ Державинъ, будучи на докладѣ у Екатерины. — Государыня, вы не человѣкъ! Я сегодня наложилъ на себя клятву съ вами ничего не говорить, но вы противъ воли моей дѣлаете изъ меня что хотите.“ — „Неужто это правда?“ — былъ отвѣтъ Екатерины. Екатерина говорила, что привлекать сердца лишь нѣкоторыхъ недостаточно: она хотѣла привлекать сердца всѣхъ ²⁾. Привлеченіе сердець было для Екатерины какъ бы предметомъ науки; она изучала людей, чтобы на нихъ дѣйствовать. Она сама говорила, что власть ея состоитъ въ направленіи дѣятельности каждаго такъ, что исполняя ея волю, каждый казался дѣйствующимъ по собственному побужденію. Каждый соглашался, что ничего нѣтъ неограниченнѣе подобной власти. Прежде чѣмъ приказывать, она задавала себѣ вопросъ: встрѣтитъ ли приказаніе ея всеобщее одобреніе ³⁾. Екатерина умѣла щадить самолюбіе другихъ. „Я хвалю вслухъ и браню потихоньку,“ говорила

¹⁾ Сумароковъ, 46—47.

²⁾ Русскій Архивъ, 1864, 932.

³⁾ Русскій Архивъ, 1864, 447.

она. Не любя попросаекъ, по выраженію ея, она любила дать ¹⁾; но щедро награждая, она дѣлала подарки часто съ такимъ умѣніемъ и тактомъ, что ихъ нельзя было не принять. Въ наказаніяхъ, которыя назначались ею лично, также проявлялось стремленіе быть гуманною. Она смотрѣла недоброжелательно на пытку ²⁾. Она писала къ Бибикову, что въ 12 лѣтъ, при ней не прибѣгали къ пыткѣ, однакожь болѣе выходило наружу, чѣмъ хотѣли знать. Ее съ трудомъ могли уговорить подписать смертный приговоръ Пугачеву ³⁾. Къ сожалѣнію гуманность женщины на престолѣ простиралась въ ея царствованіе лишь на тѣ немногія рѣшенія, которыя были лично дѣлаемы ею или почему нибудь обращали на себя ея вниманіе. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ дѣла текли по старому. Владимірскому намѣстнику Екатерина, узнавъ, что онъ беретъ взятки, послала въ именинный подарокъ кошелекъ длиною въ аршинъ, и этотъ кошелекъ былъ развернутъ на глазахъ всѣхъ гостей за обѣденнымъ столомъ у намѣстника ⁴⁾. Но въ то же время молеяхъ взяточниковъ наказывали жестоко. Отставнаго полковника Боборыкина, ударившаго палкою сторожа въ сенатѣ, продержали, по приказанію Екатерины, три дня на хлѣбѣ и на водѣ, и затѣмъ съ предостереженіемъ отправили домой въ Москву; личность менѣе чиновная и если бы дѣло рѣшалась не Екатериной, не отдѣлялась бы такъ легко за подобный поступокъ въ сенатѣ. Салтычиху, замучившую и изувѣчившую въ своихъ мѣнѣяхъ 139 человекъ, привязали къ позорному столбу съ надписью: „мучительница и душегубица“ и затѣмъ помѣстили на всю жизнь въ тюрьмѣ, гдѣ бы ее не могъ видѣть ни одинъ посторонній человекъ; а между тѣмъ священника, хоронившаго убитыхъ Салтычихою, безъ заявленія о томъ, — съ вырваніемъ поздрей и наказавъ батогами сослали въ Сибирь. Мѣрилось очевидно не равною мѣрою.

Окружавшимъ Екатерину жилось хорошо. Она заставляла себя беречь и поконить тѣмъ, что берегла и поконла тѣхъ, которые

¹⁾ Русскій Архивъ, 1864, 981.

²⁾ Русскій Архивъ, 1866, 398.

³⁾ Бантышъ-Каменскій (а), III, 532.

⁴⁾ Сегюръ, 19.

были къ ней близко. Она по видимому хотѣла быть солнцемъ, которое бы разливало вокругъ себя тепло и утрата котораго скоро почувствовалась бы тѣни, кто долженъ былъ лишиться этого тепла. Если это была тактика эгоистическаго расчета, то она нерѣдко могла походить на гуманное желаніе разливать вокругъ себя добро. Служащій дворцовый штатъ наживался при Екатеринѣ и она смотрѣла на эту поживу глазами хозяйки, которая не прочь, если берутъ у нея отъ ея избытка. Показывалось, что на одинъ обѣдъ караульнаго офицера во дворцѣ расходовалось 70 р., хотя, замѣчаешь Тукъ, не вина императрицы, если обѣдъ не стоилъ ничего. Гдѣ нужно было 100 свѣчей брали 1,200. За невискую воду, доставлявшуюся въ Царское Село — другой Екатерина не пила — выводилось въ лѣто 10,000 рублей. Дворцовое серебро быстро убавлялось въ вѣсѣ; его чистили такимъ порошкомъ, что значительная доля металла оставалась чистившимъ ¹⁾. Разъ великому князю Александру Павловичу потребовалось при нездоровьи ложка рому; съ тѣхъ поръ каждый день въ дворцовый расходъ записывалась бутылка рому, хотя для великаго князя въ ромѣ болѣе не было нужды. Затѣмъ Александръ Павловичъ вступилъ на престолъ и умеръ, а бутылка рому все записывалась въ ежедневный дворцовый расходъ. Ее открыла наконецъ уже въ царствованіе императора Николая, императрица Александра Федоровна; бутылка теперь показывалась въ расходъ на наследника престола, Александра Николаевича ²⁾. Обеспечивая матеріальныя выгоды окружавшихъ ее, Екатерина хотѣла также, чтобы жизнь ихъ текла въ покой и безъ тревогъ. Если она звонила, чтобы ей подали воды и камеръ-лакей сналъ въ сосѣдней комнатѣ, то она терпѣливо ждала. Въ комнатѣ сосѣдней съ той, гдѣ она слушала доклады, играли въ волавы съ такимъ шумомъ, что едва можно было слышать слова статсъ-секретаря и Екатерина не прерывала игры, говоря, что каждый пусть занимается своимъ дѣломъ, а только просила статсъ-секретаря читать громче. Зная, что какъ скоро утреннія занятія его кончались, его болѣе въ тотъ день не потревожатъ, секретарь ея Хра-

¹⁾ Took, II, 232—233.

²⁾ Bade, 85—86.

повицкій имѣлъ обыкновеніе пить болѣе обыкновеннаго, отходя ко сну. Разъ отъ императрицы прислали за нимъ вечеромъ. Секретарь пустилъ себѣ кровь и явился къ императрицѣ вполне трезвымъ ¹⁾. Въ екатерининское время возможно было Панину, занимавшему высшія должности въ государствѣ, работать только полчаса въ сутки; англійскому посланнику находить министра полиціи въ 7 часовъ утра съ грязною колодою картъ за раскладываніемъ грандъ-пасьянса ²⁾ и Безбородѣвъ выходить заднимъ ходомъ изъ своего министерскаго дома для прогулки по Большой Мѣщанской, въ то время какъ предъ домомъ стояла вереница экипажей и толпа посѣтителей ждала министра въ приемной.

Екатерина пеклась, чтобы окружавшіе ее были покойно и хорошо, и они готовы были для нея на многое; оставляя по видимому каждому дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, она достигала того, что они дѣлали все что ей было угодно. Въ сущности она руководила всѣмъ, все дѣлалось по ея желанію, и принцъ де Линь — называвшій Екатерину „Великимъ“ вмѣсто „Великой“ — справедливо замѣчалъ въ письмѣ къ ней: „много говорятъ о петербургскомъ кабинетѣ; я не знаю ни одного, который былъ бы меньше по размѣрамъ: онъ простирается отъ одного виска до другаго и отъ верхней части носа до волосъ.“ При Екатеринѣ это такъ и было, хотя она очень часто показывала видъ, что руководится совѣтами другихъ.

При Екатеринѣ любимцы могли имѣть силу лишь насколько заслуживали того по способностямъ, но никогда воля ихъ не ставилась выше всего. Только Зубовъ при умственной ограниченности занимаетъ первое мѣсто въ совѣтѣ ея; но это было уже когда силы Екатерины упадали. Но и о Зубовѣ Ермоловъ отзывался, что онъ лучше многихъ современниковъ знаетъ Россію. Въ большинствѣ же случаевъ людьми обыкновенными Екатерина, какъ признавалась сама, играла какъ игрушками.

Мы не намѣрены ни перечислять ея любимцевъ, ни останавливаться на нихъ. Исторія впадала бы въ романъ или въ сканда-

1) Бантышъ-Каменскій (а), III, 503.

2) Русскій Архивъ, 1866, 593.

лезную хроникю, если бы брала изъ частной жизни болѣе того, чѣмъ сколько нужно для характеристики историческаго лица. Довольно сказать, что случаи не прерывались во все время царствованія Екатерины. Бывшій въ случаѣ жилъ во дворцѣ и на содержаніе его расходовалось въ годъ 250,000 рублей ¹⁾. Не говоря ничего о большинствѣ любимцевъ, между которыми были однако Завадовскій, впоследствии первый министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи, Дмитріевъ-Мамоновъ, нѣсколько извѣстный своими литературными опытами и Зоричъ, основатель 1-го московскаго кадетскаго корпуса — мы остановились въ нашемъ биографическомъ очеркѣ Екатерины только на двухъ любимцахъ, которые были вмѣстѣ первыми министрами Екатерины — на Г. Г. Орловѣ и Г. А. Потемкинѣ.

Духовный міръ Екатерины.

Соображая писанное другимъ о Екатеринѣ и писанное ею самою, ея выраженія и бѣглыя замѣтки, мы въ состояніи представить себѣ не только довольно полный портретъ Екатерины, но и ближе ознакомиться съ ея духовнымъ міромъ, съ Екатериною мыслителемъ, литераторомъ и политическимъ дѣятелемъ.

Въ проицательности и гибкости ума Екатерина уступала немногимъ современникамъ, но особенно выдающіяся въ ней качества безспорно были честолюбіе и славолубіе. Она говорила, „что если бы родилась мужчиною и въ другой долѣ, то въ молодыхъ лѣтахъ не снесла бы головы, въ первомъ сраженіи погнавшись за славою“ ²⁾. Въ другое время она замѣтила, что если бы она лишилась одной изъ 13 американскихъ провинцій, отпавшихъ отъ англійскаго короля, то всадила бы себѣ пулю въ лобъ ³⁾. Что Екатерина обладала твердымъ характеромъ — это знали всѣ ея современники. Принцъ де Линь говорилъ, что и при разрушеніи

¹⁾ Lesur (по Кастерѣ и Туку), 328.

²⁾ Сегюръ, 188.

³⁾ Сегюръ, 234.

вселенной Екатерина не упала бы духомъ. Екатерина стремится къ власти съ дѣтства, 14 лѣтней дѣвочкой она мечтаетъ сдѣлаться русской самодержицей. Цѣль видна; средства достигнуть ее уловимы и уже обсуждены; Екатерину занимаетъ уже вопросъ, какъ она будетъ пользоваться властью, когда достигнетъ ея, чтобы сдѣлаться достойною своего сана. Почти 20 лѣтъ она готовится къ дѣлу правленія. Если и справедливо, что ей, молодой дѣвушкѣ, занимавшейся одно время нарядами и свѣтскими удовольствіями, далъ нравственный толчекъ прусскій посланникъ Мардефельдъ, сказавъ, что пустыя развлеченія не достойны ея способностей, то никакой намекъ, никакое подобное внушеніе не заставили бы Екатерину въ пору первой молодости зарыться въ книги и углубиться въ себя если бы въ ней самой не было той искры, которая не давала угаснуть честолюбивымъ стремленіямъ въ молодомъ сердцѣ. Екатерина видитъ передъ собою въ будущемъ санъ русской императрицы. Въ ней естественно является желаніе возвысить Россію, сдѣлать ее славною. Съ этого времени слава Россіи — ея слава. Вѣрно ли Екатерина понимаетъ что составляетъ славу царствованія — это другой вопросъ; но стремленія ея искренни. Слава Россіи сливалась съ славою Екатерины, но прежде для этого сама Екатерина должна была слиться съ Россією. Екатерина старается сдѣлаться вполне русскою и достигаетъ цѣли. Постоянно окруженной русскими, ей при ея тихомъ горловомъ и нѣсколько напряженномъ говорѣ, при замѣчательномъ тактѣ, съ которымъ она расчитывала слова и обороты, не трудно было научиться хорошо и правильно говорить по-русски. Если есть въ языкѣ ея особенности, то это часто не отступленія отъ духа языка, а своеобразности. Екатерина усваиваетъ себѣ не книжный русскій говоръ, а обыкновенный, со всѣми его особенностями и оборотами. Говоря простымъ русскимъ языкомъ, Екатерина любила однако употреблять въ письмѣ старинныя слова и обороты, даже въ ея время употреблявшіеся только въ такъ называемомъ высокомъ слогѣ: „понеже,“ „дондеже,“ „якобы“ и т. д. У нея эти слова употреблялись иногда далеко не въ высокомъ слогѣ. Такъ она писала напр. Салтыкову (Н. И.): „дондеже окошки раскрыты будутъ.“ Екатерина нерѣдко употребляла въ разговорѣ русскія поговорки и прибаутки. Въ письмѣ, какъ на

французскомъ, такъ и русскомъ языкахъ, Екатерина не соблюдала орфографической правильности. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ Екатерина говорила своему секретарю Грибовскому: „ты не смѣйся надъ моею русскою орфографіею; по прїѣздѣ сюда я хотѣла учиться, но тетка Елисавета Петровна сказала гофмейстерниѣ: — „полно учить ее, она и безъ того умна.“ Послѣ уже, по словамъ Екатерины, по книгамъ, безъ учителя, она не могла выучиться. Какъ писала она, покажетъ слѣдующій буквально приведенный отрывокъ изъ письма ея. Она узнала, что въ нѣмнѣи К. Г. Разумовскаго есть крестьяне, называющіе себя варягами. Она занималась вопросами русской исторіи. „Реестръ словъ—писала она—отнесите къ гр. Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому и попросите его именовъ моимъ, чтобъ онъ послалъ въ своихъ конорскихъ деревень кого поисправитѣ и приказалъ бы у тѣхъ мужиковъ, кои себя варягами называютъ, тѣхъ словъ на ихъ языка переписать, а еще лучше буде бы суда человѣка другаго посмыслитѣ для того привозить велѣлъ“ ¹⁾. Екатерина говорила, что русскій языкъ съ богатствомъ нѣмецкаго соединяетъ звучность итальянскаго и долженъ быть языкомъ всемірнымъ ²⁾. Въ письмѣ къ Вольтеру она называла его языкъ бѣднѣи въ сравненіи съ русскимъ и говорила, что для того, чтобъ писать на французскомъ языкѣ надобно быть такимъ писателемъ какъ Вольтеръ. Екатерина сама много писала по русски, въ разныхъ литературныхъ родахъ: она писала историческія разсужденія, комедіи, сказки пр. При разлазѣ, постоянно господствовавшемъ между Ломоносовымъ и нѣмецкими членами петербургской академіи наукъ, нѣмцы сильно не дружили знаменитому русскому ученому. Екатерина не явилась и тутъ нѣмкой. Не обращая вниманія на сплетни нѣмцовъ, что Ломоносовъ писалъ свою русскую грамматику обруженный бутылками и въ пьяномъ видѣ, она уважала русскаго ученаго и доказала свое уваженіе къ нему. Вскорѣ по вступленіи на престоль, она съ княгиней Дашковой сдѣлала визитъ Ломоносову, застала его за работой, была очень вни-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1863, 390—391.

²⁾ Дашкова, въ *Bibliothèque Russe et Polonoise*, II. 264.

мательна къ нему и звала къ себѣ на обѣдъ, сказавъ, что у нея будутъ щи. Въ царскосельской колоннадѣ изображеніе Ломоносова было поставлено, по ея повелѣнію, на ряду со статуями великихъ мужей ¹⁾).

Усвоивъ себѣ русскую рѣчь и во многихъ случаяхъ русскій образъ мыслей, Екатерина усвоила себѣ и многія русскія привычки. Она парилась въ русской банѣ. При дворѣ ея было введено русское платье. Во всѣхъ случаяхъ Екатерина оказывала уваженіе къ догматамъ и обрядамъ русской церкви. Каковы бы ни были личныя убѣжденія женщины-философа и друга Вольтера и Дидро, она во всѣхъ случаяхъ является въ глазахъ другихъ исполняющею предписанія религіи. Она подходитъ къ рукѣ высшихъ духовныхъ лицъ, которыя въ свою очередь цѣлуютъ руку у нея, какъ у императрицы. Она сходитъ въ пещеры кievской лавры и потѣетъ тамъ, по ея словамъ, не смотря на 11 — 12 градусный морозъ на дворѣ. Она посылаетъ изъ Кіева знакомымъ дамамъ два кольца великомученицы Варвары. Въ посту въ Кіевѣ она питается — какъ видно изъ писемъ ея — почти однимъ картофелемъ ²⁾). Она ведетъ бесѣды съ Дидро и вмѣстѣ увлекается краснорѣчіемъ проповѣдей Платона, отвѣтившаго на вопросъ Дидро вѣруеть ли онъ, текстомъ „речѣ безумецъ въ сердцѣ своемъ: вѣсть Богъ.“

Екатерина была знакома съ русской исторіей. Петръ I былъ образцомъ, которому она постоянно хотѣла слѣдовать. Изображеніе его было на ея табакеркѣ (она постоянно нюхала, когда писала, простой рульный табакъ, который послѣ держалъ для нея одинъ изъ камеръ-лакеевъ, когда докторъ Роджерсонъ запретилъ ей часто нюхать). Смотря на портретъ Петра, Екатерина, по ея словамъ, нерѣдко думала: слѣдалъ ли бы онъ точно также? одобрилъ ли бы ея постунокъ? Во время путешествія въ Крымъ, она отслужила молебень въ Полтавѣ въ память полтавскаго сраженія. Она собственноручно преклонила предъ гробницею Петра одно изъ знаменъ, отбитыхъ у турокъ въ чесменскомъ боѣ. Она поставила Петру па-

1) Сумароковъ, 284.

2) Русскій Архивъ, 1864, 953, 956—957.

мативъ съ надписью: „Петру первому Екатерина вторая“, и эта надпись уже сама по себѣ говоритъ многое. Подъ конную статую Петра привезли глыбу финляндскаго гранита въ 100,000 слишкомъ пудовъ вѣсомъ. Первоначально глыба была еще больше; она имѣла $6\frac{1}{2}$ сажени въ длину, 3 сажени въ ширину и $3\frac{1}{2}$ въ высоту. На дорогѣ она обилась и уменьшилась въ размѣрахъ, но и въ томъ видѣ, въ какомъ ее положили на Исакиевской площади, онъ вѣсила въ 4 раза слишкомъ больше самаго большаго обелиска въ Римѣ. Очень трудно было перевезти такую глыбу гранита, и 7,000 р. было предложено въ премію тому, кто найдетъ способъ доставить ее въ Петербургъ. Уже 160,000 рублей было израсходовано на доставку глыбы, когда она грозила потонуть при перевозкѣ черезъ Неву ¹⁾. Вецкій, которому поручены были заботы о перевозкѣ, уже отчаявался, но все обошлось одною тревогою: заблѣвавшееся подъ паденіемъ глыбы судно, благополучно довезло ее до противоположнаго берега рѣки.

Екатерина чтитъ память Петра I; но если она хотѣла принимать его себѣ образцомъ въ государственной дѣятельности, то это доказывало лишь не совѣтъ полное знакомство ея съ исторіею прошлаго. Екатерина не могла походить на Петра. Петръ во всемъ хотѣлъ подражать, по его словамъ, Ивану Грозному (Берхъ, Цар. Ал. Мих., II, 35), и дѣйствительно подражалъ ему. Это былъ тотъ же грозный царь, лишь несравненно болѣе талантливый и жившій почти два вѣка спустя. Въ Екатеринѣ было очень мало сходнаго, какъ съ Иваномъ Грознымъ, такъ и съ Петромъ I. Ее увлекали толки о преобразователѣ, которому гений и твердый характеръ дозволили исполнить многія изъ начинаній. Она увлекалась его славою и, мало знакомая съ его характеромъ и теми сторонами его царствованія, чтитъ его по панегирикамъ, вызываемымъ всякимъ успѣхомъ. Дань памяти Петра была со стороны Екатерины данью славолюбію.

Русская императрица, Екатерина считала Россію съ Англіею единственными націями, стоящими этого названія въ Европѣ ²⁾.

1) Scherer, VI, 241—242.

2) Lesur, 220—221.

Въ концѣ царствованія она говорила, по словамъ Державина, что если бы ей пришлось процарствовать 200 лѣтъ, то вся Европа сдѣлалась бы подвластною ей. Она хотѣла гремѣть въ Европѣ; хотѣла доставить Россіи, въ ряду европейскихъ державъ, независимое и гордое положеніе. Это было новое стремленіе со смерти Петра I; въ предшествовавшія царствованія образъ дѣйствій Россіи былъ въ постоянной зависимости отъ иностранныхъ интригъ. „Никогда еще не было видно столько ума на Сѣверѣ“, говорилъ Фридрихъ II о правленіи Екатерины. На западѣ восхваляли сѣверную Семирамиду. Отказываясь отъ сравненій съ греческими богинями, Екатерина писала Вольтеру, что она не хочетъ быть завистливой Юноной, не столь тщеславна, чтобы сравниться съ Минервой, Венерой не хочетъ быть потому, что ужь слишкомъ много гворятъ на счетъ этой красавицы, и не можетъ быть Церерой, потому что „урожай въ этомъ году въ Россіи былъ не слишкомъ хорошъ“. Екатерина могла не любить восхваленій и потому уже, что они не всегда заключаютъ въ себѣ похвалу. Такъ она осталась не совсѣмъ довольна сравненіемъ ея графомъ Прованскимъ съ Елисаветою англійскою; она дала замѣтить французскому принцу, что ея безкорыстіе и правота покажутъ различіе между ею и Елисаветою.

Само собою разумѣется, что въ Россіи славили Екатерину еще больше, чѣмъ за границею. Въ 1767 г. комиссія Уложенія поднесла ей титулъ Великой, Премудрой и матери отечества. Екатерина не приняла титула. Она замѣтила, что назначила комиссію составлять законы, а та дѣлаетъ „анатомію ея качествамъ“¹⁾. Что касается титула Великой, Екатерина отвѣчала, что оставляетъ времени и потомкамъ судить безпристрастно заслуживаетъ ли она его. Относительно „Премудрой“ она замѣтила, что премудръ одинъ Богъ. Матерью отечества отказалась назваться на томъ основаніи, что любить подданныхъ ея долгъ²⁾. Въ этомъ отказѣ виднѣнъ тотъ же тактъ, который руководилъ ею во всѣхъ ея поступкахъ.

1) Сумароковъ, 230.

2) П. С. З., XVIII, стр. 353.

Въ самомъ дѣлѣ, она царствовала только 4 года, когда предложенъ былъ ей этотъ титулъ, и если бы она обладала дѣйствительно тѣмъ что приписывали ей предлагавшіе титулъ, то ей не было ни времени, ни возможности заслужить его. Въ 1782 году было вновь предложено воздать ей подобную похвалу. Теперь Екатерина отнеслась еще рѣзче къ предложенію и, отказавшись отъ монумента, велѣла деньги, собранныя на него, обратить въ приказъ общественнаго призрѣнія. Но и этимъ не пресѣклись попытки благодарныхъ подданныхъ. Въ 1793 г. генераль-прокуроръ кн. Вяземскій, предлагая титулъ Премудрой и Великой, сказалъ: „Реки премудрая, буди вамъ по глаголу вашему“ ¹⁾ Эти повторительныя попытки можно объяснить только тѣмъ, что въ концѣ царствованія Екатерина была уже менѣе глуха къ восхваленіямъ, чѣмъ прежде.

При честолюбіи и обширныхъ умѣ, Екатерина обладала возвышенными чувствами, устранявшими мстительность и мелочность въ характерѣ. Она старалась обращать враговъ въ друзей, непріятелей въ доброжелателей. Она чувствуетъ себя на столько выше окружающихъ, что не можетъ съ ними входить въ состязаніе, на ихъ страсти отвѣчать страстями; они всѣ, други и недруги, нужны ей, какъ орудія для приведенія въ исполненіе ея плановъ. Сотрудники покойнаго Петра III, Мальгуновъ и Волковъ, находятъ занятія въ ея царствованіе. Она далека отъ мести Елис. Ром. Воронцовой, по смерти Петра III даетъ ей средства на уплату долговъ и послѣ беретъ дочь ея къ себѣ въ фрейлины. Она приближаетъ къ себѣ Миниха, послѣ того какъ онъ склонялъ Петра III къ энергическому сопротивленію. Румянцевъ не хотѣлъ присягать ей, пока не удостовѣрится въ смерти Петра III; не смотря на то, она оказывала ему знаки уваженія, можетъ быть впрочемъ какъ сыну, по молвѣ, Петра I ²⁾, столько же какъ и замѣчательному генералу. Она называетъ его Велисаріемъ, и даже въ послѣдствіи, когда она осталась недовольна отстройкою Кіева, и

¹⁾ Сумароковъ, 232.

²⁾ Русскій Архивъ, 1864, стр. 521.

Румянцевъ, тогдашній малороссійскій намѣстникъ, отвѣчалъ Мамонову, передавшему ему недовольство императрицы: „мое дѣло брать города, а не строить ихъ,“ — Екатерина ограничилась замѣчаніемъ, что пусть фельдмаршалъ продолжаетъ брать города, а она будетъ ихъ строить ¹⁾. Сдѣлавъ недоброжелательствовавшаго ей кн. Долгорукаго сенаторомъ, Екатерина замѣтила, что хотя онъ не любитъ ея, но любитъ отечество и можетъ быть ему полезнымъ ²⁾. Камергеръ Чертковъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать ей выговоры за карты и даже иногда бросать карты: она не обижалась и гдѣ слѣдовало извинялась предъ задорнымъ игрокомъ. Такія сцены не бросали тѣни на отношенія обихъ. Стоя постоянно на сторожѣ за свою репутацію и славу, Екатерина помнила, что исторія потребуетъ прежде всего справедливости въ ея дѣйствіяхъ. Разъ Екатерина дала одной своей приближенной 14,000 р. на покупку дома. Та, будучи замужемъ, совершила общую купчую, на имя свое и своего мужа. Она была бездѣтна и по смерти мужа ея наследники его требовали себѣ половину имущества. По законамъ она имъ и слѣдовала. Но Екатерина ссылаясь на то, что она дала деньги жевѣ, а не мужу, хотѣла, чтобы наследники мужа были отстранены отъ наследства. Императрица передаетъ свой взглядъ сенатскому генераль-рекетмейстеру Маслову. Масловъ докладываетъ, что сенатское рѣшеніе въ пользу наследниковъ мужа основано на законахъ. Екатерина раздражена. Какъ всегда въ подобныя минуты, она краснѣетъ, засучиваетъ рукава и, ходя по комнатѣ скорыми шагами, пьетъ воду. Она проситъ Маслова не рассуждать, а дѣлать что велѣно. Масловъ повинуется. На слѣдующій разъ привезъ съ собою указъ, согласный съ волею Екатерины, онъ отдаетъ вмѣстѣ и другой, основанный на сенатскомъ рѣшеніи, представляя, что одинъ написанъ по законамъ, а другой по волѣ самодержицы. Екатерина, уснѣвшая уже стихнуть, беретъ оба указа, и молча оставляетъ у себя. Въ слѣдующій пріѣздъ Маслова она отдаетъ ему одинъ указъ подписанный; это былъ основанный на законахъ ³⁾.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1868, 91.

²⁾ Сумароковъ, 57.

³⁾ Сумароковъ, 86—89.

Екатерина любила говорить, что будучи самодержицею, она никогда не употребляла свою власть во зло. Власть самодержавную она считала единственною соответствующею состоянію Россіи. Тоже убѣжденіе было высказываемо главными сподвижниками ея, напр. Безбородкою. Екатерина теоретически основывалась въ своемъ убѣжденіи на томъ, что только самодержавная власть можетъ поддержать связь между столь разнородными мѣстностями и племенами, какія представляетъ Россія. Въ своемъ мнѣніи о дѣятельности сената она говоритъ, что самодержавный государь необходимъ, „остальные по слову евангелія наемники суть“ ¹⁾. Но она была щекотлива къ возможнымъ нареканіямъ въ неправоу употребленіи власти.

„Не знаю какова нѣга власти въ другихъ владѣтеляхъ — говоритъ замѣтка Екатерины на книгѣ Радищева — во мнѣ не велика“ ²⁾.

Мы видѣли, что Екатерина любила показать себя и Россію передъ Европою, передъ свѣтомъ. Купецъ Владиміровъ, затопившій въ Англіи половину своего груза неньки на томъ основаніи, что англичане, не давшіе прежде просимой цѣны за весь товаръ, дадутъ ее послѣ за половину, — могъ быть увѣренъ, что Екатерина не только не сочтетъ его постунокъ самодурствомъ, но даже одобритъ его. Показать однако себя и Россію при каждомъ случаѣ Екатерина могла только сплотивъ изъ Россіи солидное, мощное цѣлое. Будучи убѣждена, что власть въ Россіи призвана скрѣплять ея части, Екатерина была врагъ провинціальныхъ и племенныхъ привилегій. На просьбу эстляндскихъ и лифляндскихъ сословій подтвердить ихъ древнія мѣстные привилегіи, дарованныя еще Сигизмундомъ, Екатерина поручила Вибикову передать кому слѣдуетъ, что они подданные Россіи, а она ея императрица, „а не лифляндская принцесса“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ она замѣчаетъ, что Малую Россію, Лифляндію, Финляндію не только ошибка, но и глупость считать чужестранными, хотя они и имѣютъ привилегіи; „надобно ихъ и Смоленскую провинцію легчайшими способами привести къ тому, чтобы перестали глядѣть какъ волки въ лѣсу“ ⁴⁾.

¹⁾ Чтенія, 1858, I, смѣсь. 102—103.

²⁾ Чтенія, 1863, III, смѣсь, 68.

³⁾ Сумароковъ 64.

⁴⁾ Чтенія, 1858, I, смѣсь, 104.

Интересенъ взглядъ Екатерины на Россію и ея мѣстности, про-
скальзывающій въ ея письмахъ и замѣткахъ. Казань, по ея мнѣ-
нію, былъ первый городъ въ Россіи послѣ Москвы, а Тверь послѣ
Петербурга лучшій ¹⁾. Ея взглядъ на полосы средней Россіи діа-
метрально противоположенъ тому, что встрѣчаемъ у другихъ путе-
шественниковъ. Такъ напр. Вигель и Марковъ описываютъ кон-
трасть, представляемый чистыми хатами, веселыми лицами и зажи-
точностью черноземныхъ малорусскихъ губерній темнымъ и грязнымъ
избамъ, угрюмому населенію и бѣдности смежной Великороссіи. Тур-
геевъ противопоставляетъ открытый и веселый видъ, недурную на-
ружность и зажиточную чистоплотность крестьянина черноземной
Орловской губерніи угрюмо смотрящему, приземистому и нуждающе-
муся крестьянину смежной лѣсистой Калужской губерніи. Напро-
тивъ Екатерина при переездѣ отъ Симбирска до Муромъ сдѣлала
наблюденіе, что гдѣ земля хороша, черноземъ—тамъ жители лѣн-
ны и много пустырей, напротивъ, гдѣ земля хуже (ближе къ
Мурому), тамъ мѣстность населеннѣе и богаче ²⁾. Осмотрѣвъ Кіевъ,
Екатерина замѣтила, что видѣла двѣ крѣпости и предмѣстья, а
города не нашла ³⁾. Екатерина занималась литературою, какъ она
говорила для развлеченія и считала свои произведенія за бездѣл-
ки. Она училась даже, у Сегюра, 8 дней писать стихи (къ кото-
рымъ не чувствовала ни малѣйшей склонности) но безъ успѣха.
Въ 1767 г. во время путешествія по Волгѣ, она переводила вы-
павшую на ея долю по жребію 9-ю главу изъ „Велисарія“; про-
чія главы были переводимы ея спутниками. Переводъ былъ посвя-
щенъ императрицею тверскому епископу Гавріилу. Не любя рома-
новъ, она впоследствии съ охотою слушала и писала сказки. Сказ-
ки ей читалъ ея секретарь Храповицкій и она слушала ихъ, какъ
выражалась сама, „для разбитія мыслей.“ Она занималась филосо-
фією и науками, но хотя виттенбергскій университетъ и сдѣлалъ
ее докторомъ и магистромъ свободныхъ наукъ, тѣмъ не менѣе въ

¹⁾ Русскій Архивъ, 1863, 201—202.

²⁾ Чтенія, 1863, II, Письма Екатерины, стр. 31.

³⁾ Русскій Архивъ, 1864, 951.

ученой дѣятельности Екатерины не видно той самостоятельности, которая возможна лишь при большемъ углубленіи въ трудъ. Ея Наказъ, въ составленіи котораго ей помогали Матоніусъ и Розецкій (которые послѣ и перевели его на русскій языкъ), составленъ изъ мѣстъ, выбранныхъ изъ Монтескье и Беккариа, такъ что когда его стали переводить на французскій языкъ, то переводчики нашли болѣе удобнымъ прямо выписывать мѣста изъ оригинальныхъ сочиненій приведенныхъ авторовъ. Если въ ученой дѣятельности Екатерины замѣтенъ нѣкоторый проблескъ самостоятельной работы, то это въ области сравнительнаго языковѣдѣнія. Нѣмка, знакомая съ французскимъ языкомъ, она начинаетъ изучать, какъ родной, русскій языкъ. При поверхностномъ изученіи никакая мысль не мелькнула бы въ головѣ ея; но она изучаетъ русскій языкъ основательно, терпѣливо, и при близкомъ знакомствѣ съ двумя такими языками, какъ русскій и нѣмецкій, мысль о корневомъ сродствѣ разныхъ языковъ начинаетъ занимать ее.

Какъ императрица, она можетъ не только пересмотрѣть существующіе лексиконы (мы видели съ какимъ усердіемъ она перечитывала отъ страницы до страницы большой словарь Вейля), но и поручать составленіе новыхъ. Такъ составленъ былъ извѣстный лексиконъ общеупотребительныхъ словъ на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ. Екатерина лично участвовала въ составленіи его. Она сама относилась къ патріархамъ антиохійскому и александрійскому съ просьбою о присылкѣ ей 286 словъ, которыя она перечисляла, на абисинскомъ и эіопскомъ языкахъ ¹⁾).

Какъ тактъ управляя всѣми сношеніями Екатерины съ окружавшими ее лицами, такъ съ другой стороны она видѣла ихъ насквозь, и въ интимной бесѣдѣ съ близкими людьми не стѣснялась въ характеристикѣ личностей. Отзывы эти были иногда колки и полны юмора, а иногда и съ оттѣнкомъ циничности. Она называла Густава III „фуфлыгою-богатыремъ“, Брюса „дуракомъ“; Мусинь-Пушкина „мѣшкомъ не рѣшимымъ“ ²⁾ и т. д. Въ одномъ письмѣ

¹⁾ Русскій Архивъ, 1864, 293.

²⁾ Лебедевъ, 26, 263, 267.

къ Панину Екатерина говоритъ: „Никита Ивановичъ — перелистайте берлинскій альманахъ, чтобы найти этой вѣчной принцессѣ Голштинской мужа; начните съ Ангальтскаго дома и перейдите къ Голштинскому. Держать ее при дворѣ значить дворъ сдѣлать слишкомъ похожимъ на дворъ Петра III. Если иностранныхъ жениховъ не будетъ, то въ Россіи всегда найдутся“ ¹⁾. Дѣло шло о принцессѣ Гольштейнъ-Бекской, которую Петръ III хотѣлъ выдать за Ивана Антоновича. Она впоследствии вышла замужъ за князя Барятинскаго.

Въ письмѣ къ Панину же Екатерина дѣлаетъ замѣтку: „графа Захара Чернышева свадьба обошлась безъ чиновъ и безъ безчинства.“ Надобно знать сварливый нравъ Чернышева, которому ничего не стоило напр. за обѣдомъ разорвать жемчужное ожерелье его графини-жены и въ которомъ нѣкоторые видѣли главную причину придворныхъ интригъ, чтобы понять соль замѣтки Екатерины.

Въ другомъ письмѣ къ Панину Екатерина, всегда вѣротерпимая въ дѣлахъ церкви, писала: „говитель, казанскій архіерей Лука при Елисаветѣ Петровѣ разрушилъ изъ зависти Болгары, которые у татаръ въ благоговѣніи, хотя есть указъ Петра I не разрушать“ ²⁾.

Говоря о награжденіи орденомъ Анны, Екатерина предлагаетъ надѣть его: „на господина Теплова, чтобы онъ скорѣе выздоровѣлъ.“

Графъ Ангальтъ, извѣстный начальникъ шляхетскаго корпуса, просилъ о назначеніи его главнокомандующимъ въ армию, выступавшую противъ шведовъ, и производствѣ въ генераль-аншефы въ сравненіе съ сверстниками по саксонской службѣ. Екатерина замѣтила на это „не побилъ ли кто графа Ангальта?“ Безбородко, бывшій на докладѣ, отвѣчалъ, что графъ Ангальтъ „изъ русскихъ ни съ кѣмъ не въ связи, а развѣ иностранные“ ³⁾.

Отрѣшенный отъ должности прокуроръ Иванчинъ-Писаревъ под-

¹⁾ Чтенія, 1863, II, письма Екатерины II къ Панину, стр. 13.

²⁾ Чтенія, 1863, стр. 27.

³⁾ Храповицкій, 69.

писался подъ прошеніемъ къ императрицѣ всеподданѣйшимъ синономъ. Резолюція императрицы: „освидѣтельствовать Еропкину не безумной ли“¹⁾?

Екатерина въ началѣ царствованія лично принимала просьбы, но когда разъ во время коронаціи, въ Москвѣ, просители, ставъ на колѣни полукругомъ, преградили ей дорогу въ соборы, а грузины подали даже вмѣсто просьбъ свои паспорта, — личный приемъ просьбъ былъ прекращенъ. Но Екатерина и послѣ сама внимательно просматривала просьбы на ея имя. На одной изъ такихъ просьбъ она сдѣлала замѣтку: „вдова полковница Естко просить о жалованьи; что за барыня“?

Подобнымъ простымъ языкомъ Екатерина нерѣдко объяснялась съ приближенными. „Ну, баринъ, — писала она Бибикову, поѣхавшему умирять Пугачева, — не скажешь, что войскъ у тебя не довольно.“

Когда ей говорили, замѣчаетъ Вигель, что она напрасно произвела Хвостова, женатаго на племянницѣ Суворова, человека очень ограниченнаго и писателя безъ дарованій, въ камеръ-юнкеры, она отвѣчала, что „произвела бы его и во фрейлины, если бы Суворовъ того захотѣлъ.“

Шутя надъ дородностью своего секретаря Храповицкаго, Екатерина обыкновенно просила его садиться на диванъ, а не на стулъ, говоря, что сама не можетъ поднять его, если онъ упадетъ.

Мы нарочно сгруппировали эти отзывы и замѣтки Екатерины. Они лучше длинныхъ разсужденій уясняютъ намъ ея складъ мыслей и внутренній міръ, ея отношенія къ окружающимъ и индивидуальныя особенности.

Два періода.

Съ тѣхъ поръ какъ развилась государственная жизнь въ Россіи въ ея нынѣшнихъ формахъ, отдѣльныя царствованія представ-

1) Храповицкій, 25.

яютъ аналогическое явленіе. Государь вступаетъ на престолъ съ благими пожеланіями; въ первое время онъ образецъ дѣятельности, онъ заботится о благѣ народномъ, его мысли обращены на внутреннія реформы. Но вдругъ толчекъ, какое-нибудь неожиданное обстоятельство, — и наступаетъ поворотъ. Является апатія, реформаторская дѣятельность слабѣетъ и если въ человѣкѣ сильна потребность дѣятельности, то она направляется на вѣшнія дѣла, войны и завоеванія, а не на внутреннія преобразованія. Это мы видимъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ представитель власти является человѣкомъ инициативы, самодѣйствующимъ лицомъ. Такъ было въ царствованіе Ивана Грознаго, Павла I, Александра I; такъ было и въ царствованіе Екатерины II. Исключеніе составляетъ Петръ I, который и на престолъ вступалъ безъ возвышенныхъ идеаловъ и окончилъ жизнь не уклонившись отъ предначертанной программы — введенія Россіи въ кругъ европейскихъ государствъ.

Мы не будемъ здѣсь входить въ объясненія этого явленія, но оно — фактъ. Нельзя однако не сопоставить его съ ролью, которую въ большей части случаевъ играетъ наследникъ престола въ русской исторіи. Иванъ IV убиваетъ своего наследника. Наследника Петра I убиваютъ по приказанію отца. Петръ Ѳеодоровичъ и Екатерины II находятся подъ надзоромъ въ царствованіе Елисаветы; стѣсненіе заставляетъ одно время наследника престола проситься у Елисаветы за границу подъ предлогомъ нездоровья¹⁾. Павелъ Петровичъ живетъ уединенно въ Гатчинѣ, на скудные средства и удаленный отъ двора. Стоя по большей части въ сторонѣ и ревниво удерживаемый отъ дѣлъ, наследникъ престола скорѣе замѣчаетъ со стороны погрѣшности управленія и когда въ свою очередь вступаетъ на престолъ, то его мысль прежде всего направлена на исправленіе этихъ погрѣшностей. Но проходятъ года. Сфера, которая окружала его предшественника дѣйствуетъ и на него. Онъ въ свою очередь уподобляется предшественнику.

Рѣзко отличаются одинъ отъ другаго два противоположные періода царствованія Екатерины. Долго продолжалось это царствованіе: 34

¹⁾ Русскій Архивъ, 1866, 583.

года — жизнь человека. Екатерина въ концѣ царствованія была совсѣмъ не та, что въ началѣ, и при характеристикѣ ея и ея правленія необходимо обратить вниманіе на это различіе. Въ первое время царствованія Екатерина обращаетъ все свое вниманіе на внутреннее управленіе. Созывается коммиссія Уложенія. Правда, при образованіи ея приведена въ исполненіе программа, допускающая критику и иногда вызывающая нареканія. Такъ Петербургъ представлялъ въ коммиссіи всего одинъ депутатъ гр. А. Орловъ ¹⁾, и въ то время какъ въ ней самоѣды имѣли своихъ депутатовъ, миліоны вѣрноподанныхъ людей вовсе не имѣли представительства; интересы ихъ представлялось защищать помѣщикамъ. Правда и то, что мысль и цѣль Екатерины не были поняты иными въ Россіи. Такъ, одинъ господинъ въ Твери отказался принять участіе въ образованіи коммиссіи на томъ основаніи, что былъ освобожденъ грамотами прежнихъ государей отъ всякой службы, Тѣмъ не менѣе уже то, что созывалось депутатское собраніе, которому императрица поручила составленіе законовъ — значило многое. Наказъ коммиссіи, составленный Екатериной, дышалъ мудростью и гуманностью. Ничего, что онъ былъ составленъ изъ выборокъ изъ иностранныхъ авторовъ. Уже того, что Екатерина усвоила себѣ духъ ихъ, взяла выводы ихъ себѣ за правило — было достаточно. Наказъ такъ либераленъ, что Шуазель во Франціи предастъ французскій экземпляръ его сожженію. Онъ такъ либераленъ, что совѣтники Екатерины находятъ необходимымъ вычеркнуть почти половину того, что заключалъ первоначальный текстъ, переданный имъ императрицею ²⁾.

Двадцать три года спустя Екатеринѣ приносятъ книгу, напечатанную неизвѣстно въ какой типографіи, но авторъ которой отыскавъ. Это — Радищевъ; въ книгѣ его „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ видятъ много злыхъ нападокъ на Екатерину. Конечно все представлено аллегорически, но аллегорія была ясна для тѣхъ, кто брался объяснять ее. Потемкина Радищевъ выводилъ восточнымъ тираномъ. Сначала казеннокоштный студентъ въ лейп-

¹⁾ Чтенія, 1866, I, смѣсь 17.

²⁾ Русскій Архивъ, 1865, 479.

цигскомъ университетѣ, потомъ таможенный чиновникъ, человекъ очень образованный, но угрюмый, сдержанный и рѣдко бывавшій въ обществѣ, Радищевъ никакъ не могъ быть вожакомъ революціи въ Россіи. Въ прежнее время книга его едва ли жестоко отозвалась бы на судьбѣ автора, да и едва ли могла появиться. Теперь она явилась и вызвала гнѣвное преслѣдованіе. Екатерина была напугана событіями 1789 г. во Франціи. Въ замѣткахъ, сдѣланныхъ ею на книгѣ Радищева, еще видѣнъ отчасти прежній философъ. „Тутъ царь достается крупно“ замѣчаетъ она въ одномъ мѣстѣ. „Скажите сочинителю—говорить другая ея замѣтка—что я читала его книгу отъ доски до доски и почти усумнилась не сдѣлана ли ему мною какая обида, ибо судить его не хочу дондеже не выслушаю, хотя онъ судить о царяхъ не выслушивая ихъ оправданія“¹⁾. Но орудія умственного превосходства, которыя были такъ свойственны прежде Екатеринѣ въ борьбѣ съ противниками, теперь уже считались недостаточными. Радищевъ, не смотря на отзывъ его, что книга была написана еще до французской революціи²⁾, былъ посланъ въ ссылку и экземпляры книги его уничтожены. Небольшое число уцѣлѣвшихъ читалось тайкомъ а за прочтеніе книги шны платили по 25 рублей въ часъ.

Въ 1793 г. былъ запрещенъ „Вадимъ“ Княжнина. Смерть Людовика XVI и Густава III въ это время подѣйствовала сильно на Екатерину и расположила ее еще болѣе къ репрессивнымъ мѣрамъ.

Общее мнѣніе говорило, что гоненіе всего болѣе обрушилось на Радищева за то, что онъ въ своей книгѣ явился ревностнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ. Въ началѣ своего правленія Екатерина давала понять, что освобожденіе крестьянъ было бы ей приятно. Делавей за свое сочиненіе въ пользу освобожденія крестьянъ получаетъ премію отъ Вольно-Экономическаго общества и душою этого одобренія была Екатерина. Находились и тогда люди около Екатерины, представлявшіе, что такое одобреніе можетъ имѣть

¹⁾ Чтенія, 1865, III, смѣсь, 76.

²⁾ Чтенія, 1865, III, смѣсь, 83.

вліяніе на умы и вызвать волненіе между крѣпостными, такъ какъ, въ народѣ — по словамъ генераль-прокурора князя Вяземскаго — привыкли все печатное считать за указъ“¹⁾. Это предостереженіе не лишено значенія, если вспомнимъ, что появленіе первыхъ самозванцевъ Петровъ III относится къ тому времени, когда была написана и одобрена книга Делабая. Въ комиссіи Уложенія вопросъ о крѣпостномъ правѣ былъ затронутъ лишь въ одномъ отношеніи: церковнослужители и купцы просили себѣ права покупать крестьянъ. Андрей Шуваловъ, извѣстный авторъ *épître à Ninon*, говорилъ, что между нѣкоторыми помѣщиками-депутатами въ комиссіи Уложенія было соглашеніе убить перваго кто подниметь крестьянскій вопросъ²⁾. Впрочемъ не всѣ раздѣляли мнѣніе по этому вопросу князя Вяземскаго, котораго за введеніе крѣпостнаго права въ средѣ казаковъ, финновъ и татаръ, Мамоновъ называлъ *Volterre*. Первый богачъ въ Россіи, у котораго было 120,000 душъ крестьянъ и 600,000 рублей дохода, графъ Шереметьевъ говорилъ, что онъ готовъ согласиться на отгнну крѣпостнаго права, если она будетъ предложена. Даже въ 1785 г. по изданіи дворянской грамоты и Городоваго Положенія, Екатерина имѣетъ мысль освободить изъ крѣпостной зависимости всѣхъ крестьянскихъ дѣтей, которыя родятся со дня обнародованія указа, хотя мысль эта и не приводится въ исполненіе. Но въ послѣдніе годы жизни и царствованія ея, въ періодъ который можно назвать Зубовскимъ, она уже возстаетъ противъ защитниковъ освобожденія крестьянъ. На книгѣ Радищева она сдѣлала замѣтку: „угovarиваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ“³⁾. Зубовъ, ученикъ и помощникъ въ дѣлѣ правленія Екатерины, въ этотъ періодъ, заявляетъ себя прямо противъ освобожденія крестьянъ.

Въ первые годы правленія Екатерина предлагаетъ все стараніе о государственной экономіи. Уплатены долги Петра I, Анны и $\frac{3}{4}$ долговъ Елисаветы. Въ 1765 г. была сдѣлана экономія въ $5\frac{1}{2}$

1) Иловайскій, Сиверсъ, Рус. Вѣст. 1865.

2) Castéra, II, 142.

3) Чтенія, 1863, III, смѣсь, 75.

мл. рублей ¹⁾). Роскошь была гонима, и во дворцѣ Екатерины изящество и вкусъ брали верхъ надъ вышностью. Когда вышли мундиры по губерніямъ не только для мужчинъ, но и для дамъ, то говорили, что это сдѣлано въ предупрежденіе роскоши въ одеждѣ при дворѣ ²⁾). Тѣмъ же объяснили распоряженіе о числѣ лошадей, какое можетъ запрягаться въ экипажи лицъ разныхъ классовъ. Но затѣмъ забота объ экономіи слабѣетъ. Великолѣпный князь Тавриды вводилъ съ собою роскошь и пышность всюду. Предпринимается крымское путешествіе императрицы. Сорокъ тысячъ человекъ сопровождаетъ ее. Всѣ провинціи имперіи должны принять на себя издержки по этому путешествію. Лифляндія должна была израсходоваться лишь на двѣ станціи и ей пришлось заплатить 45,000 рублей ³⁾). Приливъ такой массы пріѣзжихъ въ Кіевъ непомерно поднимаетъ цѣны на все; за дурное помѣщеніе платятъ 80 червонныхъ въ недѣлю. Прежде Екатерина дѣлала выговоръ князю Трубецкому за посылку сыну, лейпцигскому студенту, денегъ на лучшую одежду; русскимъ студентамъ въ Лейпцигѣ предписано было носить простой сѣрый сюртукъ и императрица не хотѣла, чтобы они мотали на платье ⁴⁾). Мы видѣли какъ сорилъ послѣ дѣвѣтами Потемкинъ, когда вошелъ въ силу. Другіе вельюжи Екатерины подражали ему. У графа Остермана ставился на столъ великолѣпный серебряный сервизъ на 300 гостей; какаѣ бы грязь ни была, два скорохода съ булавами и въ башмакахъ шли впереди его великолѣпной золоченой кареты, запряженной шестернею бѣлыхъ лошадей. Въ домѣ Безбородки въ 1795 и 1796 гг. стояли во время празднествъ горки золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, въ 6 футовъ вышиной и 3 ф. въ ширину. Деяги теперь стали значить все; къ пріобрѣтенію ихъ всякій стремится. Потемкинъ держитъ винный откупъ въ Ярославлѣ. Не смотря на законъ, запрещающій покупку земли евреями, богатый еврей Штиглицъ получаетъ разрѣшеніе купить въ Новороссіи земли, населенныя 2000 през-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1866, стр. 60—61.

²⁾ Энгельгардтъ, 37.

³⁾ Hergmann, VII 544.

⁴⁾ Русскій Архивъ, 1863, 274.

нихъ запорожцевъ. Прежде великолѣпный алмазь въ 460,000 р. покупаетъ у Лазарева для императрицы частный человекъ, графъ Г. Г. Орловъ; она получаетъ эту рѣдкую драгоценность въ подарокъ ¹⁾. Теперь расходы дворца чрезвычайно увеличились. Нужны деньги и чтобы имѣть ихъ выпускаются асигнаціи. Такъ какъ не находится матеріала, годнаго на выдѣлку бумаги для асигнацій, то во дворцѣ собираются старыя скатерти и салфетки и отправляются на бумажный заводъ. До 1794 года было выпущено асигнацій на 130 мил. рублей ²⁾. Въ царствованіе Екатерины по расчету монетнаго департамента было въ обращеніи въ Россіи серебряныхъ денегъ на 80 мил. рублей. Мѣдной монеты было въ обращеніи около того же времени на 47 мил. рублей. Золотой монеты при вступленіи на престолъ Екатерины было лишь на миллионъ и съ тѣхъ поръ количество ея въ обращеніи незначительно увеличилось. Такимъ образомъ, если возьмемъ всю сумму звонкой монеты, бывшей въ обращеніи, то цифра ея окажется менѣе той, на какую было выпущено асигнацій. Не удивительно, что съ 1789 г. по 1795 г. стоимость асигнаціоннаго рубля упала до 68 коп. Надобно сказать также, что упадку цѣнности его много способствовало и то, что казна отказала въ разнѣвъ первыхъ выпущенныхъ асигнацій и еще то, что появилось въ обращеніи много фальшивыхъ асигнацій.

Екатерина, въ первые годы своего царствованія, была другомъ всѣхъ философовъ и передовыхъ людей. Вольтера она называла своимъ добрымъ покровителемъ. Помимо составленія журнальныхъ статей на темы, которыя задавалъ ему графъ И. И. Шуваловъ, Вольтеръ писалъ много къ самой Екатеринѣ. Онъ и она писали другъ къ другу какъ о важномъ, такъ и о мелочахъ. Фернейскій философъ являлся въ письмахъ къ Екатеринѣ продавцемъ часовъ. Для Екатерины онъ принималъ книжницу Дашкову, которую называлъ Тамариссою, говорящею по-французски. Пріѣхать въ Петербургъ по приглашенію Екатерины Вольтеръ однако отказался. Екатерина купила его бібліотеку—6760 томовъ, большею частію

¹⁾ Русскій Архивъ, 1863, 276.

²⁾ Heggmann, VII, 439.

по философіи и исторіи. Книги были доставлены какъ были, съ бумажками въ нихъ — замѣтками Вольтера; замѣтокъ особенно много было въ богословскихъ книгахъ. Эта бібліотека была установлена въ эрмитажѣ вызваннымъ Екатериною секретаремъ Вольтера въ томъ же видѣ, въ какомъ была она у владѣльца ¹⁾). Въ 1762 году Екатерина писала къ Даламберу, прося его пріѣхать въ Россію и быть воспитателемъ великаго князя Павла Петровича. Ученый энциклопедистъ не согласился на предложеніе, хотя Екатерина указала ему, что онъ можетъ оказать услугу человечеству въ предлагаемой должности, и писала, что онъ можетъ взять въ Россію всѣхъ друзей своихъ. Едва ли можно сомнѣваться, что предложеніе графа Орлова Жанъ-Жаку Руссо пріѣхать въ Россію было сдѣлано съ согласія или даже по желанію Екатерины. Дидро принялъ предложеніе пріѣхать въ Россію. Пріемъ ему со стороны русскаго общества былъ не очень блестящій. Мы приводили отвѣтъ митрополита Платона на вопросъ бойкаго француза. Даже Н. И. Новиковъ отозвался: „невѣрующему можно ли вѣрить?“ но Екатерина приняла французскаго философа со всею благосклонностью и любезностью и много бесѣдовала съ нимъ. У него была куплена для нея бібліотека изъ 2900 томовъ, почти все по философіи ²⁾). Екатерина не ограничилась покупкою бібліотеки, и чтобы Дидро могъ пользоваться своими книгами при жизни, она оставила бібліотеку у него, назначивъ его своимъ бібліотекаремъ съ жалованіемъ по 1000 франковъ въ годъ и съ уплатою жалованія за 50 лѣтъ впередъ. На такихъ же условіяхъ была куплена для Екатерины бібліотека русскаго посланника въ Даніи барона Корфа. Екатерина помогала деньгами Базедову.

Въ послѣдніе годы своей жизни Екатерина не хотѣла ничего имѣть общаго съ энциклопедистами и ихъ философіей. Бюсть Вольтера былъ снятъ и вкнутъ въ уголъ; точно также было поступлено съ бюстомъ Фокса. Вашингтонъ для Екатерины изъ героя и освободителя своей родины превратился въ вѣтежника ³⁾). Эхо Екате-

¹⁾ Ancelot, 165.

²⁾ Ancelot, 167.

³⁾ Masson, I. 120.

рины въ это время, Платонъ Зубовъ, рѣзко отзывался о философахъ ¹⁾).

Въ первые годы правленія Екатерина занята преимущественно внутренними дѣлами государства; вполнѣнствіи внутреннія дѣла нерѣдко забываются для внѣшнихъ. Отказавшись отъ внутреннихъ преобразованій, Екатерина жаждетъ грома побѣдъ и славы завоеваній. Кто можетъ быть лучше ея помощникомъ во внѣшнихъ предпріятіяхъ, какъ не Потемкинъ, для котораго композиторъ Сартіи долженъ былъ ввести громъ пушечныхъ залповъ въ тактъ церковному пѣнію гимна: „Тебѣ Бога хвалимъ.“ Изгнаніе турокъ изъ Европы — дѣль стремлевіи Потемкина. Екатерина и Потемкинъ положили возстановить греческую имперію на берегахъ Босфора. Уже рѣшено изъ чего составить новую имперію; Молдавія и Валахія должны войти въ составъ ея подъ именемъ Дакии. Уже выбита медаль на покореніе Турціи. На одной сторонѣ ея было написано „Потщитесь и низринется“ и на другой: „поборнику православія“ ²⁾. По видимому все благопріятствуетъ исполненію плана Екатерины и Потемкина. Шуазель смѣется надъ отправленіемъ нѣсколькихъ старыхъ кораблей изъ Кронштадта къ Босфору; но эти корабли, починенные въ Англіи и командуемые офицерами — англичанами уничтожили турецкій флотъ при Чесмѣ. Румянцевъ и Суворовъ нанесли рядъ ударовъ туркамъ. Задача осталась не исполненной только по своей обширности.

Польша пала, преимущественно, благодаря Екатеринѣ. Вскорѣ по воцареніи ея, на польскій престолъ вступаетъ по ея желанію Станиславъ Августъ Понятовскій. Близкій человекъ къ Екатеринѣ еще до вступленія ея на престолъ, Понятовскій возводится въ санъ короля для того, чтобы значительная часть Польши вѣрнѣе подпала подъ власть Россіи. При немъ русскія войска стоятъ гарнизонами въ Польшѣ; посланники императрицы въ Варшавѣ деспотически управляютъ королемъ и сеймомъ. Кн. Репнинъ принимаетъ короля Станислава Августа въ халатъ ³⁾; велитъ сыграть во вто-

¹⁾ Лебедевъ, 285.

²⁾ Русскій Архивъ, 1863, 1506.

³⁾ Masson, I, 335.

рой разъ первый актъ пьесы въ театрѣ, сыгранный до него, хотя король тутъ же ¹⁾); въ бесѣдѣ у примаса Польши на слова Понятовскаго, что одному польскому королю пришлось впоследствии быть ювелиромъ во Флоренціи и что онъ (Понятовскій) не зналъ бы что ему дѣлать, если бы онъ былъ изгнанъ, кн. Репнинъ замѣтилъ: „вы ваше величество хорошо танцуете“ ²⁾). И тотъ же самый Понятовскій во время крымскаго путешествія Екатерины, представляясь ей въ Каневѣ, когда она подала ему шляпу, въ отвѣтъ на любезность, съ которою онъ взялъ у лакея ея перчатки и онахало и подалъ ей—сказалъ: „ваше величество дали мнѣ лучшую.“ Понятовскій подразумѣвалъ тутъ корону, которую на его мѣстѣ многимъ трудно было бы носить. Екатерина неохотно согласилась на первый раздѣлъ Польши, потому что она уже господствовала въ ней. Въ 1792 году она рѣшила принять окончательныя мѣры противъ Польши и писала Зубову, что Австрія и Пруссія ничего не получатъ, если откажутся присоединиться въ этомъ дѣлѣ къ Россіи ³⁾). Екатерина дѣйствовала энергически противъ Польши, потому что видѣла связь между дѣйствіями партій въ Польшѣ и революціонною Франціею. Объ этомъ говоритъ Гродненская декларация 9 апрѣля 1793 г. Свиданіе и переговоры Костюшки въ Парижѣ съ французскимъ республиканскимъ министерствомъ и сношенія польскихъ политическихъ клубовъ съ яacobинскими, утверждали Екатерину въ убѣжденіи, что черезъ Польшу дѣйствуетъ французская революціонная пропаганда. Нанося удары Польшѣ, она дѣйствовала противъ Франціи. Она вѣроятно была бы не прочь присоединить къ Россіи всю Польшу, но при первомъ раздѣлѣ она подѣлилась съ сосѣдями въ виду угрожавшаго союза Пруссіи съ Турціей ⁴⁾); а при двухъ послѣднихъ раздѣлахъ Екатеринѣ нужна была помощь Австріи и Пруссіи, потому что раздробленіе Польши было въ сущности началомъ борьбы съ Франціею и революціонною пропагандою.

¹⁾ Сегюръ, 142.

²⁾ Русскій Архивъ, 1865, 849.

³⁾ Neeggmann, VII, 232.

⁴⁾ Coxe, Travels into Russia, I, 39—42.

Въ ходѣ историческихъ событій раздробленіе Польши было шагъ впередъ для нѣмцовъ въ ихъ распространеніи на востокъ Европы. Но едва ли этотъ шагъ былъ сдѣланъ по желанію Екатерины. Хотя нѣмка на русскомъ престолѣ, она желала распространенія русскаго элемента на западъ, а не нѣмецкаго на востокъ. Въ ея планы входило также присоединеніе къ Россіи Галиціи съ расширеніемъ въ обмѣнъ границъ Венгріи на счетъ Турціи ¹⁾.

Екатерина и прямо дѣйствовала противъ революціонной Франціи. Она объявила, что не хочетъ имѣть никакого дѣла съ народомъ, казнившимъ своего короля; сношенія съ Франціею были запрещены ²⁾. Рѣшено было считать старшаго принца французскаго королевскаго дома королемъ, 2 мил. рублей было дано французскимъ принцамъ въ вспомошествованіе ³⁾. Русскій флотъ вмѣстѣ съ шведскимъ и англійскимъ крейсировалъ у береговъ Франціи. Въ послѣдніе годы жизни Екатерина притотавлилась къ открытой войнѣ съ Франціею ⁴⁾.

Въ это время главнымъ совѣтникомъ при Екатеринѣ стоитъ Зубовъ. Человѣкъ обыкновенныхъ способностей, онъ — не болѣе какъ политическій мечтатель. Въ то время какъ дѣла за него дѣлаютъ, тяжелый, неглижеръ въ одеждѣ, всегда какъ не выславшійся, съ походкой слона, но вмѣстѣ человѣкъ необыкновенно умный и дѣловой, Безбородко, и утонченный, изысканный фатъ съ пріемами танцмейстера, Марковъ — Зубовъ строитъ планы, которые должны передѣлать Европу. Онъ отправляетъ своего брата Валеріана въ походъ въ Персію и готовится къ войнѣ съ Швеціею, потому что по словамъ сатириковъ, ему хотѣлось получить георгіевскій крестъ и фельдмаршальскій жезлъ.

Въ молодости Екатерина обращается съ европейскими государями, по словамъ Миниха, какъ искусная кокетка; но въ сущности она снискиваетъ ихъ уваженіе къ себѣ болѣе своимъ умомъ и достоинствами, чѣмъ саномъ. Въ концѣ жизни она требуетъ почета и уваженія какъ русская императрица. И тяжелы были теперь для

¹⁾ Русскій Архивъ, 1865, 1506.

²⁾ Сумароковъ, 233.

³⁾ Сумароковъ, 309.

⁴⁾ Лебедевъ, 28.

нея удары, наносимые ей самолюбію; первый приступ апоплексіи случился съ нею по полученіи неожиданнаго извѣстія, что король шведскій, торжественно и съ почетомъ принятый въ Петербургъ и въ которомъ всѣ уже видѣли жениха великой княгини Александръ Павловны, вдругъ отказался отъ своей красавицы-невѣсты. Екатерина измѣнилась въ лицѣ, кровь прилила ей въ голову и полагають, что этотъ ударъ самолюбію императрицы, въ характерѣ которой самолюбіе было выдающимся свойствомъ, сократилъ ея жизнь.

Царствованіе Екатерины можно охарактеризовать въ нѣсколькихъ словахъ: Славолюбивая отъ природы, она знала въ чемъ состоитъ истинная слава. Екатерина любила распространять добро и счастье вокругъ себя, и желавшихъ этого добра и счастья столпилось столько сотенъ тысячъ вокругъ нея, что миліоны, стоявшіе позади ихъ вовекъ не видали лучей этого солнца, свѣтившаго немногимъ, а Екатерина не была на столько гениальна, чтобы выситъ надъ уровнемъ окружавшей ее толпы, и дать солнцу ея добрыхъ намереній и гуманности свѣтить всѣмъ.

ПАВЕЛЪ I.

Дѣтство Павла.

Прямо по рожденіи у вел. князя Петра Феодоровича сына-первенца, имп. Елисавета унесла его къ себѣ въ комнаты. Она привязалась къ ребенку и, отдавъ его на руки сонна мамъ и нянекъ, приходила иногда раза по три, по четыре въ день, во всякое время, провѣдать малютку. Няньки и мамки однако впоследствии своими разказами объ императрицѣ такъ напугали маленькаго Павла, что онъ, 4—5 лѣтній ребенокъ, трясся всѣмъ тѣломъ, когда приходила Елисавета. Вслѣдствіи-ли этого, или потому, что Елисавета впоследствии охладѣла къ ребенку, только послѣ она приходила взглянуть на него много разъ или два въ годъ. Общество мамъ и нянекъ въ первые годы жизни Павла имѣло на него губительное вліяніе. Расказы о домовыхъ и привидѣніяхъ женщинъ, усыплявшихъ Елисавету чесаніемъ ножекъ, можетъ быть не мало содѣйствовали тревогѣ, въ которой постоянно держало императрицу ея воображеніе. Тоже общество до того подѣйствовало на ребенка, что онъ прятался подъ столъ при сколько нибудь сильномъ хлопаньи двери. Впоследствии, уже мальчикомъ на возрастѣ, онъ чрезвычайно боялся грозы. Когда къ нему хотѣли опредѣлить воспитателя Панина, то окружающія мамушки заранѣе наговорили ему о строгости его будущаго гувернера и о томъ, что ему жить будетъ гораздо хуже. Павелъ плакалъ за мѣсяць до поступленія Панина въ должность. Разъ онъ увидалъ шедшаго старика въ парикъ; почему-то ему показалось, что это Панинъ; слѣдствіемъ были опять слезы. И надобно согласиться, что воспитатель, вновь опредѣленный къ напуганному имъ литомцу, могъ бы повести дѣло при первомъ свиданіи съ ребенкомъ нѣсколько иначе, чѣмъ это сдѣлалъ

Панинъ. Панинъ отрекомендовалъ себя тѣмъ, что съ перваго раза началъ поступать съ ребенкомъ деспотически. Павлу жаль было своихъ прежнихъ собесѣдниковъ за столомъ; къ солиднымъ, степеннымъ „кавалерамъ“, сидѣвшимъ теперь съ нимъ, онъ еще не привыкъ. „Для чего нѣтъ Ивана Ивановича за столомъ?“ спросилъ онъ у Панина. — „Не нужно,“ былъ отвѣтъ воспитателя. Въ растворенную дверь Павелъ увидалъ свою прежнюю собесѣдницу Мавру Ивановну и попросилъ поставить для нея приборъ. — „Не нужно,“ былъ опять отвѣтъ ¹⁾. И впоследствии, когда воспитатель и питомецъ ближе узнали другъ друга, Панинъ кричалъ на Павла ²⁾. Правда Павелъ сильно нашалилъ: онъ назвалъ одного изъ своихъ „кавалеровъ“ дуракомъ и сказалъ, что „чертъ принесъ его.“ Но Панинъ, такой развитый и умный человѣкъ, могъ знать, что проступекъ ребенка не извиняетъ горькости, роняющей достоинство воспитателя.

Можетъ быть Елисавета не остановилась бы на выборѣ Панина въ воспитатели къ маленькому Павлу, если бы она въ концѣ своей жизни питала къ нему ту же привязанность, какъ въ младенческіе годы его жизни. Но мы видѣли уже, что впоследствии она приходила въ комнаты маленькаго великаго князя рѣже въ теченіи цѣлаго года, чѣмъ прежде на дню. Въ это время она была не только холодна къ отцу Павла, Петру Федоровичу, но ходили слухи, что она даже не рѣшается оставить престолъ племяннику, что изъ Шлиссельбурга привозили Ивана Антоновича и Елисавета видѣла его съ цѣлью узнать, не можетъ ли онъ быть назначенъ ея наслѣдникомъ.

Впрочемъ нельзя не сознаться, что Н. И. Панинъ былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Въ Швеціи, гдѣ онъ былъ посланникомъ, онъ занимался изученіемъ ремеслъ. По словамъ современниковъ, честность и добродѣтель были написаны на лицѣ его. Вспомнимъ, какъ получивъ богатый подарокъ отъ Екатерины, Панинъ щедро подѣлился имъ съ своими секретарями

¹⁾ Афанасьевъ, 39—40.

²⁾ Порошинъ (6), 449.

на томъ основаніи, что они помогали ему въ работѣ; немногіе изъ его современниковъ рѣшились бы на такую щедрость. Панинъ говорилъ, что онъ при Елисаветѣ отказался отъ вице-канцлерства, чтобы сдѣлаться воспитателемъ при Павлѣ Петровичѣ и что при Екатеринѣ онъ могъ бы получать 10,000 р. дохода вмѣсто 7,000, если бы отказался отъ воспитательской должности. Очевидно, онъ былъ привязанъ въ своему воспитаннику; по крайней мѣрѣ такъ надобно полагать, если вспомнимъ, съ какою горестію и съ какими слезами Павелъ, уже взрослый, цѣловалъ руки у умирающаго Панина ¹⁾. Такъ нельзя было любить воспитателя, если бы тотъ въ свою очередь не любилъ воспитанника. Чѣмъ же объяснить суровость первыхъ пріемовъ Панина? Новостью ли воспитательнаго дѣла для него или незнаніемъ свойствъ воспитанника? По всей вѣроятности тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Одно очевидно: Елисавета никогда не назначила бы Панина къ Павлу, если бы любила послѣдняго съ прежнею горячностью: въ первое время Павелъ смотрѣлъ на Панина какъ на пугало и на опредѣленіе ере какъ на наказаніе себѣ. Если впоследствии между воспитателемъ и воспитанникомъ устанавливаются лучшія отношенія, то все же Панинъ не имѣлъ на Павла — какъ это видно напр. и при внимательномъ чтеніи записокъ Порошина — того моральнаго вліянія, которое никогда не достигается строгостью и только одно даетъ возможность овладѣть волею духовнымъ развитіемъ ребенка. Но не надобно забывать, что и положеніе Панина было одно изъ труднѣйшихъ. Панина называли не только воспитателемъ, но и опекуномъ Павла; но воспитателю во многихъ случаяхъ необходимо имѣть права отца. Ихъ не могъ имѣть Панинъ, воспитатель наследника престола, своего будущаго государя; по крайней мѣрѣ онъ не имѣлъ ихъ, хотя и долженъ былъ бы имѣть ради пользы своего же царственнаго воспитанника. Павелъ имѣлъ дворъ, толпу угодниковъ; онъ раздавалъ немалыя суммы на собственному ребяческому усмотрѣнію, рядился то въ мундиръ генераль-адмирала, то во фракъ, то въ бѣлый тафтяный халатъ и во множество другихъ платьевъ; къ его

¹⁾ Лебедевъ, 262.

услугамъ былъ корабль въ 15 футовъ длины и всевозможныя игрушки. Многое, что ему вздумалось пожелать, дѣлалось для него. Онъ читаетъ статью „Amour“ во французской энциклопедіи, и окружающіе оставляютъ его нѣкоторое время за этимъ чтеніемъ, хотя сами видятъ, что дѣлать этого ему не должно. Павелъ вырѣзываетъ ножницами то мѣсто изъ своего бѣлаго халатца, на которое упала табачная капля изъ носа его прислужника Фузадье и всѣмъ это кажется дѣломъ обыкновеннымъ.

Удивительно ли послѣ этого, что въ характерѣ Павла являются черты, которыхъ могло бы и не быть, если бы онъ выросъ при другой обстановкѣ. Опытъ не пропасть безъ слѣда и Екатерина уже далеко иначе воспринимаетъ дѣтей Павла—Александра и Константина Павловичей.

Натура Павла была чрезвычайно впечатлительна; преобладавшая способность въ немъ было воображеніе. Онъ быстро усвоивалъ себѣ что говорилось другими; слышалъ часто, показывая что не слышитъ. Умъ его былъ преимущественно аналитическій, онъ зорко подмѣчалъ мелочи и подробности; зналъ обстоятельно все о послѣднемъ изъ окружавшихъ его. Сила воображенія его была такъ велика, что пирамида казалась ему кораблемъ послѣ того, какъ онъ долго вглядывался въ бывшій у него корабль. Иногда онъ представлялъ себя на службѣ. Чтеніе исторіи Мальтійскаго ордена произвело на него сильное впечатлѣніе. Онъ воображалъ себя мальтійскимъ рыцаремъ и, какъ посланный отъ ордена, представлялся своему товарищу по играмъ и ученію, — Сашѣ Куракину, тому самому, котораго онъ, по словамъ Порошина, такъ живо копировалъ, воображая какъ Александръ Борисовичъ Куракинъ будетъ важничать, когда сдѣлается канцлеромъ. Павелъ занимался снами и они производили на него сильное дѣйствіе. Замѣчательно однако, что при этомъ онъ спалъ очень крѣпко, такъ крѣпко, что однажды, будучи еще очень маленькимъ на попеченіи женщинъ, и выпавъ изъ люльки, даже не проснулся. Часто воображаемое онъ принималъ какъ бы за случившееся. Нервность и какая-то торопливость въ характерѣ были замѣтны въ немъ вмѣстѣ съ неустойчивостью впечатлѣній. Иногда онъ разомъ влюблялся въ человека и за тѣмъ также быстро, часто безъ видимой причины, остывалъ къ нему. Вставъ, онъ торопился одѣться; его

мучило, если приходилось долго ждать кушанья; за столомъ онъ глоталъ пищу большими кусками, чтобы скорѣе кончить обѣдъ. Разъ за 92 часа до маскарада (Павелъ очень любилъ маскарады) онъ считалъ время по часамъ.

Особенности характера Павла надобно непремѣнно изучать въ связи съ его физическими особенностями. Надобно пожалѣть, что около Павла не было человѣка, который бы лучше всмотрѣлся въ его физическую природу и ознакомился съ ея требованіями. Павла наказывали тѣмъ, что кормили его молочнымъ ¹⁾). Онъ верѣдко выказывалъ отвращеніе и къ мясу, а между тѣмъ считали долгомъ кормить его мяснымъ, когда ему того не хотѣлось, и не давали рыбы, къ которой онъ привыкъ въ песты, еще живя съ мамушками и нянюшками ²⁾). По видимому природа мальчика сангвиническаго, нѣкаго не по лѣтамъ темперамента, нуждалась всего менѣе въ слишкомъ питательной, возбуждающей пищѣ, а между тѣмъ ее-то ему и давали, и затѣмъ, когда его рвало послѣ обѣда и у него болѣла голова, говорили что это отъ глотанія пищи большими кусками. Медицинская наука давно уже объяснила неестественную напряженность и разстройство воображенія разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ и хотя о дѣтѣ Павла по видимому прилагали стараніе, — Панинъ постоянно напр. отвѣдывалъ кофе, подававшійся его питомцу но этой же дѣтой разстраивалъ его здоровье.

Живой, подвижный мальчикъ, съ выразительнымъ лицомъ и нѣсколько вздернутымъ носикомъ, имѣвшій привычку нюхать все новое, не могшій выговорить твердо р, Павелъ не могъ долго естаться на мѣстѣ: онъ постоянно бѣгалъ и подпрыгивалъ. Это подпрыгиванье было у него общею чертою съ его родителемъ Петромъ Федоровичемъ. Вообще, знакомясь ближе съ личностью Павла, нельзя не видѣть многихъ общихъ чертъ характера между нимъ и Петромъ III. Историкъ есть много оснований остановиться на этомъ психологическомъ сходствѣ.

Павла начали учить очень рано и больше заставляли твердить

¹⁾ Порошникъ, 7—8.

²⁾ Русскій Архивъ, 1869, стр. 8.

наизусть. Это еще упрек Панину, подъ руководствомъ котораго начато было ученіе. Все затверженное было забыто послѣ сильной болѣзни, которую вынесъ Павелъ въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ двора въ 1763 г. Закоу Божію Павла училъ Платонъ, послѣ митрополитъ московскій, тогда только начинавшій карьеру блестящій проповѣдникъ, обладавшій, по замѣчанію и Екатерины II, удивительнымъ даромъ слова. Разъ Платонъ, говоря что человекъ сотворенъ по образу и подобию Божію, объяснялъ, что это надо понимать въ духовномъ смыслѣ. „И точно, замѣтилъ Павелъ, лица у людей разныя, а Богъ одинъ — какъ же можно!“ Находчивый умъ проявлялся въ Павлѣ и въ другихъ случаяхъ. Учитель исторіи, Остервальдъ, дойдя съ нимъ до преемниковъ Нина, перечислилъ 30 государей и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ ничего хорошаго. Послѣ урока отъ императрицы принесли 5 арбузовъ. Разрѣзали всѣ, но оказался одинъ лишь хорошимъ: „Вотъ — замѣтилъ Павелъ — изъ 30 государей не было ни одного хорошаго, а изъ пяти арбузовъ, хотя одинъ да сыскался хорошій.“

Павелъ былъ силенъ въ исторіи, и разъ за обѣдомъ поправилъ историческую ошибку одного изъ присутствующихъ, Штапельберга. Математикъ онъ учился сносно благодаря влиянію, пріобрѣтенному на него Порошинымъ, учителемъ и вѣстѣ гувернеромъ его. По французски съ великимъ изящемъ говорили довольно часто, но надъ смѣсью французскаго и русскаго языковъ, въ разговорѣ, онъ смѣялся. Нѣмецкій языкъ онъ очень не любилъ и учился по нѣмцекъ плохо. Нѣмецкій языкъ казался ему грубымъ: — „Нѣмецъ говорить: вытянуть пользу“, „выломать пользу“, „притащить къ суду“ — если держаться буквального перевода. „Я не нѣмецкій принцъ“, разъ сказалъ Павелъ; вообще онъ дурно отзывался о нѣмцахъ. Это враждебное къ нѣмцамъ настроеніе безспорно было слѣдствіемъ влиянія на великаго князя Порошина. Вообще можно замѣтить, что Павелъ верѣдко усваивалъ себѣ и повторялъ замѣчанія другихъ. Физическимъ наукамъ Павла училъ Эпинусъ. Вещей снабдилъ учебную куннату Павла токарнымъ станкомъ и ящикомъ съ шелковичными червями. Порошинъ старался внушить Павлу, что онъ Романовъ, внукъ Петра великаго. Малевъкаго великаго князя старались исправлять, дѣйствуя на его самолюбіе: показывали ему пьсь-

ма, будто бы написанныя посторонними людьми о немъ, говорили, что въ Европѣ судятъ о жизни наследника русскаго престола и слѣдятъ за подробностями ея.

Павелъ былъ самолюбивъ отъ природы. Разъ въ театрѣ онъ остался недоволенъ, что партеръ два раза захопалъ безъ сигнала отъ него. Когда принесли его бистъ и хвалили работу, онъ также былъ недоволенъ: „есть что хвалить — замѣтилъ онъ — какой фуронкъ сдѣланъ!“ Но съ другой стороны маленькій Павелъ отзывался невольно о придворныхъ льстецахъ. Разъ, когда ему стали аллодировать, еще прежде чѣмъ онъ началъ танцовать въ балетѣ, онъ замѣтилъ: настояціе персики“ („персики“ на его языкѣ значило „льстецы“) и прибавилъ: „о дворъ, дворъ!“ Не смотря на сильно развитое воображеніе, Павелъ не любилъ театра. Онъ говорилъ, что ему нравится уединеніе и что если бы онъ былъ дѣвочкою, то поступилъ бы въ Смольный монастырь; слово „монастырь“ вѣроятно заставляло его предполагать уединеніе въ Смольномъ. Одно время въ комнатахъ Павла устроился Павловскій монастырь, настоятелемъ котораго былъ Панинъ, а Павелъ вѣчно дежурнымъ монахомъ.

Павелъ былъ отъ природы очень добраго сердца. Онъ не забывалъ своихъ прежнихъ нянь, хранившихъ какъ сокровище ведоса, обрѣзанные у него въ дѣтствѣ, и иногда посѣщалъ ихъ. Разъ, обуваясь, онъ увидѣлъ на полу ползущую мокрицу и не могъ удержаться, чтобы не крикнуть изъ боязни, что ее раздавятъ ¹⁾. Двадцати-семилѣтній Павелъ плакалъ, расставаясь съ своимъ попечителемъ Салтыковымъ ²⁾. Впослѣдствіи уже императоромъ, онъ по личному побужденію писалъ къ рязанскому губернатору Сонину, объ одной несчастной (обвиненной въ томъ, что она тайно зарыла мертворожденнаго своего ребенка), что ее не надобно отдавать подъ судъ, прибавляя, что самое приключеніе для нея было достаточно на казаніемъ ³⁾. Всильчивость и отчасти характеръ воспитанія объ-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1869, 7.

²⁾ Русскій Архивъ, 1864, 944.

³⁾ Русскій Архивъ, 1867, 246.

ясняютъ рѣзкость, съ какою иногда выражался Павелъ, когда ему что нибудь не нравилось. „Пень, какъ его ни одѣнь — замѣтилъ Павелъ разъ о фрейлинѣ Паниной — все останется пнемъ“. Но какъ скоро онъ могъ вспылить, такъ скоро и приходилъ въ себя. Поссорясь съ Порошинимъ, онъ послѣ просилъ у него прощенія. На такую натуру можно было дѣйствовать только добромъ и добрымъ примѣромъ; дѣйствовать строгостью значило вести къ упрямству. Разъ Павелъ до того ожесточился за столомъ, что Сальдернъ замѣтилъ присутствовавшимъ о немъ: „с'est une tête de fer.“ При этомъ случаѣ Павелъ былъ выведенъ изъ за стола. „Ваше высочество при всѣхъ добрыхъ наклонностяхъ вашей души можете заставить себя ненавидѣть“, — сказалъ разъ Павлу выведенный изъ себя Порошинъ ¹⁾. Это было сказано можетъ быть слишкомъ рѣзко, но подобныя слова западали въ впечатлительную душу Павла и заставляли его исправляться.

Вообще въ природѣ Павла много было задатковъ хорошаго; дурное слѣдовало устранить воспитаніемъ. Но если умственное воспитаніе дано было ему по тому времени очень хорошаго, то воспитаніе души, воспитаніе нравственное оставило многого желать. Физическое же воспитаніе его было такое, что ошибки воспитателей яро бросаются въ глаза.

Цесаревна Наталья Алексѣевна.

Павелъ былъ ребенкомъ страстная, впечатлительная натура. Въ раннемъ дѣтствѣ, въ комнатахъ ипп. Елисаветы Петровны его, ребенка лежавшаго въ колыбели, вѣтали въ мѣха и одѣла; нѣсколько первыхъ лѣтъ жизни онъ пробылъ среди мамокъ и нянюшекъ, нѣжившихъ и холившихъ его какъ тепличное растеніе. Онъ развился физически очень рано. Отъ природы сильное воображеніе тревожило его романическими образами уже на одиннадцатомъ году жизни и даже ранѣе. Десятилѣтній мальчикъ, онъ уже писалъ на

1) Русскій Архивъ, 1869, стр. 15.

окиѣ ния нравившейся ему фрейлины. Одинадцати лѣтъ онъ прочелъ два раза у Роллена то мѣсто, гдѣ говорится о женскихъ свойствахъ, стараясь, по словамъ Порошина, не дать замѣтить другимъ что читалъ. „Когда жениусь—говорилъ около того же времени маленький Павелъ—то жену очень любить стану и ревнивъ буду.“ Екатерина II была далеко оттого, чтобы противодействовать этимъ, рано развившимся наклонностямъ въ Павлѣ. Напротивъ, она сама воощряла его быть любезнымъ и играть въ нѣжны чувства. Но хотя отъ воспитателей своихъ десятилѣтній Павелъ не скрывалъ своихъ сердечныхъ тайнъ,—матери, однако, онъ не сказалъ на ухо ния фрейлины, всего больше нравившейся ему, когда Екатерина спросила его о томъ; его отвѣтъ былъ: „всѣ равны.“ Но не забудемъ, что предъ Екатериной маленький великій князь чувствовалъ себя съ дѣтства какъ-то неловко; такъ напр. Порошинъ замѣчаетъ, что великій князь, довольно порядочный игрокъ на бильярдѣ съ другими, съ Екатериною игралъ очень плохо. Впослѣдствіи иностранцы при рускомъ дворѣ замѣчали, что Павелъ является предъ матерью какъ предъ судьей ¹⁾. Но скрыть отъ Екатерины своихъ ощущений десятилѣтній Павелъ не могъ. Такъ Порошинъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ о великомъ князѣ: „ея величество примѣтила, что смотреть на любезную.“ Молодые фрейлины, пользуясь тѣмъ, что императрица снисходительными глазами смотрѣла на пробужденіе нѣжныхъ чувствъ въ сынѣ, вели себя съ Павломъ довольно свободно. Онѣ подмигивали изъ оконъ „любезному Пушкѣ“, какъ онѣ звали между собою Павла ²⁾; казались обиженными тѣмъ, что Павелъ на маскарадахъ танцевалъ не съ ними, а съ посредственнаго состоянія дѣвушками; острялись надъ Павломъ, когда онъ подарилъ своей возлюбленной бергамотъ. Порошинъ отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что въ окошко перемигивалась съ нимъ больше его „модная“, т. е. нравившаяся ему болѣе другихъ въ то время; и въ другомъ мѣстѣ, что „любезная“ часто поглядывала на Павла въ лорнетъ. Воспитатель Павла говоритъ и

¹⁾ La Cour, 251.

²⁾ Порошинъ, 225.

объясненіяхъ его съ возлюбленной. Фрейлина Чеглокова, о которой Павелъ сталъ мечтать послѣ Хованской (съ Хованской онъ не хотѣлъ послѣ даже играть въ *fête d'amour*), разъ сказала, что хотѣла бы поцѣловать у Павла руку. Въ новый (1766) годъ сдѣлали такъ, что Павлу за ужиномъ досталось сидѣть съ Чеглоковой, хотя сажались по билетамъ. Павелъ былъ ровнѣе въ своихъ дѣтскихъ страстяхъ; онъ назвалъ разъ свой предметъ страсти червонной десяткой, говоря, что она многимъ отдаетъ свое сердце. Послѣ, въ сердцахъ, онъ разорвалъ червонную десятку въ клочки.

Екатерина, слѣдившая за развитіемъ Павла, стала рано подыскивать ему невѣсту. Павлу еще нѣтъ одиннадцати лѣтъ, а агентъ и повѣренный Екатерины, Ассбургъ, уже объѣзжаетъ германскіе дворы, высматривая достойную невѣсту для наслѣдника русскаго престола. Ассбургъ остановился на пяти принцессахъ, но напр. Луиза Саксенъ-Готская отказалась ѣхать съ дочерью въ Петербургъ: ревностная лютеранка, она не желала, чтобы дочь ея, на которую могъ пасть выборъ наслѣдника русскаго престола, перешла въѣру. Между принцессами, остановившими на себя вниманіе Ассбурга, была также одна, Доротея Виртембергская, которой года не позволяли сдѣлаться невѣстою: ей было всего 9 лѣтъ, когда ее увидѣлъ впервые Ассбургъ. Впрочемъ, подруга дѣтства принцессы Виртембергской, баронесса Оберквирхъ, говорить, что 10 лѣтней Доротей — будущей имп. Маріи Феодоровнѣ — казалось 15 лѣтъ, такъ она была физически развита. Окончательно вниманіе Ассбурга остановилось на принцессѣ Вильгельминѣ Гессенъ-Дармштадской. О Вильгельминѣ Ассбургъ писалъ Н. И. Панину какъ о достойной невѣстѣ для наслѣдника русскаго престола. Предполагалось, что Панинъ покажетъ письмо Екатеринѣ, но онъ этого не сдѣлалъ. Екатерина, однако, узнала о письмѣ черезъ своихъ агентовъ ¹⁾. Тутъ могла зарониться искра неудовольствія въ сердце Екатерины противъ главнаго воспитателя ея сына; вліянію Панина на Павла въ послѣдствіи должно было еще болѣе усилить это неудовольствіе.

Екатерина не хотѣла связывать себя какими либо условіями въ

1) Лебедевъ, 137.

выборъ невѣсти для сына прежде, чѣмъ видѣла ее собственными глазами. Желаніе ея было, чтобы принцессы, на которыхъ надеть выборъ ея невѣрннаго, пріѣхали въ Петербургъ, и чтобы ей оставаться выборомъ можно было лишь послѣ личнаго знакомства. Но она была далека отъ того, чтобы предоставить выборъ принцессъ, которыхъ она могла пригласить въ Петербургъ, исключительно Ассесбургу. Напротивъ, она хотѣла изучить избранныхъ прежде, чѣмъ могло быть послано имъ приглашеніе пріѣхать. Это дѣлалось посредствомъ частой, обстоятельной переписки съ Ассесбургомъ. Екатерина вела эту переписку съ любовью, съ неустомъ; въ письмахъ ея къ Ассесбургу высказывается много тонкаго ума и знанія людей. Но обстоятельная, вполне дѣловая переписка не была единственнымъ средствомъ у Екатерины для оцѣнки будущей невѣсты сына. Она вѣрила въ физиогномику, въ способность узнавать человека по лицу; если она не могла видѣть человека лично, то судила о немъ по портрету; Ассесбургъ долженъ былъ присылать ей портреты принцессъ, о которыхъ писалъ. Принцесса Вильгельмина Дармштадтская поправилась Екатериной по портрету. Но посмотримъ, что говоритъ Ассесбургъ о Вильгельминѣ и ея двухъ сестрахъ ¹⁾: онъ колебался въ выборѣ одной изъ трехъ.

Мать принцессъ Дармштадтскихъ описывается женщиною слабою, не могущею руководить дѣтьми. Отецъ былъ холоденъ къ дѣлу ихъ воспитанія. Но, по замѣчанію Ассесбурга, отличительною чертою дармштадтскаго владѣтельнаго дома было то, что члены этой семьи „удалались отъ пороковъ и любили истину.“ Эта фраза была едва ли общее мѣсто. По крайней мѣрѣ Ассесбургъ такими привлекательными чертами описываетъ одну изъ принцессъ, выросшихъ безъ присмотра и руководства, среди дармштадтской придворной скуки, что надобно удивляться какъ выборъ его готовъ былъ остановиться не на ней, а на сестрѣ ея Вильгельминѣ, о которой онъ писалъ Панину. Когда Ассесбургъ первый разъ увидѣлъ Амалию, старшую принцессу, — она была высокая, очень ведурная собою, дѣвушка. На лицѣ ея, по временамъ освѣщенномъ мыслью, отражалась кротость.

¹⁾ Лебедевъ, 161—171.

Въ обращеніи она была благородна, даже съ оттѣнкомъ великодушія. Она была склонна къ чтенію, застѣлива, не цѣнила внѣшней обстановки. Ассесбургъ прибавляетъ, что она была невнимательна къ себѣ, даже неряшлива. Но у екатерининскаго повѣреннаго могъ быть свой взглядъ на неряшливость. Интересно напр., что онъ ставитъ въ вину принцессамъ ихъ убѣжденіе, что добродѣтель блистаетъ сама собою, что грація, тактъ, умѣнье держать себя, знаніе свѣтскихъ обычаевъ — качества искусственныя и легко приобретаемыя. На этомъ основаніи онъ отвергъ старшую принцессу, Амалию, притомъ еще опираясь на то, что она была въ то время (въ 1768 г.) больна глазами, и отдалъ предпочтеніе Вильгельминѣ.

Портретъ Вильгельмины, набрасываемый Ассесбургомъ въ его письмахъ, далеко, однако, не такъ симпатиченъ, какъ портретъ ея старшей сестры. Вильгельмина была прекрасное дитя, но послѣ очень измѣнилась. Черты лица ея огрубѣли, носъ и ротъ измѣнили форму, цвѣтъ лица потемнѣлъ и испортился, лице утратило прежній колоритъ; тація, походка, даже голосъ совершенно измѣнились. Веселость характера смѣнилась скрытностью, сухостью въ разговорахъ, даже врачностью, тяжеловатостью и невнимательностью. У Вильгельмины явилось заученое выраженіе лица. Удовольствія, танцы, наряды, общество подругъ и игры ее не занимали. Хвалили ея умъ и послушаніе, но не было недостатка и въ капризахъ. Она была нервна и нѣсколько рѣзка въ рѣшеніяхъ. Не терпѣла принужденія ни въ чемъ; и даже въ нарядахъ дѣлавшихся для сестеръ оно ей было невыносимо. Но Ассесбургъ пишетъ точно также, что она была равна въ обращеніи со всѣми, открыта и доступна вѣрному сужденію. Онъ полагалъ, что если манеры ея нѣсколько небрежны, то при другихъ обстоятельствахъ онѣ сдѣлаются милѣе, пріятнѣе и ласковѣе. Когда принцессамъ дали понять, что Россія можетъ сдѣлаться для одной изъ нихъ новымъ отечествомъ, то Вильгельмина казалась какъ-то болѣе сестеръ интересовалась бесѣдами объ этомъ. Рѣчи о Петербургѣ сдѣлали ее разговорчивѣе, она говорила и слушала съ видимою цѣлью научиться и интересовалась предстоящею поѣздкою, хотя гордость нрава и заставляла ее скрывать это. Ассесбургъ пришелъ къ убѣжденію, что она честолюбивѣе сестеръ. Екатерина по видимому пришла къ тому же убѣжденію, на основаніи

его писать. Сохранилась приписка Екатерины на письмѣ Ассбургга при имени Вильгельминны: „увѣрена, что честолюбивѣе другихъ; кто не имѣетъ ни къ чему влеченія и ни чѣмъ не забавляется, тотъ сдѣлаемъ честолюбивѣе — это безошибочное правило, ¹⁾“. Екатерина предлагала пари барону Черкасову, что вторая изъ принцессъ (Вильгельмина) будетъ предпочтена при выборѣ невѣсты. Надобно замѣтить, что Екатерина, впрочемъ, относилась довольно холодно и безучастно къ выбору принцессы Вильгельминны. Ея избранница для сына была бы Доротея Виртембергская ²⁾, если бы въ то время, когда шло самое горячее сватовство, ей не было всего 14 лѣтъ. Въ Доротеѣ не было бы можетъ столь развитаго ума, какой видѣли въ Вильгельминѣ, но Екатерину въ ней въ особенности привлекала доброта, да и по умственному развитію 12 лѣтней дѣвочки нельзя было судить чѣмъ она будетъ въ зрѣломъ возрастѣ. Надобно прибавить также, что за выборъ Вильгельминны въ супруги Павлу былъ Фридрихъ II. Ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская получила приглашеніе отъ Екатерины пріѣхать съ дочерью въ Петербургъ. Ландграфиня была въ затруднительномъ положеніи. Злые языки могли сказать, что она ѣдетъ представить своихъ дочерей на выборъ. Она давала понять повѣренному Екатерины, что лучше было бы прежде поѣздки сдѣлать извѣстнымъ выборъ одной изъ дочерей ея въ супруги великому князю Павлу Петровичу ³⁾; въ Петербургъ ѣхала бы невѣста наследника русскаго престола со всѣми родными, и не было бы никакихъ толковъ и пересудовъ. Но Екатерина не могла думать согласиться на это. Она ни за что не хотѣла заранѣе стѣснять себя какими либо условіями. Она просто приглашала ландграфиню посѣтить ее и ея ли дѣло было, что злые языки могли дѣлать тѣ или другіе выводы. Ландграфиня сдалась. На поѣздку ея было отпущено изъ русскаго казны 80,000 гульденовъ. Эскадра Крузе была послана въ Любекъ, чтобы перевезти оттуда моремъ ландграфиню съ дѣтьми въ Россію. Баронъ Черка-

¹⁾ Лебедевъ, 173.

²⁾ Assenburg, 276—277.

³⁾ Лебедевъ, 272—273.

совъ, домашній человѣкъ Екатерины и ея партнеръ въ карточныхъ играхъ, котораго она можетъ быть за его замѣчательную толстоту прозвала Осомъ Діафорусомъ, былъ назначенъ распорядиться приѣмомъ ландграфини въ Россіи. Варошъ спрашивалъ: поцѣловать ли ему руку у ландграфини и принцессъ по выходѣ ихъ на берегъ? Екатерина отвѣтила, что цѣловать руки нельзя. Поцѣлуй руки у прибывшихъ принцессъ уполномоченнымъ Екатерины могъ быть истолкованъ какъ доказательство того, что на нихъ уже смотреть какъ на будущихъ родственницъ царскаго дома, а этого-то именно Екатерина и не желала.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ. Принцесса Вильгельмина была избрана и вступила въ царскую семью подъ именемъ гол. кн. Натальи Алексѣевны. Не долга была брачная жизнь ея. Сначала ей по видимому многое улыбалось. Екатерина, нерѣдко бывшая въ размолвкахъ съ своимъ наследникомъ престола, болѣе по интригамъ Панина и Потемкина, въ первое время послѣ брака Павла сошлась съ нимъ; большой и малый дворы сблизились, Панинъ (Н. И.) и Потемкинъ на время помирились ¹⁾. Екатерина говорила, что невѣстка возвратила ей сына. Но миръ и союзъ продолжался недолго. Опять началась борьба между Потемкинскимъ и Панинскимъ. Потемкинъ не доброжелательствовалъ Павлу и его вліяніе на Екатерину держало наследника ея вдали отъ дѣлъ. Панинъ, успѣвшій приобрести значительное вліяніе на своего воспитанника въ его дѣтствѣ и не утратившій этого вліянія съ годами, внушалъ подъ рукою кому нужно было, что Павелъ теперь уже совершеннолѣтній и долженъ имѣть участіе въ дѣлахъ государственныхъ ²⁾. Это породило недовѣрчивость въ Екатеринѣ. Умная и честолюбивая невѣстка могла казаться опасною ей, если бы внушенія Панина имѣли дѣйствіе. Екатеринѣ казалось, что она открыла нѣкоторыя задушевные тайны Натальи Алексѣевны. Ходили толки, что супруга наследника ищетъ случая сблизиться съ народомъ ³⁾. Гордый и

¹⁾ Лебедевъ, 183.

²⁾ Лебедевъ, 175—176.

³⁾ Лебедевъ, 184.

самолюбивый характеръ Натальи Алексѣевны былъ не изъ тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ объясненіямъ и идутъ на мировую, если считаютъ свое дѣло правымъ. Уединенная жизнь, которую вели наследники престола и его супруга, не разсѣвала сомнѣній и недвѣрія при большомъ дворѣ. Кромѣ молодого Разумовскаго (Андрея Бир.) рѣдко кто бывалъ съ нѣкотораго времени въ обществѣ Павла Петровича и Натальи Алексѣевны. Молодая супруга своимъ твердымъ характеромъ и умомъ приобрѣла сильное вліяніе на впечатлительную натуру Павла.

Недоумѣнія и опасенія скоро рушились и рушились трагически. Молодая супруга наследника престола умерла первыми родами. Роды несчастны были вслѣдствіе того, какъ говорятъ, что не подоспѣлъ во время акушеръ. Акушеру, доктору Альманну, Екатерина сказала, что онъ отвѣчаетъ своею головою, если что илбудь случится. Альманнъ перепугался и не пошелъ къ родильницѣ ¹⁾).

Сближеніе именъ значитъ очень мало въ исторіи. Но нельзя не замѣтить, что въ характерѣ и судьбѣ второй Натальи Алексѣевны, умершей въ царскомъ семействѣ въ XVIII ст., было что-то общее съ нервой. Обѣ начали рано жить умомъ; обѣ хотѣли быть полезны и тѣмъ, кто былъ имъ дорогъ. Умъ обѣихъ былъ препятствіемъ для эгоистическаго расчета другихъ. Обѣ ували рано въ жизни, почти не оплаканными тѣми, для кого онѣ хотѣли быть опорю, сопровождаемыми въ новилу равнодушіемъ тѣхъ, кому трагическій конецъ ихъ очищалъ дорогу.

Павелъ еще въ очень молодомъ возрастѣ остался вдовцемъ.

Императрица Марія Федоровна.

Судьба судила, чтобы та, съ мыслию о которой, какъ о невѣстѣ для своего сына, Екатеринѣ такъ трудно было разстаться, сдѣлалась супругою Павла Петровича. Умерла Наталья Алексѣевна и

¹⁾ Castéra II, 379.

уже выбирать другую невесту для него не нужно было: Доротея Виртембергская была заранее набрана Екатеринною.

Принцесса Доротея родилась въ 1759 г. и воспитывалась въ родовомъ замкѣ Монбельярѣ въ Виртембергѣ. Самья отца ея была велика: у Доротен было 11 братьевъ и сестеръ. Ея семейство считало въ своемъ родствѣ Фридриха II и по желанію короля прусскаго Доротея была воспитана въ лютеранствѣ, хотя отецъ ея былъ католикъ. Мать ея не хотѣла, чтобы дѣти ея приобрѣтали французскія привычки, въ то время быстро усваивавшіяся при дворахъ и въ высшемъ обществѣ Германіи. Гувернанткой Доротен была непреступная м-ше Гендель, нѣмка, о которой Доротея, уже будучи супругою наследника русскаго престола, писала шутя своей подругѣ, баронессѣ Оберкирхъ: „дѣлую пражу съ башмаковъ м-ше Гендель.“ Отъ жены гувернера своихъ братьевъ, Моилера, урожденной баронессы Лефортъ (происходившей отъ Лефорта, учителя и сподвижника Петра I), Доротея ребенкомъ слышала много о Петрѣ, о Россіи и по словамъ ея подруги дѣтства, съ любопытствомъ всегда говорила о странѣ, которой суждено было сдѣлаться ея вторниъ отечествомъ. Баронесса Оберкирхъ помнила какъ Доротея постоянно чихала, произносила одно трудное русское имя, сдѣдствиемъ чего обыкновенно былъ неумѣренный смѣхъ. „По счастью — шутливо прибавляетъ баронесса — госнодинъ, носившій это имя, умеръ до свадьбы Доротен, а то онъ причинялъ бы ей постоянную простуду.“ Доротея такъ много слышала о Россіи въ дѣтствѣ, что когда рѣчь зашла о сватовствѣ, принцесса считала его какъ бы предназначеніемъ судьбы. Доротея радовалась мысли о предстоящемъ бракѣ, говорила, что считаетъ себя счастливѣйшею принцессою въ мірѣ. Но потомъ дума набѣгала на ея молодое, розовое личико и грусть отгѣвлялась на близорукихъ, но добрыхъ и красивыхъ голубыхъ глазахъ. „Ужасныя несчастія постигаютъ иногда царей — говорила она, — кто знаетъ какую судьбу небо судило моему ребенку“ ¹⁾. Но скоро ребячески-меланхолическая мысль свѣтаетъ съ ея лица и она начинаеть съ подругою учиться кляняться передъ креслами, чтобы не

¹⁾ Oberkirch, I, 99.

уронить себя при появленіи при дворѣ Екатерины. Мысль явиться предъ русскою императрицею смущала Доротей; она такъ много слышала о Екатеринѣ: „Я боюсь Екатерины — говорила она, — она испугаетъ меня; я увѣрена, что покажусь ей довольно глупою. О, если бы только понравиться ей и великому князю!“

Екатерина, судя по портрету, говорила, что у Доротей одно качество — доброта. Впослѣдствіи (въ 1778 г.) Корберонъ говорилъ, что принцесса Виртенбергская, послѣ великая княгиня, будущая императрица, всегда была и останется женщиною и ни чѣмъ болѣе. Женственная по природѣ, любившая цвѣты до страсти, очень не дурная собой, Доротея по приѣздѣ въ Петербургъ не могла не понравиться Павлу Петровичу. Надобно замѣтить, что о лицѣ ея едва ли можно судить по портретамъ: изъ пяти, написанныхъ съ нея вскорѣ по вступленіи въ бракъ, только одинъ оказался нѣсколько сноснымъ. Императрицею она сохраняла слѣды молодости и свѣжести въ 50 лѣтнемъ возрастѣ, на памяти людей живущихъ. Ровный характеръ, большой закъ терпѣнія и любовь къ порядку во всемъ, отличительныя черты бывшей принцессы Доротей, содѣйствовали этому.

Екатерина привязалась по портрету и письмамъ Ассебурга еще въ 12 лѣтней Доротей. Она просила прислать Доротей и еще кого нибудь изъ ея 11 братьевъ и сестеръ къ ней въ Петербургъ, обѣщая приложить стараніе о ихъ воспитаніи ¹⁾). Рѣчь объ этомъ шла, когда уже была избрана другая въ невѣсты наследнику престола. Наконецъ желаніе Екатерины исполнилось. Доротея въ Петербургъ, но уже не воспитанницею русскою императрицы, а невѣсткою ея, великою княгиней Марією Федоровною.

Молодые супруги жили въ любви и согласіи. Изъ задушевныхъ писемъ Маріи Федоровны къ ея подругѣ дѣтства видно, что ея впервые пробужденная привязанность была сильна. Эпизодъ изъ путешествія молодыхъ супруговъ по Италіи, уже нѣсколько лѣтъ спустя по вступленіи ихъ въ бракъ, показываетъ, что они долго смотрѣли другъ на друга глазами влюбленныхъ. Разъ Павелъ и

¹⁾ Asseburg, 276—277.

Марія Федоровна ѣдутъ въ каретѣ съ англичаниномъ серужъ Вялья ионъ Гамильтономъ. Павелъ цѣлуетъ Марію Федоровну. Чопорный англичанинъ отворачиваетъ голову въ сторону, стараясь показать, что ничего не видалъ. Павла тѣшитъ маневръ англичанина и онъ въ духѣ. Онъ нарочно старается цѣловать супругу въ то время, когда англичанинъ поворачивается къ нимъ. Гамильтонъ то и дѣло отворачивается въ сторону; онъ смущенъ и теряется... Наконецъ пріѣхали, пытка его кончилась.

Марія Федоровна по природѣ не могла не быть доброю, заботливою матерью. Когда было рѣшено Павлу съ супругой ѣхать путешествовать за границу, ее едва можно было побудить разстаться съ ея малолѣтними дѣтьми; ее вынесли въ карету, стоявшую возлѣ крыльца, въ обморокъ ').

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ этого путешествія. По общему мнѣнію, въ Парижѣ король припалъ Павла какъ друга, герцогъ орлеанскій какъ гражданина, принцъ Конде какъ императора ²⁾). Церковь Notre-Dame въ Парижѣ, какъ и соборъ Петра въ Римѣ, очень понравились Марьѣ Федоровнѣ, но—какъ признавалась она—греческія церкви нравились ей больше. Во время представленія въ театрѣ пьесы „Chasse de Henri Quatre“ Павелъ такъ былъ растроганъ, что плакалъ о Генрихѣ IV и попросилъ повторить для него пьесу. Это было сдѣлано и въ честь этого случая были написаны стихи, пророчившіе, что Павелъ уподобится Генриху IV. Интересна замѣтка Павла о французахъ. Разъ въ толпѣ, окружавшей его, слышится замѣчаніе, что онъ душень собой: „Хотя французы очень учтивы, замѣтилъ Павелъ, обращаясь къ русскому посланнику въ Парижѣ, но нельзя отрицать, что они и очень откровенны.“ Королева Марія Антуанета произвела сильное впечатлѣніе на Павла при свиданіи ихъ. Онъ много говорилъ о ея глазахъ, орлиномъ носѣ, гордо складывавшихся губкахъ, такъ что Марія Федоровна, слушавшая все это, поддалась—по словамъ бар. Оберкярхъ—легкому чувству ревности. Проблескъ того же чув-

¹⁾ Лебедевъ, 260.

²⁾ Oberkirch, II, 24.

ства слышится въ замѣчаніи великой княгини по поводу чрезвычайной благодарности баронессы Оберкирхъ Павлу за доставленные имъ ей цвѣты и фрукты; Марія Ѳеодоровна назвала это изліаніе благодарности слѣдствіемъ разстройства желудка.

Заботливая мать, Марія Ѳеодоровна, конечно, желала бы сама воспитывать своихъ дѣтей; но воля имп. Екатерины была, чтобы дѣти Павла воспитывались въ Петербургѣ, и подъ ея непосредственнымъ надзоромъ. Конечно, императрица дѣлала это не изъ нерасположенія къ великой княгинѣ. Извѣстно, что Екатерина, иногда надѣвавшая фартукъ и исполнявшая должность повивальной бабки даже у обыкновенныхъ приближенныхъ, спасла Марію Ѳеодоровну отъ смерти родами при роженіи вел. кн. Екатерины Павловны ¹⁾. Впослѣдствіи Марія Ѳеодоровна, уже мать взрослыхъ дѣтей, должна была иногда нѣсколько разъ въ недѣлю ѣздить по тряской тогдашней дорогѣ изъ Гатчина въ Петербургъ для свиданія съ дѣтьми. И въ домашней жизни ея не все были розы. 30,000 р. ассигнаціями въ годъ, выдававшіеся наследнику престола, были средства очень скудныя для содержанія двора. Водкая княгиня сопровождала своего сулруга на его любимые маневры и военныя экзерциціи, терпя иногда стужу и холодъ. Самъ Павелъ въ актѣ, имѣвшемъ быть обнародованнымъ въ случаѣ его смерти (въ 1788 г., когда шла рѣчь объ отправленіи его въ дѣйствующую армію), благодарилъ ее за терпѣніе ²⁾.

Мы не разъ еще встрѣтимся впослѣдствіи съ имп. Марією Ѳеодоровною.

Гатчино.

Разъ къ подъѣзду зимняго дворца подошелъ ящикъ съ хлѣбомъ-солью и просилъ его допустить къ государю Павлу Петровичу. Придворные вскинулись на него; свое ли онъ затѣваетъ?

¹⁾ Лебедевъ, 263.

²⁾ Вѣстникъ Европы, 1867, I.

Хотѣли мужика вытолкать. Но онъ просилъ только доложить о немъ, а государь его уже знаетъ. Доложили. Павелъ принялъ ласково ящичка и спросилъ императрицу помнить ли она его. На отрицательный отвѣтъ, онъ напомнилъ ей, что это былъ тотъ самый мужичокъ, который имъ, когда они жили въ Гатчинѣ, ссудилъ въ долгъ на 2,000 р. лошадей. Павелъ зашутилъ, что ящичекъ можетъ спрашивать теперь у него денегъ съ долга, но тотъ отвѣчалъ, что у него, благодаря Вора, на нужду денегъ довольно, а если государю они когданибудь понадобятся, то онъ готовъ отдать ихъ до послѣдней полушки ¹⁾.

Этотъ эпизодъ бросаетъ свѣтъ на гатчинскую жизнь Павла Петровича и Маріи Федоровны въ царствованіе Екатерины II. Средства ихъ—30,000 р. ассигновками въ годъ—были очень скудными. Припомнимъ, что въ это время русскій посланникъ въ Варшавѣ, Штапельбергъ, получалъ 44,000 р. жалованья въ годъ и посланникъ въ Константинополь 26,000 ²⁾. При дворѣ Екатерины во вторую половину ея царствованія господствовала роскошь; на дневное содержаніе только трехъ лицъ отпускалось отъ двора по 600 р. въ день ³⁾. Въ такое время содержаніе наследника престола казалось очень скуднымъ. Правда, Екатерина взяла на себя заботы о дѣтяхъ Павла Петровича и, слѣдовательно, расходы на нихъ, но содержать гатчинскій дворъ, хотя и небольшой, все таки стоило чегонибудь. Притомъ если Екатерина и хотѣла воспитать Павла въ англійской простотѣ, то во первыхъ воспитаніе его начато было Елисаветою Петровной, а во вторыхъ и послѣдующая обстановка его воспитанія вела къ совершенно противоположному. Павелъ любилъ хорошо одѣваться и хотя старался вести возможно умѣренный образъ жизни, но часто нуждался въ деньгахъ. Мы видимъ, что онъ занимаетъ у простаго ящичка. Другъ его, Александръ Бор. Куракинъ, тотъ самый Саша Курявинъ, котораго онъ "валялъ," въ дѣтствѣ съ своимъ воспитателемъ

¹⁾ Болотовъ, въ Рус. Арх., 1864, 602,

²⁾ Assburg, 308

³⁾ Грибовскій, 5.

ми и обгонялъ въ ученіи — закладывалъ свои имѣнія, чтобы выручить наследника престола изъ нужды ¹⁾).

Впослѣдствіи Павелъ императоромъ заплатилъ долгъ другу своему съ лихвою. Скудость средствъ во время жизни въ Гатчинѣ, съ одной стороны сдѣлавъ умирность въ жизни и отсутствіе роскоши необходимою для Павла, повела въ царствованіе его къ ряду реформъ и мѣръ противъ пышности и расточительности. Съ другой стороны, узнавъ на опытѣ что значить имѣть недостаточныя средства, Павелъ впослѣдствіи щедрою рукою опредѣляетъ содержаніе царскаго семейства и отдѣляетъ часть казенныхъ крестьянъ, подъ названіемъ удѣльныхъ, для императорской фамилии.

Что же разъединило мать съ сыномъ и заставило Павла поселиться въ гатчинскомъ уединеніи? Или быть можетъ Екатерина не любила сына и преслѣдовала его? Впослѣдствіи дѣйствительно между матерью и сыномъ произошелъ разладъ, если не наружный, то скрытый; но напрасно было бы думать, что Екатерина питала нелюбовь къ сыну съ дѣтства ²⁾. Она нерѣдко посѣщала его, ласкала. Мы видели, что она входила съ нимъ въ интимные разговоры, прося сказать ей на ушко, которая изъ фрейлинь ему больше нравится. Называя его по-французски "Monsieur le Grand Duc", она обращается къ нему по-русски со словами „Ты, батюшка.“ Она общается, когда Павелъ выростетъ, призывать его къ себѣ для слушанія дѣлъ. Изъ "Записокъ", же Порошина мы знаемъ, что императрица, играя съ сыномъ въ берданъ, сбрасывала нарочно старшія карты, чтобы проиграть маленькому Павлу; по крайней мѣрѣ такъ казалось Порошину. Очень вѣроятно, что если бы она встрѣтила привязанность и откровенность со стороны Павла, то между ними установились бы дружескія отношенія. Но Павелъ дичится и робѣетъ въ присутствіи матери. Онъ скучаетъ и чувствуетъ себя связаннымъ на ея половинѣ. Какъ впослѣдствіи любовь внука, Александра Павловича, къ ней, находила отвѣтъ въ страстной любви съ ея стороны, такъ дѣтская угрюмость и сде-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1868, стр. 23.

²⁾ Ср. Письма Екатерины II къ Н. И. Панину. Чтенія, 1863, II.

ржанность Павла при ней могли сдѣлать ее впоследствии холоднѣе къ нему. Но холодныя отношенія установились еще не скоро. Павелъ сближается съ Екатериною въ первое время брачной жизни своей съ Натальею Алексѣевною и потомъ при рожденіи вел. кн. Екатерины Павловны отъ Маріи Феодоровны. Но съ усиленіемъ вліянія Потемкина, Екатерина и Павелъ окончательно охладѣваютъ другъ къ другу и Потемкинъ былъ главною причиною этого. Чтобы объяснить чувства Павла къ Екатеринѣ, нужно обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства его дѣтства. Мы уже видѣли, что Павелъ былъ ребенокъ весьма впечатлительный. Семилѣтній малютка, онъ былъ крайне перепуганъ событіями іюня 1762 г. Въ ту ночь, когда Екатерина отправилась въ Петергофъ во главѣ корпуса войскъ, Панинъ легъ на одну постель съ великимъ княземъ. На другой день, Павелъ отправился съ своимъ воспитателемъ въ каретѣ, въ то время какъ солдаты на-скоро и полуодѣтые бѣжали къ Казанскому собору. Памятная ночь отозвалась сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ въ ребенкѣ, имѣвшемъ слѣдствіемъ припадки въ послѣдующіе года жизни Павла. Произвела также сильное впечатлѣніе на Павла, два года спустя, казнь Мировича, о которой и до него дошли толки.

Толки.... именно толки многое значили въ воспитаніи Павла Петровича. Не мало лицъ сходилось ежедневно въ комнатахъ великаго князя и тонъ разговоровъ въ этомъ кружкѣ не могъ не оказать сильнаго впечатлѣнія на Павла. Мы знаемъ, что онъ ко всему внимательно прислушивался и что чужія мнѣнія, даже слова, усвоивались имъ. „Что о дуракѣ жалѣть, были слова маленькаго Павла при вѣсти о смерти Ломоносова, — казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ“¹⁾... Очевидно, маленькій великій князь, не любившій нѣмецъ и говорившій что предпочитаетъ арабскій языкъ нѣмецкому, тутъ поддался нѣмецкому вліянію и по всей вѣроятности повторялъ при этомъ слова какого-нибудь изъ окружающихъ его нѣмцевъ. Тонъ разговорамъ вокругъ великаго князя давалъ Панинъ. Мы уже видѣли, что моральное вліяніе Панина на его

¹⁾ Русскій Архивъ, 1869, стр. 13.

воспитанника было слабо; Павелъ не особенно уважалъ своего воспитателя. Разъ Панинъ замѣтилъ, что ему некогда читать: „Вотъ какъ вчера у меня были, могли-бы и читать,“ замѣтилъ Павелъ ¹⁾. Панинъ не могъ не замѣтить иронической колкости этого совѣта, — маловѣкій великій князь, очевидно, хотѣлъ дать понять, что можетъ обойтись и безъ излишнихъ заботъ со стороны воспитателя. Привязанность къ Панину, если она явилась въ душѣ Павла, пробудилась позже, съ годами. При всемъ томъ нельзя не сознаться, что молодой воспитанникъ былъ воскъ, на которомъ съ ранняго дѣтства Панинъ, человекъ умный и тонкій, могъ отпечатлѣть что ему угодно.

Невольно является вопросъ: не было ли отчужденіе, которое Павелъ чувствовалъ къ матери, слѣдствіемъ внушеній Панина? Братья Панины играютъ видную роль въ царствованіе Екатерины, и роль преимущественно оппозиціонную. Петръ Панинъ, котораго впоследствии Екатерина называла „первымъ врагомъ и своимъ персональнымъ оскорбителемъ“ ²⁾, извѣстный служака и сердитый говорунъ, былъ одно время, какъ глава московской гостинной опециіи, подъ козвеннымъ полицейскимъ надзоромъ. Никита Ивановичъ былъ человекъ хитрый и дипломатъ; его язвѣ не надобно было держать на привязи кн. Волконскимъ и градскою полиціею. Никита Ивановичъ оставался постоянно на важныхъ постахъ, въ чести у государыни. Тѣмъ не менѣе на обоихъ братьевъ надали подозрѣнія въ содѣйствіи, подъ рукою, пугачевскому движенію. Приобщеніемъ также, что главный ударъ проекту Вестушева заключить бракъ между императрицею Екатериною и гр. Г. Г. Орловымъ, былъ нанесенъ Н. И. Панинымъ. При вступленіи Екатерины на престолъ, Н. И. Панинъ дѣйствуетъ въ пользу объявленія ея не императрицею, а правительницею въ малолѣтство сына. Онъ же главный дѣятель кружка, дѣйствовавшего въ пользу дарованія Екатериною уложенія и представительнаго правленія. Наконецъ, отъ него же, какъ мы видѣли, идутъ внушенія, что Павелъ долженъ быть депутатъ къ дѣламъ правленія, какъ скоро

¹⁾ Русскій Архивъ, 1869, стр. 22.

²⁾ Лебедевъ, 116.

сдѣлался онъ совершеннолѣтнимъ. Впослѣдствіи Панинъ борется съ Потемкинымъ, точно также какъ онъ прежде боролся съ Орловыми. Словомъ, воспитатель Павла Петровича былъ настоящій глава оппозиціи случайнымъ людямъ въ царствованіе Екатерины и ей самой. Можно угадать, какого рода было вліяніе Панина на его воспитанника, если бы оно положительно не уяснилось напр. Записками Порошина и т. д. Панинъ долженъ былъ дѣйствовать осторожно, средствами такъ сказать неосвязаемыми; но онъ имѣлъ полную возможность дѣйствовать, и какъ будущее показало—дѣйствовалъ.

Если прибавить къ косвеннымъ внушеніямъ Панина, что Павелъ росъ вдали отъ матери и, въ царствованіе Елисаветы, среди лицъ нерѣдко враждебно расположенныхъ къ Екатеринѣ, то причина отчужденія Павла отъ матери разъяснится.

Какъ бы то ни было, но Павелъ удаляется отъ большого двора въ небольшое село Гатчино и уединяется тамъ. Тамъ у него есть свой небольшой отрядъ войска, которому онъ производитъ частые смотры. Онъ погрузился въ военныя экзерциціи съ своими одѣтыми по прусскому образцу гатчинскими солдатами, носившими у петербургскихъ гвардейцевъ названіе „пруссаконъ.“ Онъ объявилъ себя главою Голштинскаго дома и хотя Екатерина уступила Голштинію Даніи за 6 линейныхъ кораблей, которыхъ та никогда не могла отдать,—раздавалъ голштинскій орденъ Анны своимъ приближеннымъ. Право награждать этимъ орденомъ было дано Павлу императрицею и иные иностранные писатели говорятъ, что раздача ордена Анны была одною изъ статей дохода гатчинскаго двора. Уже на слѣдующемъ Павелъ сдѣлалъ раздѣленіе этого ордена на три степени, обнародованное по восшествіи его на престолъ, когда орденъ Анны былъ причисленъ къ числу русскихъ. Это было только одно изъ многихъ постановленій, сдѣланныхъ въ Гатчинѣ задолго до вступленія Павла на престолъ и послѣ введенныхъ въ силу. Такъ уставы, обнародованные 29 ноября 1796 г. были составлены въ 1781 г. и только впоследствии слогъ ихъ былъ исправленъ подъ редакцію Раstopчина ¹⁾. Другіе проекты были составлены въ 1784 г. Въ 1788 г.

¹⁾ Лебедевъ, 193.

приготавлиаясь отправиться въ походъ противъ турокъ, Павелъ пишетъ завѣщаніе, въ которомъ, въ случаѣ своей смерти, оредѣляетъ, чтобы сынъ его былъ немедленно объявленъ императоромъ ¹⁾: словомъ, Павелъ смотритъ уже и тутъ на себя, какъ на императора и хотя повелѣнія и указы его не выходятъ изъ гатчинскаго кабинета, но бережно сохраняются и впоследствии выйдутъ на свѣтъ. Павелъ остается генераль-адмираломъ русскаго флота, но не принимаетъ никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ. Какъ скоро узнаютъ, что онъ не прочь былъ отъ личныхъ переговоровъ съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, его отзываютъ изъ арміи. Въ 1788 г. Павелъ просится въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Екатерина не отпустила его. „Что скажетъ Европа?“ спросилъ Павелъ.— „Что вы были послушнымъ сыномъ,“ былъ отвѣтъ Екатерины ²⁾. Случалось прибѣгать Екатерину и къ личной строгости въ отношеніи Павла. Разъ въ бумагѣ къ германскому императору, Павлу нужно было подписать: *servus, frater et affinis*. Павелъ отказался подписать, говоря что онъ не слуга германскаго императора. Напрасно Екатерина представляла, что она сама подписалась *serva, soror et amica*; Павелъ не согласился. Наконецъ Екатерина должна была прибѣгнуть къ приказанію ³⁾. Въ началѣ Екатерина какъ будто хотѣла исполнить свое обѣщаніе пошлаго знакомить Павла съ дѣлами управленія. Такъ она ему показала указъ о прощеніи замѣшанныхъ въ пугачевскомъ бунтѣ; Павелъ склонился къ иѣрамъ строгости и говорилъ, что обнародовать указъ еще рано ⁴⁾. Въ 1774 г. Павломъ была подана записка императрицѣ, доказавшая, что образъ мыслей и политическія правила матери и сына были во многомъ диаметрально противоположны. По мнѣнію Павла Россіи былъ нуженъ миръ; военныя силы государства онъ называлъ только его руками, давая понять, что нужно позаботиться и о головѣ. Онъ

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1867, I.

²⁾ Heggmann, VII, 652.

³⁾ Heggmann, VII, 412—413.

⁴⁾ Лебедевъ, 175.

возставалъ противъ войны съ Польшею и Турціею, называя ее посягательствомъ на чужую самостоятельность ¹⁾). Онъ прямо давалъ понять, что былъ противъ тогдашнихъ совѣтниковъ императрицы. Нечего говорить, что все это были инѣнія Панина и прямо направлены противъ Потемкина. Этого довольно было, чтобы усиленіе Потемкина совпадало съ окончательнымъ отчужденіемъ отъ дѣла Павла. Есть даже полное основаніе думать, что возвышеніе Потемкина, находившееся въ прямой связи съ скорымъ потушеніемъ имъ пугачевского бунта, было слѣдствіемъ того положенія, которое Потемкинъ занялъ въ отношеніи къ Панину и послѣ къ гатчинскому двору. Въ 1775 г. Потемкинъ надѣется надѣть на себя польскую корону ²⁾). Это не удается ему, но въ 1791 г., почти наканунѣ смерти князя Таврическаго, снова дѣйствуетъ интрига въ Польшѣ о возведеніи его на престолъ; на устройство этого дѣла Потемкинымъ было занято у петербургскаго банкира Содерленда 700,000 р. Были также толки, что для Потемкина готовится королевство изъ соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи ³⁾); одно время онъ хотѣлъ сдѣлаться и герцогомъ. О Потемкинѣ и его арміи упоминалось въ церквахъ на выносѣ. Въ иностранныхъ журналахъ послѣ его имени ставили I, что значило Imperator ⁴⁾)... А между тѣмъ возвышеніе Потемкина означало, что вліяніе и значеніе гатчинскаго двора все болѣе падаетъ.

Въ груди Павла накипѣло много. Онъ ждалъ своего вступленія на престолъ, чтобы измѣнить многое. Императоръ не долженъ былъ забыть того, что хотѣлъ сдѣлать наследникъ. Одинъ случай покажетъ съ какою настойчивостью императоръ долженъ былъ выполнять желанія наследника и какъ Павелъ, даже въ мелочныхъ обстоятельствахъ хотѣлъ сдѣлать то въ будущемъ, что предположилъ въ настоящемъ. Разъ Павелъ проѣзжалъ верхомъ съ своимъ адъютантомъ Кутлубицкимъ по Мѣщанской улицѣ, въ Петербургѣ. Вели арестантовъ и Павелъ велѣлъ раздать имъ милостыню. „По-

¹⁾ Лебедевъ, 204.

²⁾ Hergmann, VII, 107.

³⁾ Lesur, 280.

⁴⁾ Лебедевъ, 123.

мани мя, Господи, егда приидеши во царствїи Твоешъ," сказалъ одинъ изъ арестантовъ, Прохоръ Матвѣевъ. Павелъ велѣлъ записать фамилію этого арестанта и эта записка затѣмъ изво дня въ день перекладывалась въ карманъ платья, которое носилъ Павелъ. По вступленіи Павла на престоль, Прохоръ Матвѣевъ былъ освобожденъ.

Потемкинъ и Екатерина были за союзъ съ Австрією. Едва ли нужно прибавлять, что гатчинскій дворъ былъ въ пользу Пруссїи. Гр. Румянцевъ былъ также въ пользу Пруссїи и противъ многого въ политикѣ Потемкина. Павелъ сносился тайкомъ съ Румянцевымъ, — жившимъ въ Малороссїи, — какъ это видно напр. изъ рассказовъ Кутлубицкаго. Павелъ разъ призвалъ къ себѣ Кутлубицкаго, ѣхавшаго въ Малороссїю, и привязалъ ему на шурокъ шейнаго креста записку для Румянцева. Приѣхавъ къ Румянцеву, Кутлубицкїй передаетъ карлику фельдмаршала (такъ приказалъ ему поступить Павелъ), что ему нужно видѣться съ фельдмаршаломъ. Прочитавъ записку Павла, Румянцевъ привязываетъ другую къ шурку креста Кутлубицкаго, замѣтивъ, что должна храниться тайна, что онъ вручаетъ ему свою сѣдую голову, и Кутлубицкїй долженъ съѣсть записку въ случаѣ опасности.

Теперь снова обратимся къ домашней жизни образованнаго, живаго по уму, выказывавшаго благородное великодушїе, хотя и чрезвычайно щекотливаго въ разговорѣ, наследника русскаго престола, какъ отзывается о Павлѣ гр. Сегюръ.

Мы видѣли, что здоровье Павла съ дѣтства было слабо. Одно время вельможи просили даже Екатерину составить актъ о престолонаслѣдіи, ссылаясь на слабость тѣлосложенїя Павла, заставляющую предполагать, что онъ не проживетъ долго ¹⁾. Умѣренный образъ жизни и постоянныя дѣятельныя упражненїя съ небольшимъ отрядомъ солдатъ, бывшемъ въ его распоряженїи, физически укрѣпили Павла; даже Марїя Федоровна должна была нерѣдко присутствовать верхомъ, не смотря ни на какую погоду, на гатчинскихъ маневрахъ. Какъ гатчинскїе солдаты отличались во всемъ отъ сол-

¹⁾ La Cour.... 238.

дать остальной арміи, такъ и небольшой гатчинскій дворъ не подходилъ ни въ чемъ на дворъ Екатерины. Разъ гр. Орловъ въ Петербургъ остригся по русски въ кружокъ; это вошло при екатерининскомъ дворѣ въ моду. Павелъ сказалъ, что онъ выгонитъ перваго изъ своего дома, кто острижется подобнымъ же образомъ ¹⁾. Въ своемъ кабинетѣ, какъ видѣли мы, Павелъ занимался составленіемъ уставовъ и постановленій для будущаго времени. Эта кабинетная гатчинская работа имѣла впоследствии большое вліяніе на ходъ событій въ Россіи. Здѣсь впервые были замесены на бумагу мысли о необходимости оборонительнаго укрѣпленія Россіи и о военныхъ поселеніяхъ; о точной регламентаціи и необходимости строгой дисциплины въ арміи ²⁾ и т. д. Даже гатчинскіе маневры не остались безъ послѣдствій для будущаго. Не говоря уже о томъ, что въ царствованіе Павла была произведена реформа во всей русской арміи по гатчинскому образцу, даже подъ Аустерлицемъ у генераль-квартирмейстера русской арміи, Гартинга, были планы гатчинскихъ маневровъ и не безъ результата. Войска, потерпѣвшія пораженіе, дѣйствовали какъ на парадѣ.

Не одними только уставами и планами маневровъ занимался Павелъ въ своемъ уединеніи. Изъ письма архитектора Бажанова, переданнаго Екатеринѣ, императрица увидала, что Павелъ благосклонно смотритъ на масонство. Увѣрили, что самъ Павелъ былъ масонъ ³⁾. Масоны-мартинисты подвергались преслѣдованію со стороны Екатерины, иенно можетъ быть въ значительной степени благодаря этому обстоятельству. Екатерина сначала осмѣивала мартинистовъ, которыхъ она называла „мартышками“, въ комедіяхъ; но потомъ дошло дѣло до полицейскаго и цензурнаго преслѣдованія.

При всѣхъ занятіяхъ у Павла оставалось не мало времени. Не удивительно, что онъ зналъ о мелкихъ подробностяхъ домашней жизни своихъ приближенныхъ. Такъ Павелъ зналъ о домашнихъ

¹⁾ Ibid, 251—252.

²⁾ Лебедевъ, 193—198.

³⁾ Русскій Архивъ, 1869, 518.

обстоятельствах Кутлубицкаго, котораго просто звали Николкой; жену его за маленький ростъ великій князь называлъ „колибри;“ зналъ что у Кутлубицкаго есть лакей Андрюшка. Разъ сказавъ Кутлубицкому, что ему не слѣдуетъ передвигать самому стола, такъ какъ онъ государственный слуга, Павелъ прибавилъ, что у него на это есть такой же слуга какъ у Кутлубицкаго Андрюшка—Иванъ. Этотъ Иванъ былъ—Кутайсовъ, турокъ по происхожденію, взятый маленькимъ въ Кутайсѣ и оттого получившій фамилію Кутайсовъ. Сначала слуга и брдобрѣй Павла, потомъ любимецъ его, — что не мѣшало однако пальцѣ Павла прогуливаться иногда по спицѣ его при kolejномъ наказаніи за проступки — красавецъ собою, Кутайсовъ достигъ вполсѣдствіи званія графа и положенія одного изъ первыхъ вельможъ въ государствѣ.

Тихо день за днемъ текла гатчинская жизнь до 5 ноября 1796 года.

Воцареніе.

5 ноября 1796 г. Павелъ Петровичъ поѣхалъ кататься въ большихъ саняхъ съ Марією Федоровною. При этомъ онъ рассказывалъ сопровождавшимъ ихъ о снѣ, видѣнномъ имъ въ прошлую ночь. Ему снилось, что какая-то невѣдомая сила поднимаетъ его три раза къ верху. Гр. Ильинскій, бывшій тутъ-же въ саняхъ, объяснилъ, что великому князю быть скоро императоромъ. Казалось самъ Павелъ вѣрилъ въ это. Павелъ вѣрилъ въ видѣнія и сны, и, соображая все, можно сказать, что чудесное могло нерѣдко носить отпечатокъ дѣйствительности для этой нервной, чутко отзывавшейся на всѣ впечатлѣнія, жившей воображеніемъ, натуры. Когда Елисавета умирала и просила наслѣдника своего Петра Федоровича позаботиться о его сынѣ — прежнее расположеніе къ ребенку на смертномъ одрѣ возвратилось—какое-то странное, давящее чувство стѣсняло маленькаго Павла; это было предчувствіе. Нѣчто подобное ощущалъ Павелъ при рассказахъ о казни Мировича. Павелъ твердо вѣрилъ, что разъ когда онъ гулялъ въ лунную ночь съ Курки-

никъ, ему явился Петръ I ¹⁾; онъ даже слышалъ что говорилъ Петръ, чувствовалъ прикосновеніе его къ себѣ. Онъ впоследствии блѣднѣлъ при воспоминаніи объ этомъ видѣніи; въ его ухахъ какъ бы звучали слова Петра: „Павелъ! бѣдный Павелъ! бѣдный великій князь!“ Куракинъ, шедшій сзади Павла и видѣвшій, какъ тотъ прижимался бокомъ къ холоднымъ стѣнамъ домовъ, не могъ разувѣрить, что бокъ охладѣлъ отъ этого, а не отъ прикосновенія Петра I, котораго очень естественно, Куракинъ не видалъ. Вѣру Павла въ дѣйствительность видѣнія усилило то, что впоследствии Екатерина поставила монументъ Петру именно на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ казалось Павлу, Петръ оставилъ его, хотя она не могла знать о видѣніи.

Уже по вступленіи Павла на престолъ, случилось еще одно обстоятельство, которое носило на себѣ также печать чудеснаго.

Каравальный у стараго лѣтняго дворца рассказываетъ своимъ начальникамъ о бывшемъ ему видѣніи. Съдой старецъ явился солдату во снѣ и велѣлъ ему сказать императору, чтобы на мѣстѣ дворца былъ построенъ храмъ во имя Николая чудотворца съ предѣломъ архистратига Михаила. Когда солдатъ возразилъ старцу, что онъ не смѣетъ утруждать государя, старецъ, сказалъ, что государь объ этомъ уже знаетъ. Доложили Павлу о рассказѣ солдата. „Да, я уже это зналъ“, былъ отвѣтъ императора, по словамъ современниковъ ²⁾. Вслѣдъ затѣмъ велѣно было построить церковь во имя Николая чудотворца съ предѣломъ архистратига Михаила, на мѣстѣ стараго дворца, и вновь построенный тутъ-же затѣмъ дворецъ велѣно было называть Михайловскимъ. Въ этомъ дворцѣ умеръ Павелъ. Замѣтимъ, что двумъ сыновьямъ императора Павла, родившимся въ 1796 и 1798 годахъ, были даны имена Николай и Михаилъ, являющіяся впервые въ родословной русскаго императорскаго дома. Интересно одно обстоятельство. Старецъ, явившійся каравальному солдату и котораго тотъ могъ скорѣе всего принять за Николая чудотворца, сказалъ, что онъ увидится съ государемъ че-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1869, 518—526.

²⁾ Болотовъ въ Русск. Арх., 1864, 774.

решъ 30 лѣтъ; 30 лѣтъ спустя, былъ первый годъ царствованія императора Николая въ Россіи. Если имена царскихъ дѣтей поставить въ связи съ этими видѣніемъ, бывшимъ уже по вступленіи Павла на престолъ, тогда какъ великій князь Николай Павловичъ родился 25 іюня 1796 г., то понятенъ становится отвѣтъ Павла; „я уже это зналъ“. Естественноѣе всего кажется, что Павелъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, рассказывалъ о какомъ нибудь снѣ или видѣніи, бывшемъ ему, и этия воспользовались тѣ, кто хотѣлъ дѣйствовать вѣрою въ чудесное для достиженія личныхъ цѣлей.

Но возвратимся къ 5 ноября 1796 г. Павелъ рассказывалъ, какъ мы видѣли, гр. Ильинскому и другимъ, бывшимъ съ нимъ въ саниахъ, о снѣ, видѣнномъ имъ. Въ это время присекалъ въ Гатчино гр. Зубовъ, братъ любимица императрицы, съ извѣстіемъ, что императрица при смерти. Не зная, куда поѣхалъ Павелъ, Зубовъ посылаетъ гонцевъ по двумъ разнымъ дорогамъ для встрѣчи его. Павелъ, увидавъ скакавшаго къ нему на встрѣчу гусара, спросилъ его по малоросійски: „що тамъ таке?“ (въ то время гусары были по большей части малороссы),—Зубовъ прихавъ, ваша высочество! отвѣчалъ гусарь.

— „А богацко ихъ?“ спросилъ Павелъ („богацко“ значитъ много).

— Одинъ якъ пестъ, ваше высочество, проговорилъ гусарь-малороссъ, передѣлывая на свой ладъ слышанную имъ и не понятую, великорусскую поговорку: „одинъ какъ перстъ“.

— „Ну, съ однимъ можно справиться“, зашѣтилъ Павелъ. Затѣмъ онъ снялъ шапку и перекрестился.

Между тѣмъ, пока въ Зимнемъ дворцѣ лежала въ страшныхъ терзаніяхъ Екатерина, съ трудомъ разставаясь съ жизнью, которую лишь отчасти парализовалъ апоплексическій ударъ,—гонцы за гонцами скакали въ Гатчино. Скакали гонцы отъ А. Орлова, Зубова,—отъ многихъ другихъ лицъ при дворѣ; даже одинъ изъ придворныхъ поваровъ и рыбный подрядчикъ сочли нужнымъ, по словамъ гр. Радоичина, послать отъ себя гонцевъ. Отъ великаго князя Александра Павловича пріѣхалъ съ извѣстіемъ Радоичинъ. Вечеромъ въ этотъ день Павелъ Петровичъ былъ уже во дворцѣ

около умиравшей матери. Современники говорят, что наследник престола выказал искреннюю и глубокую горестъ при видѣ борющейся со смертію Екатерины. Тридцать слишкомъ часовъ длилась смертная агонія; Екатерина умерла только вечеромъ 6 ноября. Борьба со смертію, она со стонами терзала на себѣ платье. Предсмертный стонъ ея былъ слышенъ въ сосѣднихъ домахъ ¹⁾).

Въ ночь на 6 ноября дворецъ былъ наполненъ народомъ. Государственные сановники оставались тутъ всю ночь. А. Г. Орловъ не ѣлъ и не пилъ во время смертной агоніи императрицы, оставаясь при ней, и горести его не было конца. Платонъ Зубовъ плакалъ какъ ребенокъ; онъ упалъ въ ноги Павла. Павелъ ласково обнялъ его и обнадежилъ, но велѣлъ немедленно опачатать всѣ бумаги, бывшія въ кабинетѣ графа. Между тѣмъ во всю ночь 5—6 ноября въ сенатѣ кипѣла неустанная работа; говорили, что тамъ было до 30,000 нерѣшенныхъ дѣлъ ²⁾ и ихъ старались рѣшать возможно поспѣшнѣе: боялись новаго государя, зная, что онъ врагъ запущенности.

Отошла Екатерина. Началась присяга новому государю. Присягала съ другими и ими. Марія Федоровна. По окончаніи присяги она низко поклонилась императору и, сойдя съ своего мѣста, въ средѣ прочихъ членовъ царскаго семейства, подошла къ Павлу, стоявшему одиноко на мѣстѣ бывшей императрицы и обняла его. Императоръ послалъ за уѣхавшимъ домой гр. Орловымъ, чтобы онъ пріѣхалъ во дворецъ принести присягу. Ссылаясь на истомленіе отъ двухъ дней, проведенныхъ безъ сна и пищи и на ночное время, Орловъ просилъ дозволенія пріѣхать рано утромъ. Посланный вернулся отъ государя и привезъ приказъ графу явиться немедленно.

„Я думаю, что и вамъ надобно принести присягу“, замѣтилъ холодно Павелъ, встрѣтивъ Орлова. Послѣдній отвѣчалъ, что исполнить это сейчасъ же съ живѣйшимъ удовольствіемъ ³⁾).

Тѣло Екатерины плохо набальзамировали ⁴⁾, такъ что оно снуется

¹⁾ Masson, I, 68.

²⁾ Русскій Архивъ, 1867, 1271.

³⁾ Болотовъ, въ Русск. Архивѣ, 1864, 618.

⁴⁾ Masson, I, 191—192.

короткое время пожелтѣло, посинѣло, почернѣло и стало портиться, но одѣли его и выставили для прощальной церемоніи со всѣми этикетомъ и пышностью. Въ серебряномъ парчевомъ платьѣ, отдѣланномъ испанскими кружевами, съ короною на головѣ, положенномъ на нее имп. Марією Федоровною, лежало тѣло Екатерины въ тронной залѣ. Допускались къ прощальному цѣлованію руки всѣ, кромѣ крестьянъ. Павелъ изъявилъ желаніе одновременно съ погребеніемъ Екатерины отдать погребальныя почести своему покойному родителю. Тѣло Петра было похоронено на кладбищѣ Алекс. Невск. лавры. Его останки были взяты, облечены въ пурпуръ и въ богатомъ гробѣ торжественно поставлены около тѣла Екатерины. Предположено было похоронить одновременно обоихъ супруговъ со всею царскою пышностью. Отрядъ кирасировъ посланъ былъ въ Москву за царскими регалиями. Говорятъ, что тогдашній московскій главнокомандующій, кн. Долгорукій, перепугался, узнавъ о прибытіи кирасировъ, полагая, что не ему ли приходится идти къ отвѣту, но все ограничилось упаковкою царскихъ регалій въ большой и богато отдѣланный, обитый внутри зеленымъ бархатомъ, ящикъ, и торжественнымъ отправленіемъ его, при большомъ стеченіи народа, въ Петербургъ. При похоронахъ Петра III и Екатерины II, по волѣ императора, гр. А. Орловъ и кн. Бяратинскій несли царскія регалии. Обыкновенно столь величественный гр. Орловъ шелъ за печальною колесницею неровнымъ шагомъ, съ опущенными внизъ глазами и лицомъ блѣднымъ, какъ смерть ¹⁾. Послѣ погребенія Орловъ получилъ приказъ выѣхать изъ Россіи и затѣмъ путешествовать по Германіи и южной Европѣ.

Вѣздъ Павла въ Москву на коронацію совершился при обычномъ стеченіи народа. По заранѣе объявленнымъ правиламъ новаго этикета, зрители, сидѣвшіе на скамьяхъ вдоль пути царскаго поѣзда, должны были не только снимать шляпы, но и быть безъ перчатокъ. Императоръ поселился въ первомъ по богатству въ Москвѣ домѣ гр. Безбородко. Разъ, смотря изъ окошка этого дома на обширный садъ, разведенный при немъ, императоръ замѣтилъ,

¹⁾ Lesur, 332—333.

то славный плацъ-парадъ могъ бы быть на мѣстѣ этого сада. Безбородко былъ тонкій политикъ. Одному изъ первыхъ богачей въ Россіи, ему не стоило ничего употребить 4,000 — 5,000 р. на каменную въ своемъ домѣ лестницу покатымъ спускомъ для входа въ садъ. Екатерины, когда та подъ конецъ жизни стала слаба ногами, между тѣмъ носить себя не позволяла. При вступленіи Павла на престолъ, Безбородко не только удержался, но былъ еще болѣе влиятеленъ. Онъ имѣлъ возможность изучить характеръ Павла, и много намека на плацъ-парадъ ему было достаточно. Въ одну ночь въ деревья сада, разведеннаго дорогою цѣною, исчезли и когда на другой день императоръ взглянулъ въ окно, онъ едва могъ поверить своимъ глазамъ; предъ нимъ былъ большой гладкій плацъ-парадъ. Павелъ былъ еще милостивѣе послѣ того къ Безбородкѣ. Торжественныя встрѣчи Павлу въ Москвѣ были иногда неожиданныя. Разъ государь подѣзжаетъ къ Иверской. Вдругъ изъ толпы отдѣляются два красныхъ юноши съ цвѣтами въ рукахъ и кому имъ начинается слѣдующій діалогъ:

— Бросай же поскорѣй цвѣты!

«Но онъ ли это, знаешь ты?»

— Да какъ же не узнать намъ Феба,

Когда онъ къ намъ нисходитъ съ неба.

Это были студенты московской духовной академіи; одинъ изъ нихъ, здоровый и румяный юноша, былъ впоследствии Григорій, епископъ новгородскій и с-петербургскій ¹⁾). Въ Кремлѣ при встрѣчѣ Павла было употреблено нѣсколько другихъ духовныхъ воспитанниковъ старшаго и младшаго возраста. Съ Фебомъ сравнима Павелъ еще въ другой вельрѣчливой одѣ, сочиненной въ то время, въ которой встрѣчаются стихи:

Ты Фебъ Россійскія державы,
Блаженства нашего творецъ!

При коронаціи, Павелъ послѣ того какъ надѣлъ корону на себя, возсѣлъ ея головы императрицы и послѣ снова надѣлъ ее на

¹⁾ Греть, Сочиненія Державина, I, 61.

себя, а на императрицу надѣлъ меньшую по размѣрамъ ¹⁾). Во время празднествъ, сопровождавшихъ коронацію, обѣдало на счетъ Павла до 100,000 народа. Милости лились на придворныхъ Безбородко, у котораго безъ того было 250,000 р. годового дохода, получили 16,000 душъ крестьянъ, что, какъ полагаютъ, составляло еще до 100,000 р. дохода. Вообще рассчитываютъ, что при Павлѣ до 2,000,000 казенныхъ крестьянъ было роздано во владѣніе частнымъ лицамъ. Павелъ еще наследникомъ престола былъ того мнѣнія, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ несравненно лучше чѣмъ казенныхъ.

Павелъ началъ правленіе съ милостей лицамъ, окружавшимъ его въ Гатчинѣ и приближеннымъ императора Петра III; нѣкоторые изъ послѣднихъ еще доживали свой вѣкъ въ глубокой старости. Но и во многихъ тѣхъ, къ которымъ онъ былъ недоволенъ наследникомъ, Павелъ былъ милостивъ, сдѣлавшись государемъ. Такъ камергеру, расслухавшему про него при жизни Екатерины неблагопріятные слухи, императоръ, встрѣтивъ его во дворцѣ, сказалъ: „великій князь не скажетъ о томъ что зналъ и слышалъ императору.“ Опала простерлась только на немногихъ. Измайлову, по мнѣнію дѣлу Екатерины, при восшествіи ея на престолъ, хотѣвшему до тѣхъ поръ онъ былъ приближеннымъ Петра III, и княгини Дашковой, одной изъ главныхъ виновницъ іюньскихъ происшествій 1762 г., кончившихся такъ печально для родной ея страны Елисаветы Романовны Воронцовой, — былъ посланъ указъ немедленно выѣхать изъ Москвы и не являться въ обѣихъ столицахъ. Самъ главнокомандующій Москвою счелъ долгомъ отправиться къ княгинѣ Дашковой съ повелѣніемъ государя.

„Въ двадцать четыре часа? сказала Дашкова. — донесите государю, что я выѣхала въ двадцать четыре минуты;“ велѣла захватить карету и, попросивъ главнокомандующаго посѣдѣть, чтобы быть свидѣтелемъ ея отъѣзда, тотчасъ же какъ лошади были готовы выѣхала изъ Москвы ²⁾).

¹⁾ Stanislas Auguste, Mémoires, 89.

²⁾ Русскій Архивъ, 1861, 622.

Частной опалѣ подвергся также, какъ мы видѣли, графъ А. Г. Орловъ. Князь Барятинскій и другіе были только удалены отъ двора.

Три важныя дамы получили приказаніе не являться ко двору, но, по замѣчанію Болотова, онѣ были извѣстны вольностію поведенія, а Павелъ, въ самомъ началѣ своего царствованія, принявшій мѣры противъ господствовавшей легкости въ то время разводовъ, требовалъ отъ приближенныхъ болѣе строгой семейной жизни.

Особенно обратилъ на себя вниманіе поступокъ императора съ Бобринскимъ. Императрица Екатерина, отдѣлявшая богатія имѣнія для этого молодого человѣка—фамилію его произвели отъ beau prince—посылала его путешествовать за границу и послѣ оныхъ жилъ въ Россіи какъ бы подъ опекою извѣстнаго графа П. В. Заводовскаго. Отдѣленные для него имѣнія управлялись какъ дворцовыя и ему еще не были отданы. Завѣщаніе императрицы однако отдавало ихъ ему. Павелъ не только исполнилъ волю матери, но сверхъ того подарилъ Бобринскому большой каменный домъ въ Петербургѣ, принадлежавшій прежде Г. Г. Орлову, и возвелъ Бобринскаго въ графское достоинство. Это была милость, которой многіе не ожидали.

При дворѣ былъ введенъ новый этикетъ. При торжественныхъ приѣмахъ мужчины должны были становиться передъ государемъ на колѣни и цѣловать у него руку. Изъ титула русскихъ государей при Павлѣ были исключены слова „почтенный“, „тишайшій“ и „благородный“. Въ вѣст., „благородный“ положено было употреблять „благовѣрный“, потому что „благороднымъ можетъ называться и каждый дворянинъ“. Императоръ былъ строгъ въ исполненіи заведеннаго имъ этикета, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предполагалъ наглѣренное уклоненіе отъ него. Такъ онъ онъ принялъ бывшаго короля польскаго, Станислава Понятовскаго, со всеми королевскими почестями и назначилъ быть при немъ камергеромъ тому самому Штапельбергу, который въ бывшее время такъ деспотически обращался съ Станиславомъ Августомъ, будучи русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ. Но когда тотъ же самый Понятовскій, будучи на торжественномъ приѣмѣ во дворцѣ, сѣлъ, по старости лѣтъ, или быть можетъ полагая, что ему, принятому по королевски, не приходится

стоять за одно съ другими, Павелъ послалъ сказать ему, что этикетъ требуетъ, чтобы онъ всталъ ¹⁾). Но тотъ же самый Павелъ стоялъ передъ сидѣвшимъ старикомъ, полковникомъ Татищевымъ; тутъ видѣнъ тотъ Павелъ, который по вступленіи на престолъ въ письмѣ къ бывшему своему законоучителю, митрополиту Платону, „цѣловалъ его сѣдины.“

Чистосердечное признаніе и откровенность могли во многихъ случаяхъ спасти проступившихся передъ Павломъ. Разъ купецъ, которому петербургскій генераль губернаторъ Архаровъ былъ долженъ 12,000 р. и не отдавалъ, подаетъ лично просьбу государю на разводѣ. Тутъ же при государѣ и Архаровъ. Павелъ взглядываетъ на бумагу и этого ему достаточно, чтобы понять въ чемъ дѣло.

„Что-то у меня сегодня глаза слипаются, сказалъ Павелъ, оборотясь къ Архарову,—и власно какъ запорошены, такъ что я прочесть не могу. Пожалуй, Николай Петровичъ, прими на себя трудъ и прочти мнѣ оную.“

Архаровъ беретъ бумагу, видитъ что это такое и читаетъ очень тихимъ голосомъ. Павелъ проситъ его читать погромче, замѣтивъ, что ему сегодня и слышится плохо. Архаровъ возвышаетъ голосъ, но лишь на столько, чтобы слышалъ одинъ государь. Павлу и этого недовольно; ему нужно, чтобы читалось такъ громко и съ такою разстановкой, чтобы слышали всѣ окружающіе. А читалось тутъ о томъ, что Архаровъ не только не отдавалъ денегъ купцу но и выталкивалъ его въ шею, когда тотъ приходилъ за ними. „Что это? — сказалъ Павелъ по окончаніи чтенія,—это на тебя, Николай Петровичъ?“

Тотъ откровенно признался во всемъ и все кончилось тѣмъ, что онъ долженъ былъ заплатить долгъ въ тотъ же день ²⁾).

Другой случай. Павелъ спрашиваетъ у бывшаго начальника канцеляріи Потемкина, Попова, что случилось съ рекрутами, набранными съ женами при Екатеринѣ. При Екатеринѣ былъ одинъ рекрутскій наборъ людей съ семействами для поселенія ихъ въ

¹⁾ Belani, II, 203—206.

²⁾ Русскій Архивъ, 1864, 72.

Крым, но въ Крымъ ихъ не послали, а значительныя лица разобрали ихъ къ себѣ и населили ими цѣлыя деревни. Нѣкоторые изъ такихъ деревень были и у Попова. Павелъ зналъ объ этомъ наборѣ, которымъ поживились одни помѣщики на счетъ другихъ и спросилъ Попова не безъ намѣренія. Поповъ зналъ, что заператься передъ Павломъ излишне и опасно.

Онъ упалъ на колѣни и откровенно разсказалъ въ чемъ было дѣло. Павелъ былъ доволенъ его откровенностью и не сдѣлалъ ему ничего.

За то противорѣчій Павелъ не любилъ. Унтеръ-офицеръ, дворянинъ Горскинъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы показаться и ухвѣть. Онъ числился въ полку, но никогда не служилъ и не имѣлъ желанія служить. Пріѣзжаетъ онъ въ Петербургъ, но тамъ уже не екатерининскіе порядки. Горскину надобно было стать въ шеренгу; его полку пришлось быть на разводѣ и на разводѣ присутствуетъ государь. Горскинъ выставилъ ногу далѣе другихъ. „Унтеръ-офицеръ во второй шеренгѣ худо равняется,“ сказалъ Павелъ.

— Нѣтъ, я равняюсь прямо и противъ перваго человѣка, отвѣчалъ Горскинъ. Не успѣлъ, говоритъ Болотовъ, произнести Горскинъ этихъ словъ, какъ увидѣлъ государя, бѣгущаго къ себѣ въ гнѣвъ. Горскинъ хотѣлъ оправдываться.

„Я никакъ недумалъ, проговорилъ заикаясь Горскинъ, чтобы это ваше величество говорить изволили; а думалъ, что сказано то фельдфебелемъ.“ Это значило подлить масла въ огонь, тѣмъ болѣе, что фельдфебель стоялъ отъ Горскина лишь черезъ человѣка и ему не нужно было такъ возвышать голосъ, чтобы отвѣчать фельдфебелю. Несчастнаго Горскина вывели изъ рядовъ и сорвали съ него, по приказанію Павла, позументы. Черезъ нѣсколько дней его, однако, простили, какъ ходилъ слухъ, по усиленной просьбѣ старика, полковника Татищева, представившаго государю, что Горскинъ лишь первый разъ отъ роду былъ въ этотъ день въ строю и не зналъ службы. Державинъ рѣзкимъ отвѣтомъ также навлекъ на себя гнѣвъ Павла.

Говорили, что Павелъ, помнившій какъ иногда Державинъ разговаривалъ съ Екатериною, при назначеніи его начальникомъ кан-

целарин своего совѣта, замѣтилъ, что надобно быть терпѣливѣе и умѣреннѣе въ выраженіяхъ, на что Державинъ возразилъ, что онъ не можетъ передѣлать себя и быть такимъ же терпѣливымъ какъ Павелъ. Результатомъ былъ указъ сената, гдѣ коротко говорилось, что тайный совѣтникъ Державинъ, за непристойный отвѣтъ, отсылается къ прежнему его мѣсту ¹⁾.

Реформы.

При вошествіи Павла на престолъ оставлена была почта и не велѣно было давать лошадей, пока не разошлутся манифесты новаго государя. Вслѣдъ за манифестами началась разсылка указовъ, во многомъ измѣнявшихъ порядки, установленные при Екатеринѣ.

Названія нѣкоторыхъ губерній и городовъ были измѣнены. Произошло отчасти передѣленіе губерній, измѣненіе границъ ихъ и т. д. Нѣкоторые города, учрежденные при Екатеринѣ, были упразднены. Особенно чувствительная реформа коснулась армии. Павелъ занимался спеціально военнымъ дѣломъ. Онъ изучилъ бытъ русской армии исторически, еще бывши въ Гатчинѣ. По замѣчанію Павла, при Екатеринѣ I и Петрѣ II хотѣли истребить наше войско, чтобы успокоить ревнивую бдительность сосѣдей ²⁾. При Аннѣ, по мнѣнію Павла, наша армія была въ лучшемъ положеніи; при Елисаветѣ ея состояніе опять ухудшилось. При Екатеринѣ II, по словамъ его, тоже самое стали дѣлать что причли въ вину Петру III, хотя подъ другими названіями. У себя въ Гатчинѣ, какъ мы видѣли, Павелъ завелъ прусскіе военные порядки. Екатерина, Потемкинъ, Суворовъ не одобряли этихъ порядковъ. Екатерина называла ихъ „обрядами неудобь-носимыми.“ Суворовъ говорилъ: „русскіе всегда били прусскихъ: такъ чего-жъ тутъ перенимать?“ Вступивъ на престолъ, Павелъ распространилъ гатчинскіе порядки

¹⁾ Русскій Архивъ, 1864, 785.

²⁾ Лебедевъ, 233—231.

на всю русскую армию. По вошествіи новаго государя на престоль, гатчинцы вступили въ Петербургъ и были расквартированы по гвардейскимъ полкамъ. Новые гвардейцы, еще недавно мишень для насмѣшекъ своихъ теперешнихъ товарищей, должны были служить примѣромъ послѣднимъ при изученіи новыхъ порядковъ службы. Переименованные въ гвардейцы, гатчинцы получили сверхъ того другія награды. Каждому гатчинскому офицеру было дано по 100 дунъ крестьянъ. Зная значеніе гвардіи и ея роль въ прежнихъ событіяхъ, Павелъ не только приставилъ своихъ гатчинскихъ дядекъ къ святоникскимъ гвардейцамъ, но и назначилъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей командирами Семеновскаго и Измайловскаго полковъ, — командирами въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. При Павлѣ армейскіе полки называются по именамъ своихъ командировъ, но права полковаго командира надъ его подчиненными значительно ограничены. Введена была въ армию прусская форма: булки, коса, трехугольная шляпа и т. д. Мушкетеры Павловскаго времени были широки и свободны; узкими и обтянутыми они сдѣлались въ царствованіе Александра. За то булки и коса дѣлали себя знать солдатамъ. Къ параду иногда еще съ вечера начиналось причешиваніе головъ; волосы выщипывались сапожъ и посыпались въѣдомъ пудры ржаной мукою. Причесанному къ параду солдату вскочить ночью было опасно: во первыхъ, можно было взять булки, а во вторыхъ, до сала и ржаной муки охотницы крысы. Много бывало случаевъ, что крысы отъѣдали косы у спавшихъ солдатъ; притомъ въ многихъ помѣщеніяхъ, гдѣ жили солдаты, какъ напр. въ Красныхъ казармахъ въ Москвѣ, крысъ была бездна. Было не безъ хлопотъ и съ трехугольными шляпами. Бывало по командѣ „бѣглымъ шагомъ“ шляпы такъ и летать съ головъ. Наряжались особныя команды для подниманія шляпъ ¹⁾. Суворовъ, получивъ налочки для шѣры солдатскихъ косъ и булокъ, сказалъ: „Пудра не порошъ, булки не пушки, коса не тесакъ, а не вѣмецъ, а природный русакъ“ ²⁾. Эти слова, переданныя Павлу, повели къ разрыву ме-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1869, 167.

²⁾ Бантышъ-Каменскій. Словарь, III, 337—338.

жду ить и фельдмаршаломъ. Впослѣдствіи, во время альпійскаго похода Суворова, когда припривенный съ нимъ Павелъ, наградивъ его чѣмъ могъ, говорилъ, что ему обыкновенныхъ наградъ мало, что ему бы быть ангеломъ ¹⁾, походная практика доказала неудобство многихъ изъ нововведеній, на которыя возставалъ Суворовъ: солдаты напр. затруднялись переноскою по альпійскимъ крутизнамъ полковыхъ штандартовъ на длинныхъ древкахъ и рубили древки на дрова. Въ это время Павелъ допускалъ уже послабленія вначалѣ установленныхъ правилъ.

Новые порядки были сдѣланы, однако, не исключительно по прусскому образцу; кое-что было заимствовано у французской арміи. Замѣчено было, что въ то время какъ у насъ въ арміи все передѣлывалось по прусскому и французскому образцу, во Франціи перенимали суворовскіе военные порядки. Слѣженіе прусскаго и французскаго въ формѣ русскаго солдата можетъ быть было, отчасти, слѣдствіемъ того, что Павелъ, какъ онъ говорилъ, хотѣлъ быть по утрамъ Фридрихомъ II и по вечерамъ Людовикомъ XIV. Въ этомъ случаѣ Павелъ остался не совѣтъ вѣренъ воспоминаніямъ своего дѣтства, когда онъ Людовика XIV по портретамъ сравнивалъ съ своею собакою Филлдоромъ. За то дѣтская привязанность къ мальтійскому ордену не исчезла съ лѣтами. Ребенкомъ Павелъ послалъ значительную сумму денегъ ордену; императоромъ онъ принялъ орденъ подъ свое покровительство и сдѣлался его гротескеромъ. Какъ знать, быть можетъ причиною разрыва съ Англіею за захватъ Мальты, имѣвшаго такое важное историческое значеніе, было то, что ребенку-Павлу попалась въ руки „Исторія мальтійскаго ордена.“

Павелъ предпринялъ полную реформу военнаго быта въ томъ видѣ, какъ онъ сложился при Екатеринѣ II. Прежде всего онъ потребовалъ, чтобы числившіеся на службѣ дѣйствительно служили. Въ концѣ царствованія Екатерины много было дворянъ, приписанныхъ къ гвардейскимъ полкамъ, вовсе не служившихъ. При одномъ Преображенскомъ полку числилось до 2000 такихъ лицъ.

¹⁾ Илютинъ. Война 1799, IV, 167.

Вошло въ обыкновеніе записывать въ службу дѣтей съ ранняго дѣтства и пока мальчикъ рѣзвился и учился, ему производили чины. Бывало и такъ, что получали полковья свидѣтельства на дѣтей, еще имѣющихъ родиться съ тѣмъ, чтобы послѣ внести имя въ оставленный пробѣлъ.

Такіе военные люди долѣ служили, чѣмъ жили, и въ дѣтствѣ достигали до порядочныхъ чиновъ. Это объясняетъ напр. какимъ образомъ Горайновъ, о которомъ упоминаетъ Жихаревъ, могъ, еще будучи въ пансіонѣ имѣть чинъ надворнаго совѣтника. Приписанные къ полкамъ дворяне обыкновенно жили дома и дождавшись сержантскаго или офицерскаго чина выходили въ армию; это было выгодно: въ армию переводили нѣсколькими чинами выше. Въ екатерининское время каждый солдатъ гвардіи ровнялъ себя съ армейскимъ прапорщикомъ и гвардейскій прапорщикъ съ армейскимъ капитаномъ. При Павлѣ стали выпускать въ армию однимъ чиномъ выше.

Павелъ до вступленія на престолъ былъ нерасположенъ къ гвардіи. Все въ екатерининской гвардіи шло въ разрѣзъ съ тѣми понятіями, которыя составилъ себѣ Павелъ о военномъ бытѣ. Гвардейскіе солдаты жили домами и семьями; за такой образъ жизни, напоминавшій старинныхъ стрѣльцовъ; еще Петръ III называлъ ихъ лямчарами. Но въ особенности возставалъ Павелъ противъ извѣженности и роскоши, господствовавшихъ между офицерами гвардіи. Офицеры носили шубы и муфты. Модѣ на муфты въ мужскомъ обществѣ содѣйствовала Екатерина. Отправляясь напр. въ крымское путешествіе, она подарила по муфтѣ сопровождавшимъ ее иностраннымъ посланникамъ. Генералы и офицеры нерѣдко носили штатское платье и, въ то же время, бѣднѣйшій изъ офицеровъ считалъ долгомъ шить нѣсколько мундировъ въ годъ, а гвардейскій офицерскій мундиръ при Екатеринѣ обходился рублей въ 120, что по тому времени была порядочная сумма. Небогатому дворянину нечего было думать о службѣ въ гвардіи; онъ могъ промотаться и разориться очень скоро. Потемкинъ, съ его кирасирскимъ полкомъ, въ пурпурныхъ вышитыхъ серебряными орлами епанчахъ, накиннутыхъ на кирасы (этотъ полкъ называли лейбъ-гвардією Потемкина), былъ главнымъ распространителемъ этой роскоши между

военными. Служба при Екатеринѣ была очень неотяготительна. Офицеры, стоявшіе на караулѣ, иногда запросто въ халатахъ отправлялись собирать грибы ¹⁾, а случалось и такъ, что ежели жена была бойче мужа, то надѣвала его мундиръ и несла за него службу. Такъ въ шведскую войну полковника Меллинъ, надѣвъ мундиръ своего мужа, замѣнила его и стала передъ войсками ²⁾. Въ то время когда Екатерина II часто дѣлала смотры въ мундирѣ верхомъ на конѣ и кн. Дашкова, сопровождавшая ее въ Петергофъ въ июнѣ 1762 г. въ мундирѣ гвардейскаго офицера считала возможнымъ просить о назначеніи ея въ полковые командиры, — поступокъ полковницы Меллинъ не могъ показаться особенно страннымъ.

Павелъ, будучи наслѣдникомъ, рѣшительно не одобрялъ этихъ порядковъ. „Пожалуйста, не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобы онъ развратился“ — сказалъ Павелъ (въ 1781 г.) Энгельгардту, сынъ котораго былъ записанъ въ Преображенскомъ полку ³⁾. Вступивъ на престолъ, Павелъ прямо началъ съ введенія въ гвардіи строгой дисциплины. Изданы были новые уставы службы, приготовленные Павломъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ. Измайловскій полкъ, которымъ командовалъ великій князь Константинъ Павловичъ, въ одну ночь изучилъ новые приемы фронтовой службы, чѣмъ, по словамъ Белотова, доставилъ такое удовольствіе Павлу, что тотъ заплакалъ. Всѣхъ, приписанныхъ къ полкамъ, было велѣно немедленно явиться на службу. Кто не являлся, того исключали. Шубы и муфты были строго изгнаны изъ гвардіи. Мундиръ, стоившій недавно 120 р., при Павлѣ обходился въ 22 р. Носилась молва, что разъ встрѣтивъ офицера, за которымъ ординарецъ несъ шпагу, Павелъ замѣтилъ, что если шпага не по силамъ офицеру, то онъ не долженъ и носить ее. Солдатъ, несшій шпагу, получилъ ее отъ государя и сдѣлался офицеромъ, и офицеръ былъ разжалованъ въ

¹⁾ Русскій Архивъ, 1869, 165.

²⁾ Masson, II, III.

³⁾ Энгельгардтъ, 22.

солдаты. Въ другой разъ Павелъ подарилъ шубу встрѣтившагося ему военнаго будочника, сказавъ, что тому должно быть холоднѣе стоять на часахъ въ легкомъ платьѣ. Князю Голицыну Павелъ замѣтилъ, что военному не нужно зонтика противъ дождя. Молва о подобныхъ происшествіяхъ — были ли они справедливы или нѣтъ — заставляла военныхъ бояться малѣйшаго уклоненія отъ дисциплины. Кутавшіеся прежде въ теплое платье должны были теперь, не смотря на морозъ, являться на смотры и ученія въ однихъ мундирахъ. Замѣтивъ, что многіе съ трудомъ выносятъ холодъ, Павелъ сказалъ, что офицеры могутъ надѣвать фуфайки, и что никто не мѣшаетъ имъ исподъ мундира подбивать мѣхомъ и т. д. Офицеръ Левашевъ простеръ свое усердіе до того, что въ стужу, которую, по выраженію московскаго главнокомандующаго князя Долгорукаго, могли въ однихъ мундирахъ выносить кадеты да черти, — явился не только въ одномъ мундирѣ, но и безъ перчатокъ. Это уже и Павлу показалось слишкомъ, но онъ остался доволенъ усердіемъ Левашева. На замѣчаніе его о перчаткахъ, Левашевъ отвѣчалъ: „мы все, государь, въ угодность твою сдѣлаемъ; не торопи только ты насъ.“ Павелъ засмѣялся.

Вообще онъ былъ очень доволенъ, когда приказанія его исполнялись съ точностію и скоро, и еще болѣе когда вмѣсто приказанія довольно было намека. „Какое прекрасное суконце! небось оно не дешево залочено,“ замѣтилъ Павелъ, разсматривая мундиръ сержанта Чулкова. Оказалось, что у шившаго по два мундира въ годъ изъ сукна по 6 р. аршинъ, Чулкова, всего было 40 душъ крестьянъ. „Сорокъ только! — замѣтилъ Павелъ — ну жалокъ же ты мнѣ! какъ ты бѣдненькій и пробавляешься еще?“ На другой день Чулковъ стоялъ въ строю въ мундирѣ изъ толстаго солдатскаго сукна; онъ понялъ намекъ и въ одни сутки спроворилъ себѣ новый мундиръ. Павелъ опять на разводѣ. Переимѣна въ наружности Чулкова не могла отъ него укрыться. Довольный Чулковымъ, Павелъ произвелъ его въ офицеры.

Войскамъ производились ежедневно разводы самимъ Павломъ и полкамъ всегда слѣдовало быть на готовѣ собираться по тревогѣ. Такъ разъ въ Петербургѣ пробить былъ ночью генераль-маршъ и войска собрались.

Принимая мѣры противъ роскоши въ военномъ быту, Павелъ хотѣлъ пресѣчь ее и въ обществѣ. Въ это время асигнаціи значительно упали въ цѣнѣ сравнительно съ серебромъ. Павелъ приказалъ, чтобы не смѣли брать лажа на серебро. Чтобы достичь этого надобно было уменьшить передѣлку серебра въ вещи: въ половинѣ прошлаго столѣтія, по словамъ Вигеля, во всей Пензѣ было столовое серебро только у помѣщика 1000 душъ, Мартынова; въ концѣ царствованія Екатерины, всѣ захотѣли ѣсть съ серебра и его пошло на сервизы, и т. п. очень много. Возвышеніе цѣны на серебро приписывали отчасти и этому обстоятельству. Мотовство и пышность временъ Екатерины пріучили торгующій классъ брать большіе барыши. Павелъ обратилъ вниманіе на цѣны товаровъ и лично уговаривалъ купцовъ быть посовѣстливѣе. Противодѣйствуя роскоши въ обществѣ, Павелъ не желалъ допускать ее и во дворцѣ. Придворные были избалованы въ царствованіе Екатерины; при покойной императрицѣ развозилось дворцовое добро по частнымъ домамъ возами. Екатерина смотрѣла на это съвозъ пальцы. Встрѣчаясь съ лицами, несшими что либо изъ дворца, она старалась показать видъ, что не замѣчаетъ въ чемъ дѣло. „Смотрите, чтобы не увидалъ гофмаршалъ,“ сказала она разъ, когда ни ей некуда было увернуться, ни тащившему ея добро. Павелъ рѣшился прекратить эту систему хищенія.

Онъ велѣлъ отказать всѣмъ дворцовымъ подрядчикамъ и покупать для дворца припасы на рынокѣ, по рыночнымъ цѣнамъ. Расходи двора тотчасъ же значительно сократились. Павелъ говорилъ, что если каждый частный человѣкъ не лишень удовольствія обѣдать въ своей семьѣ, то зачѣмъ лишаться его государю. По этому онъ положилъ, чтобы члены его семейства обѣдали всегда съ нимъ виѣтъ и особые столы во дворцѣ были уничтожены. Впрочемъ, въ послѣдствіи дворцы, строены Павломъ, отдѣлявались съ меньшимъ великолѣпіемъ чѣмъ прежде. Павелъ очень любилъ строить дворцы, но говорилъ, что дѣлаетъ это, чтобы дать занятіе рабочему люду.

При Павлѣ подушная подать была удвоена. До 1762 года крестьянинъ платилъ меньше рубля подушной подати. При Екатеринѣ II подушный окладъ былъ постепенно значительно увели-

ченъ; при Павлѣ его увеличили еще вдвое. Вся тяжесть этого налога падала на крестьянъ; въ теченіе 30 съ чѣмъ нибудь лѣтъ крестьянинъ сталъ платить въ нѣсколько разъ болѣе. Въ началѣ царствованія Павла, между крестьянами было волненіе, прекращенное военною силою. Одинъ офицеръ, ѣхавшій изъ Петербурга въ Оренбургъ, разсказалъ по дорогѣ крестьянамъ Новгородской и Тверской губерній, что государь хочетъ дать вѣрноподданнымъ крестьянамъ такія же права, какъ казеннымъ. Радость между крестьянами при этомъ была всеобщая и началась попойка. Благодаря ей, крестьяне на другой день не могли выйти на работу. Одинъ изъ помѣщиковъ донесъ о томъ властямъ, тѣ выслали войско для усмиренія, и принятое за бунтъ движеніе, вызванное ложнымъ извѣстіемъ, было скоро прекращено. Движеніе между крестьянами было во многихъ другихъ мѣстностяхъ. Павелъ обыкновенно говорилъ, что у него столько же полиціймейстеровъ, сколько помѣщиковъ. Это выраженіе было кажется впрочемъ заимствовано отъ Державина, судя по „Запискамъ“ послѣдняго, а тѣмъ вѣроятнѣе отъ историка Миллера. При Павлѣ была ограничена возможность перехода изъ прочихъ сословій въ дворянское. Съ желаніемъ возвысить значеніе дворянства совпадало предпринятое при Павлѣ составленіе дворянскаго гербовника. Тѣмъ не менѣе въ царствованіе Павла нѣкоторыя статьи дворянской грамоты были отмѣнены и восстановлены только въ началѣ царствованія Александра I.

Павелъ былъ религіознаго направленія. Въ его царствованіе изданъ былъ указъ о неработаніи въ воскресенье и вообще о соблюденіи этого дня. Онъ не ѣлъ скоромнаго по средамъ и пятницамъ въ то время, когда посты въ обществѣ вообще соблюдались слабо. Разъ будучи доволенъ войсками на смотрѣ, онъ наградилъ ихъ деньгами и сверхъ того велѣлъ раздать имъ рыбы. Такъ какъ это было въ Рождественскій постъ, то многіе увидѣли въ этой раздачѣ рыбы намекъ на соблюденіе поста. Разъ пріѣхавъ въ синодъ, въ началѣ своего царствованія, Павелъ просилъ у присутствовавшихъ объясненія по нѣкоторымъ вопросамъ. Синодскіе члены думали, что онъ удовлетворится общими мѣстами, но Павелъ углубился въ сущность дѣла, приводилъ тексты на тексты членовъ и вообще доказалъ, что знакомъ съ положеніемъ духовенства и отношеній его къ

мірянамъ въ государствѣ. Другой разъ Павелъ инкогнито входитъ, будучи въ Москвѣ, въ церковь Іоанна Воинъ. Проповѣдь произноситъ мѣстный священникъ о. Матвѣй. Проповѣдь очень полюбилась Павлу. Онъ велѣлъ переписать ее для себя и съ тѣхъ поръ проповѣдь о. Матвѣя всегда клали вмѣстѣ съ молитвенникомъ предъ постелью Павла.

Императоромъ Павелъ обнаруживалъ то же отвращеніе къ передѣлыванію Россіи на иностранный ладъ, какое было внушено ему въ дѣтствѣ. Казалось это отвращеніе не простиралось только на армію; она не только была преобразована по иностранному образцу, но Павелъ еще наслѣдникомъ престола высказывалъ желаніе имѣть корпусъ войскъ изъ иностранцевъ, а императоромъ и имѣлъ его, изъ французскихъ эмигрантовъ. Существуетъ необнародованный именной указъ Павла о недопущеніи ни одного иностранца въ Россію безъ высочайшаго разрѣшенія. Запрещенъ былъ также допускъ иностранныхъ книгъ въ Россію и даже музыкальных нотъ. Исключеніе было только для книгъ на тунгусскомъ языкѣ, нужныхъ при священно-служеніи сибирскихъ инородцевъ. Запрещеніемъ къ допуску иностранныхъ книгъ не былъ впрочемъ значительно уменьшенъ ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію. Въ 1797 г. ввезено было въ Петербургъ иностранныхъ товаровъ на 19,367,954 р. Изъ этого нива и портера было привезено на 327,350 р. и вина на миллионъ рублей слишкомъ, книгъ же только на 95,696 р. Замѣчательно, что въ первый годъ царствованія Павла книгъ изъ за границы было привезено въ Петербургъ на вдвое большую сумму, чѣмъ въ послѣдній годъ царствованія Екатерины ¹⁾, въ 1796 г., когда винъ было привезено изъ за границы на сумму слишкомъ въ 30 разъ большую, чѣмъ книгъ. Это одно обстоятельство доказываетъ, что преслѣдованіе иностраннаго въ Россіи — до круглыхъ английскихъ шляпъ на улицахъ и французскихъ модныхъ магазиновъ — въ царствованіе имп. Павла было въ значительной степени слѣдствіемъ опасеній, которыя вызывало тогда революціонное движеніе, охватившее Францію и часть Европы.

¹⁾ Тоок, III, 490, 505.

Павелъ вставалъ постоянно въ 5 часовъ утра, вытиралъ лицо льдомъ, и одѣвался возможно скорѣе. Въ 6 часовъ онъ уже принималъ государственныхъ лицъ съ докладами. Никто не долженъ былъ опаздывать на эти утреннія собранія. Разъ генераль-прокуроръ Самойловъ опоздалъ на полчаса. При Екатеринѣ служащее барство нѣжилось очень долго въ постелѣ по утрамъ и потому Самойлову съ непривычки не грѣхъ было опоздать и явиться съ докладомъ въ половинѣ седьмого. Но новый государь строго требовалъ исполненія разъ приказаннаго. Онъ велѣлъ донести ему, какъ скоро Самойловъ подъѣдетъ къ дворцу. Донесли о появленіи Самойлова, когда тотъ еще приближался къ дворцу, и Павелъ успѣлъ выйти почти до самаго крыльца встрѣтить генераль-прокурора. Последній былъ сконфуженъ, особенно когда услышалъ, что государь ждалъ его съ докладомъ въ 6 часовъ и теперь болѣе не имѣетъ въ немъ нужды. Вскорѣ послѣ того Самойловъ подалъ въ отставку. Въ 8 часовъ утра кончалась аудіенція государственнымъ людямъ. Обѣдалъ Павелъ ностоянно въ 12 часовъ въ своемъ семействѣ. До обѣда онъ нѣкоторое время катался по городу, посѣщалъ государственныхъ учрежденія и присутствовалъ при разводахъ войскъ. Посѣтивъ разъ военную коллегію, Павелъ не засталъ въ ней президента ея, гр. Н. И. Салтыкова: на раннемъ времени Салтыковъ еще не пріѣзжалъ. Павелъ ждалъ его терпѣливо часъ, другой; наконецъ, Салтыковъ является. Павелъ говоритъ ему, что если должность президента военной коллегіи ему затруднительна, то онъ можетъ отказаться отъ нея. Салтыковъ просилъ извиненія и гнѣвъ Павла смягчился: Салтыковъ остался при своей должности. Пріѣхавъ разъ неожиданно точно также рано въ Стнодь, Павелъ былъ доволенъ, заставъ членовъ его на лице. Въ его царствованіе чиновники стали собираться въ присутствіе не въ полдень какъ было прежде, а гораздо ранѣе. Разъ будучи на разводѣ Павелъ, замѣтилъ чиновника, остановившагося поглазѣть на войско и, подойдя къ нему, спросилъ гдѣ онъ служить. Тотъ сказалъ гдѣ. Императоръ вынулъ часы и, показавъ ему, замѣтилъ: „вотъ видите, одиннадцатый часъ уже въ подовниѣ. Прощайте! мнѣ не досужно, пора къ своему дѣлу.“ Все это было сказано ласковымъ тономъ, но намекъ былъ ясенъ. Нечего прибавлять, что чиновникъ бросился со

всѣхъ ногъ въ должность. Запущенія дѣлъ въ Сенатѣ и др. мѣстахъ императоръ не терпѣлъ. Онъ хотѣлъ, чтобы и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ имперіи, его повелѣнія и указы исполнялись возможно скорѣе. Курьеры, число которыхъ доведено было до 120 человекъ, летали по всѣмъ направленіямъ, ѣздя изъ Петербурга въ Москву иногда менѣе чѣмъ въ двое сутокъ и всюду въ другихъ случаяхъ съ такою же поспѣшностью.

Послѣ утренняго развода, во дворцѣ собиралось военное общество; въ это время офицеры самыхъ небольшихъ чиновъ допускались въ комнаты государя. Тутъ ставилась закуска и водка, но самъ Павелъ никогда ничего не пилъ и не терпѣлъ спиртнаго запаха отъ окружающихъ.

Послѣ обѣда Павелъ нѣкоторое время отдыхалъ и затѣмъ опять ѣздилъ на прогулку по городу. Этикетъ, установленный Павломъ, требовалъ, чтобы при встрѣчѣ съ государемъ мужчины выходили изъ своихъ экипажей и отдавали честь, а дамы выходили на подножку своего экипажа. Если принять въ расчетъ, что въ то время еще были во всеобщемъ употребленіи у мужчинъ чулки и башмаки, то этикетъ этотъ былъ, конечно, сопряженъ съ тѣмъ большими неудобствами для свѣтскаго общества. Павелъ былъ гонитель роскоши; онъ говоритъ, что самъ будетъ ѣсть на оловѣ, чтобы показать примѣръ другимъ. Въ этомъ можетъ быть кроется ключъ къ объясненію такого поражающаго своею своеобразностью этикета. Одинъ сынъ императора Павла, Александръ Павловичъ впоследствии старается ходить незамѣченнымъ, какъ частный человекъ, между своими подданными. Другой сынъ Павла, императоръ Николай, заказываетъ своимъ лакеямъ снудю ливрею, оставляя красную придворному вѣдомству, чтобы царскій экипажъ не слишкомъ бросался въ глаза. Этикетъ, установленный Павломъ, можетъ быть отчасти объясняется преслѣдованіемъ башмаковъ и шелковыхъ чулокъ; каждая пара шелковыхъ чулокъ, привозившаяся изъ за границы, обходилась Россіи въ нѣсколько вудей муки ¹⁾. Вотфорты и одиобортный кам-

¹⁾ Пара чулокъ стоила до 4¹/₂ рублей, мулъ муки въ 9 пудовъ ржаной въ то время (въ 1762) въ Петербургѣ стоилъ 1 р. 56 ¹/₄ к. Полн. Соб. Зак., II, 622. II, 630.

золъ со шпагою назади была самая удобная одежда въ глазахъ Павла, для частныхъ, не служащихъ лицъ.

Впрочемъ надо и то замѣтить, что полицейское рвеніе часто совершенно искажало смыслъ царскихъ повеленій. Если въ послѣдствіи Архаровъ при кроткомъ и обходительномъ Александрѣ приказывалъ купцамъ, приходившимъ въ Лѣтній садъ, снимать съ себя кушаки, такъ что рассердилъ Александра, то можно себѣ представить каково было его рвеніе при добромъ сердцемъ, но вспыльчивомъ и грозномъ порою Павлѣ. Разъ Павелъ видитъ изъ окошка экипажъ съ лошадей и спрашиваетъ Архарова: чьи они? Тотъ отвѣчаетъ, что графа Румянцева. Павелъ замѣчаетъ, что лучше было бы, если бы упряжь лошадей была нѣмецкая. Надобно замѣтить, что покойный графъ Задунайскій былъ большой поклонникъ всего нѣмецкаго, окружалъ себя нѣмцами, не любилъ Москвы и даже говорилъ по-русски съ нѣмецкимъ акцентомъ. Очень можетъ быть, что Павелъ, въ разговорѣ котораго нерѣдко проглядывалъ юморъ, при имени Румянцева въ шутку замѣтилъ о нѣмецкой упряжи, но Архаровъ слова Павла истолковалъ совершенно въ другомъ смыслѣ. Онъ вообразилъ, что государю вообще было бы пріятнѣе, если бы нѣмецкая упряжь замѣнила обыкновенную, русскую. Архаровъ налегъ на петербургскихъ извозчиковъ. Тѣ взмолились: къ чему имъ нѣмецкая упряжь и привязанные фальшивые хвосты къ лошадямъ? Жалобы ихъ дошли до государя и Павелъ далъ замѣтить Архарову, что тотъ зашелъ слишкомъ далеко.

Верхомъ или въ экипажѣ императоръ непремѣнно совершалъ свою ежедневную прогулку. Въ дурную погоду на грязныхъ петербургскихъ и московскихъ улицахъ выходы свѣтскихъ кавалеровъ изъ экипажа на мостовую вели нерѣдко къ сценамъ большею частью забавнымъ, но иногда и трагическимъ. Преданіе гласитъ объ одномъ случаѣ, въ послѣднемъ родѣ, въ Москвѣ. Учитель музыки Далеко, довольно извѣстный въ свое время, разъ долженъ былъ выйти изъ экипажа у Красныхъ воротъ среди непродоходной грязи. Жалѣя своихъ новенькихъ шелковыхъ чулокъ, онъ становится на подножку экипажа какъ дама. Это замѣчено. Можетъ быть предположили, что онъ, какъ иностранецъ дѣлалъ это не безъ умыс-

ла, и въ наказаніе его велѣли обвести три раза вокругъ Красныхъ воротъ. Бѣдняга, возвратясь домой—съ испуга ли, или отъ простуды, заболѣлъ горячкою и умеръ ¹⁾).

Послѣ вечерней прогулки императора, во дворцѣ было опять собраніе, но уже болѣе частное, домашнее, гдѣ императрица Марія Федоровна, какъ хозяйка дома, разливала гостямъ чай.

Государь ложился спать въ 8 часовъ вечера и вслѣдъ затѣмъ погасали всюду огни въ городѣ. Петербургъ, привыкшій при Екатери-нѣ превращать ночь въ день, теперь рано ложился спать и рано вставалъ, а если кто не хотѣлъ ложиться такъ рано, тотъ принималъ всѣ предосторожности, чтобы съ улицы не было видно огня.

Павелъ скончался вечеромъ 11 марта 1801 года.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1869, 167, 168.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

XIX ВѢКЪ.

I.

Императоръ Александръ I.

Рожденіе старшаго внука было торжествомъ для Екатерины II. Придворные авгуры предсказывали новорожденному блестящую будущность. Его представляли на рисункахъ разсѣвающимъ Гордіевъ узелъ ¹⁾, и самое имя его, Александръ, было уже, въ такомъ случаѣ, многозначительнымъ прѣвѣщаніемъ.

Екатерина сама взялась за воспитаніе внука. Она была поклонница Локка и Руссо. Къ послѣднему чувствовалъ симпатію и внукъ, когда выросъ. Но съ принципами автора „Эмиля“, можно было еще повременить; прежде всего физическое воспитаніе стояло на очереди. Локку отдала предпочтеніе Екатерина, можетъ быть, болѣе и потому, что она была свидѣтельницею, какъ нянюшки, старушки и приживалки, подъ руководствомъ инп. Елизаветы Петровны, кутали маленькаго великаго князя Павла Петровича въ жарко натопленной комнатѣ, подъ мѣхами и теплыми одѣялами, и имѣла возможность убѣдиться, какъ такой тепличный уходъ губителенъ для здоровья.

„Эмиля“ Руссо Екатерина оцѣнила еще когда только вышла эта книга. Въ этой книгѣ она нашла, какъ говорила, свои мысли ²⁾, правила, которыхъ сама намѣревалась слѣдовать при воспитаніи внуковъ. Только два года спустя послѣ этой оцѣнки книга Руссо была увѣнчана французскою академіею.

Маленькаго Александра, окружили всѣми англійскимъ, чтобы

¹⁾ Masson, II, 164.

²⁾ Grimm, I, 33.

совѣтъ Локка тѣмъ вѣрнѣе могли быть проведены на практикѣ воспитанія. Это подало поводъ сказать впоследствии одному иностранному автору, что Александра съ дѣтства располагали ко всему англійскому. Что касается до вѣдѣнности — порядка, опрятности, простоты, качествъ столь дорогихъ англичанамъ и которыми такъ дорожилъ всегда въ жизни Александръ — это можетъ быть и такъ. Не могъ не повліять англійскій образъ мыслей и на складъ убѣжденій въ Александрѣ, чему тоже доказательства видимъ впоследствии. Но Екатерина далека была отъ желанія расположить его въ пользу *всего англійскаго*. Онъ даже не научился основательно по-англійски, хотя по-французски говорилъ и писалъ правильно и изящно. И зная Екатерину, ея образованіе и образъ мыслей, съ взглядъ на вещи, мы не видимъ ни малѣйшаго основанія предположить, чтобы она могла явиться такою англоманкою при воспитаніи внука. Правда, она выбираетъ ему послѣ въ законоучители того же протоіерея Самборскаго, который вмѣстѣ преподавалъ Александру и англійскій языкъ. Но отецъ Самборскій, долго жившій въ Англии и свѣдѣвшійся съ нею, могъ быть учителемъ англійскаго языка и вмѣстѣ, по своимъ богословскимъ знаніямъ, явиться именно такимъ законоучителемъ, какого Екатерина желала найти для внука. Опредѣляя впоследствии Лагарпа воспитателемъ къ внуку, Екатерина предварительно посоветовалась съ англійскимъ посланникомъ Фицъ-Гербертомъ, но, безъ сомнѣнія, не потому, что это былъ англичанинъ, а скорѣе вслѣдствіе того, что Фицъ-Гербертъ былъ очень образованный и дѣльный человекъ, совѣтъ котораго могъ быть полезенъ.

Екатерина сама озаботилась выборомъ главной воспитательницы вучать, дѣтей великаго князя Павла Петровича. Ей указали на супругу генераль-маіора Ливенъ. У самой Ливенъ было большое семейство, о воспитаніи котораго она заботилась. Екатерина пожелала видѣть ее, и ее вызвали изъ Остзейскаго края въ Петербургъ. Позванная во дворецъ, Ливенъ, въ ожиданіи аудіенціи, горько жаловалась одному изъ придворныхъ на то, что должна была отлучиться отъ своихъ дѣтей. Слова ея дышали материнскою любовью. Долгъ матери она не могла промѣнять на мѣсто при дворѣ. Екатерина все это слышала, стоя за занавѣсью.

— Вотъ такую-то воспитательницу мнѣ именно и нужно для моихъ внучатъ! сказала императрица, выходя изъ своего убѣжища ¹⁾). Ливенъ растерялась. Не души любящей бабки и доброй матери отделинулись одна другой. Екатерина и Ливенъ сошлись. Ливенъ осталась во дворцѣ и впоследствии, — уже княгиня Ливенъ, — видѣла выросшими дѣтей своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ.

Екатерина сама наблюдала за всѣми въ воспитаніи старшихъ внучатъ. Сверстникомъ Александра былъ его младшій братъ Константинъ. Имя Константина было тоже символическое. При рожденіи его представляли несущимъ крестъ Константина Великаго; маленькаго Константина окружили греками: у него няня была гречанка и дядька (впоследствии гр. Курута) грекъ. Константинъ началъ говорить по-гречески прежде, чѣмъ по-русски, хотя впоследствии, впрочемъ, совершенно забылъ греческій языкъ.

Когда внуки подросли, Екатерина сама написала для нихъ „Бабушкину азбуку.“ Писала она для нихъ и сказки, наприм., „Царевича Хлора,“ подавшію Державину поводъ написать „Фелицу,“ „Царевича Фадея,“ потому вѣроятно, что нѣкоторые даже изъ самыхъ извѣстныхъ и распространенныхъ русскихъ сказокъ не удовлетворяли требованіямъ ея. Такъ Храповицкій, получивъ отъ нея обратно взятую на прочтеніе сказку „О Волѣ Королевичѣ,“ отиѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „возвращенъ за нелѣпость.“ Написано было Екатериною и подробное наставленіе о воспитаніи ея внучатъ. Екатерина, по видимому, гордилась этимъ „Наставленіемъ,“ — экземпляръ его хранился у нея постоянно въ ея кабинетѣ и былъ показываемъ тѣмъ, кто интересовался воспитательными вопросами. Нѣкоторые изъ приближенныхъ Екатерины приняли себѣ это „Наставленіе“ за руководство при воспитаніи дѣтей, напр., гр. Браницкая ²⁾).

Екатерина требовала возможной простоты въ содержаніи внучатъ. Они должны были спать подъ ситцевыми одеялами. Строго

¹⁾ Русс. Арх. 1864, стр. 952.

²⁾ Русс. Арх. 1864, стр. 954.

должно было смотрѣть, чтобы они не мучили птицъ, бабочекъ и мухъ. Заставлять играть въ игрушки было однимъ изъ наказаній для воспитанниковъ. Если они напалили, у нихъ отбирали книги и заставляли ихъ играть, пока игрушки опротивяютъ. Изъ учебныхъ занятій дѣлали награду. Учить музыкѣ и стихосложенію — „иршамъ.“ какъ выражалась Екатерина — что въ то время входило также въ курсъ образованія дѣтей, Екатерина не дозволяла внуковъ — она считала это потерей времени ¹⁾. Лично Екатерина не въ состояніи была увлекаться музыкою. У нея не только не было музыкальнаго уха, но даже органъ ея положительно отказывался понимать законы мелодіи. Нерѣдко въ концертахъ она просила кого нибудь изъ приближенныхъ давать ей звать, когда нужно было аплодировать. Любя писать, не понимая даже, какъ можно жить и не писать, Екатерина писала постоянно одною прозою, и, не смотря на всѣ усилія Сегюра, ему не удалось научить ее писать стихи. Эти личныя особенности Екатерины повліяли на всю будущность ея старшаго внука. Онъ не оказывалъ въ послѣдствіи особеннаго расположенія къ музыкѣ, а о театрѣ отзывался, что „по немъ его хотя бы совершенно не было“ ²⁾. Стихи онъ не ставилъ ни во что, хотя высоко цѣнилъ поэтовъ ³⁾: Державинъ и Дмитриевъ были министрами его.

Когда наступило для Александра время начинать учиться, т. е. когда ему пошелъ седьмой годъ, Екатерина занялась подысканіемъ ему воспитателя. Ей указали на Лагарпа. Лагарпъ представилъ программу, которой онъ предполагалъ слѣдовать, если бы былъ избранъ воспитателемъ. Эту программу — носившую названіе „Наставленія“ — Екатерина одобрила; одобрилъ ее и Фицъ-Гербертъ, которому ее показали ⁴⁾. Лагарпъ былъ призванъ въ наставники-руководители Александра.

Лагарпъ былъ при Александрѣ въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ. Начавъ заниматься съ нимъ, съ ребенкомъ, онъ оставилъ

¹⁾ Энциклопедическій Лексиконъ. Александръ I.

²⁾ Мих. — Дан. 361.

³⁾ Вигель, VII, 82.

⁴⁾ Русс. Арх. 1864, стр. 958.

его лишь годъ спустя послѣ его свадьбы; онъ продолжалъ давать ему уроки и послѣ свадьбы и давалъ уроки его новобрачной. Лагарпъ имѣлъ громадное вліяніе на складывавшійся характеръ Александра. Впослѣдствіи Александръ говорилъ, что онъ всѣмъ обязанъ Лагарпу, что безъ Лагарпа не было бы Александра ¹⁾. Александръ очень любилъ своего воспитателя. Разъ, обнявъ его, онъ зарылся пудрою съ его парика. Лагарпъ сталъ отряхивать пудру. „Ничего! замѣтилъ Александръ, никто не осудитъ меня за то, чѣмъ я позанимуюсь отъ васъ.“ Въ другой разъ онъ, уже 17-лѣтній юноша, отправился къ своему воспитателю на квартиру. Швейцаръ Лагарпа не узналъ великаго князя и сказалъ ему, что г-нъ Лагарпъ занятъ. Александръ ждетъ. Проходитъ полчаса. Наконецъ, дверь открывается и Александра просятъ войти. Лагарпъ, узнавъ сколько онъ ждалъ, выговариваетъ ему за то, что онъ не велѣлъ доложить о себѣ немедленно. „Я не хотѣлъ васъ отвлекать отъ занятій,“ отвѣчалъ Александръ, — „часъ вашихъ занятій дороже моего дня.“

Екатерина не перечила Лагарпу въ его преподаваніи и воспитательныхъ принципахъ, даже если ей случалось по внутреннему убѣжденію расходиться съ ними. Разъ она стоитъ за дверью учебной комнаты и слушаетъ, какъ Лагарпъ доказываетъ своему ученику, что истинной дружбы нѣтъ на свѣтѣ, что не надобно никому довѣряться, не нужно быть слишкомъ сообщительнымъ. Екатерина входитъ.

— Вы доказываете, г. Лагарпъ, что на свѣтѣ нѣтъ истинной дружбы, что мы должны беречься своихъ друзей?

— Да! отвѣчалъ правдивый швейцарецъ, у котораго не было двухъ рѣчей и лицъ, предъ императрицею и предъ ученикомъ.

Екатерина поспорила, но предоставила Лагарпу наставлять его ученика какъ онъ найдетъ сообразнымъ со своимъ долгомъ ²⁾.

Когда во Франціи открылась революція, положеніе при дворѣ Лагарпа, съ его правилами и убѣжденіями, сдѣлалось щекотли-

¹⁾ Мих. Дан., 346—347.

²⁾ Мих. Дан., 347.

ингъ. Многіе изъ придворныхъ на него восслались. Только вліяніе Екатерины поддерживало его; благодаря ей, онъ оставался въ прежнемъ званіи при своихъ питомцѣхъ, Екатерина вѣрила въ его честность и была убѣждена, что каковы бы ни были его личныя убѣжденія, онъ преподастъ своему ученику лишь то, что совместно съ довѣріемъ, которое она ему оказала.

Замѣтимъ, что и ученикъ вовсе не былъ такой вѣскъ, изъ котораго воспитатель могъ сдѣлать все, что хотѣлъ. Если онъ изъ него многое одѣлалъ, что желалъ, то потому лишь, что внутренній голосъ ученика одобрялъ наставленія наставника. Этотъ внутренній голосъ подсказалъ, напротивъ, маленькому Александру, что онъ расходится со своимъ наставникомъ на одномъ важномъ пунктѣ. „Мы на всемъ сходились съ Лагарпомъ, говорилъ послѣ Александръ, — кромѣ религіи“¹⁾. На этомъ пунктѣ всю жизнь религіозный Александръ не сходилъ со своимъ учителемъ, но каковы бы ни были убѣжденія его наставника, впрочемъ, Александръ могъ скорѣе угадывать ихъ, чѣмъ знать, такъ какъ едва ли Лагарпъ, умѣвшій цѣнить внутренній голосъ въ ученикѣ, и потому именно, можетъ быть, и дѣйствовавшій на него такъ сильно, Лагарпъ, съ его правиломъ цѣнить свободу убѣжденій въ другихъ и съ его тактомъ — могъ пускаться въ религіозныя пренія съ малолѣтнимъ ученикомъ.

Лагарпъ имѣлъ такое вліяніе на образованіе характера Александра, что нельзя не кинуть хотя бѣлаго взгляда на его прежнюю и послѣдующую жизнь.

Лагарпъ родился въ Швейцаріи, въ Леманскомъ кантонѣ, въ городѣ Роллѣ. 21 года онъ былъ уже докторомъ правъ Тюбингенскаго университета. 29 лѣтъ онъ поступилъ воспитателемъ къ Александру. Императоръ Павелъ, не благоволившій къ Лагарпу все время и вообще не одобравшій образа воспитанія своихъ старшихъ дѣтей, находившихся подъ исключительнымъ вѣденіемъ Екатерины при жизни ея, прекратилъ уплату Лагарпу его скромной пенсіи²⁾, послѣ того, какъ онъ уже оставилъ Россію. Но Александръ сохра-

¹⁾ Млх. Дан., 347.

²⁾ Русскій архивъ, 1866, стр. 75—94.

нить къ нему преданность и впоследствии. Политическіе перевороты того времени, возвышавшіе и низвергавшіе людей быстро, одно время возвели Лагарпа на первое мѣсто въ управленіи родной его республики, получившей, среди общей переимѣны именъ, названіе Гельветической. Но скоро онъ опять возвратился въ званіе частнаго человѣка. Александръ, воевавшій побѣдителемъ въ Парижѣ, счелъ долгомъ посѣтить жену Лагарпа. Лагартъ многими годами пережилъ своего воспитанника; онъ умеръ въ Лозаннѣ въ 1838 году.

Хотя душою воспитанія Александра былъ Лагартъ, не официально главнымъ воспитателемъ великихъ князей Александра и Константина считался гр. Н. И. Салтыковъ.

Графъ Николай Ивановичъ былъ важный человѣкъ при дворѣ. Одно время, когда онъ, живя во дворѣ, получалъ съ П. А. Зубовымъ и гр. Браницкою содержаніе изъ дворцовой конторы, на нихъ, на троихъ, расходовалось по 400 рублей ежедневно на одинъ столъ, да на напитки—вина, чай, кофе и проч., около половины этой суммы ¹⁾, такъ что одно содержаніе графа, на его часть, стоило болѣе 70,000 рублей въ годъ. Графъ былъ богатъ и кавалеръ всѣхъ російскихъ орденовъ. Его покровительствомъ Зубовъ выдвинулся изъ массы, и это объясняетъ, почему графъ игралъ такую роль. Самъ по себѣ онъ былъ личность болѣе чѣмъ невидная — физически и нравственно. Очень маленькій ростомъ, очень худенькій, съ неглухими карими глазами, но съ вѣчно ослабленнымъ, какъ выражается Грибовскій, лицомъ; вѣчно въ зеленомъ военномъ мундирѣ, въ штиблетахъ по нездоровью ногъ и съ востылемъ; руководимый въ дѣлахъ письмоводителемъ и въ хозяйствѣ графиней, набожный и очень скуной, Салтыковъ представлялъ сѣбѣ снѣженіе качествъ, въ которомъ нельзя сказать, чтобы преобладали хорошія. Какъ главный воспитатель великихъ князей, онъ уклонялся отъ инструкцій Екатерины тѣмъ, что требовалъ отъ питомцевъ отчета въ ихъ мысляхъ, что Екатерина запрещала ²⁾. Помощниками Салтыкова, въ дѣлѣ надзора за великими

¹⁾ Грибовскій, записки, стр. 5,

²⁾ Богдановичъ, Дѣтство и юность Александра I (въ Русск. Вѣстникѣ 1866 г.),

князьями, были Протасовъ и Саженъ. Знаменитый академикъ Палласъ былъ учителемъ естественныхъ наукъ у великихъ князей. Когда разъ учитель объяснялъ изъ ботаники объ органахъ растеній, молодые слушатели стали задавать кой-какіе вопросы, и положено было пріостановить курсъ естествовѣденія ¹⁾, который проходитъ какъ слѣдуетъ, очевидно, было еще рано. Крафтъ читалъ великимъ князьямъ физику. Александръ, вообще развивавшійся быстро, разъ задалъ преподавателю вопросъ, показывавшій въ двѣнадцатилѣтнемъ слушателѣ большую долю практическаго смысла. Крафтъ приводилъ, что, по теоріи Ньютона, свѣтъ есть вещество, непосредственно исходящее отъ солнца. „Не вѣрю, возразилъ Александръ, — „если бы это было такъ, то солнце должно было бы каждый день становиться меньше.“ Учителемъ русской словесности у Александра былъ извѣстный писатель Муравьевъ.

Александръ былъ слабого сложенія ребенокъ. Екатерина была увѣрена, что у него слаба грудь ²⁾. Оспа у него была одна изъ трудныхъ ³⁾. Тѣмъ больше попеченій прилагала о немъ любившая его до безумія бабка. Отправясь въ крымское путешествіе, она переписывалась съ внуками и давала издалека наставленія о ихъ содержаніи. Разъ Екатерина сидѣла въ совѣтѣ государственныхъ чиновъ и что-то видимо тревожило ее. Наконецъ, она не вытерпѣла, встала. „Господа — сказала она присутствовавшимъ — уходя, я заперла за шалости Александра одного въ комнату, и у меня теперь душа не на мѣстѣ, пока не пойду и не выведу его.“ ⁴⁾.

Маленькій Александръ, впрочемъ, не былъ шалуномъ. L'enfant terrible царской семьи былъ братъ его Константинъ. Тотъ своими выходками забавлялъ бабку, боролся съ придворными и т. д. Массонъ безъ сомнѣнія говоритъ о немъ, приводя, какъ одинъ изъ великихъ князей, подождя къ кому нибудь изъ придворныхъ, вдругъ вынималъ изъ кармана французскую революціонную кокарду и по-

¹⁾ Masson, II. 160, 161.

²⁾ Русск. Арх. 1864 г., стр. 960.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Русск. Арх. 1864 г., стр. 923.

казывалъ ее отскакивавшему съ испугомъ назадъ придворному. Маленькій Константинъ отличался юморомъ, и юморъ его иногда былъ золъ. Разъ губернаторъ его Сакенъ доказывалъ, что ему нужно по крайней мѣрѣ, выучиться читать. „Не буду читать, отвѣчалъ Константинъ, потому что вижу, что вы умѣете читать, а дѣлаетесь со дня на день глупѣе ¹⁾.“

Александръ былъ совсѣмъ другаго характера, чѣмъ младшій его братъ. Онъ былъ болѣе застѣнчивъ, чѣмъ развязанъ; болѣе сдержанъ, чѣмъ игривъ. Голосъ его былъ нѣженъ. Онъ былъ очень красивый ребенокъ, и впоследствии, юношею, слылъ при дворѣ подъ названіемъ „купидона.“ Но красота его имѣла отбѣнокъ какой-то женственности ²⁾, что и впоследствии придавало молоджавость его наружности, такъ что даже на закатѣ дней его, въ 1822 г., послѣ всего, что испыталъ и пережилъ онъ съ 1812 г., графиня Шуазель-Гуфье, вмѣсто 45 лѣтъ, не давала ему на лице болѣе 30. Александръ былъ блондинъ съ голубыми глазами и вьющимися свѣтлыми кудрями. Онъ особенно развился физически на 12-мъ году возраста: въ этотъ годъ, какъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ губернаторъ его Протасовъ, — въ 1789 году Александръ выросъ на $2\frac{3}{4}$ вершка ³⁾, между тѣмъ какъ прежде росъ по вершку въ годъ. Изъ измѣреній роста учениковъ въ петербургскихъ гимназіяхъ было найдено, что возрастъ наибольшаго физическаго развитія мальчиковъ въ петербургскомъ климатѣ — 14 лѣтъ ⁴⁾. Слѣдовательно, Александръ развился очень рано.

Протасовъ говоритъ, что въ 14-лѣтнемъ Александрѣ развилось замѣчательное самолюбіе; онъ былъ убѣжденъ, что всякаго увѣрить и переувѣрить; онъ сдѣлался празденъ, медленъ, лѣнивъ ⁵⁾. Только предъ тѣмъ, какъ исполнилось ему 15 лѣтъ, получилъ онъ право носить обыкновенный галстухъ, а между тѣмъ онъ уже и предъ

¹⁾ Belani, III, стр. 222.

²⁾ Вигель, Воспоминанія (въ Русск. Вѣстн.), VI, 553.

³⁾ Русск. Арх. 1866 г., стр. 94, 95.

⁴⁾ Архивъ судебной медицины и гигиены, 1867 г. Наблюденія д-ра Вилламовскаго.

⁵⁾ Русск. Арх. 1866 г., стр. 99, 105.

тѣмъ влюблялся. Болѣе, чѣмъ другіи, пораженъ онъ былъ молодой красавицей, княгиней Четвертинской. Екатерина замѣтила перемѣну во внукѣ и не упустила случая допытаться, кто похитилъ спокойствіе ея любимца. Александръ любилъ бабушку, все пересказалъ ей и, какъ настоящій 15-лѣтній влюбленный, просилъ ее женить его на дорогой ему красавицѣ. И это говорилъ онъ, божество Екатерины, ея надежда; онъ, котораго она въ глубинѣ души, но словамъ современниковъ, готовила въ преемники себѣ даже по имени его отца, въ чѣмъ нагнѣніемъ ея содѣйствовалъ, пока былъ живъ, и свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, любившій Александра и называвшій его „le prince de mon coeur“ ¹⁾. Нѣтъ, очевидно, увлеченіе Александра была одна шалость. Надобно было, чтобы онъ и не думалъ о свиданіяхъ со своей возлюбленной. Надобно было ее удалить. Ее удали изъ Петербурга и послѣ выдали замужъ за Д. Л. Нарышкіна. Уже много лѣтъ спустя Александръ вновь сошелся на пути жизни съ той, которая такъ обворочила его вѣнеческое сердце. Онъ уже не былъ красѣвншииъ юношею, она не была возбуждающею платоническіе восторги дѣвою. М-ше Нарышкіна, тѣмъ не менѣе, до конца жизни осталась увлекательною и увлекающеюся. До 60-ти лѣтъ она была хороша собою, не знала косметическихъ средствъ, кромѣ l'eau de fraises, окружала себя дурьянками, чтобы казаться еще лучше, и, оттолкнувъ глубокую привязанность, на что никогда не рѣшились бы многіе изъ ея властолюбивныхъ завистницъ, жила послѣ въ Парижѣ, на пенсію въ 200,000 франковъ, выдававшійся ей и ея дочери Софьѣ ²⁾.

Но мы обогнали время. Вернемся къ 15-ти лѣтнему Александру. Екатерину упрекали въ томъ, что она женила внука въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ. Есть иностранные писатели, утверждающіе, что ранній бракъ притупилъ энергію Александра. Въ русской исторической литературѣ также не разъ слышались мнѣнія, что ранній бракъ отозвался на Александрѣ физическимъ разстройствомъ. Если однако, примемъ во вниманіе раннее физическое развитіе Алексан-

¹⁾ Вантышъ-Каменск., Біографія, II, стр. 86, 87.

²⁾ Choiseul-Gouffier, 203.

дра — онъ обогналъ сверстниковъ на два года — и впечатлительную натуру его, едва не поссорившую его съ бабкою, то упрекъ съ памяти Екатерины отчасти снимется. Если она и поторопилась, то не надобно забывать, что шестнадцатилѣтній Александръ былъ въ ея глазахъ осьмнадцатилѣтнимъ, и она могла думать, что для молодого человѣка пришла пора любить и ранній бракъ могъ только остепенить его во время, оградивъ молодыя страсти извѣстнымъ предѣломъ, вмѣсто того, чтобы дать имъ разливаться на сторонн. Надобно замѣтить также, что къ Александру могла явиться привычка гибельная для здоровья, еслибы во время не замѣтили и не устранили отъ него дурное сообщество.

Въ одинъ ненастный, осенній вечеръ 1792 года въ таврическому дворцу подъехала тяжелая дорожная карета. Изъ нея вышли тайный совѣтникъ Стрѣкаловъ, графиня Шувалова (вдова извѣстнаго автора *épître à Nipon*) и двѣ молодыя принцессы Баденскія, еще дѣвочки, старшей изъ которыхъ было только четырнадцать лѣтъ. Пріѣзжіе входятъ во дворецъ. Принцессы Баденскія были не чужія въ Петербургѣ. Родная тетка ихъ, Наталья Алексѣевна, была первая супруга великаго князя Павла Петровича. Но онѣ здѣсь чувствовали себя почти вчужѣ. Онѣ были здѣсь почти сироты. Мать не поѣхала съ ними. Она была уже разъ въ Петербургѣ въ эпоху сватовства ея сестры за вел. князя Павла Петровича, и, можетъ быть, воспоминаніе о прошедшемъ, воспоминаніе о рамо умершей сестрѣ не позволило ей принять приглашенія Екатерины сопровождать дочерей въ Петербургъ. Робко и въ смущеніи вошли принцессы въ палаты покойнаго князя Таврическаго. Ихъ встрѣчаетъ сановитая, стройная дама. Эта выправка, эта поступь — все въ ней было такъ величественно. Принцессы знали Екатерину только по портретамъ. Онѣ не сомнѣваются, что передъ ними русская императрица, а теперь и благодѣтельница ихъ семейства, потому что земли ихъ заняты французскими войсками и самое приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ было сдѣлано, чтобы дать имъ почетный пріютъ и образованіе. Разумѣется, онѣ ѣхали вполне на счетъ Екатерины. Какъ встрѣтить имъ свою покровительницу? Броситься на шею — но незнакомая дама такъ важна и величественна! Смущенныя дѣвушки падаютъ предъ нею на колѣни.

Но онъ ошиблись. Предъ ними была только гр. Враницкая ¹⁾. Величественная красавица, племянница свѣтлѣйшаго князя Потемкина, имѣла слабость во всемъ копировать Екатерину, въ образѣ жизни, въ одеждѣ, даже въ прическѣ и манерѣ, и какъ копія всегда утрируетъ оригиналь, то и гр. Враницкая, позволявшая въ Кіевѣ дамамъ цѣловать ей руки, теперь приняла германскихъ принцессъ съ величественностью, которой никакъ не допустила бы въ подобномъ случаѣ Екатерина, знавшая гдѣ нужно быть величественною. Екатерина доказала это на другой день. Она пришла къ принцессамъ. Она была вся ласка, вся любезность. Она такъ умѣла быть ласковою и любезною когда хотѣла. Она знала, что должны чувствовать двѣ дѣвочки, заброшенные куда-то на сѣверъ, далеко отъ матери и родныхъ. Она знала, что ихъ надобно прежде всего приголубить, приласкать. Она принесла имъ всего, что могло занять и позабавить ихъ: матерій и лентъ для нарядовъ, но Екатерининской лентѣ ²⁾. „Милыя мои — сказала она, раздавая имъ подарки — я не была такъ богата, какъ вы, пріѣхать въ Россію. Но мы, кажется, поквитались съ нею“. Екатерина любила говорить, что, получивъ все, что имѣеть, въ Россіи, она поквиталась съ нею, давъ ей въ обіймъ Тавриду и польскія провинціи ³⁾.

Екатерина вызвала принцессъ въ Петербургъ, чтобы на одной изъ нихъ женить старшаго внука. Она устала свой кабинетъ портретами всѣхъ принцессъ-вѣвъ Европы, которыя могли быть подъ пару молодому великому князю; долго смотрѣла, выбирала и наконецъ выбрала. Теперь принцесса Луиза-Марія-Августа баденская и младшая сестра ея были въ Петербургѣ. Екатерина взглянула въ Луизу и нашла въ ней сходство съ собою, когда она, Екатерина, 16-ти лѣтнею дѣвушкою вѣзжала въ Россію. Она сравнила свой портретъ того времени съ лицомъ Луизы и не сомнѣвалась въ сходствѣ. Она полюбила Луизу. Это была теперь въ мысляхъ ея — нарѣченная ея любимаго внука.

Настало свиданіе Луизы съ Александромъ. Александръ былъ

¹⁾ Masson, I, 36.

²⁾ Masson, I, 37.

³⁾ Masson, I, 50.

молчаливъ, грустенъ и холоденъ. Еще недавно сердцу его былъ нанесенъ жестокий ударъ. Бабушка могла скрывать, но сердце молодого человѣка угадывало, что его знакомятъ съ его невѣстою, что этой блондинкѣ съ задумчивымъ, мечтательнымъ взоромъ, которой едва пошелъ 15-й годъ, рѣшено быть его суженой. Александръ молчалъ и былъ задумчивъ. Свиданіе прошло сухо и при-
нужденно. Но замѣтили, что Луизѣ понравился ея суженный. А она ему?

Базалось, надобно было бы дать отрицательный отвѣтъ. Такъ и понялъ великій князь Константинъ Павловичъ. Свидѣтель свиданія, онъ, выйдя съ братомъ въ другую комнату, шепнулъ ему, что „обѣ плохи,“ и, какъ всегдашній юмористъ, прибавилъ: — отчего бы не посватать этихъ принцессъ за герцоговъ курляндскихъ? Но если онъ ожидалъ, что Александръ будетъ съ нимъ одного мнѣнія, то ошибся. Какъ разгадать тайны сердца! Александръ почти не смотрѣлъ на свою невѣсту — и, однако, очень хорошо вглядѣлся въ нее; казался холоднымъ и равнодушнымъ — и, однако, послѣ сознался, что она ему понравилась ¹⁾.

Развитая не по лѣтамъ Луиза-Марія-Августа — по св. муропо-
казаніи Елисавета Алексѣевна — была очень недурна собою. Прекрасные голубые глаза ея выражали много чувства и нерѣдко были какъ бы покрыты пеленою тихой задумчивости. Графиня Радзивиллъ въ послѣдствіи называла ее „тихою“ (calme) и такъ обращалась къ ней въ письмахъ ²⁾. Прозрачной бѣлизны лице, превосходно очерченныя плечи, роскошные волосы — придавали много наружности Елисаветы. Много лѣтъ спустя, въ 1815 г., гр. Делагардь называлъ фигуру Елисаветы прелестною, а глаза ея — отражающими чистоту души ³⁾. Голосъ ея графъ Каменскій называлъ небеснымъ въ 1806 году, когда онъ, стоя на колѣняхъ у кровати родильницы-императрицы, принималъ отъ нея благословеніе на походъ противъ французовъ. Даже въ 1822 г., когда кра-

¹⁾ Masson, I, 37.

²⁾ Choiseul-Gouffier, 327.

³⁾ Schnizler, 97.

сота Елисаветы уже стала увядать, когда непреходящий спутникъ тогдашнихъ нарядовъ — корсетъ, заставляя приливать кровь къ головѣ, придавъ красноватый оттѣнокъ прежде безупречному носу на блѣдномъ лицѣ ея: когда, словомъ, уже не было прежней Елисаветы во всемъ блескѣ молодости и свѣжести — и тогда графиня Шуазель-Гуффѣ, видясь съ нею въ первый разъ, назвала ее голосъ незнакомымъ. Что же былъ этотъ голосъ, когда Елисаветѣ было лишь 15—16 лѣтъ и когда все ей должно было улыбаться?

И Елисавета дѣйствительно не скучала въ Петербургѣ, хотя натура ея, быть можетъ, и не была способна къ быстрымъ увлеченіямъ, къ воздушнымъ замкамъ. По крайней мѣрѣ, когда ея младшая сестра заливалась слезами — плакала со скуки по родинѣ, такъ что ее наконецъ должны были отвезти обратно, въ Германію — она, старшая, была спокойна, даже весела. Разъ, незадолго передъ бракомъ, Елисавета, идя къ трону, запуталась въ платьѣ и упала. Надобно замѣтить, что походка ея была какъ-то особенно легка и своеобразна, такъ что по походкѣ ее узнавали на придворныхъ маскарадахъ какъ бы она ни одѣлась ¹⁾. Но молодая принцесса еще такъ недавно надѣла длинное платье, что ей не грѣхъ было запутаться въ немъ. Однако, міръ придворныхъ кумушекъ рѣшилъ, что это паденіе въ тронной залѣ не къ добру, что Елисаветѣ не быть счастливой ²⁾.

Выбралъ ли бы Александръ самъ себѣ Елисавету въ подруги жизни, если бы онъ случайно встрѣтился съ нею, если бы ему не нашли ее въ супруги? Трудно дать отвѣтъ на это. Практика жизни учитъ, что чаще крайности сходятся, а Александръ и Елисавета, если сравнивать ихъ, были скорѣе братъ съ сестрою и по наружности, и по характеру. Оба нѣсколько болѣе развиты физически, чѣмъ большинство молодыхъ людей ихъ лѣтъ, но все еще очень юные; оба блондины съ голубыми глазами и свѣтлыми волосами; оба ровнаго, сдержаннаго характера — Александръ и Елисавета были похожи другъ на друга даже во второстепенныхъ осо-

¹⁾ Belani, III, 41.

²⁾ Masson, I, 38—39.

бенностяхъ. Для обоихъ корона не имѣла особеннаго блеска; онъ и она одинаково не любили шума свѣта, его толковъ, его эскитета. Когда Александръ передавалъ молодой супругѣ своей какъ бы онъ желалъ отказаться отъ престола и частнымъ человѣкомъ поселиться гдѣ нибудь на Рейнѣ, вдали отъ заботъ и тревоженій шумнаго свѣта, Елисавета была совершенно его мнѣнія и мечтала о томъ же ¹⁾. Она никогда не была хозяйкою во дворцѣ, а если бы не было императрицы Маріи Федоровны, всѣмъ завѣдывавшей, всѣмъ управлявшей въ царской семьѣ во все царствованіе Александра, то она предоставила бы хозяйство, заботы и хлопоты кому нибудь другому. Привязанность любимаго человѣка, тихая, уединенная жизнь, книга и мечта, дѣла благотворенія—вотъ былъ мѣръ Елисаветы.

Александръ и Елисавета, становясь подъ вѣнецъ, походили на брата и сестру. И брачной жизни ихъ дѣйствительно какъ-то выпало на долю походить на жизнь брата съ сестрою. Оба послѣ брака сидѣли еще въ училищной комнатѣ и слушали уроки Лагарпа. Даже постороннимъ какъ-то невольно приходилось глядѣть на нихъ болѣе какъ на родныхъ, чѣмъ на новобрачныхъ. Довольно припомнить одинъ случай: Генералъ Кутлубицкій, ѣздившій съ однимъ важнымъ порученіемъ отъ императора Павла, только что вернулся въ Петербургъ. Ему передали, что наслѣдникъ, Александръ Павловичъ, желаетъ его видѣть немедленно по пріѣздѣ, но такъ, чтобы это осталось неизвѣстнымъ государю, его родителю. Кутлубицкій является къ Александру. Въ комнатахъ темно, лишь вдали, за анфиладою комнатъ, брезжетъ огонекъ. Кутлубицкій идетъ на свѣтъ, спрашиваетъ и получаетъ дозволеніе войти въ спальню наслѣдника. Александръ и Елисавета были уже въ постели. Познававшись съ Александромъ, Кутлубицкій обѣгаетъ постель, беретъ протянутую ему изъ подъ одѣяла руку Елисаветы, цѣлуетъ ее и затѣмъ начинаетъ свой рассказъ. И все это кажется всѣмъ такъ естественно, такъ обыкновенно. Точно какъ будто это не былъ будуаръ молодыхъ, а гостиная, гдѣ братъ и сестра принимали гостя.

¹⁾ Бовалевскій, 64.

Характеръ Александра еще только складывался. Вотъ какъ отзывался Массонъ, — замѣтки котораго выдаютъ въ немъ вѣрнаго и въ большинствѣ случаевъ, безпристрастнаго наблюдателя, — объ Александрѣ въ концѣ жизни Екатерины.

„Онъ наследовалъ отъ Екатерины возвышенность чувствъ, неизмѣнную ровность характера, умъ здравый и проникательный, рѣдкое умѣнье владѣть собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ замѣтна сдержанность, осторожность, мало гармонирующая съ его лѣтами, которую можно было бы принять за оттѣновъ лицемѣрія въ характерѣ, если бы источникомъ ея не было его затруднительное положеніе между отношеніями къ бабѣ и къ отцу...

„Онъ обладаетъ счастливымъ, но не сильнымъ характеромъ, у него нѣтъ на столько смѣлости и увѣренности въ себѣ, чтобы отыскивать достойныхъ людей, обыкновенно умѣренныхъ и сдержанныхъ. Можно опасаться, что имъ успѣетъ завладѣть какая нибудь изъ назойливыхъ и наглыхъ (*effrontés*) личностей, которыя обыкновенно бываютъ вмѣстѣ самыми невѣжественными и злыми... Онъ, кажется, потерялъ охоту къ учению, потерявъ своихъ наставниковъ, въ особенности полковника Лагарпа...“

Замѣтимъ, что все это было начато еще въ 1800 г. Очевидно, то мѣсто, гдѣ говоритъ Массонъ объ окружающихъ, которые могли скорѣе всего завладѣть довѣріемъ Александра, казалось бывшимся прорицаніемъ впоследствии для современниковъ, потому что Лезюръ, писавшій въ Парижѣ исторію Россіи, въ 1812 г., приводитъ подробно, въ текстѣ, замѣчанія Массона и дѣлаетъ ихъ главнымъ матеріаломъ для оцѣнки характера Александра. А между тѣмъ именно въ этотъ промежутокъ времени, съ 1800 до 1812 г., характеръ Александра существенно измѣнился, по словамъ достовѣрнаго современника. Энгельгардтъ говоритъ, что аустерлицкую битву можно назвать эпохою въ правленіе Александра; она отозвалась рѣзкою переменою въ характерѣ его. „До того, говоритъ Энгельгардтъ ¹⁾, онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а потомъ сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безжѣрности, неприступенъ и не

¹⁾ Записки, 221.

терпѣлъ уже, чтобы ктонибудь говорилъ правду; въ одному графу Аракчееву имѣлъ онъ полную довѣренность...“ и т. д.

Такой взглядъ могъ быть—личнымъ мнѣніемъ Энгельгардта, и онъ безпристрастно записалъ его. Но хотя съ аустерлицкой битвы могла произойти переимѣна въ характерѣ Александра (внѣшнія событія на него вліяли), тѣмъ не менѣе, эта переимѣна не была такъ рѣзка. До нѣкоторой степени подозрительный съ дѣтства, уже благодаря наставленіямъ Лагарпа, учившаго не вѣрить въ друзей и увѣренія, Александръ былъ мнителенъ по природѣ. „Строгъ же до безмѣрности“ Александръ не былъ до конца своей жизни, и самъ Энгельгардъ вѣрно не принималъ этихъ записанныхъ имъ словъ въ буквальный смыслъ. Нельзя также сказать, что Александръ не терпѣлъ, чтобы ему говорили правду. Вспомнимъ только записку Карамзина „О старой и новой Россіи“, поданную въ 1811 г. и рѣзко отрицавшую многое, что одобрялъ и приводилъ въ дѣйствіе Александръ; развѣ это помѣшало Александру оказывать послѣ расположеніе Карамзину? Самая замѣтка Энгельгардта объ Аракчеевѣ показываетъ, что у него вкрался анахронизмъ и что Аустерлицу приписано многое, что было слѣдствіемъ московскаго пожара. Аракчеевъ до 1812 не пользовался полнымъ довѣріемъ Александра, какъ увидимъ далѣе. Но, дѣйствительно, нельзя не согласиться, что чѣмъ больше втягивался Александръ въ правленіе, съ годами, тѣмъ онъ становился сдержаннѣе и тверже въ обращенія съ окружающими, и эта твердость, сопоставленная съ прежнею ласковостью, могла показаться иногда суровостью. Но и самыя жесткія замѣчанія его отзывались болѣе ироніею, которой гуманность характера не допускала обратиться въ рѣзкость. Вспомнимъ нѣкоторыя изъ его выраженій. „Михаилъ Иларіоновичъ, что же вы неидете впередъ, — сказалъ онъ Кутузову при Аустерлицѣ, — вѣдь мы здѣсь не на парадѣ, на Царицыномъ лугу, гдѣ не начинаютъ, пока не подойдутъ всѣ войска“¹⁾. Кочубей, разсерженный тѣмъ, что саратовскаго губернатора Бѣлякова отставили отъ службы безъ вѣдома его, министра внутреннихъ

¹⁾ Энцикл. лексиконъ. Александръ I.

дѣлъ, подаетъ въ отставку. „Можете, никто васъ не удержи-
ваетъ“, отвѣчаетъ Александръ ¹⁾. Державинъ не прѣзжаетъ изъ
своего помѣстья Званки. „Можетъ и совсѣмъ не прѣзжать“, за-
мѣчаетъ Александръ о своемъ министрѣ юстиціи ²⁾. Вообще мы
не видимъ уже тутъ того нерѣшительнаго, колеблющагося въ отхо-
щеніяхъ къ окружающимъ Александра, который говорилъ въ на-
чалѣ своего царствованія графу Комаровскому, что онъ охотно
поставилъ бы свѣчу Казанской Возіей Матери, если бы фельдмар-
шалъ Каменскій, тогдашній петербургскій первый генералъ-губерна-
торъ, подалъ въ отставку ³⁾, а между тѣмъ самъ смѣнить его съ этой
должности не рѣшался.

Но если окружающіе замѣтили пережѣну въ характерѣ Алек-
сандра съ теченіемъ лѣтъ, то эта пережѣна не касалась народа.
Замѣчали, что у Александра для народа всегда была улыбка на
лицѣ. По прежнему свѣтскимъ и любезнымъ кавалеромъ Александръ
былъ до конца своей жизни и среди дамъ. Въ дамской средѣ за-
мѣтили, что Александръ обыкновенно меньше говорилъ съ тѣми,
кто ему болѣе нравился ⁴⁾. Быть можетъ, это былъ остатокъ за-
стѣнчивости юношескаго возраста. Въ мужскомъ обществѣ этого
не замѣчали. Известенъ анекдотъ о придворномъ, намятномъ свои-
ми шутками, который на вопросъ Александра — чѣмъ онъ можетъ
быть ему полезенъ? отвѣчалъ: „Ваше величество, каждый разъ
на придворныхъ балахъ подходите ко мнѣ и шепчите мнѣ на ухо:
„ты оселъ“ ⁵⁾! Острякъ рассчитывалъ остаться въ барышахъ, по-
тому что придворные зорко слѣдили съ кѣмъ говорилъ государь,
съ кѣмъ нѣтъ, и тѣмъ измѣряли степень довѣрія у него лицъ,
очевидно, вовсе не придерживаясь теоріи, составленной въ дамскомъ
кружкѣ.

Верхъ обходительности въ женскомъ кругу, Александръ, конечно,

¹⁾ Вигель, VI, 561.

²⁾ Державинъ записки, въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г.

³⁾ Русскій Архивъ, 1867, стр. 575.

⁴⁾ Choiseul-Gouffier, 31.

⁵⁾ Maxwell, the Czar, his court and people 5 edition New York, 1856, p. 148.

ниѣлъ массу поклонницъ. „Какъ жаль,—сказала графиня Вуажонъ въ Парижѣ въ 1814 г., послѣ того, какъ Александръ ей, незнакомой ему дамѣ, посѣтившей изъ любопытства православную церковь, поднесъ просвиру—какъ жаль, что такой любезный и обходительный монархъ, какъ Александръ, долженъ царствовать надъ казаками, татарами, киргизами и другими дикими народами, а не у насъ“ ¹⁾!

Не любя театра, Александръ посѣщалъ балы. Онъ учился танцевать въ дѣтствѣ подобно другимъ — на это не распространялось запрещеніе Екатерины, какъ на музыку и стихосложеніе. За даму на урокахъ танцевалъ съ нимъ гр. Томстой ²⁾, послѣ приближенный къ нему человѣкъ. Александръ принималъ, вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ, участіе въ балетѣ во время извѣстнаго праздника, даннаго Потемкинымъ въ Таврическомъ дворцѣ. Но на балахъ Александръ бывалъ для общества, не для свѣта. Свѣтскости и свѣтскихъ кавалеровъ, онъ не любилъ. Придворныхъ, изъ свѣтскости сдѣлавшихъ науку жизни, онъ называлъ полотерами ³⁾. Любя общество немногихъ и возможное отсутствіе парада въ жизни, онъ говорилъ о придворныхъ: „какая нужда мнѣ въ услугахъ этихъ господъ? Развѣ мнѣ ланен не прислужать мнѣ лучше ихъ“ ⁴⁾?

Любя развѣзды — рассчитывалъ, что онъ извѣздитъ въ жизни, до 200,000 верстъ ⁵⁾ — онъ спалъ въ дорогѣ на сафьянныхъ, набитыхъ сѣномъ тюфякѣхъ и подушекъ, и вставалъ рано непременно въ заранѣе опредѣленный часъ ⁶⁾. Онъ былъ такъ акуратомъ въ этомъ отношеніи, что удалялъ отъ себя слугу, не разбудившаго его разъ въ назначенное время. Въ развѣздахъ онъ возилъ съ собою собственный чай — въ 100 р. фунтъ — и пилъ его обыкновенно одинъ, такъ какъ вставалъ прежде, чѣмъ хозяева домовъ, гдѣ онъ останавливался, проснулись. Къ раннему вставанію — въ 4 — 5

¹⁾ Русс. Бесѣда, 1860 I, смѣсь, стр. III.

²⁾ Choiseul-Gouffier, 14.

³⁾ Вигель, VII, 67.

⁴⁾ Choiseul-Gouffier, 167.

⁵⁾ Энци. Лек. Александръ I.

⁶⁾ Choiseul-Gouffier, 24.

часовъ — могъ онъ пріучиться въ царствованіи имп. Павла, когда въ 10 часовъ вечера въ Петербургѣ тушили огни, если и не ложились спать, когда самъ Павелъ вставалъ рано и требовалъ, чтобы другіе дѣлали тоже, а Александръ, какъ наследникъ престола, и тогда по должности петербургскій военный генералъ-губернаторъ, въ глазахъ Павла долженъ былъ являться примѣромъ другимъ и первымъ исполнителемъ его воли.

Впослѣдствіи, въ Парижѣ, въ 1815 г., Александръ вставалъ позже, въ 8 часовъ. Затѣмъ онъ гулялъ, потомъ садился часовъ на 5 за бумаги, въ 2 часа обѣдалъ, въ 6 ѣздилъ верхомъ, во фражѣ, въ сопровожденіи жокея ¹⁾.

Александръ былъ очень аккуратенъ и до послѣдней степени приверженецъ чистоты и опрятности. Пыль и соръ были непримиримые враги его въ домашней жизни. Онъ не допускалъ, чтобы на его книгахъ и бумагахъ была пылинка. На его бюро непреѣнно лежалъ чистый батистовый платокъ и 10 только что очиненныхъ перьевъ. Если нужно было только подписать имя, бралось новое перо. Привдворный, на должности котораго лежало доставленіе перьевъ, получалъ на одинъ этотъ предметъ 3000 рублей въ годъ ²⁾. Это впрочемъ, не вполне была синекюра, потому что Александръ любилъ писать. По-русски онъ писалъ сильно и своеобразно, по-французски правильно и изящно. Онъ обыкновенно дѣлалъ поправки на бумагахъ, исходявшихъ отъ его имени. Особенно многимъ исправленіямъ подвергались бумаги, составленныя его государственнымъ секретаремъ (съ 1811 г.) Шишковымъ ³⁾. Не избѣгали исправленій и краснорѣчивые манифесты Сперанскаго. Ковалевскій замѣчаетъ, что Александръ, если и дѣлалъ ошибки въ правописаніи, то, однако, меньше, чѣмъ, напр., Сперанскій, а Сперанскій былъ дова какихъ на Руси и въ правительственныхъ сферахъ было не много. Говоря, впрочемъ, объ ошибкахъ въ правописаніи, никогда нельзя упускать изъ вида своеобразности, составляющей именно удѣлъ, по большей части, людей болѣе даровитыхъ, а также надобно обращать вниманіе на

¹⁾ Мих. Дан., 424—425.

²⁾ Belani, III, 134—135.
Ковалевскій, 62.

условія времени, такъ какъ одному поколѣнію легко видѣть ошибки въ томъ, въ чемъ ихъ не было для другаго. Поправки, которыя дѣлалъ Александръ на бумагахъ, были, однако, нерѣдко плодомъ его правила „десять разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь“¹⁾, — правила, котораго онъ держался постоянно, а также его мнительности. Онъ иногда давалъ четыремъ секретарямъ писать на одну и ту же тему, чтобы послѣ выбрать изъ ихъ опытовъ наиболѣе подходящіе. Приводятъ, что при назначеніи Сперанскаго, бывшаго до тѣхъ поръ опальнымъ, въ пензенскіе губернаторы, четыре раза переписывался рескриптъ объ этомъ, потому что каждый разъ имъ оставались недовольны и каждый разъ нужна была новая редакція.

Мы сказали выше, что Александръ предпочиталъ общество немногихъ довѣренныхъ лицъ шуму свѣта. Особенно любилъ онъ въ первое время своего царствованія запросто посѣщать небогатыхъ нѣмецкихъ семействъ, поговорить тамъ вдали отъ обычной сферы своей дѣятельности, отдохнуть отъ власти. Онъ пересталъ посѣщать ихъ, когда замѣтилъ, что и сюда втираются льстецы и сюда проникаютъ интриги честолюбія и расчетъ²⁾. Но и послѣ онъ любилъ бывать запросто съ тѣми, кто былъ по душѣ ему и не видѣлъ въ немъ одинъ рогъ изобилія, подъ который можно было стать, чтобы чѣмъ нибудь поживиться. Дерптскій проф. Парротъ былъ другомъ Александра; другомъ, который отшатнулся бы отъ всякой награды отъ того, въ комъ онъ любилъ человѣка, а не государя. Да, Александръ и по воспитанію, и по природѣ не могъ и понять, какъ какими нибудь внѣшними знаками отличія можно отдарить не только за личную привязанность, но и за государственныя услуги. „Любезный Волконскій, сказалъ онъ разъ безсмѣнному одно время начальнику своей канцеляріи, князю Петру Михайловичу, — неужели тебя такъ тѣшить какой нибудь кусочекъ ленты?“ (Волконскій получилъ предъ тѣмъ Андрея Первозваннаго). Конечно, князь сталъ объяснять, что не лента, а расположеніе его величества и т. д.³⁾. Въ другой разъ студентъ дерптскаго университета Виль-

1) Корфъ (6) 33.

2) Belani, III, 131.

3) Choiseul-Gouffier. 167.

ямъ Гарисенъ просилъ разрѣшенія дозволить ему принять отъ французскаго правительства и носить орденъ Лилли. Въ этомъ ему было отказано. Въ бумагѣ, заключающей этотъ отказъ, прибавлено, что государь видѣлъ въ Парижѣ „кучеровъ съ этимъ орденомъ“ ¹⁾. Борнетъ Лазаревъ просилъ о разрѣшеніи принять орденъ Іоанна Іерусалимскаго. Его спросили: за какую заслугу получилъ онъ орденъ? Лазаревъ не могъ привести никакой болѣе существенной причины пожалованія его орденомъ, какъ то, что онъ русскій дворянинъ. — Ему отказали ²⁾. Случилось, однако, Александру пожаловать орденъ съ самого себя и притомъ самый высшій въ государствѣ орденъ — Андрея Первозваннаго съ брилліантами — совсѣмъ безъ видной заслуги, если не наоборотъ, за нѣчто противоположное. Разъ одно придворное лице является въ орденѣ, который кажется Александру нѣсколько знакомымъ ему. Наконецъ, по брилліантовымъ украшеніямъ и проч. государь несомнѣнно узнаеть, что орденъ — его. Какъ попалъ онъ на грудь придворнаго? Наведены справки. Оказалось, что у придворнаго своя звѣзда въ закладѣ и онъ воспользовался знакомствомъ своимъ съ царскимъ камердинеромъ, чтобы на время надѣть звѣзду, бывшую собственностью Александра. Александръ не хотѣлъ надѣвать больше на себя звѣзду съ груди этого придворнаго и звѣзда была пожалована ему ³⁾.

Но личное мнѣніе Александра не нарушало въ его имперіи общаго хода вещей. Кресты и прочіе знаки отличія давались по прежнему тѣмъ, кто стремился къ полученію ихъ. Случалось и то, что не разъ бывало при Екатеринѣ: давали по два креста одного названія и одной степени одному и тому же лицу. При Екатеринѣ, какъ сохранилось преданіе, одинъ такой двойной кавалеръ, не получивъ обмѣна знака отличія, не смотря на свое представленіе, такъ и носилъ оба креста ⁴⁾. При Александрѣ объявлено было получавшимъ вторые кресты вмѣсто нихъ монаршее благоволеніе ⁵⁾.

¹⁾ П. С. З. XXXIII, стр. 443.

²⁾ П. С. З. XXXIV, стр. 29.

³⁾ Lloyd, стр. XXXIII-XXXV.

⁴⁾ Masson, I, 52.

⁵⁾ П. С. З., XXXIII, стр. 441

Во многомъ міръ, окружавшій Александра, былъ отличенъ отъ него, а Александръ не былъ сильный характеръ, который могъ бы повліять на окружающее. Напротивъ, мы видимъ какъ самъ онъ постепенно втягивается въ этотъ міръ, ассимилируется имъ, хотя природа и наклонности до конца не уступаютъ многого внѣшнему вліянію. Въ этой борьбѣ внутреннихъ убѣжденій съ внѣшнимъ контрастомъ, въ борьбѣ, въ которой человѣкъ мало по малу, шагъ за шагомъ, но постоянно уступалъ вліянію окружающей его массы, состоитъ сущность и характеристическая черта 25-ти лѣтняго царствованія Александра I.

II.

Священный союзъ.

Рядъ событій мировой важности и поразительныхъ по неожиданности пронесся надъ поколѣніемъ, видѣвшимъ возвышеніе и паденіе Наполеона. На императора Александра 1812 годъ положилъ неизгладимый отпечатокъ. Онъ какъ-то разомъ нѣсколько постарѣлъ по наружности. Лице его чаще, чѣмъ прежде, стало отѣвнаться меланхолическою задумчивостью. Не на немъ, впрочемъ, одномъ лежалъ печать свою этотъ годъ. Кто принималъ участіе въ событіяхъ его, тотъ вынесъ слѣдъ ихъ на себя. Въ лицѣ С. Глинки, ревмestamente боровшагося съ французами перомъ задолго до вторженія Наполеона въ Россію, также находили послѣ 1812 года червѣну, оставленную пережитою тяжелою годиною. Безъ сомнѣнія тоже можно было сказать о многихъ его современникахъ. Но конечно, на томъ, кто стоялъ въ ходѣ этихъ событій на первомъ планѣ, кто былъ въ нихъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, слѣдъ ихъ не могъ не отпечатлѣться рѣзче.

И точно, если бы даже душа Александра не была такъ впечатлительна, поразительная быстрота событій и неожиданность ихъ были таковы, что могли произвести потрясающее дѣйствіе на душу человѣка, сосредоточивавшаго на себя общее вниманіе. Въ началѣ борьбы торжествующій Наполеонъ, ведя за собою представи-

телей 20 европейских племенъ, идетъ на вѣрное покореніе Россіи. Предложеніе Александра о мирѣ не принято. Наполеонъ подвигается къ сердцу Россіи. Незадолго предъ тѣмъ первый доверенный человекъ Александра, его правая рука, главный дѣлецъ и, въ сущности, первый министръ, въ другой комнатѣ отъ Александра, въ слухъ, такъ что Александръ могъ слышать, предсказывалъ паденіе имперіи ¹⁾. И точно, все кажется гибнуть. Наполеонъ уже у Москвы. Растопчинъ оставляетъ полицейскихъ жечь Москву и самъ послѣ званнаго обѣда, со своими гостями, подносятъ зажженные факелы къ своему дому въ подмосковномъ селѣ Вороновѣ ²⁾. Зажженная безъ вѣдома Александра, его подданнымъ, первопрестольная столица Россіи, о сохраненіи древностей которой Александръ лично такъ заботился ³⁾, горитъ. Отчаяніе охватываетъ всѣ сословія русскаго общества, хотя Александръ и готовъ прежде отрастить бороду по поясъ и удалиться въ дебри сибирскія, чѣмъ уступить врагу...

Но вотъ картина пережвняется. Та routine a déroné Napoléon, говорили современные каламбуристы Кутузову. Но *рутина* русскаго Фабія кунктатора и *Тарутино* играли лишь второстепенную роль въ разыгравшейся драмѣ. Голодъ и холодъ губили французовъ. Русскимъ солдатамъ и ополченцамъ оставалось только гнать ихъ. Страшныя сцены представляло это бѣгство. Тутъ зарывали дѣлнниковъ живыхъ въ землю, тамъ обезображенный голодомъ французъ ѣлъ человѣческое мясо, говоря, что это ужасно, но все же лучше, чѣмъ мясо кониковъ (какъ прозвали французы малорослыхъ крестьянскихъ лошадей) ⁴⁾. Тутъ падавшія въ ямы груди замерзшихъ тѣлъ издавали звуки, подобныя металлу. Тамъ изъ нихъ сложили цѣлыя стѣны, а на иныхъ замерзшихъ трупахъ выздоравливавшіе товарищи играли въ карты... ⁵⁾. Двѣсти шестьде-

¹⁾ И. И. Дмитріевъ. Записки, стр. 196.

²⁾ Русс. Арх. 1868, стр. 1878.

³⁾ П. С., XXVIII 1868 стр. 1874.

⁴⁾ Русс. Арх., 1868, стр. 1986.

⁵⁾ Русс. Арх., 1868, стр. 1988.

сять шесть тысячъ труповъ было сожжено только въ четырехъ губерніяхъ—Московской, Смоленской, Минской и Виленской ¹⁾).

Въ Вильнѣ императоръ Александръ вступаетъ въ залъ во время бала, даннаго Кутузовымъ, по ковру изъ отбитыхъ французскихъ знаменъ ²⁾, изъ которыхъ одно самъ фельдмаршалъ преклоняетъ предъ нимъ ³⁾. За границею его встрѣчаютъ триумфальныя ворота и вѣнки изъ цвѣтовъ, надѣваемые молодыми горожанками на будущаго освободителя ихъ отечества отъ ига Наполеона. Между тѣмъ Наполеона тѣснятъ все дальше къ границамъ Франціи. Ходятъ толки, что голова его оцѣнена въ 500,000 рублей наследнымъ принцемъ прусскимъ, и что казаки стараются захватить его въ плѣнъ ⁴⁾. Союзники вступаютъ въ Парижъ. Александръ въ своемъ темнозеленомъ, кирасирскомъ мундирѣ, съ орденами георгіевскимъ, Маріи Терезіи и Краснаго орла, *меньшихъ степеней* ⁵⁾, на груди, на своемъ мекленбургскомъ бѣломъ кофѣ безъ порока—Марсѣ—обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ. Онъ главный вождь союзниковъ, герой событія. За взрывъ Брэмля онъ оплачиваетъ тѣмъ, что проситъ оставить въ покоѣ на вандомской колоннѣ статую Наполеона, на которую уже накинули канатъ недавніе подданные надшаго императора, чтобы стащить ее съ колонны. Но и просьба Александра не помѣшала имъ надѣть на статую бѣлый саванъ. Въ театрѣ готовы встрѣтить Александра торжественно. Въ честь его сложили пѣсню по образцу пѣсни Генриха IV, начинающуюся словами:

Vive Alexandre
Ce modèle des rois!
Sans rien prétendre,
Sans nous dicter les lois...

(Да здравствуетъ Александръ, этотъ царь царей! Не выказывая никакихъ притязаній, не диктуя намъ законовъ...)

¹⁾ Русскій Архивъ, 1868, стр. 1994.

²⁾ Шишковъ, 74.

³⁾ Лажечниковъ (въ Вѣстникѣ Европы, ч. 94, стр. 75).

⁴⁾ Golovine, 147.

⁵⁾ Москвитянинъ, 1843, III, стр. 495.

Александръ и тутъ принужденъ отказываться отъ почестей. Въ-сто „Триумфа Траяна,“ по его желанію на сценѣ дадутъ „Весталку.“

Недавно рядъ вынесенныхъ душевныхъ страданій, теперь гнетъ славы; подавленное въ себѣ, уязвленное самолюбіе два года назадъ, теперь—верхъ почестей и восхваленій—все это рядомъ крайнихъ контрастовъ дѣйствовало на Александра, и среди хода событій въ немъ слагался новый человѣкъ.

Мы видѣли, что и прежде Александръ, по природѣ, былъ религіозенъ; съ этою религіозностью въ немъ соединялась крайняя вѣротерпимость. Припомнимъ случай, рассказываемый Шишковымъ въ его запискахъ. Шишковъ написалъ все манифесты Александра во время рѣшительной борьбы съ Наполеономъ, кромя манифеста, изданнаго при вступленіи въ Парижъ: тутъ, при концѣ борьбы, когда страстямъ надобно было дать улечься, потребовалось болѣе тонкое и изворотливое перо генерала Ермолова. Императоръ Александръ давалъ просторъ Шишкову, при составленіи манифестовъ. Шишковъ дѣлалъ иногда даже поправки въ высочайшихъ указахъ и его замѣчанія были принимаемы. Такъ, по вторженіи Наполеона въ Россію въ 1812 г., Александръ хотѣлъ сказать въ одномъ приказѣ по войскамъ: „я буду все время при васъ и отъ васъ не отлучусь;“ Шишковъ представилъ, что за будущее нельзя ручаться. Приведенныя слова были вычеркнуты изъ приказа ¹⁾ и дѣйствительно, обстоятельства заставили почти вслѣдъ затѣмъ императора Александра ѣхать въ Москву, готовить народъ къ борьбѣ съ непріателемъ. Но въ какой степени Александръ ни готовъ былъ давать просторъ дѣятельности своего государственнаго министра если убѣжденія ихъ существенно не расходились, онъ зналъ, что имѣеть дѣло съ человѣкомъ партіи и потому не во всемъ довѣрялся ему. Въ одномъ изъ манифестовъ, Шишковъ написалъ: „навсегда неизгладимая въ душахъ нашихъ православная вѣра.“ Какъ видно и самая тѣнь невѣротерпимости смутила Александра: онъ зачеркнулъ слова „навсегда неизгладимая“ и написалъ вмѣсто того

¹⁾ Шишковъ, 15.

карандашемъ: „горящая, или пылающая, или чтимая“. Шишковъ возразилъ, что „горящая“ или „пылающая“ будетъ не совсѣмъ удобно сказать со стороны языка, а „чтимая“ — очень мало, и было рѣшено написать „свято чтимая“. ¹⁾

Будучи религіозенъ самъ, Александръ уважалъ религіозность въ каждомъ, къ какому ученію и къ какому толку онъ ни принадлежалъ бы. Еще въ 1810 году онъ знакомится также съ масонскими таинствами. По крайней мѣрѣ, на мысль объ этомъ наводятъ, по замѣчанію бар. Корфа, слова Сперанскаго въ отвѣтъ на обвиненіе его въ иллюминатствѣ. Сперанскій говоритъ, что онъ дѣйствительно вступилъ временно въ 1810 году въ масонскую ложу, но это было сдѣлано съ вѣдома правительства. При отношеніяхъ Сперанскаго къ имп. Александру въ то время, эти слова значать, что государь былъ участникомъ въ ознакомленіи его главнаго совѣтника съ масонскими обрядами.

Во время сомнительнаго хода дѣлъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, въ 1813 г., когда императоръ французовъ временно готовъ былъ вновь явиться счастливымъ соперникомъ, имп. Александръ находитъ время свернуть съ дороги въ Гернгутъ, чтобы ознакомиться съ бытомъ гернгутеровъ въ самомъ центрѣ ихъ поселеній. Александръ говорилъ впоследствии Юнгу Штиллиngu, что будучи въ Англіи (послѣ занятія Парижа), онъ посѣтилъ всѣ религіозныя общества въ ней, какія могъ: библейскія, мисіонерскія общества, печатающія брошюры религіознаго содержанія для безденежной раздачи (tracts), квакерское. Съ квакеромъ Гриллье Александръ молился съ колѣнопреклоненіемъ впоследствии, когда Гриллье пріѣзжалъ въ Петербургъ ²⁾. Говорилъ ли гр. Кочубей отъ себя одного, когда онъ представлялъ въ совѣтъ министровъ, что нужно предоставить іезуитамъ обращать ииородцевъ по окраинамъ Россіи въ христіанскую вѣру, такъ какъ одному православному духовенству это не по силамъ ³⁾? При всей близости отношеній, въ которыхъ

¹⁾ Шишковъ, 213.

²⁾ Чтенія, 1867, I, Слѣсь, 150.

³⁾ Державинъ, 459.

Кочубей стоялъ въ имп. Александру въ это время, можно ли предполагать, что это мнѣніе, отвергнутое благодаря оппозиціи Румянцева (Н. П.) и Державина, было раздѣляемо Александромъ? Хотя послѣдующее обращеніе бурятъ въ христіанство при помощи англійскихъ миссіонеровъ и могло бы заставить предположить что либо подобное, но, съ другой стороны, несомнѣнно, что Александръ свою вѣротерпимость не ограничивалъ однѣми христіанскими религіями. Онъ цѣлуетъ руку у слѣпаго старца Вассіана въ киевонечерской лаврѣ ¹⁾, десять часовъ сряду стоитъ въ церкви Вааламскаго монастыря ²⁾, читаетъ молитвенникъ въ церкви доминиканцевъ, замѣнившихъ іезуитовъ въ Петербургѣ (этотъ молитвенникъ съ подчеркнутыми въ немъ Александромъ болѣе грустными молитвами хранится доминиканцами до настоящаго времени) ³⁾; но, вѣдѣвъ онъ исполненъ уваженія ко всякому вѣрованію, хотя бы это были вѣрованія не христіанскія. Евреи при Александрѣ, послѣ вѣковаго преслѣдованія, вздохнули свободнѣе. Въ 1825 году, во время путешествія по Крыму, Александръ подходилъ подъ благословеніе къ магометанскимъ духовнымъ, и изумленные магометане, подданные русскаго царя, готовы были видѣть въ немъ правовѣрнаго ⁴⁾.

Религіозность Александра усиливается съ 1812 г. Съ этого времени онъ постоянно начинаетъ читать библію, и послѣ читаетъ по три главы ея въ день: по одной—изъ пророковъ, изъ евангелій и изъ посланій. Впослѣдствіи онъ постоянно возилъ съ собою библію. Знакомство съ м-ше Криднеръ еще болѣе усиливаетъ это религіозное настроеніе.

Знакомство Александра съ м-ше Криднеръ готовится въ Ваденѣ, въ 1814 г., и безъ его вѣдома.

Мы видѣли имп. Елисавету Алексѣевну въ ея первой молодости. Имп. Павелъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ къ ея семей-

¹⁾ Русс. Арх. 1867. 189.

²⁾ Беккеръ. Путешествіе казака Назимова, 90—91.

³⁾ Choiseul-Gouffier, 366.

⁴⁾ Москвитянинъ, 1844, IV, стр. 48.

ству. Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что король шведскій, такъ не ловко отказавшійся въ Петербургѣ отъ руки вел. княжны Александры Павловны, впоследствии предложилъ руку принцессѣ баденской, младшей сестрѣ Елисаветы Алексѣевны, и получилъ ея согласіе. Недоволенъ былъ императоръ еще и прежде, что въ письмѣ къ нему, во время сватовства своего за Александру Павловну, король не точно привелъ титулъ русскихъ государей. Павелъ замѣтилъ, что королю надобно прежде выучиться писать ¹⁾). Впоследствии должна была прекратиться самая переписка супруги наследнича престола съ ея семействомъ.

Родственный споръ со шведскими королевскими домою еще разъ впоследствии, когда Елисавета Алексѣевна была уже императрицею, отозвался для нея грустными чувствами. Русскія войска вступили въ Финляндію и начали войну, приведшую къ низложенію шведскаго короля съ престола. Когда по случаю покоренія Финляндіи въ Петербургѣ пѣли побѣдное „Тебѣ Бога хвалимъ“, имп. Елисавету видѣли блѣдную и съ заплаканными глазами; стоящую у памятника Петра I ²⁾). Она присутствовала при торжествѣ, купленномъ цѣною счастья и спокойствія ея сестры, и мысль о родныхъ вызывала слезы на глаза русской императрицы.

Въ семейномъ быту, обстоятельства, отвлекавшія императора Александра отъ домашняго круга, ложились тяжелою грустью на сердце императрицы. Всюгда небольшого кружка избранныхъ придворныхъ и болѣе чѣмъ платоническое вниманіе князя Адама Чарторійскаго не могли замѣнить ей Александра. Она горячо любила его. Она срывала, старалась скрыть грусть въ себѣ, но меланхолія, все чаще и чаще набѣгавшая на лице, выдавала ее. Она была изъ тѣхъ натуръ, которыя не жалуются, не грустятъ въ слухъ, но тѣмъ живѣе чувствуютъ грусть, тѣмъ скорѣе встачиваются ею. Это была одна изъ натуръ, которыя въ состояніи избѣгать встрѣчъ съ тѣми, кто показываетъ видъ холодности иль, но которымъ не дешево проходить эта жертва.

¹⁾ Belani, II, 206.

²⁾ Русс. Вестъда, 1851, I, стр. 45.

Елисавета любила Александра. Видѣли какъ въ отсутствіе его она, встрѣчая въ дворцовомъ саду маленькую Сою Нарышкину, въ лицѣ которой видѣли сходство съ чертами лица Александра, бросалась горячо цѣловать ее. Случалось заставляли ее плачущою надъ портретомъ Александра.

Когда императоръ Александръ, во главѣ союзныхъ арій, шелъ на Парижъ, Елисавета Алексѣевна поѣхала въ Баденъ навѣстить свою мать, маркграфиню баденскую, и родныхъ. Изъ записокъ Шинкова, гостившаго также въ то время въ Баденѣ, мы видимъ, что Елисавета и за границей оставалась тѣмъ же, чѣмъ привыкли видѣть ее въ Россіи — олицетвореніемъ доброты. Она ласкаетъ и цѣлуетъ грязныхъ малютокъ въ пѣмецкихъ деревенькахъ, одаряетъ и выпускаетъ на волю принесенную рыбаками рыбу... Но ей не живется за-границей. Привезенная намѣренно матерью на то мѣсто, въ ту рошу, гдѣ впервые ей было объявлено приглашеніе ѣхать въ Россію, она остается равнодушна. Равнодушна она и къ восторженнымъ крикамъ: „да здравствуетъ Алексѣевна!“ которыми добрые нѣмцы встрѣчали супругу побѣдителя Наполеона, вовсе не думая о томъ, по замѣчанію А. С. Шинкова, что въ это восклицаніе нужно было вставить собственное имя „Елисавета“, и полагая, что такъ будетъ лучше, болѣе по-русски. Императрицѣ хотѣлось скорѣе ѣхать обратно въ Россію. Она сказала возвращавшемуся въ Россію Шинкову, что завидуетъ ему и охотно послѣдовала бы его призыву, если бы воля государя не была, чтобы, она осталась. На глазахъ ея приметны были слезы.

Тутъ-то мы видимъ вмѣстѣ маркграфиню баденскую, императрицу Елисавету Алексѣевну, князя Голлицна (А. Н.), фрейлину императрицы Стурдау, ма-ше Крилнеръ и Юнга Штилинга.

Что было общаго между этими лицами? По словамъ Гримма вліянію князя Голлицна многіе приписывали то восторженно-религіозное настроеніе, которое замѣчается впоследствии въ императорѣ Александрѣ ¹⁾. Князь Александръ Николаевичъ, сверстникъ великаго князя Александра Павловича въ дѣтскихъ играхъ — лич-

¹⁾ Grimm,

ность необыкновенно живаго и подвижнаго характера, „любвеобильный князь Голицынъ“, какъ его называли иные изъ современниковъ, еще ждетъ своего біографа и, безъ сомнѣнія, найдетъ его, если принять во вниманіе то значеніе, которое онъ успѣваетъ мало по малу пріобрѣсть себѣ въ царствованіе Александра I. Самые средства, которыми онъ достигаетъ этого, такъ своеобразны, что представляютъ замѣчательную характеристическую черту времени. Въ молодости князь Голицынъ назначенъ былъ императоромъ Александромъ въ Студъ, чтобы направлять его дѣйствія. Иные готовы видѣть въ немъ человѣка, который въ глубинѣ души былъ чуждъ всякой религіи; но проникать въ тайны помысловъ — шаткій путь для оцѣнки человѣка. По внѣшности, князь былъ, напротивъ, горячій приверженецъ всѣхъ религій, истинный космополитъ въ этомъ отношеніи. Какъ бы то ни было, но въ немъ нельзя не видѣть источника того ханжества, которое охватило официальныя и неофициальныя сферы въ концѣ царствованія Александра I и такъ презиралось какъ людьми безъ религіи, такъ и истинно религіозными.

Если раздѣлимъ взглядъ на князя Голицына тѣхъ „многихъ“, о которыхъ говоритъ Гриммъ, если припишемъ въ значительной степени его вліянію восторженно-религіозное настроеніе императора Александра, то м-ше Криднеръ и Юнгъ Штиллингъ являются не болѣе, какъ его орудіями. Какъ скоро взглянемъ на дѣло съ этой точки зрѣнія, сданаются понятными тѣ денежные отношенія, которыя существовали между княземъ Голицынымъ, съ одной стороны, и м-ше Криднеръ и Юнгомъ Штиллингомъ, съ другой.

Постепенно угольщикъ, плавальщикъ, операторъ, профессоръ и въ заключеніе мистикъ-циетикъ, — Юнгъ-Штилингъ представляетъ личность постоянно нуждавшуюся въ деньгахъ. Вліяніе на души ближнихъ онъ нашелъ выгоднымъ для себя. Впослѣдствіи отъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, заплачивавшей многимъ пенсіоны, обвинныхъ изъ которыхъ узнали только послѣ ея смерти — Юнгъ-Штилингъ получалъ пенсіонъ въ 300 флориновъ ¹⁾. Фрейлина Стурдза дала нуждавшемуся профессору 200 гульденовъ на поѣздку на воды,

¹⁾ Belani, III, 34.

и благодарный Штиллинъ при свиданіи съ императоромъ Александромъ не забылъ упомянуть между вѣрующими, въ числѣ лицъ окружавшихъ императора, фрейлину Стурдзу ¹⁾. Но истиннымъ благодѣтелемъ Штиллинга былъ князь Голицынъ. Такъ князь Голицынъ далъ ему, не знавшему чѣмъ покрыть долги, 2000 флориновъ. „Эти деньги,“ прибавляетъ Белани, у котораго мы заимствуемъ извѣстіе объ этомъ, „были не отъ императора“ ²⁾. Въ другое время м-ше Криеръ передала ему еще 3900 талеровъ отъ князя Голицына. Это былъ даръ отъ императора Александра, полученный, впрочемъ вѣроятно, по представленію того же князя Голицына.

Императоръ Александръ увидался съ Штиллингомъ по совѣту маркграфини Баденской, представившей его за умнаго и весьма религіознаго человѣка. Острая, плутовская фізіономія стараго мистика, впрочемъ, какъ видно, не понравилась Александру. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ довольно долго. Александръ былъ нѣсколько тугъ на ухо и просилъ собесѣдника говорить погромче, но и болѣе громкая рѣчь не оживила его, не вызвала одушевленія въ него. Можетъ быть Штиллинъ и старательно игралъ свою роль, но нуженъ былъ громадный талантъ, чтобы въ глазахъ такого проницательнаго собесѣдника, какъ Александръ, выдать маску за природу и, поддѣлываясь подъ искренность, избѣжать натуности. Александръ остался недоволенъ бесѣдою и послѣ не говорилъ болѣе съ Штиллингомъ. Не понравился Штиллинъ и Шашкову, видѣвшему его въ Баденѣ. Между прямодушнымъ и религіознымъ старымъ адмираломъ и такимъ религіознымъ мистикомъ, каковъ былъ Штиллинъ, было очень мало общаго. Поинтересовался адмиралъ Александръ Семеновичъ узнать также что такое другой корифей тогдашняго религіознаго прозелитизма, м-ше Криеръ. Онъ говоритъ, что при первомъ свиданіи она прежде всего показала ему женщиною остроумною, но затѣмъ онъ замѣтилъ съ ея стороны желаніе казаться вдохновенною и это охладило его. Онъ пожелалъ однако ближе ознакомиться съ ролюю, каку

¹⁾ Belani, III, 33.

²⁾ Belani, III, 35.

играла она. Разъ онъ сидитъ у нея въ гостиной, Входитъ дочь м-ше Криднеръ и говоритъ что-то на ухо матери. М-ше Криднеръ очевидно нужно идти; адмиралъ ее задерживаетъ. Гость видитъ это очень ясно, но ему хочется провѣкнуть въ тайну религіозной обрядности м-ше Криднеръ. Адмиралъ спрашиваетъ: не нужно ли ей идти?—Да, ее ждутъ на молитву. Но въ такомъ случаѣ, замѣчаетъ онъ, отчего и ему не послѣдовать за нею.—Я также христіанинъ, говоритъ старшій адмиралъ.

Отказать послѣ этого нельзя. Ему указываютъ дорогу внизъ, въ большую комнату, которая уже полна гостей. Чинно и тихо сидятъ гости вдоль стѣнъ комнаты, какъ бы въ ожиданіи чего-то. Вдали, въ концѣ комнаты, видѣнъ столикъ. На немъ бумаги, за которыми сидитъ молодой человѣкъ. Молодой человѣкъ всталъ и произнесъ проповѣдь, которой всѣ внимали въ тишинѣ. Затѣмъ тотъ же молодой человѣкъ сказалъ слова гимна и присутствующіе пропѣли тѣ же слова. Этими и кончилось.

Императора Александра съ м-ше Криднеръ познакомила фрейлина Стурдза. Волѣе близкое знакомство произошло въ 1815 г., годъ спустя послѣ того, какъ мы видѣли князя Голицына, фрейлину Стурдзу, Юнга-Штиллинга и м-ше Криднеръ въ Ваденѣ. Допустимъ, что князь Голицынъ искалъ въ Штиллингѣ и Криднеръ орудій для достиженія честолюбивыхъ видовъ. Но почему же мы встрѣчаемъ этихъ дѣйствующихъ лицъ въ Ваденѣ, во дворцѣ маркграфини? Хотѣла ли маркграфиня избрать путь религіознаго настроенія для возстановленія семейнаго счастья дочери въ ту пору, когда ходъ политическихъ событій возвращалъ императора Александра Петербургу и царской семьѣ?

М-ше Криднеръ — личность до такой степени замѣчательная и вліяніе ея на императора Александра одно время было такъ сильно, что на характеристикѣ ея нельзя не остановиться подробно.

Юлія, или Юліана Криднеръ, дочь одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ прибалтійскаго края, барона Фитингофа, и внучка знаменитаго фельдмаршала Миниха, родилась въ Ригѣ, по однимъ свидѣтельствамъ—въ 1764 г., по другимъ—въ 1766. Девяти лѣтъ отъ роду она съ родителями была въ Парижѣ. На 14-омъ году

ее выдали замужъ за 36 лѣтнаго барона Криднера, не спросивъ о ея согласіи. Съ мужемъ она жила въ Венеціи, гдѣ Криднеръ былъ русскимъ посланникомъ. Сынъ баронессы отъ этого брака былъ въ послѣдствіи русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи. Несчастливое супружество кончилось разводомъ. Въ 1791 г., мы видимъ m-me Криднеръ снова въ Ригѣ, въ 1794—въ Парижѣ, потомъ въ Лейпцигѣ. Въ Лейпцигѣ ее посѣтило религіозное вдохновеніе. Около нея собирается кружокъ вѣрующихъ. Руководство имъ принимаетъ на себя сопровождавшій баронессу молодой аббатъ Аннейта (Empreutas). Затѣмъ мы опять видимъ m-me Криднеръ въ свѣтскомъ обществѣ, въ Россіи и въ Парижѣ. Она выступаетъ на литературное поприще и сочиняетъ романъ „Valégie“.

Въ 1807 г., по занятію Пруссіи Наполеономъ, Криднеръ является къ королевѣ Луизѣ Прусской. Въ это время она уже считаетъ себя вдохновенною и пользуется репутаціею такой у довѣрчивыхъ. Лѣтомъ 1815 г. m-me Криднеръ три мѣсяца жила въ Гейльброннѣ ¹⁾. Знала ли она, что въ Гейльброннѣ долженъ остановиться императоръ Александръ? По крайней мѣрѣ, по связямъ своимъ съ окружавшими его, она могла это узнать. Связи князя Голицына съ Фитингофами начинаются за долго предъ этииъ. Братъ баронессы Криднеръ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей библейскаго общества съ его основанія, а библейское общество было любимымъ созданіемъ князя Голицына.

4 іюня 1815 г., императоръ Александръ, остановясь проездомъ въ Гейльброннѣ, погрузился въ размышленіе. Криднеръ была ему еще прежде представлена, но онъ не могъ познакомиться съ нею хорошо. Ея слава вдохновенной и религіозной проповѣдницы слова Божія дошла однако до него. Теперь почему-то ему пришла мысль о ней. Въ это время входитъ князь Волконскій. Какая-то дама, г-жа Криднеръ, желаетъ видѣть Его Величество. „Криднеръ!“ какое столкновеніе обстоятельствъ. Александръ изумленъ. Онъ только думалъ о ней и она тутъ! Тутъ видѣнъ перстъ Промысла. Прогнать посѣтительницу войти.

¹⁾ Belani, III, 43—44.

Криднеръ вошла. Она исполнила свою роль несравненно лучше Штиллинга. Не смотря на свои 50 лѣтъ, она была вся—увлеченіе, вся—огонь, когда говорила о путяхъ Провѣденія, о жизни по слову спасенія. Александръ былъ растроганъ. Если Криднеръ дѣйствовала по наущенію, то ея личина была сама природа. Строго и съ авторитетомъ говорила она о грѣхахъ, о покаяніи—и странно! если бы она долго изучала характеръ Александра, то не могла бы лучше приспособить тонъ своей рѣчи, чтобы подѣйствовать на него. Въ строгихъ и суровыхъ словахъ проповѣдницы слышалось что-то напомиनावшее арабское „передать безъ лести“, умѣніе подъ завѣсою откровенности и вѣшной рѣзости скрывать вкрадчивость ловкаго царедворца.

Впечатлѣніе, произведенное ею на Александра было сильно. Онъ стыдился впоследствии, когда имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ пружинами, приводившими въ дѣйствіе этотъ религиозный наездъ,—вліянія на него Криднеръ, но тутъ онъ подчинился ему. Онъ думалъ, что нашелъ въ ней отголосокъ тѣхъ чистыхъ религиозныхъ стремленій, которыхъ искалъ онъ. Онъ поддался впечатлѣнію.

Въ Парижѣ, гдѣ поселилась затѣмъ на время м-ше Криднеръ, императоръ Александръ посѣщалъ ее часто. Совершивъ свою обычную послѣобѣденную прогулку верхомъ, онъ отправлялся вечеромъ къ ней. У нея и тутъ собирались вѣрующіе на молитву. Въ небогатой квартирѣ ея, освѣщенной очень не блестятельно, сходилось не мало предсудителей знати, движимой ли истинною, или напускною религиозностію—вопросъ, смотря по личностямъ, допускающій не одно рѣшеніе. Посѣтители могли видѣть м-ше Криднеръ въ бѣломъ облаченіи, простершуюся въ молитвѣ. Степень вліянія м-ше Криднеръ на императора Александра въ эту пору можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Императоръ замѣтилъ разъ Осипу слугѣ князя Волконскаго, „чтобы приказанное, впредь, аккуратно исполнялось“. Эти слова, сказанныя въ передней, долетѣли до слуха м-ше Криднеръ. Та приняла тонъ проповѣдницы, сказала о смиреніи, которое должно отличать христіанина, и замѣтила Александру, что слова его были рѣвки. И что же? Императоръ идетъ обратно къ

Осиду въ переднюю, беретъ у него руку и проситъ прощанія за вырвавшуюся у него фразу ¹⁾.

Послѣ Александръ вышелъ изъ подъ обаянія м-ше Бриднеръ. Онъ помогалъ ей по прежнему деньгами, но не хотѣлъ ее видѣть. Она хотѣла ѣхать въ Петербургъ, — на русской границѣ ей замѣтили, что это не угодно будетъ государю ²⁾.

Вліяніе, пріобрѣтенное ею временно надъ императоромъ Александромъ, придадо ей еще болѣе смѣлости въ ея проповѣднической роли, и съ этого времени начинается ея антагонизмъ съ швейцарскою и германскою полиціею. Изъ Базеля она была изгнана за то, что промывала несогласія въ семействахъ, приглашая къ жертвованіямъ съ благочестивыми цѣлями. Въ Леррахѣ и Аарау ее постигло тоже. Но число ея послѣдователей, и въ особенности послѣдовательницъ, увеличивалось все болѣе. Она издалека получала письма и деньги. Около нея собралось наконецъ до 3000 народа. Жандармы и полицейскіе считали долгомъ окружать и провожать эту толпу вѣрующихъ. Полиція слѣдила за Бриднеръ и въ Лейпцигѣ, куда она отправилась потомъ. Оттуда полиція сопровождала ее въ Кенигсбергъ (въ 1818 г.). Баронесса писала письмо къ императору Александру, но отвѣта не получила.

М-ше Бриднеръ умерла въ Брну, въ 1824 г. До конца жизни она умѣла находить себѣ горячихъ поклонниковъ. Бенкендорфъ обратился для нея въ католичество, жертвовалъ ей всѣми покоемъ, временемъ, деньгами ³⁾. Она могла отплатить ему едва ли не тѣмъ только, что называла его лучшею душою въ мірѣ. Князь Голицынъ не забылъ ея; нѣкоторые изъ ея родныхъ престоеры были ннъ къ министерству просвѣщенія, которымъ онъ завѣдывалъ въ періодъ своего наибольшаго вліянія на дѣла.

Судьба хотѣла, чтобы м-ше Бриднеръ умерла въ тотъ самый годъ, когда потрясенъ былъ авторитетъ князя Голицына враждебною ему „православною“ партіею, и князь долженъ былъ сложить

¹⁾ Belani, III, 59.

²⁾ Belani, III, 77.

³⁾ Golovin, Russland unter Kaiser Nikolaus dem Ersten. Grämm, 1846. 158.

съ себя званіе президента библейскаго общества. Русское библейское общество было однимъ изъ средствъ къ усиленію значенія князя Голицына. Основанное въ 1812 г., оно было поставлено княземъ — президентомъ его — подъ особенное покровительство императора Александра. Александръ сочувствовалъ цѣли общества. Узнавъ, что въ Або устраивается библейское общество — еще до основанія русскаго библейскаго общества въ Петербургѣ — Александръ пожертвовалъ ему отъ себя 5000 рублей и 1000 бочекъ хлѣба ¹⁾. Онъ богато одарилъ русское библейское общество и такимъ образомъ далъ ему жиришь въ то время, когда, не смотря на финансовую помощь изъ Англій и на сборы въ Россіи, средства общества были еще малы. Впослѣдствіи общество получаетъ отъ щедротъ Александра домъ; изданія его распространяются въ громадномъ числѣ экземпляровъ въ арміи и во всей Россіи. Инициатива перевода библіи на русскій языкъ принадлежала Александру. Онъ, по выраженію князя Голицына, сиялъ „мечать невразумительнаго нарѣчія“ съ библіи ²⁾. Къ этой мѣрѣ считали нужнымъ приготовить общественное мнѣніе, и не напрасно, потому что даже такіе передовые люди въ другихъ сферахъ дѣятельности, какъ Сперанскій, не одобряли этого нововведенія ³⁾.

Благодаря поддержкѣ государя, библейское общество приобрѣло въ Россіи большое значеніе. Оно считало свои отдѣленія и товарищества сетями, и они были разсѣяны по всему пространству Россіи. Высшіе духовные чины вступили въ общество. Общество издавало и распространяло книгъ духовнаго содержанія на миллионы рублей.

Едва ли нужно говорить, что полная терпимость императора Александра въ дѣлахъ религіи и его религіозное настроеніе эксплуатировались тѣми, кто умѣлъ неукснѣе прикрыть свои личные цѣли. Религіозныя собранія и общества, отъ братства г-жи Татариновой, собиравшарся въ Инженерномъ замкѣ, гдѣ жила основа-

¹⁾ П. С. З., XXXII, стр. 471—472.

²⁾ Вѣстн. Европы, 1868 г., № 8, стр. 671.

³⁾ Русс. Арх., 1868, стр. 1701.

тельница, и до скептических сборищ находили себя новых поклонниковъ. Благодаря религиозному космополитизму князя Голицына, одни общества были только терпими, другія некровотельствуемы, но всё пользовались полною свободою дѣйствій.

Видѣлъ ли Александръ, что это поголовное увлеченіе вдругъ дѣлаетъ религію было со стороны многихъ изъ окружающихъ его не болѣе какъ средствомъ къ достиженію свѣтскихъ, мірскихъ цѣлей? Зналъ ли онъ, что эти сотни тысячъ книгъ духовнаго содержанія расходятся благодаря людямъ и между людьми, которые въ религиозномъ прозелитизмѣ видѣли лишь способъ быть замѣченными и дорогою къ отличіямъ?

Есть много основаній полагать, что онъ это видѣлъ и зналъ. По крайней мѣрѣ не было недостатка въ разъясняющихъ обстоятельствахъ. Разъ Александръ ѣдетъ по Екатеринославской губерніи. На станціи онъ видитъ развернутую библію. Читаетъ ли онъ ее? — спрашиваетъ императоръ у станціоннаго смотрителя. Какъ же, станціонный смотритель читаетъ ежедневно! Что же именно? Теперь станціонный смотритель остановился на евангеліи отъ Маттея. Императоръ высматриваетъ зачѣмъ-то смотрителя, а между тѣмъ самъ быстро вынимаетъ изъ букашкина пять сотенныхъ ассигнацій и кладетъ ихъ между страницами евангелія отъ Маттея. Книга полежена на прежнее мѣсто прежде, чѣмъ вошелъ опять смотритель. Государь собрался и уѣхалъ. На возвратномъ пути онъ опять посѣщаетъ эту станцію; опять видитъ библію. На чѣмъ теперь остановился смотритель въ своихъ ежедневныхъ чтеніяхъ изъ библіи? На евангелистѣ Лукѣ. Александръ беретъ книгу. Ассигнаціи на прежнемъ мѣстѣ. Видно, что никто и не заглядывалъ въ эту книгу съ его отъѣзда, иначе ихъ нельзя было не замѣтить. Улика на лицо. “Ищите царствія Божія — сказалъ Александръ растерявшему смотрителю — и все остальное приложится вамъ”; взялъ изъ книги деньги, роздалъ ихъ бѣднымъ около станціи и въ дурномъ расположеніи духа уѣхалъ ¹⁾.

Можетъ быть тѣ, кто былъ выше станціоннаго смотрителя по

¹⁾ Москвитиниъ, 1844, V, стр. 391.

общественному положенію, поступали тоньше его, но эксплуатация была таже. Большинство вдругъ расплодившихся святошь и ханжей искало не царствія божія, а именно того что „приложится“.

Въ религіозномъ настроеніи, въ которомъ застаетъ его исходъ борьбы съ Наполеономъ, императоръ Александръ мечталъ о всемірномъ братствѣ народовъ, объ управленіи ими по слову св. писанія и о союзѣ для этой цѣли государей. Еще во время перехода по Германіи за Наполеономъ, родилась въ немъ мысль объ этомъ. Въ Парижѣ, у Кріднеръ, онъ набросалъ карандашемъ мысли, занимавшія его, и Кріднеръ написала на его рукописи: „*Sainte Alliance*“¹⁾. „Священный союз“, по мысли Александра, былъ исполненіемъ на землѣ завѣтовъ слова Божія, политическое устройство и общеніе народовъ согласно ученію св. писанія. Зная личность Александра, никто не усомнится, что онъ подразумѣвалъ погнѣтъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ союзъ былъ въ головѣ Александра, онъ не могъ имѣть цѣлю ни подавленія мысли, ни обскурантизма, ни гоненія разума, ни вообще какого либо стѣсненія народовъ, подвластныхъ государямъ—членамъ Священнаго союза. Но въ мірѣ политики были святоши и ханжи еще болѣе тонкія и искусныя, чѣмъ въ другихъ сферахъ. Меттерникъ, Аракчеевъ и личности этого разряда усѣли изъ лучшихъ побужденій государя, доставившаго Россіи преобладающее мѣсто въ Европѣ, сдѣлать орудіе для достиженія своихъ цѣлей, и Священный союзъ—это, въ теоріи, воплощеніе святой патріархальности на землѣ—сдѣлался пугаломъ просвѣщенной свободы и истиннои революцій, броженія умовъ и тайныхъ обществъ.

VII.

Вопросъ о престолонаслѣдіи.

Придворное преданіе говоритъ, что въ 1806 г., когда насту-

1) Энци. Лексиконъ. Елизавета Алексѣевна.

пили вторые роды императрицы Елизаветы Алексѣевны, императоръ Александръ въ сильномъ душевномъ волненіи ходилъ по комнатѣ, смежной со спальнею родильницы. Борьба ощущеній замѣтна была по вырывавшимся у него неяснымъ словамъ. Сыну или дочери, должна была дать жизнь супруга, отъ которой его такъ долго отвлекали обстоятельства? Если сыну—это будетъ его наслѣдникъ престола. Родилась дочь. Лице Александра прояснилось.

Александрю не суждено было передать престолъ сыну. По установленію императора Павла о царской фамиліи, престолъ затѣмъ переходилъ къ великому князю Константину Павловичу.

Мы видѣли великаго князя Константина въ дѣтскомъ возрастѣ. Когда онъ выросъ, многіе находили въ немъ сходство съ отцомъ, не только по наружности, но и по привычкамъ, обращенію и т. д. Великій князь отправился съ Суворовымъ въ итальянскій походъ. Молодость и пылкость увлекали его иногда далѣе, чѣмъ хотѣлъ бы того фельдмаршалъ, въ особенности въ первую неудачную для русской арміи стычку съ французами, за которую послѣдовалъ рядъ блестящихъ побѣдъ. Но Суворовъ умѣлъ ладить съ увлекавшимся и дѣйствовавшимъ по первому побужденію, но открытымъ и простодушнымъ по характеру великимъ княземъ. Въ награду за итальянскую кампанію, императоръ Павелъ далъ Константину Павловичу титулъ „Цесаревича“.

Константинъ любилъ военныя упражненія, службу, но не любилъ войны, хотя личную храбрость его засвидѣтельствовалъ Суворовъ въ итальянскую войну. Онъ говорилъ, что война портитъ солдата, грязнитъ его нравы, уничтожаетъ дисциплину ¹⁾. Такимъ образомъ онъ самъ какъ бы сознавалъ, что ученія и парады вовсе не готовили солдата къ тому, что должно было имѣться въ виду, какъ главная цѣль, т. е. къ войнѣ. Но онъ шелъ за своимъ вѣкомъ.

Константинъ былъ строгій командиръ. Великій князь Александръ Павловичъ, командовавшій Семеновскимъ полкомъ, не разъ говорилъ

¹⁾ Schnitzler, I, 151.

неисправнымъ подчиненнымъ: „право, если вы не хотите слушаться, я отошлю васъ къ брату Константину; у него вы скорѣе научитесь“¹⁾). Константинъ командовалъ Измайловскимъ полкомъ, и этихъ словъ Александра, добраго и снисходительнаго начальника, было достаточно, чтобы подѣйствовать на нерадивыкъ.

Константинъ Павловичъ принималъ участіе во всѣхъ большихъ войнахъ царствованія Александра I. Недоразумѣнія и противоположность въ складѣ характера были причиною того, что великій князь не ладилъ въ 1807 г. съ Венингсеномъ и въ 1812 съ Барклаемъ, какъ это мы видимъ изъ записокъ Ермолова. Но нельзя сказать, чтобы вспыльчивый и подвижной по характеру великій князь не сознавался самъ впоследствии въ ошибкахъ, въ какія ему случалось впадать. Приведемъ одинъ примѣръ: Разъ Константинъ Павловичъ, подѣхавъ къ полку на походѣ, замѣтилъ, что полковникъ ѣдетъ въ шапкѣ. Онъ сорвалъ шапку съ полковника, бросилъ ее на землю, наговорилъ разныхъ разностей и усакавалъ. Полковникъ, который былъ одѣтъ не по формѣ не нездоровью, обидѣлся и объявилъ своимъ офицерамъ, что недастъ въ отставку. Офицеры полка признали поступокъ великаго князя оскорбительнымъ для нихъ всѣхъ и подали генералу Дебрерадовичу общую просьбу объ отставкѣ. Когда донесено было о ней Константину Павловичу, онъ на смѣтру откровенно призналъ себя виноватымъ и просилъ извиненія у полковника и офицеровъ.

Въ обхожденіи съ императоромъ Александромъ, Константинъ Павловичъ былъ всегда глубоко почтителенъ. Къ нему, какъ къ генералу и начальнику войскъ, императоръ былъ въ равной мѣрѣ взыскателенъ, какъ и къ прочимъ генераламъ. Такъ, онъ строго отыгивался о великомъ князѣ, въ разговорѣ съ княземъ Куракинымъ, за самовольный отпускъ Константиномъ адъютанта Озерова²⁾). Но какъ брата Александръ любилъ Константина и сообщалъ ему о всѣхъ своихъ проектахъ³⁾). Когда Царство Польское было при-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1864, 772.

²⁾ Русскій Архивъ, 1868, стр. 180.

³⁾ Военный Сборникъ, 1867, № 11, ст. 115.

соединено въ Россіи, надобно было назначить туда наѣзняка. На комъ остановить выборъ? Императоръ Александръ предлагалъ сначала это званіе Костюшкѣ. Александръ былъ расположенъ къ польскому ветерану-генералу. Будучи въ Парижѣ, императоръ далъ ему аудіенцію и приказалъ дворцовому караулу отдать ему фельдмаршальскія почести. Князь Волконскій довольно законически объявилъ караулу волю государя, и офицерамъ караула предоставлено было самимъ узнать личность Костюшки, когда тотъ пріѣдетъ, чтобы не смѣшать его съ другими посѣтителями. Костюшко жилъ тогда въ маленькомъ домикѣ въ одномъ изъ предмѣстій Париза. На дворѣ дворца Elusée Bourbon, гдѣ была квартира императора Александра, въѣзжали экипажи только принцевъ крови; всѣ прочіе посѣтители, которымъ старинный этикетъ бурбонскаго дворца не позволялъ въѣзжать на дворъ, выходили изъ экипажей у воротъ и шли по двору съ открытою головою, въ томъ числѣ нѣкоторые маршалы Франціи съ громкими именами. Для всѣхъ ихъ въ дворцовой караулнѣ царствовало молчаніе. Но вотъ у воротъ оставался желтый наемный фіакръ, запряженный двумя клячами, и на которомъ стояла цифра „29.“ Изъ фіакра вышелъ худенькій, сѣдой генералъ. Что-то подсказало караулу, что это — Костюшко. Барабаны затрещали и генералъ, кланяясь съ улыбкою войскамъ, прошелъ во дворецъ ¹⁾.

Немѣстничества въ Царствѣ Польскомъ Костюшко однако не принялъ, какъ скоро на вопросъ: будетъ ли восстановлена Польша въ прежнемъ видѣ?—онъ получилъ категорическій отрицательный отвѣтъ ²⁾.

Въ присоединенное Царство Польское Александръ назначилъ наѣзникомъ Константина Павловича. Великій князь былъ женатъ на принцессѣ Саксенъ-Готской, по св. муромазаніи, великой княгинѣ Аннѣ Федоровнѣ. Онъ вступилъ въ бракъ также въ очень молодыхъ лѣтахъ, какъ и старшій братъ его. Въ Петербургъ пріѣхали, по желанію Екатерины II, три принцессы

¹⁾ Русс. Бесѣда. 1860, I, смѣсь, 107.

²⁾ Choiseul-Gouffier, 188.

Саксен-Готскія съ матерью. Тѣ изъ придворныхъ, отъ которыхъ не ускользнуть молочи, замѣтили, что вся виѣшняя обстановка принцессы отзывалась готическою стародавностію модъ ¹⁾. Но Константинъ Павловичъ, тѣмъ не менѣе, выбралъ себѣ въ невѣсты одну изъ принцессъ. Черненская, миниатюрная смуглянка, будущая великая княгиня Анна Федоровна была также весьма молода, вступаая въ бракъ. Этотъ бракъ былъ несчастливъ. Супруги впоследствии разстались.

Будучи въ Царствѣ Польскомъ, Константинъ Павловичъ узналъ Жаннету Грудзинскую, дѣвицу не изъ очень знатной фамиліи. Онъ къ ней скоро душевно привязался. Жаннета Грудзинская была небольшого роста, полная, блѣдная блондинка. Превосходная танцовка, она въ красотѣ уступала своимъ сестрамъ, и была лифатическаго темперамента, какъ бы говорившаго о постоянномъ утомленіи — languissant, какъ выражается, хорошо знавшая ее, Шуазель-Гуффе, урожденная баронесса Тизенгаузовъ ²⁾. Жаннета была задумчива и меланхолична. Всю жизнь она вздыхала, скучала и плакала. Дѣвушка строгихъ нравовъ, она была въ состояніи каждому, перешагнувшему черезъ порогъ ея спальни, кте бы онъ ни былъ и какъ бы она къ нему ни была привязана, сказать: „вы не ступите шагу далѣе, пока я не буду вашею женою“. Императоръ Александръ зналъ ее и питалъ къ ней чувство пріязни ³⁾. Впоследствии онъ ей подарилъ княжество Ловичъ, приносящее 400,000 р. въ годъ. Личная оцѣнка характера была, безъ сомнѣнія, главнымъ причиною, почему императоръ далъ согласіе на бракъ брата съ нею.

Бракъ во многомъ измѣнилъ Константина. Онъ сталъ сдержаннѣе. Онъ былъ постоянно подъ вліяніемъ своей супруги, и придворные должны были только удивляться, какою пероворотъ произвела въ этой нилкой, порывистой душѣ задумчивая и меланхолическая полька. Къ чести княгини Ловичъ должно сказать, что даже по признанію ея одноименницкою она, супруга налѣстника Цар-

¹⁾ Masson, I, 41.

²⁾ Choiseul-Gouffier, 262—266, 369—370.

³⁾ Борфъ (6), 32—33.

ства Польскаго и брата императора, ничего не сдѣлала для польской политики въ теченіе своей жизни ¹⁾. Почему она не сдѣлала привязанности къ себѣ глубоко любимшаго ея человека средствомъ для достиженія политическихъ цѣлей — разгадка не трудна. Тѣ, кто могъ знать отношенія супруговъ, говорили, что она любила Константина, а любовь и интрига несовмѣстны.

Но изъ-за нея Константинъ полюбилъ и Польшу. Позже, когда смуты въ Варшавѣ въ четыре мѣсяца состарили Константина десятью годами, онъ, не смотря на все перенесенное имъ, признавался брату, великому князю Михаилу Павловичу, что „не смотря ни на что, онъ любитъ Польшу“ ²⁾. Здоровье супруги его было слабо, и онъ послѣ возилъ ее каждый годъ за-границу на водѣ. Бракъ великаго князя съ Жаннетой Грудзинскою былъ, безъ сомнѣнія, главною причиною того, что Константинъ Павловичъ пожелалъ отказаться отъ права на русскій престолъ. Онъ полюбилъ Польшу и какъ честный человекъ не могъ служить двумъ богамъ. Сдѣлавшись русскимъ императоромъ, онъ долженъ былъ стать въ разрѣзъ многomu, что сложилось въкажи, или измѣнить личныя убѣжденія. Было высказываемо мнѣніе, что императоръ Александръ согласился на бракъ великаго князя съ Жаннетой Грудзинскою лишь подъ условіемъ, чтобы потомство его отъ нея не имѣло права на русскій престолъ. Какъ бы то ни было, но въ 1820 году обнародованъ былъ законъ, по которому потомство лицъ царской фамиліи, отъ супружества съ особами не изъ владѣтельныхъ домовъ, устранилось отъ наследованія русскимъ престоломъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что этотъ законъ былъ изданъ по соглашенію императора Александра съ Константиномъ Павловичемъ. Законъ относился прямо къ послѣднему, но великій князь не „подпадалъ“ подъ него, а самый законъ былъ слѣдетніемъ принятаго имъ рѣшенія отказаться отъ права на престолъ.

Какъ скоро устранился отъ престола Константинъ, очередь переходила къ слѣдующему брату, великому князю Николаю Павловичу.

1) Choiseul-Gouffier, 1868, III, 89.

2) Военный Сборникъ, 1868, III, 89.

Николай Павловичъ былъ гораздо моложе обоихъ старшихъ братьевъ. Онъ родился тогда, когда оба они были уже женаты. Отношенія его къ императору Александру были скорѣе какъ сына къ отцу, чѣмъ брата къ брату. Императрица Марія Федоровна въ письменномъ наставленіи великимъ князьямъ Николаю и Михаилу, отправлявшимся въ Парижъ, занятый въ то время русскими войсками, также говоритъ, что имп. Александръ приметъ ихъ, какъ нѣжнѣйшій изъ отцевъ.

Гриммъ рассказываетъ ¹⁾, что разъ маленькій великій князь Николай спросилъ у императора Павла; „почему онъ называется Павелъ *первый*?“ На отвѣтъ, что до того времени никого не было на царскомъ престолѣ, кто бы назывался Павломъ, маленький великій князь отвѣчалъ: „значитъ, я также буду Николай II!“ Тотъ же Гриммъ, передавая о послѣднемъ поцѣлуѣ императора Павла маленькому Николаю, даетъ понять, что въ этомъ поцѣлуѣ и въ выраженіи лица родителя было что-то, говорившее о предчувствіи близкой смерти.

За воспитаніемъ великихъ князей Николая и Михаила наблюдала императрица Марія Федоровна. Императрица впоследствии признавалась, что въ то время, когда ничто не привязывало ее къ жизни, она жила только для своихъ маленькихъ Николая и Михаила, только заботами о нихъ ²⁾. Императрица Марія Федоровна была любящая мать. Вспомнимъ ея поѣздки 3 - 4 раза въ недѣлю изъ Петербурга въ Гатчино и обратно, по дряннѣйшимъ дорогамъ, во время сватовства великой кн. Александры Павловны за шведскаго короля. Марія Федоровна въ шутку говорила, что если ей еще придется выдавать дочь съ такими хлопотами, то одиѣ дороги убьютъ ее ³⁾. Императрица требовала, чтобы лица, бывшія при великихъ князьяхъ, сообщали ей всѣ подробности о нихъ. Главнымъ воспитателемъ при нихъ былъ графъ Ламсдорфъ. У великаго князя Николая было 8 гувернеровъ, смѣнявшихся еже-

¹⁾ Grimm, I, 35.

²⁾ Русскій Арх., 1868, стр. 348.

³⁾ Masson, I, 29—30.

дневно ¹⁾). Въ отношеніяхъ съ дѣтьми, императрица Марія Федоровна требовала полной откровенности, даже и послѣ, когда они уже молодые люди путешествовали по Европѣ — за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, прибавляла императрица, когда по службѣ довѣрялось имъ государемъ то, чего и она сама знать была не должна.

Учителями великаго князя Николая, между прочимъ были Шторхъ и Аделунгъ. Французскій языкъ преподавалъ ему Дюпизе. Въ новѣйшихъ языкахъ великій князь сдѣлалъ значительные успѣхи. Крѣпимась, говоря о послѣдующемъ времени замѣчаетъ, что Николай по-французски говорилъ не такъ свободно какъ по-нѣмецки и англійски. Особенные успѣхи оказывалъ онъ также въ музыкѣ, и потому самъ могъ сочинять марши. По цѣлымъ часамъ, живя въ Гатчинѣ, заслушивался онъ иногда въ буквыхъ гвсахъ нѣніа соловья. ²⁾ Любовь къ музыкѣ шла у него объ руку съ любовью къ театру. Театръ былъ любимымъ его развлеченіемъ и вносѣдствіа.

Въ Гатчинѣ, гдѣ учились великіе князья, они какъ-то свѣклись, сжились съ уединеніемъ, съ отсутвіемъ общества. Гатчинская жизнь положила на время отпечатокъ на Николаѣ Павловичѣ. Онъ сталъ „серьезенъ, сосредоточенъ въ себѣ“ — ernst, abgeschlossen, ja finster, какъ говорилъ Гримъ ³⁾. Младшій братъ его, Михаилъ Павловичъ, могъ меньше подвергнуться вліанію гатчинскаго уединенія. Весьма во многомъ сходный съ своимъ родителемъ, онъ по живости и веселости нрава даже превосходилъ его.

Полагаютъ, что была мысль докончить образованіе великихъ князей, Николая и Михаила, въ царскосельскомъ лицейѣ, и даже, что самъ лицей былъ устроенъ съ цѣлью дать имъ образованіе въ немъ ⁴⁾. Эта мысль, если послѣ она и не была приведена въ исполненіе, можетъ до извѣстной степени объяснить, почему лицей былъ номѣщенъ въ бывшемъ дворцѣ великихъ князей, такъ что послѣ лицейсты могли сбывать наливные яблоки въ царскомъ саду и бить сторожей царскаго садовника Лямина, какъ на это жа-

1) Harrison, p. 248.

2) Grimm, I, 39.

3) Grimm, I, 38.

4) Grimm, I, 36.

ловался хозяинъ сада, императоръ Александръ, директору лицея, Зигельгардту ¹⁾.

Оба молодые великіе князя, высшее образованіе которыхъ было dokonчено въ Гатчинѣ, были страстно преданы военнымъ упражненіямъ. Разъ императрица Марія Федоровна прѣвѣщаетъ въ Гатчину ночью и идетъ въ спальню къ дѣтямъ. Ихъ нѣтъ въ спальнѣ. Гдѣ они? Придворные не знаютъ. Стали отыскивать и, наконецъ, нашли ихъ въ саду, заснувшими на часахъ, въ мундирахъ и съ ружьями, у караулки ²⁾.

Отправляя ихъ за-границу къ императору Александру, и въ другихъ случаяхъ около этого времени (1814—16 гг.), императрица Марія Федоровна давала имъ письменныя наставленія ³⁾, какъ держать и вести себя при этихъ первыхъ шагахъ ихъ въ свѣтѣ и внѣ материнскаго надзора. На этия наставленія нельзя не остановиться. Они доказываютъ, что императрица была не только любящая, но и истинно любящая мать, т. е. не смотрѣвшая на дѣтей сквозь призму пристрастія. Императрица совѣтуетъ дѣтямъ не обращаться съ окружающими легкомысленно, неопытно и самодовольно, и внѣстѣ не бросаться на шею человѣку, котораго не знаешь. Она напоминаетъ, что дѣти общали ей строго наблюдать другъ за другомъ и никогда не оскорблять никого невѣжливымъ обращеніемъ. Она даетъ совѣтъ не поддѣчать смѣшныхъ сторонъ и маленькихъ недостатковъ людей; говорить, чтобы обращеніе великихъ князей было благородно безъ гордости и учтиво безъ фамильярности. Предостерегаетъ противъ охоты къ мелочамъ въ военномъ искусствѣ и совѣтуетъ быть осторожными въ разговорахъ. Чтеніе должно было быть однимъ изъ постоянныхъ занятій ихъ; „Вы теряете значіа, прибавляетъ императрица-мать, какъ скоро перестаете умножать ихъ“. Особенно Михаила проситъ она полюбить серьезное чтеніе. „Грубый, жестокій, повелительный тонъ—говоритъ она—въ лицахъ вашего происхожденія былъ бы вовсе невы-

¹⁾ Пушкинъ (въ Атенѣ. 1839, II, 520—522.

²⁾ Grimm, I, 37.

³⁾ Русск. Арх. 1868, 349—373.

носимъ.“ Она совѣтуетъ дѣтямъ закрыть слухъ для всякой лести и поклоненія. Въ отношеніи къ государю-брату, императрица совѣтуетъ великимъ князьямъ наблюдать въ поведеніи всѣ отѣнки деликатности и заслужить его одобреніе. Великому князю Николаю императрица-мать даетъ совѣтъ не возвышать голоса въ разговорѣ; „Жесткость словъ, говоритъ она, можетъ показаться грубостью.“

Примимъ, однако, по видимому праву, замѣчая, что внѣшній характеръ великихъ князей въ первые годы молодости носилъ на себѣ, въ нѣкихъ случаяхъ, болѣе отпечатокъ уединеннаго воспитанія въ Гатчинѣ, чѣмъ былъ результатомъ врожденныхъ наклонностей. Заграничная жизнь и партикулярное платье, говоритъ онъ, какъ бы вдругъ дали въ великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ просторъ всему общечеловѣческому. Понятнымъ дѣлается, такимъ образомъ, почему въ то время, какъ иныя, въ Россіи, находили великаго князя гордымъ въ обращеніи, иностранцы видѣли въ глазахъ Николая, бывшаго въ Потсдамѣ на 21 году его жизни, доброе (*milde*) и дружеское выраженіе ¹⁾. Первое знакомство съ Европой было сдѣлано великимъ княземъ Николаемъ въ 1814 г. Франція ему не понравилась ²⁾, но онъ былъ на столько дипломатъ, чтобы скрыть это отъ французовъ. „Какъ нравится вамъ Парижъ?“ спросилъ его Талейранъ.—Ничего! былъ отвѣтъ—только бы хотѣлось скорѣе въ Петербургъ. „Что такъ“?—Къ матушкѣ, къ роднымъ—отвѣчалъ великій князь ³⁾. На смотру при Вертю, съ Николаемъ Павловичемъ случилось несчастіе; онъ упалъ съ лошади, подаренной ему герцогомъ Веллингтономъ ⁴⁾, но ушибся не опасно. Изъ Франціи онъ проѣхалъ въ Англію, гдѣ принесли ему дипломъ на званіе доктора правъ оксфордскаго университета, по обычаю, сохраняемому въ англійскихъ университетахъ, въ отношеніи почетныхъ гостей.

Въ 1816 г. великій князь путешествовалъ по Россіи, для озна-

¹⁾ Bade, 2.

²⁾ Grimm, I, 39.

³⁾ Rolland, Histoire politique et anecdotique du czar Nicolas, I pp. 12—13.

⁴⁾ Ibid.

комплеція съ нею. Не входила ли эта поѣздка въ программу образованія будущаго императора? Не видѣлъ ли уже теперь императоръ Александръ въ немъ преемника себѣ? Есть положительное свидѣтельство, что въ это время вопросъ о престолонаслѣдіи былъ рѣшенъ въ умѣ Александра, какъ увидимъ далѣе.

Въ числѣ прислуги, сопровождавшей великаго князя въ это путешествіе, находимъ блинника — обстоятельство показывающее, что и въ это время Николай Павловичъ былъ любителемъ русскихъ блюдъ, каковыиъ видимъ его впоследствии. Говорятъ, что въ это путешествіе великій князь велъ дневникъ, и что этотъ дневникъ сохранился ¹⁾).

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, великая княгиня Екатерина Павловна намѣревалась посватать Николая Павловича на англійской принцессѣ Шарлотѣ ²⁾), но судьба хотѣла, чтобы выборъ его остановился на другой Шарлотѣ, дочери короля прусскаго. Королевская прусская фамилія была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ императору Александру и всему русскому царскому дому. Въ годину несчастія для Пруссіи, королева Луиза показала примѣръ твердости въ несчастіяхъ и стойкости духа. Мы видѣли ее на полѣ сраженія при Іенѣ. Въ своемъ небогатомъ помѣщеніи въ Мемелѣ, гдѣ жила прусская королевская фамилія, лишенная если не престола, то большей части своихъ владѣній, мы видимъ ее заботливою хозяйкою и матерью, занимающеюся образованіемъ своихъ дѣтей. Женщина развитая и образованная, королева Луиза бесѣдовала съ Гуфеландомъ; въ дѣлѣ образованія она отдавала предпочтеніе методѣ Песталоцци. Въ домашнихъ заботахъ и въ бесѣдахъ порою о чемъ нибудь болѣе серьезномъ, текла тихая жизнь въ Мемелѣ. Обстоятельства королевской фамиліи были очень стѣснены когда Наполеонъ распорядился въ Берлинѣ. Было время, когда король, желая подарить дочери Шарлотѣ на платье, не могъ дать ей болѣе 5 талеровъ ³⁾). При принцессѣ Шарлотѣ съ 1805 г.

¹⁾ Русск. Арх. 1868, стр. 360.

²⁾ Вигель, XI, 148.

³⁾ Grimm, I, 44.

была гувернантка Вальдерметъ, но учителемъ всѣхъ дѣтей короля въ Мемелѣ былъ французъ Шамбо ¹⁾). Принцесса Шарлота, еще ребенкомъ въ это время, помогала матери въ хозяйствѣ, и какъ ни бѣдна была обстановка ихъ домашней жизни здѣсь, въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало принцессу послѣ, Шарлота, всегда вспоминала о жизни въ Мемелѣ, какъ о счастливейшихъ дняхъ своего дѣтства.

Мемельская жизнь прусскаго двора кончилась. Наполеонъ, ради императора Александра, возвратилъ прусскому королю Берлинъ. „Красавица-королева — говоритъ Ермоловъ — съ глазами полными слезъ, которыя она напрасно старалась скрыть, должна была выслушивать привѣтствія отъ Наполеона“.

Послѣ 1812 г. король прусскій первый сталъ подъ одно знамя съ императоромъ Александромъ для низверженія Наполеона. Съ этихъ поръ, въ теченіе походовъ 1813—1814 гг., король и Александръ были часто неразлучны. Нерѣдко можно было видѣть короля въ его снѣгъ куртугъ, съ шалью вокругъ шеи и съ сверткомъ военныхъ картъ, засунутымъ на груди, скачущимъ за императоромъ Александромъ ²⁾). Эти походы еще болѣе сблизили двухъ государей, и результатомъ было соглашеніе, что принцесса Шарлота выйдетъ замужъ за великаго князя Николая.

Есть положительное свидѣтельство, что уже тутъ, при переговорахъ о бракѣ, было условлено, что великій князь Николай со временемъ получитъ престолъ, и что даже на этомъ условіи дано было согласіе на бракъ прусскою королевскою четвою ³⁾). Принцесса Шарлота была отъ природы сдержана, заключена въ себя и даже, по видному, холодна съ окружающими. Можетъ быть эта черта въ ея характерѣ заставила вполнѣдствіи князя Козловскаго сказать, что въ ней видна болѣе принцесса, чѣмъ свѣтская женщина ⁴⁾). Но королева, мать ея, справедливо говорила, что подъ вѣнцомъ холодеюстью у нея скрывается доброе сердце.

¹⁾ Grimm, I, 43.

²⁾ Русск. Бесѣда, 1860, I, снѣты стр. 84.

³⁾ Rolland, pp. 14—15.

⁴⁾ Histoire de l'empereur Nicolas, p. 21.

Принцесса Шарлота, уже нарѣченная невѣста великаго князя Николая Павловича, отправилась въ Россію. На дорогѣ она думала о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ она на императрицу Марію Ѳеодоровну. Императрица, какъ мы видѣли, была хозяйкою въ царской семьѣ. Она поддерживала при дворѣ строгій этикетъ. Въ это время дамы уже переставали пудриться, хотя все еще ходили въ короткихъ и въ обтяжку платьяхъ съ высокою талиєю, но придворные кавалеры, являвшіеся въ торжественныхъ случаяхъ при дворѣ въ праздничныхъ кафтаныхъ, должны были еще пудриться до-обѣда. „Пріѣхали вы сюда можете быть и не для меня — сказала разъ императрица Марія Ѳеодоровна И. А. Крылову предъ обѣдомъ во дворцѣ — но это — императрица указала на напудренную голову знаменитаго баснописца — я принимаю прямо на мой счетъ“ ¹⁾. Оказывая пристрастіе къ этикету, императрица желала, чтобы дочь ея Марія Павловна, герцогиня Саксен-Веймарская, ходила при своемъ дворѣ въ тѣ же дни въ такихъ же платьяхъ, какъ и она. Въ это время, въ 1814—15 гг., императрица была еще здоровая, свѣжая, румяная женщина, какою она показалась современнику Вигелю — хотя ей уже было годъ 50 лѣтъ. Отъ прилива крови, благодаря предписанному миломъ корсету ²⁾, лице ея было нѣсколько красно. Говора при дворѣ часто на другихъ языкахъ, кромѣ русскаго, Марія Ѳеодоровна еще не усвоила собою чистой русскаго рѣчи. Она говорила по-русски очень скоро и невнятно. Такою представляеть ея рѣчь Вигель въ 1815 г., такое же нашелъ ее Жуковскій нѣсколько позже, когда онъ представляеть былъ ей Уваровичъ, какъ будущій преподаватель русскаго языка молодой супругѣ великаго князя Николая Павловича.

И такъ, принцессу Шарлоту занимала на пути въ Петербургъ мысль о томъ, какъ она увидится съ вдовствующею императрицею, какое впечатлѣніе она на нее произведетъ. Наконецъ принцесса Шарлота во дворцѣ. Она робко подходитъ къ императрицѣ-матери. Та встрѣчаетъ ее ласково, не дружески. Послѣ первыя пріѣтствій, принцесса остановилась.

¹⁾ Пастневъ, И. А. Крыловъ (Современникъ 1845 г.), стр. 61.

²⁾ Choiseul-Gouffier, 326.

— А для меня у васъ не найдется поцѣлуя, моя милая?— тихо и ласково сказала чей-то голосъ. Это была императрица Елисавета Алексѣевна. Она была все время тутъ, при свиданіи принцессы съ императрицею-матерью, но оставалась незамѣченною. Она сама подошла къ принцессѣ и дружески обняла ее.

Знала ли принцесса Шарлота, вступая въ бракъ, что ее впереди ожидаетъ престолъ? Тѣ, кто утверждаетъ, что она знала, хотятъ видѣть доказательство этого даже въ отношеніяхъ, установившихся съ перваго раза между нею и императрицею Елисаветою ¹⁾. Не слишкомъ смѣло было бы принимать за несомнѣнное, что принцесса знала объ условіи между ея родителями и императоромъ Александромъ, если это условіе и дѣйствительно существовало.

Преподаватель русскаго языка принцессѣ, по принятіи православія нарѣченной великою княгинею Александрою Федоровною, Жуковский, былъ болѣе собесѣдникомъ, чѣмъ наставникомъ ея. Въ бесѣдахъ съ нею, онъ не только старался сообщить ей правила русскаго языка, но и заохотить ее къ занятію русскою литературою. Въ свою очередь, ученица, великая княгиня, приохотила Жуковскаго къ занятію нѣмецкими авторами. Вліяніе таинимъ образомъ было обоюдное. Впрочемъ въ началѣ, Жуковский по видимому обращалъ не мало вниманія и на грамматику. По крайней мѣрѣ онъ составилъ грамматическія таблицы, которыя конечно должны были казаться болѣе скучными великой княгинѣ, чѣмъ его сборники стихотвореній, въ родѣ написанныхъ „для немногихъ“ (Für Wenige). Разъ, говорятъ, молодой супругъ засталъ ее надъ изученіемъ правилъ о буквѣ *ь*. Великая княгиня жаловалась на трудность ихъ. „Жуковский — педантъ, сказала Николай Павловичъ смѣясь, — я всегда ставлю *ь* или *е* по усмотрѣнію, и все сходитъ благополучно“ ²⁾.

Великая княгиня до замужества много читала. Супругъ ея читалъ меньше, и теперь, чтобы не отстать отъ нея, онъ усердно принялся за чтеніе. Уроки великой княгинѣ въ русскомъ языкѣ продолжались долгое время и по ея замужествѣ; даже въ Москвѣ,

¹⁾ Schnitzler, I, 158.

²⁾ La Verité sur l'empereur Nicolas, p. 22.

куда отправилась царская фамилія въ 1818 г. (и гдѣ великая княгиня развѣшилась отъ бремени первенцомъ, нынѣ царствующимъ государемъ-императоромъ), она продолжала брать уроки, и въ 1826 г., во время коронаціи показывала князю Виземскому комнату въ Кремлевскомъ дворцѣ, гдѣ она занималась съ Жуковскимъ.

Устроивъ судьбу брата въ этомъ отношеніи, императоръ Александръ приступилъ къ исполненію плана уже давно имъ задуманнаго. Рожденіе первенца у Николая Павловича окончательно утвердило Александра въ намѣреніи передать престолъ второму брату и его потомству. Но планъ существовалъ и прежде. Подтвержденіемъ того, что возможность вступленія Николая на престолъ могла быть предвидена при самыхъ переговорахъ въ Берлинѣ о его бракѣ, служитъ самый церемоніаль бракосочетанія его. Этотъ церемоніаль замѣчательнъ тѣмъ, что въ текстѣ его великій князь Константинъ нигдѣ не называется цесаревичемъ, хотя это былъ личный титулъ, данный ему императоромъ Павломъ, и въ другихъ актахъ ему постоянно присвоенный. Далѣе, церемоніаль совершенно уравниваетъ великихъ князей Константина и Михаила, которымъ прислуживать на парадномъ обѣдѣ должны были камергеры, между тѣмъ какъ Николаю Павловичу и его супругѣ прислуживалъ оберъ-штальмейстеръ. Если это и было отличіе присвоенное церемониаломъ новобрачнымъ, то все же Константинъ Павловичъ, какъ въ глазахъ всѣхъ вѣроятный наследникъ престола, при бездѣтности императора Александра, занималъ исключительное положеніе въ царской семьѣ, что безъ сомнѣнія и должно было бы отразиться на подробностяхъ придворныхъ церемоній, если бы въ глазахъ Александра Константинъ былъ его наследникомъ.

Но императоръ Александръ готовилъ себѣ другаго наследника и не долго спустя послѣ брака Николая открылся въ этомъ самому Николаю Павловичу и его супругѣ ¹⁾. Посадивъ великаго князя по одну сторону себя, а великую княгиню по другую, онъ, съ чувствомъ я ясно, далъ понять какое наследіе готовить онъ имъ. Молодые супруги были въ смущеніи. Неожиданное сообщеніе произвело на нихъ потрясающее дѣйствіе. Если могли быть прежде догадки на

¹⁾ Корфъ (6), 8—9.

этотъ счетъ, то онѣ были такъ смутны, такъ неясны. Теперь императоръ выразился категорически, и тѣмъ менѣе могъ ожидать великій князь Николай Павловичъ такого признанія, что онъ прежде не видѣлъ особенно горячаго расположенія къ себѣ императора-брата, отъ котораго его отдала самая разность лѣтъ; императоръ Александръ даже не назначилъ его къ себѣ генералъ-адъютантомъ, и великій князь продолжалъ все время исправлять невиданныя военныя должности.

Константины, давно отказавшійся въ душѣ отъ права на престолъ, зналъ, что это право должно перейти къ великому князю Николаю и этия опредѣляются отношенія между двумя братьями. Константинъ Павловичъ очень любилъ своего младшаго брата Михаила, ласкалъ его и тѣшилъ его веселостью, когда онъ былъ ребенкомъ. Отверженность и дружбу онъ сохранилъ къ нему и впоследствии. Но въ отношеніи къ Николаю Павловичу, хотя и тотъ былъ гораздо моложе его и только двумя годами старше Михаила Павловича, Константинъ держалъ себя какъ-то почтительно-сдержанно. Онъ признался Михаилу Павловичу, что при встрѣчкѣ Николая Павловича ему всегда кажется, что онъ какъ будто принимаетъ самого государя ¹⁾. Когда разъ это невольное чувство высказалось слишкомъ рельефно и вызвало замѣчаніе со стороны великаго князя Николая, Константинъ Павловичъ обратилъ дѣло въ шутку, сказавъ, что встрѣчаетъ его такъ потому, что онъ „царь мирликійскій“ ²⁾ (намекъ на святаго, Николая Павловича, Николая мирликійскаго чудотворца).

Очень къротно, что зная раньше другихъ къ кому перейдетъ престолъ по смерти Александра, Константинъ Павловичъ иногда невольно проговаривался, хотя между нимъ и старшимъ братомъ дѣло хранилось въ тайнѣ.

Въ 1820 году былъ изданъ актъ, устранявшій отъ престола потомство Константина Павловича, если бы онъ вступилъ на престолъ. Этотъ актъ, въ сущности, еще ничего не говорилъ объ от-

¹⁾ Корфъ (6), 14—15.

²⁾ Тамъ же, 16.

реченіи самого Константина отъ престола, но заставлялъ догадываться, что это отреченіе неслѣдовало. По крайней мѣрѣ, по облагодетельствованіи этого акта для многихъ стало ясно, что отреченіе Константина отъ престола возможно. Объ этомъ ходили толки въ Россіи ¹⁾. Въ дипломатическихъ кружкахъ было распространено убѣжденіе, что истинный преемникъ Александра — Николай ²⁾. Хотѣли официально хранить тайну. Документы объ отреченіи Константина и назначеніи Николая наследникомъ престола хранились въ Петербургѣ и въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, въ запечатанныхъ пакетахъ, которые открыть было дозволено только не прежде смерти императора Александра. Но тайна такой государственной важности не могла оставаться тайною, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ. Въ 1824 г., великій князь Николай разъ пріѣзжаетъ неожиданно къ князю Голицину. У Голицина былъ князь Козловскій, который предъ тѣмъ повредилъ себѣ ногу. При входѣ великаго князя, Козловскій хотѣлъ встать, но Николай, замѣтивъ, что это стонетъ ему усилія, взялъ его за плечи и попросилъ не вставать.

— Какъ же мнѣ встать, ваше высочество — отвѣчала дипломатъ, когда у меня на плечахъ 60 миліоновъ народа! ³⁾.

Намекъ былъ слишкомъ ясенъ. Тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ быть понятенъ Николаю Павловичу, разговоръ съ которымъ императора Александра нѣсколько лѣтъ назадъ раскрылъ ему планы послѣдняго.

Въ 1825 г., въ сентябрѣ, въ альманахѣ, напечатанномъ съ разрѣшенія прусской цензуры во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, великій князь Николай былъ уже прямо названъ наследникомъ русскаго престола, но такъ какъ дѣло хранилось въ тайнѣ, то прусская полиція погоропила съ надлежнѣмъ запрещеніемъ яв откровенный прежде времени альманахъ ⁴⁾.

Два года спустя послѣ свадьбы, великій князь Николай Павло-

¹⁾ Аксаковъ (въ Русск. Бесѣдѣ 1858, I, 9).

²⁾ Schnitzler, I, 158.

³⁾ Histoire de l'empereur Nicolas, p. 45.

⁴⁾ Schnitzler, 158.

вить былъ съ сурругою въ Берлинѣ. Онъ выѣхалъ позже ея двумя днями, инеогнито, не сказавъ ей напередъ, пріѣхалъ въ Берлинъ часомъ раньше ея и неожиданно встрѣтилъ ее въ кругу родныхъ. Тутъ онъ отъ души сѣлся ея удивленію ¹⁾.

Въ 1821 г., молодые супруги были снова въ Потсдамѣ. Здѣсь на ученьяхъ отряда, составленнаго изъ однихъ офицеровъ, къ которому былъ прикомандированъ и Николай Павловичъ, послѣдній учился трубить въ рогъ, самъ раскладывалъ огонь на бивакахъ и варилъ ризъ съ мясомъ, угощая этимъ походнымъ кушаньемъ своего при-готовленія и сурругу ²⁾.

Въ оба посѣщенія Пруссіи, молодой великій князь уже былъ счастливымъ отцомъ первенца, рожденіе котораго несомнѣнно было одною изъ главныхъ причинъ, окончательно рѣшившихъ императора Александра утвердить наслѣдство престола въ родѣ второго брата, Императоръ Александръ очень любилъ племянника, въ котораго заранѣе видѣлъ продолжателя своей династіи на престолѣ. Онъ устраивалъ для него, ребенка, въ Царскомъ Селѣ телеграфную башню, искусственныя руины, снаряды для гимнастическихъ упражненій ³⁾. Ему суждено было однако прожить лишь столько, чтобы остаться въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ племянника. Но память дяди дорога была послѣднему. Когда внослѣдствіи онъ открылъ въ одномъ изъ потаенныхъ ящичковъ въ дворцѣ крестъ Георгія 4-й степени, который носилъ обыкновенно Александръ I, Александръ II надѣлъ его себѣ въ петлицу ⁴⁾ и не снималъ болѣе, на память о дѣдѣ и сосударѣ, который одинъ по своему положенію могъ предвидѣть въ немъ, новорожденномъ ребенкѣ, будущаго императора, хотя и не могъ предсказать, что ходъ историческихъ обстоятельствъ позволитъ племяннику выполнить ту самую задачу, о рѣшеніи которой, для свободы десятковъ миліоновъ русскихъ людей и для лучшаго будущаго русской земли, дядя болѣе чѣмъ о чемънибудь думалъ при жизни, хотя рѣшить ему ее и было невозможно.

1) Histoire... p. 31.

2) Bada, 8.

3) Harrison, Notes of a nine years residence in Russia p. 280.

4) Choiseul-Gouffier, 367.

IV.

Последніе годы царствованія Александра I.

Одинъ изъ французскихъ писателей, говоря объ Александрѣ I, замѣчаетъ, что въ первые годы своего правленія онъ стремился къ упроченію счастья и благосостоянія человѣчества, а во вторую половину его—приводилъ свои желанія въ исполненіе. Съ первой половиною этого вывода можно согласиться: Александръ дѣйствительно стремился въ первые годы своего царствованія къ примѣненію на дѣлѣ того, что по его мнѣнію могло упрочить благо его подданныхъ. Но со второю половиною заключенія иностранца-автора согласиться вовсе нельзя. Не только Александръ не приводитъ въ исполненіе плановъ, занимавшихъ его прежде, но онъ видитъ себя въ необходимости отказаться отъ преслѣдованія самыхъ завѣтныхъ своихъ цѣлей, какою, напр., было освобожденіе крестьянъ.

Царствованіе Александра I представляетъ двѣ совершенно различныя по характеру эпохи. Въ теченіе первой, молодой государь, полный силъ и надеждъ, чувствуетъ въ себѣ довольно энергіи, чтобы вступить въ борьбу съ существовавшими порядками, на сколько они нѣшали его преобразовательнымъ планамъ. Онъ видитъ обширныя части государственнаго зданія и не отступаетъ предъ задачею обновленія его. Это эпоха государственной дѣятельности его, иногда судорожной дѣятельности. Отъ его вниманія не ускользаютъ даже мелочи государственнаго управленія. Онъ знаетъ, что въ Петербургѣ, не смотря на постройку шести казармъ, съ жителей еще продолжаютъ сборы на постой войска, и что полицейскіе чиновники берутъ тройныя и четверныя квартирныя деньги, или по нѣскольку квартиръ одновременно на одного, и говоритъ объ этомъ въ именномъ указѣ ¹⁾ тѣмъ, кто не привыкъ видѣть надъ собою всевидящаго ока съ такой высоты. Онъ совѣтуетъ князю Кураки-

¹⁾ П. С. З.. XXXVII, стр. 21.

ну, въ письмѣ, не назначать за саранчевыя яички въ Малороссіи плату выше того, что стоить такое же количество хлѣба. Окруженный образованными, молодыми совѣтниками, на добросовѣстность которыхъ онъ считалъ себя въ правѣ положиться, онъ старается войти во всѣ подробности государственнаго механизма. Онъ называетъ триумvirатъ болѣе приближенныхъ къ нему совѣтниковъ — Новосильцова, Строгонова, Чартерийскаго — въ шутку, комитетомъ общественной безопасности — *comité de salut publique* — но въ сущности подъ шуткою кроется нѣчто болѣе серьезное. Онъ самъ и его совѣтники должны играть роль цензуровъ, и цензуровъ не надъ управляемыми, а надъ управляющими.

Прежде всего надобно было упрочить уваженіе къ закону. М-ше Сталь сказала разъ Александру, что его подданные благоденствуютъ безъ конституціи. „Это только счастливая случайность“, отвѣчалъ Александръ ¹⁾. Онъ былъ въ правѣ стремиться къ тому, чтобы благо его подданныхъ не было и впоследствии случайностью.

Конституція начертанная имъ, и найденная въ бумагахъ великаго князя Константина Павловича въ Варшавѣ, была въ сущности тотъ же законъ. Надобно было вообще установить уваженіе къ закону. Императоръ самъ себя подчиняетъ закону и хочетъ, чтобы всѣ подчинялись ему, чтобы произволъ и патріархальность отношеній въ дѣлѣ долга были изгнаны. Сильная законодательная работа кипитъ въ Россіи въ первую половину царствованія Александра. Но вотъ за долго до окончанія ея, внѣшними событіями прерванъ ея ходъ. Сперанскій, правая рука Александра въ этой работѣ, въ изгнаніи. На высшихъ ступеняхъ управленія стоятъ по большей части люди, которымъ были не по душѣ законодательныя нововведенія Сперанскаго. А тутъ внѣшняя война. Александръ отвлеченъ отъ управленія. Дѣлами править въ отсутствіи государя комитетъ министровъ.

Начинается другая эпоха царствованія Александра. Тревожная государственная дѣятельность императора сѣняется чѣмъ-то похожая на равнодушіе, на апатію къ власти и на атрибутамъ.

¹⁾ Ковалевскій, 30.

Плодъ ли это только того, что привыкли называть религиознымъ настроеніемъ Александра? Не явилось ли это равнодушіе, эта апатія также и слѣдствіемъ неисполнившихся надеждъ, недовершавшихся плановъ; слѣдствіемъ дѣятельности, уставшей въ борьбѣ съ апатіею окружавшей среды? Не было ли самое религиозное настроеніе Александра, въ зародышѣ, слѣдствіемъ вѣщнихъ обстоятельствъ столько же, сколько и внутреннего разочарованія, внутреннего убѣжденія, что напрасны усилія, когда имъ не побероть преградъ?

Какъ бы то ни было, но другая эпоха началась. Государь возвратился изъ Парижа, но комитетъ министровъ продолжаетъ по прежнему править дѣлами ¹⁾. Въ комитетѣ всѣмъ править Аракчеевъ.

У императора Александра, въ теченіе его царствованія, были два главные совѣтника, которыхъ дѣятельность отиѣтила двѣ противоположныя эпохи его царствованія: Сперанскій и Аракчеевъ. Сперанскій — представитель эпохи преобразованій, энергической дѣятельности, усиленной законодательной работы. Аракчеевъ — представитель эпохи вѣстной тишины, усиленной дѣятельности князя Голицына и торжества обскурантныхъ идей Магницкаго.

По видимому, двѣ противоположныя эпохи и должны были имѣть представителями такихъ двухъ противоположныхъ другъ другу дѣятелей, каковы Сперанскій и Аракчеевъ. Дѣйствительно, трудно было, съ перваго взгляда, найти болѣе рѣзкій контрастъ, чѣмъ какой представляли эти двѣ личности. Одинъ — благородной, видной наружности, съ прекрасными голубыми глазами, которые даже когда въ нихъ исчезъ блескъ молодости, дамы называли „влюбленными“, съ натовою бѣлизною красиваго лица, всегда нѣсколько щеголь, не смотря на отсутствіе природной расточительности въ характерѣ. Другой — неуклюжій, неповоротливый, „Сила“ Андреевичъ — какъ его звали на сторонѣ, люди сходившіеся съ нимъ — олицетворенный въ „квартирѣ“ Крылова подъ именемъ „косолапаго Мишки“, личность крайне непривлекательной наружности, говорившая въ ность; съ сѣрыми глазами, пронизывавшими взоромъ, заставлявшими

1) П. С. З. XXXII, стр. 841.

смокать кружокъ людей, въ средѣ которыхъ являлся ихъ обладатель. Одинъ, хотя былъ забіяка семинаристомъ на школьной скамьѣ, впоследствии являлся образцомъ утонченнаго джентльмена, вѣжливаго, ловкаго, обходительнаго, который въ крайнемъ случаѣ выражалъ неудовольствіе молчаливымъ презрѣніемъ. Другой былъ циникъ въ обращеніи съ окружающими, дралъ вадеть за волосы, будучи офицеромъ въ корпусѣ, жестоко наказывалъ солдатъ послѣ, не изыскивалъ словъ и былъ крутой господинъ своихъ крестьянъ. Одинъ создавалъ все проекты, планы, во всемъ духъ ставилъ надъ формою. Другой строго держался буквы, формы, не вдаваясь въ отвлеченности. Одинъ былъ ума обширнаго и всесторонняго образованія. Другой — способностей обыкновенныхъ и ума, бывшаго въ своей сферѣ только въ математическихъ выкладкахъ. Одинъ сентименталенъ по природѣ въ дѣлѣ чувствъ: онъ бѣжалъ какъ сумасшедшій изъ дома, гдѣ умерла любимая жена его, и спустя лишь много дней его нашли на одномъ изъ петербургскихъ острововъ почти одичавшимъ, чуждавшимся общества. Другой, если въ груди его и были сильныя чувства привязанности, умѣлъ казаться лишеннымъ ихъ и, приближаясь къ себѣ жену матроса, поставилъ ее въ такія отношенія къ себѣ, что она въ письмахъ называла его отцомъ, себя его подданною, цѣловавшею у него ручки и ножки ¹⁾).

Таковы были Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Казалось, это были двѣ крайности, два типа, рѣзко противоположныя во всемъ. И однако, всматриваясь ближе, нельзя было не замѣтить въ нихъ нѣкоторыхъ общихъ чертъ. Оба были труженики, люди дѣла, кабинетной работы. Сперанскій работалъ иногда по 18 часовъ въ сутки, спалъ на диванѣ, вѣсто постели, въ рабочемъ кабинетѣ, поддерживая въ себѣ бодрствованіе чернымъ кофе. Аракчеевъ также прилежно трудился и былъ строгій исполнитель служебныхъ обязанностей. Сперанскій былъ чуждъ свѣта, его развлеченій, его пустой траты времени. Аракчеевъ также стоялъ вѣ свѣтской сферѣ; ему также некогда было тратить времени на испол-

1) Письмо Минкиной, въ Рус. Арх. 1868, № 10.

новіе требованій свѣтскаго этикета и являться въ обществѣ, даже если бы его присутствіемъ тамъ и не тяготились. Сперанскій обладалъ обширнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ отъ природы. Аракчеевъ также. Сперанскій былъ крайне чистоплотенъ и строгій приверженецъ акуратности и внѣшней чистоты; молочная бѣлизна лица его была можетъ быть слѣдствіемъ ежедневнаго умыванія водою на половину съ французскою водкою. Таковъ былъ и Аракчеевъ, въ дѣлѣ внѣшней чистоты, опрятности, порядка и отчетности до мелочей слѣдовавшей примѣру матери своей, слышшей у сосѣдей кодъ названіемъ „голландки;“ въ Грузинскомъ домѣ висѣли инвентари всѣмъ вещамъ, находившимся въ каждой комнатѣ.

На эти общія черты между Сперанскимъ и Аракчеевымъ нельзя не обратить вниманія. Этими общими чертами они приближались и къ императору Александру. Вспомнимъ, что и онъ былъ кабинетный труженникъ, которому ничего не стоило исписать цѣлыя тетради собственноручно; что и онъ не любилъ свѣта, его развлеченій и его этикета; что и онъ былъ строгій приверженецъ чистоплотности, чистоты и порядка.

До 1812 г. Аракчеевъ не пользуется полною довѣренностью го сударя. Одинъ изъ важнѣйшихъ проектовъ государственнаго устройства, былъ показанъ ему Сперанскимъ только въ конспектѣ. Когда Сперанскій уѣхалъ отъ него, Аракчеевъ разразился желчными выраженіями и уѣхалъ въ Грузію. Какъ хорошій инспекторъ военной части и точный исполнитель закона, когда такихъ исполнителей было вообще мало, — человекъ полезный на службѣ Аракчеевъ былъ нуженъ государю. Къ нему отправили въ Грузію фельдъегеря. Начался между Грузиномъ и Петербургомъ обихъ фельдъегерей и, въ заключеніе, Аракчеевъ возвратился. Его призвали къ слушанію проекта, государь прислалъ ему въ подарокъ собственныя сани и пару лошадей, и миръ окончательно былъ заключенъ.

Отсутствіе полного довѣрія Александра къ Аракчееву въ эту эпоху видно и изъ того, что нѣкоторые бумаги по отношеніямъ къ Австріи и Франціи въ 1809 г. проходили непосредственно между руками Александра и Сперанскаго и не были доводимы до свѣдѣнія Аракчеева, хотя прямо подлежали вѣденію его, какъ военнаго министра.

Въ 1812 г. императоръ Александръ, будучи въ Москвѣ, обнялъ и поцѣловалъ Растопчина, какъ главнокомандующаго столицы, изъяснившей готовность къ громаднымъ пожертвованіямъ на пользу государства въ трудную пору. Аракчеевъ, по выходѣ Растопчина отъ государя, поздравилъ его съ монаршимъ благоволеніемъ, прибавивъ, что его, Аракчеева, государь еще ни разу не поцѣловалъ ¹⁾."

Аракчеевъ послѣ не могъ простить Растопчину этого случая. Девизъ Аракчеева былъ: „преданъ безъ лести.“ Аракчеевъ хотѣлъ казаться безгранично лично преданнымъ особѣ государя. Кто-то разъ замкнулся ему объ отечествѣ. „Что мнѣ до отечества, отвѣчалъ графъ, скажите не въ опасности ли государь? ²⁾“ Какъ „преданный безъ лести“ онъ долженъ былъ говорить открыто, прямо, рубить правду, и однако тотъ, кто могъ проникнуть въ глубину души его, какъ Сперанскій, называлъ его ловкимъ царедворцемъ. Вирадчивость уживалась тутъ съ вѣшнимъ цинизмомъ, и безграничная преданность была лестью даже въ „преданномъ безъ лести.“

Но до 1812 г. этотъ „стражъ у сердца Александра,“ по счастливому выраженію бар. Корфа, еще не сторожилъ ревниво на своемъ посту. Еще сердце Александра можетъ слѣдовать своимъ внушеніямъ, и никто не стоитъ на дорогѣ ему. Аракчеевъ играетъ второстепенную роль. Онъ выступаетъ на первый планъ только съ наступленіемъ другой эпохи царствованія Александра.

Мы видѣли, что Александръ не былъ сторонникомъ власти дѣла, что престолъ не имѣлъ для него особеннаго обаянія. Великимъ кляземъ онъ мечталъ съ супругою объ отреченіи отъ престола и жизни частнымъ человѣкомъ на Рейнѣ. Въ письмѣ къ Кочубею онъ высказывалъ убѣжденіе, что сфера двора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находилъ ее была не по нему, что ему должно имѣть дѣло съ людьми, которыхъ онъ не пожелалъ бы имѣть лакеями, съ личностями, унижающимися предъ высшими, высоконѣвными предъ иными ³⁾. Подчиненіе себя закону было есте-

¹⁾ Ковалевскій, 142.

²⁾ Русс. Арх., 1865, стр. 174.

³⁾ Корфъ б), 4—5.

ственно со стороны того, кто говорил, что „онъ не рожденъ быть деспотомъ 1)“. Дасъ-Базасъ рассказываетъ, что Наполеонъ, при одномъ изъ свиданій, цѣлый часъ доказывалъ императору Александру, что наследственность власти — счастье народовъ; и Александръ съ такою же настойчивостію опровергалъ его. 2) Въ Вильнѣ, въ 1812 г., уже преслѣдуя бѣгущаго Наполеона, Александръ опять высказывалъ мысль, что онъ не рожденъ для трона и промѣнилъ бы свое положеніе, если бы можно было 3).

И такъ мы видимъ, что мысль, представлявшаяся ему, когда престолъ былъ только передъ нимъ, является въ умѣ его снова въ ту пору, когда торжество надъ Наполеономъ обезпечено; но въ душѣ Александра уже произошелъ переворотъ. Энергическая дѣятельность въ первую половину царствованія — порука за то, что мысль объ отреченіи отъ престола въ Александрѣ-государѣ уступила мѣсто другой: принести пользу человечеству, воспользоваться своимъ положеніемъ для того, чтобы сдѣлать что можно на благо ближнихъ. Почему же мысль объ отреченіи является опять теперь, въ эпоху торжества надъ вѣчными врагомъ, послѣ 11 лѣтъ царствованія? Говорятъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на душу Александра событіями, воокрестъ Москвы... Такъ. Не во время ли теперь поднять завѣсу и съ другой причины; сказать прямо, что равнодушіе къ власти явилось естественно въ душѣ того, кто потерялъ надежду исполнить при помощи власти то, чего надѣялся отъ нея. 1812 годъ былъ годомъ жертвъ для Александра, жертвъ не одному властолюбію Наполеона, жертвъ дорого стоявшихъ его самолюбію. Тутъ прекращаются его законодательныя работы. Тутъ на первыхъ мѣстахъ въ государствѣ являются люди, которые или прямо не расположены въ пользу освобожденія крестьянъ — а это былъ пунктъ, около котораго вращались всѣ преобразованія Александра — или не расположенные содѣйствовать этой мѣрѣ и вообще дѣлу преобразованія.

Душа устала въ борьбѣ. Къ цѣли идутъ только пока видать

1) Ковалевскій, 63.

2) Belani III, 136.

3) Choiseul-Gouffier, 166,

возможность ея достиженія. Этотъ міръ съ его своекорыстіемъ, съ его апатією къ благу ближняго, не оправдалъ ожиданій; душа обратилась къ другому міру...

Не въ этотъ ли кроется, по крайней мѣрѣ отчасти, разгадка самаго религіознаго настроенія Александра и всего послѣдующаго? Не служить ли это, до извѣстной степени, къ объясненію главенства Аракчеева въ совѣтѣ правленія, до конца царствованія Александра, и характера этой эпохи? Если такой правитель, какъ Александръ, не успѣлъ въ своихъ начинаніяхъ, то не пришло ли ему на мысль, что человѣкъ противоположныхъ свойствъ, съ другіяго характеромъ и направленіемъ, поставленный у кормила правленія будетъ болѣе по окружающей его средѣ?

Всѣ эти вопросы можетъ рѣшить лишь болѣе обстоятельное разсѣдованіе въ будущемъ. Они не должны избѣгнуть вниманія историка.

Чѣмъ долѣе шли года, тѣмъ меланхолія все чаще отгѣняла лице Александра.

Душевные потрясенія сильно отзывались на впечатлительной душѣ его, а ихъ было не мало. Смерть С. Д. Нарышкиной, семеновская исторія, наводненіе 1824 г. а главное—тайныя общества, существованіе которыхъ въ государствѣ не было тайною для Александра—все это одно за другимъ наносило ему душевные раны, которыя исцѣлить было трудно.

Молодая Сефія Дмитріевна Нарышкина была его любимица, ребенокъ которымъ онъ дорожилъ, котораго лелаялъ. Ледники Швейцаріи, куда ее возили для укрѣпленія здоровья, лишь повредили ей, какъ говорятъ, еще болѣе. Развилась чахотка, которую не хотѣли, боялись замѣтить. Шестнадцатилѣтняя Софія была уже помолвлена за молодаго графа Шувалова, но жизнь ея угасала. Она умерла на рукахъ своего жениха, тихо, какъ бы уснула. И окружающіе ее дѣйствительно думали, въ первое время, что она спитъ. Но это былъ сонъ вѣчности. Посланный сообщилъ печальную вѣсть Александру на смотрѣ войскъ. Александръ поблѣднѣлъ, въ глазахъ его явились слезы. Парадъ не могъ продолжаться. Привязанности Александра были сильны, а онъ такъ любилъ эту молодую дѣвушку. Вся петербургская знать слѣдовала за гробомъ покойной. Одной невознаградимой утратой на памяти Александра было больше...

Семеновская исторія, какъ привыкли называть случай, повидній къ раскасировкѣ семеновскаго полка—любимаго полка императора Александра—можетъ быть разсказана въ короткихъ словахъ. Александръ, будучи наслѣдникомъ престола, командовалъ семеновскимъ полкомъ. Для возвышенія нравственнаго уровня военнаго люда, Александръ считалъ необходимымъ поднять уваженіе къ военному кундиру. Императоромъ онъ не забивалъ, что, онъ гвардейскій сослуживецъ. Въ 1809 г. онъ, желая походить даже въ мелкихъ подробностяхъ на своихъ сослуживцевъ, переиѣнилъ напр. носки на онучки. Придворный приваравливавшій онучки къ ногамъ его, никакъ не могъ успѣть въ своемъ дѣлѣ. Какъ не бился онъ, то та, то другая часть ноги выглядывала изъ подъ льняныхъ тряпичъ. Послали за гвардейцемъ, и тотъ въ мигъ сдѣлалъ какъ носили у нихъ ¹⁾. „Такіе чины не у мѣста между семеновскими сослуживцами“, сказалъ разъ Александръ своему бывшему министру Дмитріеву, чинившемуся представиться государю по приѣздѣ ²⁾. Вообще императоръ любилъ быть съ приближенными къ нему военными безъ чиновъ. Свитскій офицеръ Хомутовъ въ кампаніи 1813 г., во время стоянки въ Кроточинѣ, становится во время протудки, въ сумерки, съ какини то двумя дамами и кавалеромъ. Всмотриваясь, онъ узнаетъ въ дамахъ двухъ княженъ Волковскихъ, а въ кавалерѣ ихъ, императора Александра, Императоръ отвелъ шпагу почти набѣжавшаго на него Хомутова отъ себя въ сторону и продолжалъ путь не оглянувшись. Будучи императоромъ Александръ продолжалъ помнить свой Семеновскій полкъ. Нравственный уровень стоялъ въ этомъ полку высоко. Офицеры, —никто изъ которыхъ не курилъ по примѣру Александра,—занимались много серьезнымъ чтеніемъ, читали солдатамъ, завели ланкастерскія школы для обученія солдатъ, иные, говорятъ, обращались къ солдатамъ съ „вы“. И—какъ ни странно это было въ глазахъ людей старой школы—дисциплина оттого не пала. Солдаты выжили бы изъ этого полка своего брата, замѣчательнаго пьянымъ на улицѣ ³⁾. Это былъ полкъ

¹⁾ Москвитянинъ, 1843, III, стр. 542—443.

²⁾ И. И. Дмитріевъ, записки, стр. 246.

³⁾ Ковалевскій, 135.

джентльменовъ, пожалуй полкъ пуританъ, но уже никакъ ни не солдатъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово чаще принималось.

И вдругъ въ семеновскій полкъ назначаютъ командиромъ Шварца, армейскаго полковаго командира, могшаго давать на ученья приказаніе однимъ солдатамъ бить другихъ, до невѣроятности строгаго и взыскательнаго, сторонника тѣлесныхъ наказаній. Свои правила онъ началъ примѣнять въ гвардейскомъ полку, любимомъ государемъ, образцовомъ. Чѣмъ заслужили семеновцы эту невзгоду? Солдаты обратились съ просьбою о смѣнѣ Шварца. Нѣкоторые изъ нихъ ворвались въ домъ Шварца, успѣвшаго скрыться. Последнее обстоятельство было—серьезный проступокъ. Государю, бывшему въ Люблинѣ (Лийбахѣ), на конгрессѣ донесли о случившемся, и конечно это донесеніе было далеко не въ пользу семеновцевъ, хотя буйство немногихъ не могло падать на весь полкъ, смиренно пошедшій въ крѣпость по приказанію начальниковъ и послѣ раскасированный въ армейскіе полки. Государю писалъ донесеніе Аракчеевъ, гатчинскія преданія котораго были противъ солдатъ—джентльменовъ, и всѣ за Шварца.

Семеновскую исторію выше представляли поводомъ къ перевѣдъ въ Александрѣ, къ обращенію его къ реакціи. Это совершенно неосновательно. Самое назначеніе Шварца, невызванное никакою виною семеновцевъ, уже показываетъ, что реакція и аракеевскіе принципы были въ полномъ ходу. Самъ Александръ, въ письмѣ къ Аракчееву, говоритъ, что не вѣрить, чтобы это происшествіе могло быть дѣломъ самихъ солдатъ. Онъ видитъ тутъ постороннее военному элементу подстрекательство. Словомъ онъ говоритъ о прощухахъ тѣхъ же тайныхъ обществъ, существованіе которыхъ въ это время уже было извѣстно.

Наводненіе 1824 г. произвело также сильное дѣйствіе на Александра, видѣвшаго всѣ ужасы этого несчастія, стоившаго многимъ жизни, болѣе 150 мил. руб. ¹⁾ Петербургу и Россіи и повредившаго большую часть русскаго балтійскаго флота ²⁾. „Это ва-

¹⁾ Belani, III, 86—87.

²⁾ Военный Сборникъ, 1868, III, 92.

казаніе за мои грѣхи“, говорилъ онъ съ глазами, полными слезъ ¹⁾. Онъ самъ ѣздилъ на шлюпкѣ и спасалъ утопавшихъ. Но что всего болѣе потрясло Александра, что всего болѣе налагало на него печать внутренняго страданія, это, — безспорно, тайныя общества; образовавшіяся въ то время въ Россіи. Въ этихъ обществахъ шла рѣчь о царубійствѣ, о кровавыхъ ивѣрахъ. Александръ зналъ объ этомъ, и мысль о черной неблагодарности тѣхъ, кому онъ не желалъ ничего кромѣ добра, подѣчивала его нравственное существованіе. Такъ могъ думать Александръ. Иначе должна взглянуть на дѣло исторія. Источникъ тайныхъ обществъ и происхожденіе ихъ кроется не въ черной неблагодарности къ государю, въ которомъ лично видѣли только желаніе добра, а въ той системѣ управленія, которой слѣдовалъ Араччеевъ. Не тайныя общества вызвали реакцію, а реакція вызвала тайныя общества. Верховная власть государя такъ глубоко коренится въ многочисленномъ русскомъ населеніи, что отдѣльныя единицы, если бы даже они затѣвали наспроверженіе ея, не въ состояніи найти себѣ въ немъ поддержки. Это — историческая истина; это плодъ особеннаго историческаго развитія русскаго народа. Единицы, умышлявшія противъ высшей власти, могли существовать только въ образованности сословіи. Императоръ Павелъ говорилъ, что у него столько полицеймейстеровъ, сколько помѣщиковъ. Очевидно вѣроятно, что это выраженіе было заимствовано имъ у его генераль - прокурора Державина, который приводитъ это выраженіе какъ плодъ личнаго возрѣвія въ своихъ запискахъ ²⁾. Если это были полицеймейстеры, охранявшіе крѣпостное право — такъ! Но верховная власть государя никогда не нуждалась въ полицейской охранѣ въ средѣ русскаго народа. Этотъ народъ поднимается только, когда ему говорятъ, что государь въ опасности, что государь идетъ навзничать своихъ супротивниковъ. Таковы всѣ возмущенія русскаго народа отъ смутнаго времени до пугачевщины. У этой возставшей массы всегда долженъ быть царь, за котораго онъ идетъ умн-

1) Ковалевскій, 151.

2) Державинъ, 487.

ратъ. Царь былъ въ теченіе вѣковъ лозунгомъ и прибѣжищемъ народной массы противъ крѣпостниковъ. „Полицеймейстеры“ Державина могли лишь на столько быть увѣрены въ своей власти, на сколько они дѣйствовали въ связи съ верховною властью.

Сознаніе, что таково именно положеніе Россіи, должно было раздѣляться каждымъ, кто зналъ ее, каковы бы его личные взгляды и убѣжденія ни были. „Во Франціи нуженъ министръ полиціи — говорилъ Сперанскій ¹⁾, потому что тамъ $\frac{2}{3}$ населенія враждебны верховной власти. Въ Россіи нѣтъ политическихъ партій, враждебныхъ верховной власти, — ай не нуженъ и министръ полиціи.“ Совершенно вѣрно. Кто мѣрзалъ Россію на мѣрку иностранныхъ государствъ, тотъ могъ держаться противоположнаго мнѣнія. Кто судилъ по части населенія о всей странѣ, тотъ не зналъ Россіи. Кто мѣрзалъ Россію на мѣрку Франціи и Германіи, тотъ могъ видѣть оппозицію правительству, злоумышленія, заговоры тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было.

Аракчеевъ былъ, можетъ быть, хорошій второстепенный исполнитель служебныхъ обязанностей, но постъ перваго министра, который онъ былъ на дѣлѣ, если не по названію, во вторую половину царствованія Александра, былъ вовсе не по нему. Онъ не зналъ Россіи и, по своимъ способностямъ, не могъ узнать ее. Слыша о заговорахъ и тайныхъ обществахъ за границей онъ былъ увѣренъ, что все злоумышляетъ и вокругъ него, не говоря уже, что онъ былъ въ состояніи личную оппозицію себѣ считать за покушеніе на права верховной власти, и въ этомъ смыслѣ представлять государю. Преслѣдованіе воображаемой часто родитъ дѣйствительную опасность. Такъ было и благодаря системѣ Аракчеева.

Отчего же не слышно было о заговорахъ, о покушеніяхъ на права верховной власти прежде, въ первую половину царствованія Александра? Вспомнишь что происходило тогда. Сенатъ открыто обсуждалъ вопросъ объ ограниченіи верховной власти, о присвоеніи себѣ контроля надъ финансами, окончательныхъ рѣшеній въ

1) Вигель, VII, 107.

смертных приговорахъ. Что же императоръ Александръ? Державинъ представляетъ ему мнѣніе сенатора Потюкаго, какъ дерзкое и оскорбительное для верховной власти. Это мнѣніе нанечатано ¹⁾, и каждый можетъ видѣть, что въ немъ не было ничего дерзкаго и оскорбительнаго, хотя мнѣніе написано смѣло, бойко и даже задорно. „Что же! мнѣ не запретить мыслить кто какъ хочетъ!“ былъ отвѣтъ Александра. „Пусть Потюкій свое мнѣніе подаетъ и пусть сенатъ разсуждаетъ“ ²⁾. Напротивъ, нетерпѣвшему разсужденій Державину Александръ вынужденъ былъ разъ замѣтить: „Ты всегда меня хочешь учить, я самодержавный государь и такъ хочу!“ ³⁾. Въ первую половину царствованія Александра мыслить и разсуждать кто какъ хочетъ, и однако не слышно ни о какихъ смутахъ и заговорахъ. Москва всегда была красная республиканка на словахъ. „Шумишь, братецъ, шумишь,“ могъ въ ней сказать не одинъ Репетиловъ. Шумѣли въ ней и за дѣло, шумѣли и изъ пустяковъ. Выказаться, обмѣняться мыслями — потребность образованнаго человѣка. Только если ему не позволяютъ громко говорить, онъ начинаетъ шумукаться.

Въ мѣрѣ физическомъ стѣсненіе вызываетъ противодѣйствіе. Кучка пороха, которая могла бы на свободѣ сгорѣть безвредно, затрамбованная въ скалу, взрываетъ ее. Паръ — безвредная струйка мелкихъ частицъ воды въ воздухѣ; но стоитъ сжать его — и онъ разорветъ желѣзные тиски. Такъ и въ мѣрѣ нравственномъ и умственномъ. Стѣсненіе и угнетеніе придаетъ громадную силу ничтожному дѣятелю и ведетъ въ разрушенію!

Въ этомъ заключается вся исторія русскихъ тайныхъ обществъ. Приводили другія причины произведшія ихъ: духъ времени, наплывъ идей съ запада, пребываніе нашихъ войскъ за границей, гдѣ молодежь могла набраться конституціонныхъ идей. Но какія тутъ конституціонныя идеи, молодежь, когда конституціонные вопросы въ 1803 г. обсуждаются самимъ сенатомъ. Что влается

¹⁾ Въ Читаніяхъ, 1864, в. 3.

²⁾ Державинъ, 463.

³⁾ Тамъ же, 481.

отоянки русских войск за границей, то на духъ солдата она не имѣла никакого вліянія, хотя атаманъ Платовъ и наказалъ двухъ донцевъ, какъ нововодителей, за то, что одинъ привезъ съ собою въ станицу лорнетъ, а другой одѣлся во французскій кафтанъ ¹⁾). Вліяніе могло быть только на офицеровъ, но офицеры и вообще дворяне очень хорошо знали Парижъ и Францію и до занятія ихъ русскими войсками, и наплывъ идей съ запада именно въ аракетовскую эпоху — былъ бы какинъ-то страннымъ явленіемъ, когда дѣло идетъ о людяхъ, по большей части, выросших на французскихъ книгахъ и подъ надзоромъ иностранцевъ-наставниковъ.

Никакого иностраннаго вліянія, увлеченія иностраннымъ духомъ не было. Тайныя общества являются въ Россіи, благодаря реакціи, водворившейся въ ней, какъ и во всей Европѣ, и всюду вызвавшей броженіе умовъ. Но что русскія тайныя общества были въ началѣ совсѣмъ не то, что впоследствии, видно изъ того, что въ 1817 году члены обществъ хотѣли представить свои правила на утвержденіе императора Александра ²⁾). Но аракетовская реакція давила. Дѣятелю безъ силы, безъ значенія, придавали давленіемъ и силу, и значеніе, и въ результатъ было, что въ концѣ царствованія Александра I, Россія представляла сѣбѣ одного обширнаго заговора.

Намъ остается перейти къ эпилогу жизни Александра.

Съ окончательнаго возвращенія его изъ за-границы, семейная жизнь вновь пріобрѣтаетъ на него свои права. Въ 1817 г. его видятъ ѣздящимъ въ коляскѣ съ императрицею Елисаветою Алексѣевною, которая теперь радостна и счастлива, что ея Александръ при ней. Она по прежнему занимается литературою. Говорятъ, остались ея мемуары, которые завѣщено ею напечатать не раньше 50—60 лѣтъ, послѣ ея смерти ³⁾). Но она не избѣгла родовой болѣзни въ ея семействѣ: опасались, что у нея начинается водяная въ груди. Ноги

¹⁾ Шишковъ, 97.

²⁾ Grimm, 183.

³⁾ Harrison, Notes of a nine years residence in Russia, London 1835, p. 164.

ей начали пухнуть. Надобно было ѣхать лечиться. Предлагали ѣхать за-границу, Елисавета отвѣчала, что „какъ русская императрица она умретъ въ Россіи.“ Притомъ на поѣздку за-границу нужны были большіе расходы, а императрица была въ этомъ отношеніи очень строга къ себѣ. Въмѣсто шедшихъ ей прежде 600,000 рублей въ годъ, она съ 1812 г. соглашалась получать только по 250,000, изъ которыхъ, какъ говорятъ на себя лично издерживала она не болѣе 10,000 рублей въ годъ ¹⁾). Избрали вмѣсто лечения Таганрогъ. Императоръ Александръ поѣхалъ сопровождать ее. Видѣвшіе его во время этой поѣздки, въ Крыму, говорили, что въ немъ замѣтна обходительность и любезность француза и вмѣстѣ сдержанность и холодность нѣмецкаго дворянина. Но едва ли кто могъ предполагать, что конецъ его такъ близокъ. „Подать въ отставку, возвращусь въ Оріанду и вадѣну здѣшнюю одежду“, говорилъ Александръ, любуясь нѣстностиаи Крыма ²⁾). Въ Таганрогъ за нимъ везли вмѣсто одного фургона, въ который складывались прошенія, подававшіеся ему по дорогѣ, два ³⁾): такъ велико было число личныхъ обращеній къ нему. Онъ принималъ и выслушивалъ всѣхъ. Магометанъ въ Крыму онъ обворожилъ уваженіемъ къ ихъ религіи и обычаямъ. Въ Таганрогѣ постигла его внезапно опасная болѣзнь. Таганрогъ не отличался тогда здоровымъ нѣстоположеніемъ. Горячка превратилась въ злокачественную. Больной отвергалъ медицинскія средства; онъ всегда былъ противъ латинской кухни. Сначала, не смотря на просьбу стоявшей на колѣняхъ императрицы, чтобы онъ дозволилъ поставить себѣ пивки въ головѣ по совѣту докторовъ, онъ не соглашался на это.

Наконецъ, надобно было подчиниться необходимости. Священникъ, котораго онъ просилъ исповѣдывать его, какъ частнаго человѣка, уговорилъ его прибѣгнуть къ медицинскимъ средствамъ ⁴⁾). Больной не вѣрилъ, кажется, въ возможность выздоровленія и не дорожилъ жизнью. Лекарства онъ принималъ едва ли не для того, чтобы

¹⁾ Энци. Лексиконъ. Елисавета Алексѣевна.

²⁾ Lee, 32.

³⁾ Schnitzler, I, 451.

⁴⁾ Lee, 47.

сдѣлать угодное другимъ. „Ступайте прочь“ сказалъ онъ разъ д-ру Виллю, но потомъ, замѣтивъ, что оскорбилъ преданнаго человѣка, въ глазахъ котораго навернулись слезы, попросилъ извиненія ¹⁾).

Болѣзнь длилась не долго. За два дня до смерти, больной былъ въ безчувственномъ состояніи и не могъ ничего проглотить. Александра не стало. При вскрывтіи трупа нашли въ мозгу съ полстакана водянистой жидкости ²⁾). Въ мундирѣ покойнаго были найдены двѣ записки: одна съ молитвами, другая съ замѣтками главъ св. писанія. Императрица Елисавета сначала хотѣла было сохранить обѣ записки, но послѣ положила въ карманъ мундира, въ который одѣли покойнаго. Тѣло набальзамировали, но, за недостаткомъ на мѣстѣ опытнаго бальзамировщика и нужныхъ снадобій, очень плохо. Прошло не больше 7 дней послѣ смерти, какъ оно уже почернѣло ³⁾). Наконецъ дроги съ печальною ношею отправились въ Петербургъ. На нихъ былъ вѣрный кучеръ покойнаго Илья, не оставлявшій теперь гроба и ночевашій въ дорогѣ, не смотря на зимній холодъ, всегда около него. Грустно отозвалась смерть Александра по Россіи. Расчетывали, что въ Петербургѣ, въ первые три дня по объявленіи о ней, водки выпито было только не 200 ведеръ, вмѣсто 3000 расхोдившихся прежде, хотя кабаки заверты были только въ первый день ⁴⁾). Пока стояло тѣло Александра въ Таганрогѣ, государыня не отходила отъ него. Она все время оставалась въ смежной комнатѣ и выходила во всякое время изъ нея въ гробу, пока происходило чтеніе заупокойныхъ молитвъ. Это не могло не подѣйствовать разрушительно на ея и безъ того слабое здоровье.

Смерть Александра была возвѣщена Елисаветою императрицѣ-матери въ нисѣмѣ, въ которомъ вылилась вся ея поэтическая и любящая душа.

„Нашъ ангелъ на небѣ,—писала Елисавета—а я все еще на землѣ! Кто могъ думать, что я слабая, больная, переживу его!“

1) Ковалевскій, 161.

2) Schntizler, I, 147.

3) Lee, 40.

4) Schntizler, I, 183.

Матушка, не оставьте меня, я одна стою въ этомъ мірѣ съ моими горемъ...“

Ненадолго она пережила его. Въ Вѣлевѣ, на пути ея въ Петербургъ, послѣднія силы оставили ее. Императоръ Николай назначилъ ей пенсію въ миліонъ рублей. Она просила назначить лишь то, что слѣдуетъ по штату русской императорской фамиліи ¹⁾. Но не долго пришлось ей получать пенсію отъ наследника покойнаго супруга. Она скончалась въ Вѣлевѣ. Императрица Александра Федоровна устроила богадѣльню для 24 бѣдныхъ вдовъ въ домѣ, гдѣ окончила дни Елисавета. Спутница Александра почти съ дней дѣтства пережила его лишь нѣсколькими мѣсяцами.

Она отказалась составить духовное завѣщаніе „Я ничего не привезла собою въ Россію, сказала она, и слѣдовательно, ни чѣмъ не могу распоряжаться ²⁾“.

Умеръ Александръ. Но не суждено ли было, все равно, кончиться его царствованію около этой поры—постигла ли бы его смерть въ Таганрогѣ, 19 ноября 1825 г., или нѣтъ? Мы видѣли, что онъ, по словамъ лицъ, окружавшихъ его въ Крыму, говорилъ, что скоро подастъ въ отставку „(give in my demission), чтобы частнымъ человѣкомъ вернуться въ Крымъ и поселиться въ немъ. Это уже не мечта о Рейнѣ въ 1796 г.; это—рѣшеніе человѣка, узнавшаго на практикѣ жизни то, что было предъ нимъ лишь въ перспективѣ, когда онъ, восемнадцатилѣтній юноша, говорилъ о тягости власти. Мысль объ отреченіи отъ престола теперь является уже вполне ясною и опредѣленною. Теперь она—плодъ обдуманнаго въ теченіе многихъ лѣтъ рѣшенія. Слова, сказанныя въ Крыму, надобно необходимо сопоставить съ тѣмъ, что было сказано Александромъ великому князю Николаю Павловичу и его супругѣ по рожденіи у нихъ наследника ³⁾. Сказавъ, что Николая ожидаетъ престоль, онъ прибавляетъ, что время передачи бремени правленія еще не наступило, что можетъ быть пройдетъ еще лѣтъ 10, пока оно

1) Энциклопедическій словарь. Елисавета Алексѣевна.

2) Энциклопедическій словарь. Елисавета Алексѣевна.

3) Корфъ (6), 8—9.

Вступленіе на престолъ

Смутный трепеть пробѣжалъ между бывшими въ придворной церкви въ Петербургѣ, когда курьеръ привезъ изъ Таганрога извѣстіе о смерти императора Александра Павловича. Въ 1819 г. великій князь Николай Павловичъ положительно зналъ, что онъ наследникъ престола по смерти Александра. Это знали многіе. Но императоръ Александръ умеръ въ Таганрогѣ. Константинъ Павловичъ былъ въ Варшавѣ; государственные документы, назначавшіе наследникомъ Николая Павловича, не были обнародованы, — и въ довершеніе всего ни для кого не было тайною, что въ арміи и между частными лицами распространенъ и организованъ заговоръ противъ существовавшей власти. Стеченіе обстоятельствъ было таково, что должно было заставить задуматься каждого. Что-то будетъ?

Нерѣшительности не было мѣста. Въ государственномъ совѣтѣ обнаружилось разногласіе. Большинство членовъ, зная о существовавшемъ распоряженіи покойнаго государя, относительно перехода престола послѣ его смерти, заявили, что законный наследникъ — Николай Павловичъ. Но министръ юстиціи, князь Лобановъ Ростовскій, держался мнѣнія, „что мертвые не могутъ имѣть воли“, а слѣдовательно и дѣлать распоряженій, и потому престолъ остается по праву за Константиномъ Павловичемъ¹⁾. Николай Павловичъ еще прежде порѣшилъ съ спорнымъ вопросомъ. Онъ присягнулъ императору Константину.

Настаетъ въ русской землѣ нѣчто въ родѣ междуцарствія. Константинъ Павловичъ остается непоколебимъ въ рѣшеніи отказаться отъ престола и выговариваетъ тѣмъ изъ окружающихъ, которые обращаются къ нему съ титуломъ „ваше величество.“ Съ другой стороны, Николай Павловичъ присягаетъ императору Константину; затѣмъ чины и народъ въ Петербургѣ, и потомъ во всей Россіи, принимаютъ ту же присягу. Это положеніе дѣлъ еще болѣе поддерживаетъ взволнованное настроеніе въ массахъ, еще болѣе

¹⁾ Корфъ, Восшествіе на престолъ Николая I, стр. 54.

затрудняетъ положеніе правительства въ отношеніи къ заговору. Заговоръ и цѣли его въ это время уже раскрыты правительству. Офицеръ Шервудъ донесъ имп. Александру въ послѣдніе дни его жизни о планахъ заговорщиковъ. Награда деньгами (50,000 р.), домъ, прозваніе „Вѣрнаго“ въ прибавленіе къ фамилии, званіе русскаго потомственнаго дворянина — всѣ эти награды Шервуду, за его сообщеніе, еще не представляютъ доказательства, что въ общихъ чертахъ цѣли заговора не были извѣстны правительству до того времени. Теперь раскрыты были подробности. Импер. Александръ самъ не могъ принять всѣхъ мѣръ противъ заговора. Когда разслѣдовались подробности донесенія Шервуда, Александръ уже два дня лежалъ въ безсознательствѣ на смертномъ одрѣ. Но близъ него былъ въ это время въ Таганрогѣ дѣятельный человѣкъ. Маленькій, кругленькій, часто вскипавшій гнѣвомъ — фельдмаршалъ-самоваръ, какъ его называли послѣ — Дибичъ выказался тутъ энергическимъ генералъ-адъютантомъ. На собственной отвѣтственности онъ принялъ важныя мѣры противъ заговорщиковъ ¹⁾. Главною изъ нихъ было арестованіе Пестеля, стоявшаго съ своимъ полкомъ въ Малороссіи; арестъ послѣдовалъ 14 декабря и, безъ сомнѣнія, этой мѣрѣ правительство обязано тѣмъ, что заговоръ въ арміи, стоявшей внутри Россіи, привелъ только къ схваткѣ 4 января 1826 года между 6 ротами Черниговскаго полка — предводителями Муравьевымъ - Апостоломъ и Бестужевымъ - Рюминымъ — на пути изъ Василькова въ Кіевъ — съ отрядомъ генерала Рота, и не имѣлъ никакихъ болѣе серьезныхъ послѣдствій. Но въ первое время въ Петербургѣ о мѣрахъ, принятыхъ Дибичемъ, не знали. Впослѣдствіи императоръ Николай воздалъ ему за нихъ по заслугамъ.

— Простритесь предъ вашимъ братомъ Константиномъ, сдѣлала по-французски Николаю Павловичу мнн. Марія Феодоровна, когда получено было изъ Варшавы извѣстіе, что Константинъ Павловичъ положительно отказывается отъ престола, — онъ достоинъ почтенія и высокъ въ своемъ непоколебимомъ желаніи оставить вамъ престолъ.

¹⁾ Schnitzler, I, 135.

— Прежде чѣмъ мнѣ простереться, какъ вы говорите, маменька, отвѣчалъ также по-французски Николай Павловичъ, — вы, можете быть, будете такъ добры, что объясните мнѣ причину, почему я долженъ сдѣлать это, такъ какъ я не знаю, кто принести большую жертву при подобныхъ обстоятельствахъ — тотъ ли, кто отказывается или кто принимаетъ ¹⁾).

Николай Павловичъ былъ правъ. Онъ принималъ престолъ при обстоятельствахъ въ высшей степени затруднительныхъ. Не существовало сомнѣннй, что новое царствованіе должно было начаться драмою, и какая участь могла выпасть дѣятелямъ въ ней — еще было не рѣшено.

Скоро Николай узналъ еще болѣе трудность роли, выпадавшей на его долю.

Поручая гвардейскихъ егерей, Яковъ Ростовцевъ, написалъ къ новому императору письмо, въ которомъ раскрылъ планы заговорщиковъ и послѣ имѣлъ аудіенцію у Николая Павловича. Ростовцевъ былъ молодой человѣкъ, вращавшійся въ тѣхъ же кружкахъ, гдѣ созрѣлъ заговоръ; онъ не могъ не знать, по крайней мѣрѣ главнаго, о планахъ заговорщиковъ. За два года передъ тѣмъ, Ростовцевъ выступилъ на литературное поприще съ трагедіей „Персей“, если и не имѣвшаю особенно блестящихъ достоинствъ, то все же обличавшею въ авторѣ нѣкоторое дарованіе. Молодой офицеръ-литераторъ, знавшій очень хорошо что происходитъ въ офицерскихъ и литературныхъ кружкахъ, гдѣ преимущественно былъ обдуманъ заговоръ, полагалъ, что совѣсть запрещаетъ ему скрывать отъ правительства планы заговорщиковъ. Но на аудіенціи у императора Николая Ростовцевъ просилъ одней милости: не оказывать ему никакихъ милостей за то, что сдѣлать онъ считалъ своимъ долгомъ. Императоръ исполнилъ его просьбу и до 1835 г. Ростовцевъ оставался въ незначительныхъ офицерскихъ чинахъ.

Сообщеніе Ростовцева произвело волненіе въ рядахъ заговорщиковъ. „Ножны разбиты мы не можемъ долѣе скрывать наши саб-

¹⁾ Корфъ, 74, 75.

ли!“ — былъ ихъ лозунгъ съ этого времени ¹⁾. Они рѣшили торопиться. Но и новый государь принималъ свои мѣры. Должна была послѣдовать присяга ему. „Благословляю и разрешаю“, сказалъ, по преданіямъ Москвы, ея митрополитъ Филаретъ, когда вслѣдъ за одною присягою — Константиину — послѣдовала другая — Николаю Павловичу. Столицы, а за ними и вся Россія, присягнули Николаю. Но критическимъ днемъ въ Петербургѣ былъ — какъ и ожидали — день присяги гвардіи — 14 декабря.

Мы коснемся здѣсь событій этого дня лишь на столько, на сколько они имѣютъ отношеніе къ личности императора Николая.

Тревога царствовала во дворцѣ и въ императорскомъ семействѣ, когда Николай Павловичъ, слыша, что недовольные и присягнувшіе Константиину солдаты собираются на Исакиевской площади, объявилъ, что рѣшился явиться на площади и пасть или явиться обратно во дворецъ императоромъ. Молодой императоръ выказалъ твердость характера еще прежде. Слыша о происходившемъ въ части войска, онъ еще до присяги призвалъ къ себѣ начальствовавшихъ генераловъ и спросилъ ихъ — признаютъ ли они его императоромъ? Утвердительный отвѣтъ со стороны собравшихся не замедлил послѣдовать. Николай отступилъ шагъ назадъ, станъ его выпрямился еще болѣе, голова поднялась высоко. — „Такъ вы отвѣчаете мнѣ съ этой минуты головою за вѣрность вашихъ войскъ!“ сказалъ онъ присутствовавшимъ.

Исторія учитъ, что въ трудныя минуты твердость характера важнѣе массы приверженцевъ. Твердость и энергія молодого императора нашли ему приверженцевъ между тѣми, кто при другихъ обстоятельствахъ могъ оказать сочувствіе заговору.

Въ блестящей парадной военной формѣ, въ одномъ мундирѣ съ лентою черезъ плечо, не смотря на сырой зимній холодъ, стройный, красавецъ собою, молодой императоръ выѣхалъ верхомъ изъ Зимняго дворца на усмиреніе возмущившихся. Толпа солдатъ у памятника Петра I росла прибывающими изъ разныхъ частей города отрядами, но все-таки и послѣ составляла не болѣе десятой

1) Schnitzler, I, 201—202.

доли — по численности — войск, собранныхъ противъ нея. Вѣрные правительству полки, прибывая на площадь, окружали возмутившихся. Полковникъ Засѣ, съ своими солдатами, могъ пробиться сквозъ ряды возмутившихся отъ церкви Исакія до моста — доказательство — какое слабое сопротивленіе представляли возмутившіеся ряды. Тѣмъ не менѣе одинъ отрядъ недовольныхъ проникъ было даже въ Зимній дворецъ. Этотъ отрядъ встрѣтилъ самъ императоръ Николай на площади, не вдалекѣ отъ дворца. — Кѣму присягали вы? спросилъ Николай. — „Константину!“ — былъ отвѣтъ въ рядахъ отряда. — Такъ вамъ туда! — лаконически отвѣчалъ императоръ и указалъ отряду дорогу къ памятнику Петра I.

Площадь отъ дворца до Исакія волновалась народомъ. Императора, ѣхавшаго къ возмутившимся, встрѣтилъ Карамзинъ, исторіографъ, въ то время уже слабѣвшій силами; онъ безъ шляпы бѣжалъ навстрѣчу Николаю, а потомъ пошелъ во дворецъ, гдѣ въ страхъ и въ ожиданіи находились двѣ императрицы — вдовствующая, Марія Федоровна, и молодая, Александра Федоровна. Карамзинъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ трудныхъ минутъ, пережитыхъ матерью и супругою въ то время, когда сынъ и супругъ шелъ навстрѣчу неизвѣстной будущности и когда наследника престола, ребенка, наскоро отвезеннаго изъ Анничкова дворца при вѣсти о возмущеніи, охраняли въ Зимнемъ дворцѣ фяндскіе стрѣлки.

Императоръ ѣхалъ между народомъ, раздавшимся въ стороны съ почтеніемъ. Только когда оказалось, что увѣщанія не дѣйствуютъ на возмутившихся, когда былъ убитъ Милорадовичъ — въ толпѣ началось подозрительное волненіе. Было ясно, что примѣръ упорства со стороны возмутившихся дѣйствуетъ на собравшіяся народныя массы. Когда конногвардейцы, ударивъ въ атаку на неподкованныхъ шипами лошадяхъ по оледенѣлому булыжнику мостовой, были отбиты возмутившимися, на головахъ ихъ, вблизи царя, оставались шапки. Николай видѣлъ впечатлѣніе на народныя массы. „Шапки долой!“ крикнулъ онъ громкимъ голосомъ, и шапки полетѣли съ головъ. Очевидно не съ этой стороны грозила опасность.

Опасность съ другой стороны была тутъ же на лицо. Жизнь

царскаго брата, Михаила Павловича, была спасена лишь благодаря тремъ матросамъ, успѣвшимъ выбить пистолеть изъ руки Бюхельбекера.

Самому Николаю Павловичу также очень вѣроятно грозила опасность. Въ толпѣ народа къ нему пробивался высокій офицеръ съ черною повязкою на головѣ. Это былъ Якубовичъ. Говорили послѣ, что у него былъ скрытъ кинжалъ ¹⁾. Якубовичъ былъ изъ числа тѣхъ участниковъ заговора, которые жаждали крови и были удерживаемы давно только соучастниками болѣе умѣреннаго образа мыслей. Человекъ мысли, а никакъ не „кровоавый“ революціонеръ, Рылѣевъ, какъ есть извѣстіе, на водѣняхъ умолялъ Якубовича не спѣшить съ своими планами, но потомъ грозилъ, если тотъ не покинетъ своихъ царубійственныхъ замысловъ (это было еще при жизни Александра I) убить его или объявить о нихъ правительству ²⁾.—У Якубовича въ день возмущенія былъ планъ направить пьяную чернь ко дворцу,—и опять Рылѣевъ не допустилъ исполненія этого плана ³⁾, а петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, распорядившійся, чтобы 14 декабря вся вода изъ кабаковъ была вылита въ канавы ⁴⁾, предупредилъ самую возможность исполненія подобнаго плана.

Наконецъ раздался роковой залпъ, вызванный окончательнымъ отказомъ взбунтовавшихся смириться. Этотъ залпъ оставался на многое годы памятнымъ въ средѣ царскаго семейства. Императрицы были извѣщены о томъ, что будутъ стрѣлять по возмущившимся и при всемъ томъ, когда грянули пушки въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ дворца, Марія Федоровна упала на колѣни, а у императрицы-супруги, по словамъ Гринна, осталось съ этой минуты на всю жизнь нервное содроганіе въ лицѣ.

Много мѣсяцевъ спустя послѣ этого роковаго дня, герцогъ Веллингтонъ, представитель великобританской королевы при коронаціи импер. Николая, спросилъ разъ въ разговорѣ съ Николаемъ

¹⁾ Schnitzler, I, 238.

²⁾ Ibid, I, 207.

³⁾ Ibid, I, 219—220.

⁴⁾ Schnitzler, 183.

Павловичемъ: что чувствовала молодая императрица въ критическую минуту возмущенія 14 декабря. Славный воинъ по стеченію обстоятельствъ, но не очень проникательный собесѣдникъ въ свѣтскомъ разговорѣ, герцогъ, явившійся въ высшемъ русскомъ обществѣ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ болѣе высокаго и полнаго Александра I, висѣвшемъ складками на его худомъ тѣлѣ, не догадывался, что его вопросъ затрогиваетъ большую струну въ сердцѣ собесѣдника. Императоръ ничего не отвѣчалъ на вопросъ герцога: Тотъ не понялъ этого умншеннаго молчанія и повторилъ свой вопросъ.

— Что чувствовала она, герцогъ, въ эту минуту? сказалъ Николай.— Почти тоже, что вы въ ту минуту, когда Влюхеръ еще не явился къ вамъ на помощь подь Ватерлоо.

Отвѣтъ былъ холоденъ, но герцогъ самъ назвалъ на него.

Возвратимся, однако, къ 14 декабря. Бунтъ былъ подавленъ. Николай явился во дворецъ императоромъ, власти котораго уже ничто не угрожало. Тутъ встрѣтилъ онъ блѣднаго и смущеннаго кн. Трубецкаго, недавняго главу заговора, самаго вліятельнаго члена „Сѣвернаго Общества,“ предполагавшагося диктатора. Чувство, похожее на презрѣніе, мелькнуло въ душѣ импер. Николая, когда этотъ бывшій глава и руководитель заговора каялся и просилъ теперь о пощады жизни. Николай велѣлъ ему сѣсть и написать слѣдующія лаконическія слова женѣ: „я здоровъ и буду здоровъ.“ Этимъ жизнь Трубецкаго была пощажена.

Николай, какъ правитель.

Третій сынъ императора Павла не готовился съ дѣтства къ дѣлу правленія. По установленію о царской фамиліи, изданному императоромъ Павломъ, послѣ Александра Павловича, если бы онъ былъ бездѣтенъ, на престолъ долженъ былъ вступить Константинъ Павловичъ. Въ то время, когда происходило воспитаніе великаго князя Николая Павловича, едва ли кто могъ предвидѣть, что онъ вступитъ на престолъ: у императора Александра могли

еще быть дѣти — и дѣйствительно были послѣ, и у Константина Павловича также могло быть потомство. Если бы предвидѣли въ маленькомъ Николаѣ Павловичѣ будущаго наследника престола, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что постарались бы дать его воспитанію направленію, болѣе соответствовавшему его будущему положенію.

Мысль дать Россіи императора въ лицѣ Николая I мелькнула впервые въ умѣ Александра Павловича, какъ это мы постарались уяснить въ другомъ мѣстѣ, вскорѣ послѣ 1812 года. Нѣсколько времени спустя — въ 1819 г. — Александръ Павловичъ открывается въ этомъ планѣ самому Николаю Павловичу. Въ это время — и даже еще прежде, когда Александръ только впервые остановилъ свой взоръ на второмъ братѣ, какъ на будущемъ наследникѣ — въ великомъ князѣ Николаѣ уже вполне сложился будущій человекъ. Александръ не могъ не знать коротко характера и личности Николая Павловича и есть полное основаніе сказать, что этотъ характеръ и личность повлияли на выборъ Александромъ себѣ наследника. Это необходимо имѣть въ виду и для оцѣнки образа мыслей Александра Павловича въ послѣ-наполеоновскую эпоху.

И такъ въ то время какъ у коринна правленія стоитъ Аракчеевъ — въ будущіе русскіе государи предназначается Николай Павловичъ. Самъ великій князь узнаетъ объ этомъ за 6 лѣтъ до смерти императора-брата. Начинаетъ ли онъ съ этого времени готовиться къ дѣлу правленія? Да, сколько извѣстно. По крайней мѣрѣ онъ съ этого времени въ своемъ уединеніи начинаетъ больше читать. Это могло быть какъ слѣдствіемъ вліянія развитой и образованной подруги жизни, такъ и необходимости подготовиться къ будущему. Тѣмъ не менѣе неудивительнымъ покажется, что бремя правленія не могло для Николая Павловича не быть тяжело. И онъ не стыдится сознаться въ этомъ, онъ хочетъ учиться. Онъ называетъ въ послѣдствіи Банкринна своимъ учителемъ въ дѣлѣ финансовой науки. Онъ оставляетъ въ первое время у дѣлъ совѣтниковъ Александра и не прочь выслушивать отъ нихъ совѣты опыта.

Чтобы понять духъ царствованія Николая I, необходимо при-

нять во вниманіе обстоятельства, при которых онъ вступалъ на престолъ. Вступленіе его на престолъ было запечатлѣно грустною драмою; это не могло не бросить отбѣнка на будущее. Едва молодой императоръ вступаетъ на престолъ, какъ ему предстоитъ принимать крутыя мѣры. Не забудемъ также, что до вступленія императора Николая на престолъ, во главѣ управленія Россією почти 14 лѣтъ стоялъ Аракчеевъ и установились извѣстные порядки. Впрочемъ Аракчеевъ не удерживается при новомъ государѣ. Хотя Николай Павловичъ обнимаетъ упавшаго къ его ногамъ Аракчеева и даже беретъ его разъ съ собою въ саняхъ на парадѣ, но тѣмъ не менѣе Алексѣй Андреевичъ скоро считаетъ нужнымъ для сохраненія здоровья проситься за границу и это дозволеніе ему дается, но не дается другое, когда грузинскій владѣлецъ просилъ разрѣшенія напечатать дружескія письма, написанныя къ нему Александромъ Павловичемъ. Императоръ Николай приблизилъ къ себѣ бывшаго секретаря Аракчеева, Влейнихова, но звѣзда самого графа закатилась съ минуты вступленія новаго государя на престолъ.

Кого же выбираетъ себѣ въ совѣтники новый государь, когда дѣятели аракчеевскаго періода мало по малу сошли со сцены? Уварова, Влудова, Дашкова — прежнихъ арзамасцевъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ дѣятелями аракчеевскихъ временъ и Шишковымъ. Конечно, личность молодого императора скоро подчинила себѣ этихъ совѣтниковъ и они являются лишь исполнителями его воли, но уже важно то, что была минута, когда отрѣшились отъ прошлаго, и признана была потребность въ свѣжихъ силахъ.

Съ воцареніемъ императора Николая водружаются три знамени во внутренней политикѣ: православіе, самодержавіе и народность.

Религія и самодержавіе не могутъ не идти рука объ руку. Религія поддерживаетъ свѣтскую власть; свѣтская власть печется о поддержаніи авторитета религіи. Это старая истина. Такой самодержецъ, какъ императоръ Николай, не могъ не поставить лозунгомъ своего царствованія охраненіе православія.

Нельзя не остановиться на третьемъ основномъ принципѣ новаго правленія — на народности. Императоръ самъ былъ вполне

русскій человѣкъ, по воспитанію и образу жизни; онъ не терпѣлъ рабскаго слѣдованія за всѣмъ иностранцемъ. Личность государя отзывалась на характеръ его правленія. „Вумаги русскому царю должны писаться на русскомъ языкѣ,“ замѣтилъ Николай въ первое время своего царствованія Канкрину, подавшему отчетъ по министерству финансовъ на французскомъ языкѣ ¹⁾. Императоръ не благоволилъ къ поѣздкамъ русскихъ за границу. Когда Чичаговъ представилъ дозволеніе императора Александра жить ему за-границею, во Франціи, Николай Павловичъ вычеркнулъ фамилію его изъ списка членовъ государственнаго совѣта. Въ отвѣтъ на это, Чичаговъ возвратилъ документъ на полученіе пенсін въ 50,000 рублей. Заграничные паспорты выдавались не безъ затрудненія; дворянамъ дозволено было оставаться за-границею не болѣе 5 лѣтъ, а купцамъ не болѣе 3. Конечно не одна охрана народности вызвала эти мѣры.

Исторія Россіи показываетъ, что возвышеніе государства совпало съ пробужденіемъ народнаго самосознанія — при Екатеринѣ II. Только перерожденіе народнаго самосознанія въ самовосхваленіе должно было повести къ паденію государственнаго авторитета и политическимъ ошибкамъ.

Въ дѣлѣ внѣшней политики новому государю оставалось лишь пользоваться плодами, добытыми Россією въ 1812—15 г. Россія заняла въ военномъ отношеніи первое мѣсто между державами европейскаго континента. Императоръ Николай могъ, до извѣстной степени, являться рѣшителемъ судебъ Европы, подобно его брату Александру. Но въ это время западныя державы, и въ особенности Англія, уже зорко сторожатъ за политикою Россіи въ отношеніи къ ея сосѣдямъ.

Начиная войну съ Турцією въ 1828 г., императоръ Николай далъ обѣщаніе въ своемъ манифестѣ не расширять предѣловъ своего государства на счетъ Турціи. Онъ былъ человѣкъ слова, притомъ за исполненіемъ этого слова зорко наблюдали на западѣ, и потому Турція могла не опасаться за цѣлость своихъ владѣній.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1866, стр. 114.

Венкендорфъ предрекалъ скоро конецъ войны, такъ какъ Россія заранѣе объявила, что не жаждетъ завоеваній, слѣдовательно, можно было только взять контрибуцію, но какъ деньги должны были пойти на уплату издержекъ, то собственно и не изъ чего было трудиться ¹⁾. По миру 1829 г. Россія дѣйствительно получила 12 мил. голландскихъ дукатовъ за военныя издержки; Турція обязалась срыть крѣпости на своемъ берегу Дуная и этииъ ограничилась. Въ эту войну императоръ Николай предложилъ офицерамъ иностранныхъ державъ, прибывшимъ въ русскую главную квартиру, слѣдить за ходомъ войны, присоединиться къ дѣйствующимъ отрядамъ, чтобы тамъ быть еще ближе къ событіямъ.

Война съ Персією также кончилась контрибуціею и обязательствомъ для Персіи не имѣть кораблей на Каспійскомъ морѣ. Эту войну началъ Ермоловъ, къ которому за его образъ дѣйствій не благоволилъ Николай Павловичъ... Я посылаю — выразился разъ императоръ, когда рѣчь зашла о Ермоловѣ — генераловъ, а не сатраповъ ²⁾. Иные хотѣли въ нерасположеніи императора къ Ермолову видѣть слѣды прежнихъ личныхъ отношеній. Но есть и другое объясненіе сѣсны Ермолова. Ермоловъ послалъ Паскевича съ однимъ корпусомъ противъ цѣлой арміи Аббаса-Мирзы. Враги Ермолова говорили, что это было сдѣлано съ цѣлью видѣть Паскевича разбитымъ и, такимъ образомъ, погубить выдвигавшагося соперника. Даже не вѣря слѣпо молвъ, нельзя не сознаться, что главнокомандующимъ была сдѣлана важная ошибка и Паскевичъ, сверхъ ожиданія, разбившій персидскую армію, заслуживалъ предпочтенія.

Такимъ образомъ, если иностранныя державы ожидали отъ характера и любви къ военному дѣлу новаго русскаго императора расширенія русскихъ предѣловъ на югѣ, то онѣ ошиблись. Но иначе и быть не могло: за нераздѣльностью Турціи зорко смотрѣла Европа, теперь усвоившая такую же коалиціонную политику въ отношеніи Россіи, какою въ наполеоновское время старались сдер-

¹⁾ Muffling (baron) Narrative of my missions to Constantinople and S. Petersbourg, p. 14.

²⁾ Военный Сборникъ. 1868, II; 148.

живать властолюбивую Францію. Этотъ страхъ предъ „сѣвернымъ колоссомъ“ былъ слѣдствіемъ усиленія военнаго значенія Россіи во времени паденія Наполеона. Что касается Персіи, то персидская кампанія Петра I достаточно показала, что Персію отъ насъ отдѣляютъ такія губительныя по климату мѣстности, пріобрѣтеніе которыхъ, какъ это и было доказано въ царствованіе Анны Ивановны, будетъ причиною гибели десятковъ тысячъ русскихъ солдатъ въ госпиталяхъ.

Кавказъ съ восшествія на престолъ Николая Павловича дѣлается постоянною военною школою для русской арміи, но школою очень дорогою. Императоръ, поднявъ на руки сына Шамиля, тогда маленькаго кадета, и поцѣловавъ его, сказалъ прусскимъ офицерамъ, осматривавшимъ корпусъ, что Шамиль довѣрилъ ему воспитаніе своего сына. Но подвиги отца этого русскаго кадета, на Кавказѣ, обходились очень дорого Россіи. Исчисляють, что Кавказъ въ царствованіе Николая стоилъ Россіи ежегодно 20,000 войска ¹⁾ Расходы на кавказскую войну приводили въ отчаяніе гр. Канкринъ. Самъ видѣвшій нужду въ жизни и чинившій самъ себя саного, когда въ чинѣ надворнаго совѣтника онъ не зналъ гдѣ добыть мѣсто, — Канкринъ, будучи уже графомъ и получая огромный доходъ (впослѣдствіи дошедшій, по словамъ иныхъ, до 400,000 рублей), остался по прежнему экономнымъ по привычкѣ и хотѣлъ ввести тотъ же экономическій элементъ въ русскіе финансы. Онъ достигъ того, что нѣсколько поднялъ цѣну русскаго ассигнаціоннаго рубля, по крайней мѣрѣ не давалъ ей падать. Но деньги выходили, и въ 1841 г. Канкринъ наконецъ рѣшается заявить императору, что если Россія хочетъ сводить приходы съ расходами, то необходимо прекратить на Кавказѣ наступательную войну, уменьшить издержки на царскія поѣздки и сократить составъ арміи на 60,000 человекъ. Что касается издержекъ на поѣздки членовъ царскаго семейства, то имп. Николай, сократившій издержки на дворцовую кухню и погребъ съ 600 рублей на 200 въ день, и самъ понималъ, что надобно держаться экономіи, хотя не

¹⁾ Lee, 209.

зналъ какъ поступить для достиженія этой цѣли въ иныхъ случаяхъ. Извѣстно, напимѣрь, его замѣчаніе на громадномъ счетѣ, подавшемъ ему послѣ ноѣвдки въ Москву трехъ великихъ князей, его дочерей. „ Меня хотять убѣдить, что дочери мои съѣли столько, сколько идетъ на содержаніе полка въ теченіе цѣлаго года“; — написалъ Николай „виновныхъ мы не найдемъ и можетъ быть пострадаютъ честные люди ¹⁾“.

Но замѣчаніе Канкринна о кавказской войнѣ и сокращеніи арміи затронуло за живое императора, видѣвшаго въ Кавказѣ школу для арміи и старавшагося объ умноженіи военныхъ силъ имперіи. Привошла размова между императоромъ и его министромъ финансовъ. Императоръ, не смотря на зимнее время, оставилъ Зимній дворецъ и отправился въ Петергофъ, гдѣ пробылъ три дня. Въ это время, Канкринъ, предполагая опалу, уже переехалъ изъ дома министерства финансовъ въ свой домъ на англійской набережной. Наконецъ императоръ вернулся въ Петербургъ, зоветь въ себя Канкринна, и первыя слова его министру были: „Въ концѣ концовъ вы были правы ²⁾“. Канкринъ остался министромъ.

Если и послѣ военныя издержки не уменьшаются, то этого нельзя отчасти не приписать также личности Канкринна, который въ глазахъ Николая не могъ имѣть безусловнаго авторитета. Въ самомъ дѣлѣ, описанное нами происшествіе относится къ 1841 году, а между тѣмъ только за годъ предъ тѣмъ, въ 1840 году, было другое столкновеніе имѣній государя и его министра, и на тотъ разъ правда была совсѣмъ не на сторонѣ финансиста. Дѣло шло о проведеніи желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою. Николай Павловичъ вовсе не былъ противъ тѣхъ нововведеній, которыя могли содѣйствовать улучшенію сообщеній, промышленности и т. н. Извѣстно напимѣрь, что онъ самъ вѣхался въ первомъ петербургскомъ omnibusъ, чтобы показать, что въ omnibusахъ можетъ ѣздить не одно только простонародье. Николай былъ за проведеніе желѣзной дороги между русскими столицами. Замѣ-

¹⁾ Grimm, II, 278.

²⁾ Histoire de l'empereur Nicolas I, 72. 73.

чательно, что за него былъ изъ министровъ — не забудемъ, что это было въ 1840 г. — только одинъ Клейнмихель. Министръ финансовъ, которому прежде другихъ можно было предвидѣть пользу для Россіи отъ желѣзныхъ дорогъ, оказался первымъ врагомъ ихъ. Онъ прямо говорилъ, что желѣзныя дороги — глупость и что не пройдетъ 20 лѣтъ какъ не будетъ ни одной изъ нихъ. Конечно около того же времени писались къ Россіи сочиненія (напр. брошюра Тарасенко-Отрѣшкова) противъ желѣзныхъ дорогъ, но разница въ томъ, что авторы этихъ сочиненій не управляли русскими финансами. Графъ Канкринъ былъ — или хотѣлъ быть — всѣмъ: медикомъ, архитекторомъ, литераторомъ и финансистомъ, и очень сердился, если доктора находили, что онъ плохой врачъ, если ему давали понять, что его архитектурные планы слабы. А что онъ былъ литераторъ и мыслитель съ очень узкими взглядами — это доказываютъ его сочиненія. Въ области финансовъ онъ былъ только хорошій экономистъ и конечно принесъ этимъ пользу въ то время, когда въ экономіи Россія нуждалась всего болѣе, за что и былъ по царски награжденъ Николаемъ Павловичемъ, одной изъ обычныхъ поговорокъ котораго была: „неблагодарность есть гнуснѣйшій изъ пороковъ.“ Но нельзя не пожалѣть, что въ то время, когда шель столь жизненный для Россіи вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, русскіе финансы не были въ рукахъ человѣка болѣе прозорливаго и чуткаго къ современнымъ улучшеніямъ. По крайней мѣрѣ тогда министръ финансовъ могъ бы взять постройку первой русской желѣзной дороги въ свои руки. Тогда американецъ Уистлеръ можетъ быть не былъ бы предпочтенъ сонскателямъ, предлагавшимъ болѣе выгодныя условія, и дорога не стояла бы русской казнѣ 120 мил. рублей.

Представительное правленіе во Франціи, явившееся слѣдствіемъ революціи 1830 г., не могло казаться въ благопріятномъ свѣтѣ русскому самодержцу. Когда французскій посланникъ объяснялъ Николаю Павловичу, что Тьеръ и Гизо — правая и лѣвая рука короля Луи-Филиппа, императоръ замѣтилъ, что судя по ходу дѣлъ у короля, двѣ лѣвыхъ руки ¹⁾. Въ государствахъ, гдѣ господство-

¹⁾ Golovin, 136—137.

вали порядки, установленные священнымъ союзомъ, началось движеніе противъ Франціи. Въ Пруссіи готовились къ войнѣ съ нею и ожидали помощи отъ Россіи. Дибичъ, въ это время уже Забалканскій, былъ въ Берлинѣ для переговоровъ. Онъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ у короля, когда получено было извѣщеніе о возстаніи въ Варшавѣ.

— Вы слышали, фельдмаршалъ, — спросилъ король во всеуслышанье Дибича, — о возстаніи въ Варшавѣ, гдѣ по вашимъ словамъ находится 100,000 войска, которыя вы намъ обѣщали противъ Франціи ¹⁾.

Извѣстно, что поляки вслѣдъ за возстаніемъ въ Варшавѣ объявили, что въ захваченныхъ ими бумагахъ великаго князя Константина Павловича найдены были несомнѣнные доказательства того, что Россія тогда готовилась къ войнѣ съ Франціею. Нѣтъ никакого сомнѣнія также, что какъ войны, приведшія къ послѣднимъ раздѣламъ Польши, были подготовлены въ Варшавѣ при соучастіи и содѣйствіи Франціи, такъ и возстаніе 1830 г. было въ связи съ событіями во Франціи. Оно было обходомъ во флангъ, чтобы отвлечь союзниковъ отъ наступленія на Францію.

Мы не коснемся здѣсь подробностей польской войны, послѣдовавшей за возстаніемъ польской арміи. Пораженіе генерала Гейсмара Дворницкимъ, причемъ у русскаго генерала было отнято 11 орудій и гроховская битва Дибича, послѣ которой Сепинецкій совѣтовалъ Радавицкиму преслѣдовать русскіхъ, которые однако успѣли окопаться, были достаточны, чтобы затянуть войну. Пока наши нѣмецкіе союзники подтрунивали надъ русскимъ главнокомандующимъ, передѣлывая „Sabalkanski“ въ „so bald kann nicht“ („не можетъ точно также скоро“ — намекъ на турецкую войну въ сравненіе съ польской) — время уходило и пришлось оставить всѣ планы противъ Франціи.

Впослѣдствіи русскій флотъ является на защиту Константинополя. Чтобы понять смыслъ этого событія, необходимо имѣть въ виду, что попытки Египта предписывать условія султану были въ

¹⁾ Bourgoing, 526.

связи съ иностранною интригою и что Гизо и Тьеръ обращали около того времени большое вниманіе на сосѣднюю съ Алжиромъ страну мамелюковъ.

Когда прахъ Наполеона I былъ перенесенъ съ острова Елены во Францію, имп. Николай предложилъ французскому правительству глыбу лучшаго порфира на гробницу императора, обожаніе памяти которой было однимъ изъ орудій противъ Орлеанской династіи въ рукахъ ея противниковъ. Николай I былъ со своей стороны также высокаго мнѣнія о Наполеонѣ. Предложеніе было принято съ благодарностію ¹⁾.

Наступилъ памятный 1848 годъ. Россія усмирила вызванную событіями ея венгерскую революцію. Венгерскіе патриоты рѣшили, что не масса русскихъ силъ подавила ихъ, а въ то время, какъ все благопріятствовало венгерской арміи, русскія деньги дали другой оборотъ дѣлу. Герги называли мнѣшникомъ, и что отъ обвиненія его не отказались впоследствии видно изъ того недоброжелательства, съ какимъ онъ встрѣченъ былъ въ венгерской палатѣ депутатовъ послѣ всеобщей амнистіи, послѣдовавшей за коренными реформами въ Австріи въ управленіе Бейста. Австрія поступила однако въ отношеніи Россіи въ 1849 г. очень неблаговѣдно. Паскевичу дано было обѣщаніе пощадить живыхъ венгерскихъ генераловъ, командовавшихъ инсургентами. Этого слова не сдержали и генералы были казнены. Говорятъ, что Паскевичъ съ этого времени не могъ слышать имени ген. Гайнау и называлъ его убійцею ²⁾. Упоминаютъ также о словахъ, сказанныхъ имп. Николаемъ въ Варшавѣ, у памятника Собѣскаго: „Собѣскій и я, мы оба были простаки—мы помогали Австріи, чтобы затѣмъ видѣть ея неблагодарность.“

Впрочемъ не одно желаніе помочь Австріи и подавить революцію въ сосѣдней державѣ руководило русскою политикою, когда рѣшено было, что Паскевичъ вступить въ Венгрію—и это надобно помнить говоря о неблагодарности Австріи. Въ венгерской равно-

¹⁾ Rolland, 251.

²⁾ Gallet, 156.

люціонной арміи насчитывали до 20,000 поляков¹⁾. Есть основаніе полагать, что въ польскихъ областяхъ могло обнаружиться сочувственное Венгріи движеніе. По крайней мѣрѣ потребовалось дѣятельное вниманіе Адама Чарторійскаго, чтобы воспрепятствовать этому движенію. Чарторійскій полагалъ, что поляки должны были до времени ждать. Онъ опасался, что движеніе въ польскомъ населеніи въ пользу Венгріи принесетъ, при началѣ русской кампаніи въ Венгрію, больше вреда, чѣмъ пользы польско-венгерскому дѣлу. По его мнѣнію, въ русскомъ войскѣ былъ зародышъ неудовольствія, который тотчасъ же исчезъ бы, какъ скоро сторону Венгріи открыто приняли бы поляки и, такимъ образомъ, война для русской арміи и русскаго народа приобрѣла бы національный характеръ. Чарторійскій предлагалъ взамѣнъ того устроить диверсію со стороны поляковъ на Кавказѣ²⁾. Онъ говорилъ, что какъ въ польское возстаніе 1830 г. литовскіе офицеры посланы были въ кавказскую армію, такъ и теперь офицеровъ польскаго происхожденія русское правительство не пошлетъ въ Венгрію, а отправитъ на Кавказъ. Такимъ образомъ диверсія поляковъ на Кавказѣ, какъ она была задумана Чарторійскимъ, имѣла цѣлію склоненіе полковъ въ русской службѣ на сторону инсurreкціи. Если Чарторійскій имѣлъ планъ послать большую военную польскую экспедицію въ помощь черкесамъ, то исполнить подобный планъ при нейтралитетѣ Турціи и господствѣ русскаго флота на Черномъ морѣ едва ли было возможно. Впрочемъ, въ 1848 г. число русскихъ войскъ на Кавказѣ было удвоено.

Если, говоря о неудовольствіи въ средѣ русскихъ, Чарторійскій намекалъ на заговоръ Петрашевскаго, то онъ едва ли зналъ хорошо что происходило въ Россіи. Только страхъ предъ европейскою революціею могъ придать значеніе этому заговору. Изъ 300 арестованныхъ по поводу его, только 20 могли быть удержаны подъ арестомъ (тит. совѣт. и чиновникъ министерства финансовъ Петрашевскій, гвардіи кап. Львовъ, колл. асс. Дуровъ и др.). Остальныхъ скоро выпустили.

¹⁾ Beaumont-Vassy, 143.

²⁾ Ibid, 143, 144.

Какъ бы то ни было, но 1848 годъ отозвался во многомъ на судьбѣ Россіи, и между прочимъ оставилъ планы относительно освобожденія крестьянъ.

Уже въ 1827 г. было ограничено право помѣщиковъсылать ихъ крестьянъ въ Сибирь на поселеніе. Въ 1837 г. гр. Воронскій, во главѣ депутаціи отъ тверскаго дворянства, просилъ императора Николая объ освобожденіи крестьянъ. Другой разъ, когда казною были куплены крестьяне въ Вологодской губерніи, депутація отъ крестьянскихъ общинъ просила государя о покупкѣ въ казну другихъ помѣщичьихъ имѣній. Николай Павловичъ отвѣчалъ на эту просьбу, что если бы покупать всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ казну, то надобно было бы купить всю Россію, но что онъ однако желаетъ видѣть крестьянъ свободными и употребить всѣ усилія, чтобы сдѣлать ихъ такими ¹⁾. Въ 1846 г. гр. Киселевъ, какъ утверждаютъ, уже выработывалъ проектъ освобожденія крестьянъ. Но 1848 годъ остановилъ эту работу.

Съ исторической точки зрѣнія замѣчательно, что въ 1848 г. видѣли въ освобожденіи крестьянъ удовлетвореніе социалистическимъ стремленіямъ, тогда какъ то же освобожденіе въ послѣдующее царствованіе, ссрънивъ связь между властью и народомъ, содѣйствовало лишь къ большому упроченію авторитета правительства.

Въ то время, когда въ Россіи многіе были убѣждены, что сильнѣе Россіи нѣтъ державы на свѣтѣ, на западѣ Европы подготавлился Россіи ударъ. Началась восточная война. Она, раскрывъ многое, чего не предполагали до тѣхъ поръ, разсѣяла миражъ, вызванный 30 лѣтнею тишиною и когда онъ исчезъ, — колосса, по манію котораго выступали эти волшебныя тѣни, пугавшія Европу, уже не было въ живыхъ.

Личность нии. Николая.

Высокій ростомъ, статный, стройный, съ лицомъ, остававшимся мужественною красотою, съ гордою осанкою отъ природы—нип

1) Christmas, 96.

Николай поражалъ своею наружностью съ перваго раза. „Что за глаза! Во всю жизнь свою моряка не видалъ я подобныхъ глазъ!“ замѣтилъ одинъ шведскій адмиралъ, когда Николай, выйдя на берегъ въ Стокгольмѣ, устремилъ на адмирала проницательный взоръ ¹⁾). Холодная проницательность этого взора способна была оковать инныя натуры и заставить ихъ растеряться. Особенно этотъ наружный видъ императора, съ тою дозою увѣренности и самообладанія, которую не могло не придавать сознаніе сана самодержца, долженъ былъ дѣйствовать на массы. Вспомните Сѣнную площадь въ Петербургѣ, въ 1830 г. Въ народѣ смятеніе: толпа негодуя на докторовъ и приписывая имъ появленіе холеры, врывается въ госпитали и выбрасываетъ изъ нихъ кровати; достается и докторамъ. Городское начальство уже думаетъ прибѣгнуть къ военной силѣ. Но вотъ на Сѣнной площади является самъ Николай Павловичъ. Онъ взволнованъ; взоръ его пылаетъ огнемъ. Онъ поднимается въ остановившейся среди народныхъ волнъ коляскѣ и слышится его громкая рѣчь среди стихшихъ движенія и голосовъ. Рѣчь его звучитъ негодованіемъ. „Кто вы, поляки, или французы? — разносится въ народѣ: — Поляки уюрили моего любезнѣйшаго брата, и вы хотите сдѣлать тоже со мною ²⁾? На колѣни!“

И масса, движимая магическимъ железомъ впечатлѣнія, давившая къ землѣ этимъ желѣзнымъ тискомъ увѣренности въ силѣ, подчиняется повелѣвающему голосу и падаетъ на колѣни...

Мы видѣли какое самообладаніе выказалъ имп. Николай на Исакиевской площади 14 декабря. Это самообладаніе, соединенное съ находчивостью, склонностью къ драматизму и настойчивостью характера выразалось и во второстепенныхъ моментахъ жизни. Въ Зимнемъ дворцѣ пожаръ. Солдаты выносятъ вещи изъ горящаго зданія. Одно огромное трюмо не поддается усиліямъ дюжихъ гвардейцевъ. Они употребляютъ всѣ усилія отвинтить его отъ стѣны, но напрасно. Между тѣмъ огонь распространяется и грозитъ опас-

1) Rolland, 168.

2) Чтенія, 1866, III, смѣсь 257.

ностью спасающимъ царское имущество. Николай требуетъ, чтобы солдаты не подвергали себя опасности и оставили на произволь судьбы неподатливое трюмо. Но настойчивость подзадорная тщетностью усилій, не слушается скоро. Солдаты продолжаютъ свое дѣло. Что же дѣлаетъ хозяинъ дворца, Николай Павловичъ? Видя, что солдаты не отстаютъ отъ трюмо, онъ внимаетъ биннокль (дѣло было вечеромъ, — о пожарѣ Николаю Павловичу дали знать въ театрѣ) и бросаетъ имъ въ трюмо. Когда дорогое стекло распылалось въ дребезги, гренадеры должны были отстать отъ него.

Николай Павловичъ казался въ 1827 году, послѣ первыхъ пережитыхъ имъ мѣсяцевъ правленія нѣсколько худощавымъ и блѣднымъ. Впослѣдствіи онъ пополнилъ и оттого осанка его еще болѣе выиграла. Находили, что въ особености къ нему шелъ казакскій мундиръ. Военная одежда — была единственная, какую носилъ императоръ. Только за границею партикулярное платье надѣвалось имъ. Такъ въ Римѣ, послѣ того какъ онъ сдѣлалъ визитъ папѣ въ блестящемъ конногвардейскомъ мундирѣ, его видѣли входящимъ въ церковь св. Петра въ застегнутомъ на всѣ пуговицы до-верху коричневомъ пальто, безъ воротничковъ ¹⁾, но каждый посторонній, и не зная кто былъ этотъ высокій мужчина, въ размысленіи остановившійся предъ чертою на полу главнаго римскаго собора, показывавшею на сколько меньше этого собора петербургскій Исакиевскій — могъ бы замѣтить, что незнакомцу было какъ-то неловко въ этомъ пуританско-штатскомъ нарядѣ. Дома, въ Россіи, военная шпигель замѣняла Николаю Павловичу даже халатъ. Постоянное перетягиванье корпуса, при строгомъ соблюденіи военныхъ формальностей, должно было, по замѣчанію иностранныхъ врачей, повредить здоровью Николая. Есть даже извѣстіе, что англійскій врачъ Гренвилль, на основаніи однихъ физиологическихъ данныхъ вѣрно предсказалъ время смерти императора ²⁾.

¹⁾ Рамазановъ, Матеріалы для ист. худож. въ Россіи, 126 — 127.

²⁾ HARRISON, 269—274.

— Петербургъ — рускій городъ, но еще не Россія, сказалъ императоръ Николай французскому путешественнику Кюстону, — вамъ нужно видѣть Москву и Нижній.

И Николай имѣлъ возможность видѣть Россію. Онъ любилъ поѣздки, дальнія, быстрыя, такъ чтобы духъ захватывало. Извѣстно, что эта страсть ѣздить скоро имѣла разъ слѣдствіемъ паденіе изъ экипажа и переломъ ключицы съ леченіемъ въ гор. Чембарѣ.

Получивъ въ дѣтствѣ военное воспитаніе Николай въ теченіе всей жизни любилъ военное дѣло. Въ Аничковомъ дворцѣ у него, еще великаго князя, были развѣшаны по стѣнамъ рисунки, представлявшіе мундиры всѣхъ полковъ русской арміи. Впослѣдствіи для него, уже императора, сдѣлали фарфоровый обѣденный сервизъ съ рисунками, представлявшими обмундировку русскихъ войскъ. Императоръ оказывалъ расположеніе къ художествамъ. Правда, онъ замѣтилъ Сенявину, что въ одной имперіи не можетъ быть двухъ академій художествъ, что другое заведеніе надобно назвать школою, и когда Сенявинъ замѣтилъ, что впослѣдствіи будетъ мало двухъ академій, то императоръ прибавилъ: впослѣдствіи можетъ быть, но не теперь; теперь довольно училища ¹⁾). Тѣмъ не менѣе онъ былъ цѣнитель работъ замѣчательныхъ художниковъ, посѣщалъ ихъ кабинеты въ Петербургѣ и Римѣ, и припомнимъ сколько хлопотъ дала любимая картина Доминиканъ во время пожара Зимняго дворца, пока ее не нашли во второй кучѣ вынесенныхъ изъ дворца на площадь вещей. Но и между произведеніями художниковъ особенное вниманіе императора останавливали на себѣ картины изъ военнаго быта. Извѣстному французскому военному живописцу, Орасу Верне, Николай послалъ въ Парижъ рысакъ, сани и кучера въ подарокъ.

Николай Павловичъ съ удовольствіемъ читалъ Илиаду Гомера, въ переводѣ Гнѣдича и разъ такъ зачитался ею, что опоздалъ на придворный балъ ²⁾), что какъ извѣстно, подало поводъ Пуш-

¹⁾ Рамазановъ, 37.

²⁾ Русскій Архивъ, 1866, стр. 1732.

кну обратиться къ императору со стихами, въ которыхъ онъ сравнивая гостей, собравшихся на балъ, съ шумною и веселою толпою израильтянъ у подножія Синая, видитъ въ Николаѣ подобіе того, кто задумчивый и погруженный въ себя несетъ этой жаждавшей оргіи толпѣ важныя и торжественныя скрижали завѣта.

Таковъ былъ теперь въ своихъ сравненіяхъ авторъ рукописныхъ стиховъ при Александрѣ I.

Николай Павловичъ любилъ театръ, но надобно признаться, что русская сцена едва ли могла представить любителю въ его время то же что иностранныя. Такъ напр. изъ оперы Эрнани нервныя четыре акта не могли пройти на русской сценѣ, вслѣдствіе цензурныхъ условій, и артисты должны были выходить прямо въ 5-мъ дѣйствіи, въ роляхъ въ высшей степени трагическихъ, безъ подготовки, тогда какъ чувство даже въ артистѣ требуетъ постепеннаго развитія. Естественно, артистическія таланты не могли всегда выказаться при подобныхъ условіяхъ. Впрочемъ, на театрѣ не шадли средствъ и богатое жалованье привлекало въ Петербургъ—эту Грецію и Италію безъ ирамора и солнца, по выраженію Кюстена; въ этотъ самый великолѣпный и самый скучный городъ въ Европѣ, по замѣчанію Веллингтона — лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ Европы.

Жизнь императора Николая дома, въ семейномъ кругу, отзывалась тою простотою, примѣръ которой могъ подать ему старшій братъ, Александръ Павловичъ. Николай Павловичъ спалъ на простомъ матрацѣ, набитомъ волосомъ, и вставалъ иногда до-свѣта. Военная шинель, вмѣсто халата, доказывала нерасположеніе къ нѣгѣ. Обѣдъ императора былъ простъ, онъ состоялъ лишь изъ нѣсколькихъ блюдъ, нерѣдко коренныхъ русскихъ. Императоръ обѣдалъ съ аппетитомъ и оканчивалъ обѣдъ очень скоро; пилъ очень мало. Онъ совершенно не курилъ и не любилъ, чтобы курили окружавшіе его. Вечеромъ выпивались имъ 2 — 3 стакана крѣпкаго чая. Въ распредѣленіи времени онъ былъ очень акуратенъ. Всѣ часы дня были у него расчитаны.

Когда въ пожарѣ Зимняго дворца въ 1837 г. спасали вещи изъ императорскаго кабинета, въ немъ не оказалось государственныхъ бумагъ: дѣла вершились Николаемъ Павловичемъ изо дня

въ день ¹⁾ и не оставались въ кабинетѣ. Императоръ имѣлъ обыкновеніе писать карандашемъ, даже подписывать имъ свое имя на указахъ. Дакъ, наводимый послѣ на подпись, увѣковѣчивалъ ее. Всѣ бумаги, найденныя въ кабинетѣ Николая Павловича при пожарѣ 1837 г., заключались въ трехъ дорогихъ сердцу его, по его выраженію, портфеляхъ.

Общественное мнѣніе много значило для него. Въ частной жизни онъ хотѣлъ быть тѣмъ, по словамъ англичанъ, что выражается въ англійскомъ словѣ: „джентльменъ.“ Какъ общественный дѣятель, онъ какъ бы постоянно видѣлъ обращенные на него взоры всѣхъ. Онъ хотѣлъ знать все что пишутъ о немъ за-границею. Поэтому въ немъ отчасти нужно видѣть главную причину послѣдующаго собранія въ петербургской публичной библиотекѣ богатаго запаса иностранныхъ сочиненій о Россіи, составившаго отдѣлъ „Rossica.“ У самого императора было въ частной библиотекѣ до 100 книгъ и 20 альбомовъ съ вырѣзками изъ иностранныхъ книгъ и журналовъ. Николай Павловичъ читалъ „Сѣверную Пчелу“ и МЖ этой газеты съ собственноручными помѣтками его на поляхъ до сихъ поръ хранятся въ Эрмитажѣ.

Наружный видъ императора Николая, безспорно, производилъ впечатлѣніе на массы. Сильная натура всегда подчиняетъ себѣ болѣе слабыя. Трансвиверинецъ въ Римѣ, воскликнувшій въ избыткѣ восторга при видѣ Николая въ полной конногвардейской формѣ ѣхавшаго къ папѣ: „какъ жаль, что ты не государемъ у насъ!“ безъ сомнѣнія, искренно высказалъ свои чувства, такъ же искренно какъ и тотъ мужичекъ, который, кинувъ на колѣни ѣхавшему на дрожжахъ императору Николаю Павловичу 25,000 рублей на отстройку сгорѣвшаго Зимняго дворца (гр. Враницкій предлагалъ на тотъ же предметъ миліонъ рублей), скрылся прежде, чѣмъ успѣли осмотрѣться. Но съ другой стороны этотъ холодный, подчиняющій взоръ, властвовавшій надъ окружающими, былъ причиною того, что императору высказывалось открыто и прямо лицами, бывшими около него, не все что можетъ быть онъ самъ же-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1865, стр. 1091.

лалъ бы слышать. Это надобно имѣть въ виду, чтобы понять на-
примѣръ одно выраженіе изъ извѣстнаго письма Ростовцева къ
имп. Николаю, прочитаннаго императоромъ въ первый день его
царствованія и по прочтеніи котораго Николай обнялъ и нѣ-
сколько разъ поцѣловалъ Ростовцева, а послѣ даже настоялъ бы
на переѣздѣ его въ Зимній дворецъ, если бы Ростовцевъ подло-
жительно не отказался отъ всего, похожаго на награду: „люди,
вась окружающіе, въ минуту рѣшительную не имѣютъ довольно
смѣлости быть откровенными съ вами“—писалъ Ростовцевъ ¹⁾.
Людей, которые могли быть откровенными въ присутствіи такой
личности какъ Николай и послѣ вокругъ него было немного.
Этимъ объясняются такіе случаи, какъ напр. бывший въ Кіевѣ:
Государь посѣтилъ университетъ и когда подѣхалъ его экипажъ,
больные въ университетской больницѣ, движимые любопытствомъ,
частью повскакали съ своихъ постелей къ окнамъ. Но Николай
Павловичъ вошелъ такъ быстро въ больницу, что больные успѣли
только лечь на какую постель кто попалъ, такъ что не малая
часть лежала не на своихъ постеляхъ. Вышла, конечно, дутаница.
Больные, при вопросахъ, объявили одну болѣзнь, между тѣмъ какъ
вверху на постельной доскѣ была написана другая. Въ резуль-
татѣ была смѣна доктора и никто изъ окружавшихъ не осмѣлил-
ся сказать императору, что все произошло вслѣдствіе забавнаго
казуса и докторъ не былъ виноватъ ни въ чемъ.

Если отъ мелкихъ случаевъ перейти къ крупнымъ, то такой
порядокъ вещей долженъ былъ отзываться на судьбахъ государ-
ства и, безъ сомнѣнія, то положеніе, въ которомъ восточная война
застала Россію, было во многихъ отношеніяхъ слѣдствіемъ этого
отсутствія откровенности между государемъ и окружавшими его.
Одному человѣку невозможно охватить взоромъ всю Россію. Ему
нужны помощники, которые бы всегда могли сказать ему слово
правды.

1) Корфъ, 98—99.

Императоръ Николай въ отношеніи къ окружающимъ.

Въ Николаѣ Павловичѣ было два человѣка: одинъ — императоръ, другой — семьянинъ и частный человѣкъ.

Императоръ гордо глядѣлъ въ глаза Европѣ и на русскихъ смотрѣлъ какъ на преданныхъ подданныхъ и дѣтей своихъ. Блескъ и пышность должны были окружать престолъ русскаго императора. Въ его время русскій дворъ дѣйствительно считался первымъ въ Европѣ по пышности. При императорскихъ приѣмахъ собиралось въ комнатахъ Зимняго дворца до 1000 человѣкъ въ военныхъ мундирахъ. Придворный штатъ, доходившій въ началѣ нынѣшняго столѣтія до 3858 служащихъ лицъ, но въ царствованіе Александра I поуменьшившійся въ составѣ, теперь опять увеличился. Въ 1836 г. при русскомъ дворѣ насчитывали 166 камергеровъ и до 2000 камеръ-юнкеровъ, не считая прочихъ лицъ двора. Въ комнатахъ Зимняго дворца жило до 1000 человѣкъ — внизу кухонная прислуга, во второмъ этажѣ — члены царскаго семейства и фрейлины и въ 3 этажѣ — чиновники дворца. Блескъ мундировъ, богатство обстановки; бѣлый шелкъ, малиновый бархатъ и великолѣпныя тиары-вакошники придворнаго русскаго дамскаго наряда — все это сильно дѣйствовало на иностранцевъ, посѣщавшихъ дворъ. Но едва ли эти блестящіе приемы было той сферой, въ которой чувствовалъ себя всего вольнѣе императоръ Николай. По крайней мѣрѣ замѣчали, что онъ очень мало разговаривалъ съ иностранными посланниками на приѣмахъ во дворцѣ и предоставлялъ это супругѣ-императрицѣ.

Императоръ любилъ уединяться въ семейномъ кругу. „Ma chère, nos beaux jours sont passés,“ сказалъ онъ Александрѣ Федоровнѣ, покидая съ нею Аничковъ дворецъ, чтобъ начать царствовать ¹⁾. Въ этихъ словахъ выразилась привязанность къ той ти-

¹⁾ Schnitzler, I, 200.

хой и почти уединенной жизни, какую велъ Николай великий князь. Эта жизнь въ обществѣ подруги жизни, благотворно влѣвавшей на твердую, энергическую природу супруга; военныя занятія, по любви къ нимъ и по долгу службы, семейныя заботы, иногда часы, проведенныя за книгами, вечеромъ лото (любимая игра императрицы Александры Федоровны), или театръ — все это было протѣнено на блескъ и этикетъ двора; но Николай и послѣ остался семьяниномъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова. Постоянно другъ слабой здоровьемъ супруги, онъ послѣ печется о внукахъ своихъ, — дѣтяхъ великой княгини Маріи Николаевны съ заботливостью опекуна. Когда поднятъ былъ вопросъ о бракосочетаніи великой княгини Ольги Николаевны съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Стефаномъ и на этотъ бракъ съ католикомъ нужно было получить разрѣшеніе папы, Николай Павловичъ не задумался отправиться въ Римъ, лично поговорить съ папою, не смотря на постоянно, и естественно, нѣсколько холодныя отношенія православной Россіи къ папскому престолу. Въ супругѣ великаго князя Михаила Павловича, Еленѣ Павловнѣ, императоръ Николай нерѣдко имѣлъ совѣтницу въ дѣлахъ. Что касается отношеній императора къ старшему брату Константину Павловичу — ихъ всего лучше обрисовала сцена въ Москвѣ на коронаціи. Подъ звонъ колоколовъ Ивана Великаго, подобранныхъ одинъ къ другому, по выраженію графа Влудова, какъ трубы органа, и подъ звуки гинна „God save the King“ (тогда еще не было гинна „Боже царя храни,“ послѣ написаннаго Львовичемъ — Влудовъ перевелъ англійскія слова русскими: „Боже царя спаси,“ ¹⁾), — войска, привѣтствовавшія императора и его брата, по знаку, данному Николаемъ, закричали „ура, Константинъ!“ — „Ура, императоръ Николай!“ крикнулъ въ свою очередь Константинъ, поцѣлованный, какъ известно, руку своего брата-императора и преклонившій при торжествѣ коронаціи предъ нимъ колѣно. Съ Михаиломъ Павловичемъ, бывшимъ болѣе сверстникомъ ему по лѣтамъ и воспитанію, Николай Павловичъ былъ на дружеской ногѣ.

¹⁾ Письмо Влудова, въ Русскомъ Архивѣ, 1867 стр. 1046—1048.

Есть люди, которые бросают всё въ глаза свои свѣтскія слабости и развлеченія. На это была даже мода въ прошлой столѣтїи. Николай Павловичъ не принадлежалъ къ числу подобныхъ личностей. „Сатира жажущая ноцѣлу“ нельзя было поставить въ его комнату. Фанни Эльслеръ, принятая весьма любезно въ Петербургѣ, въ Римѣ не могла получить дозволенія представиться императору Николаю. Императоръ старался во всёхъ случаяхъ, гдѣ можно, показывать свое уваженіе къ семейнымъ привязанностямъ. Разъ онъ входитъ въ караульную и застаётъ караульнаго офицера спящимъ. Предъ офицеромъ листовъ бумаги, онъ, видно, какъ сидѣлъ за нисѣмомъ, такъ утомленный и заснулъ. Николай заглядываетъ въ листовъ и видитъ, что это счетъ. Изъ счета ясно, что молодой человѣкъ промотался, много долженъ, но пробѣгая далѣе счетъ, императоръ видитъ, что въ итогъ счета введенъ и пенсіонъ, который молодой человѣкъ давалъ отъ себя старушкѣ матери. Императоръ, не разбудивъ офицера, оставляетъ 4000 рублей ему на уплату долговъ—за пенсіонъ матери—и уходитъ.

Какъ императоръ, Николай любилъ дѣлать все по царски, на широкую ногу. При коронаціи его, въ Москвѣ, населеніе которой на это время удвоилось, столы для народнаго угощенія были разставлены на Дѣвичьемъ Полѣ на три версты и пироги возли въ день праздника на носгахъ, саженьми—по выраженію Пушкина—какъ дрова. Николай императоръ любилъ строить великолѣпныя зданія. „Вотъ такой бы соборъ построить у насъ“, — говорилъ онъ, осматривая церковь св. Петра въ Римѣ.

Дома, въ своей семьѣ, Николай, по видимому, вспоминалъ какъ проводилъ дни бывъ великимъ княземъ и былъ болѣе экономъ, чѣмъ щедръ, болѣе простъ, чѣмъ пышенъ.

Что касается отношеній императора Николая къ окружавшимъ, то выдѣляя царскую семью, о которой мы уже говорили, нужно отличать Николая въ обращеніи съ иностранцами отъ русскаго императора въ обращеніи съ собственными подданными.

— Это дѣло семейное, — говорилъ императоръ Николай, при усмиреніи мятежа 14 декабря—Европѣ нечего мѣшаться въ него.

Этотъ отвѣтъ, данный иностраннымъ посланникамъ, просившимъ

сопровождать его, показавъ Европѣ характеръ государя, вшедшаго на престолъ, но онъ не означалъ еще, что новому царю все равно какъ будетъ смотрѣть на дѣйствія его Европа. Екатерина II и Павелъ I имѣли своихъ корреспондентовъ въ Европѣ; при императорѣ Александрѣ I издавалась въ Петербургѣ французская газета, чтобъ сообщать Европѣ о происходившемъ въ Россіи. И императоръ Николай, какъ мы видѣли, не былъ чуждъ желанія знать что говорятъ и пишутъ о немъ на западѣ. Извѣстные европейскіе турнеты принимаются въ Петербургѣ благосклонно. Императоръ принималъ иностранцевъ и бесѣдовалъ съ ними иногда охотно, и болѣе терпѣливо, чѣмъ, по видимому, можно было бы предполагать. Во многихъ случаяхъ иностранцы могли отозваться о немъ, какъ о любезномъ человѣкѣ.

Разъ Николай, совершая свою обычную прогулку пѣшкомъ, видитъ, что одинъ господинъ, выйдя изъ сабѣ, продолжаетъ курить на улицѣ. Тогда въ Россіи курить на улицахъ, какъ и въ Пруссіи, было запрещено. Николай подходит и вѣжливо замѣчаетъ незнакомцу, въ которомъ сразу отличаетъ пріѣзжаго француза, что въ Петербургѣ не дозволяется курить на улицахъ. Французъ тотчасъ же готовъ бросить сигару и благодарить своего спутника, въ которомъ онъ видитъ обыкновеннаго прохожаго, за предостереженіе. Но спутникъ проситъ его продолжать курить, такъ какъ ему, иностранцу, извинительно и не знать постановленій страны. Николай и французъ продолжаютъ идти вѣстѣ по Большой Морской и наконецъ останавливаются предъ однимъ магазиномъ эстамповъ, въ которомъ выставленъ большой портретъ императора Николая. Французъ смотритъ на портретъ и затѣмъ невольно вглядывается въ своего спутника. Портретъ точно живой предъ нимъ! Наконецъ сомнѣнія нѣтъ больше и сконфуженный иностранецъ извиняется предъ императоромъ...

Въ другой разъ французъ, артистъ петербургскаго театра, просилъ императора Николая при встрѣчахъ на улицѣ не говорить больше съ нимъ. Эта курьезная просьба была слѣдствіемъ слѣдующаго казуса съ бѣднымъ французомъ. Императоръ, встрѣтивъ артиста на улицѣ, остановилъ его и сталъ съ нимъ разговаривать. Въ то время, какъ этикетъ во дворцѣ предписывалъ, чтобы никто

не обращался къ царской фамилии, а можно было только отвѣчать на вопросы, такъ и на улицѣ полиція смотрѣла, чтобъ никто не обращался къ государю при его прогулкахъ. Полицейскіе, видя француза-артиста въ разговорѣ съ государемъ, предположили, что французъ обращался съ просьбою и, едва императоръ и собесѣдникъ его разстались, какъ послѣдній былъ арестованъ. Въ тотъ же вечеръ во французскомъ театрѣ шло представленіе, на которое пріѣхалъ и Николай Павловичъ. Ждутъ поднятія занавѣса, но представленіе не начинается. Оказывается, что нѣтъ одного артиста, безъ котораго не можетъ идти пьеса — того самого, который утромъ бесѣдовалъ съ императоромъ. Николай Павловичъ, узнавъ въ чемъ дѣло, улыбнулся и, угадавъ гдѣ долженъ быть отсутствовавшій, послалъ за нимъ и его выпустили изъ подъ ареста. Находившійся въ русской службѣ и сдѣланный Магницкимъ профессоромъ французскаго и греческаго языковъ въ казанскомъ университетѣ, французъ Жюбаръ, — впрочемъ протѣгѣ императрицы-матери когда онъ былъ учителемъ въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ — шесть разъ подавалъ просьбы императору Николаю и только послѣ этого его выслали съ жандармомъ за границу, когда уже не помогли никакія шѣры, ни даже освидѣтельствованіе въ умственныхъ способностяхъ черезъ полицію.

Николай Павловичъ чувствовалъ особенное расположеніе къ Соединеннымъ Штатамъ. Фрегатъ „Ванчатка“, построенный въ Америкѣ, былъ любимымъ судномъ его. Императоръ хотѣлъ, чтобы постройка Николаевской желѣзной дороги непременно была отдана американцамъ, хотя она должна была черезъ то обойтись дороже, уже благодаря трудности и дороговизнѣ сообщеній съ Америкою. Довольно сказать, что № газеты „Sun“, стоявшей въ Америкѣ одинъ центъ (меньше 1¹/₂ копѣйки), обходилась въ Петербургѣ подписчику въ 1¹/₂ доллара, т. е. въ 2 рубля ¹).

Съ своей стороны американцы платили любезностью въ отношеніи къ русскому императору. Отъ многихъ изъ нихъ шли черезъ посредство американскаго посланника въ Петербургѣ во дворецъ

¹) Maxwell, 127.

Николая Павловича самыя разнообразныя приношенія и подарки. Одинъ слалъ искусственныя зубы, какъ образчикъ своей работы; другой книгу о леченіи болѣзней спины, собственнаго сочиненія; разъ получено было для каждаго члена императорской фамиліи по боченку нью-таунскихъ яблокъ. Какой-то членъ общества трезвости прислалъ даже страшную картину, изображавшую больной желудокъ отъ употребленія коньяку. Этоть градь послылокъ вызвалъ наконецъ заявленіе, что царская фамилія не будетъ впредь принимать никакихъ подарковъ отъ незнакомыхъ лицъ ¹⁾).

Такъ имп. Николай относился къ иностранцамъ. Что касается русскихъ, то не малая часть нашихъ извѣстныхъ писателей поддала его вліянію. Съ Карамзинимъ онъ не разъ бесѣдовалъ по вступленіи на престолъ; совершенно завладѣлъ расположеніемъ исторіографа, незадолго предъ тѣмъ увѣнчанаго медалью отъ академіи за погромъ дѣяній Ивана Грознаго; отвелъ ему большому помѣщенію въ Таврическомъ дворцѣ, чтобы у него былъ садъ для прогулки и былъ какъ щедръ въ отношеніи къ нему, такъ и, по его смерти, къ его семейству. Жуковский былъ въ это время уже связанъ неразрывными узами съ дворцомъ. Очень вѣроятно, что вліяніе Жуковского повело къ нравственному подчиненію Пушкина. За Пушкинимъ отправленъ былъ фельдъегерь. Поэтъ былъ въ это время въ одалѣ. Съ тѣхъ поръ какъ имп. Александръ услышалъ впервые о шалунѣ-лиценствѣ, Пушкинъ былъ постоянно въ разладѣ съ властями. Онъ познакомился даже съ канцеляріемъ Байрада Милорадовича, бывшаго тогда военнымъ генералъ-губернаторомъ Петербурга, и молва тотчасъ же разнесла, что пріемъ молодому поэту былъ вовсе не рыцарскій. Онъ воспѣлъ Аракчеева въ стихотвореніи „Магнать“, и всесильному Алексѣю Андреевичу не понравилась пушкинская муза. Даже съ добрякомъ Инзовымъ, посланнымъ на югъ, Пушкинъ не совсѣмъ ладилъ. Теперь надобно было уговорить эту неукротимую натуру. Фельдъегерь беретъ Пушкина изъ его заключенія, везетъ въ Москву—это было во время коронаціи—и тамъ, привезеннаго только что съ дороги, какъ есть въ

¹⁾ Ibid, 129.

пыли, представляеть въ Кремлевскомъ дворцѣ предъ имп. Николая. Произошелъ разговоръ между императоромъ и поэтомъ.

— Скажи откровенно, Пушкинъ, — спросилъ Николай Павловичъ, — принялъ ли бы ты участіе въ возстаніи 14 декабря, если бы былъ въ Петербургѣ?

— Неиреѣнно, ваше величество, былъ отвѣтъ. — Всѣ мои друзья были въ рядахъ заговорщиковъ, я не могъ не быть съ ними, и благодареніе Творцу, что отсутствіе мое спасло меня отъ гибели ¹⁾.

— Ты довольно напугалъ, Пушкинъ, на своемъ вѣку, — заключилъ Николай Павловичъ. — Пора остепениться. Съ этого времени я буду твоимъ единственнымъ цензоромъ. Посылай ко мнѣ все что ты напишешь.

И Пушкинъ остепенился. Неукротимый поэтъ былъ укрощенъ. Съ этого времени Пушкинъ сталъ какъ бы другой человекъ. Съ этого времени онъ — придворный камеръ-юнкеръ, мужъ свѣтской красавицы и самъ человекъ свѣтскій. Иногда пробуждается въ немъ поэтъ, но „божественный глаголъ“ рвется изъ подъ пера его уже не въ пылкихъ, звучныхъ стихахъ преняго пушкинскаго гения, а въ торжественныхъ, продуманныхъ строфахъ Бориса Годунова. И Гоголь не остался чуждъ этого нравственнаго подчиненія. Рѣдко улыбавшійся, чаще смотрѣвшій холодно на міръ, Николай Павловичъ не могъ не сочувствовать сатиры. Разъ узнаеть онъ, что актеръ Мартыновъ превосходно копируетъ голосъ и манеры другихъ. Мартынова зовутъ къ государю.

— Правда ли, Мартыновъ, что ты искусно копируешь какъ даге, кого захочешь! Такъ представь меня.

Мартыновъ послѣ неизбежныхъ прелюдій смущенія и неловкости, при подобномъ предложеніи, долженъ былъ однакоже повиноваться. Онъ застегнулся на всѣ пуговицы сюртука, принялъ гордую осанку, величественно поднялъ голову и, медленно подступивъ къ бывшему тутъ же кн. Волконскому, сказалъ, подражая голосу

1) Русскій Архивъ, 1867, стр. 1066.

Николая Павловича: „Волковскій, выдать Мартынову 1000 рублей!“¹⁾).

Находчивый артистъ получилъ эту сумму.

Николай Павловичъ лично разрѣшилъ представленіе „Ревизора“, когда встрѣтились ценсурныя затрудненія. Рассказываютъ, что по изданіи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь получилъ отъ Николая Павловича книгу „его собственнаго сочиненія“ переплетенную кипу банковыхъ билетовъ и что Гоголь отвѣчалъ на эту присылку письмомъ, въ которомъ говорилъ, что „получилъ книгу съ почтеніемъ, читалъ съ удивленіемъ и ждетъ втораго тома съ нетерпѣніемъ.“

Затѣмъ скоро гаснетъ талантъ Гоголя и этотъ слабѣющій талантъ начертываетъ „Исповѣдь“ къ друзьямъ.

Слѣдуя своему правилу, что неблагодарность есть самый худшій изъ пороковъ, императоръ щедро обезпечивалъ тѣхъ, кто былъ преданъ ему. Если и правда, что онъ отказалъ Пушкину въ нѣкоторыхъ матеріалахъ изъ собственной бібліотеки по дѣлу Пугачева²⁾, то онъ всегда благоволилъ къ поэту и принималъ въ немъ живое участіе, когда получено было извѣстіе, что смертельно раненный поэтъ близокъ къ смерти. Николай Павловичъ посылаетъ къ умирающему Пушкину Жуковскаго съ словомъ утѣшенія. Жуковскому порученъ былъ по смерти поэта пересмотръ его бумагъ, съ тѣмъ, какъ полагаютъ иные, чтобы если что нашлось компрометирующаго автора, то могло бы быть взято подъ слудъ³⁾. Вдовѣ Пушкина назначена была пенсія въ 6000 рублей, каждому изъ дѣтей—по 1500 руб., и Николай Павловичъ принялъ на себя издержки по изданію полнаго собранія сочиненій покойнаго поэта.

Безпристрастіе заставляетъ насъ сказать, что щедрое обезпеченіе предложено было и вдовѣ Рылѣва. Впрочемъ если законъ и казнилъ Рылѣва, какъ преступника, то исторія, болѣе разоблачивъ прошедшее, напротивъ не можетъ не видѣть въ этомъ членѣ

1) Harrison 259—260.

2) Rolland, 242.

3) Gallet, 66.

„Сѣвернаго общества“ представителя того охранительнаго начала въ средѣ пылкихъ и горячихъ головъ, которое вѣроятно предотвратило пролитіе потоковъ крови, и отчасти можетъ быть царской. Слѣдовательно, въ этомъ предложеніи обезпеченія вдовѣ Рылѣва (Рылѣва принять его отказалась) исторія можетъ видѣть дань памяти покойнаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I

Преемники Петра I

по исторіи Соловьева.

Въ XIX т. исторіи проф. Соловьева мы встрѣтили нѣсколько данныхъ, дополняющихъ біографическія данныя о преемникахъ Петра I. Мы позволяемъ себѣ врѣввести ихъ.

Петръ I хотѣлъ выдать дочь свою Елисавету Петровну за короля Людовика XV и поручилъ вести это дѣло русскому посланнику Куракину (женатому на родной сестрѣ царицы Евдокіи Федоровны). Елисавету такъ воспитывали, чтобы она своевременно освоилась съ французскимъ языкомъ, да и по нраву современники видѣли въ ней большое сходство съ француженкой. Тѣмъ не менѣе, красавицѣ русской великой княжнѣ предпочтена была Марія, дочь Станислава Лещинскаго. Но герцоги Бурбонскій и Орлеанскій были и послѣ между женихами сватавшимися за великую княжну. Куракинъ просилъ прислать ея портретъ. Макаровъ, посылая портретъ Куракину, сожалѣлъ, что портретъ не представляетъ вполнѣ точной наружности Елисаветы. Живописецъ писалъ этотъ портретъ около года, а въ теченіе этого года „государыня цесаревна — какъ прибавлялъ Макаровъ — гораздо стала полнѣе и лучше.“

Въ описываемое время брачныя связи еще вліяли на политическія событія и въ свою очередь нерѣдко были слѣдствіемъ по-

литическихъ плановъ, гораздо больше, чѣмъ въ наше время. Франція добивалась союза съ Россією, и посланникъ ея Кампредонъ уполномоченъ былъ дать значительную сумму денегъ русскимъ вельможамъ, если союзъ состоится. Это было время поголовнаго подкупа изъ политическихъ расчетовъ и подкупать было нельзя сказать что бы трудно, особенно насколько приложимо это къ русскимъ сановникамъ. Интересно сравнить, кто получилъ больше, кто меньше, потому что это отчасти говорить и о долѣ вліянія отдѣльныхъ лицъ на дѣла. Даны были гласныя и негласныя „гратификаціи“ — негласныхъ почти въ пять разъ больше, чѣмъ гласныхъ. Больше другихъ получили гр. Толстой, Апраксинъ, Остерманъ, Бассевичъ, Рагузинскій. Ягужинскому дано было втрое меньше, чѣмъ каждому изъ лицъ приведенныхъ выше, хотя задобрить этого члена администраціи нужно было уже потому, что онъ шумѣлъ больше другихъ и дошелъ до того, что разъ въ спорѣ объ англо-французскомъ союзѣ поссорясь съ Меншиковымъ отправился въ Петропавловскій соборъ жаловаться на свѣтлѣйшаго предъ гробницею Петра I (стр. 22). Не забыты были Кампредономъ и приближенныя къ императрицѣ дамы: Олсуфьева и Вильбоа.

Въ вопросѣ о переходѣ престола послѣ Екатерины I русскіе люди были также ничто иное, какъ шашки въ рукахъ иностранныхъ дипломатовъ, — шашки, которыми двигали по усмотрѣнію. Датскому и австрійскому двору не хотѣлось, чтобы на русскій престолъ послѣ Екатерины I вступила одна изъ ея дочерей; престолъ долженъ былъ перейти конечно къ Аннѣ Петровнѣ, какъ къ старшей, или что почти то же, къ ея супругу, герцогу голштинскому, а Данія въ то время считалась съ герцогомъ за Голштинію, и австрійскіе интересы были за одно съ датскими. И вотъ маленькая Данія заставляетъ дѣлать, что хочетъ, большую Россію. Датскій посланникъ въ Петербургѣ Вестфаленъ и австрійскій — гр. Рабутинъ, получили приказаніе хлопотать и достигли цѣли. Имъ нужно было устроить, чтобы наследникомъ престола назначенъ былъ сынъ царевича Алексѣя, Петръ Алексѣевичъ. Надобно было для успѣха въ дѣлѣ склонить на свою сторону Меншикова. Ему предложилъ первое ленное владѣніе австрійскій инженеръ, которое будетъ вакантнымъ, и Меншиковъ не отказался войти

въ сдѣлку. Меншиковъ уговорилъ императрицу назначить преемникомъ внука Петра I. Обѣ дочери Екатерины упали къ ногамъ матери, заклиная ее не дѣлать этого распоряженія (88). Но Меншиковъ взялъ верхъ. Напрасно только г. Соловьевъ хочетъ представить, что Меншиковъ тотчасъ же уговорилъ императрицу назначить наследнику престола въ будущія супруги одну изъ ея, Меншикова, дочерей. Объ этомъ распоряженіи говорится въ завѣщаніи Екатерины I. Но многими это завѣщаніе считается подлежащимъ, и самъ г. Соловьевъ приводитъ (стр. 97), что гр. Сапѣга, бывшій все время при императрицѣ въ послѣднее время ея болѣзни, говорилъ, что ничего о завѣщаніи онъ не слыхалъ. Въ этомъ завѣщаніи сомнительнаго происхожденія дѣйствительно говорится о желаніи императрицы, чтобы наследникъ престола взялъ въ супруги одну изъ княженъ Меншиковыхъ, но это самое мѣсто завѣщанія доказываетъ, что Меншиковъ былъ едва ли не единственный составитель завѣщанія и вмѣстѣ человекъ знавшій о его существованіи. Если бы дѣло шло о волѣ императрицы, то, какъ это уже указано нами (въ біографіи Петра II), выставили бы, по крайней мѣрѣ, или нарѣченной невѣсты, между тѣмъ какъ самъ г. Соловьевъ приводитъ, что имени то и не было выставлено. Разоблачено теперь, надѣмся, почему это имя не было выставлено. Меншиковъ хотѣлъ выдать за будущаго императора старшую свою дочь, а она до послѣдняго времени, до самой смерти императрицы, считалась невѣстою молодого гр. Сапѣги, хотя г. Соловьевъ и хочетъ представить, что сватовство за Сапѣгу Маріи Меншиковой разошлось прежде смерти императрицы, хотѣвшей выдать за Сапѣгу свою племянницу, Софью Карловну Скавронскую. Екатерина I дѣйствительно хотѣла пристроить такимъ образомъ Скавронскую, и очень вѣроятно, что Меншиковъ даже имѣлъ своя цѣли, сговаривая дочь за молодого полка-графа, любимаго императрицы, но только есть положительное свидѣтельство, что бракъ Меншиковой съ Сапѣгой разстроился лишь послѣ смерти императрицы. Протоколы верховнаго совѣта показываютъ, что это дѣлалось даже какъ бы въ исполненіе воли императрицы, чтобы одна изъ дочерей Меншикова вышла за наследника ея; и Меншиковъ представлялъ прекращеніе сватовства

за Саксѣгу дѣломъ какой-то государственной важности и пользы, и только, безъ сомнѣнія, на этомъ основаніи могъ преслать правительству объ обратной уплатѣ ему 400,000 злотыхъ, данныхъ имъ Саксѣгѣ възачетъ приданого за дочерью въ то время, когда воля императрицы еще не налагала на него обязательства сочетать его дочь съ молодымъ императоромъ. Г. Соловьевъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство, а между тѣмъ оно очень важно, потому что ясно доказываетъ какъ императрица не играла ровно никакой роли въ назначеніи дочери Меншикова въ супруги будущему императору, и что все это было дѣломъ Меншикова. Что многие при дворѣ знали расчетъ Меншикова — выдать за будущаго императора свою дочь и жаловались на это — очень вѣроятно, но необходимо доказать, что Екатерина дѣйствительно согласна была на бракъ своего наслѣдника престола съ княжною Меншиковой. Это доказательство надобно видѣть не въ завѣщаніи, какъ предполагаютъ подложномъ, и составленномъ, во всякомъ случаѣ, безъ участія императрицы, если даже оно не было подложнымъ. Если неумѣвшая писать и подписываться Екатерина I даже дѣйствительно дала согласіе на составленіе завѣщанія, то она была такъ больна много дней предъ своею смертью, что Меншиковъ могъ вставить въ завѣщаніе, что хотѣлъ. Нужны другія доказательства, а мы ихъ не находимъ.

Сторонники потомства Екатерины I пришли въ волненіе, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что назначается наслѣдникомъ сынъ царевича Алексѣя. Болѣе другихъ опасался графъ Толстой, тотъ самый, который на колѣняхъ умолялъ Петра I не оглашать связи Екатерины I съ Менсомъ, такъ какъ подобная огласка лишитъ въ будущемъ жениховъ дочерей царя отъ Екатерины. Теперь тотъ же графъ Толстой, вибѣтъ съ великими княжнами Анною и Елисаветою, умолялъ императрицу не устранять отъ престола ея собственное потомство. Толстой держалъ сторону второй дочери, Елисаветы Петровны, такъ какъ Анна Петровна, которую другіе сторонники дочерей Екатерины считали умилнаго нрава, умною и походившею на Петра I, была за герцогомъ голштинскимъ, а тому русскій престолъ нуженъ былъ лишь, чтобы при помощи его приобрести голштынскій. Толстой такимъ образомъ склонялся на сто-

рову Елисаветы, хотя ее другіе дѣтели той же партіи считали „посердитѣ“ сестры. Едва ли они не ошибались и не употребляли одно слово вмѣсто другаго. Елисавета была „покапризнѣ“ — это правда, но она не была сердита отъ природы, и саксонскій посланникъ Лефортъ былъ правъ, описывая ее вѣтрянницей, любившей копировать походку и манеры другихъ, вообще веселой и шутливой, которая, при ея почти совершенномъ знаніи французскаго языка (тогда какъ нѣмецкій она знала только посредственно), казалось, была создана для Франціи. Что касается Анны Петровны, то при всей твердости характера ея, это было дѣйствительно существо симпатичное, доброе, простое. Ее въ царствованіе Петра II почти высылаютъ въ Голштинію съ мужемъ, но она скоро тамъ основывается съ своею домашнею жизнью и пишетъ къ сестрѣ въ Россію дружескія, невѣжливыя письма, гдѣ, наприм., замѣчаютъ, чтобы голштинскую шпаню, носимую ею, отдали „Микитѣ Волокитѣ“, разумѣя вѣроятно кого нибудь изъ прежнихъ общихъ знакомыхъ. Отрывокъ изъ корреспонденціи Анны Петровны къ сестрѣ, приводимый г. Соловьевымъ въ пригвчаніяхъ, показываетъ однако, что въ то время какъ герцогня голштинская шутила въ своихъ письмахъ въ Россію, жизнь ея вдали отъ родины едва ли представляла много веселаго даже въ семейномъ отношеніи. „Донешу вамъ — писала она къ сестрѣ, — что герцогъ да Маврушка совершенно извлочились: ни одного дня дома не сидятъ, все ведной каретѣ ѣздить либо въ гости, или въ комедію.“ Эта Маврушка — Мавра Егоровна Шенелева, послѣ Шувалова извѣстная наперстница императрицы Елисаветы Петровны.

Защита предъ Екатериною I правъ ея дочерей не прошла графу Толстому и другимъ даромъ. Ихъ послали въ ссылку. И опять это все было сдѣлано Меньшиковымъ, въ рукахъ котораго Екатерина I была теперь послушнымъ или, вѣрнѣе, безсознательнымъ орудіемъ. Все дѣлалось, когда императрица уже была опасно больна. Указъ о наказаніи Девіера и другихъ за проступки явился только въ день смерти императрицы. Напрасно Девіеръ ссылался, что съ его стороны все ограничивалось шутками, что онъ называлъ слугу Егорова, а такъ какъ во дворцѣ звали также князя Никиту Трубочкаре Егоровъ, и тотъ, зная эту кличку, обернулся, чѣмъ по-

данъ былъ сигналъ къ смѣху, то онъ — Девіеръ — объяснилъ великому князю Петру Алексѣевичу на ухо почему всѣ смѣются и только прибавилъ тутъ же, что онъ ревнивъ. Что касается обвиненія въ непочтительности къ особамъ царскаго дома, то Девіеръ ссылался, что великая княжна Елисавета Петровна сама просила придворныхъ не вставать предъ нею. Никакія оправданія не помогли, потому что Меншикову нужно было уничтожить партію, противившуюся переходу престола въ родъ царевича Алексѣя.

Благопріятствовало Меншикову и то, что право сына царевича Алексѣя на престолъ было какъ бы освящено въ глазахъ русскаго народа. По вступленіи на престолъ Екатерины I, архимандритъ одного изъ нижегородскихъ монастырей Исаія не хотѣлъ поминать на эктенияхъ „великаго князя“ Петра Алексѣевича, а номиналъ „благочестивѣйшаго великаго государя нашего Петра Алексѣевича,“ и когда ему представляли, что онъ не долженъ дѣлать этого, то отвѣчалъ, что хотя ему голову отсѣкутъ, но онъ иначе поминать не станетъ (86). Въ то же время въ подметныхъ письмахъ говорилось, что Меншиковъ подобно Годунову хочетъ отстранить законнаго наследника отъ престола. Такимъ образомъ Меншиковъ, становясь на сторону Петра, примыкалъ къ сильной партіи въ народѣ. Сверхъ того онъ надѣялся быть княземъ Германской имперіи и имѣлъ въ виду сдѣлаться тестемъ молодого императора. Достаточно было всего этого, чтобы склонить его въ пользу Петра.

Теперь Меншиковъ былъ въ такой силѣ, что напримѣръ герцогиня курляндская Анна Ивановна писала ему самыя униженныя письма, гдѣ „ваша свѣтлость“ повторяется много разъ въ нѣсколькихъ строкахъ. Г. Соловьевъ приводитъ образецъ одного такого письма.

Но Меншиковъ былъ свергнутъ Долгорукиимъ, и г. Соловьевъ приводитъ нѣкоторыя данныя, бросающія еще болѣе свѣта на личность главнаго царскаго любимца и совѣтника съ этого времени — Ивана Долгорукаго. Кн. Иванъ Долгорукій — говоритъ одно изъ примѣчаній книги г. Соловьева — не только считалъ дѣломъ обяновеннымъ отнять жену у мужа и грозить мужу выбросить его въ окно, но даже затаскивалъ къ себѣ дамъ, при-

бъжавшихъ отдать почтеніе его матери, съ цѣлями, которыя обошлись бы ему дорого, если бы онъ не былъ царскимъ фаворитомъ. Изъ этого уже видно, какой примѣръ могъ подавать такой совѣтникъ юношѣ-царю.

Вступила на престолъ Анна Ивановна, еще такъ недавно ужеженно преклонявшаяся предъ Меншиковымъ, котораго сама называла предъ тѣмъ „неблагодарнымъ рабомъ“ и пославшая письма къ его женѣ и своаченицѣ. Начиная съ самой Анны Ивановны, люди, прежде не имѣвшіе никакого значенія, выдвинулись теперь на первый планъ. Биронъ, недавно поддерживаемый только расположеніемъ Анны при небогатомъ курляндскомъ дворѣ, да еще, какъ кажется, — расположеніемъ управляющаго дворомъ Анны, Вестужева, къ его женѣ; фрейлинъ Биронъ, которую Вестужевъ звалъ къ себѣ и давалъ ей по 1000 дукатовъ въ годъ и припасы въ то время, когда прочіе чины двора бѣдствовали (стр. 377) — теперь этотъ самый Биронъ становится первымъ человекомъ въ русскомъ царствѣ. При немъ возвышается между всѣми чинами русскаго духовенства, Феофанъ Прокоповичъ; поклонникъ протестанства, покровительствуемый нѣщими и не мало сдѣлавшій въ пользу Бирона и нѣмцевъ въ борьбѣ ихъ съ русскою олигархіею, первоначально ограничившею власть Анны. Сильна была оппозиція противъ Феофана. Духовные православной партіи пишутъ противъ него сочиненія; монахъ Іона не упускаетъ огласить дознаннаго имъ отъ повара въ домѣ Феофана Прокоповича, что архіепископъ новгородскій я въ цосты ѣстъ мясо. Никакіе доносы не помогаютъ, и Феофанъ одерживаетъ верхъ надъ всѣми своими врагами. Ему это тѣмъ легче, что православная партія въ духовенствѣ нерасположена къ императрицѣ и къ правленію, введившему съ собою господство нѣмцевъ. Воронежскій епископъ Левъ Юрловъ отказался поминать на эктенияхъ Анну Ивановну и, несмотря на представленіе мѣстнаго вице-губернатора Пашкова, поминать „благочестивѣйшую великую государыню царицу Евдокію Феодоровну.“ Съ Бирономъ и его партіею дѣло однако было не такъ легко имѣть, какъ архимандриту Исаію съ совѣтниками Екатерины I, часть вогорыхъ была мысленно съ Исаіемъ. Юрловъ пострадалъ за свое дерзновеніе.

II

Приглашеніе Ж. Ж. Руссо графомъ Орловымъ въ Россію.

Въ „Анекдотахъ о Россіи“ Ричардсона, заключающихъ въ себѣ письма изъ Россіи, относящихся къ началу царствованія Екатерины II, и переведенныхъ съ англійскаго на разные языки, мы находимъ текстъ письма гр. Орлова къ Ж. Ж. Руссо, съ предложеніемъ послѣднему переселиться въ Россію, и отвѣтъ Руссо. Въ голландскомъ переводѣ писемъ Ричардсона, который мы имѣли подъ руками, эта переписка приведена также, во французскомъ подлинникѣ (часть II, стр. 135—137), съ котораго мы и приводимъ здѣсь дословный переводъ. Ричардсонъ даже не упоминаетъ, котрымъ изъ пяти братьевъ Орловыхъ было написано это письмо, и это одно уже заставляетъ предполагать, что дѣло идетъ о Григоріѣ, бывшемъ въ то время, когда писано письмо (декабрь 1766 г.) болѣе чѣмъ когданибудь въ слѣдъ. Въ этомъ мѣстѣ утверждаетъ еще и то, что подобнае письмо и къ такому человѣку какъ Ж. Ж. Руссо могло быть написано только человѣкомъ близкимъ къ императрицѣ, и даже, безъ сомнѣнія, не безъ вліянія ея. Вспомнимъ отношенія Екатерины II къ Дидро, Даламберу, Вольтеру. Это приглашеніе въ Россію Руссо, въ то время бѣжавшаго изъ Франціи въ Англію, къ герцогу Ричмондскому, служитъ дополненіемъ къ тому что мы знаемъ о покровительствѣ, которое Екатерина II-я, въ началѣ своего царствованія, явно оказывала энциклопедистамъ и писателямъ-реформаторамъ, столько же можетъ быть изъ истиннаго сочувствія генію и знанію, сколько изъ желанія нанести рядъ ударовъ самолюбію гнавшаго ихъ французскаго правительства. (Слич. *Осьмнадцатый вѣкъ* изд. Бартелевыхъ, книга I, статью „Дидро“). Григорій Орловъ, человѣкъ безспорно не безъ дарованій (котораго, какъ и Потемкина, Екатерина II считала геніемъ) страстный поклонникъ физики и вообще опытныхъ наукъ, годился какъ нельзя болѣе для того, чтобы

явиться посредникомъ въ этихъ переговорахъ, если мысль дать убѣжище въ Россіи славному философу дѣйствительно принадлежала Екаторинѣ.

Письмо графа Г. Г. Орлова.

Декабрь 1766.

Милостивый государь, вы не удивитесь, что я пишу къ вамъ, зная, что люди наклонны къ странностямъ. У васъ есть свои, у меня мои: это въ порядкѣ вещей; пусть одною изъ такихъ странностей будетъ и причина, побудившая меня писать къ вамъ. Я вижу васъ давно странствующимъ изъ одного мѣста въ другое. Черезъ газеты (*par les voies publiques*) я знаю и о причинахъ этого; или, можетъ быть, я плохо знаю; можетъ быть, причины извѣстныя мнѣ невѣрны. Я думаю, что вы теперь въ Англии у герцога Ричмондскаго и полагаю, что у него вамъ хорошо. Тѣмъ не менѣе мнѣ вздумалось (*il m'a pris fantaisie*) сказать вамъ, что въ 60 верстахъ отъ Петербурга, т. е. въ 10 нѣмецкихъ миляхъ, у меня есть помѣстье, гдѣ воздухъ здоровъ, вода удивительна, пригорки, окружающіе озера, образуютъ уголки пріятныя для прогулокъ и возбуждающіе къ мечтательности. Мѣстные жители не понимаютъ ни по англійски, ни по французски, еще менѣе по гречески и латини. Священникъ не умѣетъ ни диспутировать, ни проповѣдывать, а паства, сдѣлавъ крестное знаменіе, добродушно думаетъ, что сдѣлано все. И такъ, милостивый государь, если такой уголокъ вамъ по вкусу—отъ васъ зависитъ поселиться въ немъ. Все нужное будетъ къ вашимъ услугамъ, если вы пожелаете. Если нѣтъ, располагайте охотою и рыбною ловлею. Если вы пожелаете общества, чтобы разсвѣять скуку, и оно будетъ. Но вообще, и прежде всего, вы ни въ чемъ не будете имѣть ни малѣйшаго стѣсненія, не будете ни чѣмъ никому обязаны. Сверхъ того, если вы пожелаете, всякая огласка о вашемъ пребываніи будетъ устранена. Въ послѣднемъ случаѣ вамъ не дурно было бы, по моему мнѣнію, совершить переѣздъ моремъ, если вы въ состояніи вынести его; тѣмъ болѣе что и отъ любопытныхъ вамъ будетъ больше покоя, если вы выберете этотъ путь, чѣмъ на сушѣ.

Вотъ, милостивый государь, что я счелъ себя въ правѣ пре-

дложить вамъ изъ признательности за почерпнутое мною въ вашихъ книгахъ, хотя онѣ были писаны и не для меня. Останусь съ глубокимъ уваженіемъ (*avec beaucoup de respect*) и пр.

Отвѣтъ Ж. Ж. Руссо.

23 февраля (1767), Хаттонъ.

Вы говорите о вашихъ странностяхъ, графъ. Оно пожалуй и дѣйствительно странность—благотворить такъ издалека и человѣку, котораго совершенно не знаешь. Ваше любезное приглашеніе, токъ, какииъ вы дѣлаете его, и описаніе убѣжища, которое вы мнѣ предназначаете, безъ сомнѣнія заставили бы меня принять его, если бы я не былъ такъ слабъ, былъ болѣе подвиженъ, помоложе, и если бы вы были поближе къ солнцу. Сверхъ того и боюсь, чтобы при личномъ свиданіи съ тѣмъ, кому вы оказываете честь своимъ приглашеніемъ, вы не раскаялись. Вы воображаете увидѣть литератора, мастера говорить, который бы блескомъ таланта и словъ заплатилъ вамъ за ваше великодушное гостепримство, и увидѣли бы предъ собою человѣка очень простаго, котораго личныя наклонности и страданія сдѣлали отшельникомъ, все удовольствіе котораго состоитъ въ сборѣ растений съ утра до вечера и который въ этомъ сообществѣ съ растеніями находитъ столь сладкій сердцу его покой, въ которомъ отказали ему люди. Стало быть, милостивый государь, я не думаю поселиться въ вашемъ домѣ, но всегда съ признательностью буду вспоминать, что вы мнѣ предлагали его и иногда посѣтую, что я не въ немъ, чтобы заслужить расположеніе и дружбу хозяина. Примите, графъ, прошу васъ, мою самую искреннюю благодарность и мой низкайшій поклонъ.

III.

Разсказъ великаго князя Павла Петровича о видѣніи ему Петра I-го.

Трудно найти для психолога и фізіолога другую натуру, заслуживающую болѣе обстоятельнаго и внимательнаго изученія чѣмъ

императоръ Павелъ I. Воображеніе въ немъ было такъ сильно, что онъ представляемые предметы принималъ какъ за дѣйствительно существующіе. Въ немъ, еще десятилѣтнемъ мальчикѣ, особенность эта была замѣчена воспитателемъ его, Порошинымъ. Онъ остался тѣмъ же до конца жизни. Онъ вѣрнулъ въ сны и предзнаменованія. Вспомнимъ сонъ его предъ днемъ вступленія на престолъ, переданный въ запискѣ Растопчина: тутъ ему снилось, что его три раза поднимаетъ къверху невѣдомая сила. Арифельдтъ передаетъ слова Павла о снѣ, который ему привидѣлся наканунѣ дня его смерти: ему снилось, что ему на снуну натягивали узкій парчовой кафтанъ и съ такимъ усиліемъ, что онъ готовъ былъ вспрыгнуть отъ боли. Постройка Михайловскаго инженернаго замка, въ которомъ послѣдніе мѣсяцы жилъ и умеръ императоръ, находится также въ прямой связи съ этой вѣрой въ видѣнія и предзнаменованія. Иначе солдату, объявившему о видѣніи ему Архангела Михаила на мѣстѣ нынѣшняго замка, конечно бы не повѣрили.

Въ настоящее время медицинская наука въ напряженномъ воображеніи, въ видѣніи призраковъ и т. д. видитъ результатъ разстройства пищеварительной системы и, перечитывая напримѣръ „Записки Порошина“, врачъ найдетъ въ нихъ прямое подтвержденіе этой теоріи. Десятилѣтній Павелъ, сила воображенія котораго изумляла наставниковъ, постоянно страдалъ плохимъ пищевареніемъ. Рвота и головная боль были его постояннымъ недугомъ. Порошинъ, не зная чѣмъ объяснить это явленіе, приписываетъ его тому, что, обыкновенно не любившій долго сидѣть за столомъ великій князь глоталъ большіе куски, не совсѣмъ разжевывая ихъ.

Приводимый здѣсь разсказъ великаго князя о видѣніи ему Петра I въ связи съ другими данными въ томъ же родѣ ближе раскрываетъ намъ психическія особенности этой замѣчательной личности.

Въ 1782 г. Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ молодой супругой гой своей Маріей Федоровной путешествовалъ за границей. Не мало подробностей объ этой повѣздѣ находимъ мы въ Запискахъ

баронессы Оберкирхъ ¹⁾ Баронесса Оберкирхъ подруга дѣтства принцессы Доротей Виртембергской (послѣ императрицы Маріи Ѳедоровны) путешествовала виѣсть съ русскою великокняжескою четю по Франціи, Бельгіи и Германіи. Павелъ Петровичъ очень уважалъ баронессу, изъ которой великая княгиня, его супруга, сохраняла прежнія чувства теплой дѣвической привязанности. Подаренные разъ баронессѣ великимъ княземъ фрукты бросили даже многолѣтній колоритъ легкой ревности на отношенія между супругами; но это былъ порывъ той же почти шуточной ревности, которою наиримѣрь встрѣтила великая княгиня рассказы супруга о королеви Маріи Антуанетѣ, очаровавшей его въ Парижѣ.

10 Іюля 1782 въ Брюсселѣ, Павелъ Петровичъ, путешествовавшій недѣлю именемъ графа Du Nord, ужиналъ въ обществѣ. Великая княгиня, утоленная путешествіемъ и театромъ, который путешественники тотчасъ посѣтили по пріѣздѣ въ Брюссель, не была за столомъ. Ужинъ ли, или жаркій лѣтній вечеръ, далъ особенное направленіе разговору, только бесѣда скоро обратилась къ чудесному, явленію призраковъ и т. д. Каждый рассказывалъ что нибудь чудесное изъ собственнаго опыта; лишь одинъ великій князь хранилъ молчаніе. Слѣдующее заимствуемъ мы буквально изъ Записокъ Оберкирхъ (II, 94—100). Запискамъ баронессы сибѣ можно довѣряться: все интересное, слышанное ею, она тотчасъ же передавала бумагѣ. Такъ незадолго предъ тѣмъ, она записала рассказъ принца Де-Линя, тотчасъ послѣ того какъ слышала его. Великая княгиня Марія Ѳедоровна сдѣлала тогда тоже самое, хотя въ сущности рассказъ принца о томъ, какъ онъ въ платьѣ монашенки и подъ вуалью присутствовалъ при постриженіи дѣвушки, оставившей въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, не представлялъ ничего особенно интереснаго.

— А что же вы, ваше высочество? обратился принцъ Де-Линь къ Павлу. Или вамъ нечего рассказать? Развѣ въ Россіи нѣтъ чудеснаго? Или злымъ духамъ и колдунамъ не удалось представить вамъ чары?

¹⁾ Memoirs of the baroness OberKirch, London, 1832, 3 v.

Великій князь поднялъ голову.

— Куракинъ знаетъ — сказала онъ — что и мнѣ было бы кой о чемъ поразсказать, какъ и другимъ. Но есть воспоминанія, которыя я стараюсь удалить изъ памяти. Я и такъ уже вынесъ отъ нихъ не мало!

Въ комнатѣ господствовало молчаніе. Великій князь посмотрѣлъ на Куракина, и во взорѣ его выразилось грустно-тяжелое чувство.

— Неправда ли, Куракинъ, что со мною приключилось кое-что очень странное? — спросилъ онъ.

— Столь странное, ваше высочество, что, при всемъ довѣріи моемъ къ вамъ, я могу лишь принести его порыву вашего воображенія!

— Нѣтъ, это была правда, суцная правда, и если ш-ше Оберкирхъ дастъ слово, что не скажетъ ничего моей женѣ, я передамъ вамъ, въ чемъ было дѣло. Но позвольте, господа, и всѣхъ васъ просить держать мой разсказъ въ тайнѣ, прибавилъ великій князь, смѣясь — потому что очень непріятно было бы, еслибы по всей Европѣ разошлась исторія о привидѣніи, въ которой я играю роль.

Мы всѣ дали обѣщаніе, и покрайней мѣрѣ что касается меня, — говоритъ баронесса Оберкирхъ — я сдержала свое слово. Если эти мемуары будутъ когда нибудь обнародованы, то не прежде какъ нѣмѣнное поколѣніе сойдетъ со сцены, и не останется въ живыхъ никого, кого могъ бы интересовать этотъ разсказъ (?) Передаю его отъ слова до слова, какъ слышала отъ самого великаго князя.

— Разъ вечеромъ, или пожалуй уже ночью, я, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ — говорилъ Павелъ — шелъ по петербургскимъ улицамъ. Мы провели вечеръ вѣстѣ ¹⁾ у меня во дворцѣ, за разговорами и табакомъ, и вздумали для освѣженія сдѣлать прогулку инкогнито при лунномъ освѣщеніи. Погода была не холодна; это было въ лучшую пору нашей весны, конечно впрочемъ весны не южныхъ

¹⁾ Т. е. съ Куракинымъ.

мѣстностей. Разговоръ нашъ шелъ не о религiи и ни о чемъ либо серьезномъ, а напротивъ былъ веселаго свойства, и Куракинъ такъ и сыпалъ шутками насчетъ встрѣчныхъ прохожихъ. Нѣсколько впереди меня шелъ слуга, другой шелъ сзади Куракина, а Куракинъ слѣдовалъ за мною въ нѣсколькихъ шагахъ позади. Лунный свѣтъ былъ такъ яркъ, что при немъ можно было читать письмо, и слѣдовательно тѣни были очень густы. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, вдругъ вижу я въ глубинѣ подъѣзда высокую худую фигуру, завернутую въ плащъ въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза, шляпѣ. Онъ будто ждалъ кого-то. Только что я миновалъ его, онъ вышелъ и пошелъ около меня съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Я не могъ разглядѣть ни одной черты его лица. Мнѣ казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производятъ странный звукъ — точно какъ будто камень ударялся о камень. Я былъ изумленъ, и охватившее меня чувство стало еще сильнѣе, когда я почувствовалъ ледяной холодъ въ моемъ лѣвомъ боку, со стороны незнакомца. Я вдрогнулъ и, обратясь къ Куракину сказалъ:

— Судьба намъ послала страннаго спутника.

— Какого спутника? спросилъ Куракинъ.

— Господина, идущаго у меня слѣва, котораго, кажется, можно замѣтить уже по шуму, производимому имъ.

Куракинъ раскрылъ глаза въ изумленiи и замѣтилъ, что никого нѣтъ у меня съ лѣвой стороны.

— Какъ? Ты не видишь этого человѣка между мною и домовою стѣною?

— Ваше высочество идете возлѣ самой стѣны, и физически невозможно, чтобы кто нибудь былъ между вами и ею.

Я протянулъ руку и точно ошупалъ камень. Но все таки незнакомецъ былъ тутъ, и шелъ со мною шагъ въ шагъ, и звуки шаговъ его, какъ удары молота раздавались по тротуару. Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе прежняго, и подъ шляпой его сверкнули глаза столь блестящiе, что такихъ я не видалъ никогда ни прежде, ни послѣ. Они смотрѣли прямо на меня и производили на меня какое-то околдовывающее дѣйствiе.

— Ахъ! — сказала я Куракину — я не могу передать тебѣ, что я чувствую, но только во мнѣ происходитъ что-то особенное.

Я дрожалъ, не отъ страха, не отъ холода. Я чувствовалъ, какъ что-то особенное проникало въ мои члены, и мнѣ казалось, что кровь замерзаетъ въ моихъ жилахъ. Вдругъ изъ подъ плаща, закрывавшаго ротъ таинственнаго спутника, раздался глухой и грустный голосъ:

— Павелъ!

Я былъ во власти какой-то невѣдомой силы и механически отвѣчалъ:

— Что вамъ нужно?

— Павелъ! сказала опять голосъ, на этотъ разъ впрочемъ какъ-то сочувственно, но съ еще большимъ отбѣскомъ грусти.

Я не могъ сказать ни слова. Голосъ снова назвалъ меня по имени, и незнакомецъ остановился. Я чувствовалъ какую-то внутреннюю потребность сдѣлать тоже.

— Павелъ! Бѣдный Павелъ! Бѣдный великій князь!

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь? спросилъ я его.

— Ничего — отвѣчалъ тотъ — рѣшительно ничего!

— Что касается до меня, то этотъ голосъ и до сихъ поръ еще раздается въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ незнакомца — кто онъ и что ему нужно?

— Кто я? Бѣдный Павелъ! Я тотъ, кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ и кто хочетъ, чтобы ты особенно не привязывался къ этому міру, потому что ты долго не останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости, и конецъ твой будетъ спокоенъ. Бойся укора совѣсти; для благородной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія.

Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же пронизательнымъ взоромъ. И какъ я остановился, когда остановился онъ, такъ теперь я почувствовалъ необходимость пойти за нимъ. Онъ не говорилъ, и я не чувствовалъ особеннаго желанія обратиться къ нему съ рѣчью. Я шелъ за нимъ, потому что онъ теперь шелъ впередъ. Это продолжалось болѣе часу. Гдѣ мы шли, я не зналъ.

Куракинъ не хочетъ вѣрить ничему этому. Посмотрите, онъ смѣется. Онъ думаетъ, что все это было не болѣе какъ сонъ.

Наконецъ пришелъ мнѣ къ большой площади, между мостомъ чрезъ Неву и зданіемъ Сената. Онъ прямо пошелъ къ одному какъ бы за ранѣ отиѣченному мѣсту площади — я конечно слѣдовалъ за нимъ — и затѣмъ остановился.

— Прощай, Павелъ! — сказалъ онъ. — Ты еще увидишь меня опять, здѣсь и кой-гдѣ еще.

При этомъ шляпа его поднялась какъ бы сама собою, и глазами моимъ представился орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгая улыбка моего прадѣда Петра Великаго. Когда я пришелъ въ себя отъ страха и удивленія, его уже не было передо мною.

На этомъ самомъ мѣстѣ императрица возводитъ монументъ, который скоро будетъ удивленіемъ всей Европы. Это конная статуя изъ гранита, представляющая царя Петра и помѣщенная на скалѣ. Не я совѣтовалъ моей матери избирать это мѣсто, выбранное, или скорѣе угаданное, призракомъ. И я не знаю, какъ описать чувство, охватившее меня, когда я впервые увидалъ эту статую. *Я боюсь мысли, что могу бояться*, что бы ни говорилъ кн. Куракинъ, увѣряющій, что все это было не болѣе какъ сонъ, видѣнный мною во время прогулки по улицамъ. Малѣйшія подробности этого видѣнія наизусть мнѣ и, я по прежнему утверждаю, что это было видѣніе и все связанное съ нимъ представляется мнѣ также ясно, какъ бы это случилось вчера. Придя домой, я нашелъ, что мой лѣвый бокъ положительно окаменѣлъ отъ холода, и я почувствовалъ нѣкоторую теплоту лишь нѣсколько часовъ спустя, хотя тотчасъ же легъ въ теплую постель и закрылся какъ можно теплѣе.

Надѣюсь, что вамъ понравилась моя исторія и что если я васъ заставляю подождать, то было изъ-за чего.

— Знаете, что это значитъ, ваше высочество? спросилъ принцъ де Линь.

— Это значитъ, что я умру въ молодыхъ лѣтахъ.

— Извините, если я не сойду съ вами во мѣѣніи. Я полагаю, что это доказываетъ неоспоримо двѣ вещи. Во первыхъ, что не надобно выходить ночью, когда клонить ко сну и во вторыхъ,

что не слѣдуетъ ходить слишкомъ близко къ промерзшимъ, домовымъ стѣнамъ, въ такомъ климатѣ, какъ у васъ. Другаго заключенія изъ этого я не могу вывести. Призракъ вашего знаменитаго прадѣда существовалъ лишь въ вашемъ воображеніи, и я не сомнѣваюсь, что на верхней одеждѣ вашей осталась пыль отъ домовыхъ стѣнъ.

Этотъ рассказъ (говорить баронесса Оберкиркъ) произвелъ, вы можете быть увѣрены, сильное впечатлѣніе на всѣхъ насъ. Мало кто слышалъ его, потому что великій князь никогда не желалъ придавать ему огласки. Великая княгиня не слыхала его по сей день ¹⁾; онъ бы перепугалъ ее. Удалясь къ себѣ, я подробно записала его, какъ всегда дѣлала съ тѣмъ что находила особенно важнымъ, ограничиваясь относительно предметовъ меньшей важности одними замѣтками, которыя бы помогали моей памяти.

Читая далѣе мемуары баронессы, мы видимъ, что Павелъ послѣ какъ бы раскаявался, что сдѣлалъ повѣреннымъ своей тайнѣ друга своей жены. Онъ старается убѣдить ее, что все разказанное имъ было выдуманно, съ цѣлью разказать что нибудь страшное въ свою очередь (II, 119-120). Но баронесса была тонкая наблюдательница, и ее не такъ легко было увѣрить и разуувѣрить. ²⁸/₁₇ Августа того же года Павелъ Петровичъ и его супруга были въ Монбельярѣ, у родителей Маріи Федоровны, когда тамъ получено было письмо изъ Петербурга, извѣщавшее, что 18 числа того же мѣсяца памятникъ Петру I былъ торжественно открытъ въ присутствіи императрицы. Когда читали письмо, Павелъ приложилъ палецъ къ губамъ, дѣлая этимъ знакъ баронессѣ. Баронесса наблюдала внимательно и видѣла, какъ великій князь старался улыбаться, хотя мертвенная блѣдность покрыла лицо его (II, 146-147). Это объяснило ей окончательно, шутилъ, или не шутилъ Павелъ въ памятную ночь въ Брюсселѣ.

¹⁾ Мемуары оканчиваются 1789 годомъ.

IV.

Николай I и французъ Жобаръ.

Въ книгѣ англійскаго путешественника Торнорелли (Трасу Turnerelli, What I know of the late Emperor Nicholas and his family) „Что я знаю о покойномъ императорѣ Николаѣ и его семьѣствѣ“ помѣщенъ эпизодически разсказъ объ отношеніяхъ къ покойному императору и окружавшимъ его лицамъ известнаго француза Жобара. Разсказъ такъ полонъ юмора и такъ типически отдѣланъ авторомъ, что намъ оставалось привести его въ дословномъ переводѣ, лишь иногда прибѣгая къ сокращеніямъ. Онъ заслуживаетъ вниманія какъ матеріалъ для исторіи русскаго просвѣщенія и какъ дополненіе къ другимъ, уже обнародованнымъ, матеріаламъ о Магницкомъ и его дѣятельности.

Жобаръ былъ родомъ французъ. Моя исторія начинается съ того времени, когда онъ былъ учителемъ французскаго языка въ петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ и, какъ кажется, пользовался особеннымъ расположеніемъ къ нему императрицы-матери (Маріи Фёдоровны), рѣдко когда при посѣщеніи заведенія забывавшей спросить у директрисы: „а что нашъ добрый Жобаръ? какъ онъ поживаетъ?“

Случилось такъ, что въ это время генералу Магницкому, попечителю казанскаго университета, нуженъ былъ профессоръ французскаго языка для этого университета. Выборъ палъ на Жобара. Присылаютъ за нимъ и предлагаютъ ему мѣсто.

— Какое жалованье?

— 5000 рублей.

— Я получаю 8000 въ Петербургѣ, ваше превосходительство. Я не могу вѣхать.

Магницкому было это непріятно, но онъ попробовалъ вновь.

— Вы знаете по-гречески, не такъ ли?

— Знаю.

— На столько, чтобы учить этому языку?

— Да, мнѣ приходилось въ моей жизни давать уроки греческаго языка.

— Въ самомъ дѣлѣ? И прекрасно! Такъ вы получите двѣ каѳедры въ Вазани — французскаго и греческаго языковъ. Теперь вы отправитесь?

— А что, будетъ двойное жалованье?

— 10,000 рублей.

— Принято, я отправляюсь! — и Жобаръ отправился домой съ братьями къ отъѣзду.

Тутъ надобно замѣтить, что Магницкій въ своемъ стараніи завладѣть *monsieur* Жобаромъ (или, если хотите, *protégé* императрицы) для казанскаго университета, превысилъ свои права и поступилъ противъ постановленій, гласящихъ, что «одинъ профессоръ не можетъ занимать двухъ каѳедръ!» Ничего! Попечитель былъ всевластенъ и могъ рискнуть на такое ничтожное нарушеніе статутовъ университета. Жобаръ официально назначенъ былъ къ исполненію двойной должности и отправленъ въ Казань.

Уже того, что онъ имѣлъ двѣ каѳедры и получалъ двойное жалованье, было совершенно достаточно, чтобы заставить его товарищей не дружелюбно глядѣть на пришлеца. Но, можетъ быть, это не составило бы помѣхи, если бы Жобаръ по природѣ не былъ неуживчиваго, безпокойнаго, сварливаго характера, сумасшедшій, который былъ по себѣ лишь когда схватывался съ кѣмъ нибудь, стольже упрямый, сколько раздражительный, такъ что отсутствіе его вездѣ могло предпочестся присутствію.

Попечитель и профессора скоро убѣдились въ этомъ. Жобаръ былъ постояннымъ источникомъ раздоровъ и смуть въ публичѣ и стѣнахъ университета. Онъ препирался и спорилъ на каждомъ университетскомъ совѣтѣ и однажды дошелъ до того, что ректоръ всталъ и сказалъ:

— Г. Жобаръ! Еще одно слово и я велю прислугѣ вывести васъ изъ собранія.

Это не устранило Жобара. Онъ продолжалъ спорить и былъ выведенъ изъ залы, какъ грозилъ ему ректоръ.

Скоро надобно было убѣдиться, что дѣла въ университетѣ не могутъ идти своимъ порядкомъ, пока Жобарь будетъ въ числѣ его преподавателей. Дѣйствительно, нѣсколько времени спустя, всѣ профессора въ полномъ составѣ, пришли къ Магницкому и сказали, что они не будутъ болѣе служить съ Жобаромъ и что или онъ или они должны оставить службу.

Положеніе Магницкаго было затруднительно. Жобарь былъ имъ вызванъ изъ Петербурга. Противъ выполненія имъ своихъ обязанностей ничего нельзя было сказать: онъ трудился много и дѣльно. Правда это былъ необузданный и сварливый характеръ, но въ этомъ не было еще достаточнаго повода къ отставленію его отъ службы. Профессора, однако, стояли на своемъ и Магницкій сталъ предъ дилеммою видѣть удаленіе изъ университета 25 ученыхъ или дать отставку Жобару.

Онъ рѣшился на послѣднее, такъ какъ это было легче. Предоставляю юристамъ судить въ какой степени это было справедливо.

Магницкій посылаетъ за Жобаромъ и сообщаетъ ему, какъ только могъ любезнѣе, о требованіи товарищей, представляетъ ему затруднительное положеніе, въ какое онъ (Магницкій) поставленъ и предлагаетъ ему подать въ отставку подъ предлогомъ нездоровья, обѣщаясь въ такомъ случаѣ быть ему полезнымъ въ иныхъ отношеніяхъ.

Жобарь отвѣчалъ клятвою, что онъ никогда не поступитъ такъ несправедливо въ отношеніи себя. Онъ былъ „законно и официально, должнымъ порядкомъ опредѣленный профессоръ казанскаго университета,“ и профессоромъ онъ останется, чтобы не дѣлали 25 его товарищей, и даже при содѣйствіи Магницкаго, который заставилъ его отказаться отъ выгодныхъ занятій въ Петербургѣ, чтобы послѣ бросить безъ мѣста и копѣйки денегъ на границѣ азіатской Россіи. — Нѣтъ, этого никогда не будетъ!

Послѣ этого Магницкій отставляетъ его на своей личной отвѣтственности и бумага на этотъ счетъ подписывается всѣми членами университетскаго совѣта.

Жобарь получилъ бумагу и показалъ видъ, что ему остается приириться съ судьбою. Товарищамъ онъ говорилъ, что съ этой ми-

нуты онъ пропачій чловѣкъ, что все что ему нужно — это по крайней мѣрѣ свидѣтельство въ исправномъ повеленіи и способности отправлять свои обязанности, безъ чего онъ не можетъ получить другаго мѣста. Профессора попались въ ловушку. Будучи рады, что избавились отъ него, они охотно дали ему свидѣтельство, о которомъ онъ просилъ, и которое описывало его несравненно лучшимъ, чѣмъ онъ когда нибудь самъ предполагалъ, или позволялъ себѣ заявлять среди другихъ.

— Побѣда! крикнулъ Жюбаръ, когда бумага была въ его рукахъ. — Если я такъ уменъ и ученъ, то за что же вы отставили меня? Теперь мы примемся за васъ, господа! Вы увидите съ кѣмъ имѣете дѣло.

Жюбаръ отправился въ Петербургъ и прямо является къ министру народнаго просвѣщенія.

Что могъ сдѣлать министръ? Положеніе его было столь же затруднительно, какъ и Магницаго. Онъ нашелся въ необходимости сказать Жюбару, что не видитъ основанія вмѣшаться въ дѣло.

Въ отмщеніе Жюбаръ перевелъ на французскій языкъ сатирическую оду, написанную на его превосходительство знаменитымъ поэтомъ Пушкинымъ, гдѣ министръ подъ вымышленнымъ именемъ обвиняется поэтомъ въ кражѣ казенныхъ дровъ для топки собственныхъ печей. Эту лестную оду Жюбаръ послалъ его превосходительству въ день рожденія послѣдняго, въ знакъ своего почтенія и въ видѣ поздравленія.

Понравился ли комплиментъ министру, я не знаю.

Жюбаръ затѣмъ отправился къ французскому посланнику. Тотъ поступилъ также, какъ и министръ. Число враговъ Жюбара увеличилось еще однимъ. Онъ сказалъ посланнику, что „у Франціи до настоящаго времени національною эмблемою былъ пѣтухъ, но что ей теперь слѣдовало бы — по крайней мѣрѣ на сколько это касается ея представителя — избрать вмѣсто пѣтуха „une poule mouillée“ — какъ бы перевести это? — „мокрую курицу“.

Теперь мы переходимъ къ тому мѣсту въ нашей исторіи, которое относится къ императору Николаю.

Жюбаръ, потерпѣвъ неудачу у министра просвѣщенія и французскаго посланника, рѣшился довести свое дѣло до свѣденія им-

ператора. Онъ написалъ прошеніе и подалъ его государю. Николай, какъ мы имѣли уже случай видѣть, былъ не изъ тѣхъ, которые бы отказали въ справедливости иностранцу, если находили его дѣло справедливымъ. Онъ принялъ его просьбу и велѣлъ произвести по ней тщательное разслѣдованіе. Слѣдствіемъ было то, что нашли совѣтъ казанскаго университета превысившимъ свою власть и по высочайшему рѣшенію Жобару назначено было вознагражденіе въ 32,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы на составленіе этой суммы деньги были вычтены изъ жалованья попечителя и членовъ университетскаго совѣта, подписавшихъ увольненіе Жобара.

Каждый человѣкъ съ здравымъ смысломъ удовольствовался бы этимъ рѣшеніемъ. Но не удовольствовался такой феноменъ какъ monsieur Жобаръ. Какая-то манія овладѣла его умомъ; онъ настаивалъ, что остается по всѣмъ правамъ профессоромъ казанскаго университета и что правительство должно возстановить его на этомъ мѣстѣ. Онъ написалъ вторую просьбу къ государю, благодаря его за великодушное рѣшеніе и прося еще болѣе усилить благодарность просителя возвращеніемъ ему мѣста, столь несправедливо отнятаго у него.

Этого императоръ Николай сдѣлать не заблагоразсудилъ.

Жобаръ не принимаетъ отказа даже и отъ всероссійскаго императора. Онъ подалъ его величеству третью просьбу.

Царь „больше изъ сожалѣнія, чѣмъ съ досады“ послалъ сказать Жобару, чтобы тотъ болѣе не беспокоилъ его подобными просьбами, и около этого времени отправился въ Москву.

Николай иѣшкомъ шелъ сквозь густую толпу народа въ церковь, какъ вдругъ кто-то подаетъ ему бумагу; бумага была прошеніе и проситель—Жобаръ.

Императоръ съ добродушной улыбкой прошелъ мимо. Полицейскій, замѣтившій происходившее, арестовалъ Жобара и тотъ былъ отправленъ въ полицейскую контору для допроса.

Кажется однако, что императоръ отдалъ приказаніе, чтобы француза возможно щадили. Его продержали лишь съ недѣлю въ особой комнатѣ при полицейскомъ управленіи въ надеждѣ, что короткій арестъ приведетъ его въ себя.

Но и здѣсь Жобаръ выказалъ себя упрямымъ и сварливымъ,

какимъ былъ въ университетѣ. Каждому арестанту принято въ Россіи выдавать, если онъ того пожелаетъ, по нѣскольکو копѣекъ на дневное пропитаніе. Жюбару пришло въ голову потребовать эту лепту себѣ. Полицейскій офицеръ принялъ такое требованіе за шутку и на спросъ подалъ ему серебряную монету, стоявшую въ пять разъ болѣе, чѣмъ сколько полагалось на арестантскій паекъ.

— Какъ! вскрикнулъ Жюбаръ, — такъ-то вы поступаете съ людьми, обвиняемыми въ тяжкомъ нарушеніи закона? Знаете ли вы, сударь, чему подвергаетесь вы, давая мнѣ несравненно болѣе того что положено по закону? Благодарите небо, что я не хочу повредить вамъ. Идите, сударь, и принесите мнѣ тотчасъ точъ въ точъ сколько полагается, ни больше ни меньше.

Полицейскій офицеръ, вѣроятно впервые въ своей жизни встрѣтившійся съ человѣкомъ такого закала, почелъ затылокъ и съ этого времени регулярно приносилъ арестанту каждое утро слѣдовавшіе ему по положенію 6—7 фартинговъ, которые Жюбаръ положилъ хранить въ знакъ памяти о своемъ плѣнѣ.

Какъ это ни странно, но Жюбаръ зналъ русскіе законы также хорошо какъ свой *pater postor* и пользовался этимъ, чтобы мучить подобнымъ описанному образомъ даже судейскій и полицейскій міръ. Разъ Жюбаръ, будучи позванъ въ допросную комнату при полицейскомъ управленіи, занятый своими дѣлами и погруженный въ глубокую думу, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, забывъ снять шляпу. Дежурный офицеръ подошелъ къ нему съ сердитымъ видомъ и повелительно замѣтилъ:

— Милостивый государь! Вы забываете, что это правительственное учрежденіе — судъ. Смѣю замѣтить вамъ, что вмѣстѣ и неприлично и непочтительно прогуливаться здѣсь въ шляпѣ.

— Вы правы, милостивый государь, отвѣчалъ спокойнымъ тономъ Жюбаръ, снимая шляпу. — Я сдѣлалъ это по разсѣянности и благодарю васъ за напоминаніе.

Нѣсколько часовъ спустя, по окончаніи присутствія, тотъ же офицеръ, оставшись одинъ въ комнатѣ съ Жюбаромъ, началъ отъ скуки слегка напѣвать и насвистывать.

— Милостивый государь! сказалъ Жюбаръ, подражая ему въ

голосъ и приѣмахъ, — смѣю замѣтить вамъ, что это правительственное учрежденіе — судъ. И я полагаю, что со стороны вашей, какъ лица находящагося на правительственной службѣ, виѣстѣ и весьма неприлично и непочтительно забыться въ такой степени, чтобы напѣвать и насвистывать въ подобномъ мѣстѣ.

Офицеръ смолкъ въ ту же минуту и не зналъ куда глядѣть отъ замѣшательства. Наступилъ вечеръ; офицеръ подумалъ, что недурно закурить трубку и поразвлечъ скуку нѣсколькими затажками табаку. Едва однако пришлось ему затянуться нѣсколько разъ, какъ Жобарь остановилъ его словами: „Милостивый государь! Смѣю замѣтить вамъ, что это судъ, и курить, какъ вы это должны знать, въ высшей степени непристойно въ подобномъ мѣстѣ. Меня удивляетъ, милостивый государь, что вы подаете такой дурной примѣръ окружающимъ васъ“.

Офицеръ потушилъ трубку, съ сердцемъ бросилъ ее въ уголокъ комнаты и разстегнулъ свой узкій мундиръ, чтобы вздохнуть нѣсколько свободнѣе и дать просторъ поднимавшимся въ немъ чувствамъ, которыя онъ не смѣлъ выразить въ словахъ.

Неумолимый Жобарь подошелъ къ нему вновь. — „Вы забываете, сударь, сказалъ онъ, — что это правительственное учрежденіе, судъ — храмъ правосудія, и что здѣтъ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, должно наблюдаться приличіе въ одеждѣ. Моя обязанность наомнить вамъ, что вы позволяете себѣ непростительный поступокъ, разстегнувъ свой мундиръ, булучи на дежурствѣ. Прошу васъ тотчасъ же, милостивый государь, привести въ порядокъ ваше платье“.

Несчастный офицеръ нашелся въ необходимости провести всю ночь въ тѣснѣвшемъ и душившемъ его мундирѣ, мѣшавшемъ ему даже вздремнуть, сидя на стулѣ, что иначе онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы.

Въ другой разъ позванный къ отвѣту въ одинъ изъ судовъ, Жобарь рѣшительно отказывался отвѣчать что либо на предлагшіеся ему вопросы.

— Милостивый государь, сказалъ судья, — я приглашаю васъ отвѣчать на предлагаемые вамъ вопросы.

— А я, милостивый государь, отвѣчалъ впервые тутъ прер-

вашей молчаніе Жюбаръ, — приглашаю васъ велѣть принести мнѣ стулъ. Вы забыли, что я имѣю право на это, какъ полковникъ русской службы. Если бы вы побольше оказывали уваженія законамъ, вы предложили бы мнѣ его часъ назадъ.

Стулъ былъ принесенъ, Жюбаръ сѣлъ, не говорилъ ни слова попрежнему, не смотря на всѣ увѣщанія и угрозы.

Жюбаръ былъ непреклоненъ въ своемъ упрямствѣ и настойчивости. Послѣ разныхъ допросовъ и дней, проведенныхъ при полицейскомъ управленіи, онъ наконецъ былъ освобожденъ съ тѣмъ, чтобы остерегался вновь докучать властямъ.

Повѣрять ли этому? Первое что сдѣлалъ онъ по освобожденіи была подача пятой просьбы государю, съ жалобой на притѣсненія, которымъ онъ, Жюбаръ, подвергся.

— Это рѣшительно сумасшедшій! замѣтилъ императоръ, получивъ прошеніе. — Пусть освидѣтельствуютъ его врачи, и если окажется, что онъ дѣйствительно нездоровъ, то пусть оказана будетъ ему возможная помощь.

Московскій оберъ-полиціймейстеръ, на основаніи этого, послалъ Жюбара въ частное заведеніе для умалишенныхъ, гдѣ собрался консилиумъ для освидѣтельствованія состоянія умственныхъ способностей француза. Пока продолжалось предварительное совѣщаніе, одинъ изъ докторовъ, войдя въ комнату и увидавъ стоявшаго у окна Жюбара, котораго онъ принялъ за одного изъ посѣтителей, указалъ ему въ саду на пациента, видъ котораго почти не отличалъ сумасшествія, но который воображалъ себя „русскимъ императоромъ.“

— Да, милостивый государь, отвѣчалъ Жюбаръ, — странно, не правдѣ ли какъ иные безумцы съ виду кажутся въ своемъ умѣ? Не замѣчаете ли вы чего нибудь во мнѣ особеннаго?

— Ничего! отвѣчалъ докторъ, не догадывалась съ кѣмъ ведетъ бесѣду.

— Ну, такъ вотъ видите: на вашъ взглядъ я въ своемъ умѣ, а мнѣ говорятъ, что я сумасшедшій, потому что воображаю себя профессоромъ казанскаго университета.

Докторъ въ изумленіи отступилъ назадъ и пошелъ сообщить другимъ результатъ наблюденій надъ свидѣтельствуемымъ, выне-

сенный имъ. Разстройство ума Жюбара не было достаточно доказано и сверхъ того частныя приказанія государя приписывали падить его, и такъ, послѣ 5—6 дней, проведенныхъ въ заведеніи для умалишенныхъ, онъ былъ отвезенъ въ домъ московскаго генераль-губернатора, кн. Голицына, добродушнаго старичка, знавшаго Жюбара лично. Кн. Голицынъ употребилъ всё усилія, чтобы склонить Жюбара покориться рѣшенію властей. Жюбаръ спросилъ его превосходительство, обращается ли онъ къ нему какъ генераль-губернаторъ, или какъ частное лице. Кн. Голицынъ увѣрилъ его, что имъ руководить личное участіе къ нему, Жюбару, и что на этомъ основаніи онъ беретъ на себя дать ему совѣтъ. Жюбаръ не уступалъ.

— Берегитесь, Жюбаръ, это окончится дурно! замѣтилъ старичекъ, почти со слезами на глазахъ.—Я скажу вамъ, что съ вами, право, надобно обходиться какъ съ ребенкомъ и употребить въ дѣло розгу.

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ Жюбаръ, — имъ сдастся, что розга не исправитъ меня. Я увѣренъ, вы найдете, что спина у меня также тверда, какъ голова.

— Въ такомъ случаѣ, сказала генераль-губернаторъ, — собирайтесь къ отъѣзду. Вы должны быть высланы изъ Россіи.

Жюбаръ собрался въ дорогу, но по вѣзвращеніи домой онъ написалъ *шестое* прошеніе къ государю. По видимому, онъ зналъ что ожидаетъ его и потому, пославъ прошеніе, отправился съ прощальнымъ визитомъ къ знакомымъ, а дома, для тѣхъ кого онъ не застанетъ, оставилъ карточку съ слѣдующею надписью:

„Жюбаръ, профессоръ казанскаго университета, отправленный на границу съ жандармомъ.“

Онъ не ошибся. Императоръ рѣшился выслать его изъ страны. Дано было приказаніе отправить его на границу.

Однажды вечеромъ московскій оберъ-полиціймейстеръ является къ нему на квартиру съ двумя жандармами. Жюбаръ тотчасъ вскочилъ и облекся въ полную форму профессора казанскаго университета—шпага на боку, крестъ въ петлицѣ и трехъугольная шляпа на головѣ.

— Любезнѣйшій мой господинъ, сказалъ съ возможною ласко-

востью и любезностью оберъ-полиціймейстеръ, — я пришелъ исполнить очень неприятную обязанность. Мнѣ бы хотѣлось исполнить ее сколько возможно щадя ваши чувства. Зная упорство вашего характера, я совѣтую вамъ, какъ другъ, не сопротивляться ничѣмъ тому, что я долженъ предпринять. Я уполномоченъ связать вамъ, что вамъ бояться нечего и что въ дорогѣ будетъ оказано вамъ возможное вниманіе. Соберите ваши вещи. Экипажъ и спутники ждутъ васъ на дворѣ.

— Милостивый государь, отвѣчалъ Жобарь, — вы употребляете слово *другъ* всуе; нѣтъ рѣчи о дружбѣ между нами. Вы исполняете вашу обязанность, я свою. Я поклялся не подчиняться тому, на что я смотрю какъ на несправедливость, и не оставлю Россіи, даже не сдѣлаю шагу изъ этой комнаты по доброй волѣ. И такъ, поступайте какъ сочтете нужнымъ.

Оберъ-полиціймейстеръ пожалъ плечами и позвалъ своихъ спутниковъ. Жобара вынесли изъ комнаты силою и посадили въ кибитку. Онъ былъ увѣренъ, что его убьютъ дорогою и даже говорилъ въ этомъ духѣ пріятелю, отъ котораго я слышалъ большую часть этихъ подробностей. Этотъ пріятель, спустя нѣсколько времени, получилъ, однако, отъ него письмо, въ которомъ онъ называетъ жандармовъ славными нарами, говоритъ что съ ними обходились какъ нельзя лучше и что спутники угостили его даже шампанскимъ на послѣдней станціи предъ границею.

Что послѣ приключилось съ пресловутымъ Жобаромъ, я не знаю, да не интересуюсь и знать. Я рассказывалъ его исторію и окончилъ съ нимъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

	Стран.
Екатерина I	1
Марта, маріенбургская пльницца—1. Государыня Екатерина Алексѣевна—8. Императрица Екатерина—17.	
Петръ II.	28
Великій князь Петръ Алексѣевичъ—28. Меншиковъ регентъ—32. Великая княжна Наталья Алексѣевна—44. Господство Долгорукикъ—51. Государыня-невеста Екатерина Алексѣевна—56.	
Анна Ивановна	65
Вдовствующая герцогиня Курляндская—65. Императрица Анна—71. Анна и Биронъ—75. Анна Леопольдовна—81.	
Иванъ Антоновичъ	88
Биронъ-регентъ—88. Елисавета Петровна—95. Правительница Анна—104.	
Елисавета Петровна	108
Восшествіе на престоль—111. Елисавета-женщина—117. Елисавета-правительница—129.	
Петръ III	138
Великій князь Петръ Ѳедоровичъ—138. Супруга Петра Ѳедоровича—147. Полугодное царствованіе—159.	
Екатерина II	169
Шлиссельбургскій узникъ—169. Братья Орловы—182. Потемкинъ—192. Екатерина какъ женщина и императрица—205. Духовный міръ Екатерины—216. Два періода—228.	
Павель I	240
Дѣтство Павла—240. Цесаревна Наталья Алексѣевна—247. Императрица Марія Ѳедоровна—254. Гатчино—258. Воцареніе—268. Реформы—278.	

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Александръ I	294
Императоръ Александръ I—294. Священный союзъ—315. Вопросъ о престолонаслѣдіи—331. Послѣдніе годы царствованія Александра I 349.	
Николай I.	367
Вступленіе на престоль—367. Николай какъ правитель—384. Личность императора Николая—385. Императоръ Николай въ отношеніи къ окружавшимъ—392.	

ПРИЛОЖЕНІА.

Преемники Петра—401. Приглашеніе Ж. Ж. Руссо графомъ Орловымъ въ Россію—408. Разсказъ великаго князя Павла Петровича о видѣннн ему Петра I—410. Николай I и французъ Жобарь—418.

